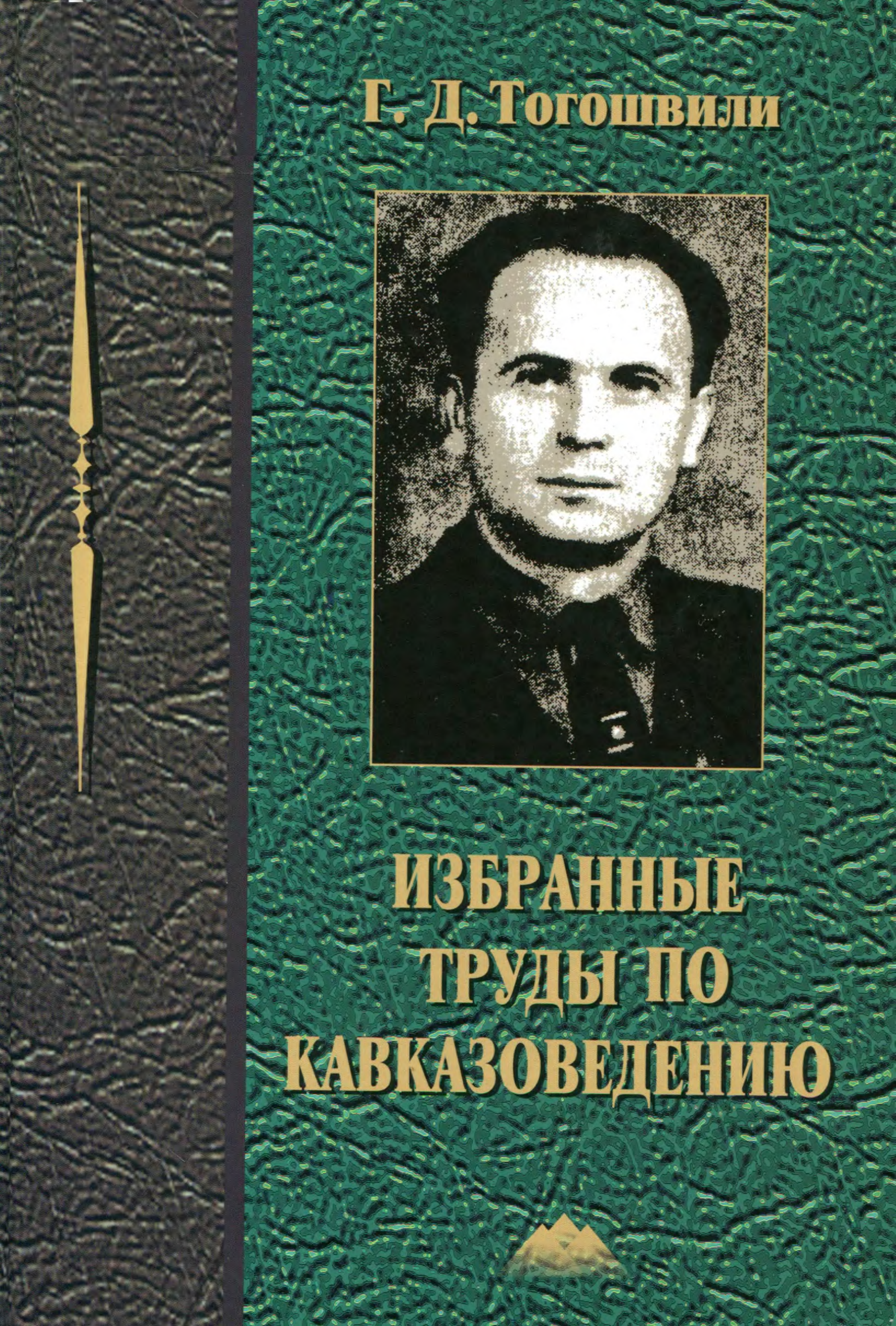

Г. Д. Тогошвили
ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ ПО
КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО-Алания
Отдел культурной антропологии южных осетин ВНЦ РАН и РСО-Алания
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-Алания

Г. Д. Тогошвили

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

ТОМ
1

Ответственный редактор
Л.А. ЧИБИРОВ

Владикавказ
2012

Президиум Владикавказского научного центра благодарит генерального директора ООО «Ирис» (Москва) Эдуарда Александровича Цховребова за подготовку к изданию трудов проф. Г.Д. Тогошвили в двух томах

Перевод с грузинского Н.М. Хабалова

Составление, вступительная статья,
редакция и примечания,
систематизация научного аппарата –
кандидаты исторических наук А.А. Цуциев и А.Л. Чибиров

Тогошвили Г.Д.

Т–50 Избранные труды по кавказоведению: Т. 1/ Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО–Алания; Отд. культурной антропологии южных осетин ВНЦ, РАН и РСО–Алания – Владикавказ: Ир, 2012 – 479 с.

ISBN 978-5-7534-1326-0
ISBN 978-5-7534-1322-2 (т.1)

В книгу вошли три монографии в переводе на русский язык, посвященные грузино-осетинским взаимоотношениям с древнейших времен по XX столетие.

Широко используя исторические источники (преимущественно грузинские) и литературу вокруг темы, автор воссоздает цельную понораму взаимоотношений двух соседних народов на протяжении тысячелетий.

Т $\frac{0503020900-38}{М131(03)-12}$ 26 –12

63.3(531)

ISBN 978-5-7534-1326-0
ISBN 978-5-7534-1322-2 (т.1)

Г.Д. Тогошвили и его кавказоведческие исследования

День 23 ноября 1989 г. вошел в историю нашего народа как черная дата. С этого дня началась необъявленная война гамсахурдиевской Грузии против Южной Осетии, продолжавшаяся до 12 августа 2008 г.

В тот ноябрьский день мы прощались с крупным ученым-историком, одним из лучших представителей осетинской научной интеллигенции Георгием Давидовичем Тогошвили. Тогда мы по горячим следам еще не осознавали, какую невосполнимую утрату понес осетинский народ, историческое кавказоведение. Но сегодня, по прошествии двух десятилетий со времени ухода из жизни ученого, смело можно сказать: в лице профессора Тогошвили Осетия потеряла достойного сына, патриота, интернационалиста, ученого, заслуги которого перед исторической наукой неизмеримо велики. Он оставил после себя трактаты по истории народов Кавказа, особенно по грузино-осетинским историческим взаимоотношениям, благодаря которым стал в ряд выдающихся исследователей истории Кавказа. Труды Г.Д. Тогошвили стали ценным вкладом, как в грузинскую, так и в осетинскую историографию. Уход Георгия Давидовича стал большим уроном для исторической науки Грузии и Осетии.

О причинах, ускоривших уход ученого из жизни, будет сказано и ниже, пока же – краткая биографическая справка об авторе публикуемых трудов.

Жизненный путь Георгия типичен для большинства его сверстников советской эпохи. Он был родом из высокогорного с. Тогойтикау, что в Дзимрском ущелье Южной Осетии. В поисках лучшей жизни его родители переселились в большое грузинское селение Квемочала (Каспский район Грузии), основав родовой квартал – Тогояни (на грузинский лад). Здесь в бедной многодетной семье в

Башня Тогоевых в Дзимрском ущелье

марте 1932 г. родился будущий ученый. Матери пришлось очень трудно: отец семейства погиб на фронте, оставив на ее попечение четверых детей.

По окончании Квемочальской средней школы Георгий поступил на исторический факультет Горийского педагогического института. Вуз он окончил с отличием и сразу же был направлен в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН ГССР. Здесь под руководством известного ученого профессора З.В. Анчабадзе защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (1959).

После защиты молодой перспективный ученый был оставлен в институте в должности младшего научного сотрудника. С 1961 г. он — старший научный сотрудник, а с 1977 г. до ухода из жизни (1989) — заведующий отделом истории народов Северного Кавказа. Как авторитетный член коллектива Г.Д. Тогошвили в течение 12 лет возглавлял партийную организацию института, состоял членом специализированного Совета по защите диссертаций. Г.Д. Тогошвили — неоднократный участник республиканских, всесоюзных, международных сессий, конференций, симпозиумов.

Подавляющее большинство научных исследований Георгия Давидовича посвящены грузино-осетинским историческим отношениям с древнейших времен до начала XX в. Написанные на основе фактологического архивного материала, извлеченного из грузинских, византийских, латинских источников, они стали весомым вкладом в историографию Осетии, явились образцом подлиннного научного подхода к объекту исследования. Правы авторы послесловия к книге «Сослан-Давид» историки Б.П. Березов и В.С. Уарзиати, когда пишут: «Многочисленные грузинские источники по этой теме никто из ученых до Г.Д. Тогошвили не подверг такому тщательному и скрупулезному изучению». В итоге прекрасное знание грузинского языка и талант исследователя помогли ему создать солидные труды по этой научной проблеме.

Первая его монография «Из истории грузино-осетинских отношений с древнейших времен по конец XIV в.» была опубликована в 1958 г., а в следующем году он защитил ее как кандидатскую диссертацию. Вторая монография «Грузино-осетинские отношения в XV–XVIII вв.» была опубликована в 1969 г., а через два года (1971) на базе этих двух монографий Георгий Давидович защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук. В третьей монографии история грузино-осетинских взаимоотношений доведена до начала XX в., т.е. до 1921 г.

В результате многолетней научной деятельности разрабатываемая им проблема была исследована исчерпывающе. Автор доказал, что грузино-осетинские исторические взаимоотношения имели дли-

тельный и многоаспектный (военно-политический, экономический, этнокультурный) характер, что исторические судьбы двух соседних народов были переплетены в прошлом теснейшим образом. Много внимания в книге уделено переселению части осетин с северного склона Кавказа и их расселению на территории Южной Осетии и Грузии, происходившему на протяжении всего средневековья, вопросам борьбы за национальное и социальное освобождение и развитию экономических и культурных связей.

Научная ценность книг Г.Д. Тогошвили видится в следующем.

Во-первых, для них характерен широкий тематический охват, а хронологический диапазон простирается с древнейших времен до начала XX в. Во-вторых, грузино-осетинские взаимоотношения в них рассмотрены не изолированно, а в контексте взаимоотношений Грузии с народами Северного Кавказа и России. В-третьих, специфичность темы исследования позволила автору рассмотреть и проанализировать некоторые аспекты в вопросах этногенеза и этнической культуры осетинского народа. В-четвертых, исследования, хотя и базируются на письменных источниках, но широко используют данные смежных наук: археологии, нумизматики, этнографии, фольклористики. В-пятых, монографии содержат текстологический анализ исторических источников, работ известных авторов античной и последующих эпох (Плиний Старший, Иосиф Флавий, Корнелий Тацит, Флавий Арриан, Прокопий Кессарийский, Николай Мистик, Мовсес Хоренаци, Масуди, Ибн Рустэ и др.) И, наконец, в-шестых, отдавая должное этим материалам, тем не менее следует особо подчеркнуть, что основу книг Г.Д. Тогошвили составили в первую очередь сведения о грузино-осетинских исторических взаимоотношениях, содержащиеся в известной грузинской летописи «Картлис цховреба».

Таким образом, введя в научный оборот богатейшие источники и существующую вокруг вопроса литературу, Г.Д. Тогошвили впервые в научной литературе удалось воссоздать объективную картину грузино-осетинских экономических, политических и культурных взаимоотношений на протяжении тысячелетий их соседства, удалось уточнить ряд спорных вопросов исторической географии Кавказа, пролить дополнительный свет на проблему расселения грузин и осетин.

Кроме перечисленных монографий, перу Г.Д. Тогошвили принадлежит немало и других трудов.

В 1977 г. ученый издает четвертую книгу о грузино-осетинских исторических отношениях «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». В ней он подвергает подробному текстологическому анализу работу известного грузинского историка второй половины XVIII в. Вахушти Багратиони. Книга Тогошвили содержит весьма

интересные сведения по истории Осетии и осетин, в ней критически рассматриваются взгляды Вахушти на основные этапы исторического развития осетинского народа. Особая значимость работы видится и в публикации выявленных в архивохранилищах средневекового герба и первой рукописной карты Осетии (первая половина XVIII в.), представляющих исключительную ценность для нашей истории.

Перу Г.Д. Тогошвили принадлежит работа, посвященная анализу взглядов древнегрузинского историка Леонтия Мровели на Осетию и осетин.

Однако венцом научного и жизненного пути профессора Г.Д. Тогошвили стала его широко известная книга «Сослан-Давид». Монография показала высокий исследовательский талант и исключительную научную добросовестность ее автора.

Идея написания специальной работы о Сослане-Давиде пришла к Георгию Давидовичу, когда он, работая над книгой о Вахушти, натолкнулся на крупную историческую фальшивку, связанную с происхождением супруга и соправителя Тамары, Сослана-Давида. А суть вопроса в следующем.

Первый историк царицы Тамары, автор книги «История и восхваление венценосцев», называл Давида-Сослана витязем, могущественным и сильным в боях, считал его осетином (овсом), хотя и доводившимся царице Русудан родственником по линии ее тетки, дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию. В том же духе высказывается другой историк эпохи Тамары — Басили. А вот в «Летописи времен Лаша-Георгия» говорится, что Сослан-Давид был царем из родни Багратионов. Родство Сослана с Багратидами отметил и армянский автор Мхитар Гош, но это родство шло по линии матери Тамары, Бурдухан По мнению Тогошвили, обе версии оправданы и не противоречат друг другу, если учесть интенсивные грузино-осетинские политические взаимоотношения и частые династические браки между представителями правящих домов Грузии и Осетии.

Совершенно другую картину происхождения Сослана-Давида предлагает Вахушти. По его надуманной версии, Сослан-Давид происходит от Дмитрия, сына грузинского царя Георгия. Дмитрий добивался престола, но безрезультатно. Вахушти же рассказывает, будто он погиб, но у него остался малолетний сын, которого бабушка (осетинка) забрала в Осетию. Здесь его усыновил осетинский царь и затем выдал за него свою дочь. У них родился сын, который стал царем Осетии, будучи правнуком Дмитрия и отцом Сослана-Давида. Вторым браком царя женили на бездетной тетке Тамары, которая привезла в Тифлис сына своего супруга и дала ему воспитание.

Как видно, взгляды историков времен Тамары и Вахушти кардинально расходятся. Однако версия Вахушти получила распространение во всей грузинской специальной литературе, вошла и в новые рукописи «Картлис цховреба», а в старых рукописях версия Вахушти была вписана на полях в соответствующих местах.

Соблюдая научный такт, Г.Д. Тогошвили блестяще доказал, что версия Вахушти не имеет никакого отношения к действительности, она не подтверждается ни старыми грузинскими, ни армянскими, ни какими-либо другими источниками и представляет плод личного творчества Вахушти.

Серьезную опору в подтверждение своих выводов Георгий Давидович получил от В.И. Абаева, издавшего в 1982 г. работу «Происхождение осетинских фамильных имен Царазонта и Агузата» (ЛО, 1982, № 60). Вот как объясняется им причина, толкнувшая Вахушти на искажение истории: «Принадлежность Сослана к роду Царазонта во времена Вахушти, — пишет В.И. Абаев, — не заключала уже ничего почетного и не оправдывала того, что он стал мужем Тамары. Брак, который был равным в XI в., стал в XVIII в. казаться браком неравным, мезальянсом». И далее: «Вахушти Багратиони не мог допустить, чтобы Тамара вышла замуж за «простого» осетина. Надо было задним числом исправить положение. Снять с царя пятно мезальянса — вот та высокая цель, ради которой Вахушти и его последователи не остановились перед тем, чтобы «исправить исторические факты».

Искажение истории, допущенное Вахушти, — не единственный случай такого рода. Подобной болезнью грешили и некоторые другие грузинские исследователи последующих времен, которые, стараясь приукрасить историю своего народа, принижали в ней роль представителей других народов. В этом плане Г.Д. Тогошвили критиковал историка П. Ингороква. Последний уверял, будто упоминание имени Давида в эпилоге поэмы «Витязь в тигровой шкуре» как царя грузин сделано кем-то другим, а не самим Руставели. На этом основании он делает, как писал Георгий Давидович, смелую хирургическую операцию, исправляет в тексте эпилога слово «Давид» на «Тамар». В таком виде была издана поэма с текстологическим исследованием П. Ингороква. В высоком полемическом духе Г.Д. Тогошвили разбирает и другие произведения, связанные с эпохой Тамары и Сослана-Давида.

Работу над рукописью книги Георгий Давидович завершил в середине 80-х годов, но по понятным причинам он не торопился с ее публикацией. Первый раз она появилась на страницах осетинского журнала «Фидиуаг», а русский рукописный вариант ходил по рукам. Когда информация о книге просочилась в Тбилиси, то в определенных кругах начались гонения на ученого.

В конце 1988 г. Георгий Давидович отважился выступить с докладом о происхождении Сослана-Давида на научной конференции в г. Сухуме. Успех был сенсационный, ученые слушали его с большим вниманием. Но когда объявили антракт, его окружили коллеги из Тбилиси и дали ему настоящий бой: им и тема доклада была не по душе, еще больше не понравилось, что с докладом он выступил в Абхазии, в которой уже бурлили антигрузинские настроения.

После этого началась открытая травля ученого. Георгия Давидовича оскорбляли, унижали, преследовали его детей, осуждали его труды. В результате здоровье его, на которое он жаловался и раньше, явно ухудшилось. К тому же политическая обстановка, сложившаяся в Грузии к этому моменту, была уже достаточно накалена, особенно с приходом к власти Гамсахурдиа, когда началась неслыханная антиосетинская истерия.

Между тем книга «Сослан-Давид» — одна из лучших работ последних десятилетий по истории осетинского народа, если не самая лучшая. О ее ценности и значимости весьма убедительно сказано в следующем кратком отзыве В.И. Абаева:

«*Превосходный труд. Его достоинства:*

1. Отличное знание первоисточников — грузинских и армянских письменных памятников эпохи царицы Тамары и Давида-Сослана.

2. Огромная эрудиция; ничего заслуживающего внимания из научной литературы по теме не упущено автором.

3. Высокий полемический накал при строгом соблюдении научной корректности и такта.

Опубликование книги будет крупным событием, как в осетинской, так и грузинской историографии.

Кое-где встречаются повторы, которые легко устранимы.

Профессор В.Абаев. 06.11.1986».

Тем временем политический климат в Грузии становился все неблагоприятнее. Восстановив меньшевистский флаг и День независимости, Гамсахурдиа решил отметить праздник на всей територии Грузии, в том числе и в Южной Осетии, где ненавидели меньшевиков — организаторов первого геноцида. Чтобы избежать осложнений, погасить пламя разгорающегося грузино-осетинского противостояния, местные власти предприняли ряд мер, в том числе выступления на страницах прессы. Георгию Давидовичу и мне было поручено подготовить соответствующий материал для прессы. Мы просидели у нас дома до позднего вечера и написали объемную статью. Под названием «Трудное испытание» она была опубликована в областных газетах на осетинском, грузинском и русском языках. Эта была последняя услуга тяжелобольного ученого родному народу.

Тем не менее, как ни старалось областное руководство, день 26 мая не обошелся без эксцессов в Цхинвале.

В том же 1989 г. меня избрали ректором Юго-Осетинского педагогического института. В сентябре я пригласил Г.Д. Тогошвили в институт на должность профессора кафедры истории. Он нужен был институту. К тому же очень хотелось поддержать его. В ответ от уже тяжелобольного друга получил последнее письмо, судя по которому он чувствовал свой скорый уход из жизни. «*Дорогой Людвиг, — писал он, — большое спасибо за штат. Эта большая моральная поддержка для меня. Почувствовал, что, несмотря на тяжелое положение, в котором я нахожусь, друзья мои верят, что смогу вернуться к нормальной жизни. Действительно оказался в очень сложном положении. Все недуги одновременно перешли в наступление против меня, и пока не знаю, спасусь от них или нет*». Далее он интересовался судьбой учебника истории южных осетин, одним из авторов которого был он.

Так писал прикованный к постели Г.Д. Тогошвили в середине октября 1989 г. А спустя месяц его не стало.

Георгию Давидовичу не могли простить его последнюю книгу «Сослан-Давид». 18 ноября он смотрел по телевидению репортаж с заседания гамсахурдиевского парламента. В пике антиосетинской истерии выступил небезызвестный поэт Джансуг Чарквиани. Он начал обливать грязью Тогошвили — «неблагодарного» воспитанника грузинской исторической школы и сравнил его книгу «Сослан-Давид» (тогда еще ходившую в рукописи по рукам) с «Майн кампф» Адольфа Гитлера. Через несколько часов после этого «спектакля» ученый скончался.

Таким образом, грузинская политическая элита конца 80-х годов ускорила уход ученого из жизни. А ведь тогда ему исполнилось всего 57 лет! Для ученого это возраст расцвета, зенита его творчества. Трудно даже представить, сколько он мог еще сделать для науки, если бы не ушел так рано из жизни, сколько новых задумок, сколько незавершенных исследований было прервано!..

Г.Д. Тогошвили относится к плеяде незаурядных творческих личностей, в которых органически сочетаются талант большого ученого и необыкновенные человеческие качества. Он покорял окружающих своим обаянием, благородством, исключительной добротой и порядочностью, был человеком большого сердца и широкой души. Доброе отношение к коллегам, и вообще к людям, вкупе с требовательностью, компетентностью, были яркими чертами его характера.

Георгий Давидович был не только выдающимся ученым. Он обладал организаторским талантом. Возглавив отдел истории народов Северного Кавказа Института истории, археологии и этногра-

фии АН ГССР в 1977 г., он продолжил лучшие традиции грузинской науки по исследованию исторических взаимосвязей между народами Кавказа, а свой отдел превратил в центр разработки этих проблем.

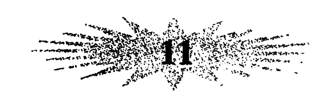
Исключительно велики заслуги Г.Д. Тогошвили в деле формирования научной интеллигенции среди народов Кавказа. Он руководил аспирантами из различных регионов Кавказа, многие из которых вышли затем на широкую научную дорогу. Профессор Г.Д. Тогошвили неоднократно привлекался к оппонированию докторских и кандидатских диссертаций. В многочисленных научных центрах Северного Кавказа его внимание и заботу ощутили на себе многие молодые ученые, аспиранты, соискатели, стажеры. Одним он редактировал книги, для других был научным руководителем, для третьих – оппонентом, консультантом. Вот что пишет известный дагестанский ученый, доктор исторических наук, профессор М.Р. Гасанов: «Профессор Г.Д. Тогошвили был замечательным человеком, истинным интернационалистом. Не будет преувеличением сказать, что он был гением доброты, настоящим горцем в полном смысле этого слова. Каждая моя встреча с ним в течение многих лет (впервые познакомился с ним в 1963 г., будучи аспирантом в Тбилиси) была не похожа на предыдущую, отличалась каким-то особенным штрихом, была согрета теплотой его искреннего отношения. Необычайное личное обаяние, светлый и острый ум, огромная доброжелательность и простота снискали ему искреннюю любовь и глубокое уважение ученых, коллег, студентов и всех тех, с кем ему приходилось хотя бы однажды встретиться». Думается, под такой характеристикой личности Г.Д. Тогошвили подпишется любой, кто знал его.

Профессор Г.Д. Тогошвили был истинным патриотом своего народа. Никогда прежде не изучая осетинский язык, он самостоятельно овладел им в совершенстве. Еженедельные приезды в Цхинвал доставляли ему большую радость и успокоение.

Место, занимаемое Г.Д. Тогошвили в историческом осетиноведении и грузиноведении, – высокое и почетное. Его научное наследие нуждается во всестороннем и тщательном изучении. Созданные им труды переживут века.

* * *

Идея перевода трудов Г.Д. Тогошвили на русский язык витала в умах историков-осетиноведов давно. Особенно востребованы они стали с конца 80-х годов XX в., когда злобная антиосетинская истерия охватила все средства массовой информации Грузии, а обливание грязью многовековых грузино-осетинских исторических отношений стало нормой поведения.

Так уж получилось, что Георгий Давидович оказался единственным из осетин, который, получив образование в школе и вузе на грузинском языке, проработал в головном институте историков Грузии до самой своей кончины. Он в совершенстве владел грузинским языком, имел доступ к архивным источникам, в том числе секретным. Потому его монографический триптих, книги о Сослане-Давиде, Вахушти и другие исследования имеют чрезвычайную ценность.

Однако труды Георгия Давидовича, за исключением книги о царевиче Сослане Царазоне, были недоступны ученым-историкам, осетинскому читателю, не владеющим грузинским языком.

Это обстоятельство побудило нас посодействовать их изданию на русском языке, сделать научное наследие проф. Г.Д. Тогошвили достоянием ученых-специалистов и широкой общественности.

Я завел разговор на эту тему с известным московским меценатом, генеральным директором ООО «ИРИС» Эдуардом Александровичем Цховребовым, благодаря поддержке которого вышел из печати ряд востребованных книг (Рид Г. «Артур – король драконов. Варварские корни величайшей легенды Британии». Владикавказ, 2007; и др.). Он отреагировал положительно и дал добро на то, чтобы я возглавил полезную инициативу. Поиски переводчика увенчались успехом. Им оказался бывший сотрудник Тбилисского политехнического института, кандидат экономических наук, доц. Николай Хабалов. Прекрасно владея и грузинским, и русским языками и будучи близко знаком с покойным Георгием Давидовичем, Николай охотно дал свое согласие. С тех пор прошло больше года, все три монографии ученого уже переведены на русский язык; продолжается работа над переводами других трудов.

Издание работ Г.Д. Тогошвили планируется в двух томах.

Первый том составят три монографии, в которых грузино-осетинские исторические отношения рассмотрены в хронологической последовательности, начиная с древнейших времен до начала XX века.

Второй том открывается книгой «Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах». В этот же том включена монография «Сослан-Давид», логически и концептуально связанная с работой о Вахушти.

За ней следует выполненная совместно с доц. И.В. Хабаловым небольшая работа «Население Осетии».

Долгие годы руководства отделом истории народов Северного Кавказа в Институте истории, археологии и этнографии АН ГССР увенчались созданием целого ряда работ (сборников научных тру-

дов, отдельных журнальных статей, разбросанных по разным изданиям) о народах Северного Кавказа. Все они включены во второй том.

Последнюю главу составили материалы об авторе книги: статья профессора М. Гасанова, послесловие к книге «Сослан-Давид» Б. Березова и В. Уарзиати.

Не все работы ученого, к сожалению, вошли в настоящее издание. Г.Д. Тогошвили вместе с И.Н. Цховребовым издали «Документы и материалы по истории Осетии с древнейших времен по конец XVIII в.» (т. I), снабдив их предисловием, примечаниями и комментариями. Георгий Давидович являлся также соавтором одной из глав «Истории Северо-Осетинской АССР» (т. I), учебного пособия «История южных осетин» и других работ.

К сожалению, после распада Союза прервались связи с Тбилиси, где проживают дочери Георгия Давидовича, и потому многие его работы оказались для нас недоступными. И, вполне естественно, не все научное наследие вошло в двухтомник.

При всей значимости трудов Г.Д. Тогошвили, в них имеются и некоторые спорные положения, не разделяемые его коллегами. В частности, его утверждение, что до XIII в. граница между Грузией и Осетией проходила по Кавказскому хребту. Не отрицая аланского присутствия за хребтом, Г.Д. Тогошвили не разделял мнения об их массовых переселениях в Закавказье в I тыс. н.э. Археологические и другие исследования последних десятилетий позволяют взглянуть на эти спорные вопросы с иной точки зрения. Недостаточно четко и аргументировано мнение ученого и о происхождении двалов. Эти вопросы еще при его жизни дискутировались с коллегами.

Вместе с тем, говоря об этом, не следует забывать о том, в каком обществе жил ученый, в какой атмосфере ему приходилось работать. Нам, современникам Георгия Давидовича, хорошо знакомо, как ревностно относились грузинские историки ко всякого рода историческим фактам, которые не тешили их национальное самолюбие. Для иллюстрации сказанного приведу один пример. В 1971 г. Г.Д. Тогошвили защищал докторскую диссертацию в Тбилиси по грузино-осетинским историческим взаимоотношениям с древнейших времен по конец XVIII в. Заседание Совета началось в 12 часов дня и закончилось в 12 часов ночи! Причина затяжки — ожесточенные дискуссии и нападки на диссертанта из-за вопроса о времени переселения осетин на юг.

При внимательном знакомстве с трудами ученого заинтересованный читатель заметит следующее: местами автор не договаривает до конца свою мысль, но заостряет на ней внимание читателя.

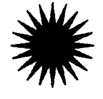
При работе над текстом книги переводчик стремился максимально сохранить язык оригинала. Вызывала много споров лишь форма оформления научных ссылок. Для удобства пользования научным аппаратом ссылки оформлены следующим образом: внутри текста в скобках помещается фамилия автора, год издания работы, страница. Например: (Абаев, 1949. С.78). Полное название цитируемой работы дано в конце каждого тома в приложениях «Источники и литература»; там же список сокращений, примечания и комментарии.

А. Л. Чибиров,
кандидат исторических наук

КНИГА ПЕРВАЯ

Из истории грузино-осетинских взаимоотношений

(с древнейших времен до конца XIV в.)

ВВЕДЕНИЕ

Быстрое развитие ранее угнетенных и бесправных народов в условиях Советской власти вызвало рост их национального самосознания, пробуждение интереса к своему историческому прошлому. Ярким доказательством сказанному является быстрое развитие исторической науки в союзных и автономных республиках.

В этом смысле осетинский народ не является исключением. Общая картина осетинской истории учеными воссоздана давно. Но ряд вопросов этой истории пока еще требует систематического исследования и обработки. К примеру, отношение осетинского народа к своему вековому соседу — грузинскому народу. И если вопросы отношений Осетии с Россией разработаны сравнительно полно, то этого нельзя сказать о грузино-осетинских отношениях. Из-за своей длительности и масштабности эти отношения должны стать предметом специального исследования.

Для изучения истории того или другого народа недостаточно изолированного рассмотрения его исторического прошлого вне органической связи с историями других стран и народов. Ни в одной исторической эпохе народы не жили в условиях абсолютной изолированности. Изучение грузино-осетинских взаимоотношений имеет большое значение еще и потому, что это будет способствовать упрочению братства и дружбы между грузинским и осетинским народами.

Для освещения данного вопроса нами взят определенный исторический отрезок, а именно период с древних времен до конца XIV в. Древнейшее время в данном случае является условным понятием, и мы обращаемся к нему в качестве исходного основания.

Определенные сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях даются в письменных источниках начала нашего столетия. На зачатки этих отношений указывают материалы, относящиеся к II тысячелетию н. э., добытые в результате археологических раскопок на территории Грузии и Осетии.

Хронологически поставленная задача ограничивается XIV в. Изменения, происходившие в характере и масштабах взаимоотношений между грузинским и осетинским народами в XIV в., по нашему мнению, дают основание ограничиться этим периодом. Изменения были связаны с владычеством монголов на Кавказе. Данное обстоятельство означало конец одного и начало нового этапа взаимоотношений. Мы ставим своей целью отобразить первый этап этих отношений.

Естественно, данная работа не застрахована от недостатков. Надо иметь в виду и явную нехватку фактического материала, так как работа является первой попыткой отражения грузино-осетинских взаимоотношений. В этом случае наличие определенных недостатков становится неизбежным. Но было бы ошибкой просто дожидаться того, когда, возможно, и появятся какие-либо дополнительные материалы. И если наступит такое счастливое время, то дальнейшему изучению данного вопроса ничто не помешает.

ГЛАВА I

Краткий обзор литературы и источников

Вопрос грузино-осетинских взаимоотношений до сих пор не стал предметом научного исследования. Тем не менее в публикациях по отдельным вопросам истории Грузии или Осетии исследователи упоминали лишь некоторые аспекты этих отношений.

Наиболее ранние сведения об истории Осетии и ее отношениях с Грузией находим у известного грузинского географа и историка Вахушти Багратиони. В его «Истории Грузии» (Вахушти, 1885) и «Описании царства Грузинского» (Вахушти, 1941) приведены факты политических взаимоотношений, а переселение осетин на территорию Грузии связывается с татаро-монгольскими завоеваниями. Им высказываются интересные соображения и по вопросам истории двалов-осетин.

Сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях, сохранившиеся в грузинских источниках, используются историком С. Бараташвили (Баратов, 1965, 1871, 1871а). По его мнению, династические браки между правящими кругами этих стран совершались по политическим соображениям. Данное обстоятельство превращало осетин в мощный резерв Грузии против врагов с юга (Баратов, 1871. С. 74–75). С. Баратов, разумеется, был неправ, когда называл осетин дикарями. Однако это не помешало ему признать то, что представители этих «дикарей» Сидамон и Ростом примирили враждующих между собой жителей Ксанского и Арагвского ущелий, а сами стали их эриставами (Баратов, 1871. С. 48).

Существующие в старинных источниках сведения об осетинах и Осетии систематизировал доктор права В.Б. Пфаф. Он неоднократно путешествовал по Осетии, изучил существующие источники и литературу о ней. Результатом стал выход трудов: «Материалы для древней истории Осетии» (Пфаф, 1870; Пфаф, 1871), «Народное право осетин» (Пфаф, 1871а; Пфаф, 1872)», «Этнологические исследования об осетинах» (Пфаф, 1871а; Пфаф, 1872) и другие. Подход Пфафа к целому ряду узловых вопросов и их толкование не является научным. По вопросам этногенеза и социальной истории осетин он высказывает много ничем не обоснованных версий. То же самое можно сказать и об описываемых Пфафом конкретных вопросах, касающихся взаимоотношений осетин с соседними странами, особенно с Грузией.

По мнению Пфафа, Осетия, или Алания, никогда не являлась государством в полном смысле этого слова. Начиная со II века нашей эры, грузины, добившиеся преимущества над осетинами, стремились превратить Осетию в феодальное государство грузинского образца. По Пфафу, данная цель частично была достигнута на южных склонах Кавказского хребта (Пфаф, 1870. С.12). Пфаф путает алан с албанами, а столкновение Помпея с албанами представляет борьбой осетин с войсками Помпея на территории Осетии (там же. С. 20).

Такие же ошибочные взгляды имели место у Пфафа на грузино-осетинские взаимоотношения. Он считал, что Алания в период своего политического могущества властвовала над соседними народами Северного и Южного Кавказа (там же. С. 13). Он также считал, что, по сведениям Флавия Ариана, грузины во II в. н. э. подчинялись аланам (там же. С. 28).

Пфаф считал существование феодализма в Осетии бесспорным фактом. По его мнению, феодализм в Осетию привнесли грузинские князья. Грузинские феодалы, обосновавшиеся в Осетии, являлись социальной опорой осетинской династии Багратионов (там же. С. 39, 40).

Несмотря на серьезные недостатки и ошибочные положения, в трудах Пфафа по вопросам осетинской истории есть ряд положительных моментов. Собрав все имеющиеся по этому вопросу материалы, автор способствовал развитию интереса к ним. В этом отношении у него были предшественники в лице Вахушти, Гюльденштедта, Клапрота и других путешественников, публиковавших об Осетии сведения историко-этнографического и лингвистического характера.

Вопросы языка и истории осетин исследовал известный русский ученый либерально-прогрессивного направления академик Вс. Миллер (1848–1913 гг.). Его интересовали все аспекты истории и культуры Осетии. В 1869–1889 гг. он много раз приезжал в Осетию, изучал осетинский язык, быт, культуру, историю. Наиболее интересными являются его «Осетинские этюды», третья часть которых посвящена древнейшей истории Осетии. Вс. Миллер широко рассматривает вопросы взаимоотношений осетин с соседними народами, в том числе и с грузинским. По его мнению, грузинские летописи знают осетин с той поры, когда грузины начали осознавать свою собственную историю. Грузинскую письменную традицию, несмотря на присутствие в ней множества сказочных сведений, можно использовать для выяснения целого ряда вопросов осетинской истории, так как ее сведения подтверждаются сведениями из других источников (Миллер, 1887, III. С. 17, 19). Названный труд Вс. Миллера представляет большой интерес. В нем, помимо детальной разработки вопросов этногенеза осетинского народа, рассматрива-

ются многие аспекты грузино-осетинских взаимоотношений. Автор заостряет внимание на политических отношениях. Он признает факт господства Грузии над Осетией, которое прекращается с нашествием монголов.

Осетины, проживавшие на южных склонах Кавказских гор, подчинялись Грузии со времен Георгия Блистательного. Они совершали совместные походы с грузинами. Часть из них огрузинилась. В отношении же осетин, проживавших на северных склонах Кавказа, отмечал Миллер, грузины со времен нашествий Тимур-Ленга ничего не знают (там же. С. 37–39). Разумеется, что знать об осетинах что-нибудь – это одно, а писать про них – другое. Грузинские историки писали об осетинах только тогда, когда у тех имелись непосредственные взаимосвязи с грузинами. Когда такие взаимосвязи ослаблялись, тогда, разумеется, сокращались сведения в грузинских источниках.

Ряда вопросов грузино-осетинских взаимоотношений касается историк Мосе Джанашвили в некоторых своих трудах: «Об осетинской истории» (Джанашвили, 1895, № 4076), «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» (Джанашвили, 1897), «Картлис цховреба» – «Жизнь Грузии» (Джанашвили, 1905). Осетинской истории он посвятил специальную монографию, но она не была напечатана, а рукопись ее еще не обнаружена.

М. Джанашвили подчеркивает, что, по грузинским летописям, осетинский народ с древнейших времен играл заметную роль среди кавказских народов, имел большое влияние на восточную политику и его дружба с Грузией всегда была благотворной для грузин. С помощью осетин грузины не только отражали нашествия врагов, но и часто достигали Мидии и Парфии (Джанашвили, 1895, № 4076).

М. Джанашвили использовал сведения, сохранившиеся в грузинских исторических источниках, разъяснял и уточнял их, но иногда допускал и неточности. Например, тетю Тамары – Русудан он считал вдовой осетинского царя, а Давида-Сослана считал ее приемным сыном (Джанашвили, 1897. С. 38). В действительности упомянутая тетка Тамары была вдовой султана и воспитательницей своего племянника – Давида. По мнению М. Джанашвили, название «Дарьяльские ворота» происходит не из персидского «Дари-Алан» (Аланские ворота), а из «Дарг-Аланские ворота», где «дарг» по-осетински означает «длинный». Здесь, по его мнению, подразумевалось длинное и узкое ущелье, которое являлось одной из значительных дорог, соединяющих Азию с Европой (Джанашвили, 1905. С. 166–167). Такое объяснение, на наш взгляд, является сомнительным. Грузины не называли осетин аланами, да и сами осетины не называли себя аланами. Следует отметить также, что поэму «Алгузиани» М. Джанашвили считал одним из источников осетинской истории (Джанашвили, 1895, № 4076), считая ее произведением XII в.

В действительности же данная поэма написана в начале XIX в. И. Ялгузидзе.

В начале XX в. большой интерес к изучению истории грузино-осетинских взаимоотношений проявил известный деятель грузинской культуры З. Чичинадзе. Его труд «История Осетии», или «Осетия в грузинских книгах», был первой попыткой показать общую картину истории Осетии и ее взаимоотношений с Грузией в свете грузинских исторических источников. В этом отношении данный труд и сегодня представляет особый интерес, несмотря на то, что в научно-методологическом отношении он не совершенен. Большая заслуга автора состоит в том, что в работе красной нитью проходит мысль о том, что между грузинским и осетинским народами в историческом прошлом существовали прочные дружественные отношения, которые нашли отражение в фактах политической, экономической и культурной жизни. Такие взаимоотношения, по его убеждению, были полезны для обоих народов. Некоторые выдающиеся государственные деятели двух стран, которые осознавали значение этих отношений, стремились к их дальнейшему укреплению и расширению посредством династических браков и установления родственных связей. И если когда-то имело место ослабление этих связей, то, по мнению З. Чичинадзе, это было результатом контрпропаганды врагов, которые таким образом хотели разделить соседние народы и облегчить для себя их завоевание (Чичинадзе, 1913. С. 184).

З. Чичинадзе преувеличивает уровень распространения грузинской культуры в Осетии. По его категорическому заявлению грузинская азбука в то же время была и азбукой осетин, результатом их совместного творчества. Кроме того, распространение христианства в Осетии, по его мнению, случилось тогда же, когда эта вера распространилась в Грузии (там же. С. 44, 62, 63, 67). Подобные соображения не подтверждаются историческими данными, несмотря на то, что влияние передовой грузинской культуры на народы Северного Кавказа, в частности на осетин, ни для кого не является спорным.

Спустя короткое время после выпуска «Истории Осетии» З. Чичинадзе публикует в Тифлисе свой второй труд — «Переселение осетин в Картли и заслуга и забота грузин о них» (Чичинадзе, 1913). В названном труде вопрос переселения осетин с причинно-хронологической точки зрения объясняется неправильно. По мнению автора, после ослабления грузинского царства из Осетии вернулись грузинские учителя и мастера, там воцарились голод и нищета. Голодные и голые осетины перешли в Картли и беспрестанно скитались. Грузинские помещики жалели их и селили на своих землях, а грузинские крестьяне снабжали их скотом, рабочим инструментом, обучали способам обработки земли. Все это происходило, по его мнению, в XVI—XVII вв. (Чичинадзе, 1913. С. 3—14).

Говоря о «заслугах» грузинских помещиков в переселении осетин, З. Чичинадзе отмечает, что осетины не должны забывать эти «заслуги» грузинских помещиков и безропотно служить грузинской меньшевистской власти, т.е. нести тяжелое ярмо эксплуатации грузинских помещиков. З. Чичинадзе не понимал тех глубоких социально-политических и экономических причин, из-за которых осетины переселились в Грузию. Разговор об этих причинах пойдет ниже. Здесь же отметим, что грузинские помещики переселению осетин скорее препятствовали, чем помогали. Они только потом, на последней стадии переселения осетин, обратились к практике заселения осетин на свои земли. И не из чувства жалости или гуманизма, а потому, что этим они увеличивали численность своих крепостных и, следовательно, свои доходы. Жалость, а вернее сочувствие и помощь, при переселении осетин могло проявлять грузинское крестьянство, и действительно, по мере возможности оно и оказывало такую помощь.

С начала XX в. в среде представителей осетинской интеллигенции наблюдается определенный интерес к вопросам истории своего народа. В 1903 г. во Владикавказе публикуется труд А. Кодзаева «Древние осетины и Осетия» (Кодзаев, 1903). Работа изобилует ошибочными представлениями об общественном строе осетин, о вопросах взаимоотношений с соседними народами, распространении христианства и т. д. Автор стоит на позициях буржуазного национализма.

А. Кодзаев считает осетин сильнейшими союзниками грузин с III в. до н. э. При этом он ссылается на некоторые факты, но без всякого объяснения. Отношения Осетии с Византией А. Кодзаев считает более значительным и жизнеспособным явлением, чем с Грузией. Он не принимает во внимание то обстоятельство, что в отношениях Осетии с Византией Грузия являлась связующим звеном, а грузино-осетинские взаимоотношения по своей длительности, характеру и масштабам были более значительными. Труд А. Кодзаева носит компилятивный характер. Материалы, на которые он опирается, до него использовались другими исследователями, поэтому ценность его труда заключается в том, что он показывает пробуждение живого интереса некоторых представителей осетинской интеллигенции к истории своего народа.

Такой же компилятивный характер имеет труд Вано «Иры истори» (Вано, 1913), вышедший на осетинском языке во Владикавказе в 1913 г. Вано идеализирует историческое прошлое Осетии, говорит о фантастической мощи аланов, а грузино-осетинские взаимоотношения представляет в свете непрерывных взаимостолкновений с переменным успехом. По его мнению, царь осетин Урдуре был представителем грузинского царского рода и, когда стал царем в Осетии, то правление Осетией осуществлял на грузинский лад. Урдуре помогал Грузии войсками, а в 1121 г. царица Тамара с согласия

Давида-Сослана присоединила Южную Осетию к Грузии (там же. С. 52).

Представление Вано о процессе переселения осетин на грузинскую территорию во второй половине XIII в. является ошибочным. Эти процессы, за которыми последовало заселение осетин на территорию Внутренней Картли, по его мнению, являлись результатом восстания осетин против грузинских феодалов. Царь грузин завлек Ос-Багатара в Мцхету и убил его, в результате чего покорил Осетию (там же. С. 55). В данном случае Вано путает Ос-Багатара времен переселения осетин (рубеж XIII–XIV вв.) с тем Ос-Багатаром, который, по преданию, жил во времена Вахтанга Горгасала и был убит в противоборстве с ним.

А. Кодзаев считает распространение христианства самым важным событием в истории Осетии. Вано же принятие христианства (по его мнению, в VI в. от Византии) считает отрицательным явлением, ибо в результате принятия христианства, по его мнению, мерой всему стали деньги, что вызвало моральное падение осетинского общества. Подобное утверждение явно беспочвенно, и мы не станем его даже критиковать.

* * *

Научное исследование и изучение истории Осетии началось после установления Советской власти, когда историческая наука окончательно утвердилась на основах марксистско-ленинского учения о закономерностях общественного развития. В результате проведенных в советский период крупных и систематических раскопок на территории Осетии были найдены значительные находки из области материальной культуры. Археологические раскопки свидетельствовали о существовании издавна экономических взаимоотношений Осетии с Грузией и другими соседними странами. Признавая наличие тесных отношений Осетии с Грузией, Г. Кокиев неправильно понимает и объясняет некоторые конкретные факты этих отношений (Кокиев, 1926). К таким фактам относится привязка христианизации осетин к имени святой Нины, датирование переселения осетин в Грузию IV веком, генезис феодализма в Осетии и другие вопросы. Автор находится под сильным влиянием Пфафа.

Достижения советской археологии использованы в труде Б. Скитского «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г.» (Скитский, 1947). Исследователь отмечает активные взаимоотношения аланов-осетин с Грузией. Летопись от века к веку передает описание этих отношений (там же. С. 36). Несмотря на множество приведенных фактов о грузино-осетинских отношениях, труд Б. Скитского все же недостаточно отражает этот интересный вопрос, так как основное место в нем отведено изучению процессов внутреннего развития Осетии.

Некоторые факты грузино-осетинских взаимоотношений приведены в учебнике «История Грузии» (Бердзенишвили и др., 1946). Из-за своеобразного характера данного учебника в нем невозможно было широкое освещение данного вопроса. Академик Ив. Джавахишвили в I, II и III книгах «Истории грузинского народа» рассматривает сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях, сохранившиеся в грузинских исторических источниках. Ряд фактов осетино-грузинских взаимоотношений рассматривается и анализируется в трудах академика С. Джанашия.

В трудах акад. Н.А. Бердзенишвили высказываются научно обоснованные соображения по принципиальным вопросам грузино-осетинских взаимоотношений. Эти отношения он связывает с классовой борьбой, происходившей внутри этих стран, что дает возможность правильной оценки того или другого факта. Он замечает, что «внешняя политика нашей страны в разное время, враждебные или дружеские отношения с соседними народами, войны с иностранными завоевателями или войны с целью захвата других стран теснейшим образом были связаны с классовой борьбой, протекавшей внутри нашего общества. Некоторые из этих процессов были непосредственным результатом такой классовой борьбы. Более того, ни один из них не протекал вне этих общественных явлений» (Бердзенишвили, 1955. С. 155). Исследователь отмечает, что к натиску горских племен, в том числе и осетин, надо подходить с классовой точки зрения (там же. С. 179).

Академик Н.А. Бердзенишвили приводит особо значимые факты, объясняющие переселение осетин в Грузию. Переселение осетин в Картли, в частности в ущелье Лиахвы, с конца XIII в., по его мнению, приобрело характер отечественной войны, в которой каждый класс по-своему оценивал свое положение. Дворяне, чьи землевладения оказывались в опасности, упорно сопротивлялись. Позиция же крестьянства обусловливалась тем, что они бы стали защищать земли дворян лишь в том случае, если бы ожидали худшего от переселенцев (Бердзенишвили, 1956. С. 222—223).

Общая схематическая картина грузино-осетинских взаимоотношений дается в макете «История Осетии» (История, 1954). Многие исследователи высказывают свое мнение по отдельным вопросам грузино-осетинских взаимоотношений. В своих работах академик Г. Ахвледиани доказывал идентичность двалов и осетин (Ахвледиани, 1925. С. 319; Ахвледиани, 1941. С. 193—195). З. Ванеев исследовал время переселения осетин на территорию Грузии и также утверждал, что двалы и осетины идентичны (Ванеев, 1936; Ванеев, 1956). Д. Гвритишвили изучал вопросы происхождения двалов и переселения осетин (Гвритишвили, 1949.). По его утверждению, осетинские поселения на южных склонах Кавказского хребта появились на

рубеже XIII—XIV вв., и это было связано с разгромом осетин монголами на равнинах Северного Кавказа.

* * *

Источники по обозначенной нами проблеме очень скудны, часто односторонни, а иногда и тенденциозны. Чтобы воспользоваться материалами, существующими в письменных источниках и отражающими грузино-осетинские взаимоотношения, надо, прежде всего, установить идентичность алан и осетин[2]. Дело в том, что применяемое в грузинских источниках наименование осетин — «овси» — соответствует «аланам», упомянутым в рукописных источниках других народов (в латинских, греческих, арабских и армянских).

В научной литературе мнение об идентичности алан и осетин впервые высказал Юлиус Клапрот в 1822 г. (ОГРИП. С. 109 и сл.), и оно разделялось большинством исследователей. Были и противники такого мнения, как, например, В. Сен-Мартен — географ XIX в. и Коста Дзукати в XX в. Для подтверждения идентичности алан и осетин много было сделано Вс. Миллером. Но, по его мнению, сведения об аланах только частично касаются осетин, а частично — других племен Северного Кавказа (Миллер, 1887. С. 47). Идентичность алан-осетин убедительно доказали на основе сопоставления сведений исторических источников Б. Скитский (Скитский, 1947. С. 33—35) и З. Ванеев (Ванеев, 1959. С. 5—9).

В.И. Абаев критикует тех авторов, которые, говоря о преемственной связи осетин с аланами, тут же делают замечание о том, что аланы были не народностью, а «собирательным названием» или «географическим понятием». Тот факт, что разные авторы, говоря об аланах, проявляют познания различного масштаба, не дает основания полагать, что они имеют в виду не народность, а географическое понятие (Абаев, 1949. С. 44). До последнего времени осетины не имели общего названия: были иронцы, дигорцы, туальцы, а общего названия — осетины — не существовало. Это, разумеется, не дает основания считать осетин не народом, а географическим термином. Такой подход к данному вопросу В.И. Абаев считает проявлением исторического нигилизма (там же. С. 44—45).

Ввиду того, что названными исследователями неоднократно приводились документы, удостоверяющие тождественность алан и осетин, мы не сочли нужным повторять их. Некоторых авторов, поддерживавших идею тождественности, вместе с тем тревожило то обстоятельство, что аланы, расселенные в раннем средневековье на обширных территориях, не могли быть предками современных малочисленных осетин. По их мнению, это было бы слишком большой честью для осетин. Однако данное обстоятельство не мешает идентификации алан-осетин. История знает не один пример коли-

чественного сокращения того или другого народа в определенных исторических условиях, не говоря уж об их полном исчезновении. Между аланскими племенами, расселенными на равнинах Северного Кавказа в раннем средневековье, существовали определенные языковые и культурно-исторические связи, на основе чего ранние авторы объединяли их под общим названием. Впоследствии, в эпоху Великого переселения народов, значительная часть алан вместе с гуннами ушла на Запад, часть — в Крым и т.д. В центральных ущельях Северного Кавказа остались аланы, которые проживали на данной территории долгое время. Именно эта часть алан и является предками современных осетин.

Аланы состояли из множества родственных племен, которые по уровню своего социально-экономического развития отличались друг от друга. Процесс исторического развития еще больше сближал их, что, в свою очередь, вызывало консолидацию племенных объединений, закончившуюся, в конечном счете, формированием осетинского народа. Подобные же процессы происходили в среде грузинских, славянских и других племен. У алан данный процесс закончился сравнительно поздно, к концу раннего средневековья. Из армянской географии анонимного автора VII в. видно, что на Северном Кавказе встречались племена и племенные объединения, которые сохранились здесь и в последующие эпохи.

* * *

Несмотря на скудость и односторонность письменных исторических источников о грузино-осетинских взаимоотношениях, их критический анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Для данной темы основным источником является сборник исторических сочинений под названием «Картлис цховреба» (Житие Картли).* В нем рассматриваются вопросы этногенеза осетин, а сведения о политических взаимоотношениях между Грузией и Осетией даются с рубежа IV—III веков до н. э. После этого «Картлис цховреба» дает систематические сведения о фактах военно-политических отношений между Грузией и Осетией. С его помощью становится возможным установить определенный рисунок взаимоотношений для каждого отдельно взятого исторического периода.

Сведения «Картлис цховреба» о раннем периоде грузино-осетинских отношений иногда носят эпический характер. Причиной этого может быть то, что грузинские историки раннего периода — Леонтий Мровели и Джуаншер материалы для своих исторических

---

* Существует множество изданий «Картлис цховреба», из которых мы предпочли опубликованные в Тбилиси под редакцией С. Каучишвили (1955) и изданное Броссе в Петербурге (1849). Остальные издания не расходятся по интересующим нас вопросам. — **Г.Т.**

сочинений брали из грузинских народных преданий. Чем ближе хронологически эти сведения, тем они более достоверны и убедительны.

Главный недостаток сведений «Картлис цховреба» состоит в их односторонности и фрагментарности. Они отражают только политическую сторону взаимоотношений. В вопросах же экономического и культурного сотрудничества они почти ничего не дают. По справедливому замечанию академика Н. Бердзенишвили, «внимание грузинской историографии феодальной эпохи в области внешних отношений в основном было обращено к войне, а идейно-культурные и хозяйственно-экономические отношения с соседними народами остаются вне внимания наших историографов» (Бердзенишвили, 1944. С. 4).

Ограниченность сведений «Картлис цховреба» заключается и в том, что в них взаимоотношения между грузинским и осетинским народами сведены до отношений господствующих классов и правителей этих народов. Народ, — производитель материальных благ и носитель добрососедских отношений, оставался вне внимания. Разумеется, что цари и князья в отношениях с соседними странами основывались на условиях, создавшихся в результате экономического и политического развития этих стран. Поэтому без принятия во внимание этих обстоятельств становится невозможным определиться в движущих силах этих взаимоотношений. Отмеченные недостатки и односторонность грузинских исторических источников характерны и для других, — негрузинских источников того времени.

Кроме грузинских источников, некоторые сведения по вопросам грузино-осетинских отношений имеются и у римских авторов: Тацита, Диона Кассия, Флавия Арриана (Латышев, 1947; 1948; 1949); у византийских писателей: Прокопия Кесарийского, Менандра, Феофана, Николая Мистика. По сравнению со сведениями грузинских источников, они отличаются еще большей фрагментарностью и ограниченностью.

Пользуясь только отмеченными источниками, невозможно создать полное представление о рассматриваемой проблеме. В этом отношении большую помощь оказывают археологические данные, количество которых день ото дня увеличивается в результате раскопок. О влиянии грузинской культуры на осетин говорит тот эпиграфический материал, который сохранился в Осетии на стенах культовых сооружений (например, в Нузале).

ГЛАВА II

Общие грузино-осетинские границы и связывающие дороги

Прежде чем приступить к исследованию грузино-осетинских взаимоотношений, нужно, хотя бы коротко, остановиться на изучении общей границы и перевальных дорог, через которые осуществлялись политические, экономические и культурные связи между этими странами.

Здесь мы будем рассматривать северную границу Грузии в пределах Центрального Кавказа, которая в то же время является южной границей Осетии. Когда речь идет об общей границе между Грузией и Осетией, следует различать этническую и политическую границу между ними. Этническая граница сравнительно устойчива и неизменна по сравнению с политической границей, которая более изменчива.

С древних времен до середины XIII в. грузино-осетинская этническая граница проходила через Кавказские горы[3]. Южные склоны Кавказских гор и с политической, и с этнической точек зрения входили в состав Грузии, а северные склоны занимали осетинские племена. Кавказский хребет, будучи естественной границей между Грузией и Осетией, долгое время выполнял также роль этнической и политической границы между ними. Однако если границу между Грузией и Осетией в общих чертах указать сравнительно легко, то несравненно труднее установить между ними пограничные пункты в окрестностях главных перевальных дорог — в Дарьяльском и Алагирском ущельях.

На основе остатков материальной культуры, письменных источников, лингвистических материалов утверждается, что осетины проживали от Абхазии и Сванетии на западе до «Каспийских ворот» (ошибочно древние писатели иногда называли Дарьяльские ворота Каспийскими), т.е. до окрестностей нынешней Военно-Грузинской дороги . В состав тогдашней Осетии не входила территория Чечни. Арабские историки, говоря о восточной границе Осетии, отмечали, что из царства сариров (аваров — в Дагестане) до Алании можно добраться за 3 дня (Ибн-Русте, 1903. С. 49—51). Одним словом, в рассматриваемый период Осетия, растянутая от Дарьяльских ворот до устья реки Кубань, непосредственно граничила с Абхазией, Сванетией и Картли.

Общеизвестны грандиозность Кавказских гор и трудность установления связей с внешним миром через них. Налаживание таких связей без перевальных дорог невозможно. Связь Грузии с Северным Кавказом осуществлялась именно по этим перевальным дорогам. В пределах Центрального Кавказа кратчайшим путем, соединяющим население северной и южной частей, была Военно-Грузинская дорога, в древности известная под названиями «Арагвские ворота», «Двери осетин», «Дарьяльские ворота». С древних времен эта дорога из-за своего благоприятного географического расположения имела огромное стратегическое и экономическое значение для тех стран, которые располагались по обеим ее сторонам. К. Маркс отмечал, что «Кавказские горы отделяют Южную Россию от богатых провинций Грузии... Единственная дорога, которая заслуживает такое название, извивается из Моздока в Тифлис через узкое ущелье Дарьяла. Она защищена непрерывной цепью укреплений» (Маркс, Энгельс, 1933. С. 533). Данное высказывание Маркса прекрасно характеризует значение дороги как для XIX века, так и для раннего средневековья. В рассматриваемый период по обеим сторонам Кавказского хребта интенсивные исторические процессы протекали не изолированно, а в условиях активных международных экономических и политических взаимоотношений. Такое обстоятельство определяло большое значение этой дороги во все исторические эпохи.

Дорога, проходившая через Дарьяльское ущелье, следовала по Арагвскому ущелью, пересекала главный хребет Кавказских гор и спускалась в ущелье реки Терек. В древних грузинских источниках реку Терек называли Ломек (означает трещину скалы) или Осетинская Арагва, так как, по Леонтию Мровели, «и ту реку так же называют Арагвом, ибо берут начало из одной горы — и Грузинская Арагва, и Осетинская Арагва» (Картлис цховреба, 1955. С. 151). После прохождения Терского ущелья дорога выходила на Осетинскую равнину и дальше расходилась по различным районам Северного Кавказа. В узком ущелье Дарьяла, начинающемся с северной стороны Казбека (нынешний районный центр), дорога была обставлена нагромождениями высоких крутых скал. Узость ущелья в этом месте давала возможность чрезвычайного ее укрепления. Так как этот путь имел огромное стратегическое и экономическое значение, отмеченная возможность использовалась максимально.

Большое значение дороги было оценено еще в древности. По сведениям Леонтия, еще в 130 году до н. э. Дарьяльская дорога была укреплена каменной стеной иберийским царем Мирваном (Мровели, 1955. С. 28). Так что, когда в I в. до н. э. римляне вторглись в Закавказье, дорога уже была укрепленной. Ее укрепленность единогласно отмечали Страбон (I в.), Плиний Секунд (I в.), Иосиф Флавий (I в.), Масуди (I в.) и др.

По сведениям Страбона, Дарьяльская дорога начиналась из се-

верной кочевнической стороны. Сначала надо было преодолеть подъем в три дня ходьбы, затем она пешеходной тропинкой на четыре дня ходьбы следовала вдоль Арагвы по узкому ущелью. Конец дороги защищала неприступная стена (Латышев, 1947. С. 218). Ту же дорогу описывает другой римский писатель Плиний Секунд. Он писал, что многие ошибочно называют Кавказские ворота Каспийскими воротами. Это есть громадное творение природы, результат неожиданного раскалывания гор. Сам проход прегражден кованым железом. По ту сторону ворот (подразумевается южное направление. — *Г.Т.*) на скале с целью защиты от многочисленных племен построена крепость под названием Кумания (Латышев, 1949, № 2. С. 298–299). По сведениям Плиния Секунда, отрезком дороги, который образовался в результате неожиданного раскалывания гор, является узкий проход Дарьяла, начинавшийся на восьмом километре севернее Казбеги. Здесь дорога следовала по узкому ущелью. Основная череда укреплений, по всей вероятности, начиналась оттуда. Действительно, на десятом километре к северу от Казбеги, там, где река Кистинка с правой стороны впадает в Терек, а по сведениям Вахушти, трудная и опасная дорога переходит в Дзурдзукетию, стояла крепость Давида, построенная во времена Давида Строителя (Вахушти, 1941. С. 67).

Севернее, на левом берегу Терека, на верхушке 60-метровой отвесной скалы сохранились остатки Дарьяльской крепости. Ее называют и крепостью Тамары, но в действительности она построена гораздо раньше. Возможно, это она была названа Плинием — Куманией. С этой крепостью связаны 2 башни, построенные на высокой скале. Они представляли собой дополнительные оборонительные пункты. Остатки крепости свидетельствуют о том, что она была мощным укреплением. Ее высокие стены с башнями прикрывали служебные строения постоянного гарнизона. Снабжение крепости водой осуществлялось из Терека посредством секретного тоннеля. Впоследствии провели и водопровод, доказательством чего является существование глиняных труб внутри крепости. Крепость много раз переделывалась. Развалины крепости свидетельствуют о переделках, проведенных в позднефеодальную эпоху, но в стенах обнаруживаются и более старые слои (Долидзе, Шмерлинг, 1956. С. 74–75).

Известно, что данная перевальная дорога территориально находилась в распоряжении Грузии и Осетии. Об этом свидетельствует название Врата осетин. В «Абос цамеба» («Истязание Або») сохранено сведение о том, что Несре-эристав прошел «Дверь овсов, которая называется Дарьялом». По этой дороге царями Картли или объединенной Грузии переводились войска. Защита этой дороги всегда являлась предметом особой заботы Картли, Грузии или иностранных завоевателей, властвовавших здесь в отдельные периоды истории. Контроль над дорогой давал контролирующему государству

возможность пресекать самовольный проход по этой дороге северокавказских племен, а в трудные времена приглашать их для защиты своих политических интересов. Грузинские источники, содержащие богатые сведения о военной помощи осетин Грузии, всегда указывали и пути их перехода, и таким путем преимущественно являлись Дарьяльские ворота.

По сведениям источников, данное укрепление принадлежало Грузии. Оно служило в основном для пресечения самовольного перехода северокавказских племен. Значение этого укрепления хорошо сознавали и иностранные завоеватели, желавшие властвовать в Закавказье, показателем чего является та большая дипломатическая и военная тяжба, которая развернулась в VI в. между Византией и Персией.

Границу между Грузией и Осетией в Дарьяльском ущелье следует искать в окрестностях этих укреплений. Однако граница в этих пределах не могла быть прочной. Несмотря на чрезвычайные укрепления на дороге, северокавказские племена все-таки часто преодолевали их. Особенно это касается хазаров в начале VII в. В результате таких вторжений разрушались укрепления, но они вновь восстанавливались. Вахтанг Горгасал «создал Дверь овсов, которую мы называем Дарьяльской. Построил над нею высокие башни-крепости и определил охрану из окрестных горцев» (Картлис цховреба, 1955. С. 156). Из этого не следует, что ворота впервые были построены Вахтангом Горгасалом (V в.). Они были созданы значительно раньше, Вахтанг же отобрал их у осетин и заново укрепил.

В VII в. арабы устремились к Дарьяльскому проходу с целью установления контроля над ним, чтобы обезопасить себя от постоянной угрозы вторжения хазаров и осетин. И так же, как в свое время римские писатели описывали дорогу, так и на сей раз в произведениях арабских авторов появляются сведения о военно-стратегическом значении дороги. По сведениям Ал-Масуди, между Аланским царством и горами Кабхи (Кавказа) была построена «Крепость Алани». В ней находилась специальная охрана для защиты подходной к Кабхским горам дороги от аланов. У этого народа не было другой дороги, кроме моста, над которым возвышалась и властвовала крепость-башня. Она была построена в таком недоступном месте, куда невозможно было добраться, тем более взять ее без помощи защитников крепости.

Мурван подчинил население этого края и поставил в ней гарнизон. Они, продолжает Масуди, и сейчас (первая половина X в. — ***Г.Т.***) находятся там и продовольствие получают из пограничного города Тифлиса, до которого 5 дней ходьбы. В этом месте один человек мог задержать царей хоть всех киафиров, так как позиция одновременно властвовала и над дорогой, и над мостом, и над равниной (Караулов, 1908. С. 53—54).

По сведениям Ибн-Русте (начало X в.), в окрестностях Аланских ворот на вершине стоит крепость, у подножья которой проходит дорога, ее ежедневно защищают 1000 человек из местных жителей (Ибн-Русте, 1903. С. 51). Из-за такого большого значения дороги Мурван-Кру, Буга-Турк и другие завоеватели энергично наседали на Дарьяльские ворота. Буга даже взял осетинских заложников и заселил их в Южную Грузию.

С ослаблением арабов все укрепления, существовавшие в Дарьяльском ущелье, переходят в распоряжение осетин. Ко времени Давида Строителя контроль над этой дорогой был таким прочным, что многочисленным кипчакским племенам никак не удавалось ее преодолеть, а Давид Строитель единственным путем урегулирования вопроса владения Дарьяльскими укреплениями считал дипломатические переговоры с осетинами.

В XI—XIII вв. значение дороги возросло, ибо взаимоотношения с Россией и Северным Кавказом осуществлялись посредством этой дороги.

После завоевания монголами Грузии связь с народами Северного Кавказа ослабла. Следовательно, ослабла и роль дороги. Однако ее стратегическое значение в условиях вражды между ильханами и ханами Золотой Орды и тогда не снизилось. Ильханы боялись, что грузинские цари откроют дорогу для Золотой Орды, и поэтому иногда шли на уступки грузинским царям. Однако те же опасения обусловливали неустанное стремление ильханов завладеть дорогой.

В конце XIV в., во время нашествий Тимура-Ленга, Дарьяльская дорога стала объектом сильнейших ударов. В 1394 г. монголы вторглись в Арагвское ущелье, но не смогли взять Дарьяльские ворота. В 1400 г. попытка повторилась, но и на этот раз они не достигли своей цели. Тимур предполагал, что грузинские правители открывали дорогу Золотой Орде (История Грузии, 1946. С. 280).

Второй значительной дорогой, связывающей Грузию с Осетией, была Двальская дорога — сегодняшняя Военно-Осетинская дорога. Она соединяла Грузию (Восточную и Западную) с Северным Кавказом посредством Мамисонского и Рокского перевалов. В грузинских исторических источниках часто упоминаются факты перехода осетин в Грузию через Двалетскую дорогу. «Во время царствования Амазаспа через Двальскую дорогу перешли осетины, войско огромное, и остановились в Лиахвском ущелье» (Картлис цховреба, 1955. С. 55). Мириан, находившийся в Осетии, «перешел Двальскую дорогу и прибыл домой» (там же. С. 68). Преследуемый Буга-Турком царь Феодосий «Двалетской дорогой перешел в Меотиду» (там же. С. 256). Двалетская дорога делится на две ветви, что подтверждается следующим сведением: «В конце царствования в Картли персы усилились и завоевали Ерети и Сомхети (Армению). Завоевав Кар-

тли, они вошли в Кавкасию через одну большую дорогу и двое Двальских ворот» (Такаишвили, 1906—1912. С. 723).

Дорога, идущая из Алагирского ущелья, у села Нижний Зарамаг делится на две ветви. Одна ветвь по Нардонскому и Закинскому ущельям направляется к Рокскому перевалу, а вторая следует по Мамисонскому ущелью, переходит Мамисонский, или Чанчахский, перевал и спускается к истокам реки Риона. Отсюда она связывается с Кутаиси и другими районами Западной Грузии.

У села Нижний Зарамаг, где соединяются обе дороги Двалетии и где по Касарскому и Нихасскому (части Алагирского ущелья) ущельям дорога направляется к Северу, находится возвышение, поверхность которой покрыта остатками старинного строения. По всей вероятности, это остатки крепости, значение которой заключалось в защите дороги. Севернее, уже в Касарском ущелье, на 4-м километре от Бурона, в наиболее узком месте ущелья еще сохранились остатки заградительных стен. Эти остатки находятся на левом берегу реки Ардон. Стена построена таким образом, что в ней оставлен только узкий косой проход. Пфаф называет его «зылын-дуар» («косая дверь») (Пфаф, 1871б. С. 143). Так же она называется и местным населением. Стена следует по отвесному склону горы и заканчивается башней. Про эти ворота Вахушти замечал: «Здесь находится дверь, созданная из скалы и камня, большая, сводчатая, у реки, построенная царями, чтобы самовольно не перемещались осетины. Ущелье является укрепленным и очень неприступным» (Вахушти, 1941. С. 114).

Про укрепление, находящееся в Касарском ущелье, сведений в источниках не сохранилось. Предание связывает его строительство с известной в Алагирском ущелье господствующей фамилией — Царазоновыми, из которых вышли хорошо известные в грузинских источниках исторические личности: Давид-Сослан, Ос-Багатар и Пареджан.

Само название двери «Касар» (по-осет.) означает «порог». Она действительно являлась порогом между Грузией и Осетией в разные исторические эпохи. Южнее Касарских ворот располагалась территория проживания двалов. Старое название эти места сохранили до настоящего времени. Северные осетины называли их «туалта», где «та» — производящий суффикс множественного числа, а «туал» — происходит от дуал — двала.

Грузино-осетинская граница, по мнению академика Ив. Джавахишвили, находилась в окрестностях Касарских ворот. «Про Двалетию следует особо отметить, — говорил он, — что она находится между двумя хребтами Кавказа — главного и потустороннего. Эта Двалетия являлась крайней страной на севере Грузии. С древних времен Двалетия принадлежала Грузии, однако особое внимание эта граница привлекла в XII в. В течение веков... грузинское пра-

вительство придавало особое значение этому краю, считало его зорким сторожем и даже у Ардонского прохода построило преграду» (Джавахишвили, 1919. С. 6–9).

Кроме вышеотмеченных значимых дорог, из Алагирского ущелья через Кавказский хребет, в сторону центральных районов Грузии спускались и другие, менее значимые, дороги-тропинки. К таким мелким дорогам-тропинкам относятся: 1) Бах-фандаг (конная дорога) – западнее от Рока, спускается в Лиахвское ущелье; 2) дорога, которая переходит в Кешельтское ущелье, Зикарским перевалом выходит из Джинат-Зругского ущелья; 3) дорога, выходящая из Ардон-Зругского ущелья через переход Дзедо, спускается в ущелье реки Джоджора. Одна ее ветвь через р. Пацадон переходит в Они, а вторая ветвь соединяется с Рокской дорогой; 4) дорога, выходящая из Ардон-Зругского ущелья через перевал Сба, у села Коби соединяется с Военно-Грузинской дорогой. Одна ветвь дороги спускается в село Едыс, а отсюда по ущелью Малой (Большой. – ***Ред.***) Лиахвы связывается с селами и деревнями Картли.

Существовали и другие дороги, связывавшие Осетию с Западной Грузией. Одной из них была Такуерская дорога. Восставшие против Амазаспа эриставы призвали на помощь осетинское войско. Они «перешли Такуерскую дорогу и прибыли к эриставам в Егриси» (Картлис цховреба, 1955. С. 57). Местонахождение Такуера точно не определено. Ив. Джавахишвили предположительно называет его Лечхумом. Такуерская дорога, по всей вероятности, была переходной дорогой из Урухского ущелья (Дигория) в Рачу и ущелье Цхенис-Цкали.

Западнее от Такуерской дороги находилась Абхазская дорога. По сведениям историка Джуаншера, перешедший в Осетию Вахтанг Горгасал с картлийским войском «направился по Абхазской дороге» (там же. С. 157). Этой же дорогой едет в Картли Дургулель, шурин Баграта IV, со своей многочисленной свитой. «Направился царь осетин со всеми князьями Осетии, поднялся по Абхазской дороге и пришел в Кутаиси» (там же. С. 313).

О важном значении этой дороги говорит характер ее укрепления. В южной части перехода была построена крепость Собоги (там же. С. 235). На границе Лазет-Осетии располагалось значительное укрепление – Букулоос. Его близость с осетинами удостоверяется тем, что мисимиане боялись, как бы византийцы не передали их осетинам (Георгика, 1936. С. 876–877. Сообщ. Агафия Схоласта).

Сведения о существовании крепостей и укреплений на дорогах, связывающих Грузию с Осетией, имеются у иерусалимского монаха Теодора Гангрела (VII в.). Сведения касаются жизни Максима Исповедника, который вместе со своими 662 единомышленниками был изгнан Константином IV Погонатом в Лазику. Его поместили в крепость под названием Скиомар, расположенную около аланов (Ге-

оргика, 1941. С. 42). Сподвижника Максима – Анастасия Апокрисиария поместили в Букулоосе, находившемся в пределах аланов. Из отмеченных сведений Теодора можно сделать вывод, что из-за экономического и стратегического значения дорог большое внимание уделялось их укреплению.

Абхазская дорога из ущелья реки Кодора через Клухорский перевал переходила в бассейн реки Кубани и ее притоков. Сегодня эта дорога известна под названием Военно-Сухумская дорога. Академик С. Джанашия обратил внимание на тот факт, что Осетия и Абхазия были пограничными странами, так как осетины занимали истоки Кубани. «Именно в этом направлении, – замечает он, – от истоков реки Кодори и ее притоков направляется дорога, которая Кавказский хребет пересекает Клухорским, а иногда и Марухским перевалами. Эта дорога с древних времен имела большое значение для Абхазии» (Джанашия, 1949. С. 245). Именно по этим дорогам осуществлялась торговая деятельность осетинскими и абхазскими торговцами, о чем и говорится в сведениях Феофана-летописца (Георгика, 1941. С. 108).

Таким образом, тесные экономические и политические связи между Грузией и Осетией осуществлялись посредством целого ряда более или менее пригодных дорог и тропинок. Значения этих путей сообщения не были одинаковыми. Дарьяльская и Абхазская дороги с точки зрения экономики и политики имели международное значение. Военно-Осетинская дорога имела местное значение, так как она в меньшей степени входила в систему экономических и политических взаимоотношений тогдашних государств. Посредством этих дорог на территории Северного Кавказа распространялись товары грузинского и негрузинского происхождения; этими же дорогами устанавливались тесные экономические и политические связи. И, наконец, посредством этих дорог осуществлялось распространение грузинской культуры на осетинский и другие народы Северного Кавказа. Не является случайностью, что в окрестностях этих дорог расположены те археологические комплексы, памятники религиозно-культурного характера, которые выявляют большие связи народов Закавказья с другими народами.

ГЛАВА III

О социально-экономическом и политическом строе Осетии

Центральный Северный Кавказ был заселен с древних времен. В III тыс. до н. э. здесь уже обнаруживаются следы жизни человека, о чем говорят археологические памятники. В I тыс. до н. э. насельниками Северного Кавказа была создана своеобразная, достаточно развитая культура, получившая название кобанской культуры[4] (с. Кобан, где в 1869 году была обнаружена эта культура, находится в Тагаурском ущелье Северо-Осетинской АССР, на левом берегу реки Гизельдон). Металлургия бронзы в период Кобанской культуры достигла высокого развития, а на закате этой культуры началось интенсивное применение железа.

На основе археологических материалов подтверждается, что племена – носители кобанской культуры находились на ступени патриархально-племенного строя. Основным видом деятельности было животноводство, но помимо него существовало и примитивное земледелие (Крупнов, 1952. С. 14–15, 22; Арциховский, 1955. С. 98).

С VIII в. до н. э. на Северном Кавказе появляются скифы, а в III в. до н. э. – сарматские племена, и в результате последние оказали влияние на процесс развития местного населения. Местные племена в культурном отношении стояли значительно выше по сравнению с пришлыми скифско-сарматскими племенами[5]. Поэтому культура местных племен одерживает верх над культурой пришельцев. В этом отношении примечательно то обстоятельство, что характерные для кобанской культуры предметы безраздельно господствовали в центральных районах Северного Кавказа даже в первом тысячелетии нового летоисчисления.

С первого века нового летоисчисления в Придонье, Прикубанье и на Центральном Кавказе обосновываются пришлые из Средней Азии родственные сарматским племенам аланы. Они смешиваются с местными сарматскими и сарматизированными племенами. В результате сосуществования и взаимоотношений этих различных этнических элементов к началу нового летоисчисления сформировался народ, известный в грузинских источниках под названием «овсы». В формировании этого народа значительную роль сыграло культурное влияние народов Закавказья, Северного Причерноморья и Южной России.

Процесс формирования аланского, или осетинского, народа закончился тем, что местными племенами был освоен иранский язык – язык пришлых племен. Проникновение же иранского языка в местный мир связано с движением скифов, и началось оно с VIII в. до н. э., но материальная культура осталась местной. «Осетины по языку являются иранцами, а по культуре – типичными кавказцами» (Крупнов, 1952а). Развитие не могло происходить по-другому, ибо высокая культура местных племен затмила культуру пришлых племен, а отдельные ее элементы применила в своем дальнейшем развитии. При этом данный процесс имел место только в центральных районах Северного Кавказа, что следует объяснить концентрацией пришлых племен в окрестностях перевальных дорог Центрального Кавказа. Дороги были укреплены, и их защищали народы Закавказья. Этот момент препятствовал передвижению племен, и в результате часть их обосновывалась на месте, влияя, таким образом, на жизнь местного населения.

О социально-экономическом строе тогдашних алан-осетин письменные источники дают весьма скудные сведения. Наиболее широко быт алан-осетин освещает римский историк IV в. Аммиан Марцеллин. Он их, как и Геродот (историк V в. до н. э.) скифов, считал кочевыми народами[6]. По сведениям Аммиана, скудное имущество аланов помещалось на арбах, и на арбах же проходила семейная жизнь. В поисках пастбищ они перемещались из одного места в другое. Основной их пищей были мясо и молоко (Латышев, 1949, № 3. С. 304).

Утверждение Аммиана о полностью кочевом образе жизни аланов не соответствует действительности, ибо в среде аланов к этому времени уже выделялась оседлая часть, проживавшая на северных склонах кавказского хребта и в примыкающих к ним равнинах. Существование большого количества остатков тогдашних городищ и мест жительства на территории проживания алан-осетин свидетельствует об их оседлой жизни. Разумеется, аланское общество не было однородным. Среди них были кочевники, которые легко перемещались в западном направлении и совместно с другими варварскими племенами наступали на Римскую империю.

Аммиан утверждает, что аланы-осетины не имели представления о рабстве и что все были одинакового благородного происхождения. Но и это не соответствует действительности. По его утверждению, аланы осуществляли, с целью грабежа и захвата добычи, дальние походы в области Меотиды (Азовское море), Босфора Киммерийского (Керченский пролив), Мидии и Армении (там же. С. 305). Такая характеристика вполне соответствует уровню развития народа, стоящего на ступени «военной демократии». А на этой ступени «война и военная организация становятся регулярными функциями жизни народа» (Энгельс, 1953. С. 225).

«Военная демократия» не являлась таким простым социальным организмом, как это представлял Аммиан. Она является переходным этапом на пути от родового строя к классовому обществу. В нем явно проступают признаки социальной дифференциации общества. В источниках об этом, и даже более раннем, периоде содержатся сведения о вождях алан-осетин, которых некоторые источники называют «царями». Вожди-«цари» направляли деятельность своих племен. Естественно, что они не были в одиночестве и окружали себя определенным количеством соратников. Осуществление военных походов в такие далекие страны, как, например, в Мидию и Армению, без определенной организации было невозможно. Кочевые племена, описанные Аммианом Марцеллином, были не в состоянии провести такие сложные операции, тем более, что для этого нужно было установить дипломатические отношения с сопредельными государствами с целью получения разрешения пропуска на их территории.

Разумеется, что и добыча, захваченная после таких походов, не могла распределяться поровну между вождями и простыми воинами. Стремление же к богатству в определенном смысле означает существование социальной дифференциации в обществе. А если существование богатства подразумевает существование противоположного полюса — бедности, то у аланских племен уже существовало переходное от родового к классовому строю общество.

В период кризиса рабовладельческого общества Рима в произведениях римских писателей появилась тенденция идеализации быта варваров (не римлян), и поэтому сведения Аммиана об аланах находились в плену этих тенденций. Археологические данные противоречат сведениям Аммиана об аланах, об их кочевом образе жизни. Именно в это время появляются городища на территории алан (Иессен, 1941. С. 23). В городищах II—IV вв. на берегах рек Терек и Сунжа были обнаружены ручные мельницы, ямы для хранения зерна с зернами сои и пшеницы. Все это говорит о том, что аланские племена перешли к земледелию.

Алано-сарматские племена занимались и торговлей. Характеризуя одно из племен сарматов — аорсов, Страбон отмечал, что они владели обширной территорией на берегах Каспийского моря и занимались караванной торговлей индийскими и вавилонскими товарами. Товар они получали от армянских и мидийских торговцев (Латышев, 1947. С. 224—225). В торгах этих племен принимали участие и аланы, о чем свидетельствуют обнаруженные на территории проживания алан предметы боспорского и иностранного происхождения.

О торговых отношениях народов Северного Кавказа с Закавказьем Страбон дает следующие сведения: в городе Диоскуриаде (современный Сухум) собираются люди, говорящие на 70 языках. По-

давляющая часть этих народов являются сарматами и вообще называются кавказцами (там же. С. 215; Страбон, 1957. С. 122—123). Причиной их сбора в Диоскуриаде Страбон считает покупку соли (там же. С. 224; Страбон, 1957. С. 140). Среди этих сарматов находились и аланы, которые, подобно соседним кавказским племенам, испытывали недостаток в соли. И даже значительно позже, в частности в первой половине XVIII в., во времена Вахушти, осетины получали соль из Грузии (Вахушти, 1941. С. 111).

Алания-Осетия находилась на перекрестке крупных торговых путей. По ее территории проходила сухопутная дорога, соединяющая Черное и Каспийское моря, а также такие значительные дороги, соединяющие Закавказье с Северным Кавказом, как, например, Дарьяльская, Военно-Осетинская, Клухорская перевальные дороги.

На территории Алании IV—V вв. находят много городищ, остатки жилищ. Обращает на себя внимание скомпанованность и топографическое расположение этих жилищ. На реке Баксан располагаются четыре больших укрепленных городища. Каждое из них имеет в центре возвышенность, окруженную рвом. Это центральное укрепление было местом проживания отделенного от племени господствующего семейства, будущего мелкого феодала. Оно, в свою очередь, окружено жилыми постройками и рвом. От него, на расстоянии 6—8 км, в открытом поле располагались круглые укрепления малого объема, окруженные рвом и земельной насыпью. Они принадлежат к той эпохе, когда городища и сторожевые укрепления исполняли роль форпостов. Особенно существенным является то обстоятельство, что все эти укрепления от Гунделена до Баксана (территория Кабардино-Балкарской автономной республики, тогдашнее место проживания алан) располагались на близком расстоянии, в поле зрения друг у друга. Все это говорит о принадлежности этих групп к одной военной и племенной организации (Иессен, 1941. С. 23—25). По всей вероятности, именно такие укрепленные городища подразумеваются в сообщении Джуаншера, где говорится, что войска Вахтанга Горгасала вторглись в Осетию, разоряли их города (Картлис цховреба, 1955, I. С. 156).

Материалы, подтверждающие оседлую жизнь осетин, имеются и для позднего периода. Остатки поселений VIII—IX вв. встречаются в городе Орджоникидзе* — у кирпичного завода, в Хархи (Военно-Грузинская дорога), в Дарьяльском ущелье — южнее крепости Тамары, у сс. Верхний и Нижний Кобан, в ст. Змейской (Куссаева, 1953. С. 30).

В раннем средневековье основной деятельностью населения центральной части Северного Кавказа было животноводство, что подтверждается археологическими материалами. Остатки костей гово-

* Ныне Владикавказ. — Ред.

рят о разнообразии животных – мелкий и крупный рогатый скот, лошади и свиньи. Существование в захоронениях множества разнообразных изображений овец, дукардов (ножниц для стрижки овец) говорит об особом уровне развития овцеводства. В Тагаурском ущелье встречаются явные признаки земледелия – серпы из местечка Харх, ручные мельницы из Орджоникидзе и станицы Змейской, железные орудия для обработки земли, обугленные зерна ячменя и сои из Чмийских катакомб. Такие же остатки встречаются в Дигорских (Камунта) захоронениях (там же. С. 264).

О развитии земледелия в Осетии говорят и письменные источники. Арабский писатель Масуди (первая половина X в.) писал, что земля алан обрабатывается хорошо и заселена очень плотно (Караулов, 1908. С. 54). Умение пахать и сеять было непременным условием жизни среди алан. Доминиканский монах Юлиан (первая половина XIII в.) с огорчением отмечал, что здесь его два спутника не продались из-за того, что не умели пахать и сеять (Юлиан, 1863. С. 1000). Охота и пчеловодство являлись подсобными хозяйственными промыслами. По сведениям Эл-Омара (XIV в.), у русских, черкесов и ясов мед получается хорошего вкуса и белого цвета (Тизенгаузен, 1884. С. 231).

На такой производственной базе формировалось классовое общество в Осетии. Богатство накапливалось в распоряжении отдельных лиц – в руках будущих феодалов. Усыпальницы аланского периода (VI–X вв.) в Суаргоме, Балте, Кобане, Камунта и Кумбулта содержат множество золотых предметов, инкрустированных драгоценными камнями, украшений, ожерелий, серег, перстней, драгоценного оружия. В большом количестве встречаются сасанидские серебряные монеты, арабские дирхемы, византийские золотые солиды. Одним словом, археологические данные с VI в. явно свидетельствуют о существовании имущественной дифференциации (Кусаева, 1953. С. 265).

Характеристика экономики Осетии раннего средневековья не будет полной без рассмотрения ремесла. На территории Осетии местное производство металла присутствовало на всем протяжении существования кобанской культуры (с конца второго тысячелетия до н. э.). Традиция кобанской культуры продолжала существовать и в дальнейшем. Среди ремесел основное место занимало кузнечное дело. Богатство и разнообразие инвентаря, найденного в захоронениях, свидетельствуют, что большая их часть производилась на месте. Путешественник XIII века монах В. Рубрук отмечал, что «аланы такие предметы (доспехи. – *Г.Т.*) делают хорошо и закаляют» (Рубруквис, 1943. С. 168). По мнению Лаоника Халкокондила (XV в.), аланы готовят прекрасные доспехи (Ванеев, 1941. С. 65).

Необходимость изготовления в больших количествах боевого оружия способствовала росту роли кузнецов в хозяйственном быте.

В нартском эпосе кузнецы пользуются заслуженным уважением. Нартский Урузмаг, который берет город и безжалостно уничтожает его, квартал кузнецов оставляет в неприкосновенности (Памятники, 1925. С. 86). Обычно кузнецы в городах и населенных пунктах занимали отдельный участок.

Кузнечное ремесло невозможно без сырья. «Есть в этих местах (в Осетии. — *Г.Т.*) металлы разные — серебро, железо, сера, каменный хрусталь и др., но добывать их не умеют, чтобы применять в больших количествах» (Вахушти, 1941. С. 109). Данное сведение отражает состояние первой половины XVIII в., когда в Осетии всякая хозяйственная деятельность стояла на пути деградации. Поэтому они и не могли добывать руду в больших количествах, обрабатывая ее примитивным способом. Недостаток руды восполнялся путем ее ввоза из Рача-Лечхума и Сванетии. Большое количество глиняной посуды в захоронениях указывает на достаточно высокий уровень развития гончарного производства.

Аланы в средних веках знали обработку шерсти, кожи, изготовление бурок, сукон. По мнению Е. Крупнова, к этому периоду относится формирование горского костюма (т.н. черкеска), который возник на основе местного сырья (Крупнов, 1946. С. 38). Осетины знакомы и с другими отраслями производства. По Вахушти, осетины «знают производство кожи, шерстяной ткани, валяных изделий, добротных бурок. Знают кузнечное дело, слесарное ремесло, обработку дерева, домостроение» (Вахушти, 1941. С. 111). Эти сведения отражают положение позднейшего периода, но характерны и для ранних времен. Довольно хорошо было развито строительное искусство, которое проявлялось при возведении наземных и подземных склепов, укреплений, жилых домов, а после принятия христианства — в строительстве церквей и молелен.

Характерное преобладание натурального хозяйства в экономике средневековой Осетии обусловливается слабостью внутреннего рынка. Торговля внутри страны не развивается без соответствующего развития городской жизни и без существования в стране различных в хозяйственном отношении районов. В тогдашней Осетии не было соответствующих условий для развития внутренней торговли и товарного производства.

Мы располагаем сведениями, в которых речь идет об осетинских городах. Захарий Ритор (VI в.) писал, что у алан пять городов (Георгика, 1936. С. 18). Масуди говорил о столице Аланского царства — Маасе (Караулов, 1908. С. 53). Эл-Омар писал относительно городов: «Что касается черкесских, русских и ясинских городов, то они имеются у них во множестве» (Тизенгаузен, 1884. С. 234). Джуаншер (XI в.) в связи с деятельностью Вахтанга Горгасала (V в.) отмечал, что он почти разгромил осетинские города (Картлис цховреба, 1955. С. 156). По всей вероятности, под этими городами под-

разумевались крепости и укрепления городского типа, имеющие не торгово-промышленное, а, скорее всего, военно-административное значение.

Господство натурального хозяйства в Осетии, неразвитость городской жизни проявили себя в отсутствии собственной денежной единицы. В X–XII вв. осетины имели политически сильную государственную организацию, но тем не менее не создали собственную денежную единицу. Позднейшее сведение Вахушти по этому вопросу отражает не только современное ему, но и значительно раннее состояние. По нему, осетины «не знают тетри (грузинская денежная единица. – ***Г.Т.***), не знают торговлю этими деньгами, а между собой торгуют бурками, черкесками, суровой тканью, шерстью, овцами, коровами и пленниками» (Вахушти, 1941. С. 111).

Более значительна была внешняя торговля. Выгодное расположение Осетии на дорогах, связывающих Северный Кавказ с Закавказьем, Причерноморьем и Прикаспием, возможность установления связей со многими странами через эти дороги способствовали росту масштабов внешней торговли. Письменные источники не дают возможности говорить о предметах ввоза и вывоза с целью ведения торговли. Если рассуждать по аналогии и археологическим материалам, то можно говорить, что из соседних северокавказских стран завозили металлические изделия, ткани, вино, художественные изделия, украшения. Предметами вывоза, по всей вероятности, были продукты животноводства: шерсть, кожа, скот и даже рабы.

Средневековая Осетия торговала с Грузией, Византией, Ираном, Россией. В 1885 г. у села Хасаут М. Ковалевским из склепа были изъяты остатки одежд, изготовленных из драгоценных иранских и византийских тканей. Интересные материалы неместного происхождения были выявлены Вс. Миллером в захоронениях VI–IX вв. у села Билим и в других местах (Крупнов, 1946. С. 35).

Аланские захоронения VI–X вв. почти везде богаты инвентарем ирано-индийского происхождения. Кроме сасанидских, арабских и византийских монет, они содержат предметы из слоновой кости, шелковые, хлопковые, льняные византийские ткани, сасанидские шерстяные ковры (там же. С. 40–41). О существовании внешней торговли в Осетии говорят некоторые фрагментарные сведения из письменных источников. По сведениям летописца Феофана (VIII в.), аланы заявляют, что «у нас имеются взаимоотношения с абасгами (абхазами) и наши купцы ходят туда» (Георгика, 1941. С. 108). Осетины, по сведениям летописца (события конца XIII в.), отправлялись в город (подразумевается Тбилиси. – ***Г.Т.***) торговать (Картлис цховреба, 1849. С. 429). Арабские авторы XIII в. Ибн-Абдеззахир и Рукнаддин Бейбарс удостоверяют торговлю аланских купцов в городах Египта и Крыма (Тизенгаузен, 1884. С. 55, 98).

Найденные на территории Осетии иностранные монеты и пред-

меты быта в основном попадали туда из Грузии, так как именно через нее осуществлялись политические связи Осетии с тогдашними великими государствами мира (Византией, Ираном, Аравией). Не является случайным тот факт, что как предметы, так и монеты в Северной Осетии в основном встречаются в окрестностях перевальных дорог. К таким местам относятся Чми, Харх, Балта (в Дарьяльском ущелье), богатые захоронения Дигории и др.

Для более широкой характеристики экономики средневековой Осетии материалов недостаточно, поэтому остановимся на достигнутом.

Быстрый процесс имущественной дифференциации, подтвержденный археологическими материалами начала раннего средневековья, военные нападения с целью добычи трофеев, политические связи с тогдашними крупными государствами, развитие внешней торговли и ведение борьбы оборонительного характера давали стимул к образованию племенных объединений в Осетии. Такие объединения, по сравнению с объединениями сарматского периода, были более прочными и стояли на более высоком социально-экономическом и политическом уровне.

В грузинских исторических источниках сведения об осетинах встречаются с середины первого тысячелетия до н. э. Правда, эти сведения зафиксированы в XI в., но тем не менее представляют определенный интерес. Грузинские источники называют осетинских вождей «царями». Грузинский царь Фарнаваз в знак благодарности за помощь выдал свою дочь замуж за осетинского «царя» (Картлис цховреба, 1955. С. 24). К осетинскому царю, племяннику отца, за помощью обращается преемник Фарнаваза — Саурмаг (там же. С. 27). Эти сведения Леонти Мровели приурочивает к событиям III века до н. э. В 70-х годах I в. н. э. он упоминает осетинских «царей» — братьев Базука и Анбазука (там же. С. 45). В IV в. упоминаются два царя — Ферон и Кавтиа (там же. С. 68). В 888 году «Матиане Картлисаи» («Летопись Картли») упоминает союзника абхазского царя — осетинского «князя» Бакатара (там же. С. 261). В XI в. власти Осетии опять назывались в грузинских источниках царями, и это положение продолжалось до второй половины XIII в., когда Пареджан и Бакатар продолжали носить титул мтавари (князя).

Разумеется, титул «царь осетин» грузинских источников для древнейшего периода был результатом модернизации. Историки XI в., имеющие очень блеклые, поверхностные, ошибочные представления о процессах общественного развития, современные им положения и представления переносили и на прошлое. Осетинский царь древнего времени является вождем племени и никем иным. Таких вождей было не единицы, и борьба между ними за первенство была естественным явлением. Моисей Хоренский, армянский историк VI—

VII вв., отмечал, что когда у аланского царя — шурина армянского царя — отняли престол (I в. н. э.), то он его вернул с помощью своего зятя (Хоренский, 1883. С. 101).

Грузинская политическая верхушка устанавливала политические связи с вождями таких племен, которые могли оказывать влияние на соотношение сил внутри страны с тем расчетом, чтобы это было выгодно и для союзника в деле получения военной помощи или во избежание нападений. В свою очередь, в результате таких связей укреплялись материальные и идеологические позиции вождей племен, что подвигало их к установлению таких отношений.

Сведения о политической верхушке осетин VI в. встречаются и в византийских источниках. Менандр представляет нам предводителя алан Сародия (Саросия) приближенным лицом Юстиниана I (527—565 гг.), поэтому он чувствовал прочность своего положения. Турецких послов не принимал без обезоруживания, зато в отношениях с Византией проявлял лояльность (Георгика, 1936. С. 210, 236). Сародий, таким образом, старался обрядить свою политическую силу в определенный этикет. Страна, находящаяся под управлением Сародия, уже не является простым союзом племен, но в то же время еще не является государством в полном смысле этого слова. Тем не менее она является политической организацией с сильными признаками государственности.

С VII в. осетин с восточных степей Северного Кавказа притесняли хазары, а с VIII в. — арабские завоеватели с юга. Дарьяльское ущелье превратилось в арену жестоких боев хазаров и арабов. Арабы добивались установления гарнизона в Дарьяльской крепости. К этому времени относится происхождение названия «Баб-ил-алан» (Врата алан). Осетины сражались и с теми и с другими завоевателями и в конце концов добились независимости. Борьба с хазарами на севере, а с арабами — на юге еще больше сплачивала осетинские племена и усиливала их политическую мощь.

В VI—IX вв. в Осетии происходило зарождение и формирование феодальных отношений. Оно закончилось образованием крупного политического объединения, приобретшего в IX—XII вв. признаки государственного строя (История, 1954. С. 48). В отмеченном периоде Осетия растянулась с востока — от дагестанских границ (от Серира — по арабским источникам) на запад — до реки Лаба (левый приток реки Кубань), а с юга — от Кавказского хребта на север — до границ Хазарии. Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период северная граница Осетии была неустойчивой.

Политическое объединение осетин в военном отношении представляло значительную силу и этим привлекало внимание соседних стран. Они стремились использовать военную силу осетин в своих политических интересах. Объединение осетинских племен соответственно должно было отражаться на его политической организации.

Но, к сожалению, отсутствуют сведения, на основе которых можно было бы установить социальную и политическую структуру этого объединения. Несмотря на это, фрагментарные сведения дают возможность установить, что царь этого объединения был сильным, способным вывести войска численностью 30—40 тыс., имел престольный город, а за городом — крепости и укрепления, куда он периодически отправлялся (Караулов, 1908. С. 54).

Осетинского царя Дургулеля, шурина Баграта IV (XI в.), «Матиане Картлисаи» украшает «большим» эпитетом (Картлис цховреба, 1955. С. 313). У него были подчиненные князья, в сопровождении которых он гостил у своего зятя в Кутаиси. Царь Баграт IV наградил всех сопровождающих. Они, безусловно, были более мелкими феодалами, признавали верховную власть царя Дургулеля и вместе с ним участвовали в сношениях с другими государствами. Из-за отсутствия конкретных материалов о взаимоотношениях внутри господствующего класса, между господствующим и зависимым классами многие другие первостепенной важности вопросы окутаны туманом. Феодальный же характер общества удостоверяется даже и этими фрагментарными сведениями.

Археолог С. Куссаева на основе обнаруженных в археологических памятниках признаков понижения уровня материальной культуры ставит под сомнение существование государства в Осетии, так как, по ее мнению, снижение общего уровня материальной культуры несовместимо с существованием государства (Куссаева, 1953. С. 275). Исследователь скептически относится к идее существования государства в средневековой Осетии. Понижение уровня материальной культуры объясняется уменьшением количества инвентаря в захоронениях, что не может быть безусловным критерием такого вывода. Данное обстоятельство, может быть, являлось следствием распространения христианской религии и связанных с ней изменений в обрядах захоронения (Ванеев, 1959. С. 73—74). Христианство в Осетии распространялось именно в начале X в.

Не разделяя сомнений С. Куссаевой о существовании государства в Осетии, мы, тем не менее, не считаем, что в Осетии существовала развитая государственная организация, стоящая на уровне Византии, Грузии или России. Осетинское государство было раннефеодальным государством, имеющим политические и династические связи с соседними странами[7].

По грузинским источникам, в XI в. в Осетии существовало централизованное государство. В это время название «царь» означало верховного правителя феодального государства. С начала XII в. в раннефеодальной Осетии появляются явные признаки распада. Этот процесс проявил себя в увеличении количества князей-царей. Центральная власть уже не может подчинить их, они добиваются независимости и во взаимоотношениях с соседними странами выступа-

ют от своего имени. На это указывает сведение историка Давида Строителя о том, что прибывшего в Осетию Давида встретили «цари и князья Осетии» (Картлис цховреба, 1955. С. 336). И во времена царицы Тамары в Осетии упоминаются несколько царей, сыновья которых приезжают в Тифлис и добиваются руки Тамары. Давид-Сослан был одним из этих царевичей, чьи владения находились в Алагирском ущелье.

Нашествие монголов и поражение осетин ускорило политическое разрушение осетинского государства. Политика монголов в Осетии, как и в других странах, была направлена на углубление политической децентрализации. Князьям-ренегатам они сохраняли власть, а непокорных безжалостно уничтожали. За децентрализацией последовали внутренние распри, феодалы беспрерывно воевали друг с другом. По сведениям Юлиана, внутренний разлад был настолько острым, что жители сел и деревень на пахоту выходили сообща и вооруженными (Юлиан, 1863. С. 999).

В таких условиях упадок в хозяйственной жизни, снижение внешней роли осетинского государства было естественным явлением. Потерпев поражение на равнинах Северного Кавказа, осетины поселились в горах, а оттуда начали переселяться на территорию Грузии. Этот процесс продолжался довольно долго и завершился образованием Южной Осетии.

Таким образом, средневековое осетинское государство было политической организацией раннефеодального типа, не успевшей пройти полный процесс развития и поэтому разрушившейся. Культура осетин, возникшая на базе кобанской культуры, подвергалась влиянию культуры Грузии, Византии и Южной России.

В начале X в. осетины официально принимают христианство и, начиная с этого времени, элементы христианской религии распространялись среди осетин через Грузию и Византию. Грузинский и греческий языки и письменность широко распространялись в Осетии. Возникла и культовая архитектура, остатки которой сохранились до нашего времени.

ГЛАВА IV

Грузино-осетинские взаимоотношения в I—X вв.

§ 1. Взаимоотношения древнего населения Северного Кавказа и Закавказья
(с древнейших времен до начала нашей эры)

Проникновение ираноязычных аланов на равнины Северного Кавказа происходило в начале нашего летоисчисления. В результате их взаимоотношений с местным населением сформировался народ, который грузинские источники называют «овсами», римские, греческие, арабские и армянские источники — «аланами», а русские источники — «ясами».

Население Северного Кавказа с незапамятных времен имело тесные связи с древнейшими народами не только Северного Причерноморья и Южной России, но и Закавказья и Передней Азии. Письменные источники об этих отношениях древнейшего времени отсутствуют. А иметь определенное представление о них необходимо для понимания последующих процессов. Аланское население на Северном Кавказе не образовалось на пустом месте. Оно усвоило созданную веками культуру местных племен и продолжало традиционные отношения с соседними странами. В условиях отсутствия письменных источников наиболее полезными для изучения поставленных целей рассматриваемого периода являются археологические материалы. Остатки материальной культуры, анализ их происхождения и путей передвижения дают возможность разобраться в некоторых вопросах взаимоотношений с соседними странами и народами.

Северный Кавказ с незапамятных времен являлся перекрестком мирового значения. Он соединял северные страны с древнейшими культурными странами юга. Следовательно, Северный Кавказ прошел этапы своего исторического развития не изолированно, а в тесной связи с соседними странами. По этой причине найденные на территории Северного Кавказа археологические памятники с их богатым инвентарем показывают не только особенности и пути развития материальной культуры местного населения, но и дают определенные сведения о хозяйственно-культурных связях с внешним миром.

Кавказ — древнейший центр металлургии меди и бронзы — проявляет связи с цивилизацией Древнего Востока со второго тысячелетия до нашей эры. В последующем такие связи постепенно разви-

ваются с Малой Азией, Месопотамией, Ираном, Юго-Восточной Европой и Северным Кавказом (Крупнов, 1951. С. 6). Аналоги кобанской культуры, очаг которой был обнаружен у села Кобан и датируется серединой третьего тысячелетия до н. э., обнаруживаются в Закавказье и Малой Азии. Керамика из Кумбулта (Дигория) датируется первой половиной второго тысячелетия до н.э., обнаруживает большое сходство с керамикой «Наохваму», найденной в Колхиде. Бронзовый топор, найденный в Галиате (Дигория), топологически близок с Сачхерским топором, а топор, найденный в селе Карца П. Уваровой, изумительно похож на топор из Абхазии (Крупнов, 1951. С. 37—39). Отмеченные факты сходства не могут быть случайными. По мнению Крупнова, «существующие материалы свидетельствуют об общности культурного развития населения центральной части Северного Кавказа и Южного Кавказа, особенно населения Западной Грузии. Такая общность проистекает из эпохи энеолита и бронзы» (там же. С. 70).

В результате развития производительных сил населения Северного Кавказа, в частности освоения горных районов, расселения в долинах рек и перехода на земледелие (рубеж 3—2-го тыс. до н.э.), его отношения с соседними странами становились интенсивными. С середины и второй половины 2-го тыс. до н.э. культурная общность подтверждается не только между Центральным Предкавказьем и Северо-Западным Кавказом, но и с Закавказьем. Глиняная посуда, обнаруженная в захоронениях Дигории, своим характерным орнаментом аналогична керамике Закавказья бронзовой эпохи («Наохваму», у села Кикета) (Крупнов, 1951а. С. 7).

Закавказье с давних времен выполняло посредническую роль в отношениях Северного Кавказа с Передней Азией. Доказательством служит найденное у города Орджоникидзе хурритское кольцо из гематита, кинжалы переднеазиатского типа, аналогов которых в дигорских комплексах было найдено столько, сколько их обнаружено по всему Кавказу (там же. С. 10). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что древнейшие археологические комплексы в основном сгруппированы в окрестностях перевальных дорог, тех дорог, которые ведут в Закавказье.

У дигорских предметов много общего с предметами, обнаруженными в Рача-Лечхуме. Во 2-м тысячелетии до н.э. указанные пункты в хозяйственном отношении развились настолько, что уже производили бронзовые топоры, гигантские заколки, украшения, орнаментированную керамику. Во многих предметах того периода видны прототипы кобанских предметов (там же. С. 10; Крупнов, 1957. С. 69—70). Эти факты говорят о непрерывности развития местной культуры, о связи кобанской культуры с докобанской.

Первое тысячелетие до н.э., представленное кобанской культурой, является значительнейшей страницей древнейшей истории Се-

верного Кавказа. Кроме Кобана, предметы этой культуры были обнаружены во многих пунктах Северного Кавказа, а в последнее время и в Южной Осетии. Инвентарь захоронений кобанского типа состоит из бронзового топора, пряжек ремней, кинжалов, украшений (спиральные браслеты, мелкие фигурные подвески, фибулы и др.), разнообразных ожерелий, архаической глиняной посуды. Назначение предметов разнообразное. Есть предметы чисто практического назначения, как, например, посуда, конская сбруя и др.; боевое оружие – кинжалы, наконечники стрел и копий и др.; украшения, культовые амулеты в виде фигур домашних и диких животных, детские игрушки. Простой перечень инвентаря захоронений ясно указывает на высокий уровень развития народа, носителя кобанской культуры. Бронзовая и глиняная посуда являются продуктами местного производства, что удостоверяется наличием каменных и глиняных форм. Железо на ранней стадии кобанской культуры применялось только для инкрустации, а с середины 1-го тысячелетия уже находит широкое распространение.

В районах распространения кобанской культуры на Северном Кавказе признаков обработки железа не найдено. Возможно, его завозили из Закавказья (Рача-Лечхуми, Сванетия). Кобанская культура является развитой культурой, возникшей на местной почве. Она развивалась в условиях тесной связи с культурами соседних народов. «Обнаружение образцов кобанской бронзы на Переднем Кавказе, в Поволжье, на Полтавщине и Киевщине, в Крыму и, особенно, в Закавказье означает, что население высокогорных районов Северного Кавказа находилось в многосторонних взаимоотношениях с народами Юго-Восточной Европы, Передней Азии и Закавказья» (Крупнов, 1951а. С. 7). На это же указывает сильное сходство отдельных предметов Кобанской культуры с инвентарем захоронений в первую очередь Южной Осетии, Имерети, Абхазии, Гурии, Аджарии, Орду.

Близость и схожесть кобанской культуры с культурой Западной Грузии, так называемой колхидской культурой, некоторые ученые считают показателем их идентичности, а некоторые даже старались ликвидировать термин «кобанская культура» как устаревший (Иващенко, 1941. С. 57, 59; Джанашия, 1937. С. XXVIII; Джанашия, 1952. С. 37; Амиранашвили, 1944. С. 37). Однако, помимо сходства, между этими культурами существуют и различия – в обрядах захоронений, в типах топоров, керамике, украшениях и т.д. На Северном Кавказе нет характерных для колхидской культуры бронзовых тяпок, ножей-скребков для кожи, секачей. Все это говорит о синхронности этих культур (Крупнов 1952. С. 7; Крупнов, 1957. С. 59; Арциховский, 1955. С. 99).

Развитие межплеменной торговли способствовало распространению изделий из различных очагов металлургии. Результатом такого распространения являлось наличие образцов кобанской бронзы в Закавказье и наоборот. То же обстоятельство подготавливало почву

для образования больших племенных союзов, их слияния и формирования народов.

В Казбеге (промежуточное связывающее звено Закавказья и Северного Кавказа) был обнаружен богато орнаментированный серебряный кубок с арамейской надписью и фигуркой овцы. Он попал сюда из ахеменидского Ирана через Закавказье и свидетельствует о существовании культурно-экономических отношений с югом Северного Кавказа (Крупнов, 1952. С. 26).

Распространение памятников кобанской культуры на обширной территории, ее самобытный местный характер, преемственная связь с докобанской культурой свидетельствуют не об ее идентичности с колхидской культурой, а об их синхронности, существовании между ними широких экономических и культурных связей. Тесными связями этих культур археолог О. Джапаридзе объясняет проникновение колхидского бронзового топора в районы распространения кобанской культуры (Джапаридзе, 1953. С. 283). В той части Внутренней Картли, которая входит в состав Южной Осетии, встречаются даже чисто кобанские элементы Эти районы Внутренней Картли посредством перевальных дорог с давних времен связывались как с Северным Кавказом, так и с Западной Грузией. Здесь проходила одна из дорог, где встречались кобанская и колхидская культуры (там же. С. 288).

На Северном Кавказе, прежде всего в Кобане, были обнаружены топоры колхидского типа. Типы кобанских топоров не повторяют черты колхидских топоров. В Кобани встречаются инкрустированные железом топоры. В Грузии такие топоры не встречаются. То же самое можно сказать и о других типах топоров (там же. С. 288–290). Отношения народов – носителей кобанской культуры с Закавказьем были облегчены еще и тем, что, по мнению некоторых специалистов, их языки принадлежали к иберо-кавказской языковой группе древнейшего населения Кавказа (Крупнов, 1952а).

На определенной ступени развития кобанской культуры, в частности в VIII–VII вв. до н .э., на Северный Кавказ вторгаются скифские племена. В III–II вв. до н. э. за ними хлынули волны сарматов, и в результате происходит сарматизация местного населения. Процесс проникновения на территорию Северного Кавказа ираноязычных народов завершается обоснованием здесь сарматских племен – алан – в начале первого века н.э. На базе этого процесса в центральной части Северного Кавказа сформировался осетинский народ.

Вторжение скифско-сарматских племен на Северный Кавказ не прерывает связи местного населения с народами Закавказья. Предметы, обнаруженные в кобанских захоронениях II–I вв. до н. э., характерны и для многих комплексов Центрального Кавказа и Закавказья того же периода (Алексеева, 1949. С. 206). В этот период на территории Северной Осетии встречаются предметы из золота и серебра, в том числе и монеты. В Кумбулта встречаются золотые и

серебряные подделки монет Александра Македонского. В горные районы проникают эллинские и римские предметы: украшения из золота и серебра, ожерелья, монеты, фибулы (там же. С. 235, 241).

Таким образом, тесные экономические и культурно-политические связи доосетинского населения Северного Кавказа с Закавказьем хорошо подтверждаются археологическими материалами. Аланы-осетины продолжали эту старую традицию, углубляли и расширяли ее.

Что же касается политической стороны отношений доаланского периода, то из-за отсутствия письменных источников сказать что-нибудь определенное затруднительно. Однако отрицать существование таких отношений не следует. Скифско-сарматские племена вместе с древним населением Северного Кавказа часто проникали в Закавказье. То же самое можно сказать и о культурных связях. Нехватка соответствующих материалов не дает возможности отдельно говорить о культурных отношениях. Выявление таких отношений возможно только на основе археологических материалов. Схожесть инвентаря, типологическая близость его отдельных видов, взаимное проникновение форм культурных изделий дает возможность создать определенное представление об этих отношениях.

§ 2. Грузино-осетинские экономические взаимоотношения (I—X вв.)

С начала нашего летоисчисления Северный Кавказ все более тесно включается в торгово-обменные отношения с Закавказьем. С развитием государственности в Иберии и Колхиде этим отношениям, без сомнения, придается более или менее организованный характер. Экспансия Рима в Закавказье (I в. до н.э.) вызвала широкое включение местного населения в тогдашние торговые отношения. Именно это и было основной целью римской экспансии — отыскание новых рынков и источников сырья. Римское рабовладельческое общество нуждалось в больших количествах рабов и в разнообразных товарах. В этом отношении Закавказье имело большое значение для Рима.

Римляне, с давних пор имевшие экономические отношения с Северным Кавказом, и сейчас продолжали эту традицию. Сами закавказские страны — Иберия и Колхида не были исключены из этой системы отношений. Наоборот, стремление римлян к владычеству в их странах заставляло иберо-колхов искать политические связи с народами Северного Кавказа с целью противостояния римлянам. Академик С. Джанашия отмечал, что воинственный характер эпохи не мог помешать развитию торговли, так как в это время война и торговля были тесно взаимосвязаны (Джанашия, 1949. С. 195). Об этом свидетельствует широкое распространение, начиная с I в., римского динария. С I—II вв. подделки динария появляются в Грузии, что

указывает на расширение масштабов купли-продажи. Северный Кавказ не стоял вне этих событий и принимал живое участие в отмеченных процессах, чем и объясняется распространение в больших количествах поддельных динариев на территории Северного Кавказа.

Показателем повышенного интереса римского рабовладельческого общества к Закавказью является появление в римской письменной традиции сведений о торговых путях и экономических вопросах. По свидетельству Страбона, географа I века, Иберию с соседними странами связывали четыре главные дороги. Дорога, проходящая через Дарьяльское ущелье, связывала Иберию с миром Северного Кавказа. Были и другие дороги, идущие в сторону севера. Кто владел этими дорогами, тот и мог пользоваться ими для торговых целей. С. Джанашия считал, что «эти дороги имели большое экономическое значение, ибо Северный Кавказ являлся богатым источником рабов» (Джанашия, 1952. С. 17). Он считал, что племена Северного Кавказа являлись основными потребителями грузинского вина, и в этом отношении значение Дарьяльской дороги должно было увеличиваться (там же. С. 194).

По сведениям Страбона, в Диоскуриаде собираются народы 70 национальностей для ведения торговли. Большинство их принадлежит к сарматским племенам, а в общем-то все они называют себя кавказцами (Латышев, 1947. С. 215). Страбон не перечисляет предметов торговли, но причиной сбора многочисленных национальностей считает приобретение соли (там же. С. 224).

Территориально выгодное расположение Осетии в центральной части Северного Кавказа обусловливало ее посредническую роль с севером Закавказья. Через их территории перемещались материальные ценности, устанавливались экономические связи с другими народами Северного Кавказа. Существование на их территории переходных дорог обеспечивало им господствующую роль в торговле между севером и югом, Причерноморьем и Прикаспием. Такая роль Осетии особенно четко стала проявляться со времен владычества римлян в Закавказье. Римляне уделяли большое внимание укреплению Дарьяльской дороги, что было обусловлено ее экономическим значением. Страбон и Плиний Секунд, касаясь этой дороги, описывают череду укреплений вдоль этой дороги. В конце дороги находилась столица Иберии – Мцхета, большой экономический и торговый центр, где пересекались водные и сухопутные магистрали, связывающие восток с западом и север с югом.

С началом римской экспансии в Закавказье экономическое значение дорог выросло, ибо римляне установили оживленную торговлю с Северным Кавказом. Этим объясняется тот факт, что большая часть товаров, завозимых на территорию Северного Кавказа, относится к тому периоду, когда Римская империя установила свое господство на Черном море (Крупнов, 1947. С. 126).

Торговля была известна осетинам с древнейших времен. Из лингвистических исследований проф. В. Абаева видно, что термины, связанные с торговлей, произошли из древнеиранского языка. Например, осетинский «вацар» (груз. «вачроба» — торговля) происходит от пехлевийского «wacar» (вачроба); осетинский «уай» («гакидва» — продажа) происходит от древнеиранского «vah»; осетинский «аргъ» («паси» — цена) происходит от иранского «argha» (Абаев, 1949. С. 66). Значит, осетины на своей древнейшей родине имели определенный опыт в области торговли и продолжали его и на Кавказе.

Обнаружение римских монет на территории Северной Осетии, в окрестностях Военно-Грузинской дороги является показателем близких взаимоотношений между Закавказьем и Северным Кавказом. В 1880 г. у села Чми (Северная Осетия, на Военно-Грузинской дороге) К. Ольшевским был обнаружен римский динарий императора Августа (Пахомов, 1949. С. 22), а в 1888 году была найдена римская серебряная монета (Пахомов, 1940. С. 30). В том же 1888 году Бобровским был найден серебряный римский динарий в Степанцминде (нынешний Казбеги), чеканенный между 27 годом до н.э. и 14 годом н.э. (Пахомов, 1949. С. 21—22). В Мцхете найдены в большом количестве золотые ауреусы Веспасиана, Траяна, Адриана (там же. С. 25—26). Эти факты явно свидетельствуют о том, что отмеченные монеты попали на Северный Кавказ из Грузии в результате существовавших тогда экономических отношений.

В VI в., в период борьбы между Византией и Персией за первенство в Закавказье, политическое значение перевальных дорог значительно усиливается. Отныне дорожные вопросы непосредственно связываются с оборонительной или наступательной политикой противоборствующих государств. Основная суть такой политики состояла в том, чтобы не допускать (или мешать) переброски военных сил племен Северного Кавказа, в первую очередь аланов. Каждая сторона стремилась к их использованию, а если этого не добивалась, то старалась не допускать их использования противником. Это обстоятельство не умаляло экономического значения дорог, ибо всякое политическое противоборство было продиктовано экономическими интересами государств. Восточная Грузия (Иберия) проявляла особую активность по отношению к Дарьяльской дороге. Она посредством этой дороги осуществляла непосредственную и опосредованную торговлю с племенами Северного Кавказа.

В III—IV вв. происходило Великое переселение народов[8]. Алания оказалась на пути этого переселения, что оставило свой отпечаток на ее дальнейшей судьбе. Движение гуннов, булгар, аваров вызвало перегруппировку местного населения, в результате чего ранее наблюдаемая этническая пестрота на Северном Кавказе принимает окончательный вид. В результате попадания алан-осетин в сферу движения народов, стоявших на более низкой ступени развития, их экономическое и политико-культурное развитие затормозилось.

В раннем средневековье Византийская империя и Иран были крупными потребителями шелка, получаемого из восточных стран (Китай, Индия). Византия получала шелк из Китая караванным путем. Этот путь в первых веках нового летоисчисления проходил через Среднюю Азию и, чтобы обойти стороной Персию, с Севера огибал Каспийское море, пересекал Кавказские горы и направлялся в Константинополь. Путь был очень тяжелым, но к нему в определенные периоды все-таки обращались (Пигулевская, 1951. С. 186–187). Этот путь пересекал Северный Кавказ и, разумеется, оказывал определенное влияние на регион. В IV в. Византия и Иран стали непосредственными соседями в Закавказье, которое из-за своего важного торгово-экономического значения превратилось в арену продолжительных смертельных схваток между Ираном и Византией.

В V–VI вв. политические и экономические связи осетинского населения Северного Кавказа с Грузией оживились. Ирано-византийское противоборство, в которое позднее включились хазары и арабы, способствовало оживлению этих связей. Каждая противоборствующая сторона старалась добиться поддержки северокавказских племен путем их подкупа подарками и деньгами. Такого характера отношения вовсе не исключали существование регулярных экономических связей с Закавказьем.

Материалы могильника Байтал-чапкан, датированные V в., по мнению исследователя Т. Минаевой, указывают на существование широких обменных взаимоотношений с соседними народами. Инкрустированные украшения – фибулы, ожерелья и др. – посредством таких обменных процессов попадали к истокам реки Кубань. Торговые отношения с соседними странами ускоряли процесс имущественной дифференциации. Отмеченный могильник принадлежит аланам и дает добротный материал для характеристики социально-экономического положения (Минаева, 1956. С. 260–261).

Уже в VI в. Западная Европа по водной системе Волги и Сырдарьи получала китайские и индийские товары. Часть товаров через Танаис – Меотиду (Дон – Азов) шла в Пантикапей (Керчь), часть караванной дорогой отправлялась на Таманский полуостров, откуда товар распределялся по городам Черноморского побережья и Крыма, часть через «Каспийские ворота», непосредственно из Итиля и Маджара (Северный Кавказ, на реке Кума), шла в Закавказье (Дьячков-Тарасов, 1930. С. 148).

Маджар существовал с эпохи хазар-кипчаков и своим значением был обязан центральному положению на Северном Кавказе, что определяло и его торговое значение. Диоскурия (Сухум) и Пицунда имели тесные отношения с Маджаром, а Хумара (в ущелье Зеленчука. – ***Г.Т.***) была промежуточным звеном между ними (там же. С. 154). Раньше в этих местах проживали аланы, которые имели тесные отношения с населением Грузии.

Об оживленных экономических отношениях Закавказья с Северным Кавказом говорят многие факты. Особенно хороший иллюстративный материал дает инвентарь аланских могильников. В склепах села Хасаут (Кабарда) в отмеченный период были найдены ткани: шелковые, из хлопка, льняные, стекло византийского происхождения, тяжелые шерстяные ковры, стеклянная посуда, драгоценные металлы (иранские), цветные камни (Крупнов, 1947. С. 129). Отмеченный товар попадал на Северный Кавказ в основном из Грузии через перевальные дороги.

Монеты этой эпохи в большом количестве встречаются в ущельях Дигории и Тагаурии. Они имеют сасанидское, византийское и арабское происхождение. В Тагаурском ущелье, у аула Чми в катакомбах найдена византийская золотая монета Маврикия Тиберия (582—602 гг.), аббасидские дирхемы (VIII в.), сасанидские монеты (VI в.) (Пахомов, 1938. С. 18).

В Дигории, в могильниках Камунта были найдены византийские золотые монеты: Анастасия (419—515 гг.), Юстиниана I (527—565 гг.), Юстин II (565—578 гг.), Фоки (602 — 610 гг.), Ираклия (610—641 гг.), а также серебряные и медные монеты (там же. С. 16). В Галиате (Дигория) в 1935 году, кроме сплюснутой византийской монеты VII в., была найдена и омейядская серебряная монета (Пахомов, 1940. С. 32).

Приведенные нумизматические материалы в условиях отсутствия соответствующих письменных материалов следует считать многозначительными фактами. Они подтверждают существование тесных экономических отношений с Закавказьем, в частности с Грузией. В рассматриваемый период в Грузии преобладают те же типы монет, которые встречаются и на территории Осетии. В восточных районах Северной Осетии в основном встречаются персидские монеты, в меньшей мере — арабские монеты. В западных районах безраздельно господствовали византийские монеты. Данный факт представляет интерес и в том отношении, что аналогичное распространение монет имело место и на территории Грузии. В частности, в период владычества в Восточной Грузии персов там преобладали иранские монеты, а в Западной Грузии — в соответствии с влиянием Византии — византийские монеты.

К началу VIII в. уже имеются письменные сведения, удостоверяющие регулярные сообщения торгового характера между Осетией и Грузией (имеется в виду Абхазия). По сведениям Феофана, чиновника византийского императора Льва Исавра (в последующем императора), осетины (аланы) имеют торговые отношения с Абхазией и их купцы всегда ходят в Абхазию (Георгика, 1941. С. 108). Экономические отношения подобного рода между Осетией и Грузией (Абхазией) продолжались и в IX—X вв., однако, к сожалению, конкретные сведения об этом отсутствуют.

Таким образом, в I—X вв. между осетинским населением цент-

ральной части Северного Кавказа и отдельными частями Грузии существовали тесные экономические и политические связи, несмотря на то, что они являлись ареной длительных сражений. Такие связи, в зависимости от меняющихся внутренних и внешних факторов, иногда ослаблялись, но полностью никогда не прекращались, ибо отвечали жизненным интересам обеих стран.

§ 3. Грузино-осетинские политические взаимоотношения

Для характеристики грузино-осетинских взаимоотношений большое значение имеют сведения грузинского историка XI в. Леонтия Мровели. Характеризуя историю Грузии древнейшего времени, он, несомненно, опирался на имеющиеся исторические данные, в которых, по всей вероятности, были указания об отношениях населения Северного Кавказа с Закавказьем. Сведения римских историков — Корнелия Тацита, Иосифа Флавия, Флавия Арриана и др. дают хороший материал для проверки сведений Леонтия, касающихся отношений аланов с Иберией.

Для нас неприемлема концепция Леонтия Мровели о происхождении народов Закавказья, по которой осетины появились здесь в результате заселения грузинскими и армянскими пленными равнин Северного Кавказа. Этих пленных будто бы переселил хазарский царь Уобос (Мровели, 1955. С. 12). Хазары на Северном Кавказе появляются с VI в., и связывание с ними древнейшей истории Кавказа исключается. Более правильным представляется, если под «хазарами» Леонтия подразумевать скифов, которые в то время действительно проживали на Северном Кавказе и имели отношения с Закавказьем, начиная с VIII—VII вв. до н.э., до тех пор, пока их не сменили сарматы (III в. до н. э.). В таком случае сведения Леонтия Мровели имели бы реальный характер.

Леонтию Мровели и другим грузинским историкам его времени, по всей вероятности, хорошо была известна потомственная связь древнего народа Осетии с ее современным населением. Преувеличенное представление о наследственной связи породило у них ошибочное мнение об идентичности древнейшего и современного населения.

Леонтий Мровели усматривает первые шаги Картли на пути развития государственности в связи с осетинами. Против Азона, господствующего в Картли (рубеж IV—III вв. до н. э.) и опирающегося на греческие войска, выступает предводитель местных привилегированных кругов Фарнаваз, который, с помощью войск эгрисского правителя Куджи и осетинского царя, одерживает победу. В знак благодарности Фарнаваз «за осетинского царя выдает свою сестру» (там же. С. 23, 24).

Если приведенное сведение Леонтия является верным, то для нас становится очевидно, что грузинские политические деятели с древних времен придавали большое значение добрым отношениям

с соседними народами. В частности, они высоко ценили роль Северного Кавказа в укреплении военной мощи Закавказья, для чего осуществляли и ряд мероприятий. В данном случае в качестве мероприятия, укрепляющего взаимоотношения, выступает бракосочетание, посредством которого предводитель (царь) осетинского господствующего верхнего слоя роднится с грузинскими правящими кругами, в частности с царем. Бракосочетание осуществлялось по политическим соображениям. Сын Фарнаваза, Саурмаг, удачно воспользовался этим родством тогда, когда от него отступились картлийские эриставы. «Тогда Саурмаг отправился к осетинскому царю, к племяннику своего отца, и попросил помощи. Тот с радостью согласился на помощь, собрал и дзурдзуков, и отправился в Картли. Никто не стал сопротивляться, и завоевал Картли, а отступивших уничтожил» (там же. С. 27). По Леонтию Мровели, положение Саурмага было критическим, ему пришлось заново завоевывать Картли. Только с помощью внешней силы смог он вернуть утраченное. Достоверность сведений, приведенных Леонтием Мровели, невозможно проверить данными других источников ввиду их отсутствия. Однако с начала нашего летоисчисления становится возможной проверка ряда данных на основе параллельных иностранных источников. Что же касается оказания помощи со стороны народов Северного Кавказа, то здесь ничего невозможного нет. Правда, эти иностранные источники упоминают алан, а не осетин. Но мы уже доказали идентичность аланов и осетин. Осетины образовались в результате смешения местных племен с аланскими племенами, а новообразованную этническую общность разные источники называют по-разному.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что до обоснования алан в центральной части Северного Кавказа население, проживавшее там, носило другое наименование. Когда образовалась новая этническая единица, то ближайшие их соседи – грузины оставили название прежнего этнического массива (это старое название, возможно, было «овси»), а иностранные источники распространили на них название пришлых племен. Примечательно, что названия «овси», «оси» не поддаются объяснению на основе осетинского или грузинского языков. Допускается, что это наименование берет начало из языкового мира древнейшего населения центрального Северного Кавказа.

В грузинских источниках существование названия «овси» подтверждается и до Леонтия Мровели (XI в.). «Овси» упоминается и в художественном произведении VII века «Абос Цамеба» («Пытка Або»). В нем говорится, что Нерсе-эристав прошел «Дверь осетинскую», которую называют «Дариалан» (Кекелидзе, 1935. С. 64). «Двери (врата) осетинские» – старое название, а «Дариалан» образовалось в период господства Персии в Закавказье. «Дариалан» означает – «врата аланов». «Овси» здесь заменено на «алан». Грузинские источники знают и это, негрузинского происхождения, название.

Уже в первой половине I в. н. э. в римских источниках появляются сведения об отношениях Иберского царства с аланами. Сближение иберов и алан создавало опасность господству не только Парфии, но и римлян. Этим объясняется их чрезмерный интерес к взаимоотношениям иберов и алан.

Тацит (55–117 гг.) в своих «Анналах» говорит о борьбе иберийского царя Фарсмана с парфянским царем Артабаном (35 г.). Артабану трудно, он собирает огромные войска, приобретает союзников, но в том же направлении энергично действует Фарсман, который на свою сторону привлекает алан и сарматов, князьки которых получали подарки от обеих сторон и обеим обещали помощь. Иберы в срочном порядке через Каспийскую дорогу пропускают сарматов на территорию Армении. Часть сарматов, которые направлялись на помощь Парфии, была остановлена, так как все пути оказались закрытыми, кроме одного – между морем и концом албанских гор. А эта дорога летом была непроходимой, так как уровень воды поднимался из-за дувших пассатов (Тацит, 1887. С. 200–281; Латышев, 1949. С. 211–212). В таких условиях иберы побеждают. Сын АртабанаОрод потерпел жестокое поражение. Парфяне в конце концов были вынуждены покинуть Армению, так как вместе с иберами их атаковали и римляне.

В этих сведениях Тацит вместо алан упоминает сарматов, но эти «сарматы» были, по всей видимости, аланами, ибо они в это время занимали господствующее положение на Северном Кавказе. И проживали они, по всей вероятности, в основном на территории современной Осетии. Их перевод по Дарьяльской, или осетинской, дороге для Иберии не был связан с большими трудностями. «Каспийские ворота» у Тацита означают «Дарьяльские ворота», так как, во-первых, эта дорога выходит на территорию Иберии, а во-вторых, настоящие Каспийские ворота – это Дербентский проход, по которому направилась одна часть сарматов. В древности иностранные авторы часто путали «Кавказские» (Дарьяльские) и «Каспийские» (Дарубандские) ворота между собой, на что еще раньше указывал Плиний Секунд.

Какие интересы двигали иберийским царем Фарсманом в борьбе против Парфии? Его брата Митридата римляне поставили царем в Армении. Армения являлась спорным объектом между Римом и Парфией из-за того большого торгово-экономического значения, которое она имела благодаря своему положению на большом караванном пути из Индии и Китая. Иберия, в свою очередь, была движима не только собственными интересами, но и несла груз союзнических обязанностей по отношению к Риму. Рим в этот период проводил гибкую политику в отношении Иберии, учитывая ее удобное расположение, ее значительные военные и экономические ресурсы, возможность использования аланских племен Северного Кавказа против Рима. В конечном счете Рим нуждался в создании крепкого тыла для господства на Востоке. Эти причины определяли лояльную политику

Рима в отношении Иберии и выступление последней на стороне римлян, ее войну с парфянами. Все это благодаря аланам по своим результатам оказалось выгодным для Иберии — в Армении царем стал Митридат (35—51гг.) — брат Фарсмана, что укрепило позиции Иберии не только в Армении, но и собственно в Грузии.

По сведениям Иосифа Флавия, в 68 г. н. э. аланы, с целью грабежа решившись напасть на Мидию, начали переговоры с царем Гиркании. Этот последний владел проходом, который Александр Македонский закрыл железными воротами. Когда царь Гиркании открыл ворота аланам, то последние огромными массами напали на Мидию, начали разорять их богатую страну. Царь Пакор скрылся в непроходимых местах и за сто таланов с трудом выкупил свою жену и заложниц. Аланы достигли Армении, нанесли поражение Тиридату и с большими трофеями вернулись обратно (Латышев, 1947. С. 277).

Упомянутый царь Пакор был братом и наследником парфянского царя Вологеза I, а восседавший на армянском престоле Тиридат был братом того же Вологеза. Участие иберийского (по Флавию — гирканского) царя в этих событиях объясняется его стремлением ослабить позиции Парфии в Закавказье в пользу собственных политических интересов. В ведении Иберией такой политики был замешан Рим. Лояльной и гибкой политикой Рим стремился превратить Иберию в своего надежного союзника в борьбе против Парфии, использовать ее в качестве надежного щита от вторжения со стороны Северного Кавказа аланских племен. По мнению академика С. Джанашия, «роль Иберии для Рима определяло то обстоятельство, что на ее территории с Северного Кавказа на юг проходили те значительные дороги, через которые он всегда мог нанять кочевые племена Северного Кавказа (в данную эпоху — аланов) и использовать их для военных нужд» (Джанашия, 1949. С. 184—185).

По мере расширения и активизации политических интересов Иберии, улучшения ее военно-политического и экономического положения она в отношениях с соседними государствами начинает проводить независимую политику. Леонтий Мровели дает сведения о применении аланских войск против Армении, захватившей территорию Иберии. Во времена армянского царя Арташеса, «цари Картли Азорк и Армазел позвали осетин и лезгин. Пришли осетинские цари — два брата богатыря со своим войском, привели и печенегов, и джиков» (Картлис цховреба, 1955. С. 45). Битва произошла на реке Кура. Осетинские цари погибли на поле битвы, а грузино-осетинские войска потерпели поражение и отступили. Благодаря знанию местности потери грузин были незначительны, а овси и лезгины безжалостно уничтожены (там же. С. 47).

По сведению Леонтия, жестокое поражение осетин стало причиной еще большего сближения осетин с грузинами с целью отмще-

ния армянам. «Осетины начали искать способ отомстить кровникам армянам. Перешли в Картли и сдружились с грузинами, смешались вместе осетины и грузины, и воевали вместе против армян» (там же. С. 47). Данное сведение Леонтия представляет интерес во многих отношениях. Оно указывает на бытование кровной мести у осетин, что говорит о существовании патриархально-родового строя, ибо кровная месть является характерным явлением родового строя. При этом кровную месть он считает движущей силой деятельности осетин. Здесь либо речь идет об отдельно взятом явлении, либо имеет место преувеличение этого явления. Кровная месть не могла стать причиной последующих больших войн. Кроме того, сообщение Леонтия представляет интерес еще и в том отношении, что если до этого, и даже тогда, когда осетины вместе с грузинами воевали с парфянами или другими врагами, они выступали отдельными колоннами, то в иберо-армянской битве они воевали вместе.

Аланы-осетины, проживающие в центральной части Северного Кавказа, с самого начала проявляли большой интерес к богатым странам Закавказья. Их здесь интересовали трофеи, пленники, найм взамен военной службы. Иберия, пользуясь своим благоприятным положением (владение перевальными дорогами), не только страхует себя от внезапного вторжения алан, но и направляет их меч против своих врагов. Осетины часто соглашаются с предложенными Иберией условиями и воюют с ее врагами взамен открытия перевальных дорог в сторону Закавказья. От этого выигрывает не только Иберия (Картли), но и осетины достигают своих целей – добывают трофеи и пленных. Все это укрепляет связь между осетинами и грузинами. В противостоянии с Арменией Иберия сохраняет связи с осетинами, и они вместе выступают против армян. Борьба шла с переменным успехом. Царь армян вступает в Мцхету. Попав в тяжелое положение, грузины и осетины «попросили мира и обещали подчинение, отказались от кровной мести и поиска границы. Царь армян прислушался к их мольбам, дали ему клятву и обещание, поработил грузин и осетин и вернулся обратно» (там же. С. 48).

В последующем грузины и осетины выбрали удобное время, связанное с возникшей греко-персидской войной, пленили армянского царевича Зарена. Пленение Зарена было использовано в качестве дипломатического нажима на армян. Стороны установили мир, вернули плененного царевича, и за это «армяне обратно передали границу, уступили город и крепость, Джавахетию и Артани. Отныне армяне, грузины и осетины породнились и выступали совместно против врагов» (там же. С. 49).

После урегулирования вопроса о спорных территориях между армянами и грузинами восстановилась дружба. Осетины, союзники иберов, становятся союзниками и армян. И поскольку с этого вре-

мени у грузин и армян имеются общие враги в лице Ирана, а потом арабов и др., то создаются условия для их объединения против внешних врагов. Следовательно, и аланы-осетины отныне выступают союзниками грузин и армян.

О вышеупомянутых событиях сведения дает и армянский историк Моисей Хоренский в «Истории Армении». Во время царствования Арташеса (87–103 гг.) аланы, в союзе с другими горскими народами и при поддержке одной части иберов, напали на Армению. В свою очередь, и Арташес готовился к этой войне, собрал большое войско. Противники встали лагерем на Куре друг против друга. Из-за того, что сын царя алан находился в плену у Арташеса, царь алан просит у него мира, но Арташес не соглашается. Тогда в дело включается дочь аланского царя Сатиник, которая, во избежание кровопролития, просит Арташеса дать согласие на мир. Арташесу понравились и это предложение, и сама Сатиник, он женился на ней, и установился мир (Хоренский, 1893. С. 98–99).

Сведения Мровели и Хоренского в основном совпадают друг с другом. Речь в обоих случаях идет о борьбе аланов против армян, но есть и различия между ними. У Леонтия инициатива борьбы принадлежит иберам, они привлекают осетин на свою сторону. У Хоренского же иберы пассивны, часть из них привлекается осетинами на свою сторону, и совместно они нападают на Армению. Кроме того, Хоренский приводит эпизод с дочерью царя аланов. Вс. Миллер считает, что событие, связанное с Сатиник, было внесено Моисеем Хоренским из песен стихотворцев Готхена – устной народной словесности (Миллер, 1887. С. 27). У Леонтия Мровели отсутствуют сведения о породнении царя аланов с армянским царем, но это не исключает существования такого факта. Бракосочетание являлось средством упрочения установленного мира или предпосылкой к нему. Возможно, что именно такое бракосочетание предшествовало перемирию, результатом чего стало породнение армян, осетин и грузин.

Хоренский считает, что алано-армянские взаимоотношения не заканчиваются бракосочетанием Сатиник и Арташеса. За ним следуют события и другого характера. По сведениям Хоренского, военачальник Арташеса отправляется в Аланию, чтобы восстановить на престоле брата Сатиник, который после смерти отца преследовался другими претендентами. Он нанес им поражение, увел большое количество пленных и заселил их в юго-восточной стороне Масиса, назвав его Артазом (в области Васпуракана) (Хоренский, 1893. С. 101). По сведениям того же Хоренского, аланы из рода Сатиник (по фамилии Аравелианы) были возведены в звание нахараров, как однофамильцы великой царицы (там же. С. 105).

При сравнении сведений Мровели, Флавия и Хоренского выясняется, что у первого осетины-аланы с иберами находятся в тесной

связи и совместно действуют, для последних же иберы являются пассивными, и они либо предоставляют аланам-осетинам дорогу (Флавий), либо частично участвуют в их операциях (Хоренский). На эту тенденцию иностранных источников обратил внимание М. Инадзе (Инадзе, 1953. С. 42–43).

Опасность аланских нападений с Северного Кавказа на Закавказье создавала серьезную угрозу владычеству Рима в этих местах. Римляне серьезно оценивали такую угрозу. Император Нерон в 68 году начал готовиться к большой карательной экспедиции против алан. Он намеревался закрыть Дарьяльские ворота, установить контроль над ними и таким образом избежать вторжения. Академик И. Манандян в статье «О местонахождении Caspia Via и Caspia portae» утверждает, что вышеотмеченные переходы алан осуществлялись не по Дарьяльской дороге, а через так называемую Меото-Колхидскую магистраль. Он даже устанавливает примерный маршрут их движения. От Меотийского озера (Азовское море) дорога проходила вдоль северо-восточного побережья Черного моря, миновала Кутаиси, Абастуман, Ахалцихе, Ахалкалаки и так называемыми «Каспийскими воротами» (в районе нынешнего Ахалкалаки – по его предположению) спускалась в Артаксату (Исторические записки, 1948. С. 59, 66). Нахождение Каспийских ворот в районе Ахалкалаки сомнительно. В сведениях Тацита и Флавия ясно указывается, что речь здесь идет о Дарьяльской дороге, а не о каком-либо другом переходе.

Подготовка Нероном экспедиции против алан была связана с настоятельной просьбой парфянского царя Вологеза оказать ему помощь в деле искоренения вторжений алан в Парфию. В 75 г. Вологез просит помощи против алан у Веспасиана. Однако он не мог непосредственно удовлетворить эту просьбу и постарался путем создания препятствий для переходов алан ослабить опасность, исходящую от них. С этой целью он, с одной стороны, увеличил количество римских легионеров в Каппадокии, а с другой стороны, постарался использовать Иберию для осуществления своих политических планов, ибо, как известно, без прямого или косвенного согласия Иберии переход алан в Закавказье был невозможен. Сведения о том, какие мероприятия были осуществлены Веспасианом для обезвреживания нашествий алан, отсутствуют. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в Мцхете была найдена надпись 75 года, выполненная на греческом языке. В ней говорится, что Веспасианом и его сыновьями – Титом и Домицианом – «иберскому царю Митридату, другу кесаря и любящему римлян, и народу укрепили стены» (Каучхишвили, 1951. С. 234–235).

Разумеется, что стены Мцхеты укреплены Веспасианом не безвозмездно. Этим он, как справедливо заметил М. Инадзе, на пути вторжения алан укреплял одну из крепостей (Инадзе, 1953. С. 51).

Аланы в походе. Художник А. Джанаев

Римское рабовладельческое общество с начала II в. н. э. входит в состояние кризиса. Его военная мощь слабеет, и от завоевательных войн оно переходит к оборонительной политике.

В этот период в Иберии наблюдается рост хозяйственного развития и упрочение государственности. Из «преданного» союзника Рима она постепенно превращается в его врага. Иберия вновь обращается к аланам, пропускает их и противопоставляет римлянам. Аланы разоряют территории подданных Риму стран. По сведениям Диона Кассия, в 135 г., после окончания иудейской войны, началась война с аланами, находящимися в союзе с Фарсманом. Аланы сильно притесняли Албанию и Мидию, напали на Армению и Каппадокию, но, удовлетворенные подарками Вологеза и «напуганные» Аррианом – правителем Каппадокии, были остановлены» (Латышев, 1948, № 2. С. 276–277).

Прием Фарсмана в Риме на высоком уровне являлся показателем того большого значения, которое Рим придавал Иберии в своей восточной политике. Награждение Фарсмана 500 воинами и боевым слоном являлось удобным маневром для рассредоточения войск в Иберии. Прямой же акт такого рассредоточения войск обострил бы иберо-римские взаимоотношения (Инадзе, 1953. С. 61).

Во II в. перед Римской империей во всей остроте встал вопрос о необходимости борьбы против алан. Правящие круги Рима предпринимают специальные меры для ликвидации опасности аланско-

го вторжения. О том, какого характера были эти мероприятия, определенное представление дает правитель Каппадокии — Арриан, крупный римский чиновник. Он укрепил восточные границы Римской империи. В книге «История аланов», написанной им, есть отрывок — «Диспозиция против аланов», где разработаны принципы тактической борьбы против алан. По этой диспозиции предусматривается, что в борьбе против алан, кроме собственно римлян, принимал участие целый ряд народов, завоеванных ими (Латышев, 1948, № 1. С. 280).

Ознакомление с этой диспозицией не оставляет сомнений в том, что у алан были разработаны определенные военно-тактические принципы для ведения борьбы. И эти принципы, видимо, были столь прочны и серьезны, что противник считал необходимым ознакомиться с ними и предусмотреть их в своих военных действиях. Отрывок из «Истории аланов» не дошел до нас в полном объеме. Поэтому рассуждать о военной тактике алан нет возможности. Тем не менее именно военная сила аланских племен определяла их роль в политической жизни тогдашнего Закавказья.

Леонтий Мровели отмечает возникновение конфликта между осетинами и царем Иберии — Амазаспом (182—186 гг.). Он пишет: «Перешло большое число войск через Двалетскую дорогу. Царь Амазасп не заметил переход осетин. Расположились осетины лагерем на реке Лиахви и там в течение восьми дней отдыхали, никуда не совершив поход, ибо пришли для разорения города Мцхета» (Картлис цховреба, 1955. С. 55). О причинах нашествия осетин Леонтий ничего не говорит, ничего не сообщается и в других источниках. Причиной, по всей вероятности, было то, что Амазаспом были укреплены перевальные дороги с Северного Кавказа, и этим были затронуты интересы осетин. Походы в Закавказье являлись значительным источником доходов осетин в качестве получения найма и трофеев. Потеря же этих источников приносила осетинам большой материальный урон. Осетины не могли смириться с таким положением и решили восстановить прежнюю ситуацию. Через Двалетскую дорогу они двинулись для разгрома Мцхеты — престольного города царя Амазаспа. Дарьяльская дорога, укрепленная чрезвычайно, для такой цели не была пригодной. Военное столкновение разрушило намерения осетин. По сведению Леонтия, «на второй год Амазасп собрал все свои войска, получил подкрепление из Армении, перешел в Осетию, одержал победу и вернулся победителем» (там же. С. 57). Основной целью похода Амазаспа, как видно, было установление контроля над перевальными дорогами. Грузинский историк Сулхан Бараташвили по-своему оценивает конфликт между осетинами и Амазаспом: «Осетины, влекомые грабежом, окружили даже Мцхету». Это выступление он называет восстанием осетин (Баратов,1965. С. 75). В действительности причиной данного конфликта

был не столько грабеж, сколько более глубинные процессы. Леонтий указывает, что осетины не стали грабить другие места.

Когда грузины возненавидели Амазаспа из-за «кровной мести» (по Леонтию Мровели), в действительности же из-за его самодержавных устремлений, «отступили от него эриставы Эгриса, один эристав Одзрхиса, один — Кларджета и один — Цунда. Предстали они перед царем армян и попросили, чтобы тот поставил над ними царем своего сына, племянника Амазаспа. Тогда царь армян с большими силами двинулся в Картли, позвал на помощь греков, а также осетин. Последние с радостью выказали готовность идти против своего кровника — Амазаспа, прошли Такуерскую дорогу и прибыли к эриставу Эгриси» (Картлис цховреба, 1955. С. 57).

Если сведения Мровели правильно отражают происходившие события, то становится ясным, что осетины и на этот раз участвовали в тех внутренних войнах, которые часто имели место в Грузии между представителем центральной власти — царем и противниками такой власти — эриставами.

Создание сильной централизованной власти должно было произойти за счет ограничения власти эриставов. Однако верх одержали эриставы. Леонтий Мровели объясняет участие осетин и эриставов в этой борьбе кровожадностью Амазаспа. Однако осетинами двигали другие интересы, чем чувство мести к Амазаспу, и они воспользовались отступничеством эриставов для удовлетворения своих интересов. Интересы же осетин в основном были сконцентрированы вокруг перевальных дорог. Амазасп сначала перекрывает Дарьяльскую дорогу, после чего они переходят в Картли через Двалетскую дорогу (Военно-Осетинская дорога), но когда Амазасп и эту дорогу перекрывает, то осетины пользуются уже Такуерской дорогой, которая переходит в Западную Грузию. Осетинские войска для соединения с эриставами переходят Такуерскую дорогу. Но выбор на эту дорогу пал не потому, что они должны были соединиться с эгрисцами. Местом встречи было назначено Картли. Но идущие в Картли дороги были закрыты. Осетины из Эгриси переходят в Картли. «Осетины и мегрелы перешли малую гору и присоединились к отступившим от царя эриставам Картли» (там же, с. 57). С помощью осетин они нанесли поражение Амазаспу, но какую конкретно пользу осетины извлекли из этой победы, из источника не ясно. Вполне допустимо, что основная цель, из-за которой они выступили против Амазаспа, была достигнута — установление контроля над перевальными дорогами.

Таким образом, осетины совместно с грузинами выступали не только против врагов Грузии, но и часто принимали участие в классовой или внутриклассовой борьбе внутри грузинского общества. Борьба эриставов против царя является конкретным проявлением внутриклассовой борьбы, в которой активное участие приняли и осетины.

Активные политические связи между грузинами и осетинами не прекращались и в дальнейшем. Осетины представляли собой внушительную резервную силу в грузино-армянской борьбе против персов. По Леонтию, осетинская военная помощь для грузин и армян носила систематический характер. Во второй половине III в. армянский царь Косаро начал войну против персидского царя Касре. В этой войне ему помогал грузинский царь Аспагур. «Он открыл Кавказские ворота и призвал осетин, лезгин и хазаров, прибыл к царю Косаро в Армению для борьбы с персами» (там же, с. 59).

Для Грузии осетины в качестве значительной военной силы никогда не теряли своего значения. Непрерывно воюющая против внешних врагов Грузия нуждалась в надежных союзниках. Такими возможными союзниками для Грузии были народы Северного Кавказа, в частности осетины, которые занимали центральное место в этом регионе. Для осетин, стоявших на ступени «военной демократии», такие походы не составляли трудности.

Персия изо всех сил стремилась к господству в Закавказье. После завоевания Армении она уже непосредственно угрожала Грузии. «Как только персидский царь завоевал Армению и вступил в Картли, грузинский царь Аспагур поехал в Осетию, чтобы увеличить свои войска и укрепить крепости и города. Но как только Аспагур вошел в Осетию, он скончался там же» (там же, с.62). Аспагур хорошо понимал завоевательные цели персов в Закавказье. Когда персы воевали с армянами, Аспагур оказывал помощь армянам как своими, так и осетинскими войсками. Его предположения оправдались. После армян настал черед Картли, ибо без завоевания Картли положение персов в Армении было бы непрочным. Аспагур, оказавшись перед непосредственной опасностью, идет в Осетию для найма войск с целью укрепления своих крепостей и городов и оказания достойного сопротивления персам.

Леонтий сообщает, что Аспагур остался без преемника. Тогда грузинские вельможи попросили у персидского царя, чтобы тот определил им царем своего сына. Для персов такая просьба была приемлемой. Не случайно, что «персидский царь, в первую очередь, расспрашивал о городе Мцхете, и рассказали ему о месторасположении и укреплениях Мцхеты, о ее соседстве с овсами и хазарами» (там же. С. 63). Только после этого царь Персии согласился на воцарение своего сына Мириана на престоле Картли, «ибо по сравнению с другими городами Армении и Картли Мцхета отличалась своим удобным расположением и укрепленностью, соседством с северными врагами и возможностью владения всем Кавказом» (там же. С. 64). Имел ли место такой разговор между персидским царем и грузинскими вельможами — неизвестно. Мцхета же действительно являлась наиболее значительным городом-крепостью на переходном пути с Северного Кавказа в Картли. Отсюда можно было

хорошо защитить дорогу и сдерживать произвольный переход северных племен.

Персидский царь хотел превратить Мцхету в активный, наступательный политический форпост в отношении народов Северного Кавказа. Для этого он даже осуществил определенные мероприятия. Когда между царем Мирианом и его братом возник спор вокруг персидского престола, «перешли осетины Перош и Кавтиа (видимо, по наущению персов. – *Г.Т.*) и разорили Картли». Мириан тоже не остался в долгу, «перешел в Осетию, преследовал до Хазарии и вернулся обратно по Двалетской дороге» (там же. С. 68).

По сведениям грузинского историка Джуаншера, в V в. осетины воспользовались малолетством Вахтанга Горгасала, и «перешло многочисленное осетинское войско, разгромили Картли от начала реки Куры до Хунана, разорили долины, взяли крепости, в том числе и крепость Каспи, сам город Каспи разгромили, пленили трехлетнюю сестру Вахтанга – Мирандухту и через Дарубандскую дорогу вернулись в Осетию» (Джуаншер, 1955. С. 145, 146).

Основной дорогой (Дарьяльской), ведущей в Картли, осетины не воспользовались, видимо, потому, что она была сильно укреплена. Поэтому при переходе в Картли они воспользовались каким-то перевалом западнее Дарьяла (по всей вероятности, Двалетской дорогой), а вернулись обратно через Дарубандские ворота. В результате этого похода, если верить рассказам Джуаншера, влияние и значение осетин в Картли сильно возросло. Для восстановления прежнего положения нужно было принятие значительных военных мер. Необходимость закрытия дорог была обусловлена государственными интересами. Безопасность тыла имела большое значение в случае опасности с юга и юго-востока – со стороны Персии. Собственными силами Вахтанг не осмеливается выступить против осетин и потому просит помощи у ранского эристава Вараз-Бакура (Картлис цховреба, 1955. С. 150). Джуаншер сильно преувеличивает, почти в фантастических красках описывая как процесс приготовления к войне с осетинами, так и ход самой войны. Вахтанг с бесчисленным войском переходит Дарьяльские ворота и на реке Терек встречается с осетинским воинством, которое тоже было многочисленным. Происходит непосредственное столкновение Вахтанга с Тархан-Хазаром и Ос-Багатаром. Разумеется, Вахтанг побеждает. Осетины потерпели поражение, войска Вахтанга пленили много осетин, разорили их города (там же. С. 156). Впоследствии осетины и грузины помирились. О том, какие цели преследовали осетины или Вахтанг, повествует более поздняя вставка в «Картлис цховреба»: «Покорились и осетины, и кипчаки, взял врата осетинские, которые мы называем Дарьялом. Построил на нем башни и сторожами поставил мтиулов из окрестностей» (там же).

Вставка многое поясняет о грузино-осетинском конфликте во

времена Вахтанга. Борьба шла за Дарьяльские ворота. Ими владели осетины, а Вахтанг вернул их, построил там крепости и укрепления, а защитниками определил местные горские племена. Упоминание во вставке кипчаков является анахронизмом, ибо в V в. их еще не было на Северном Кавказе.

Установление грузинского контроля над дорогами, идущими с Северного Кавказа, означало подчинение северокавказских племен, особенно осетин, политическим интересам Грузии. В таких условиях Грузия могла диктовать свои условия осетинам.

После Вахтанга Горгасала в грузинских источниках довольно долгое время отсутствовали сведения о грузино-осетинских отношениях. Это, с одной стороны, объясняется тем, что Грузия стала объектом агрессии завоевателей, и грузинские историки основное внимание уделяли теме борьбы с ними. С другой стороны, и Осетия попадает в сферу нашествий завоевателей, в результате чего и у нее пропадает возможность активных отношений с соседними странами.

В Восточной Грузии обосновались персидские завоеватели, а в Западной Грузии, в Лазике установилось влияние Византии. Цари Лазики являлись вассалами императора. Одной из их основных обязанностей было укрепление и защита перевальных дорог с Северного Кавказа в Лазику (Абхазской дороги — через Клухорский перевал, Такуерской дороги, Двалетской дороги — через Мамисонский перевал).

Стремление властвовать в Закавказье не давало покоя византийским и персидским правящим кругам. Персия стремилась к завоеванию Лазики, а Византия — Картли. На этой почве соперничество между ними, часто переходящее в кровопролитные битвы, продолжалось веками. Сасанидская Персия после закрепления в Картли начала непосредственно угрожать Лазике, овладение которой было для нее выгодно не только из-за ее богатств, но и в связи с ее значительной торговой ролью. Овладение Лазикой давало персам возможность связать Черное и Каспийское моря, имевшие в те времена большое торговое значение.

Византия не могла поступиться своими интересами в отношении Лазики, имевшей большое политическое и экономическое значение. Император Юстиниан I (527—565 гг.) мечтал о создании мировой империи и поэтому стремился к расширению своих владений в Закавказье. Персидский царь Хосров I (531—579 гг.) приступил к осуществлению активной завоевательной политики в Закавказье. Произошло сильное столкновение интересов завоевателей. Ни одна из сторон не хотела уступить завоеванные позиции. Но все-таки в 532 г. между ними был установлен «вековой мир», было признано нормальным существующее положение (Лазика — Византии, а Картли — Персии). Однако «вековой мир» был только на словах, фактически же они готовились к войне. В 542 г. начались боевые действия. Ареной боевых действий стала Лазика, и, разумеется, лазы

приняли активное участие в этой борьбе. Для лазов и Византия, и Персия были ненавистными врагами, ни одна из них не была желательной для них. Однако лазы в тот момент не могли оказать реального сопротивления врагам, поэтому они использовали политику применения одного врага против другого – сближались с той стороной, которая в тех или иных условиях была менее опасной для них. Когда господство Византии в Лазике приняло грубые формы, то царь лазов Губаз сблизился с персами, пригласил их войска для выдворения Византии. Но вскоре обнаружилось, что персами в отношении Лазики двигали более темные замыслы (выселение населения и заселение на их место персов). В результате царь Губаз вновь повернулся в сторону Византии.

Византийско-персидское соперничество в Закавказье определенным образом влияло на грузино-осетинские отношения. В их войны оказались втянутыми осетины-аланы и гунны. Царь Губаз по найму переводит аланские войска и укрепляет ими границы. Для Византии и Губаза установление связей с аланами представляло не только военный интерес. Хорошие связи с аланами гарантировали территориальную неприкосновенность Лазики и предусматривали разрушение персидских коммуникаций в Картли. По сведениям Прокопия Кесарийского, царь Губаз «привлек в союз алан и сабиров, которые обещали ему, что за три кендинария не только защитят землю лазов, но и Иберию так обезлюдят, чтобы персы впредь не смогли бы там появиться» (Георгика, 1934. С. 74–75). Отмеченные три кендинария по просьбе Губаза оплатил Юстиниан, и из этого становится ясно, что связь Лазики с аланами осуществлялась с согласия Византии и, значит, соответствовала ее политическим расчетам.

Обеспечение связей с аланами имело для Византии большое значение. Это подтверждается тем, что византийские историки VI в. в связи с развернувшейся в Закавказье борьбой между Персией и Византией всегда давали сведения и об аланах, принимавших активное участие в этой борьбе. Роль алан в этом противостоянии определялась интересами противостоящих сторон. Аланы могли быть использованы в качестве военной силы в непосредственных военных операциях или же для вторжения в тыл противника с целью дезорганизации вражеских сил.

Основным дипломатическим оружием в сближении Византии с аланами были подкуп и распространение христианства среди них. Видимо, именно о результате такой политики говорится в известии Прокопия Кесарийского: «Вблизи границ иберов, где напрямую заканчивается Кавказская гора, проживают много разных племен, в том числе и аланы, и абазги, являющиеся христианами и с древних времен дружившие с римлянами» (там же. С. 72).

Христианство алан в VI в. не подтверждается другими данными, но факт упоминания алан как друзей римлян имел реальную осно-

ву: видимо, активизация попыток христианизации алан происходила в том же VI в.

С целью сохранения благосклонности племен Северного Кавказа, особенно осетин, Византийская империя ежегодно тратила большие суммы, раздавая денежные подарки. О раздаче денег дает сведения Агафий Схоласт. Сотерик (византийский чиновник) прибыл в страну мисимиан, чтобы от имени кесаря раздавать деньги соседним варварским племенам, и это они делали ежегодно. Тогда мисимиане решили, что Сотерик хочет передать крепость Буклооса, построенную на границе Лазики, аланам, чтобы послы племен, живущих по ту сторону гор, собирались в крепости и получали соответствующее вознаграждение. После этого римлянам не пришлось бы обходить кавказские склоны (Георгика, 1936. С. 86–87). Место расположения Буклоосской крепости неизвестно. По всей вероятности, она была построена на лазико-аланской границе, в противном случае ее передача аланам не имела бы смысла.

В отношениях между Византией и Лазикой большое значение имели местные племена, проживавшие на южных склонах Кавказских гор. Без связи с ними преодолеть Кавказские горы можно было только в обход, что заметно осложняло взаимоотношения. Это и определяло характер отношений Византии с этими племенами. Однако какой бы большой ни была роль мелких горских племен в византийско-аланских отношениях, Лазика все-таки оставалась основным связующим звеном между ними. Горские племена находились в более или менее вассальной зависимости у лазского царя. Не случайно, что на деньги кесаря Губаз нанимал алан для своих политических целей. В этом отношении представляют интерес слова, произнесенные обвиняемым Рустике на народном собрании Эгриса (Лазики) во время судебного процесса над убийцами Губаза. «Весь народ одобряет восстание, – говорил Рустике, – для него характерно варварское стремление к подрыву существующего строя (свержению господства Византии. – *Г.Т.*), тем более, что близко проживают те, которые им помогают» (там же. С. 150). В случае поражения римлян «Губаз тотчас же об этом сообщал иберцам, сванским племенам и варварам, проживающим по ту сторону Кавказа» (там же. С. 147). Здесь имеются в виду горские племена Кавказа и аланы, которые политическими и экономическими интересами были связаны с населением равнинной Западной Грузии.

Посредством Лазики осуществлялась связь предводителя алан Саросия (Сародия. – *Ред.*) с кесарем Юстинианом, а после него – с его преемниками. По сведениям Менандра, византийского писателя VI в., аварцы «после длительного скитания пришли в страну алан и умоляли аланского предводителя Саросия, чтобы тот познакомил их с римлянами. В свою очередь, Саросий сообщил об этом Юстину, сыну Германа, который командовал войсками, находящимися в

Аланский царь Саросий встречает послов Византии. Художник А. Джанаев

то время в Лазике. Юстин же об этом сообщил царю Юстиниану. Царь обязал Стратегоса, чтобы тот прислал в Византию аварских послов» (там же. С. 210).

Приведенное описание подтверждает, что связь Саросия с византийцами осуществлялась через перевальные на территорию Западной Грузии дороги. В этих связях роль лазов, по всей видимости, была значительной. Разумеется, перевальные дороги из Алании в Восточную Грузию для связи с Византией не использовались, ибо они находились под контролем Персии. Персы так укрепили Дарьял и Дербент, что только от их желания зависело передвижение северокавказских племен. На такое фактическое положение указывает мир, заключенный в 562 г. между Византией и Персией. Первое положение этого мира гласило, что «персы ни гуннам, ни аланам и ни другим варварам не дадут возможности выступить против римских владений через Чорские и Каспийские ворота. В свою очередь, и римляне не станут посылать войска против персов ни в этих местах, ни в других границах Мидии» (там же. С. 216–217). По Де-Боору, под Каспийскими вратами подразумеваются Дарьяльские ворота, а под Чорскими – Дербентские ворота (там же. С. 217).

Тесные отношения аланских племен с Византией продолжались и после Юстиниана. В 568 г. из Константинополя в Тюркский каганат, находящийся в Средней Азии, было послано посольство во главе со стратегом восточных городов, киликийским Земархом, с заданием – организовать торговлю шелком в Тюркском каганате.

Посольству пришлось проехать через аланскую территорию. Иоанн Эпифанец отмечает, что персы разузнали маршрут посольства и постарались помешать его движению. «Когда тюркские послы пришли к римлянам и их принял царь Юстин и вернул их обратно в сопровождении Земарха, персы решили подкупить аланов, через территорию которых должны были пройти» (Георгика, 1936. С. 196). Заинтересованность персов помешать передвижению послов объясняется тем, что деятельность посольства была направлена против их интересов. Византия из Персии получала шелковое сырье, которое стоило очень дорого. Поэтому она стремилась получить сырье обходным путем, посредством согдийских торговцев. Согд же входил в состав Тюркского каганата (Пигулевская, 1951. С. 194–205).

Возвращаться обратно из Тюркского каганата в сопровождении тюркских послов Земарху вновь пришлось через территорию алан. Саросий принимал его доброжелательно, а тюрков перед приемом разоружили. При этом «Саросий посоветовал им не идти через страну мисимиан, так как в окрестностях Сванетии персы устроили засаду, поэтому возвращаться обратно следует Дарьяльской дорогой» (Георгика,1936. С. 236).

Сведения византийских писателей об этом посольстве представляют определенный интерес, несмотря на то, что они не содержат прямых указаний о грузино-осетинских отношениях. Аланская территория в VI в. приобрела определенное экономическое значение в связи с изменением торгово-караванных путей, связывающих Византию с Востоком. Поиск новых источников шелкового сырья привел Византию в Среднюю Азию, но связь с ней через Малую Азию была невозможна из-за того, что караванными дорогами владела Персия. Поэтому использовались перевальные дороги через Кавказские горы, посредством которых караваны переходили на Северный Кавказ, а оттуда, обходя северное побережье Каспийского моря и преодолевая Волгу, прибывали в Среднюю Азию. Руководящая верхушка алан в лице Саросия хорошо сознавала новое значение Алании в качестве центра транзитной торговли и, в связи с этим, повышенный интерес к ней со стороны других государств. Они следили за процессами, происходившими в Грузии. Саросий был хорошо информирован о положении персов в различных частях Грузии и соответствующими советами способствовал расширению экономического значения Северного Кавказа. Этот же факт свидетельствует и о том, что грузино-осетинские взаимоотношения никогда не прерывались. И даже в период нахождения под вражеским игом Грузия не потеряла свое экономическое и культурное значение для осетин.

Предупреждение Саросия в отношении Земарха о том, что в Сванетии персы устроили засаду и поэтому лучше пользоваться Дарьяльской дорогой, соответствует действительности. Сванетией в это время владела Персия. Персы ушли оттуда в 575 г., а изгнание

их из Картли началось в 60-х годах VI в. Так что добираться из Картли до Константинополя было, действительно, более безопасно.

Примечательно, что сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях этого периода в грузинских источниках отсутствуют. И вообще, этот период в них отражен слабо. Византийские же авторы связь с аланами рассматривают с точки зрения интересов Византии. Этим объясняется, что в их сведениях роль иберов и лазов (эгрисов) в отношениях с народами Северного Кавказа завуалирована. В действительности же всякие отношения Византии либо Персии с аланами, касающиеся Иберии и Лазики, не могли осуществляться без ведома владетелей этих стран. Иберия и Лазика свое географическое положение (близость) всегда использовали с пользой для себя. При восстании против поработителей или осложнениях другого характера народы Закавказья оказывали друг другу братскую помощь, а осетины всегда выполняли роль надежного союзника и резерва в борьбе против завоевателей. Феофан Византийский, касаясь отступничества армян и иберов от персов в 572 г., отмечал, что «на стороне армян воевали колхи, абазги и царь аланов – Сарой» (там же. С. 258).

Помимо Византии, и Персия стремилась использовать алан для своих политических интересов. Одной из основных стратегических задач Персии было закрытие Дарьяльских ворот. Когда в 540 г. византийские послы предстали перед Хосро, то он от них потребовал деньги в счет защиты ворот. Иначе, в случае перехода северокавказских племен, опасность грозила и границам Византийской империи. Персидская и Римская империи (преемницей последней на востоке была Византия), по заключенному между ними в 363 г. миру, должны были защищать ворота за счет обоих государств. С V в. вся тяжесть защиты ворот легла на персов. Предводитель гуннов Амбазук предложил отдать императору Анастасию Дарьяльские ворота за малую цену, но пока Анастасий взвешивал выгоду от этой сделки, его опередил Кавад и прибрал ворота к своим рукам (Георгика, 1934. С. 20).

В VI в., во время разгоревшейся между Византией и Персией длительной войны за владычество в Закавказье, вопрос о т.н. Каспийских воротах (Прокопий называет Дарьяльские ворота Каспийскими) часто проявлял себя то как непосредственный повод для начала войны, то как одно из основных условий заключения мира между воюющими странами.

По этому вопросу Г. Гозалишвили придерживается мнения, согласно которому в VI в. Каспийские ворота потеряли прежнее стратегическое значение. Со стороны византийцев – безразличие к воротам, а со стороны иранцев – ослабление требований совместной защиты ворот объясняется не только тем, что для византийцев стало трудным, почти невозможным выступать фактическим защитником ворот, тем более после 532 г., когда в Иберии окончательно стали господствовать персы. Здесь, безусловно, имели место и другие об-

стоятельства, приведшие к умалению когда-то значительного стратегического значения Каспийских ворот. Эти обстоятельства исходили из Северного Кавказа, ибо там происходили определенные изменения между местными племенами, в результате чего их экспансия в сторону Закавказья ослабла (Гозалишвили, 1940. С. 476—477).

Однако нельзя согласиться с утверждением исследователя о том, что в VI в. стратегическое значение ворот уменьшилось. Безразличие Византии к воротам объясняется тем, что в счет оплаты персам средств для защиты ворот она взамен уже не могла получить какой-нибудь выгоды. Из-за неимения опорной базы в Иберии для Византии теряло всякое значение владение Дарьяльскими воротами. Такое положение сложилось в 532 г. после окончательного завоевания Иберии персами и надежного закрытия ими ворот. По этому поводу Кавад говорит византийскому послу Руфину: «Мы одолели проживающих там варваров и заняли Каспийские ворота в пользу персов и римлян, ибо Анастасий, автократ римлян, не захотел купить их (ворота) деньгами, то есть не захотел платить большие деньги в пользу обеих сторон за держание там больших войск. У нас там с давних пор имеются большие войска, и содержим их до сих пор. Этим мы давали вам возможность, чтобы вы имели свою землю, а мы обеспечивали их безопасность от вторжения варваров» (Георгика, 1934. С. 29—30). Кавад представляет дело так, как будто персы, охраняя ворота, защищают и их территорию. Однако византийская дипломатия не была такой наивной, чтобы давать деньги для содержания персидских войск, которые и так делали свое дело, и в случае дачи денег ничего бы не изменилось. Византийско-персидское соперничество в Закавказье не вызывало сомнений. В условиях же такого соперничества Персия не то чтобы не защитила неприкосновенность византийских территорий, но постаралась бы втянуть северокавказские племена в борьбу с Византией.

Византия перенесла центр тяжести на те связывавшие с Северным Кавказом дороги, которые проходили по подвластной ей территории Западной Грузии. Этими путями Византия или по найму, или дипломатическими мерами переправляла аланские и другие племена против персов. Византия осознавала, что и персы для тех же целей могли воспользоваться Дарьяльской дорогой, но из-за отдаленности не могла влиять на ситуацию. И без того ей трудно было принять эффективные меры против атакующей политики персов. Настоятельное требование персов об оплате денег для защиты ворот преследовало цель урвать средства от Византии.

Вопрос защиты Дарьяльских ворот был только поводом для развязывания войны между империями в 502 г. (Гозалишвили, 1940. С. 476, 477), что ни в коем случае не говорит о понижении стратегического значения дороги. Если бы действительно подобное имело место, то Персия не стала бы укреплять дорогу, и требование о

совместной защите дороги потеряло бы смысл. Говорить об уменьшении стратегического значения дороги можно только в отношении Византии, что связано с ее удаленностью. Для персов же она сохраняла свое значение в течение всего периода их господства в Иберии. Что же касается соображений исследователя Г. Гозалишвили о том, что снижение значения дороги связано с какими-то изменениями, происходившими среди племен Северного Кавказа, то по этому поводу следует заметить, что в соответствующих источниках о подобных изменениях в тот период, т.е. в первой половине VI в., ничего не говорится. Воюющие страны – и Персия, и Византия – получали с Северного Кавказа все новые и новые людские резервы, за что Византия ежегодно раздавала северокавказским племенам деньги, распространяла христианство среди них с целью упрочения своего политического влияния, ослабления влияния Персии, которая, в свою очередь, стремилась привлечь аланские племена на свою сторону.

Во время 13-летней византийско-персидской войны (542–555 гг.) персы прибегали к помощи алан. Прокопий Кесарийский отмечает, что в состав войск персидского военачальника Хориана входили аланы (Георгика,1934. С. 121, 123). Однако персы не всегда добивались включения алан в свои политические комбинации. Когда они попытались подкупить Саросия, чтобы тот помешал поездке византийских послов в Тюркский каганат, произошло обратное (Георгика, 1936. С. 196, 199). Он указал византийским послам место западни персов и направил их по безопасному пути. В данном случае дипломатия Византии оказалась более гибкой, не допустив перехода алан к персидской ориентации. Материальные интересы правящей верхушки алан (во главе с Саросием) находили более полное удовлетворение со стороны Византии, что и обеспечивало более прочную ориентацию алан на нее.

С 70-х годов VI в. борьбу кавказских народов против Персии поддерживала Византия. Воспользовавшись борьбой внутри Персии, император Маврикий занял Картли до Тифлиса. С этого времени и Восточная Грузия оказалась под влиянием Византии, и взаимоотношения Грузии с аланами принимают характер, соответствующий интересам Византии в Закавказье.

После освобождения Картли от персов дворяне определили эриставом Гуарама – желательное для себя лицо (Сумбат, 1955. С. 374). Гуарам с помощью Византии силами грузин и народов Северного Кавказа, в первую очередь осетин, продолжал военные действия против Персии. «Тогда кесарь отправил Гуарама с большим кладом и приказал, чтобы тот этим кладом призвал с Севера войска, объединил их с грузинскими войсками и направил в Персию. Гуараму следовало привести осетин, дурдзуков и дидойцев и во главе эриставов Картли вступить в Адарбадан» (Джуаншер, 1955. С. 219–220).

Систематическое участие осетин в боях на стороне грузин в Закавказье не следует объяснять стремлением осетин защитить себя

с юга, ибо такой опасности тогда не существовало. Их интерес заключался в том, чтобы они имели возможность общаться с народами Закавказья, особенно с грузинами, устраивать походы в южные области с целью добычи трофеев и др. В аланской среде того времени стремление к богатству было сильно. Уровень общественного развития, на котором тогда находились аланы, период интенсивного образования классов — все это способствовало использованию алан в качестве наемной армии. В этом отношении обнаруживается, что осетины путем найма, то есть подкупа, оказывают помощь Византии и Персии. Что же касается выступлений осетин на стороне грузин, то данные об их подкупе в источниках отсутствуют. Это свидетельствует о том, что в отношениях с грузинами ими двигали какие-то общие интересы, которые обусловливали их совместные выступления. По всей вероятности, эти интересы лежали в сфере экономики и имели место издавна. К сожалению, из-за отсутствия или скудности материалов нет возможности создать более яркую картину грузино-осетинских взаимоотношений того времени.

С конца VI в. в результате влияния внешних факторов алано-грузинские взаимоотношения ослабевают. В это время сначала Тюркский каганат, а затем, с начала VII в., хазарское государство притесняли осетин. Хазары через «двери осетин» — Дарьял вторгались и в Картли. Эти события не прошли бесследно для осетин. Они заметно ослабили роль Осетии на Северном Кавказе и, следовательно, в делах Закавказья.

В VII—VIII вв. осетины подвергаются арабскому натиску с юга, со стороны Закавказья. В процессе борьбы с хазарами арабы сталкиваются и с осетинами, проживающими в окрестностях перевальных дорог. Подобно персам, арабы также старались закрывать Дарьяльские ворота. Этим арабы хотели избежать нашествия хазаров и не допустить возможную военную связь осетин с грузинами против арабов. Арабы поставили гарнизоны в крепости Дарьял, в крепостях, расположенных на перевальной дороге через Кодорское ущелье, стратегическое значение которых вполне очевидно — не допустить вторжения осетин и хазаров с севера.

Осетины оставались преданными союзниками грузинского и армянского народов в борьбе против арабов. В середине VII в. аланы, абхазы и хазары вместе воюют против арабского военачальника Хабиба (Баладзори, 1927. С. 8; Джанашия, 1952. С. 376). Чтобы избежать возможных нападений племен Северного Кавказа, арабы через Дарьяльские ворота организовывают экспедицию для вторжения на Северный Кавказ. В 723—725 гг. прибывший в Картли арабский военачальник Джарах Ибн-Абдулах вторгается на Северный Кавказ (там же. С. 371). Целью этого вторжения была борьба против хазаров, но война со всей жестокостью обрушилась на проживавших там осетин, в результате чего они стали кровными врагами арабов.

Во время вторжения Мурвана-Кру (736—738 гг.) грузинские вельможи скрывались в горных районах Кавказа, из-за чего острие своего меча он направил туда. «Все князья и питяхши, родственники эриставов и вельмож подались на Кавказ и скрылись в лесах и ущельях. Мурван-Кру обошел весь Кавказ, завоевал Дарьяльские и Дарубандские ворота» (Картлис цховреба, 1955. С. 234). Мурван предусмотрел тот факт, что воинствующее осетинское население Северного Кавказа легко может стать союзником грузинского народа, воюющего против господства арабов, как это имело место всегда, и чтобы избежать такой возможности, а также сдержать вторжение хазаров, он завоевал и укрепил Дарьяльские ворота. Баладзори приписывает завоевание ворот арабскому военачальнику Язиду ибн-Усейду Ас-Сулами, которого в 754 году халиф Абу-Джафар ал-Мансур назначил валидом Армении (Баладзори, 1927. С. 20; Лордкипанидзе, 1954. С. 12).

Когда Мурван-Кру вторгся в Западную Грузию и разорил Абхазию, «эристав кесаря Леон укрылся в Собгисской крепости, которая находилась на переходной в Осетию дороге» (Картлис цховреба, 1955. С. 205). Узкие и труднодоступные ущелья Кавказских гор с построенными там крепостями и укреплениями являлись надежными убежищами для изгнанных грузин.

Вторжение арабов в Западную Грузию было предвестником изгнания оттуда Византии. Но император не хотел уступить ее и старался путем подкупа алан организовать их вторжение в Абхазию, Эгриси и Картли, вставшие на путь неподчинения Византии. По сведениям Феофана, летописца Юстиниана, последний в 717 г. Леона (будущего императора) «отправляет в Аланию с большими деньгами и заданием, чтобы он подбил алан против абазгов в то время, когда сарацины владели и Абазгией, и Лазикой, и Иберией. Когда он прибыл в Лазику, деньги оставил в Фазисе для хранения и в сопровождении нескольких человек из местных отправился в Апсилию» (Георгика, 1941. С. 107—108). Коварному чиновнику императора удалось осуществить вторжение алан в Абазгию несмотря на то, что аланы заявляли: «Мы имеем близкие отношения с ними (абазгами), наши купцы непрерывно ходят в их страну» (там же. С. 108).

Коварная дипломатия Византии путем посулов и подкупа достигает разлада взаимоотношений между соседними дружескими странами — Абазгией (Абхазией) и Осетией. В данном случае интересы Византии заключались в том, чтобы восстановить пошатнувшиеся в результате владычества арабов позиции в Грузии. Миссия Леона заключалась именно в этом.

Несмотря на скудость источников и фрагментарность сведений, выяснено, что, начиная с VII в. вплоть до X в. включительно, в связи с определенными политическими причинами (притеснение со стороны хазаров) участие осетин в политических событиях Закавказья по

сравнению с прежним периодом ослабло. Борьба с хазарами и арабами дробила их силы на местах, тем не менее традиционные связи с отдельными частями Грузии все-таки частично сохранились.

Во время вторжения Буга Тюрка в Грузию (853 г.) против него выступил царь абхазов – Теодос. Против него «Буга направил своего военачальника Зирака и Баграта – сына Ашота Куропалата. Они схлестнулись, и абхазы отступили, царь же Теодос подался в Двалетию» (Матиане, 1955. С. 256). Двальская дорога вела в Осетию. Естественно, Теодос, отправляясь по этой дороге, надеялся, что осетины его пропустят беспрепятственно и даже помогут вернуться в Абхазию. Существуют и другие примеры перехода из Картли в Абхазию в обход Кавказских гор. Картлийский эристав Нерсе, притесненный арабами, «осетинской дорогой» переходит к хазарам, а оттуда – в Абхазию (Кекелидзе, 1935. С. 65).

До нашествия Буга Тюрка в Грузию отношения между грузинами и осетинами несколько оживились. Осетины оказывали помощь грузинам против арабов, поэтому Буга решил примерно наказать осетин (осетины были не только резервом для Грузии в ее борьбе против арабов, но и являлись надежным убежищем для грузин, воюющих против арабов). Буга, находящийся в Чарталете (Арагвское ущелье), «старался войти в Осетию, и дошел до Цхавата. Тогда армянский эристав Абулабаз и Гуарам, сын Ашота, обратились к мтиулам, чтобы они не пустили его. Бог пришел в помощь: выпал снег, завязался бой и одержали победу, погибло много сарацинов, лошади перестали пастись и множество померло» (Картлис цховреба, 1955. С. 256).

Вторжение Буга в Осетию грузинский и армянский народы оценивали с точки зрения осуществления арабами политических планов в Закавказье и поэтому всеми силами старались разрушить эти планы. В случае успеха арабов грузины теряли поддержку осетин и надежное убежище в Осетии. Несмотря на первую неудачу, Буга вновь решил вторгнуться в Осетию, что и осуществил на следующий год. На этот раз «он через врата Дарьял вывел сто дворов осетин в качестве заложников и заселил в Дманиси и хотел летом войти в Осетию»* (там же, с. 257). В некоторых вариантах «Картлис цховреба» количество выведенных в качестве заложников осетинских дворов достигает 3 000. На этот раз, видимо, Буга только частично достиг своих целей, ибо на следующий год вновь хотел вторгнуться в Осетию. Он взял в заложники осетин и вместе с ними мтиулов, проживающих в окрестностях ворот, чтобы обеспечить свободное вступление в Осетию. Взятием в заложники осетин

*Как будет отмечено ниже, в некоторых вариантах «Картлис цховреба» говорится, что в заложники были взяты 3 000 осетинских дворов. В других источниках, в том числе в древнеармянском переводе «Картлис цховреба», указана другая цифра – 100 дворов. Правильно – 100 дворов. Ошибка допущена переписчиками. – ***Г.Т.***

Буга предполагал исключить их выступление против арабов, а также помешать им в оказании военной помощи Грузии. К счастью, на следующий год ему не удалось вступить в Осетию.

Уже во второй половине VIII в. и в начале IX в., вследствие развития феодальных отношений в условиях острой классовой борьбы, на территории Грузии образовались большие феодальные княжества — Абхазское, Кахетинское, Еретское, Тао-Кларджетское. Что же касается Карталинии, то здесь в начале IX в. арабами было отменено эриставство, и поэтому она сравнительно поздно вступила в ряды этих княжеств. Факт образования княжеств внес определенные изменения и в грузино-осетинские взаимоотношения. Отныне Осетия поддерживает связи с теми княжествами, с которыми у нее были общие границы и соответствующие дороги для взаимоотношений. В феодально раздробленной Грузии такими политическими единицами были Абхазское царство и Картли. В результате отношения Осетии с Грузией теперь проявляются в отношениях с Абхазским царством.

С образованием княжеств в Грузии, в соответствии с их экономическими требованиями, между ними развернулась длительная борьба за первенство, которая в то же время была борьбой за их объединение. В борьбе каждая сторона стремилась, кроме собственных внутренних ресурсов, использовать и внешние силы. Осетины в процессе этой борьбы оказались на стороне Абхазского царства, так как общие границы и связывающие их перевальные дороги («Абхазская дорога» и др.) создавали выгодные условия для их сближения.

В 888 году абхазский царь Баграт, для воцарения в Тао-Кларджете своего шурина, воевал с царем Адарнасе. Последнему, по сведениям «Летописи Картли», в этой борьбе помогали армяне и владетель Картли Гурген Куропалат. «Абхазцы потерпели поражение, были убиты Насра и Багатар, осетинский князь и эристав абхазов» (там же. С. 261). Здесь осетины упомянуты только в связи с результатами борьбы. Однако само собой разумеется, что их участие в этой борьбе было обусловлено давно установленными политическими и экономическими отношениями с Абхазским царством. Абхазские цари использовали тесные связи с осетинами для достижения своих политических целей. Близость осетин, легкость сообщения и значительная военная сила осетин давала абхазским царям возможность с их помощью активно включиться в процесс объединения Грузии. Конкретные сведения об использовании абхазами военной силы осетин редко встречаются. Но если учесть тот большой интерес, который, по сведениям Иоанна Мистика, проявляли абхазские правящие круги в деле христианизации осетин в начале X в., то станет ясно стремление абхазской феодальной верхушки к установлению прочных взаимоотношений с осетинами.

IX—X вв. являются периодом политического возвышения Осетии. В это время там создается мощное государственное образова-

ние, которое становится предметом усиленного интереса со стороны Византийского царского престола. Византия была заинтересована в поисках силы, способной обезвредить хазар, и в укреплении своих северных границ. Такой силой Византия считала сильное, мощное алано-осетинское государственное образование.

Абхазский царь был заинтересован в христианизации осетин не в силу своей религиозности, а потому, что этим он добивался определенных политических выгод. Христианство должно было идеологически упрочить древние связи осетин с абхазами на основе роста влияния Абхазии с целью более полного использования военных ресурсов Осетии для удовлетворения своих интересов.

В X в. (965—966 гг.) походы киевского князя Святослава положили конец Хазарскому каганату. С этого времени политическая мощь алано-осетинского государства на Северном Кавказе росла быстрыми темпами.

В X—XI вв. Осетинское царство было достаточно сильной государственной организацией на Северном Кавказе, влияющей на политико-экономическую обстановку соседних стран, которым со своей стороны приходилось проявлять уважительное отношение к ней.

§ 4. Грузино-осетинские культурные взаимоотношения

Население Северного Кавказа с древнейших времен имело тесные экономические и культурные связи с внешним миром, особенно с Закавказьем.

С начала нашего летоисчисления осетины, проживающие в центральной части Северного Кавказа, находились в тесных политических отношениях с Иберийским государством. Разумеется, существование политических отношений в определенной степени подразумевало присутствие и культурных элементов. Грузия была страной древнейшей культуры, и ее влияние легко распространялось на соседние страны.

Осетины по языку являются индоевропейцами, а по культуре — типичными кавказцами (Е. Крупнов). Те местные племена, языковую ассимиляцию которых осуществили пришлые сарматские племена — аланы, по языку были родственными народами, говорящими на иберо-кавказском языке. Осетины (аланы) подверглись влиянию культуры этих местных племен, в результате чего стали носителями материальной и духовной культуры кавказских народов, превратившись в этом отношении в кавказцев[9].

Еще Страбон отмечал схожесть быта населения горной полосы Иберии с бытом соседних скифо-сарматских племен, с которыми они, по мнению Страбона, имеют и соседство, и родство (Джанашия, 1949. С. 148; Страбон, 1957. С. 128). Их тесные связи уже в начале нашего летоисчисления были заметны даже для иностранного наблюдателя.

Несмотря на то, что аланы осуществили ассимиляцию местных кавказских племен, распространив среди них свой индоевропейский язык, они, аланы, все-таки подверглись определенному влиянию кавказских языков. В звуковую систему осетинского языка вошли типичные кавказские звуки, и по количеству звуков он приблизился к грузинскому и армянскому языкам. Индоевропейские языки характеризуются малым количеством звуков. Из кавказского мира в осетинский язык вошли гортанные согласные: к, п, т, цъ, чъ (В. Абаев, 1949. С. 25).

Осетинский язык подвергся влиянию кавказских языков не только в сфере фонетики, но и в сфере морфологии. В индоевропейских языках склонение имен существительных является флекционным, то есть концовки склонений в единственном и множественном числах различны. В осетинском же языке, подобно кавказским языкам, склонение стало аглуцинационным, когда в единственном и множественном числах концовки склонений являются одинаковыми, с той разницей, что во множественном числе между основой слова и знаком склонений добавляется знак множественности.

Результат грузино-осетинских взаимоотношений ясно отражается в лексике отмеченных языков. Множество кавказских слов встречается в наименованиях домашних предметов, в терминах земледелия, садоводства и овощеводства, христианского культа, календаря и др. (История Осетии, 1954. С. 29). И это не удивительно. Осетинский язык и культура сформировались в процессе взаимодействия и взаимопроникновения двух этнических культур. Поэтому обе культуры нашли в них свое отражение, с той лишь разницей, что в этом процессе верх одержал иранский язык. Из местного языкового мира осетинский язык обильно усвоил его отдельные элементы, но в основном оставался индоевропейским как в сфере лексики, так и фонетики, морфологии и синтаксиса. Из грузино-кавказских языков осетинский язык усвоил те термины, которые не существовали в его лексике.

Влияние грузино-кавказских языков на осетинский язык обусловлено совместным проживанием этих народов и взаимными связями в течение веков. Для показа грузино-осетинских культурных взаимоотношений нет прямых источников. Поэтому мы вынуждены обратиться к косвенным материалам, чтобы хотя бы частично восполнить этот пробел в их взаимоотношениях.

Само собой разумеется, что в результате распространения христианской религии в Осетии произошло укрепление ее культурных связей с Грузией. О христианизации осетин прежние исследователи имели ложное представление и, следовательно, неправильно понимали и вопросы, касающиеся грузино-осетинских культурных взаимоотношений.

Харьковский архиепископ Макар считал, что в результате проповеди Андрея Первозванного (I в. н. э.) произошло распространение

христианства в Осетии, но оно не стало господствующей религией (История христианства, 1869. С. 86, 87). По мнению доктора Пфафа, осетины в I в. были готовы к принятию христианства, поэтому среди них и развернулось проповедование христианства Андреем Первозванным. В последующем, в первой половине IV в., в Южной Осетии христианство было распространено святой Ниной (Пфаф, 1870. С. 31). Распространителем христианства среди осетин считают святую Нину и другие исследователи: Д. Лавров в исследовании «Заметки об Осетии и осетинах» (Лавров, 1883. С. 200); С. Фарфоровский в статье «Народное образование у осетин» (Фарфоровский, 1917. С. 88).

По мнению З. Чичинадзе, осетинская церковь является апостольской церковью, так как там проповедовал Андрей, который освятил архиереем некоего Матата, а святая Нина довершила христианизацию Осетии (Чичинадзе, 1913. С. 44, 62, 63, 67). Он же считает несомненным фактом основание в V в. Вахтангом Горгасалом епископской кафедры для осетин в Никози. Здесь, по его мнению, получали рукоположение священники, работающие в Осетии. По мнению названных исследователей, распространение христианства зависит от простых внешних факторов (проповеди отдельных лиц) и не имеет никакой связи с социально-экономическим и политическим положением внутри страны.

Христианизация осетин, как и других народов, не является одномоментным актом. Она является результатом длительного процесса, когда условия для принятия христианства, с точки зрения внутреннего развития, уже созрели. Христианская религия является религией классового общества и, естественно, что она не могла пробить себе дорогу до тех пор, пока не сформировались соответствующие ей классовые отношения. Академик С. Джанашия считает, что «почвой для распространения христианства было развитие феодальных отношений. С развитием феодализма христианство постепенно завоевывает весь Кавказ. Северным Кавказом христианство было принято в последнюю очередь, так как здесь более медленными темпами развивались новые общественные отношения. В данном случае базой, так сказать, исходной точкой распространения христианства на Северном Кавказе уже была Грузия — сначала Абхазское царство, а затем — Грузинская феодальная монархия» (Джанашия, 1949. С. 245).

Поэтому когда речь идет о распространении христианства в Осетии, то следует учесть, что факт проповеди какого-нибудь миссионера, пусть даже Андрея Первозванного, существенного значения не имеет. Так как распространение христианства в Осетии осуществлялось посредством Грузии, то хотя бы вкратце проследим этот процесс на основе тех скудных материалов, которые доступны нам.

Сведения о попытке проповедования христианства в Осетии раньше IV в. сохранились только в церковных преданиях (История христианства, 1869. С. 86). Более достоверные сведения об этом у нас

имеются с VI в. В VI в. византийский писатель Прокопий Кесарийский в работе «История борьбы с персами» пишет: «Вблизи границ иберов проживают различные племена, в том числе и аланы, и абазги, которые являются христианами и друзьями римлян с давних пор» (Георгика, 1934. С. 72). Абазги, по его сведениям, стали христианами в VI в. (там же. С. 105). К тому же времени относит он и христианизацию алан (осетин). По Прокопию, одним из проявлений дружбы алан и абазгов с римлянами является принятие ими христианства. Такое положение для византийского правительства было желательным, и для его осуществления оно не жалело сил.

В христианизации кавказских народов, в первую очередь алан, Византия была заинтересована потому, что VI в. в истории Византии характеризуется планами создания мировой империи, связанными с именем императора Юстиниана I (527—565 гг.). В этих планах большое значение придавалось закавказским странам. Однако такие завоевательные интересы здесь столкнулись с подобными же интересами Персии, что вызвало их противостояние. Началась длительная, острая, с переменным успехом протекающая борьба между двумя завоевателями за господство в Закавказье. Грузинский и другие кавказские народы оказывали энергичное сопротивление обоим завоевателям. Но так как они не могли дать неприятелю соответствующий отпор, то оказывались перед выбором перехода на ту сторону, которая в данный момент представляла меньшую угрозу для их политического существования.

Кроме Кавказа, Византии приходилось воевать и на западе. В Италии шла гражданская война, на берегах Дуная ей приходилось воевать со славянами и гуннами. Борьба внутри страны между монофизитами и диофизитами ослабляла мощь страны (Левченко, 1940. С. 79). В таких условиях Византия оказалась перед выбором: или отказаться от фантастических планов создания мировой империи, или же все свои военные, дипломатические и идеологические ресурсы направить на выполнение своих политических целей. Византия выбрала последний путь.

Византийская дипломатия справедливо рассматривала распространение христианства в качестве оружия для установления своего политического влияния на ту или иную страну. Она должна была превратить противников в своих союзников и поставить их в ряды борцов за политические интересы Византии. Во времена Юстиниана такими силами на Кавказе являлись абазги и аланы (осетины).

Таким образом, Византия в VI в. предпринимает энергичные попытки христианизации алан. Видимо, эти попытки не были безуспешными. Отныне правящие круги алан находятся в тесных политических связях с императорской властью. Вождь алан Саросий, несмотря на интриги персов, прочно придерживался византийской ориентации, в чем, возможно, определенную роль играло христианство.

В данный период византийско-осетинские взаимоотношения, по всей вероятности, не ограничивались только военной сферой. Присутствовали более или менее регулярные экономические и политические отношения. Такого же характера отношения осуществлялись и с персидским миром, а позже и с арабским миром.

Для христианизации алан-осетин существовала и опорная база. Лазика – Абхазия и адыгейские племена Причерноморья были уже христианами, а Алания была непосредственно граничащей с ними страной. Археологические материалы из района Нальчика (изображения крестов на стенах катакомб VI–VII вв.) (Крупнов, 1946. С. 42), обнаружение каменного креста на Рим-Горе (у Кисловодска, VII–VIII вв.) свидетельствуют о том, что среди аланских племен, проживавших здесь раньше, довольно прочно было внедрено христианство. О том, что инициатива распространения христианства в Осетии исходила из Византии, свидетельствует сохранившаяся среди осетин традиция, согласно которой постройку некоторых старых церквей приписывают Юстиниану. В Дигории одна церковь носит название – Юс-дзуар (церковь Юстиниана) (История, 1954. С. 56).

Разумеется, попытки распространения христианства извне имели бы успех только в том случае, если бы внутренняя ситуация Осетии создавала для этого благоприятную почву. Социальное развитие Осетии в VI–IX вв. шло путем быстрой классовой дифференциации. Если принять во внимание сведение Ибн-Русте (X в.) о том, что господствующие круги были христианами, а остальные – идолопоклонниками (Ибн-Русте,1903. С. 49–51), то окажется, что христианство принимали общественные слои, находящиеся в процессе своего возвеличивания. Христианство не только укрепляло их связи с Византией, но и было выгодным с классовой точки зрения. И если христианство не проникло глубоко в Осетию, то лишь потому, что широкие слои населения, в которых сильно укоренились традиции родового строя, не сочувствовали ему. Этому способствовали и изменения в международной ситуации.

Уже со второй половины VI в. Северный Кавказ оказывается сначала под влиянием тюрков (идущих из Средней Азии), а потом, с начала VII в., их заменяют хазары, под влиянием которых временами оказываются и осетины. В таких условиях последним приходилось сохранять свое независимое существование в условиях смертельной борьбы. Со стороны Закавказья, через Дарьяльские ворота, наседали арабы. Результатом всего этого стало ослабление роли осетин на арене кавказской истории в VII–IX вв.

Когда речь идет о ранних попытках христианизации Осетии, то, в первую очередь, имеются в виду интересы Византии. В таком случае отступают на второй план или вообще отсутствуют вопросы грузино-осетинских культурных взаимоотношений. Дело в том, что активная политика Византии в отношении народов Северного Кав-

каза ставила своей целью противопоставление их персам. В данном вопросе интересы правящих кругов Византии и Лазики совпадали, и более того, последняя выступала в роли пособника этих интересов. До того времени, пока Западная Грузия не начала борьбу за свое вызволение из-под покровительства Византии, их интересы в отношении осетин совпадали. Что же касается Восточной Грузии, то она сначала попала под ярмо господства персов, а затем арабов, и поэтому не имела возможности осуществления независимой политики с осетинами. В таких условиях грузинские царства и княжества не могли выступать знаменосцами христианизации Осетии. Разумеется, что в данном вопросе отрицание роли грузинских княжеств исходит из необъективных источников (византийских в основном). Они представляли роль Византии в преувеличенном виде, а роль Грузии, по возможности, нивелировали.

После VI в. интерес Византии в деле христианизации Осетии снизился по той причине, что военная сила осетин ослабла. В IX–X вв., когда интересы Византии и хазаров столкнулись, Византия вновь обратилась к осетинам. По сведениям Константина Порфирогенета, правитель Алании может воевать с хазарами, так как 9 климатов (районов) последней непосредственно граничат с ней. Аланы могут разорить их и причинить большой ущерб хазарам, так как здесь добывается все, что составляет их богатство. Если правитель Алании находится в благожелательных отношениях с императором, а хазары враждуют с императором, то он может перекрыть хазарам дорогу в Херсон, в климаты и Саркел. Хазары, попавши в такие условия, будут вынуждены защитить мир (Багрянородный, 1899. С. 76).

В связи с таким развитием событий византийская политика по христианизации Осетии вновь встает в повестку дня. К этому времени принятие христианства в Осетии становится возможным на более прочной основе. В начале X в., в 921–925 гг., христианство в Осетии превратилось в официальную религию. Этот факт связан с именами константинопольского патриарха Николая Мистика и абхазского царя Георгия (921–955 гг.).

Если при прежних попытках распространения христианства в Осетии роль Грузии не была видна, то теперь, на последнем этапе его распространения, ситуация поменялась. В это время уже образовались Абхазское царство, княжества Картли, Кахетии, Тао-Кларджета. Борьба между ними за первенство была вполне естественным явлением, что, в конечном счете, являлось борьбой за объединение Грузии. Их взаимоотношения с соседними странами рассматривались в аспекте этой борьбы.

С IX в. Абхазское царство устанавливает тесные связи с Осетией. Взошедший на престол в 921 г. Георгий продолжал политику своих предков – царей Абхазии, заключающуюся в объединении грузинских царств и княжеств под началом Абхазского царства.

Стороны часто обращались к внешним силам. Верхушка Абхазского царства в этом отношении имела определенный опыт. Чтобы добиться политической независимости от Византии, они обратились к хазарам. С целью упрочения своего влияния на алан-осетин и использования их в своих политических интересах царь Георгий выступает в роли пособника византийской политики их христианизации. Осетины в 888 г. в борьбе, развернутой в Тао-Кларджете, выступали на стороне абхазов. Эти и другие подобные факты способствовали упрочению взаимосвязей. Одним словом, положительные результаты дружественных связей с осетинами для Абхазского царства были проверены жизненной практикой.

Правящие круги Абхазии во взаимоотношениях с Осетией идут еще дальше и стараются упрочить эти связи добавлением идеологической составляющей. Роль абхазского царя Георгия в деле христианизации Осетии известна нам из писем патриарха Николая Мистика. В одном из писем он просит Георгия: «Если ему (подразумевается аланский епископ) среди этого инородного племени, в инородной стране что-нибудь нужно для облегчения условий жизни, то окажите и будьте к нему отзывчивы» (Георгика, 1941. С. 213). Получается, что роль Георгия в христианизации алан является результатом удовлетворения просьбы патриарха.

В следующем письме патриарх отмечает заслуги Георгия: «Твое божеское стремление есть признак твоей святости, которую проявил и проявляешь для спасения племени алан и познания ими истины. Ты вложил много усилий и просветил правителей Алании и всех тех, кто вместе с ними стал достойным святого крещения» (Кулаковский, 1898. С. 3–4; Георгика, 1941. С. 214). Судя по этому высказыванию, господствующее в литературе мнение о том, что распространение христианства в Осетии, его превращение в официальную религию является заслугой Византии, не в полной мере соответствует действительности. Правящие круги Алании, и не только они, были крещены непосредственно Георгием, выступавшим в интересах определенной части Грузии. Разумеется, правящие круги и Византии, и Абхазии (Западная Грузия) в процессе христианизации аланов не исходили из принципов сугубо чистого святошества. Каждой стороной на христианство возлагалась определенная политическая задача — упрочить влияние на те или другие народы, в данном случае — на осетин.

Вновь христианизированную Осетию Византийский епархиальный двор включил в список своих епархий. Из Константинополя туда направлялись греческие епископы и священники. Аланская епархия впервые встречается в списках епархий, в т.н. нотициях, в X в. (Кулаковский, 1898. С. 8). Во времена Николая Мистика она была архиепископством, а потом превратилась в митрополию, занимавшую, после России, 61-е место (там же; Георгика, 1941. ч. 2. С. 144, 149; 947–998; упоминание: Типикан для митрополита Аланского Николоза. С. 116).

Возвышение аланской епархии прямо связано с усилением военной мощи Алании. Она стала той реальной силой, которая у северных границ Византии парализовала мощь хазаров. Византия старалась поссорить аланского царя и хазаров. В X в., по сведениям неизвестного еврейского писателя, «во времена Аарона аланский царь воевал с хазарами, так как его на это подбил греческий царь» (Коковцев, 1913. С. 12). По его же сведениям, «царь установил связь с нашим соседом, с аланским царем, так как аланское царство является самым сильным среди всех народов, которые проживают вокруг нас» (там же. С. 11).

Принятие аланами-осетинами христианства имело прогрессивное значение. Оно способствовало развитию феодальных отношений и повышению культуры. Тогдашняя церковная организация в руках господствующего класса являлась мощным средством подчинения и порабощения масс. В этом отношении знаковым является письмо Николая Мистика к аланскому архиепископу Петру, где он советует ему жестокое обращение только к простым людям, а к знатным лицам следует обращаться по-отечески и разрешать им даже многоженство (Кулаковский, 1898. С. 4—5).

Христианство имело огромное значение для Осетии и в том отношении, что ее связи с соседними странами — Грузией, Россией, Византией — стали более прочными, она получила возможность ознакомиться с христианской культурой этих стран.

То, что было сказано о христианизации осетин, касается той их части, которая проживала в непосредственном соседстве с Абхазией, у истоков реки Кубань. До восточных районов Осетии влияние Византии не достигало. Здесь христианство пробивает дорогу со времен создания феодальной монархии в Грузии.

Прочные политические отношения с Грузией и Византией создавали необходимость использования письменности в Осетии. З. Чичинадзе отмечал, что в связи с принятием христианства осетины овладели мастерством строительства церквей и, кроме того, хорошо владели грамотой (Чичинадзе, 1913. С. 8). Он считает, что грузинская азбука, составленная картлийским царем Фарнавазом (III в. до н.э.), в то же время является и осетинской азбукой, так как в ее составлении принимали участие и осетины (там же. С. 33—34). Достоверность этих сведений вызывает сомнения, но в то же время свидетельствует о существовании грузино-осетинских взаимоотношений с древних времен.

С принятием осетинами христианства рос их интерес к культурным достижениям христианского мира. «Посредством христианства грузинский язык переходит и на Северный Кавказ, в первую очередь в Черкесию и Аланию» (История Грузии, 1946. С. 158, 159). С этого времени количество осетин, воспитанных на базе грузинской культуры, по всей вероятности, стало расти.

ГЛАВА V

Грузино-осетинские взаимоотношения в XI–XIV вв.

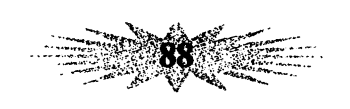
§ 1. Грузино-осетинские экономические взаимоотношения (XI–XIV вв.)

Объединение отдельных частей Грузии в одну феодальную монархию непомерно повысило ее политическое влияние на всем Ближнем Востоке и Северном Кавказе. К этому времени и Осетия принимает облик государственной организации, и взаимоотношения между этими вековыми соседями становятся более прочными. Фактор вероисповедания, выражавшийся в объявлении христианства официальной религией Осетии, создавал благоприятные условия на пути дальнейшего развития и укрепления политических и экономических связей между Грузией и Осетией. В этот же период расширяются династические связи между правящими кругами этих стран.

Начиная с XI в. роль Северного Кавказа в международной торговле необычайно выросла. Он превращается в значительный перекресток развития торговых отношений между восточными странами и Западной Европой. Близость к Крыму и Таманскому полуострову, которые, в свою очередь, через Черное море были связаны (посредством византийского флота) с итальянскими городами-государствами; перемещение путей, связывавших побережья Каспийского и Черного морей, из Малой Азии на Северный Кавказ (в результате установления в Малой Азии владычества турок-сельджуков); легкость и доступность прохода в Закавказье через Дербентский, Дарьяльский и другие проходы – вот те основные причины, которые повышали торгово-экономическое значение Северного Кавказа.

Береговые города Крыма – Кафа, Херсонес, Судак, Саркел (на Северном Кавказе) и др. центры превращаются в места скопления торговцев многих национальностей. Здесь источники упоминают русских, хазарских, кипчакских, аланских, еврейских, египетских, иранских, скандинавских и других купцов, которые осуществляли значительные торговые операции между собой. В этой оживленной торговле Осетия принимала активное участие.

Во все эпохи одной из основных магистралей, связывавших Северный Кавказ с Грузией, была Дарьяльская дорога. Во времена

Давида Строителя эту дорогу контролировала Грузия, в результате чего ее экономическое значение еще больше возросло.

В XI–XIII вв. расширяются взаимоотношения Грузии с народами, проживающими на Северном Кавказе и равнинах Южной России. Торговые товарищества, существовавшие в Грузии, осуществляли большую караванную торговлю со странами востока и запада: Ираном, Ираком, Сирией, Египтом, Византией, Россией, кипчаками и более отдаленными странами. Предметами вывоза из Грузии были шелк, хлопок, дорогие одеяния, золототканая материя, пушнина, вино и др. (История Грузии, 1946. С. 216). Торговля отмеченными предметами с северными странами (Россией, кипчаками и др.) в основном осуществлялась через Дарьяльский проход, в результате чего Осетия, кроме непосредственного ведения торговли, выполняла и роль посредника в этой транзитной торговле. Те предметы вывоза, которые были перечислены выше, так же были необходимы для осетин, как и для других стран. Аристократические круги Осетии, имевшие тесные политические и династические связи с передовыми странами тогдашнего мира, не могли удовлетворить свои потребности без достаточно развитого импорта.

Грузинские купцы в XI–XII вв. посредством Осетии устанавливают интенсивные торговые отношения с Россией. Не является случайностью то, что эмир Тифлиса – Абул-Асан на совете, где шла речь о замужестве Тамары, проявил хорошее знание дел в России и вообще в северных странах. Он был информирован теми торгующими кругами, которые неоднократно пересекали кавказские перевальные дороги и торговали на севере. Конкретным представителем таких торговцев можно назвать Занкана Зорабабели, которого обязали доставить для Тамары в качестве мужа царевича Георгия (Историани, 1941. С. 81). Само собой разумеется, что для купца это было не первым путешествием. По всему видно, что передвижение по Дарьяльской дороге было хорошо организовано. Ускоренное путешествие было возможно, меняя лошадей, что является еще одним доказательством, подтверждающим значение этой дороги. Дарьяльская, Дербентская и другие перевальные дороги использовались и северными народами для торговли с Закавказьем. По сведениям Ибн-Хаукала и Масуди, волжские болгары через Дарьяльскую, Дербентскую дороги и Каспийское море вывозили пушнину, воск (Доссон, 1937. С. 196).

С начала XII в. отмечается рост политического влияния Грузии на Осетию, что, в числе прочего, подразумевает свободу передвижения между ними. Это обстоятельство, вместе с укреплением династических связей, создавало благоприятные условия для расширения торговых отношений между этими двумя странами. В грузино-осетинских экономических отношениях определенную роль играла горная дорога в Западную Грузию, проходящая через Клухорский пе-

ревал и известная под названием «Абхазская дорога». Епископ Алании Феодор в своем письме к патриарху Герману II (написано между 1222—1240 гг.) сообщает ему, что некий лаз, переодетый епископом, незаконно освящал священников в Алании во время его отсутствия там и что к его возвращению в Аланию этот мнимый епископ вернулся в свою страну. Его, мол, знают все здешние торговцы, которые ходят в страну лазов (Записки, 1898. С. 22). Помимо всего, указанная заметка является убедительным доказательством существования торговых отношений алан-осетин с Грузией через Клухорский перевал.

В конце XIII в. летопись дает короткое сведение о том, что «осетины поехали в город (подразумевается г. Тифлис. — ***Г.Т.***) торговать» (Картлис цховреба, 1849. С. 429). Приключения этих осетин, отправившихся торговать в Тифлис, описываются подробно. По дороге их ограбил некий Бегашвили Рати из Сурами. Это тот период, когда отношения между осетинами и грузинскими феодалами обострились. И если в таких условиях осетины торгуют в Тифлисе, то легко можно представить, что в нормальных обстоятельствах эти отношения были, по всей вероятности, более широкими и интенсивными.

Для понимания характера грузино-осетинских экономических взаимоотношений можно привести и другие мнения, высказанные по этому вопросу в более поздний период. Имеются в виду сведения, данные Вахушти. Он отмечал: «В их стране нет соли, льна, кенафа, хлопка и шелка, из которых можно произвести одежду. Для этого они применяют овечью шкуру, но и ее завозят из Картли, Рачи и Черкесии» (Вахушти, 1941. С. 111). Вахушти, подчеркивая отсутствие в Осетии целого ряда необходимых предметов потребления, указывает, что их завозили извне, в основном из Грузии. Еще в I в. Страбон отмечал, что сарматы для торговых целей собираются в Диоскурии и основным предметом их интереса является соль.

У феодальных кругов Осетии, видимо, были большие потребности в предметах роскоши, особенно в шелковых тканях. В рассматриваемый период Грузия являлась страной, торгующей шелком, и Осетия тоже отсюда удовлетворяла свои потребности.

На основе устных преданий З. Чичинадзе приводит соображения, согласно которым с момента заключения брака между Тамарой и Давидом-Сосланом в Тифлисе умножилось количество осетинских торговцев и ремесленников, потому что в Осетии торговля и ремесленничество были серьезно развиты. Торговцы из Осетии привозили разнообразные товары (З. Чичинадзе, 1913. С. 168, 170).

Существование оживленных торговых отношений между Грузией и Осетией является бесспорным фактом. Но для того, чтобы составить определенное представление о характере этих отношений, о том, что являлось их основой — денежное хозяйство или нату-

ральное, и о других интересующих нас вопросах, соответствующие материалы отсутствуют. Во времена Вахушти осетинское хозяйство в основном опиралось на натуральные отношения. Он отмечал, что «они не знают тетри (грузинская денежная единица), не знают, как обменять деньги на бурку, черкеску, суровое полотно, шерсть, овцу, корову и пленника. Они этим и торгуют между собой» (Вахушти, 1941. С. 111). Данную характеристику трудно сопоставить с фактами XI–XIV вв., но некоторые события времен Вахушти берут свое начало из прежних времен.

Грузинские монеты из пещерного склепа в Дзивгисе. XII–XIII в.

Осетины не создали свою монету. З. Чичинадзе приписывает царю Урдуре чеканку осетинской монеты (в 1029 году), но это ничем не подтверждается (З. Чичинадзе, 1913. С. 140–141). На территории Осетии в ходе археологических раскопок найдено значительное количество монет, но они имеют иностранное происхождение и в основном относятся к VI–X вв. Если принять во внимание то обстоятельство, что более поздние памятники на территории Осетии изучены недостаточно, то, возможно, будут выявлены и более поздние монеты – XI–XIII вв. Тем не менее одно бесспорно: экономические отношения с Грузией основывались как на натуральном, так и на денежном хозяйстве. То, что осетины не имели собственной монеты, не могло быть препятствием в торговых делах, так как тогда целый ряд образцов монет выполнял функцию международного эквивалента и такие монеты были доступными и для осетин. Известно, что осетины ходили по найму в походы в Византию, в другие государства, и таким образом полученные деньги применялись для ведения торговых отношений с соседними странами. Ряд аланских торговцев XIII в., которые упоминаются в арабских исторических источниках, для торговых целей достигают прибрежных городов Крыма, городов Золотой Орды и даже далекий Египет. Они часто являлись также исполнителями дипломатических заданий правящих кругов различных стран (особенно ханов Золотой Орды) (Тизенгаузен, 1984. С. 58, 98, 111, 112). Этим торговцам были открыты дороги и в сторону Грузии, и, конечно, деньгами, которые находились в их распоряжении и которые действовали в международном обращении, могли осуществляться расчеты не только с грузинскими торговцами, но и с иностранными купцами, находящимися в

Грузии. В XIII–XIV вв. осетинское население, обосновавшееся на территории Грузии, могло осуществлять натуральный обмен с грузинским населением.

Грузино-осетинские экономические отношения никогда не прекращались. Даже тогда, когда в результате борьбы между Золотой Ордой и ильханами торговая роль Северного Кавказа значительно ослабла, экономические отношения осетин с Грузией все-таки продолжались, хотя масштабы этих отношений заметно уменьшились. В XI–XIV вв. и в последующем периоде общение осетин с целью торговли с Картли, Имеретией, Рачей, как и наоборот, является отзвуком прежних традиционных взаимоотношений.

Дороги, которые связывали Осетию с Грузией, в то же время являлись товаропроводящими артериями. Образование городов на Дарьяльской дороге до вторжения монголов (Жинвал, Душети и Тамарашени) говорит об оживленности торговых отношений Грузии с Северным Кавказом. В это время такие же города основывались и на Северном Кавказе: в окрестностях г. Орджоникидзе – Джулат или Татартуп (у с. Эльхотово, Северо-Осетинская АССР), Маджар (на реке Кума) и др. Эти города действовали и в период господства монголов. Они были расположены на северной части дороги, связывавшей Закавказье с Северным Кавказом, что обусловливалось экономическим значением этой дороги. Торговые круги этих городов имели оживленные отношения с городами Грузии.

Так, на основе тех фрагментарных материалов, которые имеются в нашем распоряжении, представляются нам грузино-осетинские экономические взаимоотношения, существовавшие в XI–XIV вв.

§ 2. Грузино-осетинские политические взаимоотношения *(XI в. – первая четверть XIII в.)*

В истории грузино-осетинских взаимоотношений XI–XIV века являются самым интересным периодом. Борьба, шедшая в предыдущее время за объединение отдельных царств и княжеств Грузии, с успехом завершилась. В результате создания в Грузии феодальной монархии заметно упрочилось ее международное значение. Тот же факт обусловливал наступление нового этапа во взаимоотношениях Грузии с соседними народами. До объединения отдельные части Грузии (Иберия, Эгриси или Лазика, позднее – княжества), исходя из своих узко местечковых интересов, сами устанавливали связи с соседними народами, в том числе и с осетинами. С завершением объединения общие грузинские государственные интересы определяли характер и масштабы взаимоотношений Грузии с соседними странами и народами.

Тот же период для Осетии является временем значительных исторических сдвигов. Специалисты предполагают, что весь предыдущий процесс социально-экономического и политического развития

Осетии привел к образованию там раннефеодального государства в X–XI вв. Значительные военные ресурсы этого раннефеодального государства и его благоприятное расположение на торгово-караванных дорогах обусловливали его широкие международные связи.

По вышеотмеченным причинам грузино-осетинские взаимоотношения в данный период принимают более или менее организованный характер. Дружеские тенденции их взаимоотношений уже не вмещаются в старых формах и масштабах и развиваются дальше.

Недостатком грузинских и негрузинских источников того времени является то, что взаимоотношения стран и народов они сводят до взаимоотношений правящих кругов той или иной страны. При этом даже такие отношения носят в основном схематический характер. Задача заключается в том, чтобы на основе сохранившихся фрагментарных сведений и максимального их использования, с учетом реальных исторических обстоятельств, представить более или менее полную картину существовавших тогда отношений.

До того, как мы начнем конкретный показ грузино-осетинских взаимоотношений, следует, хотя бы вкратце, отметить тот большой интерес, который Грузия проявляла к упрочению и непрерывности связей с Осетией. Также представляет интерес и вопрос о причинах, которые обусловливают прочную ориентацию осетин на Грузию, о роли осетин в качестве активных контрагентов в стремлениях Грузии.

На Грузии, по причине ее географического расположения и стратегического значения, во все исторические эпохи лежала задача защиты своих границ. При этом ее границы в этом отношении оценивались по-разному. На всем протяжении своей долгой истории Грузии приходилось на южном и юго-восточном направлении осуществлять наступательную политику, а когда такая возможность отсутствовала, то довольствоваться ведением защитной политики. Вопрос о северных границах в таком ракурсе для Грузии не стоял. В этом направлении защита границ не являлась главной задачей. Несмотря на то, что в отдельные исторические периоды для расширения своих территорий Грузия часто обращалась к завоевательным походам в южном направлении, сведений о таких походах в северном направлении, за Кавказские горы, не обнаруживается, вернее, таких походов не было. Правда, грузинские источники содержат сведения о вторжениях на Северный Кавказ Амазаспа (II в.), Мириана (начало IV в.), Вахтанга Горгасала (V в.), но, по данным тех же источников, они имели характер карательных операций, и ни за одним вторжением не последовало расширение территории.

Ограничение на северном направлении защитной политикой объясняется различными обстоятельствами. Во-первых, связывающие дороги, несмотря на их удобство, ограничивали отношения Грузии с народами Северного Кавказа (сезонность перевальных дорог, невозможность одновременного перехода больших людских масс,

так необходимого для осуществления наступательной политики). Во-вторых, стратегическое положение Северного Кавказа заставляло Грузию ограничиться защитной политикой. Дело в том, что на просторах Южной России и Северного Кавказа с востока на запад часто передвигались кочевые племена (гунны, тюркские племена, болгары, кипчаки и др.), которые сметали все на своем пути. Их волны, достигая и Северный Кавказ, мешали нормальному течению жизни. В-третьих, слабость территориальных интересов Грузии в северном направлении объяснялась слабостью контроля над перевальными дорогами. Северные участки дорог находились в распоряжении осетин. И если грузины предпринимали попытки установления полного контроля над дорогами, то и осетины действовали в том же русле.

Однако несмотря на эти ограничивающие факторы, Грузия не могла удовлетвориться только защитой своих границ и равнодушно следить за теми процессами, которые происходили на Северном Кавказе. Осуществляя в южном направлении ту или иную политику, тем более — защитную, Грузия почти всегда нуждалась в использовании военной силы народов Северного Кавказа. Осетины — население центральных районов Северного Кавказа — в системе этих отношений занимали основное место. Через них устанавливались связи Грузии и с другими племенами Северного Кавказа, проживающими в соседстве с осетинами. За определенные посулы (найм, подарки, добыча военных трофеев) они служили Грузии и с окончанием той или иной операции возвращались в свою страну.

Как только у Грузии появилась возможность уделить более пристальное внимание Северному Кавказу, он тотчас же оказался под ее влиянием (с последнего периода царствования Давида Строителя). Но здесь вновь проявило себя своеобразие, заключавшееся в том, что установление влияния осуществлялось без применения военной силы, в результате каких-то экономических и политических соглашений.

Интерес Осетии к Грузии, в первую очередь, следует объяснить повышением экономического значения Грузии для осетин. Грузия, более развитая в экономическом и культурном отношениях страна, привлекала к себе не только осетин, но и другие соседние народы.

С XI в. с целью упрочения и расширения отношений Грузии с Осетией между правящими кругами этих стран участились династические браки. В средние века династические связи являлись средством и инструментом установления политических связей между государствами, или же, если такие связи уже существовали, их дальнейшего упрочения. В грузино-осетинских отношениях целью династических браков являлось дальнейшее сохранение и упрочение уже существующих дружеских отношений. Они выступали в роли своеобразных договоров сотрудничества и взаимопомощи, а их практические цели находили свое яркое выражение в ближайших результатах всех этих браков.

Супругой грузинского царя Георгия I (1014–1027 гг.) была дочь осетинского царя. По сведениям византийских писателей (Кедрин, Зонара), ее звали Альдой. Как отмечено в «Летописи Картли», грузинский царь Баграт IV (1027–1072) женился на дочери осетинского царя – «царица Борена, дочь осетинского царя, сестра Дургулеля» (Картлис цховреба, 1955. С. 295).

У Георгия I, кроме Баграта, прямого его преемника, был сын – Деметре от дочери осетинского царя (там же). Среди дворян были желающие воцарения малолетнего Деметре, но они не смогли осуществить задуманное. Баграт вместе с матерью и вельможами, его сторонниками, решили вывести Деметре из Анакопии (ее Деметре получил от отца в качестве поместья царевича). Деметре не стал доверяться брату и вместе с матерью подался в Византию и ей же передал Анакопию. С. Баратов объясняет данный факт честолюбием Альды, которая якобы хотела расширения прав Деметре за счет Баграта и, не достигнув успеха, перешла на сторону греков (Баратов, 1871. С. 57).

Однако дело не только в честолюбии Альды, если бы даже оно имело место. В сведениях, приведенных в «Картлис цховреба» («Житие Картли»), ясно прослеживается борьба, разгоревшаяся вокруг престола, против центральной власти. Дворяне-вельможи разделились на два лагеря, одни, сторонники Деметре, выступали против упрочения центральной власти и тем самым противопоставляли его Баграту. Поскольку эта группа на сей раз не смогла реализовать воцарение Деметре, то она временно отступила и ждала наступления более удобного момента. То, что Деметре вместе с ними подался в Византию, говорит о том, что Византия этих вельмож считала своей опорой и союзниками.

Византийский кесарь Константин активно включился во внутренние дела Грузии. Одна из значительных задач византийской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить объединения Грузии. С этой целью Константин, кроме проведения непосредственных военных мероприятий, старался путем подкупа добиться поддержки грузинских вельмож. В создавшихся условиях прибытие царевича Деметре в Византию считалось своевременным и полезным явлением. Византия постаралась использовать Деметре для осуществления своих политических интересов. Свое вмешательство во внутренние дела Грузии она объясняла восстановлением законности, скрывая тем самым свои истинные цели. Для Грузии настали тяжелые времена. Смерть Константина VIII в 1028 г. на время отложила обострение положения.

При новом кесаре Баграт, чтобы уладить взаимоотношения с Византией, женится на его дочери – Елене. Но ей недолго пришлось быть царицей Грузии. Вскоре она умерла, а Баграт после этого породнился с царем осетин. Уход царевича Деметре в Византию и передача Анакопии грекам, по мнению И. Джавахишвили,

произошли в 1032 году (Джавахишвили, 1948. С. 138). После этого борьбу вельможных дворян с государственной властью возглавил эристав эриставов Клдекари — Липарит. Борьба приняла жестокий и напряженный характер. Одновременно проводилась активная политика по присоединению Тифлиса и других частей Грузии.

В этом аспекте постепенно проясняется суть мудрого поступка Баграта IV, заключающаяся в его женитьбе на дочери осетинского царя и установлении тесных отношений с осетинами. Его тесть и шурин были сильными и влиятельными владетелями Осетии, могущими оказать серьезную военную помощь Баграту. Кроме того, Баграт этим поступком, возможно, добивался сведения на нет перспективы оказания какой-либо поддержки Деметре со стороны Осетии (по матери Деметре был родственником осетинских царей).

Баграт IV этой женитьбой достиг намеченной цели. Со стороны Осетии Деметре никакой помощи не получал. Впрочем, в нашем распоряжении нет сведений, подтверждающих какие-либо попытки Деметре получить помощь из Осетии. Но если бы имели место такие попытки, то осетины, скорее всего, оказали бы помощь царю, с которым имели не меньшие родственные и другие связи.

Благодаря родственным отношениям с осетинским царским двором Баграт IV использует военные силы этих последних в своих интересах. В 1037—1038 гг. он попытался освободить Тифлис, окружив его. В этой операции участвовали и осетины. Об этом участии нет прямых свидетельств, но в «Картлис цховреба» сохранено одно сведение, где говорится о какой-то стычке между кахетинским и осетинским царями. Кахетинцы, находившиеся в окружении Тифлиса, участвовали на стороне Баграта. В этой операции «был убит кахетинский царь Квирике неким осетином за то, что он убил осетинского царя Урдуре. За это ему отомстил раб осетин во время охоты на горе Фидраза» (Картлис цховреба, 1955. С. 297).

Урдур, тесть Баграта IV, через один из перевалов вторгся в Кахетию. Баграт IV по определенным дипломатическим соображениям мог закрыть для осетин переходящие на его территорию дороги, чтобы избежать обострения отношений с Кахетией. Но, как обнаруживается, он способствовал проведению мероприятий, которые были направлены на ослабление кахетинского царства. Такое развитие событий вполне возможно. Вторжение Урдура в Кахетию способствовало ее ослаблению, что отвечало политическим интересам Баграта. Он считал присоединение Кахетии к Грузии важной задачей и при благоприятных обстоятельствах даже переходил в наступление. После окружения Тифлиса он совершал походы на Кахетию (там же. С. 298), однако до воцарения Давида Строителя присоединение Кахетии не осуществилось, ибо волнения, начатые вельможными дворянами, поставили перед властью другие задачи.

Эти волнения возглавил отступник Липарит. Он из Греции привел

Деметре вместе с войском и противопоставил Баграту. «Спустя некоторое время Липарит перевел Деметре, брата Баграта, из Греции, с войском греческого царя. К ним присоединились некоторые вельможи и дворяне, пришли в верхнюю страну и спустились в Картли, обступили Атени» (там же). Академик И. Джавахишвили временем отступничества считает 1044–1045 гг.

Отступничество Липарита поставило Баграта перед большой опасностью. Активными союзниками Липарита стали греки и кахетинцы, для которых объединительная политика Баграта была неприемлемой. Между противниками установился временный мир, но поскольку причины отступничества остались, то ожидались новые осложнения. Уже в 1047 году «Липарит вновь переводит из Греции Деметре с войском и кладом. Это вызвало раздробление в царстве: некоторые примкнули к Деметре, а некоторые остались преданными Баграту... На стороне Липарита встали кахетинцы и Давид — царь армян со своими силами» (там же. С. 300).*

Из этого сведения становится ясно, что вопрос упрочения центральной власти и даже ее сохранения решался в условиях ожесточенной борьбы. Иногда создавалось такое положение, что судьба царской власти висела на волоске. Против Баграта объединились грузинские вельможи, греки, цари кахетинцев и армян, для которых было неприемлемо существование сильной царской власти в Грузии. Деметре же в их руках являлся только простым орудием, которым пользовались в качестве прикрытия своих «законных» стремлений. То, что дело обстояло именно так, подтверждается тем, что после смерти Деметре внутренние раздоры не прекратились.

В свете этих событий более четко проявляется выгода для Грузии от сближения Баграта с Осетией. Византийская дипломатия всегда старалась использовать осетинский фактор в качестве инструмента для осуществления своих политических интересов. Но на этот раз ничто не связывало осетин с коалицией, выступающей против объединения Грузии. А это было результатом соответствующей активности Баграта. Упрочив политические связи с осетинами, он обеспечил для себя поддержку со стороны севера. Осетины помогали Баграту в его начинаниях. Шурин Баграта Дургулель в боях у Фадлона пришел на помощь своему зятю с 40-тысячной армией. Если бы такой внушительной силой обладали его противники, то, по всей вероятности, дело решилось бы в пользу коалиции.

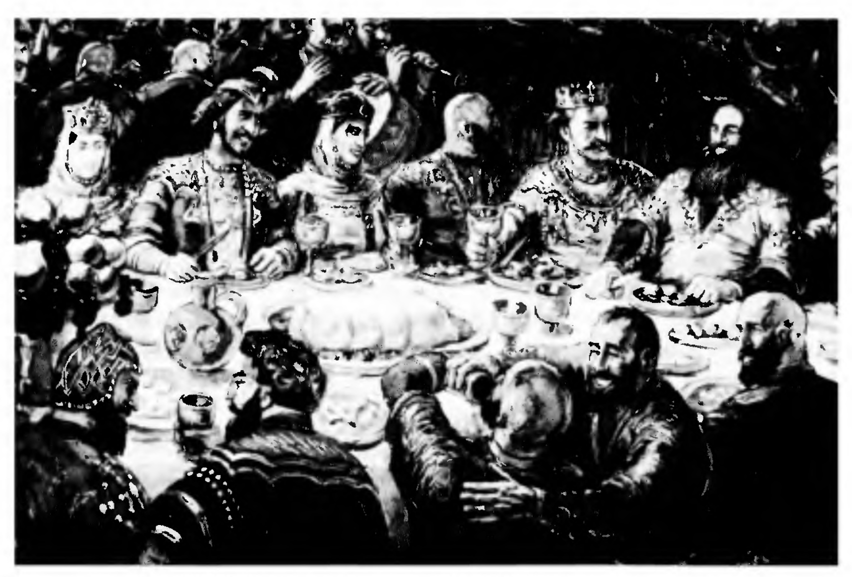
---

* З. Чичинадзе считал Баграта не братом Деметре, а его сыном от Борены. Георгий был сыном Баграта от первой жены, а Деметре — от второй жены; поэтому трон полагался Георгию. Чтобы между братьями не возникли сложные отношения, Борена своего сына Деметре отправила в Осетию, и здесь он обзавелся семьей (Чичинадзе, 1913. С. 123, 124, 127, 128). Мнение Чичинадзе не заслуживает внимания, так как не подтверждается историческими источниками. — **Г.Т.**

Что же касается грузино-осетинского объединенного похода против эмира Фадлона, то об этом существует следующее сведение: «Пришел Дургулель, царь осетин, с 40-тысячным войском. Баграт, во главе со своим сыном — Георгием Куропалатом, направил их против Гандзы, разорили Гандзу, пленили многих, вернулись с пленными, после чего Баграт отправил их на свою родину» (там же. С. 313).

После подчинения Фадлона на короткое время наступил мир для Грузии. О прочности грузино-осетинских связей этого периода говорит один факт, который имел место непосредственно после гандзского похода. Факт касается визита Дургулеля к грузинскому царскому двору. Об этом визите говорится в «Летописи Картли»: «Великий царь осетин — Дургулель просил Баграта разрешить ему посетить с визитом свою сестру — царицу Грузии. Баграт разрешил, и царь осетин с радостью вместе со всем осетинским княжеством через Абхазию прибыл в Кутаиси. Посетил свою сестру, царицу Грузии и мать Георгия Куропалата. Оттуда Дургулель со своей многочисленной свитой направился в Картли, где в Тинисхидской низине, у Надарбазева стоял царь. Гостей встретили торжественно и с большими почестями» (там же. С. 313). По сведениям того же источника, Дургулель в течение 12 дней гостил в Грузии. Баграт устроил ему большие проводы с наградами. Двенадцатидневный визит показался «Летописи Картли» коротким, и она объясняет отъезд гостей приближением зимы, когда перевальные дороги закрываются (там же. С. 313).

Визит Дургулеля к Баграту. XI в. Художник А.Джанаев

Визит Дургуледя к Баграту IV после гандзийского похода говорит о высокой оценке Багратом участия осетин в деле решения внешнеполитических задач Грузии. На поддержку Баграта осетины прибывали через Дарьяльскую дорогу, Абхазскую дорогу (Клухорским перевалом в Кутаиси) и другие перевалы. Активная поддержка Баграта осетинами имела большое значение в том отношении, что, опираясь на такую поддержку и на патриотические силы страны, он сумел отразить наступление Византии, сосредоточившей значительные военные силы как внутри страны, так и за ее пределами с целью помешать объединению Грузии.

В таких условиях дальнейшее грузино-осетинское сближение в экономической, политической и культурной сферах было естественным и необходимым. Вышеприведенные факты подтверждают существование прочных политических связей, а это, в свою очередь, влияло на развитие экономических и культурных связей. Свободное передвижение между Грузией и Осетией с целью осуществления торгово-обменных операций считается закономерным явлением в создавшихся условиях. Церемониалы, связанные с бракосочетанием, совместная борьба осетинских и грузинских войск, дружественные визиты — все это способствовало взаимному ознакомлению с элементами культуры и быта, что имело большое значение для сближения двух народов.

После Баграта в грузинских источниках на некоторое время отсутствуют конкретные примеры взаимоотношений с осетинами. Дело в том, что участились набеги турок-сельджуков, Грузия же не обладала реальной возможностью борьбы с ними. Георгий II встал на позицию непротивления им. В таких условиях искать помощь у осетин теряло всякий смысл, и, разумеется, грузинские источники этого периода об осетинах молчат.

Опасность для Грузии, проистекающая от турок-сельджуков, была очень большой. К внешним осложнениям добавилось обострение классовой и внутриклассовой борьбы. Для спасения грузинского народа требовалась полная мобилизация его сил. Необходимость решения данной задачи получил по наследству вместе с царским престолом Давид IV (1089—1125 гг.). Он удачно сочетал действия по изгнанию тюрок из Закавказья с борьбой против сепаратных тенденций вельможных дворян, используя волнения, начавшиеся в турецком султанате, связанные, в свою очередь, со смертью султана Малик-Шаха (1092 г.) и крестовым походом (начался в 1097 году) на восточные магометанские страны.

Своими непрерывными быстрыми нападениями Давид вынудил турок покинуть территорию Грузии. Но до тех пор, пока они оставались на территории Закавказья, Грузия не была гарантирована от нападений с их стороны. Поэтому была поставлена задача полного изгнания тюрков из Закавказья. Грузия, ослабленная длительными

войнами и внутренними волнениями, не могла в одиночку решать такую грандиозную задачу. Использование в этих целях наемных войск было малоэффективным, ибо оно носило временный характер и после каждой операции теряло силу. В этом отношении и феодальные войска не всегда были надежными, так как их предводители — крупные феодалы — часто находились в оппозиции к царской власти.

Одним словом, нужно было создание постоянно действующих войск, всегда готовых выступить против внешних и внутренних врагов. Давид решил переселить кипчаков в Грузию и создать из них постоянное войско.*

Давид был хорошо осведомлен о трудном положении кипчаков. Его супругой была дочь кипчакского князя, что облегчало переговоры с ними. Кипчаки с удовольствием согласились на предложения Давида. «Они (кипчаки) согласились, только просили, чтобы осетины пропустили их мирно. Для этого царь решил поехать в Осетию, забрал с собой своего секретаря и советника Георгия Чкондители, человека мудрого и умного» (Картлис цховреба, 1955. С. 336).

Связь Грузии с кипчаками осуществлялась через Дарьяльские ворота, но крепости и укрепления Дарьяльского ущелья находились в распоряжении осетин, и без их разрешения невозможно было преодолеть дорогу ни с одной стороны. Осетины же, находящиеся во враждебных отношениях с кипчаками, не пускали их в Грузию по этой дороге. Осетины, с одной стороны, опасались потери контроля над дорогой, а с другой стороны, заселение кипчаков в Грузию вызвало бы ослабление влияния осетин в Грузии, что было нежелательно для них, ибо тесные связи с Грузией всегда были полезными, в первую очередь с материальной точки зрения (найм, трофеи, торгово-обменные операции).

Давид Строитель как выдающийся политик хорошо сознавал, что для осуществления задуманного необходимо было преодолеть осетино-кипчакскую вражду и достигнуть согласия осетин на предоставление дороги кипчакам. В связи с этим возникла и другая задача — получение контроля над Дарьяльской дорогой. Для этого Давид не стал применять военную силу против осетин, избегая ос-

---

* Кипчаки в XI в. заселили северное побережье Черного моря. Степи с богатыми пастбищами создавали благоприятные условия для развития животноводства и этим притягивали кочевые племена. Кочевые кипчакские племена, проживавшие в этих районах, являлись опасными врагами России. Их столкновения носили систематический характер. С начала XII в. Владимир Мономах принял энергичные меры против кипчаков, перешел в решительное наступление и начал их притеснение. Одна часть кипчаков была вынуждена переместиться на равнины Северного Кавказа, в результате чего они стали соседями осетин и таким образом оказались в конфликте с ними на территориальной почве. По этой причине между ними возникла атмосфера недоверия. — **Г.Т.**

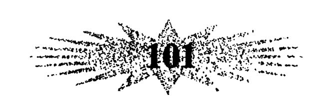
ложнения отношений со своим древнейшим союзником. Для примирения осетин с кипчаками он обращается к помощи морального авторитета Грузии среди осетин, а также к христианству как к общей вере с грузинами. Прибывшего в Осетию Давида «встретили цари и князья Осетии, предстали перед ним, обе стороны отдали заложников, и так легко установились между ними мир и любовь, как между братьями. Установили контроль над Дарьяльскими крепостями и всеми вратами Осетии и Кавказских гор. Кипчакам предоставили дорогу, и было переведено огромное их количество» (там же).

Решение спора между осетинами и кипчаками мирным путем историк Давида Строителя считает его значительной дипломатической победой. Этим Грузия сохранила в лице осетин значительный запас военного резерва. В условиях вражды с осетинами внешнеполитическое положение Грузии было бы очень осложнено.

По сведениям историка Давида, в 1118 г. он переселил в Грузию 45 тысяч кипчаков с их семьями. Армянский историк Матфей Едесский считал, что Давид переселил 15 тысяч кипчаков, 500 аланов и сотню французов (Вахушти, 1885. С. 179; Brosset., 1849. С. 363). По его же утверждению, Давид и в другое время обращался к военной помощи осетин. В Дидгорской битве на стороне Давида участвовали 5 000 алан (по мнению Дюлорье — осетин) (Вахушти, 1885. С. 182; Additions, 1851. С. 228–229).

Визит Давида Строителя в Осетию не ограничился тем, чтобы обеспечить открытие дороги для кипчаков. Более значительным было взятие и установление контроля над перевальными дорогами, идущими с Северного Кавказа в Грузию и позволяющими регулировать отношения с народами Северного Кавказа. Эти перевальные дороги всегда являлись объектами военных мероприятий для всех тех, кто стремился закрепиться в Грузии. К овладению ими стремились грузинские цари, а также вторгавшиеся сюда иноземные завоеватели (римляне, персы, византийцы, арабы), сами народы Северного Кавказа. После ослабления арабского владычества в Закавказье контроль над Дарьяльской и другими перевальными дорогами перешел в руки осетин. На это указывает сведение историка Давида о том, что царь в 1118 г. сумел вернуть Грузии дороги и построенные на них крепости. Давид Строитель, который должен был завершить процесс объединения Грузии и спасти ее от нашествий иностранных завоевателей, не мог остаться равнодушным в отношении к перевальным дорогам. Открытие дороги для кипчаков было лишь поводом для урегулирования этого вопроса, который и без того рано или поздно встал бы со всей остротой перед центральной властью.

Для решения интересующих Давида вопросов путем дипломатических переговоров с осетинами существовали благоприятные условия, созданные грузино-осетинскими вековыми тесными взаимоотношениями. К данному периоду политическое и культурное влияние

Грузии начинало распространяться среди осетин и других народов Северного Кавказа. С принятием христианства в Осетии распространялись грузинский язык и элементы грузинской культуры, что, разумеется, облегчало нахождение общего языка между ними. Давид Строитель и его предшественники — цари Грузии должны были способствовать распространению христианства в Осетии, ибо христианство способствовало подпаданию осетин под идеологическое и политическое влияние Грузии (Картлис цховреба, 1955. С. 354). Отправка Георгия Чкондидели в Осетию вместе с Давидом для ведения переговоров, возможно, является показателем того, что в ходе переговоров возникли и вопросы иерархии, связанные с христианским культом. Чкондидели мог способствовать этому. Осетины официально стали христианами в X в., но новая религия утвердилась в Осетии сравнительно быстро. В XII—XIII вв. распространению христианства среди осетин способствовало грузинское духовенство, что выразилось в строительстве церквей и других мероприятиях.

Из сочинений историка царицы Тамары известно, что Давид-Сослан приходился родственником тетке Тамары со стороны дочери Давида Строителя, выданной замуж в Осетию (Историани, 1942. С. 8). По мнению академика К. Кекелидзе, дочку Давида звали Русудан (Кекелидзе, 1936. С. 120; Кекелидзе, 1956. С. 313, 318). В источниках отсутствуют сведения о составе семьи Давида, а также о том, когда вышла замуж в Осетию его дочь, при жизни Давида или после нее, какую цель преследовало это бракосочетание. Но так как имеется сведение о непосредственном общении Давида с осетинами в 1118 г., то бракосочетание могло быть прямым результатом этих переговоров или залогом их успешного завершения. Событие это, возможно, произошло и во времена Деметре. В любом случае бракосочетание было призвано укрепить взаимоотношения Грузии с осетинами, и эта задача была решена небезуспешно. После этого осетинская царская династия породнилась с грузинской царской династией Багратионов и по линии матери (Давид-Сослан через отца — Деметре, сына Георгия, происходил из Багратионов), что имело определенное значение для того времени. Разумеется, что цари Осетии, происходящие от Багратионов, не были единственными на всю Осетию (Давида Строителя встречали осетинские цари и князья), но, по всей вероятности, они соответствующим образом ценили значение связей с грузинским царским престолом для упрочения своего влияния в Осетии. Такие связи повышали политический и моральный вес осетинских Багратионов в Осетии.

В начале XII в. за установленными Давидом Строителем взаимоотношениями с Осетией последовало вхождение Осетии в сферу политического и экономического влияния Грузии. По сведениям историка Давида, государственные границы Грузии к концу царствования Давида Строителя были растянуты от Никопсии до Да-

рубанда, от Осетии до Арегаца (Собинин, 1882. С. 513). Со времен Давида Строителя Осетия оказалась под политическим влиянием Грузии. «Под сенью Давида Строителя были собраны нации, племена и языки, цари и государи Осетии и кипчаков, Армении и французов, ширванов и персов» (Картлис цховреба, 1955. С. 360).

По мнению академика И. Джавахишвили, грузино-осетинские взаимоотношения были построены на принципах подданства. «Уже со времен Давида Строителя осетины и кипчаки были подданными Грузии» (Джавахишвили, 1949. С. 245). В чем выражалось такое отношение применительно к осетинам? По сведениям летописца времен Лаша Георгия, сыну Деметре — Георгию подчинялись Абхазия, Сванетия; по его приказу осетины и кипчаки могли выставить несколько тысяч человек (Картлис цховреба, 1955. С. 367). Такое положение для Грузии, в условиях длительной борьбы с тюрками и постоянной опасности отступничества со стороны вельможных дворян, имело особо большое значение.

В данную эпоху осетины представляли собой внушительную силу. Они могли оказать серьезное сопротивление многочисленным кипчакским ордам и исполнять роль активного контрагента в отношениях с Грузией. Несмотря на подданство, грузинское правительство ради сохранения добрососедских отношений с осетинами и получения от них военной помощи постоянно проводило мероприятия, способствовавшие упрочению династического родства с правящими кругами Осетии.

Подданство Осетии в отношении Грузии не было установлено путем военных экспедиций или завоеваний. Оно возникло на почве экономических и религиозных моментов, поэтому и характеризовалось сравнительной мягкостью. Для сохранения такого положения проводились дополнительные мероприятия. Образцом таких мероприятий является женитьба Георгия III на дочери осетинского царя Худдана. «Деметре женил своего преемника Георгия на дочери осетинского царя Худдана, по имени Бурдухан, по внешности бесподобная, красивая, мудрая» («Историани, 1941. С. 55). Красота, божественность, мудрость и образованность Бурдухан подчеркиваются в сочинениях грузинских историков, но нам кажется, что эти качества Бурдухан не могли быть основными и решающими факторами бракосочетания. Грузинские Багратионы могли и в другом месте отыскать будущую царицу такой же красоты. Но выбор пал на осетинский царский двор, и это случилось по определенным политическим соображениям. Сведение летописца Лаша-Георгия о том, что осетины могли выставить столько тысяч человек, сколько бы им ни приказал Георгий III, следует понимать так, что при этом приказа было недостаточно. Нужны были еще и другие условия, чтобы приказ был реальным и практически осуществимым.

Царь Деметре придавал большое значение дружеским отноше-

ниям с осетинами, для чего не считал достаточным уровень уже достигнутых взаимоотношений. Поэтому дальнейшее упрочение этих отношений он решил путем династического бракосочетания. История царя Деметре из-за отсутствия источников в грузинской историографии не изучена. По этой причине отсутствует ясное представление о целях и задачах вышеупомянутого бракосочетания.

С завершением процесса образования объединенной феодальной монархии Грузия приступила к проведению активной политики на юго-восточном и юго-западном направлениях. На этих направлениях, с одной стороны, появилась необходимость защищаться от нашествий магометанских царств и княжеств, а с другой — расширять государственные границы. На северном направлении перед внешней политикой Грузии никогда не стояла задача переноса границы за Кавказский хребет. На этом направлении считалось достаточным установление политического влияния до той степени, которая бы давала Грузии возможность обеспечить себе военную поддержку со стороны северных соседей.

Создавшиеся в XI—XII вв. обстоятельства чрезмерно увеличивали интерес Грузии к Северному Кавказу. Грузинский царский двор различными мероприятиями привлекает осетин к политической жизни Грузии с целью использования их в решении определенных политических задач. Частые династические браки с царским двором Осетии являются примерами подобных мероприятий. Решение царя Деметре женить своего преемника Георгия на Бурдухан — дочери осетинского царя, несмотря на ее красоту и другие притягательные качества, было продиктовано определенными политическими соображениями.

При царствовании Деметре у Георгия — преемника престола появляется соперник в лице его брата Давида, сумевшего даже отнять царствование у его отца. Правда, он скоро умер, и для Георгия вновь открылась дорога к престолу. Но сын Давида — Деметре (Демна) в последующем становится виновником новых осложнений. Деметре хорошо представлял тяжелое будущее своего сына Георгия и поэтому заранее приступил к укреплению его позиции. В упрочении позиций будущего царя Георгия осетины могли сыграть большую роль, и Деметре, сестра которого была замужем в Осетии, привел невесткой дочку осетинского царя, обеспечив тем самым поддержку со стороны нового родственника. Задача упрочения взаимоотношений с осетинами вытекала не только из нужд внешней политики, но и из факта обострения внутриклассовой борьбы. Использование осетин во внутриклассовой борьбе было известно с давних времен, и на сей раз тесть Георгия — Худдан мог оказать зятю значительную военную помощь. Вполне возможно, что во время восстания Демны в 1177 г. Георгий получил военную помощь от осетин. Впрочем, источники об этом никаких сведений не дают. Но разве только об этом молчат они?

Когда против того же Георгия двинулись объединенные силы соседних магометанских стран, он «тотчас же собрал силы всех своих семерых царств, позвал потусторонних и посюсторонних осетин и выступил против многочисленных войск султана» (там же. С. 61). В результате таких энергичных ответных мероприятий магометанские войска решили отступить без боя. В последующем бои все-таки продолжались, но в этих событиях факт участия осетин является знаковым явлением, заслуживающим особого внимания. Из этих данных следует также, что грузины могли быстро получить помощь осетин и совместными силами осуществить наступление на врага или встать на защиту от него. Этот факт говорит и о том, что связь между Грузией и Осетией по перевальным дорогам была хорошо организована.

Другие сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях во время царствования Георгия III (1156—1184 гг.) в грузинских источниках отсутствуют. Таких сведений не найти и в негрузинских источниках. Разумеется, отношения Георгия с осетинами не исчерпывались разовыми привлечениями военных сил Осетии. По всей вероятности, они всегда участвовали в его частых походах, проявлялись и в других сферах жизнедеятельности. К сожалению, об этих отношениях исторические источники ничего не говорят.

Во время царствования дочери Георгия III Тамары (1184—1213 гг.), происходившей по материнской линии из рода осетинского царя, грузино-осетинские взаимоотношения поднимаются на более высокую ступень. Развитие событий способствовало дальнейшему укреплению дружеских отношений между нашими народами. В этом отношении наиболее знаковым событием является брак Тамары с осетинским царевичем Давидом-Сосланом. Само собой, разговор о фактах бракосочетания не стоило бы вести, если бы они не были выражением сердечных, взаимовыгодных отношений между ними. Одновременно подобные бракосочетания являлись показателем прочности грузино-осетинских политических связей и дальнейшего их расширения.

В XII в. у Грузии уже были установлены оживленные взаимоотношения с северными странами, в том числе и с Россией. Через территории Осетии и кипчаков грузинские торговые представители достигали России и были в курсе событий, происходящих там. От этих торговцев представители царского двора Грузии получали информацию о создавшемся в России положении, и когда на повестку дня встал вопрос о замужестве Тамары, ее выдали замуж за Георгия — сына Суздальского князя Андрея Боголюбского. Георгий, преследуемый дядей, скрывался у кипчаков на Северном Кавказе. Отсюда, по решению грузинского царского двора, его привезли в Тифлис и женили на Тамаре.

Почему грузинскими вельможами в мужья Тамаре был выбран Георгий, почему отдали ему предпочтение перед другими претендентами (которых было немало)? На этот вопрос дает ответ проф. Иасе Цинцадзе. Родословная Георгия, отсутствие родственных свя-

зей в среде кипчаков и, частично, его вероисповедание являлись теми факторами, которые делали его кандидатуру наиболее привлекательной для грузинских вельмож.

По их представлениям, вступление в грузинский царский дворец вынуждало бы Георгия искать опору в местных господствующих кругах. Самой Тамаре, и в ее лице центральной власти, вступление Георгия в царский дом ничего не давало. Георгий же за достигнутое положение оставался бы навсегда благодарным этим вельможам (Цинцадзе, 1956. С. 96–99, 106). Одним словом, вельможи хотели превратить Георгия в послушное орудие в своих руках.

Никогда не прекращавшаяся внутри Грузии социальная борьба, особенно обострившаяся с момента вступления Тамары на престол, определила приход Георгия в грузинский царский дворец. Та же социальная борьба среди представителей господствующего класса определила судьбу Георгия, вернее, его изгнание, и вновь поставила на повестку дня вопрос о замужестве Тамары с целью иметь наследника и предводителя войск. По сведениям историка Тамары – Басила Езосмодзгвара, грузинские вельможи и церковники «упрекали Тамар за бездетность, бесплотность ее двора, требовали предводителя войск» (Басили, 1944. С. 16). Руки Тамары и на этот раз добивались многие как из христианского, так и магометанского мира. Среди них значительное место занимали осетинские царевичи. Еще до первого замужества Тамары «пришли царевичи осетинских царей, прекрасной внешности, мужественные». Так как тогда дело решилось в пользу Георгия, – «не сбылась их мечта». Крушение мечты они пережили тяжело. На обратной дороге один из них умер в Никози и там же был похоронен (Историани, 1941. С. 82). Источники молчат о причинах отказа им. Дело в том, что тот круг грузинских вельмож, которым казалась более предпочтительной кандидатура Георгия, обладал большим влиянием и навязал свои мнения и желания и царю, и царскому двору. Разумеется, у них были и противники.

Когда Георгия уже изгнали и его сторонники-вельможи временно приумолкли, в правящих кругах Грузии к подбору будущего мужа Тамары отнеслись более реалистично и назвали таковым Давида-Сослана. По сведениям грузинских исторических источников, Давид воспитывался у царицы Русудан. «Был в доме царицы Русудан витязь из потомков Ефрема, являющихся осетинами, люди сильные и победители в боях». Русудан он приходился родственником, и она взяла его к себе на воспитание. «Приходящие к ней и уходящие видели прекрасного витязя, с широкими плечами, прекрасным лицом, умеренным ростом, царского происхождения с обеих сторон» (там же. С. 88). При этом Давид был «благовоспитанным, физически сильным и закаленным, бесподобным витязем и лучником, статным и всесторонне развитым» (Картлис цховреба, 1849. С. 291–292).

В сведениях историка Тамары характеристика Давида-Сослана представляет собой особо интересное явление. Документ показывает, что выдвижение Давида в качестве мужа Тамары сопровождалось определенными трудностями, исходящими от сторонников Георгия. Естественно, что выдвижение Давида-Сослана было результатом поддержки его определенной группой вельможных дворян. Временное затишье в стане противников дало возможность сторонникам Давида обеспечить победу своего кандидата. Тем более, что эту группу поддержала тетка Тамары — Русудан, и, по сведениям Басила Езосмодзгвара, «Тамара тоже подчинилась их желанию, знавав ранее того витязя» (Басили, 1944. С. 18). На основании сведений Басила академик И. Джавахишвили отмечал, что «Тамара еще раньше знала будущего мужа и именно поэтому согласилась. А если вспомнить о том, что при первом замужестве Тамара говорила вельможам, что не следует выбирать такого человека, которого она не знает, то следует допустить, что с самого начала ее сердцу более подходящим казался Давид-Сослан, и поэтому повторный выбор осуществился по ее желанию» (там же. С. 10).

Проф. С. Макалатия отмечал, что «Тамара воспользовалась изгнанием Георгия и без спроса визирства вышла замуж за желанного для нее человека — Давида-Сослана, осетинского царевича, который никаких претензий не предъявлял на грузинский царский престол. Он был преданным мужем Тамары и мужественно и отважно защищал монархические права Тамары» (Макалатия, 1942а. С. 21—22).

Историки Тамары представляют нам Давида-Сослана как идеальную личность. Они возносят хвалы Тамаре и не терпят ее противников. Это прослеживается в их отношении к факту ее первого замужества, в вынесении чрезмерно отрицательной оценки устроителям этого замужества и самому Георгию.

В условиях ожесточенной социальной борьбы вопрос ввода Давида-Сослана в царский дворец не решался безболезненно. Противостоящая группа не хотела вступления Давида во дворец. К кандидатуре будущего мужа Тамары предъявлялся минимум определенных требований — с точки зрения происхождения, физического и умственного развития. Сторонники Давида легко доказывали его преимущества с физической и умственной точек зрения. Что же касается его происхождения, то ничего спорного в этом вопросе не обнаруживалось. По отцовской линии он был потомком одной из ветвей грузинских Багратионов и по материнской линии тоже являлся родственником Багратионов. Тем не менее противоположная группа обнаружила в происхождении Давида слабое место, из-за которого якобы становится невозможным вступление Давида на престол грузинских Багратионов. Таким слабым местом являлось то, что Давид был из «Ефремовых потомков». Грузинские Багратионы считали себя потомками библейского Давида — еврейского царя.

Эфрем, по Библии, был племянником этого Давида, и он, по сравнению с потомками Давида, занимал второстепенное место (Кекелидзе, 1956. С. 316–318). Известно, что сын Георгия I (1014–1027 гг.) – Деметре долго воевал за престол со своим братом – Багратом IV. По всей вероятности, в процессе этой борьбы и была разработана теория преимущества Баграта по отношению к Деметре, которая при их преемниках приняла сформулированный вид. Деметре по материнской линии был родственником осетинских царей, сын его даже воцарился в Осетии. Разумеется, что преемники этого Деметре имели претензии на грузинский престол, но разработанная грузинским царским двором теория о «потомках Ефрема» не признавала этих претензий. Об этой теории и вспомнили противники Давида-Сослана. Об этой особенности происхождения Давида знали сторонники Тамары и ее историки, но это не стало препятствием для их бракосочетания.

После долгих споров, явной и скрытой борьбы вопрос, касающийся кандидатуры Давида, решился положительно. И это решение укрепило добрососедские взаимоотношения между Грузией и Осетией, имеющие большое военно-политическое значение.

Личность Давида-Сослана была приемлемой и в другом отношении. Он был прекрасным знатоком грузинской культуры, обычаев и быта, приходился родственником Русудан – тетки Тамар по линии дочери Давида Строителя, тоже Русудан.*

Историкам Тамары пришлось подтверждать происхождение Давида от Багратионов с целью обоснования его права вступить в царский дворец. «Сыновность Ефрема» была также легко преодолена тем, что победу Давида сочли «всевышней волей» (Историани, 1941. С. 89). Это было тем более легко, что возвышение всех царей считали божьей волей. Историк Тамары отмечал, что и Тамара относится к категории людей, возвышенных богом – «Богом боготворимые Давид и Тамара» (там же. С. 101). Во введении к своим грамотам Тамара обычно подчеркивала, что она была царицей «по велению Бога».

Академик К. Кекелидзе отмечал, что после изгнания Георгия наступил кризис. Другого выхода не было, и на грузинский престол в качестве мужа царицы призвали «Ефемиана» Давида-Сослана, но для этой необходимости и исключительности выискали теоретическое обоснование: такой выбор является божьей волей, Давид Сослан по обеим линиям имеет царское происхождение (Кекелидзе, 1956. С. 318).

---

*Вахушти Багратиони ошибочно представлял отношение тетки Тамары – Русудан с Давидом-Сосланом. По его мнению, у Тамары было две тетки, и обеих звали Русудан. Одна из них была замужем в Осетии, и Давид был ее пасынком (Вахушти, 1885. С. 202). По мнению М. Джанашвили, в Осетию вышла замуж Русудан, воспитательница Давида и тетка Тамары, ученый считал их близкой родней Давида (Джанашвили, 1904). Между тем Давид являлся родственником не Тамары, а ее тетки Русудан, поскольку период родства (6 поколений) уже истек. – **Г.Т.**

Нельзя не согласиться с мнением уважаемого исследователя о том, что после изгнания Георгия кризис действительно существовал, но он начался отнюдь не после изгнания Георгия. Кризис проявил себя еще давно, и Георгий стал жертвой именно такого положения. Разумеется, обострение ситуации в государстве не являлось следствием незамужнего статуса Тамары. Кризисное положение заключалось в той острой социальной борьбе, которая развернулась вокруг власти в среде грузинских вельмож. По всей вероятности, определение Сослана мужем Тамары не было единственным выходом, хотя бы потому, что приемлемую для этой цели личность, наверное, можно было подобрать. И коли победу одержал Давид Сослан, то это потому, что в среде вельмож у него были сильные сторонники, одержавшие верх над соперничавшей группой и тем самым открывшие дорогу своему кандидату. Эта группа ставила государственные интересы выше своих и исходила именно из этих интересов, называя будущим мужем Тамары Давида-Сослана. Победу этой группы обеспечило и то, что она получила поддержку со стороны Тамары и Русудан.

Вынесенное в результате предшествовавшей борьбы и рассуждений решение вельмож было приведено в исполнение. Для этого «собрались вельможи со всех сторон, осмелились обратиться к царице Тамаре и привели царицу и Давида» (Историани, 1941. С. 89). Тамара и Давид поженились в 1189 году в Тифлисе, во дворце Дидубе. Оба историка Тамары подчеркивали отважную натуру Давида и то обстоятельство, что «осетины являются храбрыми и сильными в бою». Само собой разумеется, что благодаря породнению с таким воинственным народом Грузия улучшала свое внешнеполитическое положение.

В каких формах осуществлялись грузино-осетинские взаимоотношения в период царствования Тамары и Давида, об этом нет возможности рассуждать конкретно из-за отсутствия соответствующих сведений. В этот период взаимоотношения были добрососедскими, и их результатами оба народа пользовались поровну. Во все эпохи взаимоотношения между странами и народами строятся на основе их реальных интересов, и если отсутствует совпадение интересов, то не приходится даже говорить о прочности и продолжительности взаимоотношений. Грузия была сильной феодальной монархией. В экономическом, политическом и культурном отношении она стояла выше. Но это вовсе не означало, что ей из-за своего преимущества не нужны были отношения с Осетией. Наоборот, ее преимущества и мощь были бы обеспечены именно в том случае, если бы она с соседними странами, несмотря на уровень их развития, устанавливала бы тесные отношения и, таким образом, включала бы их в орбиту своих политических интересов. Грузинская дипломатия хорошо разбиралась в таких вопросах и в отношениях с

соседними странами руководствовалась принципами получения реальной выгоды. Осетия для Грузии с этой точки зрения всегда являлась объектом большого значения. Когда перед грузинской дипломатией возникали государственные задачи, связанные с необходимостью использования большой военной мощи, отношения с осетинами поднимались на высокую ступень.

Помимо политических взаимоотношений, в период царствования Тамары и Давида более благоприятные условия для развития получили и некоторые моменты в области экономики и культуры. Несмотря на то, что по этой теме отсутствуют конкретные материалы, свободное сообщение между Грузией и Осетией по торгово-обменным делам следует считать естественным. Такие отношения еще больше сближали оба народа. По этому поводу З. Чичинадзе отмечал, что после бракосочетания Тамары и Давида в Тифлисе увеличилось количество осетинских вельмож, ремесленников, торговцев и что Давид-Сослан покровительствовал осетинам в деле свободного передвижения по Грузии (Чичинадзе, 1913. С. 168, 170).

Несмотря на то, что приведенное сведение документально не подтверждается, в нем, учитывая конкретно-исторические условия, нет ничего невозможного. Многосторонние династические связи между правящими кругами Грузии и Осетии создавали атмосферу доверия и добрососедских отношений. Пребывание Давида-Сослана в царском дворе Грузии естественным образом способствовало расширению сообщений между этими двумя странами, а непосредственное соседство снимало всякие преграды в этом деле.

В связи с замужеством Тамары особый интерес представляют правовые отношения Тамары и Давида. Тамара официально была царицей Грузии, освященной царицей. Но и Давид-Сослан тоже назывался царем, а иногда и царем царей. Об участии Давида-Сослана в делах государственного управления источники дают мало сведений. Поэтому для рассмотрения этого вопроса следует обратиться к косвенным материалам.

С вступлением на престол Давид-Сослан тут же приступил к делу, целью которого являлось укрепление царской власти Грузии. Ему предстояло воевать с противоположной группировкой, для которой Давид Сослан представлял опасность и которая поэтому решила поддержать сторону Георгия, восстановить его утраченные позиции и положение. В 1191 году Георгий был провозглашен его сторонниками, вельможами царем Западной Грузии. Его поддерживали такие крупные феодалы, как, например, Гузан из Тао (владетель Шавшет-Кладжета), Боцо-Самцхский спасалар, Вардан Дадиани, Иван Цихисджварели и др. Вся Западная Грузия оказалась на стороне бунтовщиков. Они разделились на две части. Одна часть через Лихи перешла в Картли и разорила все до Гори. Вторая часть совершила поход в Южную Грузию. Тамара в срочном порядке

предприняла энергичные контрмеры. Давид-Сослан направился против бунтовщиков, действующих в Картли, но дело не дошло до прямого столкновения. Группировка Южной Грузии в бою между Тмогви и Ерушети была разгромлена сторонниками Тамары и Давида, и Картлийская группировка сама собой развалилась. Под командованием Давида в этих военных действиях были объединены ерет-кахетинцы, кипчаки и грузинские вельможи, которым на помощь пришло «множество кавказцев и мтиулов» (Историани, 1941. С. 93–94). Среди этих кавказцев на стороне Давида осетины были непременными участниками. Участие осетин в этом бою Вахушти не ставил под сомнение, но он предполагал, что осетины вместе с ерет-кахетинцами и кипчаками будто бы хотели напасть на Тамару, но так как противник потерпел поражение в Джавахетии, то, наоборот, они перешли на ее сторону (Вахушти, 1885. С. 203)*.

Разумеется, Давид-Сослан боролся за сохранение своего положения, ему грозила опасность в связи с выходками Георгия. Но это была не борьба, исходящая из узких личных интересов. Это было конкретное проявление непримиримого противостояния группировок, образовавшихся в результате острой социальной и политической борьбы, протекавшей внутри грузинского государства. Изгнание Георгия было знаком политического поражения той группировки, которая привела его на грузинский царский престол по определенным политическим соображениям. Создавшееся положение не сулило ничего хорошего этой группировке, и она решила силой вернуть свое прежнее положение (Цинцадзе, 1956. С. 130).

Подавление бунта 1191 г. означало временное примирение царского неограниченного самодержавия и сторонников полноправия вельможных дворян. Победа не досталась ни одной стороне. Это было временное затишье, так как невозможно было примирение тех общественных сил, которые выражали эти тенденции. В достижении этого компромисса Давид сыграл определенную роль. Его, помимо картли-кахетинских войск, поддерживало и осетино-кипчакское воинство. Кипчаки со времен Давида Строителя, в частности с 1118 г., образовывали в Грузии постоянный контингент войск, осетин же в Грузии в качестве регулярных, постоянных войск не было. Во времена Давида-Сослана осетинское воинство в Грузии находилось, можно сказать, и на постоянной основе. Количество этого

---

*Неизвестно, на какие именно документы опирался Вахушти, выдвигая такие утверждения. Разумеется, что он ошибался в этом отношении. М. Джанашвили по-своему объясняет факт перехода знати на сторону Георгия (русского). Эти явления историк связывал с борьбой Давида- Сослана за свержение Георгия; поэтому он отомстил последнему. Историк считал Абдул-Асана самым опасным (большим) врагом, потому Давид ему отомстил. Борьба носила серьезный характер, поскольку для одержания победы Давиду пришлось искать союзников (Джанашвили, 1904, № 2). – Г.Т.

воинства, его характер — неизвестны. Об этом дает сведение историк Тамары в связи с прибытием в Тифлис в качестве гостей Агсартана Шарванша и его зятя, целью которого являлась просьба об оказании военной помощи против адарбадаганского султана Абубекира. По сведениям историка, за городом их встретили Тамара и Давид. На военном параде, устроенном в честь гостей, «их при въезде в Тифлис первыми встретили осетины и кипчаки, а после них — еретинцы и кахетинцы, за ними следовали грузины, потом месхи, торелцы, шавш-клардж‑таоицы» (Историани. 1941. С. 103). На основе этого сведения невозможно определить статус осетинского воинства: то ли выполняли обязательную военную службу, то ли являлись личной свитой Давида. Ни одно из этих соображений не исключено, но, по всей вероятности, они являлись личной свитой Давида и находились в Грузии со времени его воцарения. Осетинские войска и до этого часто находились в Грузии, но только в случае их чрезвычайного приглашения, когда Грузия готовилась к оборонительным или наступательным войнам. Так как вопросы войны и сбора войск решились после визита Ширваншаха в Тифлис (там же. С. 102, 104), а перевод осетинских войск в Грузию до принятия соответствующего решения по этому поводу считался неприемлемым, то присутствие осетинских войск в составе свиты Давида является более приемлемым. Из приведенного сведения следует также, что в Грузии осетинское войско пользовалось заслуженной почестью благодаря своей боеспособности, о чем грузинские источники часто упоминали. Уважительному отношению к ним способствовала потребность центральной власти в военной силе, которую в тот период представляли осетины и кипчаки.

Официально оба, Тамара и Давид, назывались царями. В этом отношении интерес представляет вопрос об их равноправии в деле управления государством, вернее, являлись ли они равноправными правителями Грузии. При царском дворе Грузии вопрос «царя-мужа» впервые встал во времена Тамары, и, разумеется, вопрос о его правомочиях решался тогда же. Этот интересный вопрос не существовал в сформулированном виде. Поэтому, чтобы разобраться в нем, следует обратиться к прямым и косвенным сведениям, имеющимся в сочинениях историков Тамары.

Владетель Ширвана Агсартан и его зять Амир-Миран, притесняемые владетелем Адарбадагана, обращаются с просьбой к богом «уважительным и возвышенным Давиду и Тамаре» (Картлис цховреба, 1849. С. 301—302). Отсюда следует, что Давид играл большую роль в деле решения вопросов государственного значения. Защита Ширвана от магометан являлась результатом согласованного решения Тамары и Давида. Владетели Ширвана обращаются к Давиду как «Давидиану» (в смысле его происхождения от Давида), а не «Ефремиану» (происходящему от Ефрема), как обычно было принято в грузинских

источниках. Правда, такая форма обращения является дипломатической нормой, но, тем не менее, такая ситуация является показателем значительности и прочного положения Давида.

Давид имел право отдавать приказы в отношении самых знатных и крупных чиновников царского двора (амирспасалары, мсахуртухуцесы, крупные эриставы). Как-то магометане, во время пребывания Агсартана и Амир-Мирана в гостях, похвастались, что в игре в мяч равных им нет. Тогда «царь Давид приказал своему амирспасалару — Захарию и «мсахуртухуцесу» — Ивану, эриставу Ерета Григолу и другим собраться на поле. Мусульмане потерпели поражение от царя Давида и его приближенных» (Историани. 1941. С. 104).

По сведениям историка Тамары, «походы Давида осуществлялись по приказу и совету Тамары, и одерживал победу с божьей помощью». Походы обычно осуществлялись «под предводительством царя Давида» (там же. С. 93, 95). Иногда в сведениях историков Тамары прослеживается мысль о том, что Давид и без спроса Тамары осуществлял походы. «Мсахуртухуцеси» призывает Давида в поход на Гелакун (там же. С. 99). Давиду наравне с Тамарой воздавались царские почести, вместе с Тамарой он выслушивал отчеты спасалара и других чиновников. Захария и Иван Мхаргрдзели после похода у Раха «предстали перед Давидом и Тамарой» (там же. С. 99). Схваченные в Шамхорской битве амиры предстали перед Давидом. При встрече владетель Ширвана спрыгнул с коня и так воздал почесть Давиду (там же. С. 108). Шамхорцы Давиду «преподнесли замки, а взявший город Амир-Миран преклонился перед Давидом и передал ему замки. Сам Давид отправился в Ганджу, вельможи и влиятельные купцы, ханы и муллы устроили ему встречу, распростерлись на земле и таким образом отдавали ему почести, воздавали хвалу, со слезами на глазах просили защиты своих семей. Прибывший в город царь Давид взошел на престол султана» (там же. С. 108).

Приведенные сведения довольно ясно показывают роль Давида в той значительной сфере государственного управления Грузии, каковой являлось военное дело. Он, несмотря на то, что существовал пост военачальника (амирспасалара), являлся общим предводителем войск, и именно ему подчинялся военачальник. Сам Давид участвовал только в серьезных военных мероприятиях. Более мелкие походы осуществлялись под предводительством амирспасалара (военачальника) и правителей окраинных земель (владений). Само собой разумеется, что Давид не был независимым в военных делах. Без ведома Тамары не решалось начинание более или менее значительных военных операций. Но если иметь в виду, что Тамара была женщиной, и допустить, что в военных делах она разбиралась в меньшей степени и поэтому не могла быть командующим, то роль Давида проявится во всем своем величии. И несмотря на то, что при царском дворе Грузии тогда была целая группа командующих,

это вовсе не умаляло роль царя-военачальника, тем более, если он обладал соответствующим умом и способностями для этого.

Историки Тамары везде и во всем хвалят и чрезмерно возвеличивают ее. Однако И. Цинцадзе прямо отмечает, что они не могут считаться объективными и бесстрастными летописцами деятельности Тамары. Они обожествляют ее личность, а к ее противникам проявляют страшную ненависть и неприязнь (Цинцадзе, 1956. С. 114–115). Давид не был противником Тамары, наоборот, он был ее преданным человеком, но отмеченная выше тенденция историков проявляет себя и в оценке деятельности Давида. По сведениям Басила, «если надобно брать крепость или город, или напали тюркманы, или надо разгромить какую-либо страну, то докладывали Тамаре, и она взвешивала ситуацию и расспрашивала их. И если надо было собрать войско, то она отдавала приказ Захарию и Ивану Мхаргрдзели, царь Давид же возглавлял войска и всегда возвращался победителем» (Басили, 1944. С. 23). Получается, что Давид находился вне всех этих событий и только в тот момент, когда вопрос о походе уже был решен Тамарой, а Мхаргрдзели собрали войска, Давид возглавлял их и всегда возвращался победителем. Такая интерпретация роли Давида не представляется правильной. Вопросы о походах решались на совете, одним из активных членов которого был и Давид-Сослан, и в решении вопроса он имел свой голос. Единолично Тамара не могла решить вопросы, связанные с походами и их перспективами. Такое приписывается ей только из-за чрезмерной доброжелательности к ней историка. Своими энергичными и решительными действиями Давид способствовал укреплению внешнего и внутреннего положения царской власти. Не является случайным, что историк, касаясь ближайшего периода после бракосочетания Давида и Тамары, отмечал: «День ото дня дела Тамары шли к лучшему благодаря мудрому и правильному правлению» (там же. С. 19). Правда, упрочение положения Тамары во внутриполитической борьбе было результатом победы ее сторонников, но энергичные действия Давида в пользу интересов этой группировки имели большое значение для установления стабильного положения внутри страны.

Давид-Сослан был активным руководителем борьбы против самых опасных врагов Грузии. Битву против Рукнадина в 1205 году возглавлял Давид. Удар, нанесенный врагу под его командованием, оказался решающим (Историани, 1941. С. 126–127; Картлис цховреба, 1849. С. 322). Враг потерпел поражение, и Грузия превратилась в сильнейшее государство на Ближнем Востоке. Историк Тамары особо подчеркивает значение этой битвы.

Перед битвой Тамара молилась за Давида и его войско перед Богородицей Вардзии, которая «превознесла славу Давида и Тамары» (там же; Картлис цховреба, 1849. С. 322). Отсюда следует, что высшая ответственность за результаты этого похода возлагалась на

Давида, невзирая на то, что в войсках присутствовали амирспасалар Захария, выдающиеся командующие – Иван Мхаргрдзели, Шалва и Иван Ахалцихели й др.

Историки Тамары в деятельности Давида преимущественно обращали внимание на военную сторону. Какие правовые взаимоотношения существовали между Тамарой и Давидом в отношении внутренних дел страны – данные об этом почти отсутствуют. К счастью, у историка Басила имеется пара сообщений, позволяющих высказать некоторые соображения.

Басил в своем сочинении подчеркивает то обстоятельство, что Тамара была милосердной, при ней никого физически не наказали, кроме Гузана. Гузан был вельможным феодалом, отступился и разбойничал. Его поймали косари и «передали царю Давиду. А он, зная милосердие Тамар и не спросив ее, выколол ему глаза за кровь многих христиан» (Басили, 1944. С. 30). Из этого сведения Басила следует, что в значительных вопросах, в том числе касающихся казни провинившихся, между Тамарой и Давидом существовала определенная зависимость. Давид не имел права без спроса Тамары казнить провинившегося. В каком положении находилась в этом отношении Тамара, была ли она обязана в аналогичном случае спрашивать Давида – неизвестно. Отсюда следует вывод, что во внутренней и внешней политике страны Давид не всегда сочувствовал милосердной политике Тамары. Показателем такого настроения является казнь Гузана без спроса. Давиду была присуща такая же жестокость и в отношении внешних врагов. По сведениям Басила, Карская крепость была окружена грузинами. Осада длилась долго. Тогда Давид-Сослан отправился туда и возглавил операцию по взятию города. Защитники крепости сочли дальнейшее сопротивление бессмысленным и решили сдаться, но просили, чтобы прибыла Тамара, и тогда они сдадутся ей. Находясь в окружении, они поносили грузин и поэтому боялись казни от рук Давида (там же. С. 32). Видимо, карсцы помнили какой-то подобный пример, и поэтому строгость Давида их пугала.

Безусловно, в некоторых моментах Давид мог быть несогласным с тем или иным мероприятием или с точкой зрения Тамары. В таких случаях он иногда действовал произвольно, но какой отзыв следовал за этим со стороны Тамары, об этом историки ничего не сообщают. Сами историки свое личное отношение к этому вопросу явно не выражают, отмечают только, что такие случаи были исключением. Согласие между ними выглядит обязательным, а если же иногда имело место проведение какого-нибудь мероприятия без спроса Тамары, то историкам это кажется нарушением общих правил. Однако такие обстоятельства не вызывали конфликтов между ними, их дружба не разрушалась.

Возможно, в некоторых случаях Давид мог по своему усмотрению отдать крепость, деревню или поместье. Историк Тамары в

связи с Шамхорской битвой отмечал, что Давид восседал на коне, которого он приобрел у Васака Хачинела, отдав ему за это крепость и деревню Гардман (Историани, 1941. С. 105).

Представляет интерес и то обстоятельство, что на грамотах, выданных во времена Тамары, встречается подпись Давида. В грамоте, выданной в 1203 г. Шиомгвимскому монастырю, Давид-Сослан называется царем царей и на ней значится его подпись. На грамоте есть приписка Антони Чкондидели, в которой имена подписантов приводятся в следующей последовательности: Давид и Тамара и сын их Георгий Лаша (Бакрадзе, 1881. С. 212, табл. XXIII; Какабадзе, 1912. С. 8–9).

В существующей литературе оценка роли Давида-Сослана требует некоторого уточнения. По мнению академика И. Джавахишвили, «Давид-Сослан был лишь мужем Тамары и только поэтому царем» (Джавахишвили, 1942. С. 292). Д. Капанадзе на основе анализа памятников грузинской нумизматики времен Тамары, – когда на аверсе монеты вместе с Тамарой упоминается и Давид, а в арабской надписи на реверсе такого упоминания нет, – заключает, что Давид удовлетворяется положением мужа известной царицы (Капанадзе, 1949. С. 62–63). Рассмотренные же нами материалы подтверждают, что роль Давида в грузинском государстве была более широкой и значительной.

Роль Давида Сослана в государственных делах более подробно рассматривает профессор И. Цинцадзе. Он считает, что «царь-муж» Тамары возглавлял войска, исполнял роль главного предводителя войск государства если не фактически, то хотя бы формально. В этом деле он является заместителем Тамары, так как пребывание женщины в войсках было связано с большими трудностями. Кроме этих обязанностей, следует установить и другие моменты, которые входили в компетенцию «царя-мужа» (Цинцадзе, 1956. С. 140). В этом отношении представляют интерес мнения современных Тамаре историков о роли Давида-Сослана на царском престоле. Летописец времен Лаша Георгия отмечал: «Муж Тамары Давид был царь осетин, из рода Багратионов, молодец и лев бесподобный, участник и творец всех побед» (Картлис цховреба, 1955. С. 369). Для него Давид является активным государственным деятелем, стоящим в центре событий. Давид мог быть непосредственным участником современных ему побед и событий в случае обладания им определенными правами в качестве царя, а не в качестве мужа Тамары.

Более или менее подробное рассмотрение взаимоотношений Давида и Тамары обусловлено тем, что этот вопрос является одним из основных моментов истории грузино-осетинских взаимоотношений. Давид является царевичем Осетии. Тесные отношения с Осетией и большое значение Осетии для Грузии обусловили бракосочетание Давида и Тамары, но Давид и в последующем не прерывал связи с Осетией. По традиции Давид похоронен в Осетии.

Грузино-осетинские взаимоотношения этого периода, разумеется, не ограничивались фактом бракосочетания Давида и Тамары.

Прочные грузино-осетинские политические связи, одним из проявлений которых являлись и династические браки, были результатом совпадений интересов этих двух стран. За всеми этими династическими и политическими связями нельзя не видеть тенденцию к дружбе трудящихся масс этих стран, исходящую из определенного единства их жизненных интересов. Правящие круги в своей политической деятельности могли рассчитывать на успех в случае учета единства отмеченных интересов, которые, в свою очередь, требовали атмосферы доверия и дружбы. Политические связи способствовали экономическому сближению стран. Тот факт, что эпоха была феодальной, характеризующейся господством натурального хозяйства, не мешал торгово-экономическим связям. Тем более, что с хозяйственной точки зрения между ними существовала чувствительная разница в уровнях развития.

Осетины активно участвовали в создании единой большой феодальной монархии. Высшие феодальные слои Осетии с самого начала оказались в тесных экономических, политических и культурных отношениях с Грузией. Грузия была сильнейшим государством в Закавказье. В таких условиях разные народы стремились к сближению с ней, формируя таким образом тесные взаимоотношения. Академик Н. Бердзенишвили отмечал, что «горные страны Кавказа, а также страны подножия гор Северного Кавказа с древних времен имели тесные отношения с Грузией. Эти отношения, разумеется, сохранялись и тогда, когда в Грузии шел процесс политического объединения. Абхазские князья и цари объединенной Грузии устанавливали все более тесные военно-политические и культурные связи со своими соседними северными странами. В последний период царствования Тамары все горские народы Кавказа оказались в рядах подданных грузинского царя и, кроме политического влияния, подвергались культурному влиянию феодальной Грузии» (История Грузии, 1958. С. 204–205).

Прочные связи с Грузией, в конце концов, включили эти народы в орбиту политического и культурного влияния Грузии. Их отношения с Грузией заключались в военном служении ей, и такое служение окупалось обильно в виде подарков и получения трофеев. Поэтому такие отношения с воинственными народами Северного Кавказа не были тягостными. Установить более жесткую феодальную эксплуатацию в отношении народов Северного Кавказа Грузия не могла, из-за исторически сформировавшегося своеобразия этих народов; в противном случае они могли отойти от Грузии. Грузия, вернее грузинские феодальные круги, которые стремились награбить богатство и имущество на южном направлении, с севера ни в чем, кроме военной поддержки, не нуждались, и поэтому

отношения между ними развивались мирно. Вспомним, например, что последовало за попыткой включения горной Грузии под иго феодализма в начале XIII в., когда подавление восстания стоило феодальной Грузии большого напряжения военных сил.

Давид-Сослан умер в 1207 г. Историк Тамары отмечал: «Пришло горе, умер Сослан-Давид, человек, полный всякой доброты человеческой и божественной, прекрасной внешности, а в боях отважный и бесстрашный. Плакали и убивались от горя» (Историани, 1941. С. 129). Примечательно, что характеристика Давида-Сослана историками Тамары изумительно совпадает с характеристикой, которую ему дает Чахрухадзе. Сразу после смерти Давида Тамара поставила на престол Лаша Георгия, и совместное их царствование продолжалось до смерти Тамары в 1213 году.*

Осетинские предания считают местом захоронения Давида Осетию, Алагирское ущелье. Грузинские источники о месте захоронения Давида ничего не сообщают. Данный факт можно считать показателем того, что Давид не прекращал отношений с Осетией и после того, как он стал супругом Тамары, и после смерти был похоронен в Осетии.

Тесные взаимоотношения между Грузией и Осетией оставляли определенный след на внутреннем социальном и экономическом развитии Осетии. Такие отношения повышали влияние и авторитет правящих кругов Осетии в обществе и ускоряли процесс формирования классового общества. Те же самые обстоятельства в определенном смысле снижали остроту внутренней борьбы между отдельными частями Осетии. Правители Грузии были заинтересованы в усилении тех сил в Осетии, которые способствовали упрочению добрососедских отношений с Грузией. Как писал историк Тамары, ее стараниями многие слабые государства усилились, многие сильные государства ослабли, приблизились к Грузии королевства, которые раньше от нее отошли, свидетельство чего – дома в Шарвашети и Дарубане. Она приблизила к себе осетин, касогов, трапезундов, которые начали жить свободно, и стало безопасно от врагов (Басили, 1938. С. 15). Феодальная Грузия следила за процессами, происходящими в соседних странах, и в необходимых случаях вмешивалась в их внутренние дела, давая им нужное направление. Без политической заинтересованности возвращение ослабленных царств не имело смысла.

Осетия никогда не была объектом завоевания или непосредственного присоединения со стороны Грузии, но защита и укрепление отношений с ней всегда стояли в качестве актуального вопроса перед грузинским правительством.

---

* По утверждению З. Чичинадзе, когда у Тамары и Давида появились два сына, по просьбе супруги Давид уехал в Осетию на постоянное жительство, приезжая в Грузию только в случае войны. Он умер в 1230 г. (Чичинадзе, 1913. С. 175–176). Это утверждение Чичинадзе не соответствует действительности. – **Г.Т.**

Таким образом, начиная с XI в. и включая первую четверть XIII в., до нашествия монголов, грузино-осетинские взаимоотношения развивались в мирной, взаимовыгодной, дружественной обстановке. По сведениям грузинских источников, эти отношения в основном носили характер военного союза, который своим острием был направлен против внешних врагов феодальной Грузии. Что же касается взаимоотношений невоенного характера (экономических, культурных), то они в определенном смысле окутаны туманом, но сомневаться в их существовании не приходится.

В грузино-осетинских взаимоотношениях в рассматриваемый период примечательно то обстоятельство, что эти отношения были свободны от влияния внешних сил, их характер и масштабы были определены процессами внутреннего развития этих стран. Со времен Давида Строителя отношения между Грузией и Осетией строились на основе подданств. Такие отношения обязывали осетин оказывать военную помощь Грузии в нужный момент. Однако оказание военной помощи не было непременным условием, и его реализация обусловливалась осуществлением дополнительных мероприятий. Грузия нуждалась в военной помощи Осетии, а Осетия нуждалась в связях с Грузией для удовлетворения своих экономических и культурных потребностей.

Уже в первой четверти XIII в. и Грузия, и Осетия оказались под тяжелым игом монгольского владычества. Такое положение не привело к прекращению традиционных дружеских взаимоотношений между этими странами, но на их характер и масштабы оказало определенное влияние. В результате монгольского владычества в традиции грузино-осетинских взаимоотношений, складывавшихся веками, было внесено много новых веяний. Несмотря на нехватку соответствующих источников, рассмотрению этих новых веяний посвящается дальнейшее исследование.

§ 3. Грузино-осетинские политические взаимоотношения
(вторая четверть XIII в. — XIV в.)

Вопрос переселения осетин на территорию Грузии и появления постоянно проживающего здесь осетинского населения, несмотря на его особое значение для истории грузино-осетинских взаимоотношений, изучен недостаточно. Это результат недостаточности сведений источников касательно этого вопроса и невнимательного отношения исследователей к нему. В реальности этот вопрос особенно интересен и заслуживает всестороннего изучения, ибо он представляет собой один из значительных этапов многовековых грузино-осетинских дружеских отношений, является их продолжением в новых условиях.

Исследователи в связи с изучением частных вопросов истории Грузии или Осетии высказывают различные соображения по воп-

росу переселения осетин в Грузию (Гвритишвили, 1949). Ни один исследователь не считает факт переселения осетин в Грузию спорным. Разнообразие мнений между ними возникает в связи с временем этого явления.* Одна группа исследователей считает началом переселения осетин в Грузию древнейшее время. З.Н. Ванеев разделяет мнение В. Сен-Мартена, согласно которому переселение осетин на юг начинается с 215 г. до н. э. Захарий Николаевич считает окончательно установленным фактом проживание двалов-осетин на территории Южной Осетии с древнейших времен. Следует отметить, что З.Н. Ванеев не считает этих двалов-осетин предками современных южных осетин. Последние, по его мнению, переселились в сравнительно более поздний период, а двалы-осетины из-за натиска осетин перемещаются в сторону низины и там ассимилируются грузинами (Ванеев, 1936. С. 271–273). Согласно автору, эти новые волны осетин, которые изгоняют двалов-осетин в сторону низинных районов, в XIV–XVI вв. переходят на территорию Грузии. Именно эти осетины, по мнению З. Ванеева, заложили основу современной Южной Осетии.

З.Н. Ванеев в брошюре «Народное предание о происхождении осетин» связывает переселение осетин из степей в горы, а оттуда – в Грузию с нашествием монголов. При этом он допускает возможность, что прежнее осетинское население могло в результате нападок различных племен перемещаться в сторону Грузии еще раньше (там же. С. 22).

В конце XIX в. Д. Лавров писал, что постоянные нападения с севера римлян, готов, гуннов на осетин заставляли их отступать в глубь Кавказских гор, что и стало причиной их переселения на южные склоны Кавказа – в пределы Грузии в начале III в. н. э. (Лавров, 1883. С. 200). Г. Кокиев связывает переселение осетин с нашествием гуннов (IV в.) (Кокиев,1926. С. 22, 29). Е.Г. Пчелина считала, что уже в VI–VII вв. имело место движение осетин на юг, и это движение усилилось со времени татаро-монгольских нашествий (Пчелина, 1925. С. 238). Академик Г. Ахвледиани считает возможным датировать переселение осетин в качестве двалов на эту (южную) сторону Кавказского хребта VII в. (Ахвледиани, 1925. С. 319).

З. Чичинадзе в своей «Истории Осетии» выражает мнение о том, что в XI–XII вв. в Осетии существовало два царства – одно на южных склонах Кавказского хребта, а другое – на его северных склонах.

В.Б. Пфаф отмечал, что на южных склонах Кавказских гор осетины проживали с давних пор. На «южносторонних» осетин грузинс-

---

*Кроме Гвритишвили, по этому вопросу см.: Юго-Осетия. Труды ЗНА (Тифлис, 1925; Г.Ф. Чурсин. Осетины. Этнографический очерк: в указанных трудах (С. 136). «Установить с точностью время поселения осетин на южном склоне главного хребта не представляется возможным», – писал Л. Меликидбек в работе «К археологии и этнологии Туальской Осетии» (с. 277). Труды ЗНА, Юго-Осетия. – Г.Д.

кие феодалы осуществляли набеги и, таким образом, распространили феодализм (VIII–IX вв.). (Пфаф, 1871. С. 23). Когда конкретно заселились осетины на южные склоны Кавказа – об этом исследователь ничего не говорит, но проповедование христианства среди осетин святой Ниной в IV в. считает утвержденным (там же. С. 31). На основе наименований сел и рек Мамисонского ущелья он утверждает, что именно в этих местах произошло смешение грузин с осетинами (Пфаф, 1876. С. 144).

Вахушти Багратиони (1696–1758)

Проф. Б.В. Скитский прямо заявляет, что переселение осетин в Грузию, начатое в IV в. под воздействием гуннов, осуществлялось волнами. Этот процесс возобновился в XIII в. в результате монгольских походов. Последние колонизационные волны, по родовым преданиям, приходятся на XV–XVI вв. Южную Осетию, по его мнению, называли Двалетией (Скитский, 1947. С. 139). Б. В. Скитский, в отличие от других исследователей, придерживающихся его взглядов, старается подтверждать существование осетинского населения с древних времен на южных склонах Кавказа, то есть в северной части современной Южной Осетии, сведениями исторических источников. Он приводит следующее сведение Прокопия Кесарийского: «Где с правой стороны есть граница иберов, а напротив кончается Кавказская гора, проживает много различных племен, в том числе и аланы, и абазги, которые являются христианами и с давних времен дружат с римлянами» (там же. С. 41). В действительности Прокопий не ограничивается наименованием только алан-абазгов и называет зихов и гуннов, проживавших на той же территории. Более интересным является то обстоятельство, что Прокопий не привязывает всех их к реке Фазис, которая вытекает из чанетских гор (Георгика, 1934. С. 71–72, 78–80). Ясно, что такая локализация Фазиса не является правильной, так как она непригодна в качестве подтверждения проживания алан на южных склонах Кавказского хребта и тем более зихов и гуннов. У Прокопия есть и другие сведения, где аланы представлены народом, проживающим на севере Кавказских гор. «Та страна, которая, начиная с Кавказских гор, растянута до Каспийских ворот, занята аланами». Или же: «После границ абазгов, вдоль Кавказских гор живут бруки (между абазгами и аланами), а на берегах Понта проживают зихи» (там же. С. 100, 105).

По сведениям Прокопия, Менандра и Феофана-летописца, для установления связей с аланами византийцам приходилось преодоле-

вать Кавказские горы. Если бы аланы проживали на южных склонах Кавказа, то византийцам не приходилось бы преодолевать горные переходы, укрепленные крепостями. Грузинские источники до второй половины XIII в. не содержат ни одного слова о проживании осетин в Закавказье, и отношения с ними представляют как взаимоотношения, осуществляющиеся через перевальные дороги с народами, проживающими на Северном Кавказе.

Взгляды профессора Б. Скитского разделяются осетинскими историками, что нашло свое отражение в «Истории Осетии» (макет), где отмечается, что со времен нашествия гуннов часть алан перешла на южные склоны Центрального Кавказа. Именно они и являются далекими предками современных южных осетин. Территория на южных склонах Кавказа, заселенная осетинами в IV в., в XIII в. опустела, так как южные осетины спустились в низинные районы. В последующем с севера на эти места перешли другие жители (История, 1954. С. 73).

Антрополог М. Абдушелишвили на основе антропологического изучения южных осетин заключает, что наложение элементов северян (северных осетин) на местные элементы является сравнительно новым явлением, не имеющим тысячелетней истории. В противном случае их дифференциация была бы невозможной (Абдушелишвили, 1957. С. 312–323).

Та часть исследователей, которая имела возможность всесторонне рассмотреть и оценить грузинские исторические источники, высказали правильное, научное мнение о переселении осетин в Грузию. Известный грузинский ученый Вахушти Багратиони связал переселение осетин в Грузию с их разгромом на полях Северного Кавказа. «После прихода Чингиз-хана, Бату-ханом была разгромлена и разорена Осетия, а осетины укрылись в Кавказских горах». Согласно его сведениям, на бывшие территории проживания осетин заселились черкесы, или кабардинцы, и приняли название — Черкесия, или Кабарда (Вахушти, 1941. С. 107).

В трудах академика Н. Бердзенишвили дается научная точка зрения о переселении осетин на территорию Грузии. Данное обстоятельство он причинно соединил с теми внешними и внутренними событиями и положением, которые создались в этих странах в результате господства монголов. Таким образом ученый оказал значительную помощь тем, кто был заинтересован в изучении этих вопросов (Бердзенишвили, 1938. С. 294; Бердзенишвили, 1958. С. 245).

Д. Гвритишвили в статье «К вопросу происхождения двалов и переселения осетин» суммировал все взгляды, существующие по этому вопросу, и пришел к выводу, что переселение осетин на территорию Грузии происходило в XIII–XIV вв. и продолжалось в дальнейшем. На его взгляд, осетинские новоселы появляются на южных склонах Кавказского хребта во второй половине XIII–XIV вв., сначала на

двалетской территории, а затем у истоков рек Большая и Малая Лиахва, Ксана, Паца, Арагва (Гвритишвили, 1949. С. 118). Он же разделил переселение осетин на территорию Грузии на три вида и каждый из них соотнес с определенным периодом. Первый вид — большие группы вооруженных осетин занимают ущелья, заселенные грузинами, и селятся там. Этот вид переселения имел место в XIII—XIV вв. Второй вид — перевод грузинскими князьями и царями по предварительному согласию больших групп осетин и заселение их на своих землях. Третий вид относится к более позднему времени и заключается в самовольном закрепощении экономически притесненных осетинских крестьян (там же. С. 119).

В той же статье Д. Гвритишвили рассматривает вопрос этнической принадлежности двалов. Он критикует взгляды и соображения тех авторов, которые считают двалов осетинским племенем и на этой основе утверждают факт проживания осетин на грузинской территории с древнейших времен. Он приходит к заключению, согласно которому следует окончательно отвергнуть тождественность двалов и осетин. В таком случае, естественно, возникает вопрос об этнической принадлежности двалов, если они не являются осетинами. Автор, избегая решительного ответа на этот вопрос, приводит сведения, которые якобы удостоверяют большое влияние грузинской культуры на двалов, а многие географические названия на территории Двалетии, по его мнению, свидетельствуют об их грузинском происхождении (например, Зекари, Кели, Мсхлеби). Следовательно, автор склоняется к мысли, согласно которой двалов следует относить к грузинскому племени (там же. С. 114).

По мнению Юлиуса Клапрота, подавляющая часть осетин в Грузии относится к племени двалов или Двалетии (Klaproth, 1814. P. 13). Грузины делят осетинский народ на два больших племени — на осетин и двалов, которые по языку и обычаям отличаются незначительно (Klaproth, 1814. P. 117). Двалов считают осетинами Пфаф (Пфаф, 1870. С. 29); Г. Кокиев (Кокиев, 1926. С. 22); Ванеев (Ванеев, 1936. С. 270, 272).

К двальскому вопросу в разное время обращались различные исследователи, как, например, А. Гюльденштедт, П. Паллас, Ю. Клапрот, В. Пфаф, В. Миллер, Н. Марр, Н. Кипшидзе, В. Томашек, Г. Ахвледиани, К. Кекелидзе, Л. Меликсет-беков, З. Ванеев, Б. Скитский, Д. Гвритишвили, В. Гамрекели. Однако ни один из них не делал этническую принадлежность двалов предметом специального исследования. Исключение составляют В. Томашек, Д. Гвритишвили и В. Гамрекели, которые свои соображения по данному вопросу высказывают более или менее обоснованно. Кроме них, все вышеупомянутые авторы со ссылкой на Вахушти, без всяких рассуждений, считают двалов осетинским племенем. В качестве подкрепляющего аргумента они приводят тот факт, что осетины называют двалами осетин, которые проживают на бывшей двалетской территории.

Б.В. Скитский отмечал, что в старой географии Грузии Южная Осетия называлась Двалетией. Это название происходит от «туал» – самоназвания осетин, старого населения Двалетии (Скитский, 1947. С. 139). По мнению академика Г.С. Ахвледиани, двалы являются первой волной движения осетин на южную сторону хребта. Грузинская Двалетия, по всей вероятности, получила свое название от них. Новые волны осетин, которые последовали за первой волной, частично отодвинули прежних двальских осетин к западу, а частично ассимилировали их в своей массе (Ахвледиани, 1925. С. 319).

Осетинами, в частности южными осетинами, считает двалов и Вс. Миллер. В армянской анонимной географии VII в. считается, что упоминание двалов является результатом того, что осетины в то время не имели общего государства, и его отдельные части были известны под различными наименованиями (Миллер, 1887. С. 109).

В. Томашек считает двалов независимым племенем с собственным языком, расселенным на обширных территориях. Во времена царицы Тамары они окончательно соединились с грузинским народом. Эти двалы потеряли многие из своих высокогорных территорий в связи с движением на юг (Tomacshek, 1903. P. 1231).

И. Джавахишвили, касаясь Двалетии, ограничивается ее местонахождением и территориальной принадлежностью (Джавахишвили, 1919. С. 6–9). Двалетия, по его мнению, является окраиной Грузии. Этнической принадлежности двалов он не коснулся, так как для решения этого вопроса отсутствовали достаточные материалы. Однако материалы отсутствуют и сегодня.

С. Джанашия считал двальских переписчиков тогдашних грузинских рукописных книг, упоминаемых в грузинских источниках X–XI вв., отличными работниками, а двалов этнически отождествлял с современными осетинами (Джанашиа, 1952. С. 490). И академик К. Кекелидзе отмечал, что «двали по-грузински означает осетин» (Кекелидзе,1947. № 39).

Этническое происхождение двалов, их расселение, вопросы языка, их отношение к осетинам в последнее время стали предметом специального исследования В. Гамрекели (Гамрекели, 1957). Он считает, что племя двалов частично было ассимилировано осетинами, частично – грузинами. Они вошли в состав обоих народов, и поэтому остались в их истории (там же. С. 179). На основе анализа сведений Вахушти, В. Гамрекели заключает, что отождествление двалов с осетинами является ошибочным мнением. Основные результаты его исследований заключаются в следующем:

1. По Вахушти, двалы не являются осетинами. Они представляют собой независимое кавказское племя, родственное дурдзукам (чечено-ингушам).

2. Двалы частично вошли в состав осетинского народа в процессе формирования этого народа. Их частичное слияние с осетинами

продолжалось и в последующий период в результате вступления осетин в ущелья Кавказа и установления господства над двалами.

3. Двалетия вначале находилась на севере главного Кавказского хребта. Она распространялась с левого берега Терека до Басиана, с юга на север – от линии главного хребта до Кабарды XIII в., включая степную полосу.

4. Впервые осетины завоевали Двалетию севернее Касарских теснин, а двалов вытеснили в ущелья главного хребта. Все это происходило до н. э.

5. Позднее осетины обосновываются на северных склонах и в ущельях Кавказского хребта, а также в Наро-Мамисонской котловине, и подчиняют там двалов. Эти события датируются XIII–XV вв.

6. Осетины XVI–XVIII вв. в современной Вахушти эпохе расселяются и на южных склонах Центрального Кавказа, занимая и здесь господствующее положение в отношении двалов. Начало XVIII в. становится периодом, когда заканчивается окончательная ассимиляция двалов осетинами (там же. С. 185–187).

Так как основным источником заключений В. Гамрекели являются сведения Вахушти, то следует обратиться к ним и после этого оценить выводы, сделанные на их основе. По Вахушти, территория Двалетии делится на «Касрское ущелье, Зарамаг, Жгеле, Нар, Зрого и Заха, а те, которые остались у осетинских царей, называются: Чими, Тагаур, Куртаул, Валагир, Фаиком, Дигора и Басиан. Эти названия они получили после вторжения монголов, когда осетины укрылись в Кавказских горах и ущельях, приняв соответствующие названия. После опустошения Осетии места проживания осетин заняли черкесы, а Осетию стали называть Черкесией или Кабардой, а Осетией стали называть те места на Кавказе, где укрылись осетины, а Двалетия остается Двалетией» (Вахушти, 1941. С. 107). Из этого сведения следует, что вся современная Вахушти Осетия принадлежала Двалетии, где только после нашествия монголов (вторая четверть XIII в.) обосновываются осетины и дают ей свое название. Здесь знатных и сейчас называют осетинами, а простых – двалами.

Вахушти высказывает и другое соображение по этому вопросу. Со времен Фарнаваза (III в. до н.э.) Двалетия (Касарское ущелье, Зарамаг, Зруг, Зака, Нар, Згил) попадает в территориальные границы Грузии. Другие ущелья Центрального Кавказа – Тагаурское, Куртатинское, Уалагирское, Дигорское и Басианское оказались в подчинении осетинских царей, и население этих ущелий, по мнению Вахушти, подчинилось осетинам, распространившим на них свое название (там же).

Таким образом, о заселении осетин в ущелья Кавказских гор или на территорию Двалетии Вахушти высказывает два взаимоисключающих соображения. Из них преимущество следует отдать тому соображению, которое соответствует историческим данным. Таким

является второе соображение, но его датировку III в. до н. э. следует считать ориентировочной. В нем не составляет труда услышать далекий отзвук обоснования ираноязычных сарматов, а потом и алан в горной части Центрального Кавказа. Разумеется, что этот процесс не завершился III в. до н. э. Процесс заселения Центрального Кавказа продолжался веками и в начале нового летоисчисления завершился формированием аланского (осетинского) народа. Аланы уже с начала I в. н. э. являются господствующей политической силой на Северном Кавказе.

Сведение Вахушти о том, что обоснование осетин в северных ущельях Кавказа происходило в послемонгольский период, является правильным в отношении собственно двалов, а не в отношении Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского ущелий. В результате монгольских нашествий происходило движение осетин через Ардонское ущелье в район Наро-Мамисона, где находятся Нарское, Зругское, Закское и другие ущелья. Из этих районов следовало дальнейшее движение в сторону юга. Исследователь В.Гамрекели не заметил противоречия, присутствующего в сведениях Вахушти, и поэтому его попытки установить этапы обоснования осетин в Двалетии характеризуются определенными погрешностями.

В ущельях Северного Кавказа (Тагаурском, Куртатинском, Алагирском, Дигорском и др.) обоснование осетин осуществлялось не в XIII–XV вв., а гораздо раньше. В грузинских исторических источниках осетины в этих ущельях считаются прочно обосновавшимся народом. В отмеченных ущельях борьба вокруг перевальных дорог являлась результатом проживания там осетинского населения. Легкость использования осетинами Дарьяльской, Двалетской и Клухорской перевальных дорог не оставляет сомнений в том, что в этих ущельях долгое время проживали осетины. Византийские писатели VI в. считали осетин народом, проживающим на северных склонах Кавказских гор, а не жителями предгорных степей.

Обоснование осетин на северных склонах и в ущельях горного Кавказа в XIII–XV вв. не соответствует действительности. Если же можно говорить о заселении осетин на какой-то новой территории в этот период, то следует под этим подразумевать горную Картли и некоторые районы низины. Осетины на южных склонах Кавказа появляются не в XVI–XVIII вв., а в XIII–XIV вв., добившись в тот период преимущества над двалами. Разумеется, что процесс переселения осетин, правда более медленными темпами, продолжался не только в XVI–XVIII вв., но и в XIX в. Но эти поздние переселения не могли существенно влиять на общее положение.

Известие Вахушти о двальском языке вызывало различные толкования. «Язык у них был стародвальским, но нынче разговаривают на осетинском, ибо язык черкесов другой» (там же. С. 110). По мнению Г. Ахвледиани, это означает, что «стародвальский» был язы-

ком, на котором двалы разговаривали до вторжения иронов, или же термин «стародвальский» используется в качестве противопоставления «новодвальскому» языку.

У Г. Ахвледиани «стародвальский» является диалектом староосетинского языка (Ахвледиани, 1941. С. 194–195). По нашему мнению, противопоставление старого и нового двальских языков невозможно потому, что новый двальский язык не существует, так как двалы усваивали осетинский язык и разговаривали на нем.

Д. Гвритишвили понимает сведение Вахушти о двальском языке в том смысле, будто Вахушти относил стародвальский язык к семье черкесских языков (Гвритишвили, 1949. С. 113–114). Для В. Гамрекели упоминание черкесского языка при сравнении двальского и осетинского языков выполняет роль ориентира, чтобы не путать осетинский язык с черкесским (кабардинским) (Гамрекели, 1957. С. 189). Бывшую осетинскую территорию заняли черкесы и назвали ее Черкесией. По этой причине некоторые могли перепутать осетинский язык с черкесским. Такое объяснение нам кажется убедительным.

Если двалы не являются осетинами, что не вызывает сомнений[10], то тогда кто они, какую связь имеют с кавказским этнокультурным миром? Есть предположение, что они относятся к чечено-ингушским племенам, но такое предположение требует доказательств. Впрочем, такое утверждение может оказаться правильным.

Несмотря на языковое различие, двалы находились в тесных экономических, политических и культурных связях с Грузией, с государственно-административной точки зрения входили в ее состав. Такие же тесные отношения, из-за непосредственного соседства, имели они и с осетинами. В грузино-осетинских взаимоотношениях Двальская дорога играла определенную роль, а Двалетия в системе отношений выступала в качестве промежуточного звена.

В XI в. на культурной арене Грузии двалы играют определенную роль. Слово «двали» даже начали применять для обозначения фамилии. В крестовом монастыре Джари был некий переписчик книг – Микел Двали, священник. Иоаном Двали и Симоном Двали много было переписано книг (Жордания, 1892. С. 177, 203, 210). Во время царствования Тамары, с целью ликвидации отступничества пховелов и дидойцев, «царица призвала Атабага и всех мтиулов: двалов, цхразмелов, мохевцев, хаделов, цхавателов, ерцотианов и направили их против бунтовщиков» (Историани, 1941. С. 138). Двалы являлись горским населением Грузии, и если предусмотреть порядок перечисления, то они проживали западнее Цхрадзмы, в непосредственном с ней соседстве. Это подтверждается и хроникой Ксанских эриставов. Двалы наравне с другими горскими племенами выполняли государственные задания Грузии. Хроника Ксанских эриставов, составленная во второй половине XIV в., явно различает осетин и двалов. Двалы в XIV–XV вв. существовали как независи-

мая этническая единица. Они проживали рядом с осетинами (Егнаташвили, 1940. С. 11–12; История Грузии, 1946. С. 11).

Приведенные сведения и их анализ показывают, что отождествление двалов с осетинами не соответствует действительности.[11] В источниках явно указывается их этническое различие, что, не считая осложнений, возникающих на территориальной почве, не мешало существованию тесных экономических и культурных связей между ними. Те авторы, которые придерживались мнения о том, что осетины проживали на грузинской территории с древнейших времен, опирались на ошибочное мнение о тождестве двалов и осетин. Так как такое тождество было убедительно отброшено в последнее время, то и вопрос переселения осетин в Грузию следует объяснить по-другому.

Объясняя вопрос переселения осетин на грузинскую территорию, следует иметь в виду грузино-осетинские взаимоотношения в XIII–XIV вв., существовавшие тогда исторические условия и причины, вызвавшие эти процессы. Осетины в X–XII вв. проживали на равнинах Северного Кавказа и северных склонах Кавказского хребта, имели довольно сильную государственную организацию, тесные политические, экономические и культурные связи с соседними странами, особенно с Грузией. В это время осетины были активными участниками политической и культурной жизни Грузии. Частые династические браки между правящими кругами, возникавшие на основе реальных политических интересов государств, создавали новые перспективы дальнейшего сближения соседних народов.

Со своей стороны Грузия всячески стремилась упрочить свое влияние на Северном Кавказе. Привлечение на свою сторону местных правящих кругов, установление родственных связей с ними, мероприятия, направленные на упрочение христианской религии, — все это было показателем большого интереса Грузии к Северному Кавказу. Однако дальнейшему расширению грузино-осетинских взаимоотношений, их спокойной жизни положили конец опустошительные нашествия татаро-монголов. С 20-х годов XIII в. Грузия и Осетия стали объектами их нападений. В результате предательства союзников-кипчаков осетины в 1222 г. потерпели жестокое поражение от монгольских завоевателей (Тизенгаузен, 1941, I. С. 25–26). В 1239 г. хан Батый вместе с другими странами подчиняет и Осетию. Летопись об этом пишет: «Тогда среди других ханов Бату-хан имел преимущество владения Осетией, Кипчакией, Хазаретией, Россией до «сумрачной страны» (севера) и до моря (Дарубанда)» (Картлис цховреба, 1849. С. 365).

Осетины оказали завоевателям ожесточенное сопротивление. Горские районы превратились в основные очаги сопротивления врагу. В 1246 г. Плано Карпини отмечал, что только часть алан подчинялась монголам. Одну гору на аланской земле монголы окружали в течение 12 лет, и там полегло много татарских вельмож (Карпини, 1911. С.

42). Второй европейский путешественник В. Рубрук (1254 г.) подчеркивает непримиримость алан к татаро-монгольскому владычеству, из-за чего те были вынуждены постоянно держать значительные военные силы на их земле. По сведениям Рубрука, чтобы избежать нападений аланов, в войсках Сартаха, сына Батыя, из каждых десяти человек двоих обязывали сторожить выходы из горных ущелий на равнину (Материалы, 1943. С. 167). На рубеже XIII—XIV вв. десятитысячный отряд монголов постоянно стоял на территории алан (Тизенгаузен, 1941, I. С. 116).

По сведениям анонимного грузинского историка, в 1254 г. монголы провели перепись в Грузии, России, Осетии и в других местах. «Батый поручил своему чиновнику Аргуну отправиться по всей Монгольской империи, чтобы провести перепись народа. С этой целью Аргун отправился и произвел перепись всей России, Хазаретии, Осетии, Кипчакии до самой «Биелети» (сумрачной земли)» (Каухчишвили, 1849. С. 386). При проведении переписи монголов больше интересовал военно-финансовый аспект. По ее результатам они обложили все подвластное население, в том числе и осетин, непомерной данью. Но, несмотря на это, осетины не смирились с пребыванием под монгольским игом и в неравной борьбе продолжали оказывать сопротивление.

Осетины были обязаны принимать участие в тяжелых и непрерывных походах. По сведениям Ал-Омари, «у султана этого государства есть войска, состоящие из черкесов, русских и осетин (ясов)» (Тизенгаузен,1941, 1. С. 231). Ясы упоминаются в составе войск Мамая (1380 г.). По сведениям Шараф ад-Дина Али Йазди, в состав войск Тохтамыша, выступавшего против Тимура, входили русские, черкесы, болгары, кипчаки, аланы и другие (Тизенгаузен, 1941, II. С. 156). Об участии осетин (ясов) в монгольских походах не только в пределах Восточной Европы, но и на Дальнем Востоке убедительно свидетельствует китайская хроника «Юань-ши». В ней упоминается целый ряд конкретных лиц, которые проявили себя на службе у монгольских ханов и достигли значительных военно-административных должностей (Иванов, 1914, II. С. 282—289, 292—293). В хронике подчеркивается, что некоторые из них добровольно перешли на сторону монголов для того, чтобы сохранить свою землю и народ. Они в основном были представителями господствующих классов, которые боялись потери своих привилегий в случае оказания сопротивления монголам. Такие ренегаты-вельможи, которые преданностью монголам старались сохранить, а иногда и упрочить свое положение, существовали во всех странах, завоеванных монголами.

Однако свободолюбивый осетинский народ ни на минуту не смирился с монгольским владычеством и продолжал смертельную борьбу против завоевателей. Осетины убедились, что борьба против

монголов только собственными силами обречена, и поэтому начали выступать в союзе с другими народами, находившимися в таком же порабощенном положении. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают, что во время похода Бату-хана на Запад (начало 40-х годов XIII в.) имело место восстание, главными участниками которого были болгары и кипчаки. В нем участвовал аланский (асский) предводитель Качир-укуле со своим отрядом. То, что восстание имело довольно серьезный характер, подтверждается, по сведениям авторов, тем, что Батый для подавления восстания срочно посылает своих военачальников — Субедея и Мунке, которым с трудом удалось ликвидировать восстание (Тизенгаузен, 1914, II. С. 24, 35–36, 44). Ал-Омари дает сведение о том, что хан (имеется в виду хан Золотой орды. — ***Г.Т.***), в случае проявления непокорности со стороны ясов, устраивал опустошительные набеги на них, убивал, брал в плен и продавал в различные страны (Тизенгауз, 1884, I. С. 231).

Скоро осетины подверглись и другой опасности, проистекавшей, опять-таки, от монголов. Во второй половине XIII в. между ханом Золотой орды Берке и ильханом Хулагу началась жестокая борьба. Осетия находилась под игом Золотой орды, а Закавказье — под владычеством ильханов. В 1263 г. на реке Терек между Хулагу и Берке произошло ожесточенное сражение, закончившееся поражением Хулагу (там же. С. 152). Война шла на территории Осетии, и, разумеется, ее последствия оказали свое пагубное влияние на Осетию. Источники ничего не говорят об отношении осетин к этой войне. Но в нашем распоряжении имеется сведение, которое указывает на преследование осетин со стороны Берке спустя некоторое время после этой битвы. Очевидно, в этой борьбе осетины приняли сторону ильханов. Ильханы стремились ослабить господство ханов Золотой орды и для этой цели искали опорную базу и среди осетин. Результатом этого является и то, что ильханы давали возможность осетинам переходить в Закавказье и расселяться там (Картлис цховреба, 1849. С. 398).

Подобные факты являются интересными и знаковыми в истории героической борьбы грузинского и осетинского народов против общих врагов. Грузия, находящаяся под игом ильханов, пугала их Золотой ордой, что, в определенном смысле, смягчало их отношение к грузинам. Осетины, находящиеся под владычеством Золотой орды, напротив, обращаются к ильханам, зная об их вражде с Золотой ордой, и добиваются поддержки в борьбе против поработителей.

Со времен вторжения монголов в Грузию грузино-осетинские взаимоотношения на некоторое время прекратились. При повторном вторжении Джалал ад-Дина (1227–1228 гг.) Русудан открыла Дарьяльские ворота и перевела ос-дурдзуков для борьбы с врагами общими силами (там же. С. 357; Картлис цховреба, 1906. С. 587). Другие сведения о переводе и применении осетинских военных сил, со времен нашествия монголов, отсутствуют. Тем не менее при владычестве монголов гру-

зино-осетинские взаимоотношения не прекратились, они продолжались в новых условиях и формах. Эти новые условия и формы взаимоотношений вызваны монгольским нашествием.

Татаро-монголы в XIII-XIV вв. Реконструкция

Во второй половине XIII в. осетинский народ вел неравную, но героическую борьбу против монгольских орд. Борьба была жестокой и беспощадной с обеих сторон. В результате натиска превосходящих сил врагов осетины постепенно покидали равнины, перемещались в теснины гор и ущелья, где больше возможностей для обороны, а монголы занимали прежнюю территорию их проживания на равнинах, превращая ее в места своих кочевий. Осетины совершали постоянные набеги из горных ущелий, монголы же, для предотвращения подобных набегов, укрепляли выходы из горных теснин значительными военными силами, тем самым защищая себя и свои табуны.

Оказавшись в таких тяжелых условиях, осетины не могли смириться с потерей мест проживания, к которым были привязаны веками, и оказывали самоотверженное сопротивление завоевателям. Враг, чувствуя силу героической борьбы осетин и стремясь одолеть их сопротивление, часто, помимо собственных сил, обращался к помощи других стран из числа завоеванных. По сведениям русской летописи, в 6785 (1277) г. в Орду прибыли: Борис Ростовский, его брат Глеб, ярославский князь Федор Ростиславович. Вместе с ханом Менгу Темиром они пошли в поход на осетин, окружили их знаменитый город Дедяков, взяли его 8-го февраля, добыли в большом количестве трофеи и пленников, поубивали население, а город предали огню. Менгу Темир всех отмеченных князей в знак благодарности одарил подарками и отправил в их владения (Скитский, 1947. С. 35—36). Предполагают, что Дедяков находился в окрестностях нынешнего Орджоникидзе (Миллер, 1887. С. 70).

Позднее, в конце XIV в., на территории Осетии развернулась кровопролитная битва между Тимуром и Тохтамышем. Осетины входили в состав войск Тохтамыша. В 1395 и 1400 гг. Тимур с большими силами вторгся на территорию проживания осетин и все сравнял с землей (Скитский, 1947. С. 68; Скитский, 1949. С. 37).

Тяжелые внешние условия и развитие процесса феодализации обострили внутренние раздоры в осетинском обществе. Доминиканский монах Юлиан отмечал, что в Осетии сколько есть ущелий, столько и хозяев, и при этом никто из них не подчиняется другому. Между ними идет постоянная борьба. На пахоту выходят вооруженными и целыми деревнями (Юлиан, 1863. С. 999). Из-за создавшихся неблагоприятных внешних и внутренних условий проживание осетин на равнинах Северного Кавказа стало невозможным. Оставаться на месте означало полное физическое уничтожение или, в лучшем случае, перерождение осетинского народа. Создавшаяся опасность подтолкнула осетин к невольному расселению по разным направлениям. В XIII в. осетины как аланы уже значатся в Крыму, Молдавии (упомянутый в Молдавии «ясский торг» связывают с ясами-осетинами). Часть осетин вместе с кипчаками подалась в Венгрию, некоторые поступили на военную службу к болгарским и сербским царям на Балканах (История Осетии, 1954. С. 70—71).

В создавшихся условиях большие массы осетин сконцентрировались в узких ущельях Кавказских гор. С точки зрения обороны эти ущелья были выгодными, но вскоре обнаружилось, что в качестве среды обитания они не совсем пригодны из-за скудости и ограниченности природных ресурсов. На базе таких ресурсов стало невозможно прокормить большие массы людей, сконцентрированные в ущельях. В результате осетинское население, спасаясь от огня и меча неприятеля, оказалось перед опасностью голодной смерти. Связь ущелий с равниной была прервана, обострились внутренние раздоры. И если верить летописи рода ксанских эриставов, «в стране овсов разразились внутренние волнения, проливалась кровь в междоусобицах их царей» (Памятник эриставов, 1954. С. 344).

В таких условиях пребывали осетины к моменту их изгнания с древнейших территорий проживания. Условия, в которых оказалась Грузия,способствовали переселению осетин на ее территорию. В первой половине XIII в. Грузия находилась под тяжелым игом монголов. Производящее население Грузии стонало и роптало от непосильных поборов и повинностей. Помимо этого, и прежние феодальные платежи все увеличивались, что в еще большей степени усугубляло положение крестьян. В результате крестьянство покидало свои насиженные места, опустошались целые районы, а непрерывные набеги и разбои монголов вызывали поредение населения (Бердзенишвили, 1941. С. 18; Джавахишвили, 1949. С. 245). Таковы были те исторические обстоятельства, в которых происходило движение осетин, как и других племен Северного Кавказа, в сторону Закавказья. Академик Н. Бердзенишвили пишет: «В XIII в. монголы заняли равнины Северного Кавказа и превратили их в места своих кочевий. Укрывшееся в горах местное население — племена черкесско-абхазского происхождения, осетины и др. по-

степенно передвигались в сторону Закавказья и смешивались с посюсторонними кавказскими племенами – абхазами, двалами, пховелами. Этот процесс в некоторых местах протекал медленно и сравнительно мирно, а в некоторых районах, особенно в Картли, процесс оказался быстрым и болезненным. Вожди притесняемых осетинских племен воспользовались поддержкой ханов Орды и слабостью Картли. Они заняли ущелье Лиахвы и двинулись в сторону Внутренней Картли. Завязалась жестокая борьба. Князь осетин «изгонял дворян из их поместий, и была большая беда у коренного населения». Землевладение грузинских дворян оказалось перед угрозой, и они тоже самоотверженно защищались» (Бердзенишвили и др., 1958. С. 245).

Осетины, вступившие в центральные ущелья Северного Кавказа, начали двигаться в южном направлении, занимая территорию двалов. Двалы, естественно, и сами включились в процесс движения и стали перемещаться в сторону низменных районов Грузии – к истокам ущелий Лиахвы и Ксани. Часть двалов оставалась на своих местах и подвергалась воздействию все новых и новых волн осетин. Пришлые осетины смешивались с двалами, осуществляя их языковую и культурную ассимиляцию. В результате двалы теряют свою этническую особенность и становятся осетинами. Часть двалов, находившаяся в составе грузинского государства до прихода осетин, в результате политического и культурного влияния Грузии ассимилировалась с грузинами. Возможность «огрузинивания» части двалов не исключалась и после переселения осетин, так как в результате нажима осетин двалы переселялись в Картли и там обосновывались.

С переселением осетин взаимоотношения между осетинами и двалами становятся более прочными. Это проявляется не только в ассимиляции двалов осетинами, но и в распространении наименования «двалы» на пришлых осетин. Отныне «двали» (осетинская форма – «туал») превращается в конкретный термин – «осетин», подразумевая тех осетин, которые обосновались на бывшей территории двалов. Это обстоятельство подтолкнуло некоторых исследователей к отождествлению двалов и осетин. Ассимиляция двалов осетинами была результатом их длительного совместного проживания на одной территории. В этой совместной жизни осетины политически оказались более сильными. В процессе этой ассимиляции осетины заняли господствующее положение над двалами. Термины «двали» и «осетин», несмотря на исчезновение между ними культурно-языковых различий, стали показателями определенных социально-классовых отношений. В таком смысле можно понять слова Вахушти о том, что «видных представителей общества называли осетинами, а простых – двалами» (Вахушти, 1941. С. 107).

По известным нам источникам, осетины появились в Грузии

при царствовании Давида Улу (1243—1269 г.). По сведениям летописца, «во время царствования Давида Улу от Берке-хана прибыли в качестве беженок две удивительные женщины, по имени Лими Ачав, одна с малолетними детьми. Старшего звали Пареджан, а младшего — Багатар. В сопровождении многочисленных князей они, через Дарубандские ворота, прибыли в Грузию и предстали перед царем. Он их принял с почестями и представил Улу-хану. Последний их помиловал, одарил, взял к себе в войска, остальных вернул царю, а царь некоторых поселил в городе Дманиси, некоторых в Жинвали»* (Картлис цховреба, 1949. С. 398).

Отмеченный факт, по всей вероятности, случился примерно в 60-х годах XIII в. Упоминание Берке (1257—1266 гг.) и Хулагу (1256—1265гг.) в связи с этим фактом не вызывает сомнений в том, что данное событие имело место между 1257 и 1265 гг. Конкретно же вышеотмеченное событие было связано с войной, развернувшейся в то время между Золотой ордой и государством ильханов. В 1263 г. между ними на Тереке произошла жестокая битва, в которой Хулагу потерпел поражение. В этой войне осетины, по определенным соображениям, выступили на стороне ильханов, в результате чего на них обрушилась кара и преследование со стороны победителя. Осетинский царь или князь (об этом отсутствуют конкретные сведения) в битве или в процессе преследования погиб, члены его семьи с целью самосохранения, в сопровождении преданных вельмож и сторонников, Дербентской дорогой сбежали в Грузию.

Преодолеть Дербентскую дорогу без помощи ильханов осетины не смогли бы, а это, в свою очередь, явилось показателем заинтересованности ильханов в действиях этих осетин. Предполагается, что осетины не прекращали связей и с грузинским царем Давидом Улу, в противном случае после преодоления Дербентской дороги они бы

---

* Приведенный текст свидетельства содержит ошибку. Вместо слова «осис» (осетинов) в нем использовано слово «орни» (двое).Ошибка легко объясняется графическими особенностями грузинского языка, однако за первой ошибкой последовала и следующая, а именно слово «осис» (осетинов) было воспринято за другое созвучное слово «орнис» (двое), вследствие чего в тексте возникло указание множественного числа. Исходя из этого переписчик воспринял сложное имя Лим Ачав за два имени, в связи с чем и связанные с ним поясняющие слова также употребил во множественном числе (женщины, беженцы, удивительные). Однако переписчик не смог следовать этому принципу до конца, и когда дошел до места в тексте, где использование единственного числа было обязательным, он неожиданно отказался от использования множественного числа, в результате чего слово «женщины» превратилось в «женщину, у которой было два сына — старший Пареджан и младший Багатар». Только тогда он, судя по всему, осознал ошибку в тексте.

То, что в тексте допущена ошибка и что вместо слова «осни» используется созвучное слово «орни», что существенно меняет смысловую нагрузку, подтверждается и заслуживающими доверия сообщениями летописи, согласно которым Пареджан и Багатар являлись осетинами. - **Г.Т.**

не предстали перед ним, а он бы не принял их с почестями. Случившийся факт считался полезным и для царя Давида, но из-за своей зависимости от монголов он должен был получить разрешение от хана насчет заселения осетин. Хан принял осетин, возложил на них военную службу в свою пользу и вернул обратно к Давиду. Он же, в свою очередь, разделил осетин на три части: часть заселил в Тифлис (в «Калаки»), часть — в Дманиси, а часть — в Жинвали. Со стороны Давида разделение осетин явилось проявлением осторожности, тем самым исключалась возможность использования осетин монголами против царской власти. И ильханы оставались в выигрыше от этого обстоятельства, так как их военные силы умножались осетинами, что было так необходимо в борьбе против Берке и в завоевании новых стран. Расселение осетин в трех разных местах говорит об их многочисленности.

Данный факт заселения осетин большими группами на территорию Грузии является первым примером, подтвержденным в грузинских письменных источниках. Имеются и другие, более ранние примеры заселения определенных групп осетин на территорию Грузии — в частности, заселение Буга Турком в 853 г. ста дворов осетин в Дманисский район. Другие конкретные сведения о переселении отдельных лиц или малочисленных групп отсутствуют. Но характер взаимоотношений, который существовал на протяжении веков между Грузией и Осетией, подразумевает существование таких примеров. Свита осетинских царских дочерей, вышедших замуж в Грузию, навсегда оставалась там. После заселения столь многочисленной партии осетин на территорию Грузии их участие на арене грузинской истории приняло более широкий характер. На этой арене долго и активно выступали Пареджан и Багатар.

Краеугольным камнем политики монголов в завоеванных странах было узаконивание раздробленности и этим путем сведение до минимума их способности к сопротивлению. В Грузии монголы опирались на князей, нежелательному для них царю противопоставляли более удобную для них кандидатуру. Противопоставление царю другого претендента являлось в руках монголов сильнейшим средством шантажа. Такая ситуация способствовала обострению внутриклассовой борьбы. Борьба за власть разделила страну на противоборствующие политические лагеря. В эту внутриклассовую борьбу активно включились вышеупомянутые Пареджан и Багатар. Пареджан оказался в лагере сторонников царя, а Багатар возглавил борьбу осетинских переселенцев, стремящихся к заселению на территории грузинских дворян.

После казни Дмитрия Тавдадебули в монгольской орде в 1289 г. хан Аргун поставил царем Вахтанга, сына Нарина, стремясь таким образом объединить Западную и Восточную Грузию под владычеством монголов. Однако царь скоро скончался, и данный план монголов не

осуществился. На престол взошел Давид, сын Дмитрия. К его воцарению путем свержения Вахтанга стремилась определенная группа грузинских вельмож, из-за чего жизнь Давида оказалась в опасности. В его спасении и последующем упрочении его положения сыграли большую роль Ноин Тачар и Пареджан. Об этом летописец сообщает, что «Тачар поддержал Давида, его же сильно поддержал сын осетинского царя по имени Пареджан» (Картлис цховреба, 1849. С. 429).

Сведения о причинах поддержки царя Пареджаном отсутствуют. Предполагается, что задачи борьбы против монголов и поддерживавших их грузинских феодалов заставляли Давида искать сторонников. Такими союзниками могли стать осетины при условии предоставления им определенных льгот. Для осетин связь с центральной властью была более выгодной, чем с феодалами, носителями сепаратистских тенденций, и это тем более, что в связи с фактом переселения осетин на грузинскую территорию интересы осетин и грузинских феодалов столкнулись. Факт заселения осетин в Грузию создавал угрозу собственности землевладельческих классов, и они не замедлили оказать сопротивление. Обострение противостояния между грузинскими феодалами и осетинами заставляло осетин искать опорную силу внутри страны. Такой силой часто становилась царская власть, которая, в свою очередь, нуждалась в опорной силе для реализации власти. Во время Кегату-хана (1291—1295гг.) ильханы вели войну с Византией. В этой войне царь Давид и Пареджан, сын осетинского царя, находились в войсках ильханов. «В это время осетины начали разбой и разгром Картли, взяли город Гори. Тогда под предводительством эристава Бега собрались грузины, подошли к Гори, завязалась битва, многие — и грузины, и осетины — погибли, город был сожжен. Осетины обратились за помощью к татарам, которые в это время стояли в Мухрани. Татары встали между борющимися сторонами и установили мир, но с этого времени началась вражда между грузинами и осетинами» (там же. С. 427—428).

Таким образом, с середины XIII в. происходило заселение осетин на грузинскую территорию. Процесс заселения сначала проходил мирно, пока еще возможно было регулирование обустройства переселенцев. Но когда в конце XIII в. все новые и новые волны осетин начали переселяться на южную сторону хребта, в бассейн Лиахвы — в районы Картли, где земли находились в собственности феодалов, естественно, что такой процесс больше не мог протекать мирно. Грузинские феодалы объединились вокруг картлийского эристава и развязали смертельную борьбу против осетин. Осетинами была взята горийская крепость, и они превратили ее в свою опору в этой битве. Значение Гори в деле последующих успехов осетин хорошо сознавали грузинские феодалы и поэтому не щадили сил для его возвращения. Тогда осетины обратились за помощью к монгольским войскам. Монголы примирили осетин с грузинами, но так как горийская кре-

пость и завоеванные земли оставались в распоряжении осетин, вражда между ними и грузинскими феодалами продолжалась. Уступки грузинских феодалов были временными, они лишь ждали благоприятного момента для возобновления противостояния.

Из приведенного свидетельства следует, что острие осетин было направлено против грузинской землевладельческой аристократии. Каким было отношение к этой борьбе царя и основного производящего класса — крестьянства, из этого сведения не выясняется. Нам кажется, что царь сочувствовал осетинам, с помощью которых хотел обуздать сепаратистские тенденции непокорных феодалов. Основанием для таких предположений является сведение летописца: «Пареджан, сын осетинского царя, служил добросовестно царю, но враждовал с грузинами» (там же. С. 429). Согласно этому сообщению, царь поддерживал в этой борьбе осетин — если не явно, то, во всяком случае, не мешал им. А под теми грузинами, с которыми осетины враждовали, подразумеваются те элементы, которые были недовольны заселением осетин в Грузию, видя в них опасность для своих экономических интересов. Те же элементы были недовольны и тем, что царь ищет пути сближения с осетинами, что чрезмерно усиливало его позиции в отношениях с недовольными феодалами.

Разумеется, каждый класс или слой грузинского феодального общества оценивал переселение осетин на грузинскую территорию исходя из своих интересов. Феодалы выступали против этого, а царь в этом процессе видел способ укрепления своих позиций в противостоянии с феодалами. Однако о том, каким было отношение к этому факту основного, самого многочисленного класса грузинского феодального общества — крестьянства, об этом конкретные сведения отсутствуют. Тем не менее этот вопрос является особенно интересным, его выяснение помогло бы разобраться в причинах успешности переселения осетин в Грузию.

Сведение историка о том, что «отныне между грузинами и осетинами случилась вражда», или же — «Пареджан враждовал с грузинами», не следует понимать так, как будто между осетинами и грузинами установилась всеобщая вражда. Однако такая «вражда» не мешала осетинам служить грузинскому царю. Царь же имеет своих подданных, а служение царю подразумевает существование определенных отношений с подданными, которые, по определению, не могут быть враждебными. В условиях такой «вражды» осетины «отправляются в город (Тифлис) за торговыми делами» (там же). Отсюда следует заключить, что сведение о грузино-осетинской вражде, приведенное летописцем, является односторонним и явно преувеличенным. Вражда, несомненно, существовала, но не между грузинами и осетинами, а между определенной группой грузинских землевладельцев — дворян и вельмож — и осетинами. С основной же массой грузинского населения осетины имели прочные эконо-

мические связи, что в условиях всеобщей вражды невозможно. По сведениям историка, осетины Сатхи и Узурабег свободно приехали в Тифлис, поторговали и так же свободно вернулись обратно. Только при прохождении через земли картлийского эриставa Бега Сурамели они натолкнулись на препятствие. Они встретились с Рати – сыном Бега, с которым они действительно враждовали и встречи с которым они добивались. Вражда с этой феодальной семьей имела свои причины: осетины селились на ее землях, а она сопротивлялась этому. Грузино-осетинская «вражда» в действительности означала противостояние осетин и части феодалов. Об этом свидетельствует и тот факт, что в борьбе политических группировок, существовавших внутри грузинского общества, осетины выступали на стороне определенной группировки.

Осетинский царь Ос-Багатар
Художник Г. Котаев

В конце XIII в. осетины активно включились в борьбу за места проживания на территории Картли, организованную картлийскими эриставами. Источники ничего не сообщают об осетинах, участвовавших в этой борьбе. Неизвестно, например, какое отношение имели эти осетины к тем, которых в 60-х гг. XIII в. Пареджан и Багатар привели с собой через Дарубандскую дорогу и поселили в различных районах Картли. Они в это время под предводительством Пареджана, вместе с царем Давидом, участвовали в походах монголов против Византии. То, что осетины действовали активно и мощно в боевых операциях, развернувшихся в окрестностях Гори в 90-х гг. XIII в., говорит об их организованности и многочисленности. Поэтому вполне реально, что они являлись новой волной переселившихся осетин, которые через Рокский перевал, по т.н. Двальской дороге, спустились в Лиахвское ущелье. Эта новая волна была довольно сильной с военно-организационной точки зрения. О том, кто был предводителем этих осетин, в источниках ничего не сообщается. В последующем во главе этих осетин встал Багатар. Как он оказался во главе вновь переселившихся осетин, об этом тоже молчат источники. Вполне возможно, что он был недоволен своей второстепенной ролью в Грузии по сравнению с Пареджаном и поэтому перешел на сторону вновь прибывших осетин и возглавил их.

Багатар был хорошо осведомлен о ситуации, создавшейся в Карт-

ли. Она характеризовалась внутренними волнениями и раздорами. Царь Давид занимал в отношении монголов непримиримую позицию и поэтому укрепился в Мтиулетии. Монголы нападали и разоряли те районы в Картли, которые поддерживали его. Многие грузинские феодалы выступали в роли пособников монголов. «Так как царь Давид не доверял татарам, то летом он находился в Мтиулетии, а зимой в Картли. По этой причине страна Картли распадалась, а князь Багатар возвышался, подвергал разбою и разорению Картли, Триалети, изгонял дворян со своих земель, и была большая напасть» (там же. С. 441).

По всей вероятности, Давид VI старался ограничить деятельность Багатара, но для этого не обладал реальной силой. Они и так были ослаблены раздроблены в борьбе с монголами. Монголы ему противопоставляли его же братьев – сначала Вахтанга, а затем Георгия, – тем самым его и без того тяжелое положение становилось невыносимым. Багатар искусно добивался осуществления своей основной цели – создания прочной базы для заселения осетин на территорию Картли. Он остерегался столкновений с сильными грузинскими феодалами, добивался согласия с некоторыми из них, обещая им не трогать их владения, и тем самым страховал себя от их выступлений. Багатар примкнул к Шалве Квенипневели – ксанскому эриставу, когда тот отступился от царя (там же. С. 434). Наиболее сильное сопротивление оказывали ему Сурамели Ахмад и Рати, на земли которых осуществлялось заселение осетин. Багатар отнял у Гамрекела Кахасдзе Дзамскую крепость и создал угрозу владениям Бека – самцетского атабага. Потерпев поражение в прямом столкновении, Багатар обещал впредь не нападать на владения Бека, и дело кончилось примирением (там же. С. 442)*.

Древнегрузинский историк подчеркнуто отмечал отечественный характер борьбы. Изгнание дворян из своих поместий, действительно, было большой бедой для «коренных обитателей Картли». Эти «коренные обитатели» – класс землевладельцев, для защиты своих владений не щадили ничего. Но, пока соотношение сил не поменялось в их пользу (во время царствования Георгия Блистательного), они никак не могли добиться успеха. Летописец, несмотря на то, что подчеркивает отечественный характер борьбы, процесс обоснования осетин в Картли низводит до обычного грабежа и разбоя, что не соответствует реальной действительности. Данный процесс был вызван глубокими социально-экономическими причинами. И если все-таки имели место разбой и грабеж, то они были не целью, а результатом мятежного характера эпохи.

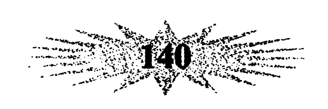
*Как писал М. Джанашвили, Пареджан потерпел поражение в борьбе со своим сюзереном Давидом VI. Затем сыну Пареджана Багатару удалось овладеть крепостью Рами, но в борьбе с управляющими Самухе и Сурами был сражен (Об осетинской истории. Газ. «Новое обозрение», 1895, № 4076.). Однако, согласно историческим данным, умер своей смертью. - **Г.Т.**

Академик И. Джавахишвили характеризовал процесс обоснования осетин в Грузии следующим образом: «Разорение Грузии, нашествие хваразмцев и владычество монголов во многих местах, в основном в низинах и на юго-восточных окраинах, а также в центре, вызвало поредение населения и обезлюдение страны. На освободившиеся места постепенно переселились осетины с Северного Кавказа. Привыкшие к набегам в своей стране, они и на новых местах проживания продолжали свои обычаи, и на этой почве между грузинами и осетинами возникла вражда» (Джавахишвили, 1951. С. 245). В тот исторический период, когда жестоко обострилась борьба между грузинскими племенами, разрушение крепостей и башен, разорение деревень стало обычным явлением (там же. С. 259). Процесс заселения осетин в Грузию не мог не сопровождаться отдельными случаями разбоя, что, впрочем, являлось характерным явлением военных столкновений того времени. Но то, что целью осетин являлись не разбой и разграбление, удостоверяется тем, что они стремились к овладению крепостями и населенными пунктами, чтобы этим подавить сопротивление грузинских феодалов и прочно обосноваться в Картли. Они до последней возможности защищали крепости, которыми овладели (например, Горийскую крепость). Поэтому сомнительно взятие крепостей и их защита ради грабежа.

В дореволюционной историографии процесс заселения осетин на грузинскую территорию в XIII–XIX вв. объясняли неверно. Доктор Пфаф считал, что грузинские феодалы селились на территории Осетии и распространяли там феодальные отношения. Начиная с XI в., значительная часть Осетии оказалась в полной зависимости от Грузии, и такое положение существовало до начала XIII в. (Пфаф, 1871а. С. 199–200). Осетинские Багратионы опирались на грузинских феодалов, обосновавшихся в Осетии (Пфаф, 1871. С. 39).

Причиной попадания Осетии под религиозное и политическое влияние Грузии Д. Лавров считает начало сильных феодальных волнений в Осетии с XI в. В результате этой внутренней борьбы Осетия ослабла, и она больше не могла выполнять роль независимого государства (Лавров, 1883. С. 208). Зависимость Осетии от Грузии до монгольского владычества и Пфаф, и Лавров считают не политической зависимостью сравнительно неразвитого государства от развитого, а господством Грузии над осетинами, опирающимся на грубую силу. Для них процесс заселения осетин на территорию Грузии был восстанием осетин за свержение господства грузин.

По мнению Пфафа, для осетин грузинское ярмо было тяжелым, и поэтому они с радостью перешли на сторону монголов. Из-за монголов в конце XIII в. между осетинами и грузинами началась жестокая борьба. Осетины начали борьбу за независимость вторжением в Грузию (Пфаф, 1871. С. 54–55). В это время некоторые части Северной и Южной Осетии были освобождены от грузинско-

го господства Ос-Багатаром, который восстановил патриархальный строй, самоуправление старинных родов (Пфаф, 1871а. С. 200). Вторжение монголов Л.И. Лавров считает положительным явлением для осетин, так как поддержка монголов дала осетинам возможность освободиться от грузинской зависимости и их влияния. В процессе этого освобождения (конец XIII в.) из среды осетин выделился Ос-Багатар, историческое значение которого в жизни осетинского народа заключается в том, что он объединил враждующие между собой феодальные группы и изгнал из Осетии грузинских феодалов (Лавров, 1883. С. 210).

Г. Кокиев считает, что осетины встретили татаро-монгольские орды как своих освободителей от грузинского владычества и вместе с ними участвовали в борьбе против грузинских князей (Кокиев, 1926. С. 38).

Точки зрения этих историков явно антинаучны и поэтому для нас неприемлемы. Нами уже были приведены исторические данные, согласно которым осетины встретили монголов не с радостью из-за «вражды» к грузинам, а устроили им смертельную схватку. Переселяться в Грузию осетины начали только после того, как они были изгнаны монголами с равнин Северного Кавказа и заперты в узких ущельях гор. Изгнание грузинских феодалов из Осетии было невозможно по той простой причине, что их там не было. Упомянутые историки ошибочно оценивают пагубные последствия владычества монголов над Осетией. Наоборот, они данное обстоятельство в определенном смысле считают положительным явлением, так как якобы результатом явилось низложение грузинского владычества над Осетией. Такие взгляды на исторические факты ничего общего не имеют с истиной.

Безусловно, в некоторых случаях осетины, проживавшие во внутренних районах Картли, имели определенную поддержку монголов. Но монголы не выступали в роли освободителей Осетии, а добивались решения своих политических задач путем противопоставления осетин и грузин, борющихся против господства монголов. Иначе теряла смысл поддержка осетин монголами. Ведь Грузия находилась в подданстве ильханов, а осетины пришли с Северного Кавказа, из страны, которая находилась в подданстве Золотой орды. Для монголов осетины в Грузии не представляли серьезной опасности. Наоборот, часть переселенных осетин вместе с грузинами служили монголам. Во время похода хана Харабанда на Гилан в составе его войск находились царь Вахтанг, Бека и осетины (Картлис цховреба, 1849. С. 443–444). Для монголов в переселении осетин на территорию Грузии полезным моментом является то, что конфликт, возникший между грузинами и осетинами, удерживал грузин от вооруженного выступления против монголов. Поэтому следует подчеркнуть, что переселение осетин в Грузию было результатом разгрома и изгнания осетин монголами с равнин Северного Кавказа, а их

взаимоотношения с грузинами искусственно обострялись теми же монголами. М. Джанашвили и З. Чичинадзе также считали интриги монголов причиной грузино-осетинских противостояний (Джанашвили, 1895, № 4076; Чичинадзе, 1913. С. 184).

Успехи осетин в процессе их заселения в Картли объясняются создавшимися историческими условиями. Нашествие монголов и установление их господства в Грузии узаконили ее раздробленность и, следовательно, ослабление. Каждый грузинский феодал превратился в полностью независимую личность, и всякое явление оценивалось ими с точки зрения личных интересов. В таких условиях объединение грузинских сил и совместное их выступление против осетин было невозможно. Грузинские феодалы только тогда выступали против осетин, когда опасность непосредственно угрожала им. Так поступил, например, уже упомянутый Бека. Он выступил против осетин только тогда, когда осетины взяли Дзамскую крепость и вступили в его владения. Но со стороны осетин достаточно было дать ему обещание неприкосновенности его владений, и он тотчас же пошел на мировую. Ксанский эристав Шалва также часто оказывался союзником осетин.

Причиной успехов осетин были не только существовавшие внутри феодального класса сепаратизм и раздробленность. Дело в том, что грузинское феодальное общество состояло из антагонистических классов, и каждый из этих классов по-разному оценивал переселение осетин. Если «грузинский дворянин землевладелец выступал против осетин только тогда, когда его владениям угрожала опасность, то в этом отношении позиция грузинского крестьянина отличалась в том смысле, что защита дворянских земель не соответствовала его интересам, и поэтому он не стал бы выступать против пришельцев, если с их стороны не ожидалось худшего» (История Грузии, 1958. С. 245). Правда, конкретные сведения, определяющие позицию крестьян в отношении к данному явлению, отсутствуют, но если рассмотреть создавшиеся исторические обстоятельства, то, по всей вероятности, надо предполагать, что грузинское крестьянство относилось к заселению осетин в районы Картли пассивно. А если данное явление рассмотреть с точки зрения классовой борьбы, то можно допустить, что в ряде случаев они выступали в качестве союзников осетин.

На территориях, где селились осетины, в результате опустошительных набегов и разбоев монголов грузинское население чувствительно поредело, а некоторые места даже обезлюдели. Сократившееся население подвергалось еще большей эксплуатации, как со стороны своих феодалов, так и монголов. В таких условиях крестьянство теряло всякий интерес к земле и, следовательно, к ее защите. С другой стороны, на переселение осетин в Грузию никто, в том числе и крестьянство, не смотрел как на нашествие завоевателей. Сами осетины были заинтересованы в существовании опоры и со-

юзников внутри страны, а в создавшихся сложных внешних и внутренних условиях находить таковых не было трудным. И действительно, осетин мы наблюдаем то на стороне царя, то Шалвы-эриставa, а иногда они заключают сепаратные соглашения с отдельными сильными феодалами. Наиболее сильное сопротивление осетинам оказывали картлийские эриставы — Сурамели, на землях которых селились осетины. Но в защите этих земель не было заинтересовано крестьянство этих феодалов. Правда, у феодалов имелось определенное количество подданных, которые под их знаменами воевали с осетинами, но основная масса населения не сочувствовала им. Против простого трудового народа осетины не прибегали к насилию. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в таких сложных условиях осетины свободно передвигались по торговым делам, достигая даже Тифлиса. В условиях всеобщей грузино-осетинской вражды такие торговые путешествия были бы невозможны.

О процессе переселения осетин на территорию Грузии определенные фрагментарные сведения дает «Памятник эриставов» — родовая летопись ксанских эриставов. Сведения этого исторического документа не создают и не могут создать систематическое представление об этом процессе, но их сравнение с данными, имеющимися в «Картлис цховреба», дает возможность создать более полное представление об этом процессе.

Вопрос переселения осетин в Грузию тесно связан с двальским вопросом. Связь между осетинами и двалами была столь прочной, что абсолютное большинство исследователей считало их (двалов и осетин) идентичными народами. «Памятник эриставов» дает значительные сведения по вопросам взаимоотношений двалов и осетин и о положении, создавшемся в горских районах Грузии ко времени переселения осетин. Поэтому «в качестве документа социальной истории его значение выходит за пределы Грузии» (Джанашиа, 1952. С. 167). Составление этого памятника его последний издатель датирует 1348—1400 гг. (Памятник эриставов, 1954. С. 321). В это время осетины уже проживали на территории Грузии, продолжался процесс их продвижения, и поэтому многое о передвижениях осетин, по всей вероятности, было известно автору этого памятника.

Памятник отражает историю ксанского эриставства с VI в. до конца XIV в., но его значение заключается только в объяснении явлений XIII—XIV вв. Начало истории ксанских эриставов с VI в. обусловлено целью возвеличивания этого феодального рода. «XIV в. является веком формирования и оформления Ксанского эриставства. Ксанские эристави к этому времени уже обзавелись резиденцией — в Квенипневе «Дарбазовани» и «Тавади цихе», родовым монастырем в Ларгвисе, то есть всем тем, что в феодальной Грузии являлось непременным атрибутом вельможного князя. Этот процесс завершился ко времени деятельности Виршела III. Ко времени

его правления им недоставало только памятника, возвышающего былое и настоящее величие этого феодального рода. Скоро был создан и такой памятник, дававший идеологическое оправдание всему тому, что в политической и социальной жизни Грузии, в том числе и Ксанского эриставства, было уже фактом» (там же. С. 316).

По сведениям хроники, «в это время (автор подразумевает VI в., в действительности же речь, по нашему мнению, идет о XIII в. — ***Г.Т.***) в стране Осетии между царями происходит столкновение, льется много крови. Старейший, потерпев поражение, вместе с сыновьями — Ростомом, Бибилом и Цитлосаном, а также сопровождающими, прибыли в страну Двалетию» (там же. С. 344).

Во внутрифеодальной борьбе, развернувшейся в Осетии, победившая группировка изгоняет побежденных, которые, преодолев Захскую гору, прибывают в Двалетию. Двалы им объявили, что они в своей стране не потерпят царя. Осетины клятвенно заверили, что они не будут к этому стремиться и удовлетворятся названием той местности, которую они, двалы, выделят им. Но когда осетины начали строить укрепленные жилища и крепости, двалы испугались последствий. Двалы, все еще стоящие на уровне патриархальных отношений, не хотели смириться с тенденциями осетинских аристократов к господствованию, и, пока они не размножились и не закрепились на месте проживания, изгнали их (там же. С. 344).

Ростом со своей свитой ввязался в борьбу между цхразмисхевцами и груисцами на стороне первых и тем самым поспособствовал их победе. Тогда они заявили: «Отныне не расстанемся с этим богатырем и что ни потребует, все исполним» (там же. С. 345).

У Ростома на месте нашелся советник в лице ларгвисского старосты, который, исходя из личной выгоды (сохранение должности), советует ему: «Если хочешь стать коренным жителем этой страны, то проси у них кладбище при монастыре, ибо у всех вельмож и дворян есть там кладбище» (там же).

Просьба Ростома была удовлетворена «всей нацией». По мнению академика С. Джанашия, упоминание летописцем «всей нации» означает, что «автор тенденциозно старался создавать впечатление добровольной санкции народа в деле становления Бибилуров эристави» (Джанашия, 1952. С. 169).

После удовлетворения своих требований Ростом скоро стал начальником военной организации ущелья. «Начали строить большущие крепости. Во всех походах Ростом был предводителем, и равного ему не было. Поэтому возлюбил его народ всего ущелья» (Памятник эриставов, 1954. С. 5). Поразительно, что весь народ ущелья полюбил Ростома по той же причине, по которой его невзлюбили двалы и изгнали его. Но к этому времени он уже закрепился, обладал силой. Летописец же упоминает «любовь народа» к нему для возвеличивания эриставов.

По сведениям летописца, кроме Ростома, многие вельможные дворяне стремились добиться Ксанского эриставства. Но среди них Ростом оказался самым сильным с экономической и военной точек зрения. Царь «по воле наций» «одарил Ростома и для владения и управления передал ему семь ущелий с церквями и всеми проживающими там дворянами и жителями, и назвал его Цхразмисевским эриставом» (там же. С. 346).

Вышеприведенные выдержки дают нам интересные сведения об осетино-двальских отношениях в XIII в., о переселении из Осетии представителей господствующих кругов, их обосновании в Ксанском ущелье и достижении ими высоких положений. Правда, памятник датирует эти события VI в., но в действительности они относятся к XIII–XIV вв.

В осетинском происхождении ксанских эриставов ничего удивительного нет. Тесные грузино-осетинские взаимоотношения до вторжения монголов, обоснование больших групп осетин на грузинской территории после него в ряде случаев давали возможность некоторым их представителям достигнуть высокого положения в административном аппарате. Продвижение же в административной сфере было одновременно и результатом, и условием их социального и политического возвышения. Продвижению отдельных осетин в системе грузинского феодального государства способствовало то обстоятельство, что со времен Давида Строителя национальное различие не являлось препятствующим обстоятельством в деле продвижения. Любая личность, невзирая на этническое происхождение, могла стать значительным чиновником, если она преданно служила интересам грузинского феодального государства.

Существует и другой вариант предания о происхождении ксанских эриставов. По этому варианту, «грузинский царь по просьбе Юстиниана заселил в Ксанское ущелье народ аварского происхождения, который достиг эриставства, но был истреблен. После этого были разные горские чиновники и князья, которые управляли Ксаном в разные времена. В последнее время, при царствовании царицы Русудан, когда были волнения внутри Грузии и война с ноинами, из осетинского ущелья, которое называют Нар, пришли предки сегодняшних осетин по фамилии Горчиан» (Гвритишвили, 1955).

Данные сведения существуют в рукописном виде. По ним, два брата осетина, по фамилии Горчиан, во время царицы Русудан переселились и в 1235 г. обосновались в Ксанском ущелье. В 1412 г. они стали князьями и в качестве наибов эриставов управляли отдельными местностями. В 1569 г. Даутхан утверждает своего шурина Елизбара Квенипневели ксанским эриставом.

Таким образом, представлены два разных варианта об одном и том же факте. Оба они являются выразителями различных тенденций. В результате историческую действительность они отражают в

соответствии со своими интересами. Поэтому точка зрения источников требует критического подхода. Первый источник — «Памятник эриставов» является родовой летописью и с целью возвеличивания своего рода связывает эриставство Ксанского ущелья со временем и личностью кесаря Юстиниана (VI в.). Но ни одного документа о том, что до XIII в. ксанские эриставы существовали, не обнаружено. Сравнительно правильным является второй источник, который заселение осетин в Ксанское ущелье датирует XIII в., но поступает явно тенденциозно, излагая дальнейшую судьбу этих осетин. По нему, эти осетины были незаметными частными лицами и только в начале XV в. получили княжение и стали служащими эриставов. И только позже, во второй половине XVI в., они добиваются эриставства. Кем до этого были ксанские эриставы, данный источник молчит. И это при том, что грузинские памятники, не говоря уже о родовой летописи эриставов, в XIII— XIV вв. признают эриставство в Ксанском ущелье Бибилури — Квенипневели (Баратов, 1871. С. 48).*

По «Памятнику эриставов», Бибилури сразу становятся эриставами ущелий, а по сведениям Иоанна Багратиони между их заселением и становлением эриставов насчитывается 334 г. По его мнению, их возвеличивание шло ступенчато, что было результатом милостивого отношения к ним Багратионов. Таким образом, и второе сведение является явно тенденциозным. Оно отражает точку зрения царского двора на ксанских эриставов. А эта точка зрения была явно враждебной на протяжении всего XVIII в. Ираклий упраздняет Ксанское эриставство и его земли раздает царевичам. Непосредственным результатом тех событий было то, что в истории феодальных родов, составленной царским двором, история ксанских эриставов нашла такое отражение, как будто их возвеличивание и становление эриставами зависело от милости династии Багратионов, и что Ксанское эриставство не имело той древности, которую приписывало себе, а поэтому в случае недовольства царская власть всегда могла отнять у них все.

В вышеупомянутых событиях основной интерес представляет не то, что ксанские эриставы берут свое происхождение от осетин и являются осетинами, а то, что для них характерно положение осе-

---

* Кроме письменных источников, существует и устное предание о происхождении ксанских и арагвских эриставов.По нему, население Ксанского и Арагвского ущелий обычно вместе отмечали праздник Святого Георгия на макушке какой-то горы, разделяющей эти ущелья. На этом празднике они постоянно спорили из-за своих прав и места, и каждый год этот спор перерастал в кровопролитие. На одном из праздников присутствовали два брата — осетинские князья Дударуковы. Они примирили население двух ущелий и установили им условия мира. В знак благодарности одного из братьев — Ростома пригласили старостой Ксанского ущелья, а второго , Сидамона,—старостой Арагвского ущелья, а царь Грузии, учитывая их заслуги и происхождение, дал им звание эриставов (Баратов, 1871. С. 48).— **Г.Т.**

тин, перешедших на территорию Грузии. Осетины, которые заложили основу Ксанского эриставства, в первой половине XIII в., из-за внутренних раздоров в своей стране, малочисленной группой перешли в Грузию, где они были приняты с почестями и наконец стали правителями ущелий.

Ксанские эриставы с самого начала были враждебно настроены в отношении двалов. Это объяснялось свободолюбием двалов, выражавшимся в неподчинении эриставам. Когда в конце XIII в. в Восточной Грузии вокруг царского престола развернулась борьба между Давидом VI и Вахтангом, Шалва-эристав разорил Двалетию и разрушил все существующие крепости от Трусо до Ачабета. В знак благодарности Вахтанг «дарует ему Трусо, Гуда и другие места, а прославившийся Шалва женится на Ширд – дочке осетинского царя» (Памятник эриставов, 1954. С. 348).

В отмеченный период взаимоотношения между ксанскими эриставами и двалами обостряются. Двалы разоряют территорию эриставства, похищают скот. Жамур превращается в объект их нападений. «На Жамур напали двалы, жамурцы встретили их отважно, двалы отступили и укрылись в крепость Кного, за что кногонцы понесли жестокое наказание» (там же. С. 353). Однако, несмотря на жестокие меры, нападения двалов не прекращались, «уводили скот из Жамура, Гуда» (там же. С. 353, 355).

В свете этих событий становится ясным, что женитьба Шалвы-эристава на Ширд, дочери осетинского царя, преследовала определенную политическую цель. Женитьбой он стремился к упрочению своих позиций в борьбе с двалами в период активизации процесса переселения осетин на грузинскую территорию. Осетины на пути этого движения, естественно, не могли обойти двалов, а они, в свою очередь, из-за осетинского нажима сами начинали двигаться в сторону Картлийских районов, особенно в сторону Ксанского эриставства. Нападая на отдельные части эриставства, двалы интересовались не только добычей, но и территорией для заселения.

Двалов поддерживали кногойцы (жители ущелья Гнух. – ***Ред.***), несмотря на то, что за это они подвергались жестокому наказанию. Поддержка же кногойцами двалов была обусловлена тем, что они подвергались жестокой эксплутации со стороны эриставов. Эти сведения памятника указывают на развитие феодальных отношений в горной Картли и в то же время характеризуют общее положение в Картли.

В нападениях на Ксанское эриставство принимали участие почти все общины двалов. Поэтому эристав подвергает разорению село Тле (Тли. – ***Г.Т.***), принадлежащее Бибилурам, и Цергуа. Виршел-эристав стремился подчинить себе двалов и сделать их своими подданными – «разгромим их страну и сделаем их своими служителями и данниками» (Памятник эриставов, 1954. С. 356). Он действительно осуществил поход против южных двалов – «Кошкел-

Иосебуров, Тлевел-Мугисвелов, Згубел-Рокаелов. Они пришли в ужас и дали заложников, их обложили податями и они клятвенно обещали преданное служение» (там же. С. 357). После этого эристав выступил против Магран-двалов (верхних двалов) и тоже «пришли Брутас-швили, келеуры, кабушуры и все сосхейцы и Цубенис-хевцы, ходжайцы и цайцы с заложниками, податью и тоже клятвенно обещали служить ему» (там же). Отсюда эристав вступил в Трусо, и трусовцы тоже пожелали быть подданными. Однако жители Мна не подчинились, и разразилась жестокая битва. «Мнавцы были воинствующими богатырями, в доспехах. И только с применением множества стрел смогли перебить их предводителей и богатырей — Сунгу, Пареджана, Амсаджана, Багатара и многих других» (там же).

Это последнее сведение памятника представляет определенный интерес. Трусо являлось территорией проживания двалов, но к началу XIV в. к ним проникают осетины и частично обосновываются там, в частности в Мна. Двалы сопротивлялись, но оказались бессильными. С помощью эристава они побеждают и таким образом попадают в подчинение эриставства. В памятнике ничего не говорится об этнической принадлежности мнавцев, но по имеющимся в нем ономастическим материалам (Пареджан, Амсаджан, Сунгу, Багатар), они были осетинами. Несмотря на подчинение двалов эриставам, они не прекращали борьбу против феодальной эксплуатации, на что эриставы отвечали очередными погромами при поддержке царской власти. Например, Георгий XIV осуществляет поход против двалов за то, что они оказывали сопротивление эриставу. Царь вступил в их страну через Ачабети (ущелье Большой Лиахвы) и «начал громить и пленять» (там же. С. 361).

Все вышеперечисленное подтверждается фактом больших волнений в горских районах Кавказа в XIII—XIV вв. Происходящие там события являлись результатом не только проникновения феодальных отношений, но и той политической обстановки, которая сложилась в Грузии и на Северном Кавказе в результате монгольского владычества. Осетины, разгромленные на равнинах Северного Кавказа монголами, были зажаты в теснинах Кавказских гор, а оттуда со временем, из-за неблагоприятных условий хозяйствования, двинулись в южном направлении через двальскую территорию, которая была растянута с востока, от Трусовского ущелья, на запад — до границ Рачи; с севера, от Касарского ущелья, на юг, до верхнего течения Большой Лиахвы. Следовательно, Двалетия включала довольно большую территорию. По Вахушти, «Двалетия делится на ущелья: Касрское, Зарамагское, Жгелское, Нарское, Зругское и Закское». Эта территория находится между главным хребтом Кавказа и потусторонним хребтом, в окрестностях истоков реки Ардона, в т.н. Наро-Мамисонском бассейне, где сливаются перечисленные Вахушти маленькие ущелья и у села Верхний Зарамаг образуют довольно боль-

шую реку Ардон. У села Зарамаг начинается и направляется на север Касарское ущелье, которое Вахушти называет «Касрское ущелье».

Следует отметить, что ограничение двальской территории вышеперечисленными ущельями не является достаточным. В нее входит также и Нижняя Двалетия, которая, по сведениям «Памятника эриставов», включает следующие населенные пункты: Кошка, Тли, Мугисвели, Згубир, Рока (все они находятся в верхнем течении Большой Лиахвы). В состав Двалетии входит также Магран-Двалетия, которая, по сведениям того же источника, включает следующие общины: Сосхои, Цубенисхеви, Ходжа и Цаи. Магран-Двалетия начинается с верховий Трусовского ущелья, направляется по южным склонам главного Кавказского хребта до горы Сосхои (у истоков Большой Лиахвы), с юга граничит с Мтиулетией (Хада, Цхаоти), а с севера — с Двалетией и Осетией. В состав Двалетии входит также и Трусовское ущелье. По Вахушти, к собственно Двалетии относятся вышеперечисленные ущелья и Магран-Двалетия. Что же касается населения ущелий Большой и Малой Лиахвы, Ксанского ущелья и Кударо, то они тоже являются «двалами, выходцами от этих двалов, одним народом, с одинаковыми обычаями, родственными и в настоящее время» (Вахушти, 1941. С. 115).

Таким образом, разгромленные монголами на равнинах Северного Кавказа осетины рассеиваются по разным направлениям. Основная часть осетин вступила в Кавказские горы, а оттуда — на территорию Двалетии, откуда вместе с двалами начала движение в сторону Картлийской низменности. Переход осетин в основном осуществлялся по Ардонскому ущелью, через Рокский перевал. Именно в конце этой дороги (Южная Осетия и районы Гори и Карели) развернулись основные операции. Для продвижения осетин на юг Мамисонский перевал не применялся, поскольку феодальные круги наименее пострадавшей Западной Грузии обладали достаточной силой для защиты дороги. Но о том, что такие попытки были, возможно, и говорится в стихотворении, сохранившемся в рачинской народной словесности: «В Жгеле прибыло большое войско, большое войско овсов и двалов» (Дзидзигури, 1954. С. 251).

К XIV в., по сведениям хроники ксанских эриставов, целый ряд общин двалов был приведен в подчинение эриставами. Среди этих двалов значительное место занимали осетины. Летописец не упоминает их, но ономастические материалы, приведенные в связи с событиями, развернувшимися в Трусо, а также проживание в Тли Бибилуров (осетинского происхождения) указывает на то, что противоборство эриставов и двалов протекало с участием осетин, не говоря уже о том, что движению двалов непосредственный толчок дали волны осетинских переселенцев.

Несмотря на жестокое сопротивление со стороны грузинских феодалов — землевладельческого класса — заселению осетин в райо-

ны Картли, они, осетины, все-таки воспользовались создавшимися благоприятными условиями (внутренние волнения, доброжелательное отношение к осетинам со стороны грузинского трудового населения) и смогли обосноваться в этих районах. По сведениям летописца, осетины владели в Картли рядом крепостей и поселений, которые у них отобрал Георгий Блистательный. «Царь отобрал у осетин крепости и населенные пункты и изгнал их. После вступил в Кавказ, непокорных подчинил, превратил их в данников и успокоил Картли (грузинских феодалов. – *Г.Т.*), так как над всеми дорогами установил контроль» (Картлис цховреба, 1849. С. 448).

Широкие слои грузинского трудового населения в течение определенного времени сочувствовали осетинам, острие которых было направлено против ненавистных для них феодалов. Ко времени царствования Георгия Блистательного было восстановлено политическое единство страны, ослаблено тяжелое ярмо монгольского владычества и тем самым были созданы условия мирной жизни страны. Дальнейшие действия осетин по захвату новых и новых земель в Картли для трудового населения становятся все тяжелей, и оно тоже поменяло свое отношение к осетинам. Данным обстоятельством воспользовался Георгий V и наметил реальную задачу восстановления грузинского феодального землевладения и подчинения осетин центральной власти.

Целью мероприятий Георгия Блистательного (1314–1346) было подчинение осетин грузинскому феодальному государству. В результате этих мероприятий осетины не были изгнаны с территории Грузии, как об этом писали З. Чичинадзе (Чичинадзе, 1915. С. 6) и Урбнели (Хизанишвили) (Урбнели, 1889. С. 75–76) и др. Из источников следует, что Георгий отобрал у осетин крепости и укрепления, наказал непокорных, а остальных превратил в своих данников. Целью же контроля над переходными дорогами являлось недопущение новых переселенцев, а также исключение выступлений уже подчиненных осетин против феодалов.

В результате проведенных Георгием Блистательным мероприятий основные массы осетин были остановлены на территории Двалетии, в верховьях ущелий Большой Лиахвы, а также в Наро-Мамисонском бассейне. Двалы, проживающие в этих местах, ассимилировались осетинами и постепенно теряли свою этническую индивидуальность. Они усваивали осетинский язык, а двальский язык подвергался забвению. Но, несмотря на это, название «двали» не исчезло. Оно сохранилось в форме «туалта» и превратилось в название осетин, заселившихся на территорию двалов. Сохранилось и старое название Магран-Двалетии в форме «Магландолета».

Борьба, проходившая в горной Картли, закончилась победой переселившихся осетин. Этому предшествовало разрушение старых отношений в горной Грузии и необходимость установления новых право-административных норм. Необходимость этого обусловлива-

лась еще и потому, что в сторону грузинской низменности, кроме осетин, устремились и другие горские племена. Они пользовались внутригрузинскими раздорами и волнениями, слабостью царской власти и стремились сбросить опекунство (символ феодализма для горцев) равнинных районов. Отсюда следует, что переселение осетин на территорию Грузии не является особым явлением, ибо такие процессы, правда, в сравнительно меньших масштабах, проистекали и со стороны других кавказских племен.

Во время царствования Георгия Блистательного (первая половина XIV в.) переселенные осетины вступили в состав грузинского государства. К тому времени на территории Грузии образовалось постоянное осетинское население. Но переселение осетин и после этого не прекратилось, с той лишь разницей, что отныне осетины переселялись не с Северного Кавказа, а из горных районов Грузии.

Заселением осетин на территорию Грузии открылась новая страница в грузино-осетинских взаимоотношениях. В XIV в. осетины официально считались подданными грузинских царей. По сведениям Б. Егнаташвили, царь Баграт заявлял Тимурленгу: «Дайте мне много своих войск, и я пойду к горским племенам – мтиулам, осетинам, двалам, сванам, абхазам – для их обращения» (Егнаташвили, 1940. С. 11–12). Армянский писатель Фома Мецопеци считает осетин – наряду с картами, имеретинцами, а также двалами – народом, входящим «в грузинскую семью», т.е. в грузинское национально-политическое и культурное объединение (История Грузии, 1946. С. 11).

Таким образом, в XIII–XIV вв. на территории Грузии образовалось компактное осетинское население – основа современного осетинского населения Южной Осетии. Отныне историческая судьба южных осетин тесно переплелась с судьбой грузинского народа. Общность исторических судеб предопределила их совместную героическую борьбу против завоевателей. Уже в конце XIV в. они в смертельной схватке с ордами Тимурленга выступили совместно. Завоеватель беспощадно разорил не только отдельные районы Грузии, но и Осетию. Но и после этого не прекращалась их совместная борьба против общих внешних врагов. Внутри страны взаимная поддержка осетинского и грузинского народов находила свое отражение в совместной борьбе против феодальной эксплуатации.

§ 4. Грузино-осетинские культурные взаимоотношения *(XI–XIV вв.)*

Начиная с XI в. грузино-осетинские взаимоотношения поднимаются на новый, более высокий уровень. С формированием феодальной монархии в Грузии начинается распространение ее политического и культурного влияния на соседние народы. В самой Осетии к тому времени тоже существовало государство, которое, в свою

очередь, стремилось к установлению тесных взаимоотношений с Грузией. Расширение политико-экономических связей между двумя соседними народами создавало широкую арену для развертывания культурного сотрудничества.

В X в. христианство в Осетии превратилось в официальную религию, но это еще не означало, что оно было всеобъемлющим. В последующий период грузино-осетинских взаимоотношений осуществлялись соответствующие мероприятия, способствующие распространению и упрочению христианства. Грузия, вернее Западная Грузия, играла большую роль в деле объявления осетинами христианства официальной религией. Инициатива в этом направлении полностью перешла в руки объединенного грузинского царства.

На первых порах христианизации осетин Византия, посредством своей коварной дипломатии, добилась внесения Осетии в список епархий патриаршества сначала в ранге архиепископства, а затем митрополии, распространяя таким образом свое религиозное влияние среди осетин. Из Константинополя направлялись епископы и митрополиты, которые представляли интересы Византийского государства. То что осетины оказались в сфере религиозного влияния Византии, не могло случиться без сопротивления со стороны Грузии. Однако незаконченность процесса объединения Грузии к началу X в. способствовала успеху греков в этом вопросе. Противоборство за установление влияния на Осетию продолжалось и в дальнейшем.

Династические браки между правящими кругами Грузии и Осетии создавали большие возможности для их культурного сближения. Цари Георгий I (1014—1027), Баграт IV (1027—1072) и Георгий III (1156—1184) были женаты на дочерях осетинских царей. Дочь Давида Строителя Русудан была замужем за осетинским царем, саму царицу Тамару выдали замуж за осетинского царевича Давида-Сослана. Все это указывает на то, что феодальные верхи Осетии с точки зрения культурного развития стояли на таком уровне, что политические деятели сильных государств Передней Азии того времени считали желанным и возможным вступление с ними в родственные связи.

Дочери осетинских царей после того, как становились царицами в Грузии, способствовали укреплению связей со своей родиной. В грузинском царстве они выступали в роли покровителей христианства. Супруга Баграта IV — Борена, вместе со своей близкой родственницей (супругой византийского императора), известна как инициатор строительства монастыря Каппат в Палестине (Кекелидзе, 1941. С. 96). Она упоминается в подписи к иконе богоматери церкви «Мацховари» в Сванетии, в обществе Ленджера (Такаишвили, 1937. С. 316).*

---

*Текст из 5 строк трудно поддается переводу с древнегрузинского. — **Ред.**

Согласно грузинским источникам, супруга Георгия III, мать Тамары — Бурдухан была олицетворением физической и духовной красоты. Она выделялась благородством, «подобной невесты не видело Картлийское общество» (Картлис цховреба, 1849. С. 265). Царица Бурдухан упоминается в прописной надписи на кайме иконы богоматери Хобского монастыря. Ее же упоминает католикос Николоз в письме, по которому «царица Бурдухан покровительствовала Руисской церкви» (Жордания, 1892. С. 268).

Разумеется, такие святые царицы Грузии не забывали и свою родину. З. Чичинадзе отмечал, что «Бурдухан была прочным фундаментом в Картли. В царский двор часто приезжали женщины из видных и богатых семей Осетии. Бурдухан обучала их грамоте, золотому шитью. В одном монастыре Осетии она открыла женское училище, куда часто приезжала и сама обучала осетинских монахинь грамоте и божественному писанию» (Чичинадзе, 1913. С. 160). Несмотря на то, что эти сведения З. Чичинадзе не подтверждаются историческими источниками, ничего невозможного в них нет. Помимо этого, З. Чичинадзе отмечал ту большую заботу, которую проявляли грузинские цари — Баграт IV и Давид Строитель в деле культурного просвещения осетин. Баграт для осетин «открыл различные школы, а учителями были назначены грузины и греки». В училище Шио Мгвиме, в результате усилий Баграта, готовились кадры для осетинской церкви, а в священники их посвящал Никозели. Шио Мгвиме был для осетин тем же, чем для грузин Атон и Афин (там же. С. 137—138).

Давид Строитель вместе со своим «мцигнобартухуцесом» — Георгием Чкондидели безустанно заботился о просвещении осетин. В Осетии он «для осетинских детей открыл училище, заботился об их воспитании» (там же. С. 152). Насколько преувеличенными ни были бы соображения З. Чичинадзе, одно обстоятельство все-таки остается фактом: политические интересы грузинского государства диктовали его деятелям необходимость расширения связей с народами Северного Кавказа, в том числе с осетинами. Мероприятия, направленные на распространение и упрочение христианства в Осетии, преследовали именно такую цель. Открытие школ, как об этом говорил Чичинадзе, действительно является преувеличением, но миссионерская работа священнослужителей с целью народного просвещения вполне правдоподобна. Кроме того, дети видных и зажиточных осетин имели большие возможности получения образования в Грузии. Давид-Сослан воспитывался в Грузии и «достиг больших успехов в книжности и науках» (Джавахишвили, 1951. С. 261).

Широкое участие осетин в политической и культурной жизни Грузии было основано на взаимодоверии и чувстве дружеской взаимопомощи, сформировавшихся на основе взаимоотношений между этими народами. В грузинской феодальной монархии во времена

Военно-Осетинская дорога. Мамисонское ущелье. Фото XIX века

Давида Строителя создалась атмосфера, благодаря которой национальное отличие уже не считалось препятствием в политической и культурной жизни Грузии. В связи с этим академик И. Джавахишвили отмечал: «Вся тогдашняя мощь грузин состояла в том, что, кроме военной силы, они в своем государстве создавали для представителей других национальностей такие благоприятные условия, при которых и они, например, армяне, осетины и даже магометане, во главе с грузинами преданно служили для усиления и благосостояния грузинского государства» (там же. С. 308).

Высокоразвитая грузинская феодальная культура, создавшая памятники поэзии, философии и зодчества мирового значения, с самого начала привлекала внимание соседних народов. «Витязь в тигровой шкуре» — великое и бессмертное творение Шота Руставели — своей направленностью является результатом развития тех международных отношений, в которых состояла Грузия ко времени создания этого произведения.

Прав исследователь Т. Саришвили, когда отмечает: «Грузинский язык и грузинские книги, достижения грузинской культуры, поэзии, искусства, философии и истории, правила быта и обычаи из-за своего прогрессивного характера и содержательной притягательности мощно рушили старые преграды национального затворничества и становились предметом творческого интереса и объектом изучения не только народов Кавказа, но и многих других народов» (Саришвили, 1956. С. 30).

С принятием христианства грузинский язык и культура еще сильнее внедряются в Осетии. Термины, связанные с христианским культом, в большинстве своем являются грузинскими, например: дзуар (джвари), къуыри (квира), таранджелос (мтаварангелози), мархо (мархва), барысчъи — бараскъа (параскеви), микалгабырта (микел-габриел), чырысти (христе), майрам (мариами) и многие другие» (Миллер, 1887. С. 14; Абаев, 1949. С.87). Святой Георгий (по-осетински — Уастырджи), пророк Илья (по-осетински — Уацилла) пользуются большой популярностью как среди осетин, так и грузин.

Из грузинского в осетинский язык вошли термины, связанные с садоводством и овощеводством: китри (ос. — джитри), болоки (ос. — булкъ), ниори (ос. — нуры), бали (ос. — бал) и др. Также вошли элементы материальной культуры: поцхи (ос. — похци), тики (ос. — дичъи), каба (ос. — къаба), цинда (ос. — цъында), дроша (ос. — тырыса), кири (ос. — чъыр), херхи (ос. — хырх) и др. (Абаев, 1949. С.87).

Несмотря на большое влияние грузинской культуры на осетин, имел место и обратный процесс. Профессор В. Абаев выделяет в этом отношении в истории грузино-осетинских культурных взаимоотношений два этапа. На первом этапе они были обоюдными, подвергались взаимному влиянию. На втором этапе в результате ослабления осетинского народа грузинское влияние преобладало. На первом этапе грузинским языком из осетинского был усвоен целый ряд слов, как, например: шави (ос. — сау), беври (ос. — беура), куди (ос. — худ), луди (ос. — алутон), доги (ос. — дугъ), ормо (ос. — уарм), хиди (ос. — хид). Осетинское слово «кадаг» (былина, предание) по-грузински принимает форму «кадаги» (там же. С. 86—87).

В речи грузинского населения, проживающего смежно с осетинами, преобладают элементы осетинского языка. В горной Раче из осетинского заимствовано слово, являющееся выразителем такого значительного понятия, каким является «разговор», «беседа». Таким словом является «нахшоба». Оно встречается в разных формах: «менахшеба» (беседуют со мной), «внахшоб» (беседую) и т.д. Отсюда же произведено слово «санахшо» (место беседы). Все эти формы происходят из осетинского «нихас» (беседа, разговор). Горно-Рачинское слово «дуриани сахли» (каменный дом) происходит от осетинского «дур» (камень). Сваренный в молоке пшеничный или кукурузный хлеб называется — «джикка» (от осетинского — дзыкка). Хлеб, выпеченный на осетинский манер, в Горной Раче называется «карджина» (от осетинского — кардзын) (Дзидзигури, 1954. С. 252—253). Грузинское слово «кави» (соха) в Горной Раче называется «избири» (от осетинского — дзыбыр); «луди» (пиво) происходит от осетинского — алутон (там же. С. 201). В Горной Раче есть топонимические названия — Валдукому, Карагом и др., в которых звучит осетинское окончание «ком», что по-русски означает — ущелье (там же. С. 207).

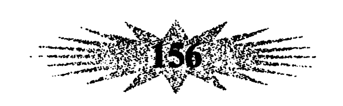
Кроме Горной Рачи, осетинский язык проявляет общие черты с разговорными языками менгрельского и абхазского населения, а также других горцев-грузин. Название осетин – «аланы» на менгрельском языке означает «герой», «молодец» (Кипшидзе, 1914. С. 193). У менгрелов существовало спортивное соревнование под названием «алануроба», когда две группы молодежи боролись вокруг двух пожилых людей (Сахалхо, 1910, № 170). Такой факт, по мнению В. Абаева, указывает на довольно живые контакты между менгрелами и аланами в какой-то исторической эпохе (Абаев, 1949. С. 149). Аланы проживали на Северном Кавказе, включая верхнее течение реки Кубань, по северную сторону Клухорского перевала. По южную сторону этого перевала проживали менгрельские племена, и контакты, разумеется, осуществлялись через этот перевал. Аланы на этих местах проживали до XIV в., а после них там поселились племена карачаевцев. Менгрелы их знали и называли аланами. В. Абаев приводит 11 примеров распространения менгрельских языковых элементов в осетинском языке, из которых ни один элемент не мог попасть в Осетию позже XIV в. по той причине, что эти народы больше не соседствовали (там же. С. 326–327, 330).

Такие же тесные культурные отношения осетины имели со сванами и абхазами. Они соседствовали непосредственно и были связаны перевальными дорогами. Осетины со сванами имеют много общего в обычаях, религиозных праздниках, в социальных институтах и в сфере материальной культуры (там же. С. 306). Напиток «ронг», упомянутый в Нартском эпосе, сваны усвоили в виде «ранга». В такой же форме его восприняли и менгрелы, и рачинцы (там же. С. 307).

У абхазов и осетин много общих элементов языкового и культурного характера, берущих начало со времен их соседнего проживания и активного общения (там же. С. 322). Припев абхазских песен «вараида» настолько похож на припев осетинских песен «уарайда», что различить их друг от друга для непривычного уха почти невозможно. На похоронах убитого молнией абхазы исполняли песню «атлар цоппа». Осетины в таких же случаях исполняют песню «цоппай, алдары цоппай». Имена Нартского эпоса также выявляют много сходства в обоих языках: Сатана (ос.) – Сатани (абх.), Батраз (ос.) – Патраз (абх.), Хамиц (ос.) – Хмеш (абх.) (там же. С. 315–317).

Своеобразно проявили себя грузино-осетинские культурные связи и в сфере музыки. Исследователь осетинской музыки П.Б. Мамулов отмечал про дигорские песни, что они имеют далекое сходство с грузинскими мотивами. Плавность песен, пластичность, южный оттенок песен – есть тот след, что остался от взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Мамулов, 1925. С. 368).

Некоторые конкретные примеры грузино-осетинских взаимоотношений отражаются в памятниках грузинской поэзии тех времен. Довольно обширная характеристика личности Давида Сослана дает-

ся в таком великолепном памятнике грузинской хвалебной поэзии, каким является «Тамариани» Чахрухадзе. В этом произведении автор уделяет большое место описанию военных достижений Давида-Сослана, его военной смекалки и мужества*. Поэт подчеркивает, что Давид мечом громит врага, что он является крепостью царского двора. С момента прихода Давида в Грузию прекратились нашествия на Испир и Тао.

С точки зрения грузино-осетинских культурных взаимоотношений представляет интерес краткий обзор дальнейшей судьбы христианства в Осетии. Во главе осетинской епархии, созданной в X в., стоял греческий митрополит. Священник аланского происхождения Феодор занял кафедру только в первой половине XIII в. В Константинополе тогда господствовали латиняне, а византийское правительство находилось в Никее. К приходу Феодора христианство в Алании находилось в тяжелом положении. Там было много незаконно поставленных священников, часть которых ему пришлось заново крестить (Епископ Федор, 1898. С. 25).

По мнению Юлиана, христианство в Осетии является смесью христианства и идолопоклонничества (Юлиан, 1863. С. 999). Об этом же говорил В. Рубрук в 1253 г., отмечая, что «аланы являются христианами греческих правил и применяют греческую письменность. О христианских правилах ничего не знают, знают только название Христа» (Рубруквис, 1943. С. 37). Отсюда следует, что религиозное влияние Византии на Осетию XIII в. (на ее западную часть) сохранялось, но в заметно подорванном виде. Оно до конца не смогло изгнать идолопоклонство и пошло с ним на компромисс. Влияние христианства на народ было внешним, что, впрочем, не мешало осуществлению широких культурных связей с христианским миром. С Грузией, Тмутараканским русским княжеством и византийскими прибрежными городами на Черном море осетины поддерживали плодотворные связи.

Поверхностный характер распространения христианства в Осетии объясняется сравнительно низким уровнем развития социальных отношений. Другой причиной было ведение религиозной пропаганды и богослужений на непонятном для широких масс греческом языке. Отсюда и высказывание В. Рубрука о том, что аланы только по названию являются христианами. В таких условиях существование христианства в Осетии было возможно только при постоянной поддержке извне. С появлением турок-сельджуков на арене Кавказа и Малой Азии сузилось политическое влияние Византии. В то же время объединенная Грузия, до этого выступавшая в роли пособни-

---

* В оригинале приведен соответствующий отрывок из «Тамариани», в котором Чахрухадзе дает высокую оценку военному искусству и храбрости Давида- Сослана. (Чахрухадзе, 1937. Строфы 8, 10, 32, 74, 80.).– **Ред.**

цы политики Византии в отношении осетин, теперь сама стремилась к тому, чтобы Северный Кавказ оказался в орбите ее политического влияния путем выдворения оттуда Византии. Зачатки такой политики обнаруживались еще в деятельности царя абхазов — Георгия, а в последующем она превратилась в господствующую политику. Феодальная монархия Грузии приступила к усиленной пропаганде христианства в восточных районах Осетии. В западных районах Осетии преобладало влияние Византии, но одновременно проводились мероприятия для ее вовлечения в орбиту влияния Грузии.

В районах верхнего течения реки Кубань, где было распространено византийское влияние, сохранились остатки десятка церквей[11]. Особенно богато ими ущелье реки Зеленчук. В этом узком ущелье находится растянутое на 7 километров городище, на концах которого были воздвигнуты башни. В этом городище были остатки нескольких церквей, три из которых особенно хорошо сохранились. Одну из них в конце XIX в. (1889 г.) превратили в действующую церковь. В отреставрированной церкви были сидячие места для священника, из-за чего ее считают кафедральной церковью аланской митрополии (Сысоев, 1898. С. 116, 122—123; Скитский, 1947. С, 61; История, 1954. С. 59).

По форме и объему эти церкви напоминают грузинские, особенно церковь Лыхны. Хронологически они относятся к IX—XI вв. (Сысоев, 1898. С. 122—123, 125). Специалисты считают их образцами, построенными под греческим влиянием (Сысоев. Там же; Владимиров, 1902. С. 4—5, 8—9). Однако они не могли быть образцами только греческого влияния, так как подобный стиль зодчества в Осетию переходил из Грузии.

Уже в начале XII в., в частности во времена Алексея Комнина (1081—1118), был поставлен вопрос об объединении Аланской епархии с другой церковной областью по той причине, что там якобы отсутствовал соответствующий поселок или город для епархиальной кафедры. Поэтому ее объединили с Сотиропольской кафедрой. Исследователи отождествляли Сотирополь с Пицундой и считали его центром Абазг-Зихской кафедры (Кулаковский, 1897, № 2. С. 33—37; Георгика, 1941, ч. 2. С. 217—218). Отождествление Сотирополя с Пицундой категорически отрицает П. Ингороква, помещая его между Трапезундом и Ризе, у Хоппа (Ингороква, 1954. С. 249—263)[12].

Объединение Аланской епархии с Сотиропольской кафедрой было вызвано не отсутствием соответствующего места для епархиальной кафедры, а усилением влияния Грузии на западные районы Осетии, соответственно, ослаблением византийского влияния и, как результат, изгнанием оттуда византийских духовных лиц. В таких условиях для Византии не оставалось места для кафедры, и поскольку она питала надежды на восстановление своего влияния на осетин, то в

перечне епархий патриаршества сохранила Аланскую епархию, временно объединяя ее с Сотиропольской кафедрой. Отныне Аланская епархия на деле становится кафедрой, явно указывающей на то обстоятельство, что Византия не хотела смириться с потерей своего влияния на народы Северного Кавказа. И действительно, Византия временами достигала своей цели. Невзирая на утвердившиеся традиции, Византия в 1240 году назначила алана Феодора епархом алан и направила в Аланию. Он должен был восстановить влияние Византии проповедью христианской религии на языке местного осетинского населения.

Проведение таких мероприятий было актуальным и вызвано тем, что грузинские миссионеры начали активнее действовать в Осетии. По сведениям Феодора, некий епископ грузинской епархии, граничившей с Осетией (его Феодор называет лазиком), воспользовался отсутствием в Осетии византийского епископа и посвятил в священники таких лиц местного происхождения, которые не умели исполнять богослужение. Феодор воспринял такую ситуацию как унижение своего престижа, и так как заменить их полностью не смог, часть из них посвятил заново (Сысоев, 1898. С. 22, 25). Такой факт, разумеется, не был единичным, что указывает на борьбу между Грузией и Византией за влияние на Северном Кавказе.

Такое противоборство между Византией и Грузией началось с XI в. Во времена Давида Строителя победа склонилась на сторону Грузии. Вплоть до монгольского владычества она не упускала инициативу из своих рук. Те частые династические браки, которые, начиная с XI в., осуществлялись между грузинскими и осетинскими правящими кругами, создавали благоприятные условия для распространения влияния Грузии на народы Северного Кавказа.

Таким образом, в X—XI вв. в Осетии преобладало византийское влияние, а начиная с конца XI в. его сменяет политическое и культурное влияние Грузии. Поэтому не является случайным, что почти все культовые строения, существующие на территории Осетии, население традиционно приписывает царице Тамаре, несмотря на то, что некоторые из них строились и до, и после нее.

Для народов Северного Кавказа, особенно для осетин, христианство имело прогрессивное значение. В результате в Осетию пришла христианская культура и письменность. Правда, за этим не последовало создание собственной письменности, но зато применялись греческая и грузинская письменности. В районе реки Зеленчук найдена надгробная плита, на которой осетинская надпись была выполнена на основе греческого алфавита (Миллер, 1893. С. 110—118; Абаев, 1949. С. 43). Грузинские надписи встречаются на некоторых христианских церквях, построенных в Осетии.

Из Грузии в Осетию пришел стиль грузинского зодчества. Нузальская церковь в ущелье реки Ардон, Реком в ущелье Цей, Дзив-

гисская церковь в Куртатинском ущелье и др. свидетельствуют о распространении грузинской культуры в Осетии. Аналоги этих церквей, по мнению профессора Л. Семенова, встречаются на Военно-Грузинской дороге, между Млетом и Пасанауром (Семенов, 1951. С. 304). Церковь «Хозита-Маирам» в ущелье Зруга, притока реки Ардон (историческая Двалетская территория), имеет характерные черты средневекового грузинского зодчества (Долидзе, 1954. С. 119). Она указывает и на пути распространения грузинской церковной архитектуры в Осетии, каковыми являлись Дарьяльская и Военно-Осетинская дороги.

Наглядным доказательством культурных взаимоотношений Грузии с Осетией является Нузальская церковь на левом берегу реки Ардон, в селе Нузал. По сведениям осетинского священника А. Гатуева, церковь построена в честь архангелов Михаила и Гавриила и является молельней всей Осетии (Гатуев. «Христианство в Осетии», 1891.). В Нузале проживала известная в истории Осетии фамилия Царазонта. Нузальская церковь относится к памятникам XII–XIII вв. и в основном привлекает внимание своей древностью. По форме она напоминает осетинский наземный склеп. Профессор Л.П. Семенов считает, что христианские памятники в Осетии в основном относятся к XII–XIII вв., когда грузинскими царями поощрялась миссионерская деятельность грузинских священников. Из Грузии прибывали священнослужители и во многих местах Осетии строили церкви (Семенов, 1948. С. 103–104).

Нузальскую церковь описывали многие исследователи, например: П. Уварова (Уварова, 1879. С. 40–41), Пфаф (Пфаф, 1871. С. 33–35), М. Джанашвили (Джанашвили, 1897. С. 43–44) и другие. Описание этих исследователей немногим отличается от современного состояния церкви. Церковь изнутри оштукатурена и расписана. Местами штукатурка повреждена, и, следовательно, росписи тоже заметно пострадали. На левой от входа стене к поврежденным мужским фигурам грузинским заглавным шрифтом приписаны имена, из которых некоторые хорошо читаются, а от некоторых остались только фрагменты. На правой стене сохранилось изображение святого Георгия на белом коне со щитом и копьем. Внутри, поверх входных дверей, есть изображение креста с надписью: крест Христа. Пфаф читает его как – «церковь Христова» (Пфаф, 1871. С. 33–34).

В 1947 г. Е.Г. Пчелиной внутри церкви были произведены раскопки, в результате которых был обнаружен мужской скелет богатырского размера. Этот скелет считается останками Давида-Сослана. Исследователи иногда указывают на существование обширной грузинской надписи на стене Нузальской церкви, в которой перечислены предки Ос-Багатара и описывается его поединок с грузинским царем из-за похищения им сестры последнего (Джанашвили,

1897. С. 43–44). Сочинителем этой надписи З. Чичинадзе считает Давида-Сослана (Чичинадзе, 1913. С. 207) *.

Ценность текста этой надписи как исторического документа незначительна, так как она является результатом свободной и в то же время слабой переработки литературных и фольклорных материалов. Однако надпись имеет определенное значение в том отношении, что указывает на широкое использование осетинами грузинской письменности. Доктор Пфаф категорически отрицал существование такой обширной надписи на стене церкви и обосновывал это нехваткой места на стене (Пфаф, 1871. С. 34–35). Данное соображение трудно разделить, так как надпись могла бы существовать на бумаге или на пергаменте. Такой точки зрения придерживается и З. Ванеев (Ванеев, 1956. С. 15).

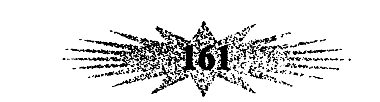
Вообще следует сказать, что вопрос о грузино-осетинских культурных взаимоотношениях еще не стал предметом специального исследования. Когда некоторые исследователи описывали культовые строения, существующие в Осетии (Нузальская церковь, Реком, Дзивгисская церковь), и грузинские надписи на них и на этой основе заключали, что христианство в Осетию пришло из Грузии, то все это служило толчком для специального изучения данного вопроса. Но, несмотря на это, в этом деле мы не очень далеко продвинулись. Поэтому этот весьма интересный вопрос ждет своих исследователей. Мы не претендуем на исчерпывающее освещение всех тех вопросов, которые в историческом прошлом существовали в культурной сфере между осетинами и грузинами. Но поскольку данный вопрос мы связали с грузино-осетинскими экономическими и политическими взаимоотношениями и рассмотрели на фоне этих отношений, то он представляет определенный интерес.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что те памятники архитектуры, которые связаны с христианским культом и которые считают показателями влияния Грузии, в основном расположены в горных районах и почти не встречаются на равнине. Причиной, по всей вероятности, является то, что во время вражеских нашествий они были беспощадно уничтожены. Этим же объясняется то, что в

---

* «Нас было девять братьев, Чарджонидзе-Чархилани, Багатар-Ос, Давид-Сослан, с четырьмя царствами боровшиеся. Фидарос, Джарадос, Сакур , с гневным взглядом смотрящие на врага; трое из наших братьев: Георгий, Исаак, Романос – сделались монахами и верными слугами Христа.

Мы занимаем узкие дороги, идущие в четыре стороны. В Касарском ущелье мы имеем замок и таможенную заставу, и мы занимаем Хидис-Кари (мостовые ворота); я в ожидании будущего века жил здесь. Золотой и серебряной руды имеем столь же много, как воды. Кавказ покорил, с четырьмя царствами равнялся, у Карталинского царя сестру отнял, не унижая своего достоинства и обычаев (или: не уступая ему по происхождению), но он настиг, нарушил клятву и взял на себя мой грех. Багатара утопили и истребилось войско Оса. Кто эти стихи будет читать – пусть помянет меня» (Джанашвили, 1905. С. 181–182).– **Г.Т.**

северной части Военно-Грузинской дороги такие памятники не встречаются, тогда как в отдаленных от этой дороги местах они довольно многочисленны. Эта дорога, как известно, была постоянной ареной военных действий.

Результаты культурных связей грузинского и осетинского народов проявляются и в ряде общих мотивов фольклорного творчества. В этом отношении представляют интерес предания об Амиране. А показателем популярности бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в Осетии являются сказания о Тариеле и др.

Культура осетинского народа развивалась в тесной связи с грузинской культурой.

Выводы

1. Грузино-осетинские дружеские взаимоотношения берут начало в далекой древности. По археологическим материалам между народами Закавказья и Северного Кавказа со II тысячелетия до н. э. уже наблюдаются обменные процессы и определенная общность культурного развития. В I тысячелетии до н. э., в эпоху расцвета так называемой кобано-колхидской культуры, такая общность и отношения поднялись на более высокий уровень.

2. Племена Северного Кавказа еще во времена Страбона (I в.н.э.) были связаны тесными экономическими отношениями с народами Закавказья. Местом встречи представителей этих племен была Диоскурия (Сухум), где они приобретали нужные им товары, в том числе и соль. Более того, некоторые представители этих племен через Дарьяльские и Дербентские ворота по торговым делам достигали даже Армении и Мидии.

3. Граница между Грузией и Осетией пролегала вдоль Главного хребта Кавказа. Всякие отношения между ними осуществлялись посредством перевальных дорог (Дарьяльский, Мамисонский, Рокский, Клухорский перевалы). Дороги эти были укреплены и защищены крепостями и башнями и всегда являлись предметом дипломатических и военных споров и столкновений.

4. Осетины посредством Дарьяльской и Двалетской дорог имели оживленные торгово-экономические отношения с Картлийским государством. Основная масса монет, обнаруженная на территории Осетии, попала туда из Грузии. Примечательно, что частые войны не мешали торгово-обменным процессам, так как в ту эпоху война и торговля были тесно взаимосвязаны.

5. В борьбе Картли и Лазики против римских, персидских, византийских и арабских завоевателей осетины всегда были надежными союзниками грузин. Систематическая помощь со стороны осетин значительно облегчала борьбу грузинского народа за независимость.

6. В VI в., когда Византия и Персия воевали за господство в Закавказье, каждая воюющая сторона через посредство Картли и Лазики стремилась получить поддержку осетин. Царь лазов Губаз и Великий князь Картли Гурам по заданию Византии нанимали осетин и включали их в борьбу с противниками. Со своей стороны, Картли и Лазика в отношениях с осетинами действовали в соответствии со своими собственными политическими интересами.

7. В период борьбы за объединение грузинских царств и княжеств осетины выступили союзниками Абхазского (Западно-Грузинского) царства. Абхазские цари способствовали распространению христианства в Осетии, стремясь таким образом к упрочению политических отношений с осетинами, в том числе и в сфере идеологии.

8. С образованием грузинской феодальной монархии (XI в.) большое внимание уделяется упрочению взаимоотношений с осетинами. Участившиеся династические браки между правящими политическими кругами этих стран преследовали цель упрочения таких отношений. Георгий I (1014—1027), Баграт IV (1027—1072), Георгий III (1156—1184) были женаты на дочерях осетинских царей. Дочь Давида Строителя (1089—1125) — Русудан была замужем за осетинским царем, а царица Тамара (1184—1213) — за Давидом-Сосланом (1189—1207) — осетинским царевичем, потомком Багратионов. Все эти события способствовали активному участию осетин в политической жизни Грузии.

9. Для ведения оборонительных и захватнических войн Грузия нуждалась в военной помощи осетин. Часто последние становились и участниками внутриклассовой борьбы в Грузии. В свою очередь, Осетия нуждалась в мирных отношениях с Грузией ради собственных экономических интересов. За участие в боях вместе с грузинами осетины получали денежное вознаграждение, трофеи и др.

10. Со времен Давида Строителя контроль за перевальными дорогами из Осетии перешел в руки грузинского государства, а осетины оказались под грузинским политическим влиянием. Осетинские отряды становились непременными участниками грузинских походов.

11. С XI в. торгово-экономическое значение Северного Кавказа усилилось. Это стало возможным из-за перемещения связывающих побережья Каспийского и Черного морей дорог из Малой Азии на Северный Кавказ, что стало результатом владычества в Малой Азии турок-сельджуков. Вслед за этим Северный Кавказ превратился в связующий торговый перекресток между странами Восточной и Западной Европы. Прибрежные города Крыма превратились в значительные торговые пункты международной торговли, в которой осетины принимали активное участие. С этого времени расширяется торговля между Осетией и Грузией. Грузинские торговцы через

посредство Осетии торговали с другими народами Северного Кавказа и с Россией.

12. Образование ряда городов по обеим сторонам перевальных дорог до установления владычества монголов (Жинвали и Душети в Арагвском ущелье, городище близ города Орджоникидзе, Джулат или Татартуп в долине Терека, Маджар на реке Кума и др.) подтверждает существование развитых торговых отношений через эти дороги.

13. Удовлетворение потребностей господствующих кругов Осетии в предметах роскоши и некоторых других необходимых предметах осуществлялось путем импорта из Грузии и других стран.

14. Сообщение осетин по торговым делам с городами Восточной и Западной Грузии не прекратилось и после установления монгольского господства над Грузией и Осетией.

15. Торговля между Осетией и Грузией, по всей вероятности, осуществлялась как при помощи денежных единиц, так и путем натурального обмена.

16. В первой половине XIII в. осетины, разгромленные монголами на просторах Северного Кавказа, начали обживать ущелья Кавказских гор. Отсюда, вследствие экономических трудностей (ограниченность условий ведения хозяйства в горной полосе и невозможность существования больших масс населения), они со второй половины XIII в. начали продвигаться в сторону горной Картли, а потом и в сторону равнинных районов. К этому времени в результате монгольских нашествий население этих районов заметно сократилось.

17. Переселившимся осетинам грузинские феодалы объявили жестокую войну, так как заселение осетин в Картли создавало угрозу экономической основе феодалов — землевладению. Картлийские эриставы (Сурамели) во главе с Ахмадом, Бегом и Рати стали вожаками дворян, выступавших против осетин.

18. Классовые и внутриклассовые противоречия, существовавшие внутри грузинского феодального общества, когда каждый общественный класс или слой, исходя из своих классовых интересов, по-своему оценивал и отзывался на переселение осетин (сопротивлялся, держался нейтралитета или поддерживал), дали возможность осетинам успешно завершить борьбу с грузинскими феодалами и обосноваться в ряде районов Картли, особенно в ущелье реки Большой Лиахвы.

19. В этой борьбе монголы поддерживали осетин для того, чтобы противопоставлением осетин и грузинских феодалов добиться упрочения своего господства в Грузии.

20. Грузинские феодалы во главе с Георгием Блистательным смогли отобрать у осетин ряд крепостей и населенных пунктов, ограничили территорию их проживания и подчинили государствен-

ной власти. Они же укрепили перевальные дороги, чтобы впредь новые волны осетин произвольно не переходили в Грузию.

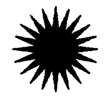
21. Передовая феодальная грузинская культура того времени пробивала дорогу и в Осетию. Из Грузии в Осетию распространялись грузинский язык и письменность. Лексический фонд осетинского языка пополняется рядом терминов из лексики грузинского языка. На ранних этапах грузино-осетинских взаимоотношений имело место и обратное влияние – распространение множества терминов из лексики осетинского языка в грузинский лексический фонд.

22. Влияние грузинской культуры на осетин особенно усилилось после принятия осетинами христианской религии (X в.). После создания единой феодальной монархии в Грузии идеологическое влияние Византии на осетин с успехом заменяется грузинским влиянием. Со времени Давида Строителя Осетия подчинилась грузинскому влиянию и в сфере религии.

23. Грузино-осетинские политические, экономические и культурные взаимоотношения в XIII–XIV вв. завершились заселением осетин на территорию Внутренней Картли. Этим фактом был заложен фундамент современного населения южных осетин, судьба которого плотно переплелась с исторической судьбой грузинского народа, сделав сопричастным его бедам и радостям.

КНИГА ВТОРАЯ

Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дружба народов Союза ССР является неиссякаемым источником силы и мощи нашей страны. Поэтому Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство уделяют большое внимание дальнейшему упрочению дружбы и братства между народами Союза ССР.

Взаимоотношения наших народов имеют большое прошлое. В результате свершения Великой Октябрьской социалистической революции народы, входившие в состав Российской империи, были освобождены от социального и национально-колониального гнета со стороны царизма и для них были созданы невиданные условия для дальнейшего расширения дружеских взаимоотношений.

Изучение истории зарождения и развития взаимоотношений народов нашей страны является почетной задачей советских историков. В этом отношении грузинскими историками был внесен ощутимый вклад в дело изучения взаимоотношений грузинского народа с соседними народами и государствами. Этим вопросам были посвящены многочисленные издания научных исследований и трудов.

Осетинский народ является древнейшим северным соседом грузинского народа. С самого начала между этими народами существовали тесные экономические, политические и культурные связи, являющиеся дружескими и взаимовыгодными для обоих народов. Под влиянием различных исторических условий эти связи то укреплялись, то ослаблялись, но не прекращались.

В представленном труде, по мере возможности, акцентируется внимание на тех факторах, которые способствовали или препятствовали развитию этих взаимоотношений.

Данный научный труд — «Грузино-осетинские взаимоотношения в XV—XVIII вв.» — является продолжением монографии «Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV века)», изданной в 1958 году Юго-Осетинским

госиздательством. Одна из глав этой работы содержала обозрение источников и литературы, использованных в данной монографии.

Настоящая работа является первой попыткой монографического исследования истории грузино-осетинских взаимоотношений. Это обстоятельство, а также ограниченность источников создавали определенные трудности при работе над обозначенной темой.

Мы не считаем, что все вопросы, поставленные в данной работе, освещены с соответствующей полнотой и глубиной. Любые предложения и замечания, способствующие улучшению работы, будут приняты автором с чистосердечной благодарностью.

ГЛАВА I

Территориальное расселение осетин и пути, связывающие их с Грузией

Для истории грузино-осетинских взаимоотношений период, выбранный нами, характеризуется определенными особенностями. Грузия к этому времени уже не была единым централизованным государством. Она была раздроблена на отдельные царства и княжества, каждое из которых во взаимоотношениях с соседями руководствовалось своими узкоместечковыми интересами. Эти царства и княжества из-за своего географического положения не могли установить взаимоотношения с осетинами, за исключением Картлийского царства и, частично, Кахетинского и Имеретинского царств.

В рассматриваемый период Осетия уже больше не являлась отдельной политической единицей. Со времен монгольских нашествий (первая половина XIII в.) она оказалась раздробленной на отдельные общины и ущелья, связь между которыми носила случайный характер. Отсутствовало единое политическое руководство, которое могло бы объединить раздробленные силы Осетии для ведения единой политики во взаимоотношениях с соседними народами. Слова доминиканского монаха Юлиана (первая половина XIII в.) о том, что в Осетии «сколько есть ущелий, столько и властителей, но, при этом, никто из них не подчиняется другому» (Юлиан, 1898. С. 999), остаются в силе для всего рассматриваемого периода.

Более того, в рассматриваемый период Осетия не только была раздробленной на отдельные общины (общества), но и, помимо этого, оказалась разделенной на две части. В результате опустошительных нашествий монголов осетины, жившие на равнинах Северного Кавказа, понесли огромный ущерб. Потерпев жестокое поражение в неравной войне, они оставили равнинные районы и укрылись в ущельях Кавказских гор. В это же время часть осетин перешла главный хребет Кавказских гор и поселилась на его южных склонах, достигая иногда Картлийских районов. Таким образом, осетины, перешедшие и поселившиеся на южных склонах Кавказского хребта, в административном отношении оказались в составе Грузии, а после ее развала — в составе Картлийского царства.

При описании границ Картли и Имеретии монах Егнаташвили отмечал, что посюсторонняя территория, начиная от Касарского ущелья и охватывая Наро-Мамисонский бассейн с ущельями Нара,

Заха, Зруга и Мамисона, а также большую часть бассейнов Большой и Малой Лиахвы, часть бассейнов Ксана и Арагвы, где обосновались осетины, — входила в состав Картлийского царства (Егнаташвили, 1959. С. 349). О времени и условиях заселения этих районов осетинами мы подробно рассказали в другой работе (Тогошвили, 1958, гл. V, § 3). Поэтому здесь приводится только одна справка, которая четко указывает на проживание осетин в горной Картли. В 90-х годах XIV в. царь Баграт, захваченный Тимурленгом, чтобы вызволить себя, принял показное магометанство и пообещал, что и своих подданных тоже обратит в эту веру. Для этого он просил у Тимурленга «войско большое» для обращения в магометанство своих подданных, коренных жителей Грузии, особенно жителей горских районов (мтиулов, осетин, двалов, сванов, абхазов и др.) (Егнаташвили, 1959. С. 329, 330).

Отсюда следует, что и осетины, наравне с другими горскими народами, считались коренным населением Грузии. В горных районах Грузии осетины проживали, по меньшей мере, уже в течение века (по имеющимся грузинским источникам, осетины селятся на территории Грузии с 60—80-х годов XIII в.), а в результате проводимых Георгием Блистательным мероприятий они уже в первой половине XIV в. считались подданными Грузии.

То обстоятельство, что царь Баграт особенно выделяет жителей гор и просит у Тимура военной силы для их обращения в магометанство, говорит о том, что горцы не были безропотными исполнителями царской власти. Данное обстоятельство, по всей вероятности, было известно и Тимурленгу. Поэтому, чтобы придать своей политической уловке большую убедительность в глазах Тимура, царь Баграт ставил перед ним реальные условия для обращения горцев в магометанство. Несмотря на то, что этот план Баграта был предназначен для введения в заблуждение Тимура, он тем не менее характеризует отношение горских народов к царской власти.

Условия, при которых одна часть Осетии с территориальной и административной точек зрения входила в состав Картлийского царства, а вторая часть непосредственно граничила с ним, придавали грузино-осетинским отношениям своеобразный характер. При рассмотрении этих отношений понятие «Осетия» будет приемлемо в этнотерриториальном, а не политическом смысле. При этом, в зависимости от приведенных конкретных фактов взаимоотношений, следует указать — какую часть осетин, в связи с тем или иным явлением, относить к осетинам, проживающим на южной стороне Кавказского хребта, или южным осетинам, а какую — к осетинам, проживающим на севере хребта, то есть северным осетинам.

Царевич Вахушти при определении современных ему границ Осетии отмечал, что «длина этой страны растягивается от Хеви до Сванетского Кавказа, а ширина — от Картлийского Кавказа до чер-

кесской горы» (Вахушти, 1941. С. 107–108). Вахушти точно указывает границы Осетии с учетом той ее части, которая входила в состав Картлийского царства. Южной границей Осетии считается Картлийский Кавказ, и в этом отношении она не совпадает с северной границей Картли, указанной Егнаташвили. По локализации Вахушти, Наро-Мамисонская котловина и относящиеся к ней ущелья – Касарское, Зарамагское, Згельское, Нарское, Зругское, Заккинское – входят в состав Осетии. По локализации же Егнаташвили, они входят в состав Картли. И тот и другой локализуют Осетию правильно, с той лишь разницей, что Егнаташвили за основу локализации берет политический принцип, а Вахушти – этнический. Сведения Вахушти о южной границе Осетии не означали, что южнее, в районах Картли, осетинское население не проживало. Районы, где осетины жили среди грузин вперемешку, по локализации Вахушти отнесены к Картли.

При описании горных районов Грузии Вахушти точно указывает на факты этнической принадлежности жителей того или иного ущелья. При описании Ксанского ущелья он дает сведения о том, что «на западе Карчоха, в верховьях Ксани, располагается Жамур. В настоящее время там проживают осетины» (там же. С. 69). Видимо, у Вахушти есть какие-то данные о том, что жамурское население с самого начала не было осетинским. Чуртинское ущелье, расположенное по соседству с Жамурским, при Вахушти еще не было заселено осетинами. Осетины там обосновываются позже описываемого Вахушти периода.

По Вахушти, верхнее течение Малой Лиахвы заселено осетинами (Герское ущелье, Шуацхвирская гора и др.). Выше Ваната к ущелью Малой Лиахвы присоединяется Ацерское ущелье. «Верховье Ацерского ущелья полностью заселено осетинами» (там же. С. 71). И в ущелье Большой Лиахвы, «выше от Свери (без виноградников и фруктовых садов) проживают осетины, двалы» (там же. С. 78).

При описании Маграндвалетии Вахушти отмечал, что вследствие непрерывных нашествий врагов производительное (трудоспособное) население в низменных районах Картли заметно сократилось. В результате население горной Картли начало перемещаться в сторону равнины, а на их местах грузинские феодалы селили осетин. Такое переселение осетин на земли грузинских феодалов осуществлялось на основе предварительного согласия с ними. Такой способ переселения осетин на территорию Грузии по сравнению с ранее существовавшими двумя способами (самовольный захват ряда районов Картли вооруженными осетинами или переселение больших групп осетин грузинскими царями и их поселение в Грузии) относится к позднему средневековью и представляет собой длительный процесс (Гвритишвили, 1949. С. 119).

Географическое сочинение Вахушти содержит исторические све-

дения о Двалетии и двалах. По его мнению, двалами называли древнее население, проживающее в высокогорной зоне на обоих склонах главного хребта Кавказа и издревле являющееся органической частью Грузии. В связи с тем, что исторические источники не дают никаких конкретных указаний об этнической принадлежности двалов, существуют различные мнения по этому вопросу (Гамрекели, 1961; Ахвледиани, 1960. С. 65–79; Тогошвили, 1958. С. 177–185). Сведения Вахушти о Двалетии дают возможность порассуждать о взаимоотношениях двалов и осетин.

Согласно концепции Вахушти, территория исторической Двалетии была занята осетинами, пришельцами с Северного Кавказа. Правда, он особо не касается дальнейшей судьбы двалов, но из его сведений вытекают выводы, согласно которым двалы были ассимилированы осетинами. Ко времени Вахушти этот процесс, по всей вероятности, был уже закончен, но предание об их этнической индивидуальности еще сохранялось. Касаясь религии южных осетин и двалов, Вахушти заключает, что в определенных исторических условиях двалы оторвались от грузинского культурного пространства, ослабело христианство. Вторжение осетинских элементов в двальскую среду, ослабление ее экономических и культурно-политических связей с грузинским миром, усиление культурно-политического влияния этнических элементов северных осетин обусловили постепенное исчезновение этнической индивидуальности двалов и почти полную их ассимиляцию осетинами. Процесс этнической ассимиляции двалов осетинами начинается социальным покорением двалов. При характеристике социального положения южных осетин Вахушти подчеркивает более низкое происхождение двалов (Вахушти, 1941. С. 111).

По определению Вахушти, Наро-Мамисонский бассейн и Маграндвалетия являются Двалетией. Помимо этого, «и население Большой Лиахвы, Малой Лиахвы, Ксанского ущелья и Кударо являются также двалами. Они по вероисповеданию и обычаям и сегодня остаются родственными друг другу» (там же. С. 115). Подробно описывая упомянутые места, Вахушти всегда указывает на присутствие там осетинского населения, а в приведенном примере он их считает двалами. Только при описании населения Лиахвского и Трусовского ущелий он замечает, что «жителями являются осетины, двалы» (там же. С. 66, 78). В автографе географического сочинения Вахушти «осетины, двалы» пишется без запятой. Если будем читать его без запятой, то получим – «осетины двалы», то есть обосетинившиеся двалы или осетинские двалы. Такое прочтение является точным выражением реального обстоятельства, создавшегося во времена Вахушти. И действительно, в XVIII в. у двалов ничего двальского не сохранилось, кроме случайных воспоминаний об их былой этнической индивидуальности. Отзвуком их далекого прошлого яв-

ляются также сведения об их особенном языке: «Язык у них старый двальский, но в настоящее время говорят на осетинском языке, так как язык черкесов другой» (там же. С. 110). Если двалы в то время разговаривали на осетинском языке, то это означает, что у них тогда другого языка и не было. Так как двалы не имели письменности, то, разумеется, невозможно было опереться на памятники письменности на их языке. Вахушти не смог сказать что-нибудь конкретное про этот язык и поэтому ограничился лишь вышеприведенными общими суждениями, чем и поставил перед большими трудностями современных исследователей. Нам представляется, что поверхностное суждение и упоминание двалов у Вахушти и других авторов скорее является пережитком традиционных обстоятельств, чем отражением исторической реальности. Поэтому не будет ошибкой, если скажем, что такое представление авторов о двалах первой половины XVIII в. является результатом книжного влияния.

В рассматриваемый период Северная Осетия состояла из нескольких горных ущелий (с востока на запад): Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского. С севера они граничили с Кабардой, с востока занимали верхнюю часть бассейна Терека, а с запада соседствовали с Балкарией. На юге, при посредничестве южных собратьев, северные осетины общались с грузинским народом.

Таким образом, если проследить данные о расселении осетин в рассматриваемое время, то явно обнаруживается, что между Грузией и Осетией стабильной этнической границы не существовало. В отмеченный период, несмотря на то, что часть осетин проживала на южных склонах Кавказского хребта и в ряде районов горной Картли, по-прежнему большую роль во взаимоотношениях играли те перевальные дороги и тропинки, которые издревле связывали страны Южного и Северного Кавказа, в том числе разные части Осетии, с районами Картли и Имеретии.

Поэтому для изучения взаимоотношений между грузинским и осетинским народами целесообразным считается более подробное рассмотрение вопросов, касающихся дорог, связывавших Северный Кавказ с Закавказьем. И это тем более важно, что те же дороги являлись не только основным звеном непосредственных связей между двумя соседними народами, но и теми же дорогами осуществлялась связь этих народов с великим северным государством — с Россией.

В пределах Центрального Кавказа одной из значительных артерий, связывавших Северный Кавказ с Закавказьем, по-прежнему оставалась Военно-Грузинская дорога — исторические «Арагвские ворота», «Осетинские врата», «Дарьял». Эта магистраль, благодаря своему благоприятному географическому расположению, имела большое экономическое и стратегическое значение для тех стран, которые располагались по обе стороны Кавказского хребта.

Дорога, которая проходит через Дарьяльское ущелье с юга на

север, следует по Арагвскому ущелью, пересекает главный хребет Кавказских гор и спускается в ущелье Терека. Реку Терек в старинных грузинских источниках называли Ломек или Осетинская Арагва. Севернее Казбека (бывший Степанцминда) дорога проходила через тесное Дарьяльское ущелье, окруженное отвесными скалами. Узость ущелья в этом месте давала возможность чрезвычайного его укрепления, свидетельством чего являются крепости, построенные здесь в разное время, как, например, крепость Давида в десяти километрах севернее Казбека, у слияния Терека с Кистинкой, правым притоком. Еще севернее, на левом берегу Терека, на макушке отвесной скалы стоит Дарьяльская крепость, которую по ошибке иногда называют крепостью Тамары. Эта дорога, как об этом свидетельствуют Страбон (I в.), Плиний Секунд (I в.), Иосиф Флавий (I в.) и др., с античных времен была довольно прочно укреплена.

Известна также оценка К. Марксом значения Дарьяльской дороги в отношениях России и Грузии. «Кавказские горы, — отмечал он, — отделяют Южную Россию от богатых провинций Грузии. Единственная военная дорога, которая заслуживает такого названия, от Моздока до Тифлиса извивается через Дарьяльское ущелье. Она защищена непрерывной цепью укреплений» (Маркс, Энгельс, 1933. С. 533). Оценку Маркса Дарьяльской дороги справедливо можно распространить и на всю историю предшествующих веков.

Сведения о Дарьяльской дороге в XV—XVI вв. почти отсутствуют. Этот факт объясняется той ситуацией, которая сложилась на Северном Кавказе и в Закавказье. На исходе XIV в. грозный завоеватель Тимур неоднократно пытался взять дорогу под свой контроль, считая ее средством получения Грузией помощи с Северного Кавказа. Вторжением через Арагвское ущелье он не смог добиться осуществления этой задачи. Тогда Тимур, расквартированный в Барде, «направляет войска в Осетию. Войска прошли через Дарубанд, Дагестан и прибыли в Осетию. Разгромили Осетию, пленили многих и подчинили ее. Так поступил Тимур потому, что грузинский царь получал помощь оттуда» (Вахушти, 1885. С. 293). Однако и такой обходный поход Тимура закончился безрезультатно, несмотря на то, что осетины, союзники грузин, были жестоко разгромлены.

Таким образом, можно заключить, что в XV—XVI вв. Дарьяльская дорога оставалась хорошо укрепленной, и, поскольку от ее защиты во многом зависела политическая мощь Грузии, она не оставалась без внимания. Впоследствии, когда единая Грузия распалась на отдельные царства и княжества, правители окраин, т.н. эриставы, также начали стремиться к независимости и часто добивались ее. С этого времени Дарьяльская дорога оказывается в распоряжении сильных арагвских эриставов, и возможность пользования ею картлийским и кахетинским царями уже зависела от желания этих феодалов.

Дарьяльская дорога в XV—XVII вв. перестала играть ту значи-

тельную роль, которую она играла до этого в деле переброски войск с Северного Кавказа. Грузинские царства, которые в этот период вели оборонительные войны против завоевателей, из-за отсутствия материальных средств не могли нанять войска. В XVI в. Дарьяльская дорога приобрела политическое значение. В это время Кахетинское царство устанавливает политические связи с быстро развивающимся российским государством. Происходит частый обмен послами, которые путешествуют по Дарьяльской дороге. Профессор М. - Полиевктов отмечал, что в XVI в. послы, направляющиеся из России в Кахетию, отправлялись из Терского города по рекам Терек и Сунжа и через земли владетелей Малой Кабарды добирались до того пункта, где исток Сунжи приближается к Тереку. Отсюда начинался горный отрезок дороги. Пройдя мимо Ларса, они с большим трудом передвигались по Дарьяльской дороге и входили «в земли Сони», или в Сони. Здесь начинались владения «Сонских», или Арагвских эриставов» (Полиевктов, 1932. С. 29).

Трудность прохождения Дарьяльских ворот вполне понятна. В течение длительного времени этой дорогой не пользовались. Она была разбита, размыта, мосты были разрушены, и поэтому каждое конкретное путешествие, тем более для послов с гружеными обозами, требовало перекладки мостов. Кроме того, возможно, имели место и искусственно созданные препятствия для осложнения движения по дороге, чтобы тем самым обеспечить безопасность или контроль над нею.

К концу XVI в. пользование Дарьяльской дорогой для политических деятелей Картли и Кахетии стало проблематичным. Арагвское ущелье и часть Хеви находились во владении Нугзара-эристава, проявлявшего стремление к независимости от царской власти. Что же касается северной части Хеви, то она являлась государственным местом, то есть принадлежала государству, но ее захватил кабардинский владетель. В 1597 г. кахетинский царь Александр с помощью эристава Нугзара вновь присоединил и эту часть Хеви. За этим последовало разграбление Хеви кабардинскими помещиками — Солугом и Аитек-Мурзой. Грузинские войска настигли их и причинили большой ущерб (Белокуров. 1889. С. 304—305; Бердзенишвили, 1944. С. 75—76).

В сложившихся условиях, когда за Дарьяльскую дорогу шла борьба между кабардинскими помещиками, с одной стороны, а с другой — эриставом Нугзаром и кахетинскими царями, тагаурские осетины, проживавшие в окрестностях дороги и потерявшие всякий контроль над нею, оказались в трудных условиях. Основной их заботой была борьба против кабардинских феодалов, в подчинении которых они оказались в это время. Такое положение не было прочным, и борьба вокруг дороги продолжалась и в дальнейшем. В 1601 г. сын Александра Давид одержал победу над Нугзаром-эриставом,

что дало кахетинскому царю возможность свободно пользоваться Дарьяльской дорогой в сношениях с Россией.

В 1604 г. российские послы Михаил Татищев и Андрей Иванов старались пройти через Дарьяльские ворота. Но в Ларсе они узнали, что между кабардинским владетелем и эриставом Нугзаром продолжается вражда. В том же году брат Солуга напал на Мтиулетию, разорил село Хада, принадлежавшее царю, а в Хеви мохевцы напали на самих послов, но безрезультатно (Белокуров, 1889. С. 454; Бердзенишвили, 1944. С. 110).

Упомянутые послы прибыли из Кахетии к картлийскому царю Георгию. Уполномоченные царя просили у послов, чтобы они оставили в Картли отряд войск, находящийся в их распоряжении. Такую просьбу они обосновывали тем, что осетины, проживающие между черкесами (кабардинцами) и владениями Георгия, беспокоили Картли, и поэтому просили отправить отряд войск из Терека для их наказания. Послы обещали, что с прибытием в Терек они тотчас же направят 150 ружейников с условием, что они будут использованы только против осетин. Царь Георгий обещал, что «сии 150 человек останутся на сонской земле, где они будут снабжаться припасами» (Броссе, 1861. С. XX).

Таким образом, картлийский царь Георгий с помощью российских войск предполагал взять в свои руки контроль над Дарьяльской дорогой. При этом если оружейники будут располагаться на «сонской» земле, то есть в Арагвском эриставстве, то их главным назначением будет обеспечение преданности арагвского эристава новому сюзерену — картлийскому царю и, разумеется, контроля над дорогой. Обоснование подобной просьбы необходимостью наказания осетин объясняется, скорее всего, дипломатическими соображениями. Царь не хотел преждевременно настраивать против себя сильного арагвского эристава. Эристав Нугзар только что (1604—1605 гг.) стал вассалом картлийского царя, и неосторожный шаг с его стороны мог свести на нет этот успех.

Источники не дают возможности разобраться, какую роль Дарьяльская дорога играла в 10—20-х годах XVII в., когда Картли-Кахетия стала ареной нашествий вероломного шаха Аббаса I. Если предположить ослабление царской власти в Картли и Кахетии в результате политики шаха Аббаса и усиление арагвского эристава (Зураб-эристав в тогдашней политической жизни Картли и Кахетии играл большую роль), то можно допустить, что и контроль над дорогой перешел в руки эриставов.

Из содержания письма посла Теймураза I, Никифора, от 17-го сентября 1635 г. к московскому царю явствует, что осетины и кисты, проживающие по Дарьяльской дороге, являются подданными Теймураза. «Он имеет в подданстве близ каракалканцев, между черкесскими мурзами, народы, называемые кистинцами и осетинцами,

также и многие другие, которые пред сим, под державою Иверии, были христианами, но теперь ни христиане, ни турки. Их число превышает 80 000 домов» (Броссе, 1861. С. XXVIII).

Если данное заявление посла Теймураза о подданстве осетин и кистов, а также других народов, не является дипломатической уловкой, то следует заключить, что борьба Теймураза за установление контроля над Дарьяльской дорогой не прошла безрезультатно. Однако такое положение не могло быть прочным, ибо ни арагвский эристав, ни кабардинские феодалы, не говоря уже об осетинах, не могли поступиться своими интересами — потерять дорогу и тем более дать возможность над собой властвовать. Уже в 1638 г. Теймураз готовит поход против арагвского эристава. «Впоследствии российские послы узнали, что Теймураз и его вельможа Ревазбей пошли войной против отступившегося эристава, но, не достигнув успеха, они замирились» (там же. С. XXXV).

С мая 1637 г. до января 1640 г. продолжалось посольство Волконского и дьяка Хватова у Теймураза I. Направляющимся с севера русским послам кабардинский владетель Мундар-Мурза заявляет, что готов провожать их до того места, докуда русских послов провожал его отец. «А хаживали преж сего царского величества послы в Грузии на Сони и на архидьякона Степана (Казбека. — *Г.Т.*) да Теймураза царя послушника на Аристопа князя» (Полиевктов, 1937. С. 234). Далее Мундар-Мурза продолжает, что «преж сего государевы послы хаживали в Грузию на Аристопа князя. А тот Аристоп был преж сего с Теймуразом не в миру, и того сотника Григория к Теймуразу не отпустит и у себя задержит», и Теймураз «чает от Аристопа всякого дурна» (там же. С. 235—236). Таким доскональным объяснением он хотел убедить послов в невозможности пользоваться Дарьяльской дорогой. При этом клялся, что вырос в горах и другой дороги в Грузию (в Кахетию) не знает. Он советует послам, чтобы они переждали, пока Теймураз и эристав не помирятся. А если не хотят переждать, то он, подобно своему отцу, готов сопровождать их до границ владений эристава, «только проводя до сонских щелей, поворотитца, а вы-де послы как хотите» (там же. С. 238).

Из проверенных сведений следует, что борьба между Теймуразом и эриставом закончилась безрезультатно для первого и, следовательно, Дарьяльская дорога осталась в распоряжении арагвского эристава.

В грамоте от 25 апреля 1639 г. Теймураз сообщает русскому царю Михаилу Федоровичу, что «с эриставом Каракалканским (так называли арагвского эристава. — *Г.Т.*) я в то время не мог помириться» (Броссе, 1861. С. 28). По этой причине он русских послов перевел не по Дарьяльской дороге, а через непроходимые до того кистино-тушетско-пшавские горы.

Острота взаимоотношений Теймураза I и арагвского эристава

была обусловлена, с одной стороны, стремлением привести в подчинение непокорного эристава и тем самым получить возможность свободного общения с севером, а с другой стороны, безудержным стремлением эриставов к независимости от царской власти, более того, желанием сделать царя зависимым от них. На этой почве произошли кровавые события, в результате чего отношения между ними стали еще более напряженными. Теймураз убил своего зятя — арагвского эристава Зураба, а его брату выкололи глаза. Оставшийся в живых брат стал эриставом, но, напуганный подобными репрессиями, он еще яростнее сопротивлялся Теймуразу. Попытки арагвских эриставов помешать российско-кахетинским отношениям были обусловлены, в том числе, и боязнью того, что кахетинский царь в случае получения помощи из России в первую очередь употребит ее для укрепления своей царской власти. И тогда напрасными оказались бы все те успехи, которых добились эриставы в борьбе с царской властью.

Когда стало ясно, что прибытие российских послов в Кахетию через Дарьяльскую дорогу невозможно, стали искать новые маршруты. В 1639—1640 гг. был найден новый вариант дороги, соединяющий с Кахетией. Однако преодоление этой дороги было связано с трудностями. Дело в том, что надо было пройти через Хевсуретию и Тушети. Российские послы поднялись вдоль реки Кистинки, затем по какому-то перевалу (Садзела или Архота) перешли в русло реки хевсурской Арагвы, а оттуда через хребет Борбало спустились к реке Алазани.

При прохождении Дарьяльской дороги русские послы раздавали подарки и жалованье старейшинам народов, проживавших в окрестностях. Взамен они должны были прокладывать мосты через Терек, чистить дороги и обеспечивать безопасное путешествие. Некий «черкес» (кабардинец), владетель Хавса, русским послам — Волконскому и дьяку Хватову — говорил, что раньше послы в Грузию ехали через владения эристава, а «он и другие горские владетели оставались в стороне, но им тоже давали жалованье государя за то, что для прежних послов они тоже чистили дороги и перекладывали мосты через Терек. И в данный момент государевы послы с грузом без очистки дороги не смогут проехать. Проводить же через Хавсу и очистку дороги он на себя не может брать, так как князь Эристави (арагвский эристав. — ***Г.Т.***) враждебно настроен против царя Теймураза. Многие горские народы также напуганы, боятся эристава и нападения других горских владетелей» (Полиевктов, 1937. С. 248—249).

Из предыдущих сведений становится ясно, что вокруг Дарьяльской дороги происходили жесткие столкновения интересов. Овладеть дорогой стремились кахетинские и картлийские правящие круги, арагвские эриставы и кабардинские феодалы. Борьба за владение дорогой была в то же время борьбой за подчинение тагаурских

осетин, без чего было невозможно установление полного контроля над дорогой.

Кроме того, становится ясно, что иногда кабардинские феодалы добивались подчинения осетин. В 1604 г. российские послы, направлявшиеся в Грузию, узнали, что осетины находятся в подчинении кабардинского владетеля Аитек-Мурзы. Он просил у терского воеводы помощи для того, чтобы вновь привести в подчинение отступившихся осетин, в противном случае сообщение с Грузией через Дарьяльскую дорогу осложнится (Белокуров, 1889. С. 508). Здесь, разумеется, речь идет о тагаурских осетинах, и без их подчинения ни одна сторона не могла обеспечить безопасность передвижения. Видимо, осетины не проявляли желания быть в подчиненности у кабардинских феодалов, о чем свидетельствует старание сильного феодала Аитек-Мурзы обеспечить свое господство над осетинами с помощью русских войск.

В 1651 г. московский государь в ответ на визит имеретинского царя Александра III (1639—1660) в 1649 г. направил своих послов — Толчанова и Ивлиева в Имеретию. Послы предполагали через Дарьяльскую дорогу приехать в Картли и оттуда переехать в Имеретию. Однако из-за вражды между Теймуразом и арагвским эриставом передвижение послов по этой дороге стало невозможным. Поэтому они поменяли маршрут, отклонились к западу и, пройдя через Большую Кабарду, пришли в бассейн реки Урух. Отсюда через один из перевалов можно было переехать в Имеретию. Таким образом, пользование Дарьяльской дорогой в XVI—XVII вв. было сопряжено с многими трудностями, связанными с владением этой дорогой.

Значение Дарьяльской дороги особенно возросло в XVIII в. Картлийский царь Вахтанг VI (1703—1724) проявил живой интерес к отношениям с Россией. Однако несмотря на то, что связь с Россией преимущественно осуществлялась через Военно-Осетинскую дорогу (Алагирское ущелье) и расположенную западнее от нее Рача-Дигорскую дорогу, Дарьяльская дорога все-таки сохраняла свое значение для этой цели. Пользование ею зависело от благоприятного расположения арагвских эриставов к царской власти. А такое расположение часто нарушалось. О значении воли эриставов в деле пользования Дарьяльской дорогой говорит письмо арагвского эристава Бардзима от 14 октября 1728 г. к терскому генерал-губернатору: «Если хотите помочь стране, то не задерживайтесь; дорога является нашим владением, на третий день ходьбы от Терека она вступает в наши владения. Находящиеся там крепости и укрепления никогда и никем не были взяты» (Броссе, 1861. С. 153—154).

Дарьяльская дорога была признана дорогой связи с Россией. Поэтому в отношениях Картлийского и Кахетинского царств с арагвскими эриставами этот момент всегда обращал на себя внимание. Тот же эристав Бардзим в 1731 г. писал Вахтангу VI, находящемуся

в России, что дорога, связывающая с Россией, «проходит через мои владения. Это обстоятельство пугает и вызывает вражду против меня и кахетинского царя и воцарившихся в Картли турков. Пока у меня не отобрали эриставство, приходи с войском, дорогу предоставлю, обеспечу поддержку вельмож и сдам тебе страну. Впоследствии владение дорогой и контроль над ней принудит турков и персов пойти на уступки в отношении к тебе» (там же. С. 190–192). Такой же совет дает Вахтангу VI католикос Виссарион в письме от 1733 г. В нем он сообщает Вахтангу, что «хан приступил к захвату горных мест, и если этого добьется, то из твоих попыток вернуть страну ничего уже не получится. Или присылай сына своего, или сам вернись, или же оба вернитесь. Никто тебе больше не будет сопротивляться, занимай это горное место, и оттуда будешь владеть и горами, и низинами. И отныне ни персы, ни турки уже не будут страшны, а перед русскими останешься добропорядочным. В случае же чего русские в течение трех дней окажут тебе помощь» (там же. С. 199).

В письмах эристава Бардзима и католикоса Виссариона отмечается чрезвычайно важное стратегическое значение Дарьяльской дороги. Владение ею давало возможность закрепиться в горной части Грузии, откуда занятие картлийского престола и сплочение страны было более удобным. Контроль над дорогой поставил бы турок и персов перед постоянной опасностью ввода русских войск и тем самым заставил бы их пойти на уступки.

Значение Дарьяльской дороги особенно возросло во второй половине XVIII в. Картлийский царь Теймураз II и кахетинский царь Ираклий II расширили взаимоотношения с Россией. С подчинением арагвского эристава в 40-х годах XVIII в. они берут в свои руки контроль над дорогой, регулируют отношения с осетинами, проживающими в северной части дороги, принимают чрезвычайные меры для ее благоустройства, создают условия для торгово-караванного сообщения. И действительно, если до этого дорога использовалась для проводки послов и военных целей, то с 50-х годов XVIII в. она приобрела и экономическое значение.

В грамоте Теймураза II от 1755 г. говорится, что «по осетинской дороге торговцы и караваны прибыли в город (Тифлис. – *Г.Т.*)» (Акты, II. С. 1133). Для экономических целей дорога в течение длительного времени не использовалась. По словам Теймураза, «до этого никогда не было, чтобы через Осетию проходили караваны и купцы» (там же). Данное высказывание не следует понимать в том смысле, что дорогу через Осетию провели недавно. О том, что дорога существовала давно и в свое время имела огромное значение, разговор пойдет в другом месте. А то, что в XVI–XVIII вв. дорога использовалась для дипломатических и военных целей, ясно из вышеприведенных материалов. Здесь же говорится об обеспечении передвижения по дороге, что явилось результатом подчинения арагвс-

кого эриставства, урегулирования отношений с осетинами и улучшения эксплуатационных характеристик дороги. До этого даже простое передвижение по дороге было связано с большим риском, не говоря уже о передвижении торговых караванов.

Для привлечения торговых караванов Теймураз установил льготные пошлины и этим способствовал интенсивному торгово-караванному движению. В результате по этой дороге хлынуло столько товаров, что в 1771 г. Ираклий был вынужден отменить льготные пошлины (Акты, II. С. 1136). Одним словом, за двадцать лет Дарьяльская дорога приобрела большое экономическое значение. Ее называли и «Астраханской дорогой», так как из Астрахани и других российских городов поступало огромное количество товаров.

В связи с начавшейся в 1769 г. русско-турецкой войной, по просьбе Ираклия II и имеретинского царя Соломона I, через Дарьяльскую дорогу в Грузию вступили русские войска. Осетины способствовали передвижению русских войск, но взамен требовали определенную плату. Из документа 1771 г. следует, что для проводки русских войск через Дарьяльскую дорогу стало необходимым воздействие на осетин не только силой, но и путем ведения с ними мирных переговоров. В этом деле им помог владетель Малой Кабарды – Асламбег Тау-Султанов, который добровольно находился в составе русского отряда, направлявшегося для усмирения осетин, проживающих в окрестностях дороги. Для этого ему назначили годовое жалованье в размере 50–100 рублей (Акты, I. С. 85).

В рапорте князя Моуравова к графу Н. Панину от 3 сентября 1769 г. говорится, что он присоединился к графу Тотлебену в осетинских горах. «В десяти верстах от картлийской границы осетинами было проложено 6 мостов, получив в оплату ткань и деньги; три моста проложены грузинами, а один мост самим отрядом» (Цагарели, 1891. С. 60). Как видно, для беспрепятственного передвижения русских войск по Дарьяльской дороге большое значение придавалось поддержке и благожелательности осетин. Впоследствии из-за бестактных действий некоторых русских военных чиновников обострились отношения с осетинами и другими горскими народами, в результате чего сообщение по дороге осложнилось. В сентябре 1770 г. капитан Языков докладывал графу Панину о том, что передвижение по горам очень затруднилось. По этой причине наших или грабят, или же за пропуск требуют больших денег (там же. С. 161). О том, что осетины стремились контролировать Дарьяльскую дорогу и даже добивались этого, говорит и тот факт, что в 1772 г. они задержали академика Гюльденштедта, направлявшегося из Грузии в Осетию. И только после вмешательства российской администрации и выдачи подарков они его освободили (Акты, I. С. 86).

Так как Дарьяльская дорога была единственной удобной дорогой, связывающей Россию с Грузией, укрепление российских по-

зиций в Закавказье было невозможно без установления контроля над этой дорогой. Российская власть придавала большое значение готовности дороги, для чего проводила соответствующие работы: чистили дорогу, прокладывали мосты через реку Терек и др. На протяжении XVIII в. каждый переход отрядов русских войск в Закавказье сопровождался довольно обширной перепиской русских чиновников с грузинскими властями о приведении в готовность Дарьяльской дороги. В этом отношении характерно письмо генерала Кноринга к царю Георгию XII от 23 июля 1799 г. В нем он отмечал, что предметом его особой заботы является очистка Дарьяльской дороги и приведение в порядок мостов до границ его владений, которые проходят поблизости от Казбеги. Со своей стороны для этих целей он привлекает осетин и других горцев (там же. С. 97—98).

Беспокойство русских чиновников объяснялось тем, что закрытие Дарьяльской дороги вызвало бы подрыв позиций русских в Грузии. В письме графа Мусина-Пушкина от 1802 г. особо подчеркивается пагубность такой возможности для русских в Закавказье и указывается необходимость установления контроля над дорогой. По его мнению, подчинение осетин имеет и позитивное значение. В противном случае кавказцы подумают, что у русских не хватает сил для подчинения этого малочисленного народа, количество которого едва достигает тысячи душ (там же. С. 398).

Мусин-Пушкин составляет проект, который, по его мнению, обеспечит контроль над дорогой и свободное передвижение русских войск. Для этого предполагалось в трех местах ущелья — у Балта, где начинается вход в горы и где на Тереке имеется первая переправа, у Ларса, наиболее узкого прохода, и Дарьяла — близ границы с Грузией — организовать военные посты, которые будут обеспечены хотя бы парой походных пушек каждый. «Этим положим конец не только самовольству тагаурцев, но и без разрешения русских осетины не посмеют появляться на дороге. Дорога же оная составляет теперь единственно возможный путь для проезда на подводах из России в Грузию, следовательно, и есть предмет первейшей важности для охранения царства сего» (там же).

Из приведенной выписки следует то большое значение, которое русские чиновники придавали взятию в свои руки контроля над Дарьяльской дорогой, главной целью которого являлось сохранение связей с Грузией. Такой контроль обеспечивал не только непрерывную связь России с Грузией, но и безоговорочное подчинение российскому правительству народов, проживавших вокруг Дарьяльской дороги, в первую очередь тагаурских осетин. До присоединения Грузии к России (1801 г.) русское правительство с целью эксплуатации Дарьяльской дороги придерживалось политики лояльности и подкупа в отношении тагаурских алдаров (социально господствующий слой осетин). Оно обильно раздавало военные чины

и соответствующие им жалованья авторитетным владетелям осетинских сел, расположенных вдоль дороги, награждало их орденами и медалями. В одном из рапортов П. Потемкина от 1778 г. говорится, что «тагаурским осетинским владетелям — Николаю Павлову Ахметовичу и Петру Павлову Кайтуку присвоены чины прапорщиков. Их пример подтолкнет и других к преданности России» (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 416, ч. 2, л. 24).

Тагаурские осетины за очистку дороги и прокладку мостов брали вознаграждение деньгами и натурой. Они всячески старались сохранить контроль над дорогой и всякой попытке вмешиваться в это дело оказывали вооруженное сопротивление. За пропуск русских военных частей или отдельных чиновников они требовали выкуп. В ряде случаев российское правительство прибегало к карательным мероприятиям против осетин. Однако слабость позиций на Кавказе не давала возможности царской власти быть последовательной в этом вопросе, и она старалась преимущественно путем согласия с осетинами решать вопросы стратегического значения. «Самовольство» тагаурских осетин иногда было настолько невыносимым для русских чиновников, что часто карательные операции против них возглавлялись военными чинами высшего ранга. По сведениям графа Мусина-Пушкина, главнокомандующий Кавказской линией генерал Кноринг в 1802 г., направляясь из Тифлиса в Моздок, решил наказать одного из тагаурских владетелей — Дударуко Ахметова. Генерал встретил такое яростное сопротивление, что не то что наказание, но и говорить о его подчинении было лишним. Вследствие этого прекратилось всякое движение между Кавказской линией и Грузией, в том числе и получение почты (Акты, I. С. 396—397).

Сам генерал Кноринг в письме к П. Цицианову по-другому передает описанные Мусиным-Пушкиным события. По его сведениям, осетины, проживающие вдоль Дарьяльской дороги, некоторые представители которых из высших слоев имеют российские чины и медали, довольно миролюбивы, но препятствуют передвижению по дороге. Особенно это касается Дударуко Ахметова. Поэтому он послал в место его проживания одну сотню пехоты и две сотни казаков и, как он сам заявляет, превратил в пепел. Когда для отправки в Грузию во Владикавказе собрались русские войска, осетины перекрыли им дорогу, так как они подумали, что войска направляют для их наказания. Но когда им объяснили суть дела, они пропустили их. Генерал высказывает мысль о том, что если не нарушать обычаи осетин, то можно верить им (там же. С. 411).

Из письма Кноринга выясняется, что, несмотря на его бахвальство, он силой ничего не добился и пошел на мировую. Он требовал, чтобы не раздражали осетин, и тогда, мол, сообщение по дороге не задержится, чего так боялось российское правительство. Про эти опасения говорится и в докладе майора Тучкова от 1802 г. в связи с

деятельностью царевича Вахтанга. «Вся же опасность состоит в том, чтобы он, бросаясь в Казбеги, не взбунтовал осетинцев и тагаурцев и тем не пересек бы вовсе сию коммуникацию и не затруднил бы путь войскам, идущим с линии, и сие есть вероятнейшее из всех его замыслов» (там же. С. 271). Разумеется, упомянутая боязнь не была необоснованной. Тагаурские осетины, благодаря своему географическому положению, легко могли перекрыть дорогу. Силой же открыть дорогу потребовало бы довольно больших войск, наличие которых в создавшихся условиях на Кавказе не всегда имело место.

Как было уже отмечено, сообщение по Дарьяльской дороге особенно интенсивным стало с 50-х годов XVIII в. Свободное сообщение по этой дороге грузинскими политическими верхами достигалось установлением добрососедских отношений с тагаурскими осетинами, назначением жалований влиятельным лицам и другими подобными мерами. Так, например, тагаурскому осетину Беза Адилишвили Ираклием II было назначено ежегодное жалованье. В книге милости 1785 г. говорится: «Мы, царь всея Грузии Ираклий, назначили годовое жалованье тагаурскому осетину Беза Адилишвили парчу в двенадцать марчили за преданное нам служение. Если ты и впредь будешь служить нам так же преданно, то назначенное нами жалованье чиновники нашего двора каждый год будут давать полностью». Из приписки того же документа следует, что в 1799 г. жалованье в том же объеме было установлено и Георгием XII (Институт рукописей, ф.Qd, док. 947).

Подобные книги милости о назначении жалований были выданы Ираклием II и Георгием XII и другим тагаурским осетинам. Георгий XII в книге милости заявляет, что «тебе, Беслану Шанашвили было назначено жалованье от благословенного господа нашего отца. Эту книгу жалованья потеряли в ереванской войне, и мы заново назначаем тебе годовое жалованье — парчу в сорока марчили. Когда ты приедешь к нам, назначенное тебе жалованье дадут вам чиновники нашего двора из нашей кассы полностью, а ты должен и впредь стараться служить нам преданно» (Институт рукописей, ф. Hd, док. 13 693). Тасультану Дударишвили Георгием XII за преданное служение было назначено ежегодное жалованье — парча в тридцать марчили (там же, док. 4020).

Улаживание отношений с тагаурскими осетинами было предметом постоянной заботы грузинских властей. Ираклий II в приказе к Габриелу Казибегашвили от 29 августа 1791 г. заявлял: «Получили твою книгу, что там было написано — все поняли. Как мы тебе велели, так и поступай — обойди всех и сообщи всем, чтобы заранее были готовы. Пишешь, чтобы некоторым отдельно надо что-нибудь обещать. Но такого не будет, ибо они уже имеют нашу милость, получают и жалованье. Придут и получат свое жалованье. Всегда уходили от нас благодарными, и зачем же им нынче такие разгово-

ры. Когда было такое, чтобы мы их обманывали. И если они не захотят, то мы найдем другую дорогу и по этой дороге переведем войска. Насчет заложников все будет по-прежнему» (там же, док. 10 276). 19 сентября того же года Ираклий II сообщал Габриелу Казибегашвили: «Твой брат Иоане приехал к нам и привез твою книгу и книгу тагаурцев. То, что писали тагаурцам и тебе, – знаешь об этом, и сами тагаурцы получили наш ответ. Хорошо, если они приедут на основе прежних условий и привезут с собой заложников. А если же не получится, то пусть старейшины приедут и привезут с собой заложников для страховки достигнутых соглашений. С божьей волей если мы достигнем согласия – хорошо, а если нет, то найдем другую дорогу. Черкесам, которые собирались приезжать через Тагаурию, просим не мешать» (Институт рукописей, ф. Hd, док.10 276 б).

Представленные документы вызывают разносторонний интерес. Они характеризуют многие аспекты отношений картли-кахетинских царей к Дарьяльской дороге и пользованию ею. В первую очередь, бросается в глаза то обстоятельство, что многие тагаурцы жалованье получали из кассы грузинского царя, кроме того, предоставляли им и другие милости. Однако тагаурцы требовали большего, для чего нужно было достижение нового соглашения. Посредником выступил помещик Хеви Габриел Казбек. Он советует царю, чтобы тот обещал предводителям тагаурцев что-нибудь дополнительное для достижения согласия. Ираклий II выступил против такого предложения, так как этим в отношениях с тагаурцами он создавал для себя нежелательный прецедент, ухудшающий условия последующего пользования дорогой. Ираклий II был согласен на прежние условия перевода наемных войск и пропуска караванов с Северного Кавказа через Дарьяльскую дорогу. Документы не указывают – какие именно были прежние условия. Выясняется, что в прежних соглашениях основное место занимали жалованья и милости. Тагаурцы, в знак защиты того или другого конкретного соглашения, достигнутого с царем, отдавали заложников, которых, после выполнения условий соглашения, возвращали обратно. На тот момент тагаурцы требовали пересмотра условий соглашения в свою пользу. Ираклий не соглашался на такие условия, но потребность в наемных войсках вынуждала его идти на компромисс. Ираклий пугал тагаурцев тем, что, мол, если они не примут его условия, то он войска и торговые караваны проведет по другой дороге, однако цену таким угрозам хорошо знали обе стороны, ибо другой дороги для войск и караванов с Северного Кавказа и раньше, и тогда не существовало. Из документов не ясно, чем закончились переговоры. По всей вероятности, стороны пришли к компромиссу. По Дарьяльской дороге переброска войск и провод торговых караванов не прекратились.

Прочно укоренилось правило, согласно которому в случае перевода войсковых частей или проводки дипломатических представителей через Дарьяльскую дорогу для обеспечения их безопасности брали у тагаурцев заложников. Это правило продолжало действовать и после Ираклия II. Георгий XII в своем приказе от 24 января 1800 года писал тагаурцам: «Наш ешикагабаш Гарсеван и наш секретарь Елизар отправили мы ко двору его величества государя, а вы должны отдать, как заведено, заложников, которых будут держать у Баадура Казибегашвили в Степанцминде, а наших посланцев должны проводить с большой осторожностью и мирно. Сейчас у вас появляется возможность показать свою преданность нам, а за служение будем благодарны и не оставим вас без жалованья» (ГЦИА, ф.1 448, док 3 613).

Приказ указывает на ту большую ответственность, которую Георгий XII возлагал на своих посланников. Этим же объясняется и осторожность, которую он проявлял для безопасного продвижения по Дарьяльской дороге. Тагаурские осетины должны были отдать не только заложников Баадуру Казибегашвили, но и лично провожать послов. Оказание содействия послам со стороны тагаурцев считалось проявлением преданного служения царю, за что им обещали соответствующее награждение. О том, что эти обещания не были пустыми, свидетельствуют те книги (акты) жалований, которые выдавались царями тагаурским осетинам. Тагаурские осетины имели и другие привилегии – свободно ходили в Карталинию по торгово-обменным делам. Такое право имело для них большое значение, ибо зерно они в основном получали с юга – из Картли, а с севера – из русских городов-крепостей. Такое обстоятельство применялось в качестве одного из средств воздействия на тагаурцев. В случае недовольства тагаурцев им запрещали сообщение с низменными районами, и тогда они оставались без продовольствия. Чтобы исключить участие тагаурских осетин в бунте Вахтанга-царевича (1802 г.), генерал-майор Тучков прибыл в Степанцминду, где он собрал тагаурских алдаров и объявил им, что в случае перекрытия ими дороги и задержания курьеров он запретит им отпуск и продажу хлеба (Акты, I. С. 271). Отсюда следует, что во избежание неприятностей подобные санкции имели большое значение и часто достигали своей цели.

Во время царствования Ираклия II тагаурские алдары за пропуск караванов и путников брали пошлину. Право брать пошлину признавали как Ираклий II, так и российская власть. Однако размер пошлины, видимо, заранее не был определен и зависел от желания осетин. П. Потемкин в 1783 г. поставил вопрос о регулировании пошлины, ибо иначе путники подвергались насилию: с каждого пешего пассажира брали ткань на 10 рубашек, каждая стоимостью 50 копеек (ЦГ ВИА, ф. 52, оп. I/194, д. 286, ч. I, св.109, л. 219).

Генерал П. Цицианов в докладе 1804 г. к императорскому двору подтверждает, что во времена Потемкина тагаурские осетины с торговцев, передвигавшихся по Дарьяльской дороге, брали 10 рублей, с пеших путников — 30 копеек, с конного пассажира — 70 копеек. Если со стороны русских не чувствовали силу, то останавливали даже казенных арендаторов и курьеров, заставляя их платить за передвижение (там же, ф. ВУА, д. 6172, л. 144).

Российское правительство старалось положить конец такому положению и за определенное вознаграждение принудить осетин брать на себя обязанность привести в порядок дорогу, обеспечить ее защиту и проводку курьеров. П. Потемкин в 1783 г. сообщал графу Потемкину, что, в соответствии с его желанием, пригласил к себе осетинского владетеля Ахмеда для выяснения — берет ли он на себя обязанность защиты дороги, проходящей через Кавказские горы. Ахмеду для защиты дороги и проводки курьеров обещали жалованье. Он принял данное предложение, но потребовал назначения жалований и другим владетелям, проживающим вдоль дороги. Иначе, говорил он, если только ему назначат жалованье, то другие это воспримут как оскорбление и не только помешают сообщению, но и могут убить его самого (ЦГВИА, ф. 52, оп. I/194, д. 286, ч. I, св.109, л. 219).

Ахмед предъявил Потемкину список из семи главных тагаурских владетелей, от которых, по его мнению, зависела безопасность дороги. Вся потребованная сумма за год составляла 410 рублей. Потемкин поставил вопрос об увеличении суммы до 510 рублей (там же). Однако искоренить самовольство тагаурских алдаров было не так-то легко. Попытки российских властей мирными средствами осуществить регламентацию прав тагаурских алдаров и таким образом подчинить их своей воле не достигли успеха. Поэтому родилась идея достижения этих целей жестокими карательными мерами. П. - Цицианов в 1804 г. докладывал императору о необходимости жестоко наказать тагаурцев для того, чтобы принудить их брать на себя обязанность сопровождения почти от Владикавказа до Казбеги и обратно, а также безопасное сообщение путников по дороге. В случае выполнения этих условий каждая владетельная семья, количество которых в Тагаурии составляло 11, получала бы 150 рублей серебром, а главы этих семей по достоинству приравнялись бы к казачьим офицерам (ЦГ ВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. I, л. 82).

Российское правительство, понимая огромное значение Дарьяльской дороги для упрочения своих позиций в Закавказье, путем подкупа тагаурских феодалов — раздачей чинов и жалований, а иногда и применением силы, стремилось обеспечить для себя безопасное пользование Дарьяльской дорогой. Поскольку в то время российское правительство еще не могло силой подавить сопротивление осетинских феодалов, то подобные компромиссы для него

просто были необходимы, и грузинские политические круги были жизненно заинтересованы в беспрепятственном сообщении по этой дороге. В ноте от апреля 1801 г. грузинские послы Гарсеван Чавчавадзе, Авалишвили и Палавандишвили просили у российского правительства установления полного контроля над дорогой и для этой цели предлагали конкретный план действий. «Многие купцы, подданные нынче его величества – русские, грузины, армяне и другие, проезжая Кизляр, Моздок и другие места, и проходя среди осетин (в оригинале – твиста), дают не только установленную плату, но и часто отбирают у них вещи, понравившиеся им. Надо установить строго определенную плату, а после этого, в течение короткого времени, эту малочисленную нацию, ранее находившуюся в рабстве у грузинских царей[13], очень легко можно привести в подчинение и рабство. Следом, по дороге от Моздока до Грузии, в нужных местах надо установить несколько форпостов с царскими командами» (Цагарели, 1898. С. 199). Для российских властей предложенный грузинскими политиками план был вполне приемлемым и, соответственно, был осуществлен позднее.

Бесперебойное пользование Дарьяльской дорогой требовало постоянной заботы для сохранения ее эксплуатационных характеристик. Требовалась чистка дороги от лавин и щебня, строительство мостов в нужных местах. Грузинские цари Ираклий II и Георгий XII эти вопросы регулировали с помощью тагаурских осетин и бывшего владетеля Арагвского эриставства – царевича Вахтанга. Они были обязаны в установленных границах сохранять дорогу и мосты в готовности. Держать мосты в готовности являлось постоянной заботой, так как быстрая река Терек во время наводнений легко разрушала их, построенных на основе тогдашней примитивной техники. К началу наводнений часто даже убирали мосты. Особенно тяжелым было обеспечение движения в условиях зимы.

Для сохранения Дарьяльской дороги в готовности проводились определенные мероприятия. На первых порах эти мероприятия в основном носили характер кампаний и связывались с переводом российских воинских частей или сопровождением знаменательных посольств. В этом отношении примечателен вклад Ираклия II, который заботился о готовности дороги на всем ее протяжении. Между Казбеком и Крестовым перевалом Ираклий поселил трусовского осетина Бати Бидарова (от его фамилии происходит название реки – Бидарка). Грамотой от 27 ноября 1794 г. Ираклий назначил Бати Бидарову пайку и предоставил определенные льготы.

Грамоту дарения Бидарову в январе 1800 г. обновил Георгий XII. Российская власть в лице генерала Кноринга данную грамоту специальным документом от 1802 г. утвердила в неизменном виде. Согласно этим актам дарения, Бидарову назначили годовое жалованье в размере по 50 «коди» пшеницы и ячменя и 25 рублей деньга-

ми. При этом путник, обратившийся к нему за помощью или останавливающийся у него, должен был ему дать хлопчатобумажную ткань стоимостью 20 копеек (Акты, 1866, I. С. 526–527). Его также обязывали, чтобы он привлекал и других осетин для заселения в эти места. Они должны были содержать этот участок дороги в порядке, принимать всех обратившихся к ним путников и оказывать им соответствующую помощь.

В рассматриваемый период грузино-осетинских взаимоотношений, кроме Дарьяльской дороги, большое значение приобрела Осетинская дорога, известная в старинных грузинских источниках под названием «Двалетская дорога». Эта дорога посредством Мамисонского и Рокского перевалов связывала осетин как с Имеретинским царством, так и с Карталинией. С севера на юг эта дорога проходила по ущелью реки Ардон. В начале этого ущелья, на северной границе Наро-Мамисонского бассейна, у села Нижний Зарамаг, эта дорога разделялась на две ветви. Одна ветвь дороги по Мамисонскому (или Жгельскому) ущелью пересекала Мамисонский, или Чанчахский, перевал и спускалась в Рачу, в верхнее течение реки Риона. Отсюда дорога шла в Кутаиси и другие районы Западной Грузии. Второе ответвление дороги из Зарамага, следуя по ущельям Нардона и Захадона, пересекало Рокский перевал и спускалось на юг по Лиахвскому ущелью, а дальше шло в сторону низменных районов Картли.

Означенная дорога была довольно хорошо укреплена, о чем свидетельствуют остатки крепостей и башен. Нижний Зарамаг, находившийся на стыке двух важных дорог, являлся значительным стратегическим пунктом и, видимо, был соответственно укреплен. У Нижнего Зарамага, на возвышенности находятся остатки старой крепости. Она своим расположением как бы властвует над окрестностями, являясь подходящим местом для защиты дорог. Существование здесь такой большой крепости подтверждает и Вахушти: «Нижний Зарамаг находится у слияния вод Касры и Жгелы. Там есть большая и сильно укрепленная крепость. Говорят, что построена царицей Тамар. Кроме того, в Нижнем Зарамаге есть много башен и поэтому называют его башенным поселением» (Вахушти, 1941. С. 114).

Вдоль всей дороги имеются укрепленные стены и сторожевые башни. Среди них выделяются встроенная в стену башня-крепость у села Нузал и так называемые Касарские ворота в самом узком месте ущелья реки Ардон. Остатки этого укрепленного места хорошо сохранились по настоящее время. Вахушти пишет, что «здесь находятся ворота из скалы и каменной кладки, большой и сводчатой, над самой рекой, построенные царями, чтобы ограничить тут передвижение самовольных осетин. Ущелье это является прочным и неприступным» (там же). Это сообщение Вахушти верно отражает первоначальное значение укрепления. Оно было одним из средств установления кон-

троля над дорогой и регулирования передвижения осетин по ней. В XV–XVIII вв. укрепление потеряло свою функцию, ибо его северная и южная части были полностью заняты осетинами.

Осуществление контроля над Касарскими воротами от грузинских царей (вопреки их желанию) и отдельных феодальных владетелей постепенно перешло к осетинам, которые тем самым усиливали свои позиции. Неприятель их никогда не завоевывал из-за недоступности края (высокие горы, узкие ущелья, бурные реки), отсутствия дорог, мостов (Вахушти, 1941. С. 108). Несмотря на перечисленные препятствия, царская власть в Грузии, заинтересованная поддерживать связь с горцами (от чего зависели ее взаимоотношения с Россией), искала пути в Осетию.

В XVII в. связи Грузии и России налаживаются, в Тифлисе стали появляться русские послы (по торговым делам). Между тем в результате происшедших политических перемен Дарьяльское ущелье стало опасным для поддержания связи с Россией, и потому начался поиск новых путей в обход Дарьяла.

Из-за захватнической политики иранских шахов в оппозицию к ним стали цари Картли и Кахетии – Георгий XI (1676 и 1709) и Имеретии – Арчил (1647–1713). Последние установили тесные связи с осетинами и при необходимости скрывались от персов в Осетии. Так, царь Арчил выехал из Имеретии в Двалетию (Наро-Мамисонская котловина). Поскольку агенты персидского шаха выследили его, он вынужден был оттуда уехать в Россию (Житие Картли, 1949. С. 86–87). И в последующем, когда его преследовали турки, Арчил часто по Военно-Осетинской дороге приезжал в Осетию и здесь укрывался или отправлялся в Россию.

Однажды, когда царь Арчил с семьей укрывался в Зарамаге, турки послали вооруженный отряд для его захвата. Осетин Елканишвили (Елканов) оказал упорное сопротивление отряду, спас семейство Арчила и отправил его в Дигорию (Арчилиани, 1937. С. 7–8) через Алагирское ущелье и Кионский перевал. Для встречи с прибывшим в Двалетию Арчилом часто приезжали представители царской России. Сохранились архивные источники о встрече с русским переводчиком Семеном Дмитриевым. 60-е годы были ознаменованы оживлением связей картло-кахетинских и имеретинских царей с Россией. Послы имеретинского царя Соломона I поддерживали связь с Россией через Военно-Осетинскую дорогу.

Член Осетинской комиссии, а в последующем ее руководитель архимандрит Григол Романишвили докладывал кизлярскому коменданту, что дорога из Кизляра в Имеретию идет через Малую Кабарду, Осетию и земли других народов, которые никому не подчиняются. Дорога проходит через высокие горы и скалы, которые с ноября покрываются снегом, и тогда не то что верхом на коне, но и пешее движение затруднено (Цагарели, 1891. С. 4).

Из письма митрополита Максима, посла Соломона I в России, от 1769 г. следует, что осетинская дорога от Моздока до Имеретии рассчитана на пять дней ходьбы. Отрезок дороги, который проходит через Осетию и Малую Кабарду, рассчитан на два дня ходьбы, но дорога настолько плоха, что движение по ней арбой невозможно. Она удобна только для путешествия верхом на коне. Приспособить дорогу для колесного транспорта возможно, но движение по ней зимой все-таки затруднится. Пешее движение по дороге удобно в любое время года (там же. С. 30).

Нарские влиятельные лица в 1783 году писали Потемкину, что «от Валагирского округа даже до нас удобно сделать хорошую дорогу, по которой арбы будут свободно проходить, а от нас до самой Имеретии такую же дорогу провести удобно» (ЦГ ВИА, ф. 52, оп. I/194, д. 286, ч. I, св.109, л. 153).

В январе 1768 г. архимандрит Григол, посланный к имеретинскому царю, из-за большого снега в осетинских горах не смог по короткой дороге из Кизляра добраться в Имеретию и был вынужден перебираться через Картлийскую дорогу (Цагарели, 1891. С. 4). В Имеретию по отмеченной дороге в 1783 г. перешел капитан Штедер. Он досконально описал маршрут своего движения. В этом описании дается тогдашнее состояние Военно-Осетинской дороги. До Нузала дорога была легко проходима, а после дорога сужалась и передвижение осложнялось. При переезде из Нара в Глолу через Мамисонский перевал необходимо было преодолеть большой спуск. В обратном направлении преодоление этого спуска Штедеру показалось трудным, и поэтому при возвращении из Кутаиси в Нар он выбрал другой маршрут (через Закка). Контроль за дорогой, как в случае с Дарьяльской дорогой, осуществляли осетины, предъявляя к путникам определенные требования. В частности, от Штедера влиятельные осетины, проживавшие в Мамисонском ущелье, взамен его пропуска потребовали, чтобы тот примирил их с имеретинским царем Соломоном. Из затруднительного положения его спас верный кунак из тех же влиятельных кругов осетин, проводив его до Имеретии (ЦГВИА, ф. 52, оп. I/194, д. 286, ч. I, св.109, л. 320).

Из письма нарцев следует, что, в результате проведения незначительных работ на некоторых участках дороги, она могла бы стать пригодной для гужевого транспорта от Имеретии до российских центров Северного Кавказа. Что же касается решения Штедера заменить маршрут при возвращении из Имеретии, чтобы проехать мимо Мамисонского ущелья, объясняется не столько трудностью преодоления подъема, сколько невыполнением требований мамисонских осетин примирить их с Соломоном. Штедер застал Соломона тяжело больным и, естественно, не смог бы примирить его с осетинами. Осетины же проживавшие в Нарском районе, проявляли большие симпатии к русским и, наоборот, способствовали кон-

тактам с ними. Упомянутое письмо нарцев к Потемкину было ответной благодарностью к нему из-за его посредничества перед царем Соломоном I, в результате чего был освобожден нарский Атаров. В письме к Потемкину, отправленном со Штедером, осетины просят: «Письмо направили к Вам с помощью капитана Штедера, которому, по мере возможности, помогали. Просим милости, чтобы с конца до начала Ардонской воды провели аробную дорогу, и там, где Вам понравится, там выставить караулы с пушками» (ЦГ ВИА, ф. 52, оп. I/194, л. 194, ч. 3, л. 6).

Нарские осетины ясно себе представляли, что для связи с Закавказьем дорога, проходящая через территорию их проживания, имеет большое значение. Поэтому они стремились вызвать интерес русских к прокладке дороги. Другое дело — реальность воплощения такого желания в тот момент. Тем не менее в условиях все более прогрессирующих взаимосвязей между Россией и Грузией внимание к этой дороге росло, и, следовательно, росла роль осетин во взаимоотношениях этих двух стран. Политическая верхушка Картли-Кахетии, в свою очередь, высоко ценила преданность нарских осетин. В таких отношениях они нуждались не только для получения военной помощи, но и для безопасного пользования дорогой, проходящей через территорию соседей и связывающей с Россией. Многие нарские дворяне получили жалованья и милости от грузинских царей.

Существовала также дорога, связывающая Имеретию с Дигорией. Вахушти отмечал, что у начала «воды Баделидзевых (Баделидзевы — по Вахушти, а по-осетински — Бадилата, были господствующей в Дигории феодальной фамилией. — *Г.Т.*) дорога переходит в Касарскую впадину, в Жгельское ущелье, дальше идет через Черкесию» (Вахушти, 1941. С. 116). Из Дигории одна дорога прямо спускалась в Глолу (Рача). На этой дороге, у подножья Кавказа, в высокой скале есть большие пещеры. Путники там ночуют, а утром отправляются и прибывают в Глолу. В обратную дорогу там же делают привал» (там же). Из Дигории дорога переходила в Геби. «Но по этой дороге летом перемещаются верхом на лошадях, и то с трудом. В другое время года здесь даже пешее движение затруднено» (там же. С. 117).

В 1650—1652 гг. российские послы в Имеретии Толочанов и Ивлиев, с целью прибытия в Имеретию, проехали Большую Кабарду, поднялись вверх по реке Урух, чтобы попасть прямо в Рачу. От истока Уруха через перевал Гурдзивцаг можно было прямо прибыть в Глолу. Из-за неблагоприятных политических обстоятельств, по причине вражды арагвского эристава, они решили прибыть в Рачу обходным путем: проехать Балкарию и через труднопроходимый Гезевцекский перевал переехать в Рачу (Полиевктов, 1932. С. 39—41).

В. Маевский про Годивцагский и Гурдзивцагский перевалы писал, что они в старое время хорошо были известны. Они по притокам Уруха связывали дигорских осетин с Имеретинским районом —

Рачей (В. Маевский, 1896. С. 108–109). По этим перевалам, по всей вероятности, в 1724 году осуществился переход Вахтанга VI, с его многочисленной свитой, в Россию. Сам Вахтанг так описал свой маршрут: «Выехали Рачинской дорогой, прибыли в Дигорию, а оттуда – к Бакишвили» (Броссе, 1861. С. 161–162). Из маршрута следует, что значительную помощь Вахтангу в этом деле оказали осетины и кабардинцы.

Кроме перечисленных дорог, Вахушти упоминает и другие дороги, связывавшие Грузию с Северным Кавказом, в частности с Северной Осетией. По всей вероятности, и по этим дорогам местного значения осуществлялось интенсивное сообщение, раз Вахушти перечисляет и характеризует их эксплуатационные характеристики. В нашем распоряжении имеются документы, в которых отражаются экономические связи Осетии с Грузией и то большое значение, которое имели эти дороги в жизни двух соседних народов. В случае закрытия Дарьяльской дороги в Картли можно было попасть через Куртатинское ущелье. Когда в 1804 г. в связи с восстанием в Мтиулетии закрылась Дарьяльская дорога, русские войска должны были войти в Грузию по Куртатинскому ущелью, а далее – по Маграндвалети (Акты, II. С. 325). Этот маршрут называли курьерской дорогой. По этой дороге капитаном Никольским в 1804 г. была переброшена сотня. При этом прошли такие места, что, по сведениям Цицианова, даже осетины дивились (там же. С. 622). Генерал-лейтенант Кноринг в 1802 г. по поводу этой дороги докладывал императору о том, что по ней «в средних месяцах лета следовать без обозов удобно и выводит прямо через Кавказские горы в Карталинию, к крепости Цхинвальской» (Акты, I. С. 377). По Куртатинской дороге в 1802 г. генерал Лазарев послал курьера, который вернулся той же дорогой. Однако дорога была труднопроходимой и опасной.

Чиновники царской России после присоединения Картли-Кахетии начали энергично выявлять дороги, связывающие Кавказскую линию с районом Картли. Полковник Симонович в 1802 г. писал Лазареву, что «сказанный шт.-кап. (Осипов. – ***Г.Т.***) узнал три дороги, ведущие отсель через жилища разных сел осетинцев на Кавказскую линию, – а именно: для пеших только проходимую дорогу на ущелье Кешельту через снеговую гору Зикари в Нару и Куртаули, а для конных способные в летнее время дороги по ущелью Джомагу чрез Заху в Куртаули же, и наконец из Белоти чрез Маграндвалет в Куртаули же» (там же. С. 499). Все три отмеченные дороги фактически являются вариантами одной дороги, проходящей из Картли в Куртаули. Маршрут Кешельта – Зикара – Нар – Куртаули был предназначен для пешего путешествия, а два остальных маршрута: Дзомаг – Заха – Куртаули и Белоти – Маграндвалети – Куртаули – для конного путешествия. Все три маршрута легко связывались с Цхинвалом. Отправляясь из Куртаули и следуя

по Трусовскому ущелью, можно было выйти и на Военно-Грузинскую дорогу.

Кроме указанных дорог, в пределах Центрального Кавказа существовали и другие переходные дороги и тропинки, через которые многие районы Картли и Имеретии связывались почти со всеми частями Осетии. Они в системе тогдашних международных отношений фигурировали незначительно. Зато в истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов играли определенную положительную роль. Маршруты этих дорог и тропинок следующие:

Бахфандагский (по-осетински – конная дорога) переход спускается в Лиахвское ущелье, западнее от Рокского перевала.

Вторая дорога через Зикарский переход направляется от Джинат-Зругского ущелья и у села Борджниси соединяется с Рокской дорогой (восточная ветвь Осетинской дороги).

Третья дорога через перевал Дзедо из бассейна Ардон-Зруга спускается в ущелье р. Джоджора. Здесь она разделяется на несколько ответвлений. Одна ветвь направляется на восток и, пройдя Кемультское ущелье и село Сохта, соединяется с Рукской дорогой у села Хвела. Вторая ветвь направляется на юг вдоль течения р. Джоджора и соединяется с Джав-Онской дорогой. Отсюда она по ущелью Паца направляется на северо-запад и переходит в Они[14].

Четвертая дорога через Сбийский перевал направляется из Закка в Трусовское ущелье и у села Коб соединяется с Военно-Грузинской дорогой. Этим же переходом из Закка направляется и другая дорога, которая у села Едис разделяется на несколько ответвлений. Одна ветвь по ущелью Малой Лиахвы соединяется с селением Ванати и картлийскими селами. Вторая ветвь через с. Ерман и озеро Кели связывается с Жамуром и Ксанским ущельем. Третья ветвь через ущелья Бритат, Гудисдона и Чимасдона соединяется с Рукской дорогой (Гвритишвили, 1949. С. 116–117).

Кроме дорог, непосредственно связывающих Северный Кавказ с Грузией, следует сказать и о той дороге, по которой северные районы Западной Грузии осуществляли связь с северными районами Картли и Кахетии посредством Наро-Мамисона, или Двалети. Этот путь пересекал Военно-Грузинскую дорогу, что придавало ему определенное значение. Однако данная дорога была труднодоступной, и к ней прибегали только в крайних случаях. Изгнанный персами в Имеретию царь Теймураз в 1636 г. через Двалетскую дорогу перешел в Душети, а оттуда «добивался отнять Картли у царя Ростома» (Вахушти, 1913. С. 72). По сведениям монаха Егнаташвили, арагвский эристав Заал сообщает царю Теймуразу, находящемуся в Имеретии: «Приезжай и поставлю царем». Из Имеретии Теймураз не мог отправиться через Картли, поэтому поехал через Двалетию и прибыл в Ананури» (Житие новой Картли, 1940. С. 172–173).

Эта дорога в грузино-осетинских взаимоотношениях упомина-

ется в связи с тем, что она проходила через районы, населенные осетинами. И если она связывала северные районы Имеретии с Картли-Кахетией, то, разумеется, и осетины могли пользоваться ею с той же целью.

Население горских районов Западной Грузии к услугам данной дороги в основном обращалось по экономическим соображениям, особенно тогда, когда из-за феодальных внутренних войн или волнений становилось невозможным установление связей традиционными путями. Есть сведения о том, что сваны на заработки средств существования в Кахетию отправлялись через Двалетскую дорогу. Из так называемой «Кровной книги» (датирована 1490–1503 гг.), заключенной между князьями Джапаридзе и Верхней Сванетией, следует, что князья Джапаридзе сванам с юга перекрыли дороги и больше не пускали в низменные районы Имеретии, где они добывали средства существования, которых не давала местная скудная земля. В «Кровной книге» говорится: «Вы нам причинили много вражды, – жалуются сваны на Джапаридзе, – никуда не можем податься для добывания средств существования. Сто сванов через Двалетию без вашего ведома смогли перейти в Кахетию. На обратной дороге, опять же через Двалетию, вы об этом узнали, устроили засаду между Глолой и Чиора, ограбили. Из ста человек отпустили двоих для оповещения, остальных пленили и увели в Они» (Ингороква, 1941. С. 41).

Этой же дорогой воспользовался царь Арчил, когда в 1700 г. из Рачи отправился в Россию. Кавказские горы были покрыты снегом, и целым семейством трудно было их преодолеть. Поэтому он через Лиахвское ущелье перешел в Тагаури, там перезимовал и весной 1701 г. отправился в Россию (Вахушти, 1913. С. 330).

Без сомнения, данная дорога хорошо была известна, и в случае занятия врагом низменных районов Грузии эта дорога оставалась основным маршрутом, связывающим Имеретию с Картли-Кахетией. Врагу трудно было подчинить горные районы Грузии, и поэтому они становились центрами освободительной борьбы против завоевателей.

Таким образом, во взаимоотношениях грузинского и осетинского народов все большее значение приобретали перевальные дороги. Поэтому не случаен тот факт, что осетины, проживавшие в бассейнах основных перевальных дорог, являлись основной движущей силой в отношениях с грузинским миром. Что же касается южных осетин, то они были в более тесных экономических, социальных и культурных связях с грузинским народом. Основная масса южных осетин считались политически подданными Картли и частично Имеретии, а во многих местах они проживали смешанно с грузинами. В таких условиях они не нуждались в поисках специальных путей сближения с грузинским народом, и, следовательно, взаимоотношения этих народов протекали в естественном русле.

ГЛАВА II

Краткая характеристика социально-экономического положения и политической структуры Осетии XV–XVIII вв.

Для изучения взаимоотношений двух соседних народов, природы этих отношений, необходимо показать социально-экономическую и политическую структуру каждого из этих народов, ибо она является основой, на которой, в той или иной степени, основываются прочность, продолжительность и характер этих взаимоотношений.

С этой точки зрения мы кратко коснемся социально-экономического положения и обстоятельств, сложившихся в осетинском обществе в рассматриваемый период. Что же касается социально-экономической структуры Грузии, то мы ее отдельно не выделяем и в данной работе коснемся этого вопроса в контексте раскрытия конкретных фактов грузино-осетинских взаимоотношений. Это объясняется тем обстоятельством, что в этих контактах инициатором выступала Грузия, задавая тон этим отношениям. Во взаимоотношениях с соседними народами, в том числе и с осетинским народом, она исходила из своих политических и экономических интересов.

Общепризнанным считается, что в VIII–IX вв. в Осетии шел процесс зарождения и формирования феодальных отношений, завершившийся образованием крупного политического объединения. Это новое политическое образование в IX–XII вв. выполняло значительную роль в истории народов Северного Кавказа.

Образование этого крупного политического объединения было обусловлено не только всем ходом социально-экономического развития, но и некоторыми моментами политического характера (необходимость защиты от хазаров, половцев и других кочевых племен).

В XI–XII вв. правящие феодальные круги Осетии вели активную внешнюю политику. Они имели тесные связи с феодальной верхушкой Грузии, Византии и Киевской Руси, активно участвовали в политической жизни.

Уже в XII в. в Осетии шел процесс раздробления феодального общества. Этот процесс был обусловлен внутренним развитием страны – углублением феодализации общества. Именно в таком состоянии Осетия подверглась нашествию монголов. В результате их опусто-

шительных походов осетины, населявшие обширные равнины Северного Кавказа, покинули свои прежние места проживания и рассеялись по разным направлениям. Многие из них, оторвавшись от своего народа, смешались с другими народами, растворились среди них и потеряли свою этническую индивидуальность.

Та часть осетин, которая в результате монгольских нашествий укрылась в Кавказских горах, сохранила свою этническую индивидуальность, но с точки зрения социально-экономического и политико-культурного развития отстала. За монгольскими нашествиями последовало полное разорение страны, физическое уничтожение значительной части населения, уничтожение производительных сил, политическая децентрализация государственного организма, снижение ее внешне- политической роли.

С этого времени (XIII–XIV вв.) часть осетин, сконцентрировавшаяся в Кавказских горах, начала двигаться в сторону горных и низменных районов Картли, и таким образом формировалась основа нынешнего населения Южной Осетии. Отсюда следует, что Осетия в XV–XVIII вв. уже больше не являлась единой политической организацией. Она распалась на отдельные общества, связи между которыми носили случайный характер. Однако тот факт, что Осетия XI–XII вв. являлась сильным политическим образованием, не противоречит факту исчезновения такой политической организации в последующие века.

Увеличение числа царей и князей в Осетии в XII в. (Картлис цховреба, 1955. С. 356) говорит о начале политической раздробленности раннефеодального государства Осетии. Не успев преодолеть процесс раздробления (закономерное явление на определенной ступени развития), раннефеодальное общество Осетии под тяжестью монгольских нашествий прекратило свое существование. В разоренной стране равнинные районы, имеющие перспективы развития, были заняты врагом, а основная часть осетин оказалась зажатой и сконцентрированной в бесплодных ущельях Кавказских гор. Здесь они оказались в тяжелейших материальных условиях, а развитие феодальных отношений было заморожено надолго. По уровню социально-экономического развития горные районы всегда отставали от низменных районов. Поэтому условия жизни в горах способствовали оживлению и упрочению патриархальных тенденций. В результате развитие общества зашло в тупик, что явилось логическим следствием объективных причин и условий.

Исчезновение центральной власти в Осетии после нашествия монголов оставило глубокий след в жизни осетинского народа. Естественным и логическим результатом создавшихся обстоятельств стала анархия, охватившая Осетию с середины XIII в. По сведениям доминиканского монаха Юлиана (середина XIII в.), внутреннее положение в Осетии (Алании) было настолько напряженным, что насе-

ление на вспашку могло выходить только целыми селами и вооруженными (Записки, 1863. С. 999). В таких условиях обеспечение безопасности личности возможно было только с помощью общинной организации. Этим, а также тяжелыми условиями жизни в горах, можно объяснить возрождение общинно-родовых отношений.

Пагубные последствия монгольских нашествий для социально-экономического развития Осетии были тем более тяжелыми и губительными, что такой удар был нанесен тогда, когда шел процесс сближения отдельных осетинских племен, когда уже были созданы предпосылки и условия для создания прочной государственной организации, образования осетинского народа (История, 1959. С. 84).

Обессиленным от монгольских нашествий осетинам последний удар нанес Тимурленг. Его борьба на Северном Кавказе с ханом Золотой орды Тохтамышем окончательно разорила целые районы Осетии. Тимур, уверенный в том, что грузины получают военную помощь от осетин, предпринял попытку осуществить поход на Осетию и с закавказской стороны. Он вторгся в ущелье Арагви и оттуда совершил поход в Дарьяльское ущелье. Однако, подвергаясь постоянным нападениям горцев, вскоре был вынужден отказаться от этой затеи. Но это уже не помогло Осетии — политическое объединение осетин было окончательно разрушено, погибли памятники материальной культуры, безжалостно было истреблено население, только малая часть спаслась в горах.

В XV в. итальянский путешественник Иосиф Барбаро, путешествуя на Северном Кавказе, писал: «Народ сей (аланы-ясы. — *Г.Т.*), исповедовавший христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих» (Путешествие, 1936. С. 6).

В XV–XVIII вв. осетины проживали на обоих склонах Центрального Кавказа. На северных склонах в ущельях с востока на запад были расположены: Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское общества. В высокогорной зоне Центрального Кавказа, между главным и потусторонним хребтами располагалось Наро-Мамисонское общество. По южную сторону хребта осетины проживали в районах верхнего течения Большой и Малой Лиахвы, в ущельях Ксана и Арагви. Горный рельеф затруднял взаимосвязь отдельных обществ, обрекая их жить в обособленных условиях. Тем не менее они не прекратили общаться не только между собой, но и с Закавказьем. Из каждого общества в сторону Закавказья вели дороги и тропинки, с помощью которых осетины связывались с различными районами Грузии.

Для более полной характеристики осетинской экономики тех времен нужны соответствующие материалы, которыми мы не располагаем. Но и сохранившиеся скудные сведения дают возможность объяснить экономические мотивы взаимоотношений грузинского и осетинского народов.

Экономика Осетии в рассматриваемый период была своеобразной. Из-за горного рельефа пригодная для пахоты земля была мизерной и бесплодной. По описанию Вахушти Багратиони, «плодородие этой страны очень незначительное. Из зерновых, кроме ячменя, овса и пшеницы, ничего не сеют. И те, из-за холодов, поздней весны и ранней осени, — неурожайные. Кроме того, по причине малоземелья и скалистости, сеют мало. Вдобавок ко всему, частые грады уничтожают посевы, в результате чего население часто голодает» (Вахушти, 1941. С. 108).

По сравнению с земледелием, сравнительно лучшие условия существовали для животноводства, которое и являлось основной хозяйственной отраслью. Однако нехватка сенокосных угодий и пастбищ не давала возможности увеличить поголовье скота. Горные пастбища не могли в течение года обеспечить скот кормом, да и условия для заготовки кормов в достаточном количестве отсутствовали. Поэтому необходимо было перегонять скот на весенние и осенние пастбища. Однако таких пастбищ у осетин не было, а получение права пользования ими у соседних народов не являлось легким делом. По этой, в том числе, причине и масштабы животноводства были ограничены. По сведениям Вахушти, в Осетии из-за нехватки пастбищ и сенокосных угодий не могли в достаточном количестве держать скот. «Овец хвостатых и без курдюков могли держать в количестве 20, 40, 100; лошадей и коров — не более 10, 20, 40. В Осетии продукты животноводства получались более вкусными, чем в других местах» (там же. С. 109). «Охота по-прежнему оставалась одной из основных подсобных отраслей осетин. В горах Осетии в достаточном количестве обитают олени, туры, косули, зайцы, медведи и др.» (там же).

Слабо было развито ремесленное производство. По Вахушти, осетины знали выделку кожи, ткали шерстяные ткани, готовили валяльные изделия, добротные бурки. «Знают кузнечное и слесарное дело, обработку дерева, домостроение» «Из ископаемых в Осетии распространены серебро, свинец, железо, сера, селитра, горный хрусталь» «Из земли извлекают свинец, серу, селитру. Женщины шьют и ткут добротно» (там же. С. 111). Как видно, кузнечное и слесарное дело, изготовление оружия, обработка дерева, домостроение были развитыми видами ремесла. Но при этом целый ряд отраслей носил домашний, натуральный характер, удовлетворяя, таким образом, собственные потребности своим же производством. Практиковались и торгово-обменные операции как внутри страны, так и с соседними народами.

Богатство осетин, по Вахушти, составляло ружье, сабля, цепь, броня, медь, серебро и золото (в малом количестве); «нет у них денежного знака вроде грузинской тетры; вместо денег в процессе обмена применяют бурку, черкеску, шерсть, суровое полотно, овцу,

корову, лес и др.» (там же. С. 111). Отсюда следует, что торговля в Осетии носила обменный характер. А сведения о том, что осетины не имели денег, а их роль выполняли различные предметы и скот, нельзя воспринимать в абсолютном смысле. Осетины, правда, не имели собственной денежной единицы, но они имели источники денежных доходов и поэтому во взаимоотношениях с соседними народами деньги, разумеется, занимали определенное место.

Непосредственные же обменные операции (купля-продажа) осуществлялись внутри страны. Вместе с тем следует отметить, что в Осетии для развития торговых отношений существовали неблагоприятные условия, в частности неразвитость производительных сил, феодальная раздробленность, сильные пережитки патриархального строя.

В XV–XVIII вв. земля в Осетии являлась предметом частной собственности. При этом процесс разложения родового строя и развитие феодальных отношений отличались определенным своеобразием. В этом отношении к действительности Осетии вполне применимо высказывание Ф. Энгельса о том, что в узких ущельях гор родовая земельная собственность очень рано сменялась семейной собственностью и в распоряжении общины оставались только необработанные земли (Маркс, Энгельс, 1959. С. 633).

За установлением семейной собственности на пахотные земли последовало право отчуждения земель сперва в пределах рода, а затем и за его пределами. Результатом стало образование полигенных деревень. Купля-продажа земли стала обычным делом (История, 1959. С. 91–92).

Внутри общины в условиях упрочения частной собственности на землю образовывались так называемые «сильные», или «влиятельные» роды за счет присвоения пастбищ в горах, лесов, покосов. Перед опасностью внутренних беспорядков и внешних угроз к их покровительству часто обращались слабые роды. Такое покровительство со временем переходило в феодальную зависимость. Сильным родам другие роды предоставляли людей для защиты своих табунов и пастбищ, сохранения спокойствия, давали определенные вознаграждения в виде «подарков». В последующем эти сильные роды начали присваивать общинные земли и скот, а прежние «подарки» приняли форму обязательных податей феодалам.

Однако к тому времени феодализм в Осетии все еще не оформился, ибо взаимоотношения между феодалами и зависимыми от них представителями общины в основном оставались прежними, основанными на обычном праве. Клановая борьба, эксплуатация и угнетение были переплетены с остатками патриархально-родовых отношений. Сами представители феодальных кругов были заинтересованы в сохранении общинных форм землепользования, ибо такие отношения за счет свободной общины давали им возможность расширения феодальных отношений. И поскольку феодальная за-

висимость была завуалирована системой общинного землепользования, то и феодальная эксплуатация была облачена в костюмы родовых обычаев и патриархальных традиций. Аталычество (передача детей на воспитание), родовая взаимопомощь и другие псевдородственные отношения скрывали факты личных взаимоотношений (Фадеев, 1958. С. 135–136).

В рассматриваемый период осетинское общество делилось на два основных класса: господствующий класс, известный под общим названием «алдаров», и класс подчиненных, состоявший из адамихаты (фарсаглаги), кумаяги (кавдасарды) и кусаги (работники-рабы).

В отдельных обществах Осетии феодальные круги были известны под названиями: в Дигории, где уровень развития феодальных отношений был наиболее высоким, их называли баделятами (потомки легендарного Бадила); в Стур-Дигоре – царгасатами; в Донифарсе – гагаутами; в Тагаурии – тагиатами; в Алагире – Царазоновыми; в Куртатинском ущелье – Цаликовыми, Есиевыми, Тезиевыми, Гуриевыми; в Наро-Мамисоне господствующим социальным слоем был стырмыггаг (большая фамилия), представители которого эксплуатировали более слабые фамилии.

В Дигории баделята делились на 7 фамилий, на которых трудились адамихаты. Эти последние имели право перехода от одного помещика к другому, но при этом они должны были всегда выполнять определенные обязанности перед тем или иным баделятом. Движимо-недвижимое имущество адамихата находилось под высочайшим правом баделят. Землей адамихаты владели свободно, но в случае желания продать землю они ее должны были сперва предложить баделятам. Если же семья по мужской линии вымирала, то все имущество переходило к баделятам. А если адамихат уходил за пределы Дигории, то и в этом случае его имущество оставалось феодалу. Баделята произвольно пользовались его скотом, например, лошадью. Адамихат был обязан осуществлять определенные выплаты в пользу баделят: отдать быка при выдаче замуж дочери, при разделе семьи – также быка, в случае поминок – овцу; давали также шкуру убитого зверя. Каждый двор ежегодно платил помещику двух овец за охрану пастбища, так называемую «пастбищную ренту». Такие выплаты для всех адамихатов были более или менее одинаковыми, с той лишь разницей, что в различных местах происходило их варьирование. Например, в предгорной полосе баделята обязывали адамихатов осуществить, помимо натуральной ренты, и трудовую ренту. Каждая семья была обязана вывести на пахоту, а также на уборку урожая, одного человека в неделю. Их же обязывали отдавать определенное количество зерновых, сена, дров и т.д. (История, 1959. С. 94–95).

В Дигории следующим разрядом зависимых слоев общества являлись кумаяги (кавдасарды). Они были потомками алдаров от «не-

законной», т.е. социально неравноправной женитьбы. Они воспитывались вместе с «законными» детьми феодала и формально считались их «младшими братьями». Они должны были мстить за кровь друг друга. В остальном они находились в положении семейных рабов и выполняли любую работу в семье и в поле. Когда у «незаконной» жены (по-осетински — «номылус») того или другого феодала умирал муж, а у нее был сын от феодала, то он имел право отделиться. При этом он получал кусочек земли, пару волов, котел, топор и веревку. В последующем они платили такие же платежи, как и адамихаты, часто и больше. Кумаяги для феодалов являлись источником рабочей силы.

В категории зависимых наиболее низкую ступень занимали рабы (кусаги). Источником рабства в Осетии были пленные и их купля-продажа. Рабами обычно являлись люди неосетинского происхождения. Скупку пленных осуществляли осетинские феодалы. Они похищали пленных у соседей и продавали в отдаленных районах страны. Пленные являлись полной собственностью их обладателей с правом их продажи, дарения и физического наказания. Рабы выполняли всю работу в хозяйстве помещика. Вместе с тем они могли приобретать движимое и недвижимое имущество.

В Дигории существовала категория так называемых хехесов. Они являлись пришельцами из разных ущелий. Лично хехесцы были свободными, но так как проживали на землях, принадлежавших тому или иному феодалу, они обязаны были платить подати. Эта категория напоминает «хизанов», хорошо известных в грузинском феодальном обществе.

Аналогичная ситуация феодальных отношений была и в Тагаурии. Феодалов (алдаров) здесь называли тагиатами. В их зависимости находились фарсаглаги («побочные люди», или люди, находящиеся в зависимости). Дигорским кумаягам здесь соответствовали кавдасарта («рожденные в хлеву»). Здесь же была и категория кусагов (рабов).

В Тагаурии земля считалась собственностью тагиатов. Они насчитывали 11 фамилий. Позднее девять из этих фамилий были вынуждены продать свои земли феодалам и сохранить только те земли, на которых сами располагались. В результате только две сильные фамилии — Дударовы и Кануковы сохранили свои земли и по-прежнему от каждого двора в год брали налоги: ягненка, овцу, арбу сена, сыр, 10 «гиранка» топленого масла, кусок мяса при забое скота. Кроме того, каждая семья была обязана вывести на пахоту, сенокос и жатву одного человека на один день. Среди фарсаглагов были и безземельные. Они проживали на землях алдаров и выполняли дополнительные обязанности — на праздниках, свадьбах или поминках они преподносили подарки натурой, а во время путешествий или походов сопровождали и присутствовали в его свите.

Если же они переходили к другим феодалам, то все принадлежавшее им недвижимое имущество оставалось в распоряжении прежнего феодала. Кавдасарды в Тагаурии находились в таком же положении, в каком кумаяги в Дигории.

Подобные же феодальные отношения существовали и в Куртатинском ущелье. Сравнительно слабо они были развиты в Алагире. Здешний социальный верхний слой (на языке российских официальных документов XVIII в. – «старшины») управлял народом и эксплуатировал его. В Наро-Мамисонской котловине такую функцию осуществляли сильные фамилии.

Южные осетины находились в зависимости от грузинских феодалов. О них речь в работе пойдет отдельно.

В Осетии феодализм характеризовался определенным своеобразием. Феодалы считались равными между собой, вассальной зависимости во взаимоотношениях не существовало, то есть не существовала так называемая феодальная лестница. Однако вассалитет не всегда был чуждым явлением для осетинской общественности. В грузинских исторических источниках XI–XIII вв. в Осетии упоминаются цари, великие князья и князья (Картлис цховреба, 1955. С. 313; Картлис цховреба, 1959, II. С. 251). Их взаимоотношения, безусловно, были построены на принципах вассалитета. В последующем, в результате монгольских нашествий и политической децентрализации страны, было покончено со взаимозависимостью феодальных кругов и наступила феодальная анархия. Доминиканский монах Юлиан про осетин XIII в. писал, что в Осетии сколько есть ущелий, столько и господ, но при этом ни один из них другому не подчиняется и не собирается подчиняться (Юлиан, 1898. С. 999). Одним словом, осетинская общественность не смогла преодолеть феодальную раздробленность, в результате чего ее дальнейшее развитие ощутимо затормозилось.

О социальном положении осетин XVIII в. Вахушти Багратиони давал следующие сведения: «Осетины делятся на следующие фамилии: Сидамоны, Чахилидзе, Тагаурцы, Куртатины, Баделидзе, Черкесидзе, Басианы. Они являются высшим слоем общества, защищают свои фамилии, помогают друг другу или идут друг на друга войной, распространена кровная месть. Если убивают кого-нибудь из одной фамилии, то эта фамилия не успокоится до тех пор, даже до бесконечности, пока не отомстит и тоже не убьет кого-нибудь из кровной стороны» (Вахушти, 1941. С. 111).

В грузинских документальных материалах XVIII в. верхний социальный слой осетин называли дворянами, в редких случаях – князьями. Капуцинский монах Карл Диониджио к концу XVII в. упоминает и великого князя, на дочери которого Георгий XI женил своего сына с целью получения политической поддержки (Диониджио, 1951. С. 171). Какой политической властью обладал этот ве-

ликий князь, остается неизвестным. Но то, что он имел определенное политическое влияние и мог оказать союзнику определенную военную помощь, не вызывает сомнения. Многих представителей верхнего социального слоя осетин грузинские политические верхи путем раздачи подарков и назначения жалований привлекали на свою сторону в борьбе против внутренних и внешних врагов. В результате таких отношений представители правящих кругов осетин получали не только материальную выгоду, но и еще больше укрепляли свое положение и влияние на местах.

Таким, в общих чертах, на основе имеющихся исторических материалов, представляется нам осетинское общество в рассматриваемый период. Политическая раздробленность и низкий уровень социально-экономического развития, естественно, влияли на уровень отношений с внешним миром и одновременно определяли характер этих отношений.

ГЛАВА III

Экономические взаимоотношения грузинского и осетинского народов в XV–XVIII вв.

Народы Закавказья с давних времен имели широкие связи с внешним миром. Расположение Закавказья на значительных торгово-караванных магистралях, соединяющих восточные страны с западными, а южные – с северными, обусловливали характер и масштабы его отношений с внешним миром. Такое положение, без сомнения, оказывало положительное влияние и на экономические отношения грузинского и осетинского народов. Грузия на всем протяжении своей истории являлась основной политической единицей в Закавказье. Осетия же, благодаря своему центральному положению на Северном Кавказе и наличию путей сообщения между южными и северными странами, в экономическом отношении для Грузии могла быть таким же значимым партнером, каким она являлась в военно-политической сфере.

Исследователь, рассуждая о грузино-осетинских взаимоотношениях, оказывается перед большими трудностями. Материалы, на основе которых данный вопрос можно было бы интерпретировать, крайне скудны и фрагментарны. Однако такое положение не дает нам права уклоняться от освещения этого вопроса. По мере возможности постараемся изложить его по тем материалам, которые находятся в нашем распоряжении.

В работе «Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древних времен до конца XIV в.)», на основе литературных источников, а также соответствующих археологических материалов, нами сделана попытка схематично представить грузино-осетинские взаимоотношения. Было показано, что и тогда между грузинскими и осетинскими народами существовали довольно прочные экономические связи. Нехватка соответствующих материалов не дала нам возможности до конца разобраться в характере этих отношений. Тем не менее удостовериться в существовании таких отношений в том виде и объеме, в каком это нам удалось, представляет определенный интерес.

Так же, как и в древности, в рассматриваемый период в характере и содержании грузино-осетинских экономических отношений значительную роль играли кавказские перевальные дороги. Во все эпохи они имели большое торговое и стратегическое значение. Зна-

чение и использование этих дорог в первую очередь было обусловлено политической историей кавказских народов. Дороги, особенно Дарьяльская, помимо их большого транзитного значения, не меньшее значение имели для налаживания экономических взаимоотношений. Осетины были кровно заинтересованы в этих дорогах, ибо с их помощью крепко были связаны как с Восточной, так и с Западной Грузией.

При рассмотрении грузино-осетинских экономических связей в XV–XVIII вв. следует учитывать политическую раздробленность Грузии, а также отсутствие государственной организации в Осетии и чрезмерную раздробленность последней. Следует иметь в виду и факт существования многочисленного населения осетин на собственно грузинской территории.

Кроме того, при рассмотрении грузино-осетинских экономических взаимоотношений в XV–XVIII вв. следует сделать одно немаловажное замечание: экономические связи южных осетин с грузинским народом (картлийцами, имеретинцами, рача-лечхумцами, сванами) полностью сводились к экономическим отношениям горских и равнинных народов вообще, то есть эти отношения осуществлялись в таких формах, какие они имели место в отношениях между горскими и равнинными жителями Грузии. Влияние этнического момента на формы и характер этих отношений, ввиду его незначительности, в счет не берется. Значительную роль играл только политический фактор, но в отношениях с южными осетинами этот фактор редко проявлял себя по той причине, что они входили в Картлийское царство. Следовательно, главными факторами, влияющими на грузино-осетинские экономические отношения, были природно-климатические условия и, как следствие, различные условия хозяйствования.

Формы и характер экономических отношений Осетии с внешним миром зависели от степени ее экономической самодостаточности, то есть от того, насколько ее экономика нуждалась в пополнении извне. При этом, по всей вероятности, экономические отношения Осетии в основном сводились к отношениям с грузинским миром, ибо в тот период только грузинская экономика давала возможность пополнения экономики Осетии. Что же касается других народов, непосредственно граничащих с осетинами — кабардинцев, балкарцев и чечено-ингушских племен, то они ни своим уровнем развития, ни характером хозяйствования почти ничем не отличались, а в ряде случаев даже находились на более низком уровне (балкарцы, чечено-ингуши).

Вахушти Багратиони в своем географическом сочинении дает подробную характеристику рельефа и климатических зон Кавказа. По Вахушти, Осетия является местом скудным и с колеблющейся урожайностью. Безземельность и скалистость края не давали воз-

можности сеять в достаточном количестве даже те зерновые культуры, которые к местным природным условиям приспособлены сравнительно хорошо. Поздняя весна, ранняя осень и холода делали невозможным ведение более или менее интенсивного хозяйства на имеющихся земельных площадях. Часто град в горных условиях иногда до такой степени уничтожал и без того слабое хозяйство, что за ним немедленно следовал голод (Вахушти, 1941. С. 108).

Данная характеристика Вахушти в основном касается районов Северной Осетии. Что же касается территории, населенной южными осетинами, то, по сведениям того же Вахушти, она является такой же типичной гористой местностью, какой представлена Северная Осетия. При описании Ксанского ущелья Вахушти отмечал: «Гора Зебекура с запада носом упирается в ущелье Ксани, а гора Алева приступает с востока, сужая, таким образом, ущелье скалами». Это место у Вахушти представлено в качестве границы между двумя хозяйственными зонами Ксанского ущелья: «Ниже этой скалы, вплоть до Куры, Ксани является урожайным, виноградным, фруктовым. Выше этой скалы ущелье узкое и тесное, без виноградников и фруктовых садов, лесисто-скалистое, как и другие подобные горные места» (там же. С. 68).

Такие же характеристики даются и другим ущельям — Колот-Квитквири, Цхрадзма, Карчохи, Жамура. Колот-Квитквири выше Захо «совсем гористая»; Цхрадзма, Карчохи, Жамура «по урожайности не отличаются от других горных местностей» (там же. С. 69—70).

Ущелье Малой Лиахвы выше Ваната является «безвиноградным, безфруктовым, как и другие ущелья, узкое и более скудное» (там же. С. 71). Ущелье Большой Лиахвы «выше Свера является безвиноградным, безфруктовым» (там же. С. 78). В Кударо та часть ущелья реки Джоджора, жителями которой являются осетины, — «безвиноградная, безфруктовая, подобно другим горным местностям» (там же. С. 160). С хозяйственной точки зрения и ущелье Арагва делится на две полосы, граница между которыми проходит у Ананури (там же. С. 64). По урожайности Маграндвалетия характеризуется так же, как и другие горные местности (там же. С. 71).

Из географического сочинения Вахушти мы привели агроботанические характеристики тех мест, в которых, по его сведениям, проживали осетины. При беглом рассмотрении этих мест очевидным становится, что осетины, проживающие на южном склоне Кавказского хребта, в первой половине XVIII в. жили в условиях хозяйства горной полосы, или, по терминологии Вахушти, в «безвиноградной и безфруктовой» полосе, с характерными для нее скудостью и теснинами.

Сравнительно лучшими были условия для животноводства, но и возможности его широкого развития были ограничены. Нехватка пастбищ и покосных угодий, ограниченность равнинных мест, об-

щая теснота жизнедеятельности из-за скалистости местности, длительная зима не давали возможности держать скот в больших количествах.

В условиях господства натурального хозяйства ограниченность земельных угодий и неблагоприятные природно-географические условия ставили перед осетинским обществом вопрос о необходимости установления определенных экономических отношений с соседними народами. В этом отношении примечательно высказывание академика И. Джавахишвили в отношении Грузии о том, что, ввиду «существования различных сельскохозяйственных и ботанических зон, ни одна община не имела и не могла иметь все, что необходимо было для ее членов» (Джавахишвили, 1930. С. 316). Требовалось восполнить экономически взаимные недостатки. Сказанное относится и к осетинам, но в еще большей степени. Естественно, что отдельные осетинские районы, особенно районы с одинаковыми экономическими условиями, не могли восполнить взаимные недостатки. Единственным выходом оставалось установление экономических связей с отдельными грузинскими районами. Таким образом, южные осетины оказались включенными в тесные экономические отношения с равнинными районами Картли. Такие экономические отношения между равнинными и горскими районами можно представить в качестве составных частей одной экономической единицы.

И. Джавахишвили отмечал, что «жителям равнины нужны горы так же, как горцам равнина. Друг без друга они не могут существовать. Благодаря природным условиям срединная часть Грузии, ее равнина находилась в тесных экономических связях с северными и южными общинами Грузии, и наоборот. Все пути сообщения, в том числе торговые, из горных общин направлялись в сторону срединной части равнины» (там же. С. 317). Подтверждением сказанному являются те многочисленные пути-дороги и тропинки, которые, направляясь из Северной Осетии в сторону юга и пересекая Кавказские горы, проходят через заселенные осетинами горные районы и в различных пунктах связываются с картлийско-имеретинской равниной.

О сильной зависимости горского народа (в том числе и осетин) от равнинных районов говорит жалоба гудамакарских горцев к Гудовичу (1807 г.). В жалобе они указывают на те препятствия, которые им чинятся в деле отношений с равниной, и в конце заключают: «Если из равнины ничего не завезти, то чем можно жить?» (Акты, 1869. С. 108). Данная жалоба является подтверждением жизненной необходимости экономических связей равнинных и горных районов.

Неблагоприятные условия ведения хозяйства обрекали осетин (как северных, так и южных) на постоянную нужду. Нехватка средств

существования поневоле ввергала осетин в зависимость от тех народов, у которых они приобретали продовольствие. Вахушти в своем сочинении подтверждал факт нехватки отдельных видов средств существования в Осетии и разрешал их завоз из Картли, Рачи и Черкесии (Кабарды). «Для этого, – отмечал Вахушти, – им, из-за нехватки продовольствия, приходилось обуздывать свой край» (Вахушти, 1941. С. 111). То есть осетины вели себя сдержанно в отношении тех народов, у которых покупали средства существования. Этим Вахушти объяснял факт зависимости части осетин от Картли, части – от Имеретии, части – от Кабарды. Данное сведение Вахушти является весьма знаковым, указывающим, что у осетин не все имелось для ведения самодостаточного хозяйства, и поэтому они стояли перед необходимостью систематических экономических связей с соседними народами. Даже такую простую вещь, какой является хмель (растение, необходимое для производства пива), они, по сведениям Вахушти, завозили из Картли, Рачи и Кабарды.

Зависимость осетин от равнинных районов была настолько сильной, что российская власть, с целью преодоления сопротивления осетин, часто в качестве экономических санкций обращалась к запрету получения ими зерна из равнинных районов. Генерал Тучков, чтобы предотвратить участие тагаурских осетин в бунте царевича Вахтанга в 1802 г., счел нужным применение экономической санкции, запретив продавать им зерно (Акты, I. С. 271). В 1804 г. в ответ на самоуправство и неподчинение тагаурских осетин царской власти генерал Цицианов призывал: «Запереть в Грузию тагаурцам дорогу, а Моздокскому коменданту предписать, чтоб всех тагаурцев, кроме Ларского, не пускать» (Акты, II. С. 552). 24 мая 1804 года Цицианов писал исполнительной власти, что в связи с ограблением армянского торговца Зубалова он потребовал от майора Казбека, чтобы тот не пускал тагаурских осетин в Грузию. «Несмотря на это, мухранские и душетские осетины едут туда (в Тагаурию) и привозят нужные им товары. Для эффективности мероприятий нужно, чтобы и отсюда не допускали осетин в Тагаурию» (там же. С. 552–553). Как видим, российские власти хорошо были осведомлены о значении отношений осетин с Грузией и считали их прерывание значительной мерой для наказания непокорных. Обращает на себя внимание и тот факт, что не только тагаурцы отправлялись в Картли, но и из Картли ехали в Тагаурию, привозя нужные товары. В приказе от 26 октября 1804 г. Цицианов требовал от тагаурцев спокойствия и подчинения, а взамен разрешал им брать пошлину в свою пользу в определенном размере. Кроме того, обещал уравнять их с российскими подданными и давал право беспрепятственного приобретения зерна и других нужных товаров в Моздоке и Тифлисе (там же. С. 555).

Приведенные факты указывают на то, что осетины нуждались в больших количествах зерна. Российские чиновники и исследовате-

ли начала XIX в. всегда подчеркивали то обстоятельство, что собственного урожая осетинам хватало только в течение шести месяцев, и поэтому они были вынуждены пополнять свои запасы продовольствия из равнинных районов Грузии.

Осетины, выдвинутые вперед, в сторону картлийской равнины, добивались расширения пахотной земли, постоянно селились в низменных районах и таким образом спасались от нехватки продовольствия. Такое перемещение и переселение осетин поощряли сами грузинские цари и отдельные крупные феодалы. Эти последние были заинтересованы в обустройстве принадлежавших им безлюдных мест на равнинах и росте количества крепостных. Осетины же в свою очередь с энтузиазмом покидали в горах свои места жительства и селились на плодородных равнинах. Этим они не только избавлялись от необходимости покупки продовольствия, но и сами часто выступали в качестве продавцов своих излишков. 10 ноября 1800 г. граф Мусин-Пушкин предъявил Георгию XII условия о передаче руд, существующих в Грузии, для их переработки русскими. В связи с обеспечением будущих рабочих горнорудного производства Георгий XII выражал озабоченность: «Сможем ли найти достаточно хлеба в Картли, Кахетии, Казахе, Борчало и у наших крепостных осетин по своей цене» (Цагарели, 1838. С. 190).

Что же касается осетин, проживавших в горах, то они по-прежнему часть продовольствия получали из равнинных районов. При этом допускается, что масштабы их экономических отношений с низменными районами не могли быть одинаковыми. В урожайные годы горцы были менее зависимы от равнины, а в неурожайные годы — наоборот. И такая ситуация продолжалась в течение всего рассматриваемого периода*. Даже в первой половине XIX в., когда в результате присоединения Грузии и Осетии к России создались более благоприятные условия для оживления хозяйственной деятельности, зависимость населения горских районов от равнины ничуть не изменилась, пополнение продовольственного запаса происходило по-прежнему из равнинных районов. Например, жители села Ардис сеяли пшеницу, ячмень, овес, но этого не хватало для пропитания, и недостающее завозили из Картли путем обмена на скот. Многим селам Ксанского эриставства собственного урожая хватало только на шесть месяцев, остальное продовольствие они доставали путем обмена на шерсть и скот (Гвритишвили, 1955. С. 151). Отсюда, помимо прочего, следует, что для осетин основным эквивалентом зерна, получаемого с Картлийской равнины, были скот и продукты животноводства.

---

*В 1796 году в Картли ожидали прибытия 15 тысяч русского войска. Для обеспечения их продуктами Ираклий II обязал приобрести хлеб у осетин, имеретинцев и жителей Ахалцихе (ГЦИА, ф. 1448, д. 381).— **Г.Т.**

Предполагается, что обмен скота и продуктов животноводства на зерно характеризовался определенным своеобразием. Так как осетины не могли держать много скота (по Вахушти – овец от 20 до 100, лошадей и коров – от 10 до 40 на один двор), они, естественно, старались продавать или обменивать продукцию животноводства в переработанном виде. Для этого у осетин имелись соответствующие навыки и опыт. По этому поводу Вахушти писал, что осетины «знают выделку кожи, ткачество шерстяных тканей, войлочное дело, готовят добротные бурки» (Вахушти, 1941. С. 111). Все эти «искусства» связаны с продукцией животноводства. К ним следует прибавить изготовление сыра и топленого масла.

В 1770–1773 гг. в Грузию и на Кавказ совершил путешествие академик Гюльденштедт. Он довольно подробно описал Хонскую ярмарку (в Имеретии), где по пятницам собиралось много народу. Сюда привозили большое количество товаров как закавказского, так и северокавказского происхождения. Среди товаров были «серые и черные суконные черкески, валяные накидки, поступающие из Басиана и Дигории через Онскую дорогу». Осетины систематически участвовали в этой ярмарке. В экономических отношениях осетин с Западной Грузией большую роль играл Хони. По сведениям того же автора, в Хони «армяне и евреи торговали железными изделиями, изготовляемыми в селе Цедиси, хлопковыми тканями, солью и кукурузной мукой. За этими товарами приезжали сюда осетины из Двалетии и Дигории, балкарцы, сваны» (Гюльденштедт, 1809. С. 317, 355). Осетинские шерстяные ткани (иногда их называли хонскими шерстяными тканями, так как они продавались в Хони и поступали по Онской дороге) были представлены широко и продавались на картлийско-имеретинских рынках. Ткани характеризовались высокой износостойкостью. Особенно дорого ценились дигорские ткани.

Осетинские шерстяные ткани и бурки в качестве налога поступали к царскому двору, а также во дворы царевичей и некоторых феодалов. В некоторых красильнях тканям придавали желательный цвет. Это подтверждается письмом царевича Левана от 23 июня 1780 г. к Сулхану Караханашвили, арендатору Ананурской красильни, где он просил, чтобы тот в счет аренды пекарни передал грубые (невыделанные) шерстяные ткани (Институт рукописей, ф.Hd, док. 12398). Это указывает на то, что, помимо грубошерстяных тканей, производили и тонкошерстяные ткани.

Продукция животноводства являлась основным торговым предметом не только на торговых ярмарках Западной Грузии, но и на торгах Восточной Грузии. Осетины Трусовского и Арагвского ущелий «занимаются овцеводством,... из шерсти делают довольно хорошие войлоки, башлыки, бурки и горское сукно; из молока – сыр, а из шкур – шубы; выделывают кожи, ремни и проч. и продают

оные по Военно-Грузинской дороге, в Душети и Тифлисе» (Акты. VII. С. 349). Несмотря на то, что данная справка датирована 1827 г., тем не менее отмеченная в ней трудовая деятельность трусовских осетин полностью совпадает с характеристикой деятельности осетин, данной Вахушти. Это означает, что продукция, созданная в результате вышеотмеченных трудовых усилий, являлась традиционной торгово-обменной продукцией осетин. Обложение трусовских осетин податями (т.н. хозяйскими податями) в пользу грузинских царей в XVIII в. являлась типичной податью хозяйства, основанного на животноводстве.

В справке первой половины XIX в. говорится, что южные осетины из шерсти собственного производства изготовляют ткани. Шерсть, шерстяные ткани, одежда, сыр и топленое масло обмениваются в Картли на нужные для горцев предметы. Осетин ущелья Большой Лиахвы, направляющихся в Картли по торговым делам, по дороге грабят князья Мачабеловы (ЦГИА, ф.1268, оп. 1845, д. 45, л. 136, 139).

Таким образом, как южные, так и северные осетины стояли перед необходимостью поддерживать экономические отношения с равнинными районами Грузии. Получение продуктов из Грузии являлось предметом их постоянной заботы. В свою очередь, и низменные районы нуждались в той продукции, которую могло предложить им горское население Осетии. На этой почве возникла и продолжала существовать необходимость товарообмена между горцами и равнинным населением.

Однако куплей-продажей и обменом животноводческих продуктов не исчерпывались экономические отношения между осетинским и грузинским народами. Вахушти указывает на целый ряд предметов, которые осетины получали из Картли и Рачи. Среди прочих он называет соль (Вахушти, 1941. С. 111).

По Вахушти, осетины были одеты в рубашки из грубого холста На рубашку надевали короткую до колен черкеску, а сверху черкески носили бурку внакидку. Носки изготовляли из шерсти, в качестве обуви носили лапти из кожи. Более зажиточные носили сапоги. Высшие слои общества одевались почти так же, но одежду в основном изготовляли из ввозимых материалов. Женская одежда состояла почти из таких же предметов, что и мужская, но она была более длинной (там же. С. 109—110). Из этого описания видно, что одежда низших и господствующих слоев различалась в основном видом ткани. Низшие слои носили одежду, сшитую из тканей местного производства, а высшие слои ткани для одежды завозили извне. К тканям такой категории относились грубый холст, дарана, даранбафти, кутни и др. Товары осетины завозили из Картли, Рачи и Черкесии. Под Рачей подразумевается регион, который соединяет Осетию со всей Западной Грузией. По сведениям Гюльденштедта,

сообщение осетин с Хонской ярмаркой осуществлялось через Рачу. Торговый центр Рача — Они являлся местом, где осетины как из Северной, так и из Южной Осетии собирались и покупали нужные им товары у армянских и еврейских торговцев или у местного населения. Среди этих товаров были и те ткани, которые носили правящие слои осетин. Гюльденштедт говорил о фактах торговли в Они картлийскими тканями. Вообще «тбилисские товары в большом количестве привозили в горные районы Кавказа. Изделия тбилисских мастеров являлись предметами широкого потребления населения горного Кавказа» (История Грузии, 1958. С. 364). Эти товары попадали к жителям горного и Северного Кавказа через Дарьяльскую, Военно-Осетинскую и Рачинскую дороги.

Одним из способов получения тканей осетинами в Тбилиси была выдача тканей в счет зарплаты, назначенной им царями. Осетины предпочитали получение тканей взамен денег. Из множества таких примеров приведем один. В 1785 году Ираклий II тагаурскому жителю Беза Адалишвили в счет годовой зарплаты назначает ткани стоимостью 12 «марчили». Там же указываются и источники получения тканей. Например, 1787 г. оплачивается из товаров Гургена; 1790 г. — из товаров Елашвили (Институт рукописей, ф.Qd, док. 947).

По сведениям Вахушти, «осетинские женщины шьют хорошо и добротно», но «в их стране не выращиваются лен, кенаф, хлопок, шелк, чтобы шить из них одежду. Для этого они применяют в основном овечью шерсть и кожу, производимые на месте. Помимо этого, кожу привозят из Картли, Рачи, Черкесии» (Вахушти, 1941. С. 111). В Грузии же осетины приобретали железо-скобяные изделия. Например, изготовленные в Цедиси (имеретинское село, соседствующее непосредственно с осетинами Кударо) железные изделия, посредством Онского рынка широко распространялись среди осетин, приезжающих туда на торги. При этом следует предположить, что осетины железо завозили и в необработанном виде. Основным богатством осетин XVIII в. и раньше считалось боевое оружие: ружье, меч, кинжал, доспехи. Все это оружие, кроме ружья, в основном изготовлялось на месте. Особенно это касается холодного оружия. По Вахушти, осетины хорошо знали кузнечное дело.

Из российских источников XVIII в. следует, что у осетин большим спросом пользовались хозяйственные мелочи. В описании обычаев горских народов (1769 г.) указывается, что среди жителей Дарьяльского ущелья большим спросом пользовались полотна, расчески, костяные иглы, медные наперстки и другие мелочи (Цагарели, 1891. С. 93—94). Среди прочих товаров и эти предметы занимали определенное место в системе грузино-осетинских экономических отношений.

Таким образом, и те немногие и неполные сведения, которые находятся в нашем распоряжении, ясно свидетельствуют о суще-

ствовании значительных экономических связей между грузинами и осетинами. Разумеется, существовавшие в рассматриваемый период неблагоприятные для обоих народов политические обстоятельства оказывали определенное негативное влияние на эти отношения, но причины, побуждавшие к необходимости таких отношений, были настолько глубоки, что и в таких условиях они проявлялись довольно сильно.

Общеизвестно, что когда рушатся нормальные экономические отношения между равниной и горными районами и горцы уже не могут удовлетворить свои потребности в продукции равнинных хозяйств путем нормальных обменных процессов, то проблему горцы решают или путем заселения в равнинные районы, или же путем набегов. И на этот раз горское население Кавказа от Дагестана до берегов Черного моря пришло в движение, подвергая сильному натиску и опасности низменные районы Грузии. Такое обстоятельство, наряду с другими причинами (постоянные нашествия завоевателей, частые внутренние войны, углубление политической раздробленности и др.), препятствовало нормальному развитию низменных районов и, следовательно, восстановлению нормальных экономических отношений с соседними народами. В этом смысле особенно тяжелыми были постоянные набеги дагестанских феодалов на Картли-Кахетию с вытекающими отсюда тяжелыми последствиями. Имело место и движение осетин в сторону равнинных районов. Однако с самого начала движение осетин в сторону Картлийской равнины правителями грузинского феодального общества было направлено в определенное русло. В результате данное явление было поставлено на их службу. Они селили осетин в определенных местах, способствовали их обоснованию и этим извлекали пользу для себя – увеличивали численность своих крепостных. При этом вековые тесные политические связи между грузинами и осетинами создавали условия для того, чтобы переселившиеся осетины сохранили традиционные дружеские отношения с грузинским народом и по-братски разделяли все радости и невзгоды его исторической судьбы. Такое обстоятельство дает повод Гюльденштедту высказать мнение о том, что грузины и осетины, проживавшие на территории Ксанского эриставства, «весьма дружны между собой» (Гюльденштедт, 1809. С. 173).

Такому обстоятельству способствовало и то, что осетины, населявшие южную сторону Кавказского хребта, политически являлись подданными грузинского государства. В силу такого подданства они, по всей вероятности, имели право более свободного перемещения (при господстве феодально-княжеской системы такое право является условным), чем и обусловливался мирный характер их переселения на равнину. Северные осетины также придавали большое значение неограниченному сообщению с Грузией. Поэтому, когда в

результате изменений политической ситуации в Картли и Имеретии создавалась опасность свободному передвижению, они всячески старались ликвидировать ее.

Особые документы, разрешающие тагаурским осетинам свободу перемещения по Картли и относящиеся к первой половине XVIII в., времени господства османов в Картли (1723—1735 гг.), выданы из рук османских военачальников. Один из них выдан горийским пашой. В нем тагаурцам обещается беспрепятственное и безопасное передвижение по дорогам, деревням, городу Тифлису, Гори (Институт рукописей, ф.Qd, док. 944). Сохранился приказ и самого визиря Исак-паши к тагаурским осетинам: «Визир Исак-паша приказывает всем тагаурцам и старейшинам впредь, если вам захочется приехать и посетить нас, служить нам, но из-за боязни не решаетесь на это, то отныне вы, не стесняясь нас, можете свободно и безопасно передвигаться по дорогам, деревням, городу. Не переживайте и надейтесь на нашу милость» (там же. С. 945).

Из содержания документов следует, что с установлением османского господства в Картли сообщение осетин осложнилось, вызвав затруднения в экономическом положении осетин. Снять ограничение в передвижении осетины решили путем переговоров с турецкими властями. Депутация почтенных тагаурских осетин, отправленная к визирю Исак-паше, добилась возвращения права свободного и неограниченного перемещения по Тифлису, Гори и всем районам Картли. На основе приказа Исак-паши горийский паша оформляет осетинам соответствующий документ, дающий гарантию свободного и безопасного передвижения.

В документах прямо не указываются причины, побудившие тагаурских осетин добиваться права свободного сообщения по городам и селам Картли. Но и так ясно, что такими причинами были экономические мотивы, ибо без свободного перемещения невозможно было удовлетворение потребностей в продуктах питания и предметах первой необходимости*.

С самого начала господства турок в Картли, они, по каким-то политическим соображениям (возможно, из-за политической поддержки грузин осетинами или исключения в будущем такой поддержки), запретили осетинам сообщение по Картли. С этой целью турки решили овладеть Дарьяльской дорогой и заодно подчинить

---

*То, с какими опасностями было связано пребывание осетин в Картли при господстве турок, хорошо видно из справки главы Осетинской духовной комиссии архимандрита Пахомия, который в 1747 г. в Кизляре крестил одного знатного осетина Иосифа Томаевича Абаева. В период турецкого господства в Грузии (Картли) он был послан туда по торговым делам. Здесь его арестовали и продали в рабство в Тифлисе. Затем его выкупили армяне и заставили принять свою (Григорианскую) веру. В 1746 г. Абаеву удалось вернуться в Осетию и вновь принять свою прежнюю веру (Материалы, 1933. С. 54—55). — **Г.Т.**

тагаурских осетин. При этом они смогли бы нейтрализовать опасность, исходящую с севера, со стороны подавшегося в Россию царя Вахтанга VI и его союзницы — России.

Свободное передвижение осетин по Картли в первой половине XVIII в., по всей вероятности, не было новым явлением. Оно имело место и в предыдущие века. Такое предположение тем более вероятно, что существовавшие тогда тесные политические отношения между грузинским и осетинским народами способствовали этому. Георгий Саакадзе в начале XVII в. был правителем (старостой) Цхинвала и Двалети. Георгий XI (1676—1709) по политическим соображениям женил своего сына на дочери осетинского князя. В результате такого родства он находил в Осетии укрытие и поддержку в борьбе против захватчиков. Цари Арчил и Вахтанг VI так же тесно были связáны с Осетией. В таких условиях передвижение осетин по Картли и Имеретии по торговым делам представляется вполне естественным явлением. Но при этом следует отметить, что такие передвижения в условиях феодальной междоусобицы и непрекращающихся внешних вторжений были связаны с большим риском. Однако необходимость передвижения была сильнее риска.

Правящие круги Имеретии и отдельные крупные феодалы жизненно были заинтересованы в поддержке политических отношений с Осетией. С другой стороны, тяга осетин к сохранению и развитию непрерывных связей с имеретинским рынком была хорошей основой для прочных двусторонних отношений. Политические круги имеретинского царства заводили среди осетин надежных лиц, давали им определенные преимущества и тем самым создавали условия свободного перемещения в своей стране. В этом отношении представляет интерес так называемый акт неприкосновенности, выданный рачинским эриставом Шошита осетинам Ивану и Камирзе Елканашвилам. Документ относится к XVIII в., но без указания года составления. В акте говорится, что «осетины — отец Иван и сын Камирза имеют нашу книгу неприкосновенности, приходят к нам, и всем, кому мы нужны, просим не применять к ним силу и не обижать их без причины, и не грабить. А если кто-нибудь иметь будет дело к ним, то обращайтесь к нам, и мы все наладим посправедливому» (Институт рукописей, ф.Qd, док. 933).

Естественно, что в период феодального партикуляризма и внутренних войн перемещение осетин по Раче и Имеретии было связано с множеством опасностей. Никто не был застрахован от грабежа. Поэтому эристав-Шошита своим приближенным из осетинской среды создает условия безопасного путешествия. Ираклий II в 1782 г. своим казенным крепостным, зарамагским осетинам, которые в течение 6 лет не платили податей, писал: «Мы послали к вам Бежана Амилахвришвили, и он скажет вам наши слова. Приезжайте и вы к нам в Картли. Никто не станет вас задерживать и обижать» (там же,

ф.Ad, док. 1375). Пребывание зарамагских осетин в категории казенных крепостных не давало им полной гарантии свободного перемещения по Картли. Чтобы попасть в Картли, они должны были пройти владения Мачабеловых и ксанских эриставов. Эти последние, в свою очередь, старались данное обстоятельство обернуть в свою пользу и таким образом подчинить их себе. В случае же наличия у зарамагских осетин специального разрешения, выданного Ираклием, эриставы уже не осмеливались явно помешать им.

Право свободного передвижения по Грузии цари, царевичи и отдельные крупные феодалы давали и в виде милости. В 1793 г. царевич Александр дает «книгу милости» Илье Абашвили. В ней говорится, что «ты можешь ходить свободно по нашей стране и тебя никто не обидит, а кто станет обижать, то заслужит нашу обиду и даже будет за это платить. И это потому, что он очень для нас старался» (ГЦИА, ф.1448, док. 9205). Второй царевич Леон в 1802 г. книгу милости дарит Болатуко Абашвили, жителю Нара: «Во время моего пребывания в Наре ты верно служил мне. И если Бог соизволит и вернет нам свою страну, то ты будешь обеспечен, и наша семья всегда будет милостивой в отношении к тебе. А передвигаться тебе по Грузии никто не станет мешать, разве что враги нашей семьи» (там же, док. 9203).

Если царевич Александр за службу лично ему одаривает Илью Абашвили, а Леон одаривает Болатуко за его службу царевичам вообще, то ксанские эриставы – Михаил, Шанше и Иоане в том же 1802 г. даруют Алхазу Абашвили такие же права за верность к русским: «Эту книгу милости дарим Алхазу Абашвили за то, что на службе милостивого царя усердно служил ему. Мы разрешаем тебе ходить в наш дом и торговать везде, где захочется. Пусть тебя ничего не беспокоит, ходи в наш дом и Картли, как в свой дом» (там же, док. 9204).

Все книги милости выданы нарским осетинам – Абашвили. По всей вероятности, это объясняется тем, что они были независимыми и для свободного перемещения по Картли нуждались в специальных разрешениях, без которых не могли беспрепятственно передвигаться по дорогам, пролегающим через феодальные владения. Выше было отмечено, что князья Мачабеловы грабили осетин, направлявшихся в Картли по торговым делам.

Грузино-осетинские экономические взаимоотношения не исчерпывались вышеотмеченными процессами купли-продажи и интенсивными передвижениеми с этой целью по Картли и Имеретии. Эти отношения в отдельных случаях проявлялись и в других формах. В связи с этим определенный интерес представляют хранящиеся в русских официальных документах сведения о пользовании грузинскими царями серебро- и свинецсодержащими рудниками в Северной Осетии (Алагирское общество, ущелье реки Ардон). В рескрипте, выданном 5 декабря 1767 г. на имя астраханского губер-

натора генерал-майора Бекетова, говорится: «Кизлярский комендант доносил на вашу коллегию иностранных дел от 4 декабря прошлого 1766 г., по объявлению помянутого архимандрита Григория, которой оные пробы сыскал, а ему по сообщению от новокрещенного осетинского старшины Давида Мамиева, будто из тамошних мест уже и покойный грузинский царь Вахтанг, в России скончавшийся, когда владел Грузией, серебряной руды великое количество получал, но что потом никто об оной известен не был через долгое время и по самое минувшее лето, а тогда нынешнему грузинскому царю Ираклию удалось сыскать такого человека, которое и место ея знает, и искусство в металлах имеет, почему несколько пуд и получил чрез тайное оным употребленным к тому человеком доставление, притом архимандрит Григорий от того же слушал, что тамошняя руда состоит не только в серебре, но и в золоте» (Бирзе, 1937. С. 194). В рескрипте говорится, что «буде правда, что нынешний грузинский царь Ираклий, находящийся в Осетии, руды достает, то не инако, как для того самого он и делает сие тайно, чтоб и впредь сей источник для него заперт не был» (там же. С. 196).

Мы не можем другими источниками удостоверить точность сведений, приведенных в справке высочайшего рескрипта, согласно которому Вахтанг VI в свое время пользовался серебряными рудами в Осетии, и притом в больших количествах. Разумеется, что ничего невозможного в этой справке не приводится. Более того, если учесть ту сильную реакцию, какую вызвало это сообщение в российских правящих кругах, то следует признать реальность этих сведений. По полученной в правительстве справке, деятельность Вахтанга в этом направлении на некоторое время, после его переселения в Россию, была забыта. Лишь летом 1766 г. Ираклий II смог отыскать человека из осетинской среды, знающего рудное дело и местонахождение этих руд. С помощью этого человека он даже смог получить секретно несколько пудов руды в качестве образцов.

В другом официальном докладе от 19 февраля 1767 г. говорится: «Игумен по довольным к нему народа (осетин. — *Г.Т.*) откровениям прежде узнал, что грузинский царь берет из состоящих в Осетии превеликих гор отмерив от прочей разных видов зблещущими искрами крепкое земле и камышки, употребляя за провоз того ту осетинцам, которые по простоте своей не только ему препятствия никакого не делают, но дивятся и не понимают, на что ему то» (ЦГАДА, ф. 19, оп 1, док. 102, л. 1).

Из этого сведения видно, что Ираклий серебряную руду из осетинских гор получал в очищенном от бесполезных минералов виде, а перевозку осуществляли осетины за определенную плату. Автор доклада отмечает, что осетины не знали ни руды, ни ее назначения. Такое соображение не соответствует действительности, ибо Ираклий именно среди осетин отыскал специалиста не только

по добыче, но и по предварительной переработке руды. Значит, осетины знали, чем занимались. Более того, сведения об этих рудах архимандрит Григорий получил от осетин, и, следовательно, они знали о рудах всю информацию. По более ранней справке Вахушти, «тут (в Осетии. — ***Г.Т.***) есть металлы — серебро, свинец, железо, сера, горный хрусталь и др.; знают их существование, но не знают искусства их добычи, чтобы пользоваться в больших количествах» (Вахушти, 1941. С. 109). Значит, и во времена Вахушти осетины знали о наличии таких руд, но не умели их широко использовать и поэтому применяли только ограниченно и для местных целей.

Факт секретной добычи осетинской руды официальные круги России объясняли осторожностью грузин, дабы разглашением сведений об этих рудах не потерять возможность пользования ими. Российское правительство, удостоверившись в фактах использования грузинами осетинских руд, по приказу императора прямо указывает астраханскому губернатору Бекетову, что «буде возможно тамошными (Осетии. — ***Г.Т.***) металлами пользоваться, как по скаске архимандрита Григория пользуется уже грузинский владетель Ираклий, то есть и легко, и неприметно, и прибыльно, — в таком случае оставалось бы конечно на то и согласиться» (Бирзе, 1937. С. 201).

Если принять во внимание интенсивную деятельность эмиссаров российского правительства на Северном Кавказе в течение всего периода XVIII в., то отпадают подозрения в правильности сведений, приведенных в упомянутых официальных документах. Вахтанг VI в 1711 г. совершил поход в Наро-Мамисон и подчинил тамошних осетин (Картлис цховреба, 1954. С. 118). Через Наро-Мамисон он уже мог непосредственно соседствовать с Алагирским обществом и пользоваться тамошними рудами. Ираклий II же известен своей деятельностью в сфере горнорудного производства. С целью возрождения горнорудной промышленности он в 60-х годах переселил в Картли-Кахетию анатолийских «греков» и приступил к разработке Ахталинского серебряного и Алавердского медного месторождений. В таких обстоятельствах не исключались со стороны Ираклия попытки пользования осетинскими серебряными и свинцовыми месторождениями. Такая попытка была более чем вероятной, ибо Ираклий II имел тесные политические связи с осетинами и легко мог найти среди них людей, знающих о существовании этих руд и о пользе от них. Среди таких людей, по всей вероятности, подразумевается и алагирский «старшина» (так называли русские представителей привилегированных слоев Осетии) Давид Мамиев, который, по сведениям Бекетова, сообщил Ираклию секрет об этих рудах. Бекетов советует императрице Екатерине II, что из-за гибели архимандрита (он был убит в Гурии турецкими агентами в 1768 г.), с целью выявления секретов осетинских руд, можно воспользоваться услугами упомянутого Мамиева (Бирзе, 1937. С. 206).

Российское правительство с большим интересом приступило к изучению вопросов, связанных с возможностью использования природных богатств Осетии; были приняты чрезвычайные меры для выявления эксплуатационных свойств этих руд. В 1768 г. состоялась первая экспедиция в горы Осетии под руководством мастера горного дела Стефана Вонявина. Экспедиция была секретной, замаскированной под охоту на туров.

Вторая экспедиция такого же характера была организована в 1771 г. под руководством Александра Кирхнера и ротмистра Батырева, а в 1774 году — третья экспедиция под руководством того же Батырева (История, 1959. С. 134—135). Этими экспедициями при активной поддержке и пособничестве «Осетинской комиссии» (Общество по распространению христианства среди осетин и горцев Кавказа) были изучены руды в ущельях Алагира и Куртатии, составлены соответствующие карты с указанием их месторасположения, а также подробные планы их разработки.

По определенным причинам (политическая нестабильность на Северном Кавказе, бездорожье, трудности, связанные с рабочей силой, необходимость обеспечения безопасности) российское правительство на том этапе не смогло приступить к разработке месторождений.

Секретный характер деятельности российского правительства в этом направлении объясняется стараниями избежать обострения политических отношений с Турцией. Дело в том, что по условиям мирного договора, заключенного в 1739 г. в Белграде, Кабарда считалась буферной зоной («барьером») между Россией и Турцией. И поскольку Северная Осетия считалась сферой влияния Кабарды, то всякая деятельность России в Осетии могла восприниматься как нарушение условий мирного договора с Турцией и вызвать ее протесты. Чтобы избежать подобных осложнений, российское правительство предпочитало пользоваться осетинскими месторождениями так же секретно и без лишнего шума, как в свое время делал это Ираклий II, а задолго до него и Вахтанг VI.

Продолжал ли Ираклий II после всего этого пользоваться осетинскими рудами и в каких объемах, повлияла ли такая деятельность на развитие производительных сил страны и т.п., — из находящихся в нашем распоряжении документов выяснить не представляется возможным. Несмотря на это, можно утверждать, что грузинские политики в интересах своей страны заботились не только о политической поддержке со стороны осетин, но и проводили определенные мероприятия для получения выгоды от пользования серебряными и свинцовыми рудниками Осетии. При этом вывоз полуобработанных руд в Грузию стал новым явлением в грузино-осетинских экономических взаимоотношениях.

При рассуждении о грузино-осетинских экономических взаимоотношениях следует подчеркнуть и то обстоятельство, что осети-

ны в транзитной торговле Закавказья с Северным Кавказом, и вообще со странами севера, играли большую роль. С 50-х годов XVIII в., в связи с оживлением торгово-караванного сообщения по Дарьяльской дороге, роль осетин (тагаурцев) особенно возросла. По этой дороге в Грузию, а оттуда в Осетию, поступала продукция российского и европейского производства.

Через Осетию в большом количестве переправляли кабардинских (черкесских) скакунов, известных по всему Кавказу и пользовавшихся большим спросом. Быстрая и выносливая кабардинская лошадь являлась одним из необходимых компонентов вооружения грузинских феодальных кругов. Их пригоняли в таком большом количестве, что на них была установлена специальная пошлина. В приказе Ираклия II от 1767 г. говорится: «Поступившие в Тифлис через Осетинскую дорогу лошади для продажи облагаются пошлиной. Треть взимаемой и там, и здесь пошлины принадлежит католикосу, ему и отдается» (ГЦИА, ф. 1148, док. 3042). На товары, завозимые или вывозимые через Дарьяльскую дорогу, устанавливалась пошлина. Пошлину взимали в Душети, и она принадлежала дворянскому роду Бабанашвили из Арагвского эриставства. «Пошлина, взимаемая с торговцев, направляющихся из России или отправляющихся отсюда, а также пошлина, взимаемая за поступающих из Черкесии лошадей, — все принадлежит твоей семье» (Древности Грузии, 1920. С. 191), — говорится в приказе царевича Вахтанга от 1782 г.

Примечательно, что пошлину на те же товары брали и осетины. Грузинские послы, находящиеся при российском императорском дворе, заявляли, что через Дарьяльскую дорогу перемещаются торговцы разных национальностей — русские, грузины, армяне и др. Они, продвигаясь через Осетию, платят установленную пошлину. Помимо этого, часто бывает, что любители различных предметов берут для себя понравившиеся им вещи (Цагарели, 1891. С. 199). Следовательно, и таким путем определенные круги осетин могли получать разные товары.

Таким образом, весь вышеприведенный фактический материал говорит о том, что в рассматриваемый период грузино-осетинские экономические взаимоотношения были довольно развитыми. Эти отношения по своему характеру являлись типичными экономическими взаимоотношениями между равниной и горными районами. Само собой разумеется, что формы и объемы этих взаимоотношений зависели от политической обстановки в тех или иных конкретных исторических условиях. Поэтому таким отношениям не могли не создавать препятствия внутренние феодальные распри, сильные тенденции обособленности друг от друга, систематические нашествия внешних врагов, которыми так изобиловала история грузинского и осетинского народов на данном этапе развития.

Особенности горных районов экономики объективно обусловливали необходимость их сотрудничества с равниной. Этим объясняется то обстоятельство, что осетины жизненно были заинтересованы в экономическом сотрудничестве с равнинными районами Грузии. Поэтому для его сохранения и дальнейшего стимулирования интереса к такому сотрудничеству они оказывали грузинскому народу активную военно-политическую помощь. Заинтересованность грузинского общества в экономическом сотрудничестве с горцами Кавказа удостоверяется и тем фактом, что горцы в своей товарообменной деятельности в Грузии были освобождены от уплаты пошлины.

Крепостные Ксанского эриставства – ахалгорцы в 1817 г. докладывали генерал-лейтенанту Ермолову: ксанские и арагвские крепостные, со времен установления пошлин грузинскими царями, до сих пор были свободны от уплаты пошлины и на ввозимые извне товары, и на предметы, нами же изготовленные внутри границы. Мы, и так бедные, в случае уплаты пошлины окажемся в бедственном положении. Поэтому нижайше просим оказать милость и освободить нас от этой тяжести (Инситут рукописей, ф.Hd, док. 10832). Если в этой справке речь идет об освобождении жителей Ксанского и Арагвского эриставств с преобладанием осетинского населения, то в справке, хранящейся в фондах Московского военно-исторического архива, говорится о беспошлинной торговле в Грузии осетин и других горских народов. «Жители Арагвских и Ксанских эриставств, туши, пшавы, хевсуры и грузинские осетины были свободны от пошлин» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 61104, ч. 1, л. 81).

В каком положении в этом отношении находились северные осетины? В одной приходной ведомости 1801 г. приводится список народов, освобожденных от пошлины с давних времен. В ней говорится: «Список освобожденных издревле от пошлины: «Арагвские жители, ксанские в Тифлисе Калоевы от царей Теймураза и Ираклия; туши, пшавы, хевсуры и осетинцы, принадлежащие Грузии, а из иностранцев по древним обычаям – кабардинцы, лезгины и осетинцы» (Акты, 1. С. 481).

Предоставление грузинской политической верхушкой права беспошлинной торговли осетинам стимулировало их к расширению и укреплению экономических связей с Грузией. Такое обстоятельство способствовало заинтересованности осетин политической жизнью грузинской равнины и активному включению в нее. В свою очередь, Грузия всегда нуждалась в политической поддержке горского населения, чего и добивалась своей экономической политикой в отношении горцев. Экономическая зависимость горцев от равнины давала возможность последней сравнительно легко распространять свое политическое влияние на жителей гор.

Находящиеся в нашем распоряжении источники чаще всего отражают политическую сторону явлений, а экономические и другие

аспекты остаются в стороне. По этой причине экономические мотивы грузино-осетинских политических взаимоотношений представлены сравнительно слабо. За участие в политических начинаниях грузинских царей осетины получали определенную плату или другие льготы. Это говорит о том, что экономические интересы играли значительную роль в этих отношениях. При этом следует учесть, что сама экономика равнинных районов нуждалась в сотрудничестве с экономикой горцев.

В заключение краткой характеристики грузино-осетинских экономических взаимоотношений следует в общих чертах сказать и о том, что именно преобладало в этих отношениях — натуральный обмен или денежное хозяйство. Ввиду отсутствия материалов прямого характера на эту тему рассуждение по этим вопросам затруднено. Тем не менее на основе некоторых косвенных сведений можно выдвинуть определенные соображения. По Вахушти, характер хозяйства Осетии — натуральный. «Осетины не знают тетри (денежная единица Грузии). Взамен тетри они торгуют между собой бурками, черкесками, суровыми шерстяными тканями, шерстью, овцами, коровами, лесом» (Вахушти, 1941. С. 111).

Торговлю с грузинами осетины осуществляли в основном обменным путем, то есть обменивали свои товары на нужные им. Помимо этого, торговля осуществлялась и на денежной основе: продавали свои товары за деньги и на эти деньги тут же покупали продукты, которых сами не производили. Для ведения таких расчетов у части осетин имелись определенные денежные средства. Дело в том, что некоторые осетины за военную службу получали денежное вознаграждение от грузинских царей. Эти денежные средства также использовались в торговых операциях.

Грузино-осетинские торгово-обменные операции осуществлялись в городах и торговых пунктах Восточной и Западной Грузии: в Тифлисе, Гори, Цхинвали, Душети, Ананури, Ахалгори (Восточная Грузия); в Хони (Имеретия); в Они (Рача). При этом оживление торговой деятельности в Душети, Ананури и Ахалгори началось со второй половины XVIII в. и было связано с расширением связей между Грузией и Россией, с нарастанием товарного потока из северных стран. Кроме вышеупомянутых больших торговых центров, грузино-осетинские торговые контакты осуществлялись в тех грузинских селах, в которых осетины могли свободно перемещаться и обменивать свои товары.

Так, в общих чертах, на основе неполных материалов и сведений, можно представить картину грузино-осетинских экономических взаимоотношений в рассматриваемый период — в XV—XVIII вв.

ГЛАВА IV

Из истории грузино-осетинских политических взаимоотношений

Нашествия монголов, продолжительное их господство на Кавказе, несмотря на все тяжелые последствия и серьезные осложнения, не смогли полностью разрушить традиционно тесные грузино-осетинские взаимоотношения. Начиная с первой половины XIV в., в частности со времен царствования Георгия V Блистательного (1314—1346), Осетия вновь оказалась под политическим влиянием Грузии, продолжавшимся вплоть до нашествия Тамерлана. Во времена царствования Баграта V (1360—1393) Двалетия и Осетия пока еще подчинялись Грузии (История Грузии, 1958. С. 253—254).

Грузия, вставшая на путь феодальной раздробленности, вновь подверглась нашествию нового грозного завоевателя — Тамерлана. Многократные нашествия Тамерлана (в 1386—1403 гг. восемь раз вторгался в Грузию) причинили серьезный ущерб всему Закавказью. Грузия истекала кровью, основы ее хозяйственной и культурной жизни было безжалостно уничтожено.

Не менее тяжелыми были результаты нашествий Тамерлана для Осетии. Его жестокие сражения с ханом Золотой Орды Тохтамышем, проходившие на территории Осетии, имели следствием безжалостное разрушение и разорение региона. В 1395 г. через Дербент Тамерлан перешел на Северный Кавказ и встал лагерем на территории современной Северной Осетии. Противники встретились на реке Сунжа, где авангард Тохтамыша потерпел поражение. 15 апреля 1395 г. армии двух завоевателей схлестнулись в решающем сражении. Разгромив войска хана Золотой орды, Тамерлан повернулся и пошел войной против русских и черкесов. После этого он выступил против Буриберда и Буракана, предводителей осетин (асов — так называли осетин ираноязычные источники), проживавших в окрестностях Эльбруса. Историк Шериф Эд-Дин Иезди пишет, что Тамерлан, «вырубив деревья и проложив дорогу, взошел на гору Эльбурз. В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры, и во всех делах победоносное войско его одерживало победу: многих из тех неверных, предав мечу джихада (война за веру), отправили в огонь геены, разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала

несметная добыча из имущества неверных, а из врагов те, которые остались в живых, оказались бродящими, растерянными и бездомными» (Тизенгаузен, 1941. С. 181).

Страшный разгром Осетии, содеянный Тамерланом, подтверждает и Вахушти Багратиони. По его сведениям, Тамерлан, находившийся в Бардаве, «направил войска в Осетию. Войска перешли Дарубанд, Лезгистан и прибыли в Осетию, многих уничтожили, пленили, многие предстали пред Тамерланом. Так поступил Тамерлан потому, что знал — грузинский царь оттуда получал помощь. После этого Осетию стали называть Черкесией, распространив среди них магометанство» (Вахушти, 1885. С. 293). Этим сообщением Вахушти удостоверяет не только факт уничтожения Осетии, но и указывает причины, побудившие Тамерлана на данный поход. Он знал, что осетины оказывали военную помощь Грузии в ее борьбе против орд Тамерлана. Его пугала перспектива возможного открытия осетинами и грузинами Дарьяльской дороги для Золотой орды, что облегчило бы ее борьбу против Тамерлана.

Такая ситуация подталкивала Тамерлана к уничожению не только Грузии, но и Осетии, к овладению Дарьяльскими вратами. Овладеть дорогой Тамерлан попробовал и с юга, со стороны Грузии, осуществив в 1394 г. поход через Арагвское ущелье. Однако ожесточенное сопротивление горских народов Осетии и Грузии свели на нет коварные планы вероломного захватчика.

В результате походов Тамерлана страна подверглась уничтожению и разорению до такой степени, что ликвидация последствий этих походов в создавшихся исторических условиях стала невозможной не только для Грузии, но и для всего Кавказа. «Наиболее тяжелыми для Грузии, как и для всего Кавказа, — отмечал академик Н. Бердзенишвили, — оказались политические последствия походов Тамерлана. Трехсотлетняя борьба против кочевников закончилась поражением Грузии. Грузия окончательно потеряла соседние братские христианские страны (Армению и Албанию) и оказалась одна против агрессии несметных кочевников. Кочевники, воюющие за земельные угодья, объявили своим знаменем магометанство, а борьбу против христианских землевладельцев — «божьим промыслом» (История Грузии, 1958. С. 255).

Грузия оказалась в магометанском окружении. Сохранение грузинами своей национальной идентичности было возможно только путем упорной борьбы против магометанских агрессоров. Даже в период могущества единой феодальной монархии Грузии перед ее дипломатией стояла архиважная задача — обеспечить в своих военных мероприятиях активное участия северных соседних народов, в первую очередь осетин. Грузинская дипломатия с успехом осуществляла эту задачу. В новых условиях, когда единство Грузии кануло в историю, борьба отдельных царств и княжеств против захват-

чиков осуществлялась в более сложных и тяжелых условиях. Но и в этих условиях задача использования военного потенциала горских народов Кавказа (среди которых основной силой вновь оставались осетины) с целью сохранения экономической и политической самобытности Грузии оставалась самой актуальной.

В рассматриваемый период Осетия была раздроблена на отдельные ущелья и общества и разбросана по обоим склонам Кавказского хребта. Основная часть южных осетин с политико-административной точки зрения находилась в составе Картлийского царства, а незначительная часть подчинялась Имеретинскому царству. Таким образом, одна часть осетин территориально и общностью исторических судеб была связана с грузинским миром, а вторая часть (северные осетины) находилась в непосредственном соседстве с ним.

В период углубления процесса политического распада феодальной Грузии (вторая половина XV в.) грузинские цари, с целью приостановления процесса распада и восстановления целостности страны, неоднократно обращались к помощи кавказских горцев, в том числе и в первую очередь осетин. Так, например, горцы активно помогали царю Константину в его борьбе против Александра Багратиони за сохранение единства страны. По сведениям Вахушти, «царь Константин собрал войска из горских народов и завоевал Картли в 1479 г. ... Взял Гори и, с согласия Дадиани, вошел в Имеретию, не встретив сопротивления со стороны Александра» (Вахушти, 1913. С. 19).

Впоследствии Константин вновь обращается к помощи кавказских горцев для восстановления царства. «Липарит Дадиани вновь решил отвоевать Имеретию у Константина. Царь вновь обращается к кавказским горцам за помощью, собрал свои войска, вошел в Имеретию и завоевал ее в 1487 году» (там же. С. 20).

Отсюда следует, что в борьбу за восстановление политического единства Грузии широко была вовлечена военная сила горцев Грузии и народов Северного Кавказа. В этих сведениях осетины не указываются конкретно, но в общем названии — «кавказские горцы» и «среди других народов Северного Кавказа», — безусловно, подразумеваются и осетины. Царю Константину наиболее легко было связаться с осетинами и обеспечить их привлечение.

Несмотря на активно проводимые мероприятия с целью сохранения единства Грузии, восстановление ее целостности было невозможно. В конце XV—начале XVI вв. Грузия распалась на царства Картли, Кахетию и Имеретию и Самцхинское княжество. Затем последовало образование княжеств — Гурии, Мегрелии, Абхазии и Сванетии. Внутри этих сравнительно крупных политических единиц имелось множество мелких «полунезависимых» административно-политических образований. В составе Картлийского царства значительную роль играли Ксанское и Арагвское эриставства; Име-

ретинского царства — Рачинское эриставство и др. С этими эриставствами осетины имели весьма тесные взаимоотношения.

За политическим распадом и дроблением страны последовало обострение внутренних разногласий и войны. Особенно натянутыми были отношения между Картлийским и Кахетинским царствами. Царь Кахетии — Георгий Злой опустошил Картлийские районы. Вслед за тем Баграт, брат картлийского царя Давида (1505—1525), «потребовал Мухрани в качестве владений царевича, а Арагвское и Ксанское ущелья с их жителями — в свое подчинение» (там же. С. 26). Следовательно, «Самухранбатоно» (административно-политическая единица) образовалась на почве интересов внутриполитической борьбы. Оно в качестве военной единицы с самого начала включало Арагвское и Ксанское эриставства, где в это время в большом количестве проживало осетинское население. Это обстоятельство усиливало масштабы участия осетин в политической жизни Картли.

XVI в. для Грузии был веком тяжелых испытаний. Кизилбашский Иран в 20-х гг. того же века решил подчинить себе Картли. В 1522 г. шах Исмаил вторгся в Картли. Царю Давиду «оказали помощь месхи и кахетинский царь Леван, привлек на помощь кавказских горцев, укрепил Тифлис и другие крепости Картли» (там же. С. 30). Шах Исмаил все-таки одолел Давида и взял Тифлис. Привлеченные с севера войска историк по-прежнему называет «кавказскими горцами». Это, по всей вероятности, объясняется тем, что он не всегда может определить конкретный состав призванных с севера войск и выход находит в общем названии — «кавказские горцы». Разумеется, что такое название объединяет жителей, проживавших на обоих склонах Центрального Кавказа, в том числе и в первую очередь осетин.

В результате длительных войн страна крайне ослабла, что, с учетом других международных факторов, значительно изменило взаимоотношения Грузии с соседними странами, в том числе и с народами Северного Кавказа. Под влиянием османов взаимоотношения Грузии с северными соседями, с которыми у нее раньше были дружеские отношения, постепенно изменились в худшую сторону. В Северной Осетии влияние османов никогда не было заметным. Однако распространение магометанства в Кабарде и натиск Кабарды на осетин отрицательно сказались на отношениях Грузии с Северной Осетией.

Определенные изменения произошли и во взаимоотношениях населения горных и равнинных районов внутри страны. Горцы — от Дагестана до Черного моря — не только разоряли обессиленную равнину, но и занимали отдельные места и селились там, с характерными для них способами ведения хозяйства и обычаями. А это, в свою очередь, снижало интенсивный характер ведения хозяйства в Грузии (История Грузии, 1958. С. 268).

Стремление кавказских горцев к переселению в равнинные районы Грузии было продиктовано тяжелыми экономическими условиями. Своеобразие горской экономики ставило перед горцами задачу необходимой связи с равниной. Так как в тот период мирные взаимоотношения горской экономики с экономикой равнины стали невозможными из-за неблагоприятных внутренних (феодальная раздробленность) и внешних (нашествие врагов и разорение страны) условий, у горцев осталась одна возможность – путем вооруженных нападений и грабежа (где такое было возможно) пополнять недостающие средства существования. Однако в разоренной стране такие методы не могли достичь своей цели. Поэтому переселение горцев из горных теснин на равнины и их обоснование там превратилось в задачу первейшей необходимости. Одним из характерных признаков рассматриваемого периода является и то, что именно в этот период, по указанным выше причинам, имело место массовое переселение горского населения в районы Картлийской равнины.

Во времена царствования Луарсаба II (1604–1614) процесс децентрализации Картли еще больше усугубился. Осетины, проживавшие на южных склонах Центрального Кавказа, оказались в правлении Георгия Саакадзе, и вполне вероятно, что именно они являлись одной из опор его политического могущества. По сведениям историка, «в этот период отдельные правители усилились и завоевали отдельные ущелья, а более всех Саакадзе Георгий, управитель Тифлиса, Крцхинвала и Двалетии» (Вахушти, 1913. С. 53).

Отсутствие соответствующих прямых исторических источников не дает возможности судить о том, каким образом Крцхинвали (нынешний Цхинвал) и Двалетия (они фактически охватывали весь бассейн Большой Лиахвы, населенный преимущественно осетинами) оказались во владении и зависимости Георгия Саакадзе, каким был характер этой зависимости, какова была политика царской власти в отношении этих регионов. Ясно одно – в быстром возвышении и усилении Г.Саакадзе решающую роль сыграло владение им бассейном Большой Лиахвы. О том, какое большое значение Г. Саакадзе придавал укреплению своего тыла горскими народами, свидетельствует факт его женитьбы на дочери арагвского эристава Нугзара. Нугзар обладал большой силой и влиянием на горцев, и поэтому его поддержка для Георгия имела огромное значение.

Если исходить из факта владения Георгием Саакадзе бассейном Большой Лиахвы, то следует признать, что и южные осетины плечом к плечу с грузинским народом принимали активное участие в борьбе против кизилбашских завоевателей и наравне с грузинами обильно пролили кровь в Марткопском и Марабдском сражениях в марте и июле 1625 г. А эти сражения, как известно, имели большое значение в политической истории Грузии. «Марткопское и Марабдское сражения, – писал академик Н. Бердзениш-

вили, — спасли Восточную Грузию от сурового приговора шаха — физического уничтожения и создания кизилбашских ханств» (История Грузии, 1958. С. 298).

Шах Аббас I (1587—1628) хорошо представлял опасность совместной грузино-осетинской борьбы против него и поэтому решил расправиться с осетинами, разгромить их и закрепиться на их территории. Возможно, этим шах предполагал создать препятствия на пути продвижения России в сторону Кавказа и не допустить установления связей Грузии с Россией. О том, что шах вынашивал такие планы, свидетельствуют сведения, сохранившиеся в устном предании о его походе на Осетию. Шах по Касарской дороге предпринял попытку вторгнуться в Алагир. Он смог добраться до Зарамага и оттуда, «встретив жестокое сопротивление осетин, вынужден был вернуться обратно. Об этом походе в Алагире сохранилась такая поговорка: «Даже и шах отступил перед зарамагской скалой». Как печальный отзвук шахской экспансии, дороги в Горной Осетии долгое время именовались — «шахнад» («шахская дорога», точнее — «трамбованная шахом дорога») (История,1959. С. 50; Калоев, 1967. С. 50).

Во время нашествия шаха Аббаса в Картли-Кахетию кахетинский царь Теймураз I и царь Картли Луарсаб укрылись в Имеретии. «Тогда шах прибыл в Никозию и оттуда послал войска в Осетию, разорил ее, а царю Георгию послал грозное письмо: наши подданные скрываются у вас, верните обратно, иначе пошлем на вас войска» (История, 1925. С. 21).

Шах Аббас не собирался отступать от плана уничтожения Грузии. Поэтому, помимо непосредственно военных мероприятий, коварный шах обратился к политике разделения и взаимного стравливания противоборствующих сторон. И не ошибся. Такой политикой он достиг большего, чем разорительными нашествиями. Шах стравил между собой Георгия Саакадзе и Теймураза I — предводителей борьбы против кизилбашей, спровоцировав тем самым кровопролитную борьбу между ними. Даже шурин Георгия Саакадзе, Зураб-эристав, отступил от него. Положение жителей еще больше ухудшилось. Ухудшилось положение и населения, находящегося под управлением Саакадзе, в том числе и осетин. Участие в бесконечных кровопролитных войнах, безмерные поборы и платежи стали причиной отступничества южных осетин (двалов). Двали (в рассматриваемом периоде «двали» и «осетины» уже являлись синонимами) перестали платить поборы Георгию Саакадзе. «Тогда управитель перешел Зекари, вступил на земли непокорных и расправился с ними, вновь превратил их в своих данников и вернулся в Картли» (Вахушти, 1913. С. 66). Отсюда следует, что отступничество двальского (осетинского) населения Саакадзе посчитал опасным явлением и искоренил в самом начале.

То, что в вышеупомянутом тексте под двалами подразумеваются именно осетины, подтверждается исторической поэмой Иосифа Тбилели (поэма написана во второй половине XVII в.) — «Дидмоуравиани» (Тбилели, 1939. С. 225). В поэме Саакадзе говорит о пережитых им войнах. Вместо двалов упоминаются осетины. По Тбилели, война Саакадзе с осетинами была жаркой, обе стороны сражались отчаянно. Осетины сразили из лука ближайшего помощника Саакадзе — Тамаза Мачабели. Но осетины потерпели поражение. Победителями были захвачены видные представители осетин, стороны пошли на замирение, и все закончилось наложением поборов (там же. С. 256).

Наро-Мамисонский бассейн, или историческая Двалетия, являлся безопасным местом и дорогой для картли-кахетинских правителей, побежденных в политической борьбе и бежавших в Имеретию. Позднее он стал и надежным укрытием для бежавших из Картли-Кахетии политических деятелей.

В 1632 г., когда правителем Картли шах Аббас назначил Ростома, принявшего магометанство, а в Кахетию — кизилбаша Селима, Теймураз сбежал в Имеретию. «В 1636 году Теймураз через Двалетию перешел в Душети и оттуда собирался освободить Картли» (Вахушти, 1913. С. 72). Теймураз, по всей вероятности, в этой борьбе, закончившейся безрезультатно, пользовался поддержкой и помощью осетин. В 1658—1676 гг. престол Картли занимал Вахтанг V Шах-Наваз. Он решил завладеть грузинскими царствами и княжествами. С этой целью Вахтанг провел множество войн против эриставов, совершил поход в Западную Грузию и там поставил править своего сына Арчила.

Осетины не стали подчиняться Шах-Навазу и перестали платить ему дань. «Тогда карательные отряды прибыли в Цхинвали и оттуда готовились к вторжению в Осетию. Осетины сочли безнадежным оказание сопротивления, направили в Цхинвали своих старейшин и обязались по-прежнему платить дань» (там же. С. 83—84). Что именно подразумевалось под этой данью — из источника не ясно.

На престоле Картли Шах-Наваза сменил его сын — Георгий XI (1676—1688, 1703—1709). Он не хотел мириться с господством шаха и поэтому старался избавиться от него. Шах потребовал от Георгия, чтобы тот арестовал своего брата, царя Арчила, и отправил его к нему. Георгий предупредил своего брата о надвигавшейся опасности и посоветовал бежать в Имеретию. Арчил отправился в Имеретию и захватил тамошний царский престол. В 1679 г. шах отправил своего командующего Аджи Алихана отстранить Георгия, а самому Георгию приказал арестовать и выдворить Арчила. Георгий вновь предупредил Арчила, и тот укрылся в Осетии. Такой поступок Арчила Георгий преподнес шаху как выдворение Арчила по его приказу.

Но шах потребовал выдворения Арчила и из Осетии. Тогда Георгий направил своего брата Левана и Гиви Амилахвари в Осетию и через них сообщил Арчилу требование шаха. Арчил был вынужден покинуть Осетию (там же. С. 86–87).

Шах чувствовал непокорность Георгия и поэтому отстранил его от царского престола. В 1688–1703 гг. в Картли царствовал Ираклий I Назаралихан – внук Теймураза I. Царь Георгий был вынужден покинуть Картли. «Он прибыл в Крцхинвали и оттуда отправился в Рачу» (там же. С. 91–92). Разумеется, что и в этом случае дорога из Картли в Рачу пролегала через Осетию. Частое использование осетинских дорог грузинскими политическими деятелями говорит об их хороших отношениях с осетинами. Для поддержания добрососедских отношений они устанавливали с осетинами родственные связи, как это имело место в XI–XIII вв. В этом отношении представляют интерес сведения капуцинского монаха Карла Диониджио об отношениях Георгия XI и царя Арчила с шахом и об участии в этих отношениях осетин. Диониджио прибыл в Тифлис в 1681 г. и довольно долго оставался там. По его сведениям, шах потребовал от Арчила, чтобы тот направил свою жену, известную красотой, к шахскому двору. Арчил посоветовался со своими братьями, в том числе с Георгием, и отказался от выполнения такого требования. Тогда шах велел Георгию, чтобы тот явился к нему с отрезанной головой Арчила и его живой супругой. Арчил укрылся в неприступном укреплении на какой-то горе, а Георгий сообщил шаху, что тот сбежал и укрылся в горах. Шах повторно потребовал от Георгия, чтобы тот схватил брата, применив военную силу. Георгий, чтобы хотя бы внешне изобразить перед персами свою готовность к исполнению приказа шаха, собрал картлийские войска и направился в сторону укрепленной крепости Арчила. С этим войском он перешел гору, но вскоре, якобы по причине наступившей зимы, вернул войско в Тифлис. Шах засомневался в искренности действий Георгия и направил к нему для поимки Арчила собственное шеститысячное войско. Но командующий этими войсками не осмелился вступить на территорию Грузии и остановился в Гандже (Диониджио, 1951. С. 166–170).

В создавшемся напряженном положении Георгий XI опасался шахского гнева и поэтому осторожничал. Когда он узнал, что Арчил покинул Грузию и оказался в России, то сообщил об этом шаху в надежде, что он отзовет свои войска и успокоится. Однако шах не то что не отозвал свои войска, но и от враждебного настроения в отношении Георгия не отказался. Карл Диониджио пишет, что «верят сильно, что недавнее соглашение между двумя братьями выявлено, и поэтому жизнь царя Георгия в опасности. Но царь не дремлет, наоборот, он женил своего единственного сына на дочери осетинского князя. Осетины являются благородными и величествен-

ными людьми, живут обособленно в лесах и охотятся на медведей и других зверей. Поэтому, благодаря такому родству, в случае необходимости Георгий смог бы укрыться и оказать сопротивление персам» (там же. С. 171).

Из грузинских источников невозможно выяснить обстоятельства, при которых произошла женитьба единственного сына Георгия на дочери осетинского князя. Ничего не сообщается ни о личности этого князя, ни о том, какой властью он обладал. Однако несомненным является тот факт, что упомянутый князь являлся таким представителем верхнего социального слоя осетин, который имел большое влияние на своих соплеменников. Поэтому породнение с ним создавало реальные условия получения политической поддержки со стороны осетин. С этой целью Георгий осуществил и другие мероприятия. В Северной Осетии, в святилищах Рекома (Цейское ущелье) и Дзивгиса (в Куртатии), до сих пор сохранились колокола с грузинскими надписями, пожертвованные Георгием. Частое пребывание Георгия и его брата Арчила в Осетии и использование ими осетинской дороги для сообщения с Россией говорит о существовании лояльных отношений между ними и осетинами. Осетия, благодаря своему географическому положению и воинственному народу, в трудные времена всегда являлась надежным укрытием и союзником грузинских царей.

Царь Георгий и после смещения с царского престола не унимался. В 1691 г. «он снова призвал Арчила к завоеванию Кахетии, ибо кахетинцы умоляли его об этом. Но Арчил не изъявил желания и уехал в Осетию» (Вахушти, 1913. С. 96). Арчил находился в близких отношениях с осетинами. Многократно изгнанный из Имеретинского царства, он всегда находил укрытие и поддержку в Осетии. Долгое время и семья царя Арчила укрывалась в различных районах Осетии.

В 1680—1681 гг. «Арчил из Кубита отправился в Двалетию, там расквартировал свою семью, а сам перешел в Имеретию и остановился в Чхерской крепости. Оттуда он вновь вернулся в Двалетию и один год провел в Пайкоме. Отсюда, в 1681 г., по совету брата, царя Георгия, он направился в Россию» (там же. С. 316). Сам Арчил свое положение описал так: «Когда из Кахетии отправился в Имеретию для ее занятия, то в течение трех лет ничего не добился, а на четвертый год в мае месяце занял Имеретию. В июле месяце Хванткар направил против меня войска... тогда перешел в Двалетию и там устроил царицу, а сам перешел в Имеретию и восемь месяцев пробыл в Чхере, после чего вновь вернулся в Двалетию, а оттуда перешел в Осетию и там, в Пайкоме, пробыл год» (Арчилиани, 1937. С. 7).

Таким образом, пребывание Арчила в Осетии продолжалось не дни и месяцы, а годы. Из Осетии он налаживал активные отношения с Россией. Он просил у царя России, Федора Алексеевича,

помощи и разрешения прибыть в Москву. В свою очередь русские, для выяснения некоторых обстоятельств, направили к Арчилу, находящемуся в Осетии, своего чиновника — Семена Дмитриева. Об этой встрече Дмитриев даже сделал соответствующие записи, из которых выясняется, что к находящемуся в Осетии Арчилу приехали его брат Леван, зять Малакия, князь Теймураз и другие видные представители из его окружения. Они старались доказать ему опасность такого путешествия и уговаривали отказаться от этой затеи. Арчил прочно стоял на своем решении и все-таки отправился в Россию.

В 1687 г. по приглашению Георгия XI Арчил вернулся из России. Сыновей своих, Александра и Мамуку, оставил в Осетии (Двалетии), а сам отправился в Рачу. Он вновь старался завладеть имеретинским престолом с помощью тамошних феодалов. Он действительно смог стать царем, но группировка имеретинского царя одолела группировку сторонников Арчила, и ему с большим трудом удалось перебраться в Дигорию. Александр Арчилу предъявил следующее требование: «Если дашь мне клятву, что в будущем не будешь оспаривать мне Имеретию, то прощу тебе, и уедешь в Россию; в противном случае не дам тебе дорогу». Оказавшись в безвыходном положении, Арчил дал клятву и перешел в Рачу, оттуда — в Дигорию, забрав с собой сыновей своего брата Левана: Кайхосро, Вахтанга, Доментия» (Вахушти, 1913. С. 323).

Когда в Картли воцарился Ираклий I Назаралихан, ему посоветовали арестовать сыновей Арчила, находящихся в Осетии — в Зарамаге (в Наро-Мамисонском бассейне — у истоков реки Ардона), послать их к шаху (хану) и этим обезопасить себя от возможных противников. Ираклий I был вынужден учитывать интересы тех кругов, которые требовали ареста сыновей Арчила. Поэтому он формально согласился, чтобы избежать доносов шаху со стороны этих кругов. Однако инициаторы этой затеи знали, что сыновья Арчила находились в Осетии, и это осложняло ситуацию. Александр, царь Имеретии и противник Арчила, не мог отказаться от этой затеи, ибо он сам был заинтересован в этом деле. Из источника не ясно — оказал ли Александр помощь Бадзиму Мдиванбегу, одному из инициаторов этого нелицеприятного плана. Дело заключается в том, что у Зарамага осетин Еликанишвили вместе с другими осетинами оказал стойкое сопротивление войскам Бардзима, и тот вернулся обратно, представ перед царем Ираклием I с пустыми руками (там же. С. 93).

Картлийские феодалы разделились на два лагеря. Один из них поддерживал Георгия XI, другой — Ираклия I. Эти два лагеря, поддерживаемые Персией, боролись друг против друга безжалостно. Наконец, группировка Георгия XI, в которую входили Гиви Амилахвари и Георгий-эристав, потерпела поражение. Они укрылись в Двалетии и оттуда собирались перебраться в Имеретию. Поражение

этой группировки и бегство их предводителей было связано со вступлением в Гори и разорением его окрестностей Ираклием I и предводителем персидских войск. Из Двалетии Георгия-эристава свои же крепостные привели обратно и передали Ираклию I (там же. С. 66).

Нескончаемые внешние и внутренние войны тяжелым бременем легли на трудовое население. Особенно невыносимыми были внутрифеодальные войны вокруг царского престола. Победители сравнивали с землей владения «врага». Разорение окрестностей Гори вызвало такие волнения среди крепостных Амилахвари и эристава, что эти помещики, опасаясь своих же крепостных, боялись остаться даже в собственных крепостях и решили бежать в Имеретию. Крайне тяжелое положение переполнило чашу терпения крепостных эристава. Они схватили добравшегося до Магран-Двалетии эристава и передали Ираклию. Этим они избавили себя от разорения, ожидаемого ими со стороны Ираклия, и тем самым временно улучшили свое положение.

Царь Арчил продолжал борьбу за имеретинский престол. В 1690 г. он сообщал из Дигории в Москву, что «занял большую часть своего царства» (Арчилиани, 1937. С. IX). Однако этот его успех оказался кратковременным, и скоро Арчил вновь оказался в Дигории со своими племянниками. Брат Арчила, Георгий XI, при дворе шаха добивался для него имеретинского престола. Он даже добился этого. Шах передал Имеретию Арчилу и даже послал войска для выполнения этого решения. «Тогда сообщили об этом Арчилу, находящемуся в Дигории. Он перешел в Рачу, его встретила вся Рача и эриставы, а оттуда перебрался в Имеретию» (Вахушти, 1913. С. 324). Однако его царствование вновь оказалось краткосрочным. Спустя год Имеретию занял Александр, а Арчил в 1691 г. вновь перешел в Двалетию, а оттуда в сопровождении немногочисленного отряда отправился в Россию.

На этот раз его переезд в Россию встретил большие затруднения. По заданию персидского шаха Шамхал переманил на свою сторону «черкесского помещика» Кичлико, чтобы тот схватил Арчила и передал его шаху. Он с показными почестями принял Арчила, но во время отъезда его в Россию напал на него с целью его захвата. Арчил и его сопровождающие оказали мужественное сопротивление и спаслись. В ту же ночь жена Кичлико отправила царя в Басиан, а его отряд — в Дигорию. Шамхал и Кичлико решили забрать царя Арчила из Басиана, но женщины Басиана сняли платки и объявили своим мужьям: «Наденьте наши платки, а мы наденем ваши головные уборы, но не сдадим царя Кичлико». Из Дигории царь и его отряд вернулись в Картли (там же. С. 326–327). Басиан территориально находился западнее Дигории. Там проживали балкарцы. Следовательно, из вышеприведенной справки следует, что царя Арчила от пленения спасли балкарцы и дигорцы.

В 1695 г. Арчилу еще раз удалось овладеть имеретинским престолом, но только на год. Внутренние распри вновь заставили его перебраться в Дигорию (там же. С. 328) и перезимовать в Зарамаге[16]. В 1698 г. из Зарамага через Рачу Арчил перешел в Имеретию и на шесть месяцев вновь занял имеретинский трон. Против него хонткар (шах) направил ахалцихского пашу Селима, и вместе с сыном имеретинского царя Симоном они выступили против Арчила. Арчил, покинутый сторонниками, «осенью того же года перешел в Рачу, оставил там племянника Вахтанга, так как Кавказ был скован снегами, и вместе с семьей царь не мог переходить горы. Сам же Арчил Лиахвской дорогой перешел в Тагаурию, перезимовал там, а весной отправился в Россию» (там же. С. 330). Отсюда следует, что Арчил имел тесные связи не только с южными осетинами, но и с северными. Наравне с Двалетией и Дигория являлась его постоянным прибежищем. А когда стало невозможным перебраться из Рачи в Дигорию по причине большого снегопада, Арчил через Лиахвское ущелье и по Дарьяльской дороге свободно перешел в Тагаурию и там, среди осетин, провел целую зиму, а весной отправился в Россию.

В начале XVIII в. в Картли царствовал Вахтанг VI. Он хорошо знал осетин, ибо долгое время, в течение нескольких лет, вместе с дядей, царем Арчилом, укрывался то в Зарамаге, то в Дигории. Поэтому для укрепления своего положения в Картли он придавал большое значение распространению господства над осетинами. С этой целью он в 1711 г. «вторгся в Осетию, разрушил 80 башен, предал огню, пленил непокорных, прошел Зарамаг, обошел ущелье Жгел и вернулся обратно в Кударо, а из Кударо вернулся в Картли победителем (1711 г.) Одолел Двалетию и обложил данью» (там же. С. 118).

Из приведенного скудного и лаконичного сведения трудно понять те причины, которые заставили Вахтанга осуществить поход в Осетию. Вне всякого сомнения, политические правители Картли не довольствовались простыми добрососедскими отношениями с осетинами и стремились перевести эти отношения на принципы крепостничества, то есть подчинить и обложить данью. Разумеется, свободолюбивые и воинственные осетины не изъявляли такого желания. Вахтанг знал, что многочисленные башни осетин были основной опорой в их борьбе за независимость. Поэтому острие атаки он направил против этих башен. По Вахушти, Вахтанг разрушил 80 башен, и только после этого смог подчинить осетин и обложить их данью.

Данный поход Вахтанга VI охватил всю территорию Южной Осетии. Крайней северной точкой похода Вахтанга был Зарамаг. Отсюда он вернулся в Кударо и этим завершил свою миссию по подчинению осетин. Об этом походе Вахтанга VI говорится у Сехниа Чхеидзе, историка первой половины XVIII в. По его сведениям, в 1711 г. Вахтанг «собрал грузинские войска, перешел в Двале-

тию, разрушил, победил и предал огню тридцать крепостей, поработил от Верхнего Нара до Нижнего Кударо, обложил данью» (Чхеидзе, 1854. С. 324).

После подчинения южных осетин власть Вахтанга заметно окрепла. Это заставило феодалов, противников централизованной власти, задуматься о своей судьбе и начать действовать. Они просили шаха об отстранении Вахтанга и возведении на трон его брата Иесе. Вахушти так описывает данное событие: «Завладев Осетией, Вахтанг укрепил свой тыл. Этим обеспокоились эриставы Георгий и Датуна, и они обратились к шаху: «Не хотим Вахтанга, пошли нам Иесе» (Вахушти, 1913. С. 119). Опасения эриставов Ксани и Арагвы, стремящихся к обособлению, были серьезными. Покорением осетин Вахтанг обеспечил для себя опору в тылу эриставов, в борьбе с которыми этот факт сыграл не последнюю роль.

Противостоящая Вахтангу группировка усиливалась еще и тем обстоятельством, что ее поддерживали братья Вахтанга — Иесе и Симон. Они изрядно попортили дело Вахтанга при шахском дворе тем, что добились утверждения Иесе на престол Картли. В 1719 г., после серьезной дипломатической борьбы, Вахтанг вновь сумел вернуть престол и сразу же начал сведение счетов с противниками — некоторые из них подверглись физическому уничтожению, а некоторые были изгнаны из страны. «В 1719 году Вахтанг прибыл в Тифлис. Схватил сомхитека Мелика Камар-Бегисдзе и расстрелял из ружья. Были арестованы Баграт Цицишвили, Фешанги Палавандишвили, Джамаспи Херхеулидзе, Папуна Ревазишвили, Вешапидзе и Платон. Но их спас от смерти католикос и продал в Осетию, обменяв их на козлов» (там же. С. 81).

Шанше-эристав, узнав о сведении счетов, спасся бегством и укрылся в своем поместье в Ксанском ущелье. Схватить и казнить его Вахтанг поручил своим сыновьям — Бакару и Вахушти. Бакар вторгся в Ксанское ущелье, а Вахушти — в Лиахвское ущелье. Братья отняли у Шанше эриставство, но сам он укрепился в Чурте. Вахтанг обратился за помощью к имеретинскому царю. Вскоре ему на помощь пришли рачинский эристав Шошита, Симон и Леван Абашидзе со своими войсками. Объединенным войском царь атаковал Чуртское укрепление. Шанше в знак поражения был вынужден явиться перед царем с висящей на шее саблей (Вахушти, 1913. С. 124).

В конце царствования Вахтанга VI его связи с Россией оживились. В 1721 г. Вахтанг намеревался принять участие в организованном Петром I походе против Ирана. Наметилась перспектива высвобождения грузинского народа из когтей шаха. Сорокатысячное грузинское войско было готово присоединиться к русским войскам, но осложнившиеся внутренние и внешние обстоятельства заставили Петра отложить поход, а Вахтангу пришлось вернуться с войском обратно.

Политические связи Грузии с Россией не остались для Ирана секретными. В знак мщения иранский шах в 1723 г. отстранил Вахтанга от картлийского престола, который передал кахетинскому царю Константину. В том же году весной Константин с помощью дагестанских войск два раза напал на Тифлис, взял его и безжалостно разорил. Вахтанг VI укрылся в горах. Скоро, в июне 1723 г., Тифлис был занят турками, и правителем Картли назначили сына Вахтанга – Бакара. Однако Бакар недолго терпел владычество иноземцев и сбежал к своему отцу в горы, оттуда они вели партизанскую борьбу против турок.

Во всей этой политической борьбе осетины, по всей вероятности, принимали активное участие (имеются в виду южные осетины, включая осетин Наро-Мамисонского бассейна). Они входили в состав сорокатысячного войска Вахтанга. Еще раньше, в 1711 г., одной из причин его похода в Осетию было покорение туземцев и использование их военной силы в своих политических целях. Кроме того, нельзя исключить из всех этих событий Арагвское и Ксанское эриставства, где в огромном количестве проживали осетины.

О том, какое большое значение придавала грузинская политическая верхушка благорасположению южных осетин, свидетельствуют многочисленные факты дарения милостей и различных привилегий отдельным представителям осетинских влиятельных кругов, чтобы с их помощью, в случае необходимости, добиться поддержки осетин. А такая необходимость в создавшихся исторических условиях постоянно стояла перед ними. В книге милости Константина, или Магомеда-паши (1723–1733), нарскому дворянину Зидахану Хетагурову говорится, что Зидахан был влиятельным лицом среди нарских осетин, и поэтому грузинские цари милостивили его. «Данную книгу милости дарит вам, нашему преданному нарскому дворянину Жидахану Хетагурову, наш царь царей Магомед-паша. Такую милость вы имели и от нашего отца, и от других царей, потому и мы впредь будем милостивыми к вам, а вы, со своей стороны, останетесь нашим верноподданным» (ГЦИА, ф.1448, док. 5586; Древности Грузии, 1910, № 265. С. 252). Разумеется, Жидахан в этом отношении не был исключением.

Какую услугу оказал Зидахан Хетагуров царю Константину – из источников не выясняется. Известно, что в результате нашествия турок царь на картлийском престоле не удержался. На царский трон турки посадили Иесе, брата Вахтанга. Вахтанг уже не мог оставаться в Картли и начал готовиться к отъезду в Россию. Для этой цели он отправил своих представителей, Давида Назарашвили и Франгистана, к Петру I, чтобы испросить у него разрешения на отправку в Россию. Они вернулись с положительным решением. «Тогда царь собрался, отправился и прибыл в Рачу в 1724 году. Вместе с ним отправились многие грузины и кахетинцы, некоторые

с семьями, около 1400 человек. Из Рачи царь перешел в Дигорию, там его встретили шурины и правитель Черкесии. Оттуда он прибыл в Черкесию, где его встретил многочисленный отряд русских, в сопровождении которых, вместе со своей свитой отправился в Астрахан» (Вахушти, 1913. С. 133–134).

Все это передвижение и сообщение между Грузией и Россией, в том числе и отправление царя Вахтанга VI в Россию с многочисленной свитой, проходило через территорию Осетии. Для обеспечения безопасности движения грузинские политики временами проводили определенные мероприятия, целью которых являлось сохранение благоприятных отношений с осетинами. В свою очередь осетины благожелательно относились к стремлению Грузии заключить союз с Россией и способствовали этому.

Этот факт объясняется не только той традиционной исторической дружбой, которая веками складывалась между грузинским и осетинским народами, но и той поддержкой, которая вновь и вновь находила свое систематическое проявление в оказании военной помощи грузинскому народу в борьбе против иноземных захватчиков, в предоставлении убежища в случае политических неудач. Заинтересованность осетин в сближении Грузии с Россией диктовалась еще и тем, что Осетия, оказавшаяся в тяжелых политических условиях, с надеждой смотрела на могущественную поступь российского государства в сторону Кавказа и всячески способствовала такому продвижению, в отличие от тех мусульманских политических деятелей, которые, находясь под турецко-крымским и персидским влиянием, с опаской смотрели на такое продвижение и по мере возможности мешали ему.

Господство османов в Картли, начавшееся в 1723 г., в 1735 г. сменилось не менее жестким господством кизилбашей. Шах Надир разорил и обложил данью Картли. Он «разрушил Горийскую крепость, гору Табор, направил войска против арагвского эристава Бардзима, войска его, в количестве четырех тысяч, вторглись в Верхнюю Картли, столько же – в Сацициано, разорили, пленили, предали огню» (Чхеидзе, 1854. С. 339). Кровавым шахом были разорены равнинные районы Картли, хотел он вторгнуться и в горные районы, но не смог. Своим представителем в Картли назначил Сефихана и обязал его привести в покорность Картли. Сефи-хан пригласил в Гори картлийскую верхушку и вероломно арестовал их. Ксанский эристав Шанше не попался на удочку кизилбашей, сбежал и организовал восстание Ксанского эриставства, укрепил свои крепости и приготовился к длительной борьбе. Большинство крепостных восставшего Шанше, оказавших ожесточенное сопротивление кизилбашским ордам, были осетины. Страна подверглась безжалостному разорению, но своей цели Сефи-хан не добился.

О тяжелых и кровопролитных боях, происходивших на терри-

тории Ксанского эриставства, свидетельствуют источники. «В конце апреля 1737 года Сефи-хан вновь с большим войском прибыл в Картли, вторгся в Ксанское ущелье, взял крепость Икорта, крепость Ванат, крепость Кулбити, напал на Вахушти Абашидзе, взял крепость Цихисдзири и крепость Сурами, напал на ксанского эристава, взял крепость Ацкури, крепость Бешо и монастырь. Брат ксанского эристава Иесе с семьей бежал в Кахетию. Шанше перешел в Имеретию, а оттуда отправился в Россию. Сефи-хан прибыл в Тифлис, пленил царя Арчила и посадил в тюрьму. Шах потребовал Арчила, и он отправился к нему 10-го ноября. Тогда собрались осетины Ксанского эриставства и все жители эриставства. Взяли крепость Ананури, Монастери и Ахалгори. Обратились к брату ксанского эристава Иесе, сбежавшего в Кахетию, чтобы вернулся и принял отобранные крепости» (там же. С. 341—342).

С отъездом Шанше в Россию борьба населения Ксанского эриставства против персов не прекратилась. Осетины эриставства вместе с грузинским населением отбили у врага ряд крепостей и городов и передали сбежавшему в Кахетию Иесе. Скоро Шанше вернулся из России и с новой силой продолжил борьбу с персами. Тогда шах Надир прибегнул к своей вероломной политике и таким образом одолел Шанше, а восстание населения Ксанского эриставства потопил в крови. Не добившись успеха в прямой борьбе, он передал Ксанское эриставство Гиви Амилахвари, чем противопоставил эти феодальные владения друг другу. Амилахвари связался с Бежаном, эриставом внутреннего Арагви, и таким образом добился подчинения Ксанского эриставства (Вахушти, 1913. С. 93).

Поход шаха для подавления сопротивления Ксанского эриставства историк Папуна Орбелиани описывает так: «В 1741 году, в августе месяце войска отправились в Ксани. В Мухрани к ним присоединился Гиви Амилахвари. Он, по поручению шаха, возглавил войска, разделив их на три части. Одну часть войск во главе с арагвским эриставом направили в сторону Ломиси, вторая часть вторглась в Ксанское ущелье, третья часть — в Лиахвское ущелье. Разорили Ксанское ущелье, разгромили крепости, ни одну башню не оставили целой, пленили и истребили множество населения. Шанше-эристав вместе с семьей сбежал и укрылся в Ацерской крепости. Хан окружил крепость, но Шанше тайком покинул ее... Хан разрушил Ацерскую крепость и другие укрепления, пленил и изгнал всех, проживающих до Осетии, сдал их в распоряжение Гиви Амилахвари. Амилахвари всех собрал в Пхвениси. Сам хан вернулся обратно, так как там, по его мнению, кое-что еще оставалось неразграбленным. Возвращаясь обратно, хан уже не боялся осетин, так как с горцами-осетинами было достигнуто перемирие. Но, узнав о предательстве хана, осетины устроили засаду войскам хана в одном узком месте и атаковали их. Кизилбаши спаслись бегством, хана

пленили, убили Папуну Мухранбатонишвили, перебили кизилбашей» (Орбелиани, 1854. С. 346–347).

Из вышеприведенного видно, что для населения Ксанского эриставства наступили тяжелые дни. Враг, с помощью и при непосредственной поддержке грузинских князей, с трех сторон вторгся в Ксанское ущелье и разорил его, сравнял с землей крепости и укрепления, разрушил строения, ограбил и забрал все, что попало под руку. Шанше-эристав спасся бегством, а жителей увели в плен. Но жадность врага не знала пределов. Хан решил вернуться обратно в Пхвениси для окончательного разграбления и разорения Ксанского ущелья. Такое поведение хана осетины сочли предательством, и они устроили ему побоище в теснинах гор. Хан был пленен, некоторые предводители его войск были убиты, многих кизилбашей истребили, а оставшиеся в живых спаслись бегством.

Сведения Папуны Орбелиани подтверждает Вахушти. Он пишет, что «шах Надир, вернувшись из Индии, прибыл со своим войском в Лезгию, а оттуда двинулся против Шанше, разгромил крепость Ацерского ущелья, взял в плен семью Шанше-эристава, пленил многочисленных его сторонников. Сам Шанше сбежал в Ахалцихе, к Аликулихану, являвшемуся ханом Тифлиса. После этого Сефи-хан вторгся в Магран-Двалетию, где с ним жамурские осетины жестоко расправились, арестовали его, истребили его войска» (Вахушти,1913. С. 93). Вахушти конкретно указывает, что войска хана были истреблены жамурскими осетинами.

Шах, не одолев Шанше на поле брани в прямых боестолкновениях, противопоставил ему Амилахвари и арагвского эристава, развернув тем самым братоубийственную войну. В результате коренным образом изменился характер восстания. «Скоро борьба Шанше против завоевателей превратилась в борьбу картлийских феодалов между собой. Шанше с помощью лезгинов разорил амилахварство, а Амилахвар с помощью кизилбашев уничтожил крестьянство Ксанского ущелья. Вместе же они переживали горькую судьбу Картли» (Бердзенишвили, 1944. С. 197).

Результатом перерастания борьбы против завоевателей во внутрифеодальную борьбу явилось поражение восстания. Из вышеприведенных сведений ясно прослеживается коварство персидских завоевателей. Папуна Орбелиани так описывает положение пленных: «Пленили около девятисот взрослых и детей, их передали афганским войскам, раздавались плач и крики отчаяния, кто мог — высвобождался. Пленные так обесценились, что за одного взрослого мужчину давали два миналтуна; тем, которые не продавались, им, подобно овцам, перерезали горло и бросали в воду» (Орбелиани, 1854. С. 347).

Несмотря на то, что четырехлетняя борьба (1736–1741) Ксанского эриставства против кизилбашей закончилась поражением, —

она все-таки считается одной из замечательных страниц и образцом совместной борьбы грузинского и осетинского народов против иноземных завоевателей.

В 1741—1742 гг. Надир-шах вел тяжелые бои против дагестанских лезгинов. Для нужд войны началась жестокая эксплуатация сел и городов. В 1741 г. с целью обложения налогами в Картли-Кахетии была осуществлена специальная перепись населения. Села и селища, пригодные и непригодные земли везде обмерили, посчитали деревья и виноградники и обложили налогами; всех мужчин, начиная с 10-летнего возраста, обязали платить денежные платежи; мельницы, огороды, скот — ничего не оставляли без налогообложения» (там же. С. 345).

Трудовое население, оказавшись в таком положении, теряло всякий интерес к хозяйству, ибо оно становилось бессмысленным. Население либо бежало от врага, либо вступало в жестокую кровопролитную борьбу с завоевателем. В таких тяжелых условиях шахская политика подкупа влиятельных представителей из местных господствующих классов становилась менее продуктивной. И когда доведенную голодом до крайности страну Надир-шах вновь обложил непомерным платежом (20 тысяч «харвали», или 3 млн литров хлеба), в Картли вспыхнуло всеобщее восстание, которое возглавил Гиви Амилахвари. Весной 1742 г. он собрал старейшин Арагвского и Ксанского ущелий и ознакомил их со своими планами. Заодно «он объединил всех князей Верхней Картли»* (там же. С. 350). Восстание охватило всю Картли. Амилахвари заблаговременно укрепил все крепости амилахварства и ущелий Арагви и Ксани. С целью получения поддержки установил связи с лезгинскими османами и Россией. Восстание приняло серьезный характер, шли ожесточенные бои между восставшими и кизилбашами, шах посылал все новые и новые силы против повстанцев. Чтобы сломить их сопротивление, он подкупил некоторых князей и таким путем противопоставил Амилахвари его однофамильцев, заставил их выступить против него.

Кизилбаши вторглись в Арагвское эриставство, но, встретив ожесточенное сопротивление, вновь перешли в Картли и разорили его. Насколько картлийские равнины были доступны для врага, где его численное преимущество легко переходило в его успех на поле брани, настолько горные районы Картли были труднодоступными для неприятеля, и поэтому основные силы восставших находились именно там.

---

* Восстание Г. Амилахвари более подробно рассматривается в работе проф. Д. Гвритишвили «Из истории борьбы грузинского народа против турецких и иранских завоевателей в первой половине XVIII в. (восстание Г. Амилахвара)» // Мимомхилвели (Обозреватель), т. III. Тб., 1953. С. 109—131 (гр.). — **Г.Т.**

Восстание продолжалось долго. Грузино-осетинское население Ксанского и Арагвского эриставств вместе с жителями амилахварства неоднократно наносило поражения кизилбашскому воинству. Несмотря на это, надежда на успех таяла. Некоторые феодалы несли большие потери от карательных экспедиций кизилбашей. В чрезвычайно тяжелом положении оказалось крестьянство. Его и так слабое хозяйство в результате беспрерывных набегов кизилбашей полностью разорилось. В таких условиях идея восстания постепенно теряла для них свой смысл, тем более что князья, руководители восстания, были для них такими же врагами, как и кизилбаши.

Примером возрастания антифеодальных настроений среди восставших было восстание в Арагвском эриставстве в 1743 г. Местное крестьянство в ответ на жестокую эксплуатацию со стороны Бежана-эристава выступило против него, убило его и его двоюродного брата Отиа. Амилахвари жестоко расправился с восставшими, потому что, во-первых, Бежан был его зятем и преданным сторонником; во-вторых, проявление жестокости понадобилось амилахвару для того, чтобы пример арагвцев не поддержало остальное население амилахварства и Ксанского ущелья. Папуна Орбелиани отмечал, что «если отступит арагвское население, то невозможно будет держать в покорности и ксанское население» (там же. С. 356). Восставшие арагвцы пригласили Теймураза, и он тоже присоединил их земли к царским землям. С этого момента Арагвское эриставство из лагеря сторонников амилахвара перешло в лагерь его противников, нанеся тем самым серьезный вред восстанию. В царстве Теймураза, в Кахетии, наступило сравнительное спокойствие, а «поскольку Картли подвергалась нашествию и погромам со стороны кизилбашей и лезгинов, то многие князья, дворяне и крестьяне переходили в Кахетию и там селились» (Вахушти, 1913. С. 220).

Чтобы сломить сопротивление Амилахвари, кизилбаши усилили военные мероприятия. В частности, Аджи-хан пошел в наступление конными и пешими войсками из села Дирби на войска Амилахвари, которые стояли в селе Корниси (село в ущелье реки Проне, населенное осетинами). Жестокая пятичасовая битва закончилась поражением кизилбашей, но столкновения продолжались и дальше.

Тем временем положение Надир-шаха осложнилось. Восстал Ширван-Шамахский край и отпал от шаха. Находящийся в Картли Аджи-хан был отозван обратно. Дагестан не успокаивался, продолжалась война и с османами. Все это способствовало борьбе Гиви Амилахвари против персов. У него появилась надежда на успех, и он активизировал борьбу против кизилбашей и их сторонников среди грузинских князей. Узнав о тяжелом положении кизилбашей, противники «воодушевились и начали бить Сабараташвило, сторонника кизилбашей. На помощь Амилахвари прибыли войска осетин и черкесов, напали на Сабараташвило, на окрестности Биртвиси и Куми-

си, разорили... Прибыл Гиви Амилахвари, защитил Крцхинвали. Царь Теймураз старался различными посулами и милостями примириться с населением Ксанского ущелья, но безрезультатно» (Орбелиани, 1854. С. 362).

Осетины, упомянутые в вышеприведенной справке, были с Северного Кавказа. Их прибытие могло осуществиться через Военно-Осетинскую дорогу, ибо Дарьяльская дорога для этой цели была недоступной по той причине, что Арагвское эриставство и, следовательно, дорога находились под управлением Теймураза, и, разумеется, он не мог в ущерб себе допустить пользование этой дорогой своим противникам. Войска осетин и черкесов, а также лезгинов, по всей вероятности, были привлечены на основе найма. Что же касается южных осетин, то их основная часть в восстании принимала участие на основе подданства. Грузинские источники того времени отмечали участие южных осетин в тех или иных политических событиях только тогда, когда их выступления носили оттенок независимого действия. В совместных же с грузинами выступлениях осетины никогда отдельно не упоминались, несмотря на то, что они всегда являлись активными участниками почти во всех значительных политических событиях, происходивших в Картли.

В 1744 г. царь Теймураз II и его сын Ираклий II объединенными силами вторглись в Ксанское ущелье и захватили его. В результате этого арена действий Амилахвари резко ограничилась, а силы чувствительно ослабели. Он все в большей степени становился зависимым от Османской империи, которая стремилась к завоеванию Картли и ее отуречению. По этой причине Гиви Амилахвари, «борец за свободу Картли, поневоле становился агентом османов» (Бердзенишвили, 1944а. С. 207). И когда в 1744 г. Надир-шах назначил Теймураза царем Картли, а Ираклия – царем Кахетии, восстание потеряло идейную основу, и борьба против кизилбашей превратилась во внутрифеодальную борьбу. После этого, несмотря на помощь османов, поражение Амилахвари стало неизбежным, и в 1745 г. он сдался Теймуразу.

Подчинение Ксанского эриставства царской власти не прошло безболезненно. Осетины эриставства не подчинились новой власти и даже осуществляли нападения на Верхнюю Картли. По сведениям Папуны Орбелиани, «отступили осетины эриставства и осуществляли нападения на Верхнюю Картли; тогда царь Ираклий призвал лезгинов анцухельских, тебельских и киразельских, подчинявшихся кахетинскому царю. Войско лезгинов собралось в Авчала, выдали им провиант, предводителем назначили Мачабели и Иесе – сына Амилахвари, и направили против осетин. Объединенные войска разорили Осетию и оттуда перешли в Имеретию, где подвергли разбою и разграблению владения Церетели. В разорении имеретинского церетельства царь не виновен. Но так как наемникам царя добы-

ча в Осетии казалась недостаточной, то они подались в Имеретию и разграбили ее. С добычей и пленными лезгины вернулись в Гори» (Орбелиани, 1854. С. 388).

Наказание осетин с помощью наемной силы — не является исключительным явлением в истории тогдашней Грузии. К подобным мерам — применению всякой возможной силы в борьбе с противником — обращались все в тот исторический период. Часто такие мероприятия провоцировали нежелательные и опасные последствия. Призванная на помощь внешняя сила разоряла и грабила не только владения противника, но и другие земли, в том числе земли и поместья нанимателя, лишь бы добыча была побольше. Лезгины сочли недостаточным количество награбленного и потому вторглись в Имеретию, разграбили, пленили многих и вернулись обратно. Цари Ираклий и Теймураз озадачились происшествием и решили, хотя бы частично, исправить вред, нанесенный лезгинами (дагестанцами). Поэтому, «когда лезгины вернулись с награбленной добычей и многочисленными пленными, то верующие цари не пожелали их пленения, дали наемникам столько тетри (деньги), сколько они желали за пленных, и освободили их» (там же. С. 389).

Выступление Мачабели и Амилахвари в качестве предводителей похода лезгинов против осетин имеет свое объяснение. Территориально земли этих князей (Самачабло и Амилахварство), где проживало смешанное грузино-осетинское население, непосредственно граничили с Ксанским эриставством с его преимущественно осетинским населением. Само собой разумеется, что непокорность осетин этого эриставства могла стать примером и для осетин Самачабло и Амилахварства. Поэтому правители отмеченных княжеств приняли активное участие в карательной операции против осетин.

Однако поражение осетин Ксанского эриставства еще не означало их покорения. Они не то что не платили податных налогов, но даже не пускали к себе царских чиновников. Таким же образом поступало и население Арагвского эриставства, где антифеодальные традиции были особенно сильными. Ираклий и Теймураз решили добиться окончательного их покорения. Папуна Орбелиани об этом пишет следующее: «Отправился царь Кахи с кахетинским войском, прибыл в Ананури. Оба эристава проявляли непокорность, не платили податей и чиновников не пускали к себе. Надо было одолеть их сопротивление. Царь Ираклий направил письмо своему отцу — картлийскому царю Теймуразу и просил его прибытия на подмогу. Царь Теймураз отправился с войском, прибыл в Ванати, перекрыли дороги между этими эриставствами, чтобы они не смогли оказать помощь друг другу» (там же. С. 390).

Таким образом, Ираклием и Теймуразом были приняты чрезвычайные меры, чтобы исключить объединение населения Ксанского и Арагвского ущелий и тем самым облегчить их покорение по

отдельности. Именно такую цель преследовало расположение Теймураза с картлийским войском лагерем в Ванати. После принятия таких предварительных мер «царь Ираклий снялся из Ананури и двинулся на Осетию. Во главе войска арагвского эристава поставил управителя тушев Джимшера, определил левое и правое крыло войск, а сам царь последовал позади. Осетины преградили им путь, и разразилась жестокая схватка. Войска Ираклия подоспели, и тогда осетины отступили и закрепились в крепостях и башнях. Их окружили, взяли, разрушили и сожгли сорок башен. Ираклий вернулся победителем в Ананури» (там же. С. 390).

Из вышеприведенного следует, что основным опорным пунктом Ираклия для подчинения осетин, проживавших в Арагвском ущелье и верховьях Терека, стал Ананури. Осетины оказывали упорное сопротивление, и только чрезмерным напряжением сил Ираклий смог достичь успеха. Особенно пострадало Трусовское ущелье. Осетины были вынуждены подчиниться царю. Поражение оказало отрицательное влияние и на осетин Ксанского эриставства. Подчинение арагвских и трусовских осетин вынудило и ксанских осетин добровольно подчиниться Теймуразу. «Узнав о поражении арагвских осетин, представители осетин Ксанского эриставства явились к Теймуразу в Ванати и обещали подчинение» (там же).

Подчинение Арагвского и Ксанского эриставств имело большое значение для укрепления царской власти. В описи эриставств 1769 г. говорится: «Сии оба владения Арагвское Эристово и Ксан Эристово между собою так смежны, что в средине их нет ни одной деревни, которая бы или тому, или другому не принадлежала, и если бы они по своему многолюдству и по природной крепости тамошнего местоположения хлебороднаго и плодоноснаго, имея при всем том каждое в своей зависимости по несколько тысяч Осетинцов, в Кавказских горах живущих, совокупятся в общее намерение, в таком случае всею Грузию действовать могут, ибо и перед сего они многократно возставали против Грузинских царей, а чрез то им и великую заботу наводили в их успокоении» (Цагарели, 1891. С. 38).

По этой причине Ираклий II придавал большое значение укреплению своего тыла с севера. В условиях натиска могометанских стран с юга и юго-востока наличие колеблющегося тыла могло стать роковым для страны. Подчинением царской власти осетинского населения Арагвского и Ксанского ущелий Ираклий существенно укрепил свои позиции. Кроме того, упрочением своей власти в Арагвском ущелье Ираклий добивался создания условий для использования Дарьяльской дороги в своих интересах. Эта дорога в системе политических планов Ираклия занимала значительное место. Дарьяльской дорогой Ираклий мог перевести с Северного Кавказа вспомогательные войска осетин, кабардинцев и других народов. Кроме того, эта дорога сулила в будущем установление все более тесных и

растущих связей с Россией, и поэтому контроль над ней для Ираклия являлся заботой первостепенной важности. С этой целью Ираклий, кроме принятия военных мер, использовал и дипломатические приемы. Чтобы добиться благорасположения тагаурских осетин, он осыпал представителей влиятельных кругов тагаурских осетин подарками, милостями, жалованьями.

В 1748—1750 гг. Картли и Кахетии пришлось воевать с соседними ханствами, стремящимися к господству на всем Восточном Закавказье. Ираклий и Теймураз решили, наконец, искоренить подобные завоевательские стремления этих ханств. В результате принятых чрезвычайных мер они сделали своими данниками Ереванское, Ганджское и Нахичеванское ханства. Подчинение этих ханств требовало значительных военных усилий, и поэтому без внешней помощи оно не могло осуществиться. Папуна Орбелиани так описывает приготовления к походу против этих ханств: «Грузины против кизилбашей были настроены очень воинственно. Вся грузинская рать собралась в Тифлисе, позвали имеров, черкесов, осетин и кавказов. Кроме того, царь Кахетии собрал всех кахетинцев, а также подчиненных ему тушов, пшавелов, хевсуров и дагестанцев. Все это войско, собравшееся в Тифлисе, двинулось из города 8 февраля 1750 года» (Орбелиани, 1854. С. 424). В результате похода объединенных войск враг был повержен. Войска, вернувшиеся в Тифлис, отпраздновали победу, после чего цари отправили их по своим странам с большими наградами. «Царь Теймураз наградил привелико предводителя черкесов и его войска; так же поступил и с потусторонними осетинами, и отправил их по своим странам» (там же. С. 428).

Из приведенных сведений видно, что народы Северного Кавказа в грузинских военных походах участвовали по найму. Примечательно также, что под знаменем Ираклия и Теймураза воевали как южные, так и северные осетины. Но цари Грузии одаривали только северных осетин, которые, подобно черкесам, служили грузинским царям на условиях найма. Южные же осетины, наравне с другими горскими народами Грузии, грузинским царям служили на условиях подданства, и поэтому они, кроме случайной добычи, ничего не могли получать.

Для упрочения своего идеологического влияния на осетин грузинские политические деятели проводили активную деятельность среди осетин с целью восстановления в них пошатнувшейся христианской религии. 40-е годы XVIII в. считаются периодом деятельности Осетинской духовной комиссии. Эта комиссия была создана и укомплектована по инициативе грузинских духовных лиц, отправлявшихся в Россию в составе свиты Вахтанга VI. В Грузии хорошо были информированы о существовании данной комиссии и способствовали ее деятельности.

Добрососедские отношения между грузинами и осетинами про-

должались в течение всей второй половины XVIII в., что подтверждается многими фактами политических отношений этих народов. Осетинская военная помощь являлась одной из материальных основ активной внешней политики царей Ираклия и Теймураза. Не существует почти ни одного более или менее значительного военного начинания, активными участниками которого не были бы осетины. В 1751 г. владетель Тавриза Азат-хан осуществил поход на Ереван. Он решил завоевать весь Иран и стать его государем. Хан Еревана обратился за помощью к грузинам. «Пришли хан Еревана и другие высокопоставленные лица, упрашивали царя, просили войск и помощи. Тотчас же отправили людей в Осетию, Черкесию и другие горные страны, прибыли войска и начали готовиться к походу» (там же. С. 435).

Грузины предусмотрели опасность авантюры Азат-хана, и войска Картли-Кахетии во главе с царем Ираклием в спешном порядке отправились навстречу врагу. К этому времени подоспели и войска из Северной Осетии. Царь Теймураз дал им провиант и отправил к своему сыну — царю Ираклию. Осетинские войска прибыли в военный лагерь Ираклия (там же). Данное сведение заслуживает внимания тем, что дает определенное представление об организации сбора войск, призванных на помощь. Представитель царского двора отправляется к осетинам и другим народам и приглашает их для участия в военных действиях против того или иного врага. Войска получают провиант и участвуют в боях под командованием царя. О том, как осуществлялось обеспечение приглашенных войск продовольствием, говорит приказ Ираклия II Ревазу Амилахвари. В нем говорится о мерах и источниках снабжения осетинских войск продуктами пропитания. «Получили ваше письмо, — пишет Ираклий Ревазу Амилахвари, — пишешь об осетинах: хлеб выдали из Амбардана, водку — из Гори в день шесть или семь «тунгов» Пятнадцать коров и пятнадцать овец До встречи с нами хорошо обеспечьте и, бога ради, не отпускайте их недовольными» (ГЦИА, ф.1448, д. 1339). Из приведенного документа видна та большая забота, которую проявлял Ираклий II к наемным войскам.

Малочисленное войско Ираклия близ Еревана, у Кирхбулаха столкнулось с 18-тысячным войском Азат-хана и сразу же атаковало. Под личным командованием Ираклия грузино-осетинские войска нанесли главный удар по центру вражеских сил, дезорганизовали их ряды и одержали блестящую победу. Вскоре перед Грузией возникла новая опасность. Хан Шаки-Шарвана Аджи-Чалаб встревожился усилением грузин и их непосредственным соседством. Он решил ликвидировать эту опасность и в секретной обстановке начал готовиться к войне. В феврале 1751 г. с помощью дагестанских войск он нанес поражение грузинским войскам. Война с Азат-ханом временно отодвинула сведение счетов с Аджи-Чалабом. В свою очередь, Аджи-Чалаб решил объединить магометанские ханства и

противопоставить их христианской Картли-Кахетии. Кроме дагестанцев, он смог переманить на свою сторону ханов Ганджа-Карабаха и Еревана. В результате измены ханов Аджи-Чалаб в 1752 г. одержал победу у Ганджи, после чего вторгся в Картли. Села Картли-Кахетии наводнились дагестанцами и подверглись грабежу.

Аджи-Чалаб был опасным и вероломным врагом, и поэтому было решено срочно пресечь его враждебные действия. Начался сбор войск. Но так как собственных сил не хватало, то «отправили Зураба Зедгенидзе в Черкесию (Кабарду) для сбора войск». Зураб прибыл в Черкесию для переговоров с тамошними владетелями. Они обещали дать войска, но потребовали соответствующее жалованье. Цари повторно отправили людей и обещали жалованье. «Черкесские князья и дворяне прибыли в Грузию, выслушали приказ царя, обещали нужное количество войск, но вопрос о жаловании надо было решать до перевода войск». Одним словом, переговоры с кабардинцами сильно затянулись, ситуация же требовала их ускорения. «Враг слишком приблизился, а время не терпело. Тогда царь Ираклий с согласия царя Теймураза сам отправился в Черкесию. Царь прибыл в Хеви, остановился там и оттуда отправил своих людей в Черкесию. До прибытия черкесов пришли осетинские войска, потом явились и черкесы, договорились с царем об условиях сбора войск и жаловании» (Орбелиани, 1854. С. 444).

Из вышесказанного следует, что переговоры с черкесами (кабардинцами) сильно затянулись. Возможно, потому, что, зная о тяжелом положении Картли-Кахетии, они добивались повышения жалования. Это подтверждается и тем, что несколько раз менялись переговорщики, пока сам Ираклий не отправился в Хеви и не согласовал с кабардинскими князьями размер жалований. Что же касается осетин, то они без всяких предварительных условий и препятствий прибыли в Грузию и встали под знамена Ираклия.

Враг, узнав о приготовлении грузин к войне, вернулся назад. Тогда войска Ираклия догнали их на границе Казах-Шамшадилу и навязали вражеским силам бой. Враг вторгся в ряды грузинских войск. Осетинская часть подверглась сильному натиску врага. В это время Ираклий нанес мощный удар основным силам врага, в результате чего противник потерпел жестокое поражение. В этом бою отличились и черкесы (там же. С. 446).

Победа над Азат-ханом улучшила положение Картли-Кахетии, но грабительские набеги дагестанских феодалов продолжались. В 1754—1760 гг. они участились. Эти набеги носили характер мелких нашествий. Во время таких нашествий население укрывалось в крепостях и укреплениях, а ведение хозяйства временно прекращалось. Случались и крупные походы дагестанцев на Картли-Кахетию. В 1754 г. такой поход осуществил правитель Хундзаха Нурсал-Бег. Он разорил Кахетию, перешел Арагви и начал грабить Картли. Опас-

ность была так велика, что цари срочно отправили людей в Черкесию, обещали большое вознаграждение и наняли войска; пришли на помощь осетинские войска и войска других горских народов (там же, с.456—458). Но агрессивные действия Нурсал-Бега вынудили грузинскую сторону, не дожидаясь помощи наемных войск, вступить в бой, в котором она одержала победу. Наемные войска прибыли тогда, когда враг уже был повержен и изгнан. «После победы наемные войска прибыли в Ананури. Оттуда Джимшер привел их в окрестности Тифлиса, расположили в Дидубе и выдали им провиант». Предводители призванных на помощь войск требовали: «Или покажите ваших врагов, и мы с ними расправимся, или же вернемся в свои страны». Картли была разорена врагами, и поэтому дальше не могли держать войска. Тогда цари приказали отпустить приглашенные войска, предводителям сделали подарки (золотое и серебряное оружие), выдали много денег; рядовые получили соответствующее вознаграждение оружием и деньгами. Тем осетинам, которые до этого имели книги жалований от Багратионов, обновили такие книги и выдали причитающееся им соответствующее жалованье. Предводители войск дали обещание царям, что «в случае необходимости, по первому же призыву они готовы прибыть и погибнуть в их службе» (там же, с. 458).

Приглашенные картли-кахетинскими правящими кругами войска состояли из представителей многих северокавказских народов. Несмотря на то, что эти войска не приняли участия в войне против дагестанцев, они все-таки получили обещанное вознаграждение и после этого отправились в свои страны. Особенно ценные награды давали предводителям войск — представителям господствующих кругов, чтобы и впредь обеспечить их военную поддержку.

Из вышеприведенной справки выясняется, что осетины несли военную службу на основе жалований, выданных царями Багратиони. Книги жалований им периодически обновляли. Этим, по всей вероятности, объясняется то обстоятельство, что для приглашения осетинских войск достаточно было сообщить им о такой необходимости, и они незамедлительно прибывали на помощь грузинским войскам. Когда в исторических источниках речь идет о призыве осетинских войск, то обычно подразумеваются осетины, проживающие по ту сторону хребта, то есть северные осетины.

В составе войск, призванных в 1753 г. против Аджи-Чалаба, историки второй половины XVIII в. Папуна Орбелиани и Оман Херхеулидзе указывают и осетин (Херхеулидзе, 1854. С. 487). Об этом же факте говорит и Баграт Батонишвили, но он конкретно указывает, что они были тагаурскими и куртатинскими осетинами (Батонишвили, 1941. С. 49).

Книги жалований от грузинских царей имели в основном тагаурские осетины. Так как северная часть Дарьяльской дороги с Да-

рьяльскими же воротами находилась в распоряжении тагаурских осетин, то хорошие отношения с ними обусловливались не только их личным участием в грузинских военных мероприятиях, но и возможностью пользоваться дорогой для переброски вспомогательных войск с Северного Кавказа. Следует сказать, что политика лояльности грузинских царей в отношении осетин была весьма эффективна. На все их призывы о помощи осетины всегда откликались и плечом к плечу с грузинским народом кровью защищали грузинскую землю от магометанской агрессии.

В 1755 г. правитель Хундзаха Нурсал-Бег вторично вторгся в Кахетию. Цари укрыли свой народ в крепостях и вскоре послали человека на Северный Кавказ за войском. «Послали Рамаза Андроникашвили, собралось малое войско черкесов, калмухов, овсов, прибыли к царям. Из Ананура царь Теймураз повторно посылает в Черкесию Иесе Мачабели за вспомогательными войсками. Прибыл Иесе в страну черкесов, обещал большое вознаграждение, но никто не последовал: «Весь Дагестан пошел войной, и мы не сможем с ними воевать». Вернулся Иесе Мачабели в Телави и доложил об этом царям» (Орбелиани, 1854. С. 462).

Действительно, 20-тысячное войско дагестанцев пошло войной, войска осадили Кварельскую крепость, но в результате энергичных мер, предпринятых Ираклием, не смогли взять ее. И когда Ираклий отправил в сторону Чари, Каки и Нухи свои отряды, дагестанцы сняли осаду и вернулись обратно, чтобы защитить собственные владения. Таким образом, Картли-Кахетия еще раз избавилась от очередной напасти. И на этот раз осетины и черкесы вновь стали соучастниками этой неравной, но героической битвы. После поражения Нурсала-Бега «цари дали осетинским и черкесским войскам лари (деньги грузинские) в достаточном количестве и дали согласие вернуться обратно в свои страны» (там же. С. 465).

Однако мелкие разбойничьи нападения дагестанских феодалов не прекращались. От них страдало не только население равнинных районов Картли и Кахетии, но и жители сравнительно защищенных горных районов, в том числе и южные осетины. По сведениям историка Омана Херхеулидзе, «в 1759 г. дагестанский вождь Кохта и Чончола-Муса с дагестанскими войсками, численностью около восьми тысяч, вновь пошли войной. Они разделились на отдельные части. Одна часть, возглавляемая Чончола-Мусой, взяла Ачабети, пленила многих и после этого вошла в Лиахвское ущелье, подвергла разбою осетин и вернулась в село Авневи» (Херхеулидзе, 1854. С. 489).

С помощью имеретинского царя Соломона Ираклий и Теймураз и на этот раз нанесли жестокое поражение врагу. Так как разбою дагестанских феодалов подверглась и территория южных осетин, то надо подразумевать, что в разгроме вторгшегося врага, как и в других боях, активное участие приняли и осетины.

Начиная с 50-х гг. XVIII в. Картли-Кахетинское и Имеретинское царства вступили в новую фазу отношений с Россией. В 1752 г. послы царей Картли и Кахетии – архиерей Афанасий Амилахвари и Симон Макашвили сообщали российскому царскому двору, что грузинский народ достаточно окреп, и поэтому, исходя из интересов России же, становится легче защита грузинской земли (История Грузии, 1958. С. 352). Однако Россия пока еще не считала политическую обстановку благоприятной для оказания помощи, ибо она избегала осложнения отношений с Турцией, с тревогой следящей за продвижением России в сторону Кавказа.

В 1768–1774 гг., в связи с русско-турецкой войной, грузино-осетинские отношения заметно оживились. В деле достижения успехов в этой войне Россия придавала большое значение поддержке со стороны балканских и закавказских христианских народов. Поэтому перед началом войны российское правительство направило в Грузию со специальной миссией находящегося на службе России представителя духовенства, члена Осетинской духовной комиссии архимандрита Григола Романишвили. Целью посланника было выяснение вопроса о возможном участии грузинских царей и князей в войне против турков.

В конце 1767 г. Григол посетил сперва Ираклия, а потом отправился к имеретинскому царю Соломону. И тот, и другой царь приняли архимандрита душевно. Ираклий даже наградил его 100 рублями. Из Имеретии Григол отправился к гурийскому князю. Там 1 февраля 1769 г. его убили турецкие агенты, а сопровождающих арестовали. Позже их выкупил царь Соломон (Цагарели, 1891. С. 5). Отсюда следует, что турецкие агенты следили за деятельностью Григола, целью которого являлась организация совместного с Россией выступления грузинских царей и князей против турков. Грузинские цари решили согласовать свои интересы с интересами России и дали согласие на совместное выступление, если Россия поможет им войсками и деньгами. Этим грузины не только добивались упрочения своего внутреннего положения, но надеялись на возвращение захваченных турками территорий. По расчетам России, грузинские царства и княжества могли отвлекать значительные силы турков, и поэтому было решено отправить войска в Грузию. В конце лета 1769 г. русские войска под командованием генерала Тотлебена по Дарьяльской дороге вошли в Грузию.

Войска выступили из Моздока, прошли через земли тагаурских осетин, в частности через Чми и Ларс, и прибыли в Степанцминду (нынешний Казбеги). Историческими сведениями подтверждается, что в процессе продвижения русских войск в Грузию тагаурские осетины играли определенную роль. Учитывая свое стратегическое положение на Дарьяльской дороге, они за пользование ею требовали определенное вознаграждение. Поэтому российские власти были

вынуждены урегулировать вопрос оплаты. Для этой цели они воспользовались услугами находящихся у них на службе грузинских духовных деятелей из состава Осетинской духовной комиссии. В частности, члены комиссии Иван Пицхелаури и Николай сопровождали русские войска в качестве проводников и переводчиков. Кроме того, они занимались вопросами подкупа осетинских феодалов, проживающих вдоль дороги, взятия у них заложников и клятвенного обещания беспрепятственного пропуска русских войск (Хантадзе, 1957. С. 410). Иногда требовалось и применение военной силы для успокоения проживающих вдоль дороги осетин и безопасного передвижения войск. С этой целью пользовались и услугами кабардинских князей. В одном из официальных документов от 30 мая 1771 г. говорится: «Малой Кабарды владелец Асламбек Таусултанов, находившийся добровольно при командах, посланных для усмирения Осетинцев, живущих на дороге в Грузию, к преклонению их много способствовал, за что велено определить ему жалованье от 50-ти до 100 рублей в год» (Акты, 1. С. 85).

Готовясь к войне против турков, Ираклий II направил своих эмиссаров в Северную Осетию с просьбой о военной помощи. Ротмистр А. Киреев в своем докладе коменданту Кизляра от 21 июля 1768 г. писал, что во время его пребывания у куртатинских осетин (в Куртатах) туда прибыли посланники Ираклия II якобы с просьбой к осетинам и владельцам Малой Кабарды, чтобы те через Куртат обеспечили безопасное сообщение караванам и другим путникам, идущим из Грузии, так как по старой (Дарьяльской) дороге они подвергались грабежу и пленению горцами. На самом же деле, как ему рассказал один крещенный осетин, знатный («старшина») Андрей (по-осетински – Алегука), персидский адвокат Керим-хан, в сопровождении высланного из России Александра Бакарисдзе, с войском приближался к Тифлису с целью подчинения Картли Александру. А Ираклий II, как будто в ожидании опасности, хотел этой дорогой перебраться в Осетию и укрыться там вместе с семьей. А. Киреев при этом замечает, что осетины и владельцы Малой Кабарды почти готовы к отправке к Ираклию, а куртатинские осетины уже в пути (Материалы, 1933. С. 208).

Из доклада А. Киреева не совсем ясна цель явки посланцев Ираклия к куртатинцам, но можно заключить, что они скрывали свою настоящую цель. А настоящей целью было привлечение осетин против турков или, возможно, их использование в борьбе против Александра Бакарисдзе, претендента на картлийский престол.

Спустя некоторое время, в ноябре 1768 г., Степан Ванявин, начальник российской горной экспедиции в Осетии, писал, что в Куртате, в доме крещеного осетина, Андрея Цаликова, он встретился с посланцем царя Ираклия, прибывшего для найма войск. Кроме того, он добивался свободного перехода Ираклия через горы Осе-

тии и, в случае необходимости, предоставления ему убежища в Осетии. В противоположность А. Кирееву, Степан Ванявин утверждает, что осетины не откликнулись на этот призыв Ираклия (там же. С. 220). Дальнейшее развитие событий подтверждает выступление и участие в боевых действиях как куртатинских осетин, так и осетин других обществ.

Таким образом, северные осетины под знаменем Ираклия были вовлечены в военные операции против турок. Южные же осетины на основе подданства являлись непременными участниками всех, более или менее значительных, военных мероприятий. Некоторые осетины, отличившиеся храбростью в боях против турок, были награждены Ираклием поместьями. Об этом свидетельствует обновленная Ираклием II в 1786 г. книга милости о дарении поместья в Цхинвали осетину из Нара – Дохчико Хетагурову (ранее выданная книга была потеряна во время нападения дагестанцев на Цхинвали). «Твой сын Болатико стоял рядом, когда мы одержали победу над османами и дагестанцами в Аспиндзской битве. Он пал смертью храбрых в этой битве» (Институт рукописей, ф.Ad, док. 1569).

Осетины принимали участие и в Хертвисской операции 25–26 октября 1771 г. Академик Гюльденштедт в своем докладе к Императорской Академии наук 25 сентября 1771 г. писал, что он «путешествовал из Осетии до города Душети в обществе многочисленных осетин. Среди них несколько сот человек были нанятыми царем Ираклием для своих войск. Их предводитель и командир Ахмет Дударов со своими людьми отправился в сторону Тифлиса» (Гюльденштедт, 1964. С. 126–129).

Нарские осетины в 1783 г. писали П. Потемкину, что «когда гвардии капитан Иван Лаврентьевич Львов ходил под Херсоном для взятия оной крепости, тогда с ними было наших осетин 800 человек, мы положили 75 ясырей магометанских также под Ахалкалаком когда ходили, наших было при гвардии капитане Львове 700 человек, тогда некоторых убили в сражении, а некоторые возвратились назад домой» (ЦГАДА, ф.23, д. 13,4. 3/1, л. 164).

Это обращение нарских осетин подтверждается и официальными сведениями. В Хертвисской операции осетины вместе с грузинами во главе с Ахметом решили, не дожидаясь взятия крепости, вторгнуться в близлежащие деревни. Капитан Львов, во избежание общего замешательства своих же рядов до полного взятия крепости, не допустил такое самовольство (АВПР, 110/2, № 12, л. 76). Капитан Львов в докладе от 8 ноября 1773 г. сообщал графу Панину, что цари Ираклий и Соломон собрали по 5 тысяч человек и до тысячи осетин, в том числе и ингушей (там же, ф.238).

Кроме непосредственного участия осетин в политической жизни Грузии, отдельные их представители включались Россией в установление связей с отдельными частями Грузии. Астраханский гу-

бернатор Бекетов 18 сентября 1770 г. писал, что «посланный в Имеретию с письмами к царю Соломону Осетинец Осип Абаев на возвратном пути был убит кабардинцами» (Акты, I. С. 85).

Грузино-осетинский боевой союз и содружество не прекратились и в последующем. По сведениям Иесе Осевича Бараташвили, секретаря Ираклия II, летом 1778 г. он «готовился к большой войне и собирал войска из дагестанцев, осетин, кистинцев, картлинцев и кахетинцев, но никто не знал — куда и против кого готовится поход» (Бараташвили, 1950. С. 87—88). Иесе Бараташвили так и не сообщил, для каких целей было собрано войско. Известно, что в августе 1779 г. Ираклий совершил поход на Ереванское ханство, и в этом походе приняли участие и осетины. В частности, участниками этого похода были тагаурский осетин алдар (князь) Беслан Шанашвили и его люди. В книге жалований, датированной 1800 годом и подаренной Беслану Шанашвили последним царем Картли-Кахетии — Георгием, сказано: «Тебе, Беслану Шанашвили, нашим отцом было назначено жалованье, но эта книга жалований потерялась в Ереванской войне. Мы вновь назначаем тебе годовое жалованье — парчу (ткань), стоимостью сорок марчили. Когда ты приедешь к нам, то причитающееся жалованье чиновники нашего двора выдадут тебе полностью из нашей кассы, а ты должен и впредь оставаться преданным нам» (Институт рукописей, ф.Hd, док. 13693).

В 1780 г. в Кутаиси находился вернувшийся из России и побывавший при шахском дворе Александр Бакаридзе — внук Вахтанга VI. Престол Картли он оспаривал у Ираклия II и для реализации своего начинания искал сторонников. Чтобы добиться поддержки нарских осетин, он раздал их влиятельным кругам ежегодные книги жалований и обещал еще больше в будущем, если проявят преданность ему. Таких книг жалований, выданных им осетинам, насчитывается до двух десятков. В этих книгах жалований влиятельные лица называются дворянами, а один из них, Каиса Туашвили, — князем. Самое большое жалованье в размере 100 марчили было назначено ему, а остальным — в среднем по 50 марчили каждому. Среди них, то есть среди дворян, упоминаются: Самурашвили Габиса, Епхишвили Джаше, Батазашвили Гока, Твашвили Болатуко, Шикошвили Басил, Салвашвили Кантху, Джанишвили Джачи, Еладисшвили Куджани, Парешвили Канибати, Мамишвили Гока, Абашвили Вахтанги, Хурумишвили Джаналди, Гисашвили Додо, Ботромашвили Гогиа и др. (ГЦИА, ф.1448, док. 8851—8861, 9207, 9209—9211).

Содержание всех книг жалований отличается однообразием: «Божьей милостью, мы, сын грузинского царя Бакара и внук Вахтанга — Александр, дарим книгу жалований тебе, осетинскому князю Каису Туашвили, за то, что твой отец многожды добросовестно служил нашему отцу, и ты продолжаешь то же самое, за что ежегодно

назначаем тебе сто марчили. Когда будете у нас, ты или твой сын, или твои внуки, можете получить жалованье от нас или от наших сыновей, или внуков, покаместь наша фамилия будет жить. Книга написана собственноручно в городе Кутаиси во время моего нахождения в Имеретии 13 июня 1780 года» (ГЦИА, ф.1448, док.8855).

80—90-е годы XVIII в. для Картли-Кахетии считаются периодом резкого противостояния прогрессивных и реакционных сил. Политика центральной власти, стремящейся к упрочению связей с Россией, встречала сопротивление как внутри страны, так и за ее пределами. Грузия оказалась одна в окружении врагов. В таких условиях укрепление политических связей с осетинами и некоторыми другими народами Северного Кавказа становилось неотложной задачей текущего момента, и в этом направлении предпринимались определенные мероприятия.

В 1785 г. в Картли-Кахетию вторгся Омар-хан Аварский с многочисленным войском. Ираклий II предпринял энергичные меры, собрал собственные войска, призвал на помощь осетин и ингушей. До 20 сентября 1785 г. к нему уже прибыли 400 осетин и ингушей (Дубровин, 1878. С. 69). Об осетинских войсках и их использовании Ираклий II писал письмо главе Хеви Парсадану Мачабели: «Направил осетина Караджу в Осетию с письмами и просил, чтобы они выступали срочно и в течение двух недель стояли в Тамарашени. И если появятся дагестанские войска, то вступить с ними в бой и не пропустить их. Мы, в свою очередь, расставили сторожей. Когда войска неприятеля двинутся из Ахалкалаки в сторону Картли, то мы сразу же вместе с русскими войсками последуем за ними и, в случае необходимости, поможем вам. Если они пойдут в сторону Крцхинвалского ущелья, то мы тоже будем преследовать их. А если они прибудут в Гори или куда-нибудь выше него, то призовем осетин и будем вместе воевать и получать вознаграждения. Если же они прибудут куда-нибудь ниже Гори, то осетины не понадобятся. Сопровождайте Караджу своими людьми и отправьте их, чтобы привели войска из Осетии» (ГЦИА, ф.1448, док. 5607; Древности Грузии, 1910, № 212. С. 200).

Из документа следует, что осетинским войскам намечалось выполнение определенной тактической задачи — вступить в бой с теми отрядами дагестанцев, которые прорвались бы выше Гори, и не пропустить их в бассейн Большой Лиахвы. В ожидаемых военных операциях ниже Гори, в целях избежания лишних расходов, помощь осетин уже не требовалась. Здесь они предполагали встретить врага собственными силами.

Известно, что Турция, встревоженная связями Грузии с Россией, предпринимала всякие меры, чтобы навредить этим связям. В частности, подстрекала закавказских владетелей, дагестанских феодалов и других представителей северокавказских владений. По све-

дениям Дубровина, «посланные Порты от времени до времени появлялись в разных местах Закавказья и Дагестана. Один из них пробрался к осетинам с поручением уговорить их портить дороги и преграждать всякое сообщение России с Грузией. Осетины не согласились удовлетворить желание Турецкого правительства» (Дубровин, 1878. С. 73).

В 1788 г. по просьбе Ираклия в Грузию прибыли войска тагаурских осетин. Нам не известно, для чего они ему понадобились. Однако источники, подтверждающие этот факт, свидетельствуют о том, что Ираклию II очень сильно понадобилось их пребывание в его царстве.

В письме, адресованном Айтегу Тагаурскому, царь передавал ему привет и выражал глубокое соболезнование по поводу гибели его двоюродного брата Джалди. «Мы не хотели,– писал он далее,– чтобы ты перевез труп, но все же ты настоял на его перевозке. Сейчас в каком бы месте не вручили письмо, без задержки возвращайся ко мне, а покойника повезут 3—4 человека. Ты должен приехать, чтобы урегулировать обстоятельства смерти родственника и чтобы ты остался довольным. Вернись с 4-мя человеками, а остальных пошли или пусть подождут тебя».

В 90-е годы XVIII в. северные осетины принимали участие в борьбе, развернувшейся вокруг имеретинского престола. В этой борьбе они поддерживали Давида – сына Арчила и внука Ираклия II. Дело в том, что в 1784 г. умер имеретинский царь Соломон I, и началась борьба за престол между двоюродным братом Соломона – Давидом Георгиевичем и Давидом Арчиловичем – сыном дочери Ираклия II и племянником Соломона. Ираклий поддержал внука и оказывал ему определенную военную помощь в овладении царским престолом.

В 1791 г. продолжительная борьба между претендентами закончилась победой Давида Арчиловича, названного Соломоном II. Историк Баграт Батонишвили так описывает заключительный этап этой борьбы: «Царь Давид прибыл в Ахалцихе, здесь усилил свои войска дагестанцами, отправился в Имеретию, убрал с престола сына Арчила и сам воцарился. Изгнанного сына Арчила приютил Папуна Церетели. Оттуда он за помощью обратился к своему деду – царю Ираклию II. Тот обещал ему помощь и для этой цели отправил своего внука Иована, а также правителя Кизика – Захарию Ендроникашвили и управителя Тбилиси Давида Цицишвили. Дал им войска и две пушки грузинской артиллерии. На подмогу пришли тагаурские и куртатинские осетины. 24 ноября они нанесли поражение войскам Давида Георгиевича, состоявшим из имеретинцев и дагестанцев, восстановили на престоле Соломона II и возвратились обратно» (Батонишвили, 1941. С. 63).

Для привлечения тагаурских и куртатинских осетин Ираклий II

осуществил определенные мероприятия. В приказе Габриелу Казибегашвили от 19 июля 1791 г. он писал: «За выполнение дела вы, с братом Баадуром, которого направил к тебе, должны действовать совместно. Кому мы уже писали письма, всем сообщите, и подготовьте тагаурцев, ангуштелцев, кистов, гличвцев и других, проживающих до чачанцев. Мы им писали отдельные книги (письма) для подготовки, и когда к ним придет наш человек и они получат письма, тогда ты должен обойти всех, собрать войска и направить к нам, как мы условились. Обещанное жалованье сообщим письменно и пошлем соответствующий провиант» (Институт рукописей, ф.Hd, док. 10276).

При выполнении данного поручения Ираклия Габриел Казибегашвили встретился с определенными трудностями со стороны тагаурских осетин. Эти трудности, по всей вероятности, были связаны с сопротивлением тагаурских осетин, которые не хотели по Дарьяльской дороге, проходящей через их территорию, пропускать в Грузию другие племена Северного Кавказа. Габриел велел Ираклию, чтобы тот обещал некоторым влиятельным представителям тагаурцев что-нибудь дополнительно и таким путем добился их согласия. Ираклий 29-го августа отвечал ему: «Получил твое письмо, все, что там было написано, – поняли. Ты действуй так, как мы велели. Всем сообщи, чтобы они были готовы. Пишешь, чтобы я некоторым тагаурцам отдельно обещал что-нибудь. Этого не будет потому, что они уже имеют и нашу милость, и жалованье. Придут к нам и получат свое жалованье и другое еще. Всегда были довольны нами, и сейчас зачем им такие разговоры. Разве когда-нибудь мы их обманули, и если не захотят, то мы найдем другой выход» (там же).

Несмотря на категоричность позиции Ираклия в отношении требований тагаурцев, переговоры все же продолжались. 19-го сентября 1791 г. Ираклий писал Габриелу Казибегашвили: «Твой брат Иван пришел и принес твою книгу (письмо) и книгу тагаурцев. Все, о чем писали и ты, и тагаурцы, – поняли, а тагаурцам написали ответ. Если они прибудут так, как мы им велели, и при этом приведут и заложников, то хорошо. А если нет, то пусть приедут старейшины с заложниками, и как мы договоримся и на чем согласимся, то и будет утверждено. Если с божьей помощью мы достигнем согласия – будет хорошо, а если нет, то мы найдем другую дорогу для перевода войск. В случае положительного решения вопроса, через два дня придет наш человек, и он передаст тебе наше слово... если войска будут готовы, то с получением нашего письма пусть двинутся, не дожидаясь других... Тагаурцам писали, чтобы они пропустили черкесов» (там же).

Из приведенных документов следует, что от тагаурских осетин зависел перевод в Грузию вспомогательных войск по найму с Северного Кавказа. Тагаурские осетины чувствовали прочность своей позиции и пользовались этим положением.

Угрозы Ираклия о том, что в случае несогласия тагаурцев с его условиями, то есть если они не ограничат свои претензии, то он найдет другую дорогу для перевода нанятых войск и передвижения торговых караванов, — не соответствовали реальной ситуации. Ираклий знал об обстановке и поэтому предпочел продолжение переговоров. Мы не располагаем сведениями о том, чем все-таки кончились эти переговоры. О том, что они окончились успешно, свидетельствует факт участия тагаурцев и куртатинцев в борьбе за возведение на имеретинский престол Соломона II, внука Ираклия II.

В вышеприведенных и других документах, где речь идет о привлечении и переводе наемных войск, часто фигурирует вопрос о заложниках. Это указывает на то, что тагаурские осетины при переводе войск должны были отдавать заложников. Но такое правило не означало, что между грузинским и осетинским народами существовало недоверие. В системе политических отношений феодальной эпохи институт заложников выполнял большую роль. Он являлся одной из основных, если не единственной, гарантией прочности и выполнения заключенных соглашений между государствами, народами или отдельными феодалами. Поэтому и утвердилась традиция, согласно которой тагаурские осетины отдавали заложников в знак гарантии беспрепятственного пропуска по Дарьяльской дороге войск, нанятых из других народов Северного Кавказа. Заложники находились на довольствии той стороны, которая брала их. В 1789 г. Ираклий II в связи с обеспечением проживания таких заложников писал управителю Гори: «Осетинским заложникам в количестве двенадцати человек в счет вчерашнего и сегодняшнего дня выдавай восемь литров ячменя для лошадей, а в счет сегодняшнего дня — три тунги вина» (ГЦИА, ф.1448, док. 4481).

В 1795 г. над грузинским народом нависла смертельная угроза. Иранский шах Ага-Магомед-хан Каджари вторгся в Картли тридцатипятитысячным войском и вскоре оказался у Тифлиса. Устаревшая княжеская система не давала Ираклию возможности подготовиться к обороне. С пятитысячным войском он решительно встретил врага. 11 сентября на Крцанисском поле произошло решающее сражение. Присущая грузинам храбрость не спасла их от поражения. Пожилого царя, увлекшегося в жаркой рукопашной битве, спас от пленения его внук Иоане и самоотверженность других воинов. У нас не имеется прямых указаний об участии осетин в этой битве. Внезапность нападения шаха и слабая организация подготовки к войне исключали возможность привлечения северных осетин и их участие в этой войне. Что же касается южных осетин, проживавших в Арагвском, Ксанском и Лиахвском ущельях, то их активное участие в этой битве являлось обязательным и непременным. Известно, что в этой битве активнейшее участие приняли царевичи Иоане, Давид и Вахтанг. На Крцанисском поле грузинское войско

в основном состояло из воинов, призванных именно из владений этих царевичей со смешанным грузино-осетинским населением. Следовательно, и войска, призванные из этих владений, были также смешанными. Это означает, что на Крцанисском поле народы Грузии и Осетии совместно пролитой кровью в неравном бою за свободу и независимость общей родины скрепили между собой веками существовавшее и превратившееся в традицию боевое содружество.

Участие осетин в битве против Ага-Магомед-хана удостоверяется и косвенными документальными материалами. Один из активных участников и герой битвы царевич Иоане 30 сентября 1796 г. жалует тбельским осетинам Туаури книгу милости. «Мы, царевич Иоане, написали эту книгу милости и дарим тебе, нашему преданному крепостному, Тбельскому осетину Ору Туаури, твоим сыновьям Хосру, Атасу и внукам твоим Габилу, Мамсу и будущим твоего дома в знак того, что ты сослужил нам на этот раз верную службу, служил и раньше преданно и за это жалуем вам тарханную грамоту, и впредь ждите от нас милостей» (там же, док. 458). Отсюда следует, что семья Туаури оказала такую значительную услугу Иоане, что за это он подарил многочисленному семейству полное тарханство и обещал, что и впредь не обделит. Из этого документа не ясно – какую именно услугу оказал Туаури Иоане «на этот раз». Впрочем, хронологически это происходило спустя год после нашествия Ага-Магомед-хана. В другой книге милости о дарении поместья тем же Туаури, выданной в ноябре 1796 г., уже определенно говорится о характере службы, за которую они и получили такую большую милость. В ней сказано: «Ты, Хосро Туаури, находился с нами и остался до конца с нами в тех событиях и преданно служил нам. И за это дарим вам поместье за честную и добрую службу во время того Ага-Магомеда-хана» (там же, док. 516).

Политические взаимоотношения между грузинскими и осетинскими народами продолжались и во время царствования Георгия XII (1798–1800) – наследника Ираклия II. В период его царствования внутрифеодальные распри достигли крайности. Непримиримая борьба за царский престол между Георгием и его братьями еще больше ухудшила и без того тяжелое положение страны. В таких условиях страна уже не могла вести борьбу против внешних врагов. По этой причине в исторических документах и источниках этого времени вопросы грузино-осетинских политических отношений отражены слабо. Для характеристики отношений грузинских политических правителей с осетинами в то время представляет интерес приказ царевича Вахтанга захским и трусовским осетинам от 1798 г.: «Вахтанг, сын царя, приказываю захским и трусовским осетинам, – говорится в приказе, – наш племянник, царевич Давид, прибудет в Куртатию. Как подобает вашей преданности, так и постарайтесь оказать ему помощь во всем, в чем он нуждается. Вы же знаете, что

ваше преданное служение не будет предано забвению ни сыновьями его величества, царя Георгия, ни нами» (там же, док. 1862). Из документа видно, что власть царевича Вахтанга над его крепостными – трусовскими и захскими осетинами не была неограниченной, ибо взамен оказанной службы он вынужден обещать им определенное вознаграждение.

Самому царю Георгию XII приходилось иметь отношения с тагаурскими осетинами. 28-го января 1800 г. он писал тагаурцам: «Наш «ешикагабаш» Гарсеван и наш секретарь Елизбар были посланы к его величеству государю и, как обычно принято, вы должны отдать заложников Баадуру Казибегашвили, которых он будет держать в Степанцминде, а наших посланников проводить осторожно и мирно. Службу вашу превелико оценим и от нас последует милостыня» (там же, док. 3613). Кроме того, Георгий XII обновлял многим тагаурским осетинам книги (акты) милости и жалований, выданные еще раньше грузинскими царями. Это говорит о том, что на всем протяжении существования независимой Грузии ее политические правители в отношении осетин почти всегда проводили лояльную политику. Из источников следует также, что для грузинских политических властей не были чужды попытки полного подчинения осетин. Однако исторические обстоятельства всегда мешали этим попыткам. Основной целью походов Георгия Саакадзе, Вахтанга VI, Ираклия II на осетин являлось приведение в покорность южных осетин. Такую цель они, бывало, в той или иной степени достигали. Что же касается попыток грузинского феодального государства подчинить северных осетин, то в рассматриваемый период таких попыток не обнаруживается ввиду их сложности и невыполнимости. Грузия, окруженная со всех сторон врагами, проводила политику добрососедских отношений с северными соседями, откуда она получала или могла получить военную поддержку. Такая политика приносила свою пользу грузинскому государству. Против магометанской агрессии грузинский народ имел в лице северных осетин надежного военного союзника. Что же касается южных осетин, то они являлись органической частью грузинского мира, и поэтому их участие в грузинской политической жизни считалось само собой разумеющимся и особо не подчеркивалось. Они были активными участниками и творцами той политической жизни, которую переживал грузинский мир в XV–XVIII вв.

Следует отметить, что рассмотрение вопросов взаимоотношений грузинского и осетинского народов в основном ограничивается отношениями осетин с Картли-Кахетией. Однако это вовсе не означает, что политические отношения осетин с западным грузинским миром были исключены. Есть сведения о том, что определенная часть осетин подчинялась Имеретинскому царству. «Стурдигорские феодалы – царгасаты – находились в вассальных отношениях с

имеретинскими царями; они оказывали им военную помощь, цари жаловали их верхнерачинскими деревнями (Геби, Чиори, Гласи и др.)» (История, 1959. С. 102). В подчинении Имеретинского царства находились и осетины Кударо (кударские осетины). Академик Гюльденштедт отмечал, что «находящийся на Джеджо край Двалетия принадлежал княжескому роду рачинского эристава, а после его свержения перешел в собственность имеретинского царя Соломона. Царь Ираклий тоже имел старые претензии на этот край, ибо раньше он входил в состав Картлийского царства» (Гюльденштедт, 1964. С. 171–173).

Кроме того, следует отметить интенсивные экономические отношения осетин Наро-Мамисонского бассейна, а также населения других районов Северной Осетии с торговыми центрами Западной Грузии – с Они и Хони. Рачинское эриставство имело и тесные политические связи с осетинами. Не является случайностью, что цари Арчил и Вахтанг VI через Рачу устанавливали связи с отдельными частями Осетии и через них – с Российским государством. О связях Соломона I с населением Наро-Мамисонского бассейна свидетельствует письмо капитана российской службы Штедера, а также переписка здешней социальной верхушки с Павлом Потемкиным. К сожалению, из-за отсутствия прямых исторических сведений о политических связях осетинского народа с отдельными политическими формированиями Западной Грузии невозможно отдельно выделить и более подробно рассмотреть эти вопросы.

В 1801 г. Картли-Кахетия присоединилась к России. Отныне взаимоотношения грузинского и осетинского народов осуществлялись в новых, принципиально иных условиях. Благодаря России Грузия избавилась от постоянной внешней угрозы, а военно-политические связи грузинского и осетинского народов уступили место дальнейшему расширению мирных экономических и культурных взаимоотношений этих народов. Но опыт совместной борьбы грузинского и осетинского народов против внешних врагов не пропал бесследно. Он перерос в совместную борьбу этих народов против буржуазно-феодального строя и колониальной политики царизма, в борьбу, являющуюся основным содержанием их последующей истории, вплоть до установления Советской власти.

ГЛАВА V

Из социальной истории южных осетин

§ 1. К вопросу о расселении осетин в Картли

Позднефеодальная грузинская история характеризуется беспрерывными войнами. В результате многократного разорения страны население катастрофически сократилось. Страна превратилась в селища и бесхозные поместья. Грузинская верхушка сознавала несоответствие создавшейся ситуации с целями дальнейшего развития страны и стремилась к ликвидации этого негативного явления путем привлечения и заселения новоселов в Картли-Кахетию.

Добрососедские отношения с осетинским народом давали грузинским политическим правителям возможность пользоваться этими отношениями для достижения своих политических целей и поощрения переселения осетин в районы Картли. В свою очередь, тяжелые экономические условия в горах, в которых проживали осетины, подталкивали их к переселению низменные районы Грузии.

Первый этап массового переселения осетин на территорию Грузии начался в 60-х гг. XIII в. и закончился в первой четверти XIV в. Центральная власть Грузии старалась придать этому переселению планомерный характер. В 60-х годах XIII в. большую группу переселенных осетин Давид Улу разделил на три части и поселил их в районах Тифлиса, Жинвали и Дманиси. С продолжением переселения все новых групп осетин их организованное заселение стало невозможным. Осетинский народ, потерпевший поражение от монголов и укрывшийся в Кавказских горах, волной хлынул в бассейн Большой Лиахвы, в значительную часть Внутренней Картли и скопился в районах сегодняшнего Гори — Карели, Хашури. С социальной точки зрения такое переселение осетин означало экспроприацию дворянства — класса грузинских землевладельцев, ибо заселение осетин в Картли происходило на землях этих дворян. Такое положение было подмечено неким анонимным летописцем, современником этих событий. Он отмечал, что предводитель осетин — Бакатар — изгонял дворян с их земель, и «было большое несчастье для коренных жителей Картли» (Картлис цховреба, 1959. С. 316). Опасность, исходившая со стороны осетин для грузинских землевладельцев, была ликвидирована энергичными мерами, предприня-

тыми Георгием Блистательным (1314–1346). Результатом этих мер стало социально-экономическое подчинение осетин.

Такой конец процесса переселения осетин в Грузию, так же, как и меры центральной власти, заключавшиеся в расселении осетин мелкими группами среди грузинского населения, определил дальнейшую судьбу переселенных осетин – их ассимиляцию грузинским обществом. Перед грузинскими политиками часто стояла задача увеличения негрузинского населения при условии и с учетом его последующей ассимиляции.

Сосуществование переселенных в XIII–XIV вв. в Грузию осетин и их постепенное слияние с грузинами продолжалось, по всей вероятности, довольно длительное время. Переселение осетин в Грузию не прекращалось и в дальнейшем, но не в прежних масштабах. К 1771 г. уже имелись статистические данные о проживавших на территории Грузии осетинах, вернее, южных осетинах. Источником этих данных является опись, проведенная в 1770 г. по приказу Ираклия II. Согласно этой описи, «арагвские осетины (захские, трусовские, чвривские, ходские, кудские) составляли 1 200 дворов (остальное неосетинское население составляло 2 100 дворов. – *Г.Т.);* ксанские осетины насчитывали 2 000 дворов (остальное население – 1 600 дворов. – *Г.Т.);* мачабеловские осетины – 860 дворов» (Квали, 1898, №11.). З.Н. Ванеев, опираясь на материалы А. Цагарели, количество царских, или казенных, крестьян определяет в 1 400 дворов. Он считал, что определение осетин, проживающих на территории Грузии, в количестве 5 400 дворов, не является точным, «так как они не включают осетин, проживающих на реке Проне и в Кударо» (Ванеев, 1956. С. 18). Действительно, в сведениях не упоминаются не только кударские осетины, но и осетины, проживающие смешанно с грузинами, а также рассеянные в различных районах Картли. Осетины проживали в поместьях Павленишвили, Палавандишвили, Туманишвили и других. Осетинское население проживало и в Кахетии. Так что к 1770 г. общее количество южных осетин достигло 6 000 дворов.

Расселение осетин в низменных районах Картли приняло особую активность в XVII–XVIII вв. Об этом определенное представление дают документальные материалы. В крепостном акте, выданном в первой половине XVII в. некими Иваном и Захарием Куабулу и Зазу Мачабели, говорится, что «истребилась Верхняя Джава и обезлюдела от осетин. Бог свидетель, так истребилась, что осталась без человеческого потомства. Продаю тебе поместье Дзиганидзе в Верхней Джаве с кладбищем, пахотной землей, сенокосом, водой, охотничьими и неохотничьими угодьями. Преемник Дзиганидзе считается пропавшим и цену за него тоже взяли. Отныне мы продаем тебе наше поместье без всякой претензии даже со стороны нашего помещика. Продаем в такие времена, когда в двух-трех местах, чтобы самим остаться живым, съедали своих детей, продавали своих

жен. Такая же беда случилась и с нами, в результате из десяти душ остались пятеро. Благодаря деньгам от продажи нашего поместья, мы остались живыми» (Бердзенишвили, 1940. С. 363–364).

Приведенный документ представляет многосторонний интерес в том отношении, что он подтверждает проживание осетинского населения на среднем течении Большой Лиахвы; Верхняя Джава разоряется; наступает страшный голод, многие вымерли, и край обезлюдел; другие выжили благодаря продаже своих поместий, но взамен оказались в тяжелой феодальной зависимости. В таких условиях феодальный род Мачабели, возвышение которого начинается с этого времени, пользовался тяжелым положением мелких помещиков и землевладельцев и по грошовым ценам завладевал их поместьями. Но род Мачабели не ограничивался только скупкой опустошенных земель. Имел место и явный захват чужих земель.

Нам неизвестно – впервые ли Мачабели обосновывались в окрестностях Джавы или вместе с другими помещиками уже до этого владели там поместьями и в создавшихся условиях только стремились к их расширению. Тем не менее одно является явным: Мачабели создавали для себя земельный фонд для расселения осетин, продвигавшихся с гор в сторону низины, с последующим их порабощением. Владычество Мачабели в окрестностях Верхней Джавы означало и владение ими дорогами, ведущими с гор в сторону Картлийской долины. Нахождение этих путей сообщения в их распоряжении являлось самым сильным средством воздействия на осетин, проживающих на южных склонах Кавказских гор.

Таким образом, Мачабели, расширяя свои владения в бассейне Большой Лиахвы, добивались расселения осетин на этих владениях. В этом отношении большую работу провел Баадур Мачабели (вторая половина XVII в.). Он освоил опустошенные казенные земли и этим поставил царскую власть перед фактом. Последней оставалось только утвердить за ним эти земли. Царь Картли Шахкулихан актом дарения 1704 г. сыновьям Баадура Мачабели – Пирану и Бортису – утвердил эти земли, отмечая, что «не так давно наши казенные места в горах были освоены вашим отцом Баадуром. Поэтому царем нашим отцом и царем нашим братом эти земли дарствуются вам без всяких притязаний со стороны ваших однофамильцев» (ГЦИА, ф.1450, п. 26, док. 158).

Актом дарения царя Аликулихана от 25 мая 1714 г. Левану и Давиду Мачабели, а также их двоюродным братьям – Парсадану и Алхазу были отданы сельбища в горах с наказом: «Как другим Мачабели служат принадлежащие им горцы и двали, так и вам будут служить те, которых поселите» (там же). Такие дарения проясняли настоящую цель деятельности Мачабели – их неудержимое стремление к умножению крепостных и помещичьих владений.

Царская власть, не обладая достаточной силой для владения и управления своими казенными крепостными и землями в горах, не

только не мешала проникновению и обоснованию Мачабели там, но и поощряла отдельных их представителей в освоении и заселении селищ, которые затем передавала в их личную собственность. При этом царская власть четко разграничивала собственность однофамильцев, оставляя за собой роль арбитра в случае возникновения споров между ними. Уже к 1736 г. Мачабели значительно расширили свои владения в ущелье Большой Лиахвы. В акте дарения от 15-го августа 1736 г., выданном царем Александром Борти Мачабели, сказано: «Явились вы к нам во дворец и просите, чтобы мы вам миловали ваши же коренные поместья. Милуем и дарим вам ваше коренное поместье в горных местах, где проживают осетины — Гуфта и Джавское ущелье, Кода и Кошка, без всяких претензий со стороны» (Бердзенишвили, 1940. С. 255).

На основе приведенных документов можно заключить, что осетины, проживавшие в бассейне Большой Лиахвы, в феодальной зависимости от Мачабели оказались в XVII в. До этого они находились в распоряжении других феодалов и, частично, царского двора. Новоявленность феодального рода Мачабели удостоверяет и Вахушти. По его сведениям, «Мачабели именует себя Анчанисдзе, пришли из Абхазии. Этот род является новым» (Вахушти, 1941. С. 25).

Осетины, проживавшие на землях Мачабели, находились в положении типичных крепостных крестьян. Они подвергались жестокой феодальной эксплуатации, платили всяческие повинности и несли крепостную службу. Мачабели распоряжались судьбой своих крепостных крестьян по своему усмотрению — продавали, обменивали, брали в прислугу, в особых случаях тарханствовали и т.д. Интересные сведения об обложении осетин Самачабло повинностями даются в крепостном акте, выданном Сефиханом Отару Амилахвари в 1737 г. В нем говорится, что «схлебских осетин и осетин Джавского ущелья отдаем в твое распоряжение. Отправляйся или сам, или отправляй одного человека для описи дворов этих осетин. Если сами будете отправляться, то возьмите с собой старосту, а если не состоится твоя отправка, то отправьте одного человека вместе со старостой, сделайте опись и сохраните квитанцию. Брать повинностей с этих осетин следует столько, сколько мы будем брать от других осетин. Осетины Джавские, будьте послушны словам амилахвара и выполняйте все наши распоряжения» (Древности Грузии, 1910. С. 447, док. 481). Из документа следует, что персидский чиновник подчиняет Отару Амилахвари схлебских осетин и осетин Джавского ущелья и обязывает его провести опись их дворов с целью обложения данью в пользу персов. При этом приказывает осетинам, чтобы они повиновались Амилахвари в исполнении им службы персам.

Во времена турецкого владычества в Картли (1723—1735) осетины Самачабло платили дань туркам, а после их владычества повинности платили в пользу персов. В результате к тяжелым феодаль-

ным повинностям добавлялись не менее тяжелые платежи в пользу внешних завоевателей, не говоря уже о беспрецедентных разорениях, следовавших за вторжениями завоевателей. Этим объясняется самоотверженная борьба осетин плечом к плечу с грузинским народом против вторгавшихся в Картли завоевателей.

Положение крепостных крестьян Мачабели усугублялось еще и теми противоречиями, которые возникали внутри этого феодального рода. Сильные однофамильцы всячески притесняли более слабых, присваивали их имения с крепостными, а осетины сопротивлялись их произволу и жестокости. О натянутых отношениях осетин с Мачабели говорит тот факт, что Мачабели иногда были вынуждены отдавать поручителя из своего же рода. Такое поручительство для любого Мачабели было особо тяжелым из-за крайне обострившихся социальных противоречий. Об этом свидетельствует обращение Датуа Мачабели к Ираклию II в 1795 г., где он писал: «Мои имения и крепостные подвергаются притеснению со стороны моего же однофамильца. Но на этом не останавливаются. С божьей и Вашей милостью пока еще жив и проживаю на даренной вами земле, но и оттуда хотят меня изгнать. Сделайте милость и выдайте мне протокол, чтобы никто меня **не отдавал поручителем осетинам и я полностью не исчез из этой страны** (выделено нами. — ***Г.Т.***). То же самое прошу и в отношении моих крепостных и имений, которых насильно удерживают мои однофамильцы и другие. Кроме того, принадлежащие мне осетины удерживаются Бардзимом и Зазой». На эту просьбу-обращение Ираклий ставит резолюцию в виде приказа: «Владельца этого обращения никто не имеет права отдать в качестве поручителя осетинам, пусть об этом знают все — и осетины, и грузины» (ГЦИА, ф.1450, п. 26, док. 220).

Для упрочения своего господства над осетинами Мачабели стремились создать местную опору из привилегированного слоя осетин. Сколь многочисленным был этот слой — неизвестно, но существование такого слоя не вызывает сомнений, о чем свидетельствует имеющийся у нас документ. В первой половине XVIII в. Леван Мачабели выдал Мадине Меладзе, ее дяде и братьям тарханную книгу, где говорится, что «мы, Леван Мачабели и будущее нашей семьи, дарим тарханную книгу тебе, нашему преданному крепостному Мадине Меладзе, старосте, его дяде — Георгию, братьям — Беко и Деметре, будущему твоей семьи. В бытность сиротой и находясь в бедственном положении, вы нам служили верой и правдой. Вы еще раньше имели от наших предков много тарханных книг и книг милости, мы же их обновим. С тебя ничего не требуется, кроме преданного служения нам» (Бердзенишвили, 1945. С. 33—34).

Создание привилегированного слоя — категории тарханов из среды своих крепостных — имело место и раньше. Именно эти тарханы образовывали ряды служилых людей и старост, создавая, вместе с

другими чиновниками, физическую опору могущества князей. В то же время тарханы берегли свое социальное положение и своим преданным служением сохраняли такое положение от поколения к поколению, как это подтверждается вышеприведенным документом.

В ущелье Большой Лиахвы, помимо поместий Мачабели, были поместья и других, более мелких земледельцев. В документе 1723 г., в селе Хвце Джавского ущелья упоминается поместье некоего Зураба Моуравишвили. Этот последний продает некоему Георгию Саакадзе покинутый участок земли съехавшего горца (Древности Грузии, 1909. С. 363–364). В самом Ачабети, являвшемся основной резиденцией Мачабели, в 70-х гг. XVIII в. находились три казенных поместья, в которых Ираклий II поселил зарамагских осетин (Институт рукописей, ф.Qd, док. 334).

То обстоятельство, что поместья Мачабели непосредственно граничили с горными ущельями, населенными осетинами, и отношения осетин с низменными районами осуществлялись через земли Мачабели, причем здесь находились казенные земли и поместья других, более мелких феодалов, – все это дает основание полагать, что именно на этот род возлагалась защита мирных взаимоотношений в этом краю, сохранение добрососедских отношений между грузинами и осетинами как необходимое условие благосостояния страны вообще. Внутренние разногласия, характерная черта феодальной Грузии, заметно ослабляли страну и снижали ее боеспособность в борьбе против внешнего врага. Во избежание этих нежелательных, но неизбежных для феодализма явлений царская власть возлагала на Мачабели роль посредника в решении спорных вопросов среди смешанного грузино-осетинского населения, проживавшего в бассейне Большой Лиахвы.

В 1791 г. Ираклий II писал Парсадану Мачабели: «Твои письма приходят к нам, где сообщаешь тамошние события, за это вам большое спасибо. Ты стараешься преданно. Если будешь в тех краях, то, ради бога, вашей веры и нашего крепостничества, если ты наш крепостной, постарайся как раньше, так и на сей раз, по мере возможности, поспособствовать миру, взаимной любви и единству» (ГЦИА, ф.1448, док. 5638; Древности Грузии, 1910. С. 208, док. 220).

Данное письмо подтверждает, что Парсадан Мачабели по специальному заданию Ираклия наблюдал за жизнедеятельностью населения бассейна Большой Лиахвы и информировал об этом царя. Парсадан Мачабели должен был способствовать миру и согласию в этом краю. Ираклий II высоко ценил его усилия в этом направлении и желал ему дальнейших успехов. Подобную функцию Мачабели выполняли и в последующем, во времена царя Георгия XII. Царевич Давид в 1800 г. актом милости дарит Бардзиму Мачабели поместье с крепостными. «Просим вашей преданности и служения нам, – говорится в акте дарения, – поспособствуйте примирению осетин и взятию Кехвской крепости. Как вам подобает, так и по-

старайтесь и примирите нас с осетинами всей Большой Лиахвы, вашими крепостными и крепостными других, овладевайте Кехвской крепостью. За это мы вам дарствуем казенные земли» (ГЦИА, ф.1450, п. 26, док. 162).

Таким образом, в XVIII в. основной контингент крепостных крестьян феодального рода Мачабели составляли осетины. Именно эксплуатация этих крепостных являлась опорой социального и политического могущества этого феодального рода.

Осетинские крепостные крестьяне Ксанского эриставства. Характеризуя положение осетинского населения Ксанского эриставства, или крепостных крестьян эриставов, нет необходимости подробно останавливаться на рассмотрении вопроса происхождения ксанских эриставов и вообще Ксанского эриставства, ибо данный вопрос более подробно рассматривается в монографии профессора Д. Гвритишвили «Из истории социальных отношений феодальной Грузии». Считаем достаточным отметить, что родовая летопись ксанских эриставов — «Памятник эриставов», а также грузинская историческая традиция (зафиксирована в конце XVIII в.) этих эриставов считают осетинами по происхождению, обосновавшимися в Ксанском ущелье с давних времен. Правда, о времени обоснования эриставов в ущелье эти источники по определенным политическим соображениям придерживаются разных точек зрения. Тем не менее в другом месте мы имели возможность объяснить данное явление в свете тогдашних исторических обстоятельств и рассмотреть вопрос обоснования осетинских Бибиловых в Ксанском ущелье (Тогошвили, 1958. С. 210—222).

Родовая летопись ксанских эриставов связывает переселение осетин — Ростома, Бибила и Цилосана в Ксанское ущелье и их становление эриставами с личностью и эпохой Юстиниана (527—565) (Памятник эриставов, 1954. С. 364). Другое мнение содержит официальная версия, разработанная в интересах картли-кахетинского царского двора. В родо-потомственном перечне картлийского дворянства, составленном царевичем Иоане в 1799 г., про ксанских эриставов говорится, что во времена Юстиниана здесь поселились люди аварского происхождения, представители которых добились эриставства. Эти эриставы истребились. «После них в разное время Ксанским ущельем правили разные горские чиновники и князья. Во времена же царицы Русудан, когда велась борьба с воинами и шли внутригрузинские волнения, из Осетинского царства, из Нарского ущелья, пришли предки нынешних эриставов по фамилии Горчиани. После них в 1235 г. из Осетии пришли два брата. Первого звали Бибила, а второго — Рати. Бибила поселился в Квена Псвени, которого в последующем назвали Ипневом. Рати же поселился в Жамурском ущелье. Впоследствии, в знак служения царю Константину, в 1412 г. получили звание князей и назвались Бибилурами по фамилии Квенапновели. Они служили эриставам и пра-

вили их землями. Когда же царство принял Даутхан – брат царя Симона, он породнился с Элизбаром Квенапновели и утвердил ему эриставство в 1569 г. С тех пор их род называется «эристави», а кто в потомстве будет первым, тот и получает названье «эристави» (Институт рукописей, ф. № 3729. С. 7–8. Автограф И. Батонишвили).

Существование двух отличных друг от друга версий о происхождении ксанских эриставов и эриставства объясняется идейными мотивами авторов этих версий. Первой версией является родовая летопись. По этой версии, с целью возвышения своего рода, процесс выдвижения эриставов и становления эриставства переносится в далекое прошлое, связываясь с популярной для того времени личностью. Не менее характерной является и вторая версия. Она отражает отношение царского двора к ксанским эриставам. Известно, что Ираклий II отнял у ксанских эриставов владения и сначала их превратил в казенные владения, а потом передал царевичам. Нужно было найти историческое оправдание такому жестокому сведению счетов в отношении ксанских эриставов. Вот и была создана официальная версия о происхождении ксанских эриставов и эриставства. Согласно этой версии, род ксанских эриставов не обладал той древностью, которую они себе приписывали, и поэтому якобы их возвышение произошло в результате благосклонности царской династии Багратионов к этому роду. Отсюда логичный вывод о том, что в случае недовольства царский род мог сменить милость на немилость. Этим же можно объяснить и оправдать репрессии в отношении ксанских эриставов.

Кроме этих версий, существует историческое предание другого характера, приводимое историком XIX в. Сулханом Бараташвили. Соласно этому преданию, осетинские князья – братья Ростом и Сидамон Дударуковы сумели примирить люто враждовавших между собой жителей Ксанского и Арагвского ущелий и установили условия такого примирения. В знак благодарности местное население пригласило их управителями этих ущелий, а грузинский царь, учитывая их происхождение и заслуги, назначил Ростома ксанским эриставом, а Сидамона – арагвским эриставом (Баратов, 1871. С. 48).

Профессор Д. Гвритишвили считает, что начало генеалогии ксанских эриставов с XIII в. можно считать правильным и приемлемым по той причине, что «в XIII веке в результате внутриполитических разногласий и распрей, а также под давлением внешней силы (в данном случае монголов) во многих сферах государственной жизни нашей страны произошли большие изменения и, помимо других событий, многие до того известные феодальные роды ушли со сцены политической жизни, а вместо них были возвышены другие» (Гвритишвили, 1961. С. 61). Что же касается осетинского происхождения ксанских эриставов, то здесь ничего необычного нет, ибо «в тот период между царскими дворами Грузии и Осетии все еще существовали патронатно-крепостные взаимоотношения, и поэтому

грузинский царь мог назначить эриставом любого, пусть даже осетина по происхождению, тем более что тогдашняя государственная система не обращала внимания на признаки национального отличия» (там же).

Со временем в феодальную зависимость ксанских эриставов попало не только местное население бассейна Ксанского ущелья, но и значительная часть осетинского населения, перешедшего на южную сторону Кавказского хребта. Уже в XIV в. в их владения входили: Цхрадзмиское ущелье, Карчоха, Исрола, Трусо, Гагасдзена, Млета, Арахвет, Хандо, Канчавет, поместье Абазасдзевих, Дзагнакоран, Дигуам, Гаваза, Ацерское ущелье, Бехуше, Жамурское ущелье, Кного, Магран-Двалетия и др. (Памятник эриставов, 1954. С. 348)[15]. Расширение территории эриставства происходило за счет завоевания территории исторической Двалетии. На этой почве происходили ожесточенные сражения между двалами и эриставами. Например, наиболее сильный эристави начала XIV в. — Шалва известен своими военными успехами над двалами. Он был женат на дочери осетинского царя (там же).

Разностороннее родство с осетинами не только облегчало Шалве борьбу с двалами, но и способствовало расселению осетин на его территории. Это был период, когда осетины под натиском монголов с северной стороны Кавказского хребта массово переходили на южную сторону и искали места для заселения. В тот же период в результате монгольских опустошительных нашествий, а также внутриполитической борьбы, население Грузии сильно поредело. Поэтому эриставы стремились не только к расширению своих владений, но и к их заселению. Такое заселение, по всей вероятности, осуществлялось за счет осетин. В 1470 г. Ларгвисскому монастырю Шалва Квенипновели подарил села Иврети, Гереда и Курта (села в Ксанском ущелье). Эти села вновь были заселены за счет извне привлеченного населения. «Из своего поместья ни одного крестьянина не привлек для заселения сел, всех позвал со стороны и обустроил бесхозные села, приумножил свое поместье» (Древности Грузии, 1910. С. 558).

В борьбе грузинского народа против иноземных завоевателей грузино-осетинское население Ксанского эриставства всегда стояло в первых рядах (по материалам 1771 г., осетины в Ксанском ущелье составляли 2000 дворов). В исторических источниках хранятся сведения об участии населения Ксанского эриставства в борьбе против орд шаха Аббаса в первой четверти XVII в., в героической эпопее Бахтриона в 1659 г., когда восставшие кахетинцы с помощью арагвинцев и ксанцев истребили туркмено-татарских завоевателей. Особое место занимает самоотверженная борьба населения эриставств под предводительством Шанше-эристава против османов и кизилбашей в 30—40-х гг. XVIII в.

Однако из-за характерных для феодального общества внутренних противоречий трудовой народ, неустанно сражавшийся за независимость своей родины, ради интересов своих господ неоднократно был

вовлечен в братоубийственные внутренние кровопролитные бои. Стремление эриставов к независимости от центральной власти встречало соответствующее сопротивление со стороны последней, и на этой почве беспощадно истреблялось трудовое население, уничтожались села и тяжким трудом созданное материальное богатство. В исторических источниках сохранились сведения о борьбе Ксанского эриставства с царями Ростомом, Шахнавазом, Георгием XI (XVII в.), с Вахтангом VI и Бакаром (первая четверть XVIII в.), с Теймуразом II и Ираклием II (середина и вторая половина XVIII в.).

С XIV в. на территории эриставства осетинское население уже представляет массовое явление, а осетины становятся активными участниками политической жизни не только Ксанского эриставства, но и Грузии вообще. Ксанские эриставы никогда не отказывались от увеличения числа своих крепостных и расширения своих владений за счет не только горцев, но и соседних феодальных земель. Территория Ксанского эриставства во времена эристава Давида (1753—1774) охватывала Ксанское, Алевское, Сапершетское, Чуртское, Цхрадзмисское, Карчохское, Жамурское ущелья, Маграндвалетию, значительную часть Лехурского ущелья, Колот-Квитквирское, Исрольское, Меджудское, Цромское ущелья, ущелье Малой Лиахвы, Гвердисдзири (Гвритишвили, 1961. С. 70).

В каком положении находилось с социальной точки зрения осетинское население эриставства? Многочисленный род эриставов своих крепостных крестьян, в том числе и осетин, делили между собой по старшинству, а потом такое разделение утверждал царь. Как явствует из документов, такое деление часто становилось причиной скандалов внутри рода эриставов, что, в свою очередь, требовало вмешательства царской власти. В приказе Ираклия II от 1771 г. говорится: «Осетины Исрольского ущелья, по праву принадлежащие Агабабу и Шалве, мы дарствуем Шалве Эристави, и они должны принадлежать ему без всяких претензий со стороны других. Если же у Георгия Эристави есть документ, подтверждающий принадлежность этих осетин ему, то пусть явится в суд, и в случае положительного решения вопроса, взамен передадим ему других осетин» (Институт рукописей, ф.Hd, док. 8401).

Существовали перечни дворовых имений осетин Ксанского эриставства, на основе которых осуществлялось их деление между эриставами. В одном из таких перечней XVIII в. с заглавием «Дворовые имения Ксанских осетин» дается рассредоточение 364 дворовых имений осетин в ряде сел эриставства (там же).

Чуртское подворье (сакомло) — 60 дворов, кроме вновь созданных имений (мамули).

Кердикоянское подворье со своими хлевами — 10.

Жамурское подворье — 53, кроме вновь созданных.

Ломисское и Охирское подворья — 14.

Сапершедское подворье — 20, кроме вновь созданных.

Икотское и Хломистцкарское подворья — 8 (монастырские владения).

Сободарское подворье — 4.

Подворье Бестаутикау — 4.

Ацриское и Бердзенкарское подворья — 8.

Цхрацкоройское подворье — 3.

В итоге — 203 подворья, кроме вновь созданных (разбитых).

Лиахвское подворье — 95.

Поместья Кодолаевых в Потризе и Лековани — 23,5.

Гвидисское подворье — 14.

Шауцхвирское подворье — 13.

Двальское подворье — 6 (Институт рукописи: ф. Hd. д. 8401).

Малое количество учтенных в перечне дворов (364) указывает на то, что они, по всей вероятности, являются количеством осетинских дворов, принадлежавших одному представителю рода эриставов, а не общим числом ксанских осетинских дворов. Перечисленные в перечне осетинские дворы находятся не только на Ксани, но и на Лиахве и в других местах.

О тяжелом положении ксанских осетин красноречиво говорится в документе, составленном в начале российского правления (начало XIX в.), но на самом деле отражающем положение осетин второй половины XVIII в. Осетины, жители какого-то села Ксанского ущелья, жалуются на самовольство местных чиновников и вытекающие из этого тяжелые последствия. «Шанше-эристав, — говорится в документе, — отдал нас Каланбегиру Халимбегову, коему, так как он и мы были осетинцы, служили и несли все повинности: потом захотел он взять у нас дочь, которая была невеста; хотя нам было весьма неприятно, но он, несмотря на нас, вытащил из дому насильно; жених ея, узнавши о сем, наложил на нас кровяной штраф, а потом, напав ночью с командою, увел у нас двух дочерей и угнал 100 волов да еще после отнял у нас 30 волов. Таковая обида была нам сделана еще во время Эристава; когда же достались мы Багратионам, взял он у нас 4-х человек и 15 волов и до самой крайности нас разорил; мы его за сие убили и переселились оттуда. Потом царь Георгий, вызвав нас к себе, помирил нас с ними, и мы по приказанию царя, отдавши им 5 волов и 1 лошадь, совершенно помирились и друг другу дали поруку, но они не устояли в своем слове: напав на нас, двоих из нас убили, 1 ранили и 24 человека, поймав, отвели в Кизик, откуда мы сами бежали, а семейства наши остались там, да и имения у нас пропало столько, что стоило 200 волов, да еще многие мы претерпевали обиды. Царь давал им другое место, но они по самовольству своему не принимали, отчего и сделалось с нашей стороны смертоубийство» (Акты, II. С. 549).

Описываемые в документе кровная вражда, убийства и взаимное разорение двух осетинских родов были результатом увода неве-

сты местным чиновником Шанше-эристава — осетином Каланбегиром Халимбеговым (в других документах упоминается как Халимбегашвили). Взаимная вражда представителей этих родов продолжалась десятилетиями с новыми жертвами и несчастьями. Даже вмешательство царя не возымело действия, и вражда продолжалась с новой силой. Отсюда следует, что тяжелое ярмо феодальной эксплуатации и самовольство феодальной бюрократии ввергали крепостных крестьян в невыносимые условия существования.

В 1777 г. ксанские эриставы отступились от царя Ираклия II. Царь нанес жестокое поражение феодальному роду, жаждущему независимости, и значительную часть их владений передал царевичам: Ксани — Георгию, а бассейн Малой Лиахвы — Юлону (Батонишвили, 1941. С. 15). В приказе от 20 января 1778 г. Ираклий II писал: «Обращаюсь к осетинам и грузинам, забираем себе две доли Ксани и Лиахвы в пользу казны (государства). Отныне другим к вам больше нет дела. Клятвой заверяем, что с нашей стороны в будущем ни один двор не будет передан другому» (Древности Грузии, 1909. С. 457).

Ираклий кое-что оставил эриставам из принадлежавших им владений в низменных районах Картли. В частности, Ростому и его братьям оставил Ксуиси, Апути, Тквиави, Марана, Каралети, Реха, Меджврисхеви, Ахалубани, Шакатгори, Сатемо, Кумиси, Навтлухи, а также принадлежавшее им имущество в Гори и Цхинвали (Гвритишвили, 1961. С. 329). Трудовое население Ксанского эриставства с удовлетворением восприняло свою передачу в пользу казны, ибо положение казенных крестьян было предпочтительнее по сравнению с положением крепостных крестьян. Чего стоило хотя бы то обстоятельство, что такая перемена их положения избавляла их от участия в бесконечных внутрифеодальных боях и, следовательно, от разорения. Поэтому, когда стали распространяться слухи о том, что их вновь хотят вернуть эриставам, население начало роптать. Ираклий II был вынужден убеждать их в провокационности подобных слухов и официально присягнул им, что ни одного двора никому не передаст. 29 июня 1779 г. Ираклий II пространно излагает вину эриставов перед ним и народом, оправдывает свои репрессии интересами страны и народа, обещает, что впредь не допустит, чтобы какой-нибудь представитель из рода эриставов господствовал над ними: «Этот прочный и неизменный акт дарения и клятвы даются вам всем — дворянам ущелья Малой Лиахвы, чиновникам, служащим, крестьянам и осетинам, а также осетинам Хвидиса и Потниса, Тлелта и Чипранта — бывшим крепостным Ксанских эриставов. Георгий эристави нам изменил, отступился, собрал войска лезгинов, привел их и укрепил свои крепости. Мы пошли на него войной, божьей милостью одержали победу, отняли у него крепости и даже арестовали. И так как он предал нас, то его владения полностью сделали государственными (казенными) Из-за их преда-

тельства вы неоднократно подвергались опустошению и понесли большие убытки. Кроме того, помогая нам и потому оставляя свои дела, пострадали и преданные нам крепостные грузины и кахетинцы. Эти отпрыски Ксанских эриставов постоянно являлись причинами тревог и волнений. Бог будет вам порукой в том, что отныне ни одного человека, ни одного двора никому не передадим, в этом будьте убеждены. Такой же акт мы и раньше давали вам, но из-за злых людей до вас не дошло это сообщение. По этой причине мы повторно даруем вам эту книгу (акт) и клятвой подтверждаем» (ГЦИА, ф.1449, док. 719). С 1778 г. Ксани занимал Георгий Батонишвили (царевич), а Малую Лиахву – Юлон Батонишвили. Вскоре Георгий свои владения разделил между своими сыновьями – Иоаном и Багратом. Ксанское ущелье перешло в собственность Иоана, а ущелья Меджуды и Исроли – в собственность Баграта.

Эриставы не смирились со своим положением и продолжали борьбу против царской власти. Эту борьбу поддерживали Ростом и его братья. Поэтому в 1786 г. Ираклий отнимает у них Меджврисхеви и некоторые другие села, а в 1790 г. – и Цихисдзири, и окончательно выдворяет их с территории эриставства. В результате все эриставство оказалось в руках царевичей. Иоане Батонишвили занял Ксанское, Сапершетское, Алевское, Цхрадзмисское, Чуртинское, Карчохское и Жамурское ущелья; к Юлону отошли ущелье Малой Лиахвы и Гвердисдзири, а к Баграту – Меджудское и Исрольское ущелья, Сакоринтло, Котол-Квитквири (Гвритишвили, 1955. С. 330). Эти места оставались во владении царевичей вплоть до присоединения Картли-Кахетии к России. В начале 1801 г., в связи с начавшейся борьбой царевичей вокруг престола Картли-Кахетии, с целью привлечения на свою сторону эриставов, царевичами была возвращена им большая часть их прежних владений.

Таким образом, с 1778 г. царевичи становятся вершителями судеб осетинского населения эриставства. Осетины служили царевичам на основе феодального порядка. С началом правления царевичей уже встречаются документы дарения осетинам поместий, целью чего являлось создание опорной базы на местах. В 1778 г. Георгий Батонишвили своему крепостному из села Тбели, Павлену Тваури, и его потомкам – Джаху, Бовлатукосу и Бабату дарствует гору Ципора. «Дарствуем вам гору Ципора, которая принадлежит нам, пастбищная гора для табунов. Теневая часть горы от Сангара, а также равнинная часть, за исключением владений на Лиахве, принадлежит нам, а потому и дарствуем» (Институт рукописей, Qd, док. 2383).

В том же году Георгий своему крепостному, «новому христианину», бывшему осетину Тому Халимбегашвили и его сыну Георгию жалует Насхепское поместье (ГЦИА, ф.1448, док. 5419). В 1784 г. тому же крепостному царевич Георгий вновь оказывает милость: «Дарую Верхнюю Цолту, поместье нашего крепостного Мо-

лознишвили, со всеми его горами, равнинами, пахотными землями, водами и мельницами. Пользуйся в знак нашей преданности и во благо нашему служению» (там же, док. 5420). По приказу царевича Георгия посланные в 1782 г. в Ксанское ущелье Ратишвили Бежан и есаул Цицишвили Иоане осетину Багатару из села Ардиса и его братьям отдали земли их же однофамильцев с условием служения царевичу (Институт рукописей, ф.Hd, док. 6195).

К практике дарения земель своим осетинским крепостным обращались и сыновья Георгия – царевичи Давид и Иоане. В 1789 г. Давид братьям Георгию, Вахтангу и Гвтисию Томашвили, безземельным крестьянам, дарит поместье Сосмалети, находящееся на Цхрадзма: «Владейте в знак преданного служения нам. В течение трех лет, пока не окрепитесь, с вас ничего не требуется, а после, как принято, так и служите нам» (ГЦИА, ф.1449, док. 147).

Когда у поместья, жалованного Томашвили, появился прежний владелец, Давид незамедлительно жалует им поместье некоего Набичришвили в Сакоринтле. Однако братьям Томашвили оказали сопротивление дворяне-коринтельцы. Тогда братья обратились с жалобой к Давиду: «Жалованное вами поместье Набичришвили в Сакоринтле не хотят нам уступить коринтельцы несмотря на то, что мы уже и лес вырубили, подготовили поместье и ваш брат прикрепил за нами есаула. Протокол дарения потеряли. Сделайте еще раз милость и выдайте нам протокол и приставьте есаула, чтобы до зимы успели построить дом. Мы крещеные. Племянника моего вы пожаловали Давиду – сыну Алексия. Амилахорцы в свое поместье нас больше не пускают, не будем же обезбоживаться. Без этих земель мы не выживем». В ответ на жалобу Давид отдает распоряжение некоему Кайхосро: «Отправляйся и то поместье Набичришвили вручите бывшим осетинам («наосребс»). Землю мы им пожаловали, и им нужно, чтобы поскорей построить дом. Всю землю Набичришвили мы жалуем им в качестве потомственного имения, а потому коринтельцы не должны иметь претензии к ним, пусть так и знают» (ГЦИА, ф.1448, док. 4057).

Подобными милостями царевичи создавали для себя социальную опору на местах. В этом отношении они особо жаловали представителей некоторых фамилий (родов) и путем укрепления их экономических позиций превращали в материальную опору своего господства. В привилегированном положении находился род (фамилия) Тваури. В 1795 г. за преданное служение в период нашествия Ага-Магомед-хана царевич Иоане жалует поместье Посури Ору Тваури, его сыновьям – Хосро, Атасу, внукам – Тектуману, Габилу, Мамсиру и Аджевану. Когда же у этого поместья обнаружился владелец, то взамен им выделили другое поместье в Иврете (там же, док. 516). В знак признательности к Тваури царевич Иоанне не ограничился дарением поместий и актом дарения от сентября 1796 г. пожаловал им полное тарханство. «Во время нашествия Ага-Магомеда-хана, – говорится в

акте дарения, — вы преданно служили нам, и взамен такой службы мы дарствуем вам тарханство. В течение вашего житья-бытья от вас в пользу нас ничего не требуется, кроме преданного служения и впредь ждите от нас милости» (ГЦИА, ф.1448, док. 458).

Миловал Тваури и род эриставов. 21 февраля 1801 г., когда еще и одного месяца не минуло с момента возвращения отобранных Ираклием II у эриставов владений, Гуси Тваури и его братьям — Джанче, Гочию и Автандилу дарят поместье взамен Ирольского ущелья. «Дарим вам поместье взамен Исрольского ущелья в знак многократного служения нам», — объявляют им эриставы Михаил, Шанше, Мирваноз, Елизбар, Соломон, Торнике и Георгий (Институт рукописей, ф.Hd, док. 6456). Здесь речь идет о том Гуси Тваури, на которого в 1791 г. дворянин Ростом Журули с жалобой обращался к царевичу Иоане. Он жаловался на этого Гуси, который занял принадлежащее Ростому поместье в Исрольском ущелье, и просил царевича, чтобы ему вернули это поместье. Иоане приказал своим чиновникам: «Поместье, которым пользуется Гуси Тваури, принадлежит Ростому, и верните ему это поместье, а от Гуси взимайте то, что не додал в течение пользования этим поместьем, и отдайте Ростому» (Бердзенишвили, 1945. С. 188).

Из этого документа следует, что мелкие землевладельцы не могли индивидуальным способом держать в подчинении своих крепостных крестьян и эксплуатировать их. Более того, у отдельных крепостных семей даже появлялась возможность захватывать их владения. По этой причине мелкие землевладельцы были вынуждены выступить сторонниками упрочения центральной власти и таким путем сохранить свои крепостные владения.

В привилегированном положении находился и род Халинбегашвили. Еще раньше Шанше-эристав дарит Халинбегашвили половину поместья Схепа. В 1778 г. царевич Георгий утверждает это дарение Тому Халинбегашвили. В 1779 г. Схепское поместье стало предметом спора между Халинбегашвилами и Бунтурами. Первые предъявили претензии на полное владение Схепой, а вторые по имеющимся документам половину этого поместья считали своей. По решению царевича Иоана Схепское поместье поделили поровну между спорящими сторонами (Институт рукописей, ф.Hd, док. 6347).

В период властвования ксанских эриставов имело место изъятие земель у одной части крепостных и их передача другой части крепостных. Такое деяние приводится в акте дарения царевича Юлона двальскому Пухашвили Шавкуджу от 1788 г. «Книгу милости дарит вам Юлон царевич. Принадлежащую вам гору Гудургона Давид эристави отобрал у вас несправедливо и передал потомству Беставашвили. Вы пришли к нам по этому поводу, и мы потребовали свидетелей. Многие, действительно, засвидетельствовали принадлежность горы Гудургона вам, и поэтому вновь пожаловали вам.

Возвращаем тебе, Шавкуджу Пухашвили, Кутию Пухашвили, Шавкуджу Мурдалашвили, Болатику и Налику Пухашвили, вашим братьям, сыновьям и потомству вашей семьи» (там же, док. 1930).

Проживающее на территории Ксанского эриставства многочисленное осетинское население представляло собой типичное крепостное крестьянство и, соответственно, подвергалось жестокой феодальной эксплуатации.

Осетинское население Арагвского эриставства. Значительная часть южных осетин проживала на территории Арагвского эриставства. Исторические сведения не дают возможности проследить с хронологической точки зрения процесс обоснования осетин в верховьях Терека и Арагвского ущелья. Предполагается, что основным путем заселения и обоснования осетин на территории Арагвского эриставства было Трусовское ущелье. Оно непосредственно соседствовало с исторической Двалетией и с некоторыми обществами (Алагирским, Куртатинским) Северной Осетии. По сведениям «Памятника эриставов», Трусо является одним из первых районов, где осетины обосновались на начальной стадии переселения с севера на юг.

Так же, как и род ксанских эриставов, сильный феодальный род поздних арагвских эриставов по происхождению является осетинским. История Арагвского эриставства и эриставов подробно изучена в монографии профессора Д. Гвритишвили «Из истории социальных отношений феодальной Грузии». Поскольку генеалогия арагвских эриставов связывается с осетинами, то вкратце остановимся на рассмотрении этого вопроса. В составленном царевичем Иоанном в 1799 г. генеалогическом перечне грузинского дворянства об арагвских эриставах говорится: «Арагвские эристави являются пришельцами с Кавказских гор. По происхождению они являются осетинами из хорошего рода, отпрысками Сидамона (Сидамонидзе). Их предки проживали в местечке Ванати. Впервые им дворянство даровал царь Константин Георгиевич и определил Сидамона чиновником Арагва. В 1407 г. произошло внутригрузинское волнение, и в связи с этим Сидамон собрал войска из осетин и своих однофамильцев, уничтожил князей Базлидзевых, проживающих на равнинах Арагва, вследствие чего озеро, которое находилось на этом месте, и сегодня называется Базалетским озером. Но Сидамон еще не был эриставом, он был только владетелем Арагва. В последующем, во времена царствования Свимона, Сидамон провел множество боев против турок и персов, одержал блестящие победы и прославился. В последнем бою турки одержали верх, в бою пленили царя Свимона, а сын его Луарсаб был еще отроком. Тогда и потомство Сидамона получило эриставство, а после Сидамона эристава этот титул перешел на его сына Нугзара, который уничтожил оставшихся там Базлидзевых» (Институт рукописей, ф.S, № 3729. С. 6. Автограф И. Батонишвили).

В работе С. Чубинова «О потомках рода князей эриставов», хранящейся в Институте рукописей, говорится: «Ксанские и арагвские эристави происходят от осетинского рода Сидамонова. В первой половине XVI в. Иасон, второй сын Ксанского эристава, не имеющего поместья, овладел Ванатской крепостью и многими другими местами, а после смерти старшего брата добивался наследства Ксанского эриставства (1560 г.). В свою очередь, царь Симон, боясь усиления и без того сильного князя, Ксанское эриставство отдал младшему брату Иасона, а владетелю Ваната – Иасону передал Арагвскую общину и назвал Арагвским эриставом. Это стало причиной беспрестанной вражды между ксанским и арагвским эриставами, вражды, которая окрасила кровью и Ксани, и Арагви» (там же, № 3677. С. 81–82). Сыном этого Иасона был эристав Нугзар, тесть Георгия Саакадзе.

Факт владычества ванатского дворянина в Арагвском ущелье подтверждается и Вахушти. «Нугзар был эриставом Арагва, – писал он, – а его дед был дворянином Ваната. При царе Свимоне Первом он овладел Ванатской крепостью. И тогда Свимон отдал ему тамошнее поместье. А когда кизилбаши пленили царя Свимона, он (дед Нугзара) напал на Ксанское эриставство и завоевал Базалети. Когда он (Иасон) умер, его сын (незаконный) перебил всех своих братьев, а малолетнего племянника Нугзара похитили. Когда Нугзар вырос, он переманил на свою сторону людей, убил его и взял Базалети, а потом подчинил себе всю Мтиулетию. А когда вернулся Свимон, то он отдал Нугзару эриставство за служение деда Нугзара Свимону» (Вахушти, 1913. С. 56–57). Об овладении предками Нугзара Арагвским ущельем идет речь и у монаха Егнаташвили: «Предками Нугзара, Арагвского эристава, были истреблены Тектурманисдзены и завладели ущельем, после чего царь передал им Хаду, Мтиулетию, Душети, Ананури и, таким образом, стали эриставами» (Житие новой Картли, 1940. С. 125).

В 1743 г. отменили Арагвское эриставство и, как известно, изгнали эриставов. В 1801 г., после присоединения Картли-Кахетии к России, эристав Бежан взялся за восстановление отмененного эриставства. В связи с этим новым владетелем Арагва, царевичем Вахтангом, Кнорингу было предъявлено свое объяснение генеалогии арагвских эриставов. Он писал, что «упомянутый здесь Арагви всегда принадлежал царскому дому Багратионов, а род упомянутого здесь Бежана является выходцем из Осетии. Представителями этого рода и сегодня являются осетины Сидамоны, которые в свое время, как представители благородного рода, получили дворянство» (Акты, I. С. 265–266).

Анализировать приведенные сведения с точки зрения того, кого именно заменили осетинские Сидамоны в Арагвском эриставстве, мы не станем. Из вышеприведенных показаний нами выделяется почти единогласно признанный всеми авторами факт того, что в позднем средневековье властвующие на Арагви эриставы по происхождению были представителями верхнего социального слоя осетин.

Если учесть проведенную в сведениях мысль о том, что Сидамоновы были представителями «хорошего рода» и достигли в Грузии чести быть удостоенными дворянства посредством служения грузинским царям, то следует допустить, что для вступления в ряды грузинского феодального класса переселенные в Грузию верхние социальные слои осетин нуждались в поддержке со стороны центральной власти.

Ванатские осетинские дворяне достигли активной борьбой верхней ступени социальной лестницы. Такая борьба с местными феодальными родами за приобретение крепостных и расширение своих владений особенно активизировалась в XVI в. Для достижения своих целей они удачно воспользовались политической децентрализацией страны, слабостью царской власти и достигли подчинения всего Арагвства, стали его эриставами.

В приведенных сведениях подчеркнутое указание на то, что арагвские эриставы по происхождению являются осетинами, в определенном смысле говорит о том, что их господству в бассейне Арагви предшествовало проживание там осетинского населения, которое могло поддерживать борьбу ванатских дворян. Царевич Иоане прямо указывает, что Сидамон с осетинским войском нанес поражение роду Базалидзевых. И царевич Вахтанг говорил о какой-то поддержке, благодаря которой ванатскими дворянами был постепенно прибран к рукам весь Арагви. Некоторые авторы (Вахушти) успешную борьбу арагвских эриставов объясняют поддержкой со стороны ксанских эриставов. В факте помощи со стороны ксанских эриставов ничего необычного нет, ибо эриставы часто устанавливали свое господство объединенными усилиями. Возможно, что подобной поддержке способствовали родственные связи. Летопись рода ксанских эриставов считает Сидамона родным братом Ростома, обосновавшегося на Ксани и ставшего эриставом. По сведениям Сулхана Бараташвили, ксанский и арагвский эриставы были братьями, а по данным С. Чубинова, арагвский эристав Ясон был прямым наследником ксанского эристава.

Таким образом, приведенный нами краткий обзор о происхождении арагвских эриставов можно заключить выводами профессора Д. Гвритишвили: «С XVI века, пользуясь осложнением внешних и внутренних условий, дворяне, проживающие в ущелье Малой Лиахвы, возможно Сидамонидзевы, с помощью осетин и ксанских эриставов подчиняют эриставов Хеви — Тектурманидзевых и становятся эриставами. После этого они постепенно присоединяют Арагвское эриставство, и, таким образом, из двух эриставств образовалось одно Арагвское эриставство» (Гвритишвили, 1961. С. 95).

О границах Арагвского эриставства в 1827 г. Чилашвили писал следующее: «В древние времена Грузия разделилась на разные эриставства, или округи. По сему разделению Дариал принадлежал к Арагвскому эриставству, которое, простираясь от сего места вверх по Тереку до последнего Трусовского села Сивераута и по течению

Арагвы до р. Нареквави заключает в себе: Хеви, Трусовское ущелье, Заху, Мтиулети, Гудамакари, Хандо, Чартали и весь Душетский уезд, исключая Ксанское ущелье и владения князей Мухранских, и граничит с одной стороны с Тагаурами и Джерахами, с другой – Кистами, Хевсурами, Пшавами и Телавским уездом, с третьей – Иронистаном, или Осетией, и Ксанским ущельем» (Акты, VII. С. 347–348). Д. Гвритишвили считает правильным приведенное описание границ Арагвского эриставства, за исключением включения в его границы Трусо и Заха, так как другими источниками их принадлежность к Арагвскому эриставству не подтверждается (Гвритишвили, 1955. С. 97).

Известно, что в XIV в. Трусо было подчинено ксанскими эриставами, но в исторических источниках не указывается дата его потери и присоединения к Арагвскому эриставству. Предполагается, что это произошло в XVII в., в период могущества арагвских эриставов. Факт заключается в том, что Трусо в XVIII в. находилось во владении арагвских эриставов. В 1732 г. трусовские осетины вместе с мтиулмохевцами выступили поручителями эристава Бардзима перед Отаром и Бардзимом Амилахвари. Из клятвенной книги мтиулов, мохевцев и осетин, обращенной к Отару и Бардзиме Амилахвари, не только явствует то, что осетины среди населения Арагвского эриставства занимали значительное место, но и указываются те мотивы, из-за которых осетины выступали поручителями эристава, вынужденного, в знак протеста против тяжелого турецкого владычества, отказаться от эриставства. Арагвское население, боясь установления турецкого владычества, поддержало эристава и такую поддержку оправдывало тем, что «турки собирались поработить весь горский народ» (ГЦИА, ф.1448, док. 341; Бердзенишвили, 1940. С. 233).

Уже тот факт, что более третьей части (1 200 из 3 000 дворов) всего населения Арагвского эриставства составляли осетины, явно указывает на ту большую роль, которую осетины выполняли в политической жизни этого края Грузии и Картли-Кахетии. Несмотря на то, что арагвские эриставы часто проявляли сепаратистские тенденции, смешанное грузино-осетинское население эриставства принимало активное участие в тех внешнеполитических событиях, в которых решалась судьба свободы и независимости грузинского народа. Воинство Арагвского эриставства оказало энергичную поддержку Георгию Саакадзе в Марткопской битве (1625 г.) в его борьбе против персидских завоевателей. Арагвцы были активными участниками Бахтрионской героической эпопеи (1659 г.), в ходе которой персидские завоеватели понесли жестокое поражение.

Однако стремление арагвских эриставов к обособленности, расширению своих феодальных владений часто приводило к междоусобным кровопролитным войнам с царской властью или с другими феодальными единицами. Такие войны катастрофически влияли на

положение трудового населения, которое физически истреблялось и материально разорялось.

С 1743 г., после восстания арагвского населения, эриставство было передано царю Теймуразу. Отныне эриставство сначала было поместьем Вахтанга, сына Ираклия II, потом перешло к царевичу Левану и, наконец, с 80-х годов XVIII в. стало поместьем царевича Вахтанга.

О социальном положении осетинского населения в период правления арагвских эриставов соответствующие материалы отсутствуют. После перехода эриставства во владение царевичей появляются документы, которые уже касаются осетинского населения эриставства и дают определенное представление об их социальном положении. Подобно эриставам, царевичи стремились к увеличению численности своих подданных в эриставстве, а образованием категории тарханов создавали для себя социальную опору среди населения. Царевичи способствовали переселению и обоснованию на территории эриставства тагаурских осетин, утверждали им скупку земель. В 1776 г. царевич Вахтанг тагаурскому дворянину, крестнику Ираклия – Кундухишвили Тому и его сыну Иоану – крестнику Вахтанга утвердил скупку поместья в Ачхоте, принадлежавшего Кайкубаду Кобиашвили (ГЦИА, ф.1448, док. 43). Осетинский дворянин Кундухишвили Туджи, переселившийся из Тагаурии в Арагвское ущелье при поддержке Ираклия II, в 1796 г. за 50 червонцев скупил поместье в том же Ачхоте у Беция Кобиашвили, оставив последнему право последующего выкупа поместья (ЦГИА, ф.1450, п. 23, док. 187).

В 1780 г. провели опись дворовых поместий Трусовского ущелья. Опись осуществлялась в селах: Реси (5 дворовых поместий), Тефи (6 дворовых), Джимара (11 дворовых на 12 дворов), Какадури (7 дворовых на 8 дворов), Каратикау (8,5 дворовых на 9 дворов), Денце (6 дворовых), Квемо Денце (4 дворовых), Джахагори (2 дворовых), Суацис (5 дворовых), Абано (7 дворовых), Керети (9 дворовых) (Институт рукописей, ф.Hd, док. 3906).

Таким образом, по описи в 11 селах Трусовского ущелья 73 двора занимали 70,5 поместья. Из них два двора – Елошвили Гавдин из села Саоти и Бизиешвили Дати из села Абано – были тарханами, остальные 71 двор с 68,5 дворового поместья были оброчными крестьянами. Приведенные сведения говорят о том, что материалы, отражающие социальное положение Арагвского эриставства, очень скудны. Они не дают полного представления о феодальной зависимости арагвских осетин. Тем не менее имеются все основания утверждать, что данная зависимость соответствует общей картине грузинских феодальных отношений.

Кроме перечисленных феодальных владений, осетины проживали и на владениях других феодалов Внутренней Картли. В первой половине XVIII в. в ущелье Дзами (Карельский район, бывшее Сацициано) существовало село под названием Оси (его звали и осе-

тинским участком). В результате вражеских нашествий и внутренних волнений Сацициано систематически разорялось. Поэтому феодалы стремились к заселению опустошенных сел и районов заново. Основным источником заселения Сацициано профессор Д. Гвритишвили считал осетинское население. «Сацициано, – писал он, – время от времени в основном пополнялось за счет осетинского населения, и этот процесс продолжался и в течение XIX в. Ущелье Паца, Магран-Двалетия, Рока, Тлия, Жамура – вот те провинции, откуда приходили осетины в Сацициано для поселения. Таким образом, в грузинских селищах образовывались осетинские новостройки» (Гвритишвили, 1961. С.131).

Одной из форм расселения осетин в районах Внутренней Картли был исход из владений одного феодала и в поисках лучшей доли переселение во владения других феодалов. В одном из приказов Вахтанга VI (1703–1711 гг.) говорится, что «из владений Ксанского эристава к Фаремузу Джавахишвили пришли осетины, и он их поселил в Чваребском Сахорце. Но осетины покинули данное место и перешли к Папуне Цицишвили. Фаремуз жаловался: Папуна натравил на меня людей, испортил мои дороги, силой увел тамошних осетин. Направили туда есаула, расспросили и установили, что осетины были выдворены силой. Папуна вернул осетин Фаремузу» (Древности Грузии, 1909. С. 296). По всей вероятности, факт, приведенный в приказе Вахтанга VI, не был единичным. Ксанский эристав Давид в 1771 г. жаловался, что некоторые из его крепостных «покинули его владения и переселились в Кахетию» (ГЦИА, ф.1450, п. 36, док. 202).

Имело место расселение осетин в районах Картли и путем купли-продажи. Иесе Бараташвили в своем житье-завещании от 1870 г. писал, что «он послал человека в Осетию для приобретения осетин, много истратил, обещают, но пока их не видно». Иесе среди приобретенных им крестьян указывает пятерых крепостных крестьян – осетин (Бараташвили, 1950. С. 94, 99). Кроме того, часто один феодал своих крепостных осетин продавал другому феодалу. В 1725 г. Леван Мачабели отдал документ скупки Гиви Амилахару. В нем говорится, что «стало нам туго, в том числе и из-за татарского оброка, поэтому вынуждены продать вам своего коренного крепостного, осетина Вепхвия Нарикашвили из Цакулта, со всеми ему принадлежащими недвижимостью и поместьем Продаем также Шермазана Шалвахашвили со своим поместьем». Свидетелями скупки названы Фири и Джабо из Хвце, Тоти, Гаси и Боре из Джавы, Давид и Биртвела из Гуфта, Дачи из Схлеба» (Бердзенишвили, 1940. С. 215–216).

Часты были случаи, когда перешедший из Осетии в Картли переселенец из-за экономических затруднений был вынужден продавать себя какому-либо феодалу или зажиточному частнику. В этом отношении заслуживает внимания книга (акт) собственной продажи некоего осетина Ивана (в бытность осетином) Давиду По-

ракишвили. В ней говорится: «Наступило для меня тяжелое время, и поэтому я, Иван, в бытность свою осетином, написал книгу собственной продажи и передаю тебе, Давиду Поракишвили, братьям твоим Бежану и Иосифу, потомству твоей семьи. Был я осетином, пришел в Цхинвал, крестился, женился, но оказался в долгах. Много работал, но не смог вырваться из долгов. Поэтому по своей воле продался тебе и с долгами рассчитался» (ГЦИА, ф.1448, док. 1625).

Документы первой половины XVIII в. свидетельствуют, что на территории мухранбатонства проживали осетины. В приказе Сефи-хана от 12 июля 1737 г. говорится, что «принадлежащие Мухранбатону дворяне, крестьяне, крепости в горах и низинах, а **также осетины, которых силой удерживал Шанше** (выделено нами. — *Г.Т.*), вновь возвращены Левану Мухранбатону и дарствуем ему. Отныне все жители должны подчиняться и прислуживать ему» (Древности Грузии, 1940. С. 445). Отсюда следует, что на территории мухранбатонства проживало значительное количество осетин. В результате набегов дагестанцев и нашествий турок и кизилбашей территория мухранбатонства разорилась и опустошилась, было уничтожено крепостное крестьянство, а последующее их пополнение осуществлялось за счет «хизанов» (беглецов) или путем купли-продажи новых крепостных.

В XVIII в. большое количество осетин находилось в крепостной зависимости у Палавандишвили и Туманишвили. В перечне поместий крепостных Туманишвили (1700—1719 гг.) указывается крепостной крестьянин Маргишвили, обладающий недвижимостью и двухдневным виноградником (Бердзенишвили, 1940. С. 284). В перечне расходов продавца Тумановых за 1738 г. упоминается некий Маргишвили с долгом в 10 абази (200 коп.) (там же. С. 284). В 1782 г. Иесе, Ниния и Беруа Маргишвили дают слово Зурабу Туманишвили в том, что они признают его своим господином и обещают, что в отношении его не будут проявлять непокорность (ГЦИА, ф.1450, п. 37, док. 80). В 1786 г. Ираклий II специальным протоколом обязал Зураба Туманишвили, чтобы он выдворил своих крепостных — Ивана и Бери Маргишвили к их брату Иесе, находившемуся в плену в Мисире (Египет. — *Г.Т.*) и вернувшемуся оттуда (там же, док. 81).

В документах говорится и о крепостных осетинах Палавандишвили и причинах их закрепощения. Чоба и Афа Чибирашвили по причине кровной мести добровольно вступили в крепостную зависимость к Гогию Палавандишвили. «Мы не могли заплатить за твою кровь, — говорится в документе, — поэтому, взамен этого, мы превращаем себя в твоих крепостных. Мы, два брата — я, Чоба с женой, мой брат Афа и моя мама, становимся твоими крепостными в счет твоей крови» (Институт рукописей, ф.Hd, док. 647). Крепостными того же Палавандишвили в 1784 г. по собственной воле стали: Пилишвили Кута и его сын Кабила, внуки — Кадина, Тоба, Мосе, Кайсина и Канисина. «Пришли из Осетии и по собственной воле

стали твоими крепостными, — говорится в крепостном акте, — будем усердно и преданно служить вам» (там же, док. 649). Разумеется, что этими двумя фамилиями количество крепостных осетин Палавандишвили не ограничилось. В приведенных документах свидетелями Чибирашвили и Пилишвили названо много осетин, которые, если не все, то большинство, все-таки были крепостными Палавандишвили.

В Южной Осетии, помимо крепостных осетин, существовала многочисленная категория государственных (казенных) крестьян. Категорию государственных крестьян составляли жители верхнего течения Большой Лиахвы и Наро-Мамисонского бассейна. С осетинским населением этих местностей грузинские политические деятели устанавливали тесные связи. Они выполняли различные поручения и службы в пользу царской власти. Однако степень подчиненности этих осетин царской власти зависела от силы этой последней. При слабой центральной власти осетины выходили из подчинения, как это имело место, например, во времена Георгия Саакадзе, Вахтанга VI и Ираклия II.

Осетины редко, но все же селились и в Кахетии, что подтверждается документами XVII в. Актом жалования 1662 г. Теймураз I черкесу Аладагу за оказанную царю службу дарит крепостных и поместье. «Когда вы были в Уруме, — говорится в акте дарения, — то во многих боях вы проявили себя мужественно, за что дарим вам часть поместий Гардишвили и поместья, принадлежащие сыновьям черкесских и осетинских дворян, а также разоренные селища» (ГЦИА, ф.1450, л. 26, док.146). О том, в каких условиях происходило заселение осетин в Кахетию, сведения отсутствуют. Видимо, на неоднократно разоренной территории Кахетии появление черкесского и осетинского населения было результатом деятельности царской власти Теймураза I. На территории Кахетии заселение осетин наблюдалось и в XVIII в. Жалоба ксанского эристава Давида (1771 г.) о том, что некоторые его крепостные сбежали в Кахетию, не является беспочвенной. Существует соображение, что в июле 1771 г. Ираклий II, заподозрив в предательстве двух братьев Мачабели, изгнал их и переселил в Лило вместе со своими крепостными осетинами (Леонидзе, 1960.). Действительно, на рубеже XVIII—XIX вв. в Лило уже проживало осетинское население (Акты, I. С. 461).

В историографии считается признанным, что часть южных осетин подчинялась Имеретинскому царству. В подчинении этого царства находилось осетинское население Кударо, ущелья реки Джоджоры. Однако ни исторические, ни документальные материалы не дают возможности создать полное представление о степени подчиненности этой части южных осетин Имеретинскому царству, и поэтому мы вынуждены ограничиться этим общим заявлением.

Документальные материалы последнего десятилетия XVIII в. дают сведения об организованном переселении больших групп осетин из

Северной Осетии. В акте дарения, выданном Ираклием II в 1794 г. тагаурскому осетину Кундухашвили Куджи, отмечается, что «ты на переселение этих осетин очень постарался и этим преданно сослужил нам. Сам тоже хочешь переселиться со своей семьей и заселиться вместе с ними. В знак твоего решения поселиться в нашей стране вместе с этими осетинами мы тебе и твоим детям делаем признание иметь почести дворянина и быть тарханом» (ГЦИА, ф.1448, док. 31). Подобные случаи переселения осетин имели место и в последующем. В 1799 г. царь Георгий XII писал тагаурским осетинам следующее: «Тагаурским осетинам, которые собираются переселиться к нам хизанами, сообщаем, что мы пришлем к вам дворянина Габашвили Нино, и он передаст вам наши слова. Так же, как и наш отец — царь Ираклий — был милостивым к вам, так и мы будем впредь более милостивыми к вам, заботиться о вас. Вы будете нашими казенными крепостными, и никто другой не будет иметь к вам никаких дел. Мы предоставим вам добротное место для заселения и проживания. Покамест, как и прежде, приезжайте в Дигоми, там временно побудьте, поживите, а потом для вас отыщем хорошее место, которое и вам понравится. А до наступления времени пахать и сеять мы вам поможем подушно» (Институт рукописей, ф.Qd, док. 1617).

Подобная практика переселения осетин в Картли вызывала недовольство в верхних социальных слоях Осетии. Недовольство было столь велико, что Георгию XII в приказе 1800 г. к тагаурским феодалам пришлось дать определенное объяснение данному явлению. Он писал: «Вы говорите, что это мы принуждаем осетин перебраться к нам. Мы никого не принуждаем покинуть свои насиженные места. Они сами приходят к нам, а мы никого не выдворяем» (ГЦИА, ф.1448, док. 3613). Видимо, переселение осетин из Тагаурии в Грузию приняло массовый характер. Георгий XII не отрицал ту часть обвинений тагаурских феодалов, в которой говорилось о переселении их подчиненных в Картли. Он только хотел скрыть свою подстрекательскую роль в этом процессе и объявил его инициативой, исходящей от самих осетин. Кроме того, он не давал тагаурским феодалам гарантию того, что впредь не допустит повторения подобных фактов. Он только обещал феодалам, что переселенные осетины им никакого вреда не причинят. Однако такой ответ не мог удовлетворить тагаурских феодалов, а сопротивляться этому процессу было выше их возможностей.

Таким образом, переселение осетин на грузинскую территорию и их расселение в низинах Картли осуществлялось в следующих формах: 1) заселение безземельных и малоземельных осетин некоторыми феодалами на свои земли с последующим их обращением в феодальную зависимость; 2) исход осетин из поместий одного феодала и, в поисках лучшей доли, поселение на землях другого феодала; 3) купля-продажа крепостных и самопродажа; 4) организа-

ция правящими кругами переселения больших групп осетин с последующим предоставлением им места жительства и оказанием материальной помощи.

Можно предположить, что осетины, переселившиеся в Грузию в XIII—XIV вв., огрузинились и слились с грузинским феодальным обществом. Примечательно, что некоторые представители социальной верхушки осетин и после переселения в Грузию сохраняли свое привилегированное положение, а в некоторых случаях даже упрочняли такое положение. В качестве примеров можно привести ксанских и арагвских эриставов*. Но при этом непременным условием было полное их «огрузинивание», и таким образом они становились типичными грузинскими феодалами.

По Иоане, осетинами по происхождению являются дворяне: Еларишвили, Батишвили, Сресели, Годабрелидзе, Гомарели, Ломидзе (Институт рукописей, ф.S. С. 45—46, 49, 53, 71, 115—116). Приведенные генеалогические сведения были напечатаны в газете «Иверия» (1884, №№ 68, 83, 120, 121, 125). Отсюда их перепечатал М. Джанашвили в работе «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» (Джанашвили, 1897. С. 63—64).

Осетинское население горной Грузии сопротивлялось попыткам распространения феодальных отношений и среди них. Тем не менее тенденция развития феодальных отношений все более и более втягивала горское население в этот процесс. Это было последней ступенью развития феодальных отношений вширь.

По вышеприведенным материалам ясно прослеживается процесс движения осетин на юг в XVIII в. Осетины в поисках лучшей доли продвигались на юг и селились на землях феодалов либо царевичей. Из этих же материалов выясняются и мотивы дарения осетинам поместий. Акты дарения особенно участились во второй половине XVIII в. и были связаны с именами грузинских царевичей. В документах подчеркивается, что тому или другому осетину акт дарения земли дается за верную и преданную службу царскому двору. В

---

* Не является случайностью то обстоятельство, что в родовой летописи феодалов Внутренней Картли часто встречается указание на осетинское происхождение того или иного феодального рода или же их возвышение посредством связей с осетинами. По сведениям царевича Иоане, возвышение Павленишвили и Туманишвили происходило благодаря поддержке осетин (Институт рукописей, ф.S, № 3729. С. 12, 15—16). Про Херхеулидзе он отмечал, что по происхождению они из Самцхе. Один из них во времена царицы Тамары служил чиновником в Наре, где он женился на дочери великородного осетина — Горчишвили, и они были названы Горчианами. Его потомок Агатанг проявил себя в Марабдском сражении, и за это его преемники стали выдвиженцами грузинских царей. Царевич Иоане приводит и вторую версию о происхождении Херхеулидзе. По этой версии Херхеулидзе был нарским осетином. Он получил поместье в Самцхе, а в последующем вернулся в Картли (там же. С. 15). В свою очередь и Вахушти отмечал, что Херхеулидзе был осетином из Самцхе» (Вахушти, 1941. С. 25). — **Г.Т.**

подавляющем большинстве случаев основой такой милости была уже оказанная служба. Милостивец (царь, царевич или феодал) за существенные услуги милованного создавал ему соответствующие условия для жизни и выполнения службы.

Одним из условий получения земель осетинами и их обоснования на территории Грузии, особенно в низменных районах, было принятие христианства. В актах дарения часто подчеркивается, что тот или иной осетин является «новым христианином», «наосари» или «оскопили», то есть бывшим осетином. Все эти упоминания о христианстве осетин указывают на то, что жизнь принявшего православие осетина среди христианского грузинского населения является закономерной и весьма желательной. Если осетин – христианин, то он осетином, в полном смысле этого слова, уже и не является, ибо его уже считали грузином *.

Переселенные во второй половине XVIII в. северные осетины обосновывались в равнинных районах Картли на государственных землях и таким образом пополняли ряды казенных крестьян. Осетины, селившиеся на землях феодалов, переходили в разряд крепостных крестьян. Место поселения осетин заранее согласовывалось и подразумевало его пригодность для ведения сельского хозяйства. Переселенные осетины выполняли все те обязанности, которые возлагались на соответствующие категории крестьян в Грузии. Отныне переселенные с севера осетины, вместе с уже проживающими в Грузии осетинами, становились одним из источников военно-политической мощи феодальных кругов Картли-Кахетии.

§ 2. Феодальная эксплуатация и классовая борьба южных осетин

Тесные экономические, политические и культурные взаимоотношения осетинского и грузинского народов подразумевали в то же время и подобные отношения с грузинской феодальной средой, ибо нахождение в социальной зависимости является своеобразной

* С нехристианскими осетинами грузины не избегали установления политических и экономических отношений. Но правящие круги в отношении нехристианских осетин обращались к определенным ограничениям. В документе, составленном в 1782 г. для жителей Арагвского эриставства, говорится: «Если какой-нибудь христианин выдаст замуж женщину за осетина и станет его приятелем, то с него будет спрос за вероломство и будет платить за это помногу. А ежели осетин выдаст замуж женщину, то женитесь, но надо будет ее крестить, без крещения нельзя» (Институт рукописей, ф.Sd, док. 493). Это относится к тому времени, когда с севера Осетинская духовная комиссия, а с юга грузинские духовные круги предпринимали энергичные меры для массовой христианизации осетин. В таких условиях выдача женщины за нехристианского осетина не соответствовала интересам власти. Женитьба же грузина на осетинской женщине никаких препятствий не встречала, но должно было быть проведено ее крещение.– Г.Т.

формой взаимоотношений. Ниже дается изложение социального положения южных осетин в рассматриваемый период.

Грузинское крестьянство по своему происхождению, социальному и экономическому положению делилось на различные категории. В интересующий нас период термин «крестьянин» в общем обозначал «крепостной» и в грузинской действительности был представлен следующими категориями: «мквидри» (коренные), «мсахуреби» (служилые), «наскиди» (скупленные), «нацкалобеви» (милованные), «небиери» (вольные), «богано», «хизани» и др.

Южные осетины, находясь в крепостной зависимости у грузинских феодалов, были тесно связаны с грузинской социально-экономической действительностью, и поэтому приведенное выше деление крестьян на категории, более или менее, касается и их.

Документальные материалы, к которым мы обращаемся, в основном относятся к XVIII в. и отражают тогдашнее положение трудового населения южных осетин. К этому времени эксплуатация крестьян в Грузии достигает своего наивысшего предела. Создавшееся положение влияло и на правовое положение крестьян, в частности углублялся процесс нивелирования разных категорий крепостных крестьян. В документальных материалах XVIII в. приводятся следующие социальные категории южных осетин: 1)«мквидри», 2)«хизани», 3)«наскиди», 4)«тавнаскиди», 5)«небиери», 6)«тархани».

Коренными («мквидри») стали крепостные осетины, переселенные в XIII–XIV вв. В более поздний период количество осетин этой категории увеличивалось за счет тех осетин, которые разными путями селились на землях грузинских феодалов. Они, как обычно, со временем становились «коренными» жителями.

В Грузии «хизаном» называли крестьянина, который уходил от одного владельца и укрывался у другого. «Хизноба» представляла собой одну из форм антифеодальной борьбы в феодальной стране. Что же касается осетинских «хизанов», то их происхождение должно рассматриваться в другом ракурсе. Основными причинами их появления были те тяжелые условия, в которых приходилось жить осетинам. Не исключено, что в отдельных случаях причиной становления осетина «хизаном» являлась и классовая борьба. В 1800 г. Георгий XII для заселения в свою страну принял большую группу тагаурских осетин, чем и вызвал протест тагаурских феодалов (ГЦИА, ф.148, док. 3613). Разумеется, переселение этих осетин происходило против их воли и объяснялось напряженностью классовых отношений между ними и феодалами. При этом если грузинскому «хизану» угрожала опасность исхода от бывшего владельца, то осетинскому «хизану» такая опасность не угрожала. Часто осетинские «хизани» селились на государственных землях и скоро становились коренными казенными крестьянами.

Так же, как в Грузии, привилегированный слой осетинских крепостных крестьян образовывали крестьяне «тархани». Они частично или полностью освобождались от феодальной или государственной повинности, но должны были выполнять определенную службу. Что же касается других категорий осетинских крепостных крестьян, то их положение ничем не отличалось от положения прочих категорий крепостных крестьян.

В рассматриваемый период обязанности крестьянина делились на повинность и служение. Повинностью назывались всякие натуральные подати, связанные с получением от помещика земель. Повинность, в свою очередь, делилась на «тави бегара» и «самаспиндзло», или «пурис чамад». На крепостных крестьян возлагалось и «служение», которое по своему характеру представляло собой трудовую повинность: пахота, сев, жатва, заготовка сена и дров и др. Сведения о том, какие именно феодальные повинности и обязанности возлагались на осетинских крестьян, приводятся в некоторых документальных материалах XVIII в. Крестьянин из села Тбели (на реке Меджуда) Тваури Ора и его наследники в связи с получением тарханства освободились от следующих повинностей: «калана», «сачукари», «саагдгомо» и «самохелео» (там же, док. 458). После переселения тагаурца Кундухишвили Куджи и получения им тарханства от Ираклия II его овободили «от всяких податей и платежей» (там же).

В некоторых документах отмечается, что осетины должны служить своим владельцам так, как это подобает «крепостническому порядку», или в соответствии с «общим положением» (там же, ф.1450, п. 37, док. 80). Другими словами, это означает, что осетинские крепостные крестьяне должны были прислуживать своим владельцам так, как это делали грузинские крепостные крестьяне. Когда осетинский крестьянин получал в низменностях Картли поместье, он платил владельцу всякие платежи, установленные на это поместье. В 1789 г. Томашвили получили поместье в местечке Цхрадзма. В течение трех лет они освобождались от платежей, а «спустя три года вы должны платить нам столько, сколько установлено на это поместье» (там же, ф.1449). Часто поместья, полученные переселенными с гор на равнины осетинами, назывались «оброчными поместьями», что явно говорит о том, что основной повинностью был оброк (Институт рукописей, ф.Qd, док. 934). Из некоторых семей крепостных крестьян помещик иногда набирал слуг (там же, ф.Hd, док. 647, 649).

Имеющиеся документы не дают возможности отличать феодальные обязанности помещичьих крестьян от обязанностей государственных крестьян. По нашему мнению, обязанности крестьян царевичей ничем не отличались от обязанностей помещичьих крестьян. Они, крепостные царевичей, были еще вчерашними помещичьими крестьянами, и с переходом в разряд крестьян царевичей менялся только их владелец. Но их экономическое положение становилось

сравнительно лучше, так как владельцем теперь становился царский род.

У нас отсутствует полный перечень феодальных обязанностей осетинских крепостных крестьян даже для XVIII в. В начале XIX в. властями России были зафиксированы повинности и обязанности крепостных ксанских эриставов и Мачабеловых. В 1824 г. по поручению генерала Ермолова генералом Ховеном были собраны материалы о феодальных поборах с осетинских крепостных крестьян. В соответствии с собранными им материалами, они таковы: 1. Каждый двор в год должен был отдавать помещику три овцы, каждая стоимостью один рубль серебром. 2. От каждого дворового поместья (15–20-дневная пахотная земля) каждый год брали по одной корове (стоимостью 5 рублей) или пять овец. Такой побор назывался повинностью, его брали с каждого поместья, невзирая на количество составлявших его дворов. 3. От каждого дворового брали одного быка стоимостью 10 рублей. 4. В ближайших осетинских селах Джавского района, кроме названных поборов, помещикам каждый двор давал: а) одну «гиранку» топленого масла, либо один литр сыра, стоимостью 40 коп.; б) во время Великого поста – пиво или другие продукты, стоимостью один рубль; в) по два «кода» ячменя.

К обязанностям крепостных крестьян относилось: а) в год один день – вспашка помещичьей земли плугами, находящимися в распоряжении села, ее засевание, жатва и доставка ко двору помещика; б) метание стога сена у села и доставка его по мере необходимости ко двору помещика; в) доставка лесоматериалов на стройку помещика; г) служение помещику. Жители отдаленных осетинских сел платили повинности только скотом (Акты, VI. С. 689; Ванеев, 1956. С. 92). Такими же повинностями, но с некоторыми изменениями, облагались крепостные осетины и других помещиков.

Документы свидетельствуют, что платежи-повинности горских крепостных отличались от платежей-повинностей крепостных, проживавших на равнинах Картли. Здесь основными помещичьими повинностями были: оброк (повинность на зерно), «кулихи» (подати на виноградники), пастбищные (подати на мелкий и крупнорогатый скот), подношение и др. Эти повинности платили крепостные осетины, поселившиеся в низменных районах Грузии, хозяйство которых давало возможность заниматься зерноводством и виноградарством.

Наиболее ярко представлен один из видов повинностей всех осетин – «самаспиндзло». В нашем распоряжении имеется перечень «самаспиндзло» (угощений), поступивших из Трусо в 1776 г.: 266 овец, 45 коров, 12 ослов и ослят, один жеребенок, одна лошадь, 25 бурок, шерсть, черкеска, четверо штанов, одна кожа, три «кисина» – хъисын (подстилки), пять сабель, семь ружей, один щит (Институт рукописей, ф. Hd, док. 3507).

Из перечня видно, что «самаспиндзло» являлось довольно тяже-

лой повинностью и ее платили натурой. У нас имеется также перечень дворов трусовских крепостных крестьян, облагаемых налогом в 1780 г. В 11 селах числилось 73 двора, и они занимали 70,5 дворового поместья (там же). Эти крепостные в счет «самаспиндзло» в 1780 г. должны были платить податей: 1 080 овец, две лошади, 135 бурок и др. (там же, док. 12211). Гудские осетины, согласно «Мтиулской установке» XVIII в., за одно дворовое поместье платили 2 овцы, а в счет «самаспиндзло» в течение года каждый двор отдавал по одной овце и ягненку, а также бурку для подстилки (там же, док. 4724).

В ведомостях имущества царевичей (1803 г.) говорится, что владетель Арагви царевич Вахтанг от своих грузино-осетинских сел получал деньги, хлеб, вино, топленое масло, сыр, овец, ягнят, свиней, кур, сено (Акты, II. С. 82).

Помещичье крестьянство, помимо того что платило разнообразные повинности непосредственно помещику, в то же время было обязано нести определенные повинности и перед государством (царем). Крестьяне были обязаны платить государству: «кодис пури», «сабалахо» (пастбищное), «нахиристави», «сабазиеро», «лашкар-надироба», «саджинибо» и др.

В Картли в XVIII в. каждый двор должен был платить государству по 3 «коди» хлеба и ячменя. Жители горных мест этим налогом не облагались. В 1771 г. эристав Давид обращался с жалобой к Ираклию II о том, что его крепостные по сравнению с жителями низменных районов были чрезмерно обложены этим оброком. «Что же касается жителей гор, они во времена твоих предков вообще не были обложены хлебом. В нынешнее же время все горские жители от Дагестана до Рачи являются твоими крепостными, и если их обязуете платить, то и для нас не остается другого пути, кроме как платить». Ираклий на жалобе делает следующую резолюцию: «Горские жители Ксанского эриставства, у которых самих не хватает хлеба, должны быть освобождены, а вместо них брать хлеб у жителей низменных районов» (ГЦИА, ф. 1450, п. 36, док. 202). Таким образом, часть осетинских крепостных крестьян платила «кодис пури», а другая часть, проживавшая в горных местностях, освобождалась от этой повинности, но взамен они эту повинность платили скотом.

«Сабалахо» (пастбищное) было установлено на мелкий рогатый скот за пользование государственными пастбищами. «Нахиристави» являлось повинностью, установленной на крупный рогатый скот. Большое село отчуждало одного быка, среднее – корову, а маленькое – овцу. «Пиристави» была установлена на овечью отару. На сто овец брали одну овцу. «Сабазиеро» (сокольничий) платили курами для царских сокольников. «Саджинибо» (конюшня) в основном платили ягнятами (Гвритишвили, 1961, С. 224). «Лашкар-надироба» (участие в походах и охоте) подразумевало участие крепостных крестьян в мероприятиях, связанных с походами и охотой. Если царе-

вич обращал крепостного в тарханство, ему все равно оставляли обязанность участия в походах и охоте.

К категории государственных повинностей относились работы, связанные со строительством дорог, мостов, крепостей и укреплений. Документальные материалы, удостоверяющие распространение этих повинностей и на осетин, отсутствуют, но это не означает, что крепостной осетин был исключением в этом отношении.

Кроме помещичьих и государственных повинностей, крестьянство облагалось непомерными налогами в пользу иноземных захватчиков. Например, население было вынуждено систематически платить так называемые «сататро» (для татар). Леван Мачабели в 1725 г. в своем крепостном акте прямо говорит Гиви Амилахвари, что «из-за татарской повинности оказались в тяжелом положении и поэтому вынуждены продать вам своих коренных крепостных осетин – Нарикашвили и Шавлохашвили» (Бердзенишвили, 1940. С. 215–216). Если данная повинность для помещика была такой обременительной, то сама собой разумеется тяжесть татарских податей для трудового населения.

Во второй половине XVIII в. в Картли-Кахетинском царстве была принята новая государственная подать, так называемая «сурсати» (продуктовая), предназначенная для войск. В те же времена была установлена чрезвычайная повинность – «салеко», предназначенная для проведения оборонительных мероприятий с целью защиты от иноземных захватчиков. В отдельных случаях принимались и другие одноразовые повинности.

Продуктовую повинность горские осетины не платили. Перед нами «Правила на сбор в Грузии за 1802 г., под названием сурсат, хлебной подати: сурсат всегда собиралась в Грузии на необходимые нужды государственные: то и ныне подать сию на сей же предмет по прежнему положению, по которому взиманию оной подлежат все без изъятия купцы, промышленники, ремесленники, земледельцы и прочие нижние сословия всех племен обитателей грузинских, окроме осетинцев и других, в горах живущих, о коих по малоимению земли и по скудости избытков их вообще предполагается учинить сообразно с прежними обычаями особое постановление, соразмерно способам их, взиманием от них вместо хлеба деньгами или скотом, либо другими родящимися у них произведениями» (Акты, II. С. 7). Получается, что сурсат превратилась в постоянную повинность. И если осетины, проживающие в низменностях Грузии, платили зерном, то горские осетины платили скотом, деньгами или другими повинностями.

Грузинское крестьянство платило и другие подати, как, например, «саеклесио» (церковное) и «самохелео» (чиновное). Разумеется, что и христианские крепостные осетины платили церковные платежи. Более значительными были чиновные подати – «самоураво»

(для управителя), «самамасахлисо» (для старосты), «санацвло» (для наместника), «саесауло» (для есаула). Ахалгорский управитель Арджеван Пицелаури в 1782 г. писал царевичу Георгию: «Со времен основания Ахалгори из всех поступающих от населения податей десятая часть принадлежит мне и старосте. Если своего не возьму, то чем же мне тогда жить или какой же я тогда чиновник» (Древности Грузии, 1909. С. 459; Гвритишвили, 1961. С. 227). Кроме десятой доли, управитель получал доходы непосредственно от крестьян. Такие доходы были внушительными и вместе с другими повинностями ложились тяжелым грузом на производительное население. По всей вероятности, осетинские крепостные крестьяне платили вышеотмеченные подати наравне с грузинскими крепостными. В 1782 г. в Трусо упоминаются управитель и наместник. Царевич Вахтанг в своем приказе писал трусовским осетинам, что «намедни я прислал к вам вашего управителя и наместника» (ГЦИА, ф.1448, док. 3526). В 1801 г. в Исрольском ущелье некий Гуси Тваури упоминается в качестве наместника (Институт рукописей, ф. Hd, док. 6456). В первой половине XVIII в. управителем называется некий Георгий Меладзе (там же, док. 2898). Во времена Георгия XII управителем осетинских и грузинских жителей Малой Лиахвы был дворянин Гогия Пурцеладзе. Моуравом Чвири, Мгвриви, Ваната, Арбо и Шиндиса был дворянин Гогия Мирзашвили; моуравом Магран-Двалетии был Наскида Зариев (Акты, I. С. 195).

Одним словом, в дальних горных районах Осетии местными чиновниками были осетины, а в низменных районах функции местных чиновников выполняли грузинские дворяне. С их помощью царь либо феодалы эксплуатировали крепостных крестьян, осетины же в их пользу платили чиновные подати. Данный факт подтверждается и документально. Тваури Ора, получив от царевича Иоане тарханство, помимо многих феодальных повинностей, был освобожден и от всяких чиновных повинностей (ГЦИА, ф.1448, док. 458).

Жители горных районов Осетии со стороны грузинских феодалов подвергались явному насилию и грабежу. По землям грузинских феодалов проходили дороги, связывавшие горских осетин с низменностью Картли. На этих дорогах феодалы вылавливали осетин, направлявшихся по торговым делам в низменные районы Картли, заточали их в тюрьмы и требовали выкуп скотом и деньгами. Такие препятствия создавали тяжелые условия осетинам, что и вызывало ответную реакцию с их стороны.

В районах заселения осетин во Внутренней Картли социальная жизнь протекала под знаком острой классовой борьбы. Непомерные феодальные поборы, усугублявшиеся разнообразными повинностями, связанными с вторжениями внешних врагов (не говоря уже о регулярных разорениях), толкали крепостное крестьянство на путь явной или тайной борьбы против феодалов. Южные осетины часто

заявляли о своей неподчиненности феодалам, отказывались платить поборы и повинности. Власть вместе с феодалами вела борьбу против таких тенденций и часто, прибегая к оружию, вновь приводила осетин в подчинение. В 1626 г. Георгий Саакадзе с помощью оружия преодолел сопротивление отступившихся осетин и вновь обложил их поборами. В 1711 г. с подобной же целью Вахтанг VI осуществил поход в район Наро-Мамисона и обложил осетин налогами.

В 40-х гг. XVIII в. Ираклий II был вынужден применить военную силу с целью подчинения осетин Ксанского и Арагвского эриставств. В борьбе с арагвскими осетинами отряды Ираклия «взяли и сожгли сорок башен, оккупировали Трусо и обложили всякими податями» (Орбелиани, 1854. С. 390). Крепостные осетины всячески сопротивлялись стремлениям феодалов, с одной стороны, ужесточить эксплуатацию уже подчиненных осетин, а с другой — привести в зависимость все еще не подчиненное население дальних районов Осетии.

Формы борьбы крепостных осетин против феодалов были разнообразными. Пассивные формы борьбы (исход и бегство, отказ платить поборы и повинности) и активные формы (явное неповиновение, индивидуальная и коллективная борьба против помещиков) дополняли друг друга. В XVIII в. имели место явные выступления против феодалов, носившие более или менее массовый характер. В приказе Вахтанга VI, отданном им между 1703—1711 гг., говорится, что из поместий Ксанского эриставства ушли осетины и пришли к Фаремузу Джавахишвили, а он поселил их в Чваребском Сахорце (Древности Грузии, 1909. С. 296).

К пассивным формам борьбы относится также отказ от служения помещику. Осетин Гуси, проживающий в Исрольском ущелье в поместье дворянина Ростома Журули, в течение трех лет ничего не платил своему помещику. Последний обратился с жалобой к царевичу Иоану, а тот отдал приказ, чтобы защитили интересы Журули, для чего «заставить Гуси, чтобы тот заплатил долг, отобрать у него поместье и передать Журули» (Бердзенишвили,1945. 188).

В 1782 г. осетин Маргишвили в акте-обещании, данном князю Зурабу Туманишвили, заявлял, что «вы на нас в обиде и по этой причине обратились с жалобой к «мдиванбегу» Амилахвари. Есаул доставил нас к нему. С помощью посредников и по приказу Амилахвари нас примирили. Отныне обещаем, что будем подчиняться вам и служить вам, как того требует крепостная зависимость» (ГЦИА, ф.1450, п. 37, док. 80).

Со стороны отдельных крепостных часты были попытки неповиновения и уклонения от крепостного служения помещикам. Вдова Туманишвили в 1786 г. обращалась с жалобой к Ираклию II на своего крепостного Маргишвили. Она писала, что «Маргишвили являются нашими крепостными. Один из братьев находился в плену, из плена вернулся и вновь признал себя нашим крепостным.

Вот уже двадцать лет как освободился от плена, обосновался на нашем поместии, а ныне злобствует, то вас беспокоит, то царицу, то ваших сыновей, старается вырваться из нашего крепостничества». Нахождение Маргишвили в плену подтверждается и другими документами. До пленения Маргишвили являлся крепостным Туманишвили. В плену он оказался в Мисире (Египет). Оттуда он самостоятельно вызволился. В тогдашней Картли-Кахетии существовал закон, согласно которому крепостной, вернувшийся из плена самостоятельно, освобождался от крепостной зависимости прежнего помещика и, по своему усмотрению, мог вступить в крепостную зависимость к другому помещику. Опираясь на этот закон, Маргишвили старался высвободиться из крепостной зависимости и поэтому обращался то к царю, то к царице и царевичам. В то же время он продолжал жить на землях Туманишвили. На жалобу вдовы Туманишвили Ираклий поставил следующую резолюцию: «Наше решение состоит в том, что если пленник после освобождения на месяц или два месяца вступит в крепостную зависимость к кому-нибудь, то он считается его крепостным и не имеет права уйти от него. Маргишвили после плена много лет проживал на земле бывшего своего помещика и был его крепостным. Если бы даже и не был его крепостным, все равно он не имеет права уйти от него, так как он долгие годы был его крепостным» (ГЦИА, ф.1450, п. 37, док.82).

Из приведенного документа следует, что «освобождение из крепостничества», якобы предусмотренное законом, было лишь условной льготой для высвобождавшегося из плена, ибо фактически оно выражалось в свободном выборе нового хозяина. В условиях феодального общества, где земля находилась в феодальной собственности, крестьянин не мог уйти от феодальной зависимости без разрыва связи с землей, а такой разрыв означал его вымирание, ибо ему некуда было деться. Феодальный город не мог его принять и обеспечить средствами существования (Месхи, 1959. С. 147).

Враждебные отношения существовали между князьями Палавандишвили и свободными крестьянами Чибирашвили. Чоба и его брат Чибирашвили убивали присланных к ним людей Палавандишвили. Они напали и на самого князя Гогия Палавандишвили, но он чудом спасся от смерти. В конечном счете победителями в этом противоборстве вышли князья и, как явствует из кровного акта от 10 ноября 1783 года, они закрепостили Чибирашвили (Институт рукописей, ф.Hd, док. 647).

Недовольство крепостных крестьян неоднократно выливалось в вооруженные столкновения. Несмотря на скудость источников по этому вопросу, конкретные примеры вооруженных выступлений все-таки можно отыскать.

В конце XVII в., в связи с борьбой Георгия XI и Ираклия I Назаралихана, Вахушти Батонишвили отмечал, что Георгий потер-

пел поражение и его сторонники рассеялись. «Князья не смогли удержаться в своих укреплениях и арагвский эристави Георгий и Гиви Амилахори перешли в Двалетию, а оттуда хотели перебраться в Имеретию. Однако эристава Георгия арестовали крепостные и доставили из Маграндвалетии к Ираклию» (Вахушти, 1913. С. 66). Из сведения неясно — кем был арестован эристав Георгий: своими же маграндвалетскими крепостными, или же другими крепостными. По всей вероятности, инициатива ареста эристава исходила от маграндвалетского населения, стремящегося к избавлению от феодальной эксплуатации и постоянных войн.

В 1743 г. в Арагвском эриставстве вспыхнуло восстание. Крепостными эриставов были убиты эристав Бежан и его брат Отиа. Крепостные дальше не хотели владычества рода эриставов и передали эриставство Теймуразу II. Но вскоре и от него отступились, перестали ему платить повинности и даже не пускали его чиновников в Арагвское эриставство (Орбелиани, 1854. С. 390).

Не менее острой была борьба крепостных крестьян Ксанского эриставства против своих помещиков. В конце XVII в. эристав Иесе был убит своими подданными. Такая же участь постигла и эристава Датуни (начало XVIII в.). О самоотверженной борьбе крепостных осетин против эриставов свидетельствует письмо ксанского эристава Шанше к Вахтангу VI, перебравшемуся в 1733 г. в Россию: «Бывший крепостной арагвского эристава, осетин, проживал на моих землях. Этого осетина я изгнал и продал татарам, но он сбежал и вернулся в свой дом. Горемычный мой брат Реваз поехал в Осетию, но по дороге его убил проданный мною осетин. Бог проклял меня, я остался в живых, не оплаканный братом» (Броссе, 1861. С. 205).

Таким образом, борьба осетинских и грузинских крепостных крестьян против эриставов в их жизни шла непрерывно. Противостояние населения Арагвского и Ксанского эриставств господству эриставов было настолько острым, что центральная власть, воспользовавшись этим противостоянием, сравнительно легко достигла своей цели: ликвидировала очаги постоянных внутренних стычек путем подавления сепаратистских стремлений эриставов и объявлением территорий эриставств государственными, укрепив тем самым свои позиции. Разумеется, объявление эриставств государственными землями не улучшило и не могло улучшить положения трудового населения, ибо поменялись лишь только их владетели. Такими владетелями стали царевичи (с 1743 г. в Арагвском ущелье, а с 1777 г. — в Ксанском). Тем не менее положение населения эриставств несколько улучшилось. Был положен конец внутренним войнам, в которые ксанские и арагвские эриставы, любители партикуляризма, вовлекали своих крепостных. Поэтому, когда стали распространяться слухи о том, что Ираклий II собирается вернуть эриставам отобранные у них земли и крепостных, Ираклию II пришлось клятвенно обе-

щать, что «не будем вас больше никому передавать, в том числе и роду ксанских эриставов Так будет лучше и для страны» (Абрамишвили, 1956. С. 419–420).

После объявления Ксанского и Арагвского эриставств государственными землями там для населения создались более благоприятные условия для мирной жизни. Когда Георгий XII стал царем (1798 г.), а другие царевичи стали этому препятствовать, на территориях эриставств вновь нарушилось спокойствие. Положение еще больше обострилось в последний период его царствования, особенно после его кончины. В целях создания опорной силы в будущей борьбе за царский престол царевичи начали восстанавливать ксанских эриставов в их прежних правах. В результате обострилась классовая борьба, в которой южные осетины оказались в первых рядах. В начале 1801 г. генерал-майор Лазарев писал генерал-лейтенанту Кнорингу: «Осетины, подвластные разным грузинским князьям, делают всякие озорничества». «Осетины, подвластные князьям здешним, не повинуясь совсем оным, делают разные грабительства и наглости» (Акты, I, док.765, 766; С. 581–582).

Классовую борьбу осетинских крепостных крестьян конца XVIII в. более полно характеризует доклад генерал-лейтенанта Кноринга к его императорскому величеству в марте 1802 г. «Осетинские народы, обитающие в ущельях гор Кавказских, по рекам Паца и Большая Лиахва, находясь издревле в подданстве грузинском и имев начальников наследственных в фамилии грузинских князей Мачабели, в последние дни жизни царя Георгия в такое пришли неповиновение и буйство, что одного из князей оных убили» (там же, док. 772. С. 585). Как следует из этого доклада, антифеодальные выступления южных осетин шли как на территории Ксанского эриставства, так и в бассейне Большой Лиахвы, в так называемой Мачабеловой Осетии.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что какими бы серьезными не были взаимные претензии и противостояние отдельных феодальных родов, они в деле обеспечения своего феодального господства над крепостными и их эксплуатации всегда были единодушными союзниками. В этом отношении представляет интерес так называемый «акт обещания» от 1812 г., заключенный между эриставами Ревазом, Шалвой и Елизбаром. Несмотря на то, что данный акт касается деления поместья и доходов, в нем предусматривались совместные усилия, направленные на сохранение своего господства над осетинскими крепостными крестьянами. В третьем пункте «акта обещания» говорится: «С наших крепостных не будем брать больше того, что установлено положением христовым. А для полного подчинения осетин надо сломать их сопротивление по мере наших сил и возможностей – задерживать и арестовывать, отбирать и грабить, разорять. При встрече задержать, ограбить, а добычу поделить между тремя братьями». Пятый пункт данного акта предусматривал,

что «все расходы, связанные с подавлением сопротивления осетин — войска и другие расходы, должны покрываться из общих доходов» (ГЦИА, ф.1950, п. 42, док. 301).

Примечательно, что упомянутый акт взаимной поддержки и взаимопомощи был составлен уже во времена (1812 г.), когда на страже феодальных интересов эриставов стояло Российское централизованное государство. И если в то время и в таких более благоприятных условиях подчинение осетин требовало стольких усилий от эриставов, то легко можно представить, что во времена грузинского правления данная проблема была еще более острой и труднорешаемой.

Примеры классовой борьбы крепостных крестьян Южной Осетии против феодального угнетения со стороны грузинской господствующей верхушки в исторических источниках вплоть до конца XVIII в. сохранились в малом количестве. Но и те отрывочные сведения, которые были приведены, не оставляют сомнений в существовании острой и непримиримой классовой борьбы в Южной Осетии. Степень подчинения феодалами осетинских крепостных крестьян, масштабы их эксплуатации на том или ином историческом отрезке времени зависели от соотношения классовых сил в это конкретное время и от прочности политического положения страны вообще.

Антифеодальное движение осетинских крепостных крестьян, соединенное с классовой борьбой грузинского трудового народа, несмотря на остроту, было разрозненным и неорганизованным, ибо оно не имело четкой социальной цели. Крепостное крестьянство не осознавало свои классовые интересы и реальные условия борьбы для реализации этих интересов. Ни одно крестьянское движение не было направлено на уничтожение крепостничества. Они были направлены против чрезмерной эксплуатации, а не против эксплуатации вообще, на приобретение личной свободы.

Разумеется, что в таких обстоятельствах борьба крестьян была обречена. Но, несмотря на это, подобные антифеодальные выступления имели определенное значение: крестьянство приспосабливалось к борьбе за свои социальные и классовые интересы, своими энергичными действиями и сопротивлением оно принуждало класс феодалов идти на определенные уступки, смягчать степень эксплуатации.

ГЛАВА VI

Грузино-осетинские культурные взаимоотношения (XV–XVIII вв.)

Осетинский народ на всем протяжении своей истории находился в тесных культурных взаимоотношениях с соседними народами, в том числе и с братским грузинским народом. С древних времен высокоразвитая грузинская культура оказывала благотворное влияние на народы соседних стран, в том числе и на осетинский народ. Уже со времен обоснования аланов – предков осетин на Кавказе (начало нового летоисчисления) они оказались в окружении кавказской культуры. Аланские племена подверглись столь серьезному влиянию кавказской культуры, что индоевропейские по языковому происхождению осетины стали типичными кавказцами.

Скудость письменных исторических сведений, односторонность существующих источников не дают возможности для более подробного выявления грузино-осетинских культурных взаимоотношений. Тем не менее бесспорно, что в средние века Грузия являлась источником распространения христианской культуры и письменности в Осетии. В период могущества грузинской феодальной монархии установление тесных политических взаимоотношений между грузинскими и осетинскими народами, династическое родство между правящими кругами этих стран в течение XI–XIII вв. создавали благоприятные условия для распространения грузинской культуры в Осетии.

Известна та большая роль, которую сыграла Западная Грузия (так называемое Абхазское царство) в деле христианизации алан в начале X в. Патриарх Константинополя Иоани Мистик отмечал большие заслуги абхазского царя Георгия Великого в распространении христианства в Алании (Осетии) (Георгика, 1941. С. 213–214).

Абхазский царь Георгий в целях распространения своего влияния на алан-осетин и использования их в своих политических интересах выступал в роли пособника византийской политики христианизации алан-осетин (Тогошвили, 1958. С. 115–116). С завершением процесса объединения отдельных частей Грузии в одно государство идеологическое влияние Византии на осетин сменяется влиянием грузинской христианской культуры.

Закрепление христианства в Осетии осуществлялось с помощью Грузии. Об этом говорит тот факт, что в осетинском языке терминология, связанная с христианским культом, является почти грузинской. Напри-

мер, дзуар (ос.) – джвари (груз.), куири – квира, таранджелоз – мтаварангелози, мархо – мархва, барисчи – бараска – параскеви, Мыкалгабырта – Микел – Габриель, Чиристи – Христе, Майрам – Мариами, деканози – деканози и др. (Миллер, 1887. С. 14; Абаев, 1949. С. 87).

Примечательно, что влияние грузинской культуры, грузинского языка на осетин проявлялось не только в религиозной терминологии. Тесные политические и экономические отношения между этими народами обусловили проникновение грузинской и негрузинской лексики в лексику осетинского языка. Данный факт подтверждается многочисленными примерами, приведенными профессором В.И. Абаевым и академиком Г.С. Ахвледиани, известными исследователями осетинского языка (Абаев, 1958; Ахвледиани, 1960. С. 142–143).

Однако взаимоотношения грузинского и осетинского языков не были односторонними. Специалисты отмечают примеры проникновения осетинских слов в грузинскую речь вообще и в ее отдельные наречия в частности, например, в рачинское (Абаев. 1949. С. 86–87; Ахвледиани, там же. С. 138, 205–207; Дзидзигури, 1954. С. 201, 206–207).

Осетинский язык и культура имеют ряд общих моментов с языками и культурами мегрелов, сванов, абхазов. В.И. Абаевым выявлено множество примеров распространения мегрельских языковых элементов в осетинском языке. Со сванами у осетин имеется много общего в религиозных праздниках, обрядах, обычаях, материальной культуре и социальных институтах. Осетинский напиток – «ронг» сваны усвоили в виде «ранги» и в такой форме передали абхазам (Абаев, 1949. С. 306).

По сравнению с приведенными лексическими параллелями более значимой является близость фонетического и грамматического строя осетинского и грузинского языков. По мнению академика Г.С. Ахвледиани, «столь обширный, как мы предполагаем, общий словарный фонд языков разного происхождения, вскрытие которого так успешно начато В.И. Абаевым, взаимодействуя со структурой как одного, так и другого языка, не мог не вызвать соответствующих изменений, особенно в грамматике и фонетике обоих языков, в сторону их сближения друг с другом – при сохранении каждым из них своей индивидуальности» (Ахвледиани, 1960. С. 172).

Фонетическая близость отмеченных языков, общность семантики большого числа грамматических форм и фразеологизмов являются столь характерными, настолько чувствительными, что по этому поводу Г.С. Ахвледиани был вынужден заявить: «Сложность осетинско-грузинских языковых связей заключается именно в том, что мы здесь имеем продолжительное обоюдное влияние, выходящее за пределы обычного влияния. Я думаю, что взаимоотношения грузинского (картвельского) и осетинского (аланского) языков можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием» (там же).

Интенсивные взаимоотношения грузинского и осетинского наро-

дов веками должны были проявляться во всех сферах культурной жизни этих народов, в том числе и в области музыкального искусства. Музыкальные начала осетинской народной музыки близки к грузинской. Исследователь осетинской музыки П. Мамулов, говоря о песнях осетин-дигорцев, отмечал, что они проявляют далекое сходство с грузинскими мотивами. Плавность, эластичность, южный оттенок этих песен ему представляются следствием взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Мамулов, 1925. С. 368). Известный исследователь осетинской музыки композитор В.И. Долидзе также отмечает влияние грузинской музыки на дигорские песни (Долидзе, 1959. С. 174).

Колокол, подаренный Рекому грузинским царем Георгием XI (Национальный музей РСО-А)

В результате нашествия монголов грузино-осетинские взаимоотношения во всех сферах сильно пострадали. Одним из печальных последствий монгольского владычества было политическое раздробление Грузии. В таких условиях культурные взаимоотношения с внешним миром не могли не пострадать. По этой причине в XV—XVIII вв. нормальные условия для развития культурных взаимоотношений между Грузией и Осетией отсутствовали. Но это не означало, что подобные отношения полностью прекратились. Южные осетины в эту эпоху находились в непосредственном соседстве с грузинским населением, а в ряде мест проживали смешанно. В результате происходил взаимный обмен культурными традициями, в частности имело место распространение среди осетин грузинской хозяйственной культуры, грузинских обычаев и т.п. Что же касается северных осетин, то в этот период они тоже были политически раздробленными на отдельные ущелья и общества. Каждая из этих единиц самостоятельно устанавливала определенные отношения с той или иной политической единицей Грузии, тоже раздробленной на отдельные царства и княжества. В таких же условиях осуществлялись и культурные взаимоотношения между этими народами.

Со второй половины XVII в., начиная с царя Георгия XI, грузинские правящие круги начали устанавливать оживленные политические связи с осетинским народом. В случае неудач в борьбе с внешним врагом представители правящих кругов Грузии укрывались в Осетии и своим пребыванием там, несомненно, способствовали усвоению осетинами обычаев жизни грузинского народа. Из-

вестно, что царь Арчил, известный поэт, со своей семьей неоднократно укрывался в различных местах Осетии (Тагаурии, Дигории, Зарамаге, Двалетии) и там продолжал творческую работу. Так, например, в своем известном произведении «Габасеба» он признается, что часть поэмы написана в Осетии, а концовка – в России. В 725-й строфе говорит, что «выше этой строфы мною сказано в Осетии, а ниже – в России» (Арчилиани, 1937. С. 84)*. В связи с пребыванием в Осетии царь Арчил и в другом месте о своем поэтическом труде говорит, что «задержавшись в Осетии и не понимая языка, довольствовался только стихотворчеством» (там же. С. 6).

Постоянные контакты с грузинским народом, взаимное общение по политическим и экономическим вопросам способствовали распространению грузинского языка среди осетин. Грузинский язык преимущественно был распространен в верхних социальных слоях осетин, ибо они имели более частые контакты с Картли-Имеретией. Вахушти указывал, что «важные осетины и осетинки, которые общаются с Картли и Рачой, владеют грузинским, а те, которые бывают в Черкесии, знают черкесский и татарский языки» (Вахушти, 1941. С. 110). В данной заметке подчеркивается, что грузинский язык был распространен среди тех осетин, чьи интересы были обращены в сторону юга (Картли, Рача).

Знание грузинского языка подразумевало в определенных пределах и знание грузинской письменности. Вся деловая переписка картлийских и имеретинских правящих кругов с осетинами и наоборот осуществлялась на грузинском языке. Это означает, что грузинский язык и письменность были довольно распространенными. Даже письма осетин, обращенные к администрации России, часто писались на грузинском языке. Письмо нарских «старшин» к Павлу Потемкину от 10 февраля 1784 г. выполнено на грузинском языке рукой осетина Караджа (Караджаев). В письме они просят принять их в российское подданство (ЦГВИА, ф.52, оп. 194, д. 331, ч. 3. С. 6).

На территории Осетии встречаются колокола с грузинскими надписями, пожертвованные грузинскими царями некоторым церквям и молельням. Например, в ущелье Цейдона, притока реки Ардон (Северная Осетия, Алагирское общество), есть святилище Реком, на колоколе которого (пожертвовал Георгий XI) имеется надпись: «Мы, государь Багратионов, сын Великого царя Шанаваза, царь Георгий, жертвуем этот колокол стране святого отца – Осетии, молельне Дигории и Двалетии за наше здравие и победы, осуществление нашего царствования. Свой Тниц – по хроникону 368 (1680 г.). – *Г.Т.* *

---

* В этом же произведении в 1130-й строфе он говорит: «В течение 9 месяцев я закончил (поэму), не полностью занимаясь этим. В Осетии побывал в Пайкоме (будучи) оторванным от Грузии» (Арчилиани, 1937. С. 129). – Г.Т.

* Колокол хранится в краеведческом музее г. Орджоникидзе (Владикавказ). Надпись хорошо сохранилась.

Такой же колокол с надписью находился в Дзивгисской церкви (Северная Осетия, Куртатинское ущелье). Надпись опубликована многими (В. Пфаф, М. Джанашвили, З. Ванеев и др.). Академиком А. Шанидзе надпись читается следующим образом: «Мы, государь Грузии, царь царей, господин Георгий в хроникон 371 (1683 г.) пожертвовали колокол сей тебе, святому Георгию Дзивгисскому, для нашего успеха» (Бигулаев, 1959. С. 8). По-грузински, на языке оригинала, надпись опубликовал М. Джанашвили: «Мы, государь карталинский, царь Георгий Малый, жертвуем сей колокол тебе, згвисскому святому Георгию, в дарование нам победы. Год хроникона 361 (=1673)» (Джанашвили, 1897. С. 60).

В Дзивгисской церкви есть и второй колокол с грузинской надписью, но пожертвованный не Георгием XI, а неким Мухамедом (по всей вероятности, осетином). «Я, Махмед, Арнальдека сын, пожертвовал колокол сей Дзивгисскому святому месту. Дай бог, чтобы на звуки его приходили на поклонение тебе и прославление» (ССК, I, С. 60; Миллер, 1888. С. 49; Ванеев, 1959. С. 168). В последнее время в горах Кавказа, в с. Зарамаг был обнаружен грузинский псалом XIII в. По заключению академика Г.С. Ахвледиани, этот псалом попал в Осетию в начале XVII в. и говорит о грузино-осетинских отношениях (Ахвледиани, 1960. С. 167).

Грузинские надписи на указанных колоколах свидетельствуют о том, что к тому времени в Осетии уже знали грузинский язык и грузинскую письменность, поэтому жертвователи колоколов и делали на них надписи на грузинском языке. Колокола, пожертвованные Георгием XI Рекомскому и Дзивгисскому святилищам, относятся к 80-м годам XVII в., то есть к тому периоду, когда грузино-осетинские политические отношения существенно оживились. Такие отношения, в свою очередь, требовали определенной переписки, а языком таких переписок был, как и раньше, грузинский язык. В этом отношении не будет лишним вспомнить о фрагментах грузинской надписи, выполненной на стене Нузальской церкви, и предание о той обширной надписи, которая якобы была на стене этой церкви и существование которой подверглось сомнению по причине нехватки места на стене для такой обширной надписи*.

Старания грузинских политических деятелей в деле вовлечения осетин в орбиту своего влияния, помимо всего прочего, по всей вероятности, подразумевали и определенную миссионерскую деятельность среди осетин. В нашем распоряжении отсутствуют материалы, позволяющие проследить процесс и особенности такой дея-

---

*Текст надписи см.: Тогошвили, 1958; Джанашвили, 1905. С. 181–182; Джанашвили, 1897. С. 43–44. Доктор Пфаф категорически не признавал надпись из-за отсутствия соответствующей площади на стене (Пфаф, 1871. С. 34–35). З.Н. Ванеев не согласен с ним, он допускал исполнение надписи на бумаге или на пергаменте (Ванеев, 1956. С. 15). – **Г.Т.**

тельности до XVIII в. С XVIII в. уже имеются прямые указания на такую деятельность. В связи с этим Вахушти отмечал, что среди осетин есть христиане, крещенные в Картли и Раче (Вахушти, 1941. С. 110). Кроме того, известно, что среди духовных лиц, перебравшихся в Россию вместе с Вахтангом VI, многие знали осетинский язык, и не исключено, что идея создания специальной духовной комиссии по распространению христианства среди осетин принадлежала именно им.

С 30-х г. XVIII в. на Северном Кавказе христианство проповедовал известный деятель грузинской церкви манглисский архимандрит Иоанн. В 1737 г. он из Дагестана прибыл в Астрахань и обосновался в Троицком монастыре. Здесь он крестил кавказских горцев, которые специально для этой цели обращались к нему. Из Астрахани Иоанн отправился в Кизляр. Здесь он в построенной местными грузинами церкви открыл училище и приступил к проповеди христианства. Однако его проповедническая деятельность была ограничена. «На первых порах он не мог отправить миссионеров в достаточном количестве в Осетию, так как не располагал никакими средствами для содержания проповедников. Таким образом, ему оставалось проповедовать тем осетинам, которые жили близ Кизляра; а в самом Кизляре в деле проповедования усердными сотрудниками арх. Иоанна были архимандрит Крестовоздвиженского монастыря и другие находящиеся в том же монастыре иноки – все грузины родом» (Илуридзе, 1888. С. 7). На основе этих первых попыток Иоанн пришел к выводу, что «при правильной организации миссии и при достаточных средствах дело обращения горцев в христианство не будет сопряжено с особенно большими препятствиями» (там же).

Так как грузинские духовные лица были инициаторами создания Осетинской духовной комиссии и поскольку те же грузины осуществляли миссионерскую деятельность среди осетин на грузинском и осетинском языках, то нам следует более подробно рассмотреть деятельность этой комиссии.

В XVIII в. русский царизм непосредственно оказался у Кавказских гор. Для установления связей с Закавказьем через перевальные дороги России приходилось регулировать отношения с народами Северного Кавказа, в том числе и с осетинами. К этому времени христианская религия среди осетин уже была предана забвению. Восстановление же христианства среди осетин должно было способствовать улучшению отношений с Россией, установлению связей России с Грузией. Грузинские же государственные деятели, преданные идее вызволения и воскресения Грузии, видели политические выгоды христианизации осетин в том, что таким путем происходило ускорение сближения с Россией.

В ноябре 1742 г. находящиеся в Москве грузинские архиереи – предстоятель Московского Знаменского монастыря архиепископ

Николоз (из свиты Вахтанга VI) и архиепископ Иосиф Самебели представили доклад российскому императору о целесообразности отправки в Осетию грузинских духовных лиц для восстановления подорванной христианской веры среди осетин. Они докладывали, что вблизи Кизляра живут осетины в количестве двухсот тысяч душ[16] и что они раньше были православными христианами и подчинялись грузинским царям и что показателем их христианства являются остатки каменных церквей. Они, мол, и сейчас соблюдают пост и проявляют большое желание восстановить христианство (ЦГАДА, ф.139, п. 184, ч. 2, д. 17, л. 1–2).

Грузинские духовные лица убеждали российского императора в том, что осетины являются политически независимыми, и поэтому осуществление там миссионерской деятельности Россией не было связано с внешнеполитическими осложнениями. Они особо подчеркивали факт наличия в Осетии полезных ископаемых – золота и серебра, а также других минералов. При этом отмечали, что осетины в свою страну никого, кроме христиан, не допускают. Такими сведениями они хотели привлечь внимание российских политических кругов к Осетии, а осуществление миссионерской деятельности возложить на грузинских духовных лиц, благо в этом деле у них был опыт. Кроме того, наличие среди них знатоков осетинского языка должно было способствовать ускоренному их вступлению в подданство российского императора.

Упомянутый доклад грузинских архиереев стал вехой, начиная с которой перед российским правительством непосредственно встал осетинский вопрос. В 1739 г. Белградским миром Кабарда была объявлена буферной, нейтральной зоной между Россией и Турцией. Поскольку Осетия номинально считалась зависимой от Кабарды страной, то и она попадала в эту зону. В таких условиях Россия, во избежание осложнений с Турцией, остерегалась непосредственной миссионерской деятельности в Осетии и поэтому решила дело христианизации осетин осуществить руками грузинских священнослужителей.

Турция вела усиленную пропаганду магометанства среди народов Северного Кавказа. Данное обстоятельство создавало опасность российским позициям в этом краю, так как образование Турцией магометанского кордона осложняло установление взаимоотношений между Россией и Грузией. Грузинские церковные служители в России, во избежание подобных опасных тенденций, сочли нужным вести контрпропаганду среди народов Северного Кавказа под знаменем христианства. Такой своей затее они давали историческое объяснение и обоснование, в частности былое христианство осетин и их пребывание в прошлом под влиянием Грузии. Российское правительство положительно отнеслось к такому плану христианизации осетин. Оно изучило политическое положение в Осетии, ее природу, возможные политические последствия проповедования

христианства там (ЦГАДА, ф.18, ед. хр. 173, л. 2, 4, 6). Только после этого Сенат дал согласие Синоду на отправку грузинских миссионеров для проповедования христианства среди осетин. Во избежание осложнения отношений с Турцией и Персией было решено не включать в состав комиссии русских духовных и даже светских лиц.

Такая осторожность России объяснялась тем, что Турция и Персия следили за политикой русских на Кавказе и всячески старались помешать им закрепиться там. Комплектованием комиссии только грузинскими духовными лицами Россия стремилась развеять турецко-персидские подозрения в отношении себя, а деятельность комиссии представить личной инициативой грузинских миссионеров*.

Кроме подобных соображений политического характера, российское правительство брало в расчет и практическую сторону вопроса. Ему было известно, что грузины пользовались особым влиянием в Осетии и что осетины «к грузинцам от большой части по закону склонны» (Хантадзе, 1957. С. 406; Материалы, 1933. С. 33). Такое благожелательное отношение осетин к грузинским духовным деятелям давало основание коллегии внешних дел отправить их в Осетию без охраны.

В 1744 г. уточнили состав Осетинской духовной комиссии. По представлению грузинского архиепископа Иосифа и архимандрита Николоза в состав комиссии вошли: архимандрит Пахомий, игумены Христофор (брат Давида Гурамишвили) и Николоз, деканоз Георгий Давидов – служащий Казанской епархии, Иван Семенов – из свиты царевича Бакара, священник Георгий Борисов (ЦГАДА, ф.18, ед. хр. 173, л. 5). Все они были грузинами (фамилии переделаны на манер русских фамилий). Всем им были определены годовые жалованья и пайковые. Церковное служение и соответствующие духовные книги должны были быть на грузинском языке.

В начале 1745 г. Осетинская духовная комиссия уже находилась в Осетии. Грузинским составом комиссия просуществовала до 1771 г., пока в результате победы России в турецко-русской войне не была снята актуальность вопроса осложнения отношений с Турцией. После этого российским правительством была осуществлена реорганизация комиссии, и грузинские духовные лица были заменены русскими священниками. Задача комиссии заключалась в подчинении осетин и других горских народов путем распространения среди них христианской религии, чтобы прочно «приобрести их в здешнюю сторону».

Деятельность Осетинской комиссии на Северном Кавказе была полезна для России. Такая деятельность не исчерпывалась только

---

* Аналогичное мнение высказано и в статье Ш. Хантадзе (Хантадзе, 1957. С. 406).– **Г.Т.**

христианизацией населения. Комиссия способствовала сближению осетинского народа с Россией, упрочению политического влияния России в этом краю. Результатом деятельности комиссии было и то, что в верхних социальных слоях Осетии созревала мысль о вступлении в подданство российского государства. По инициативе Осетинской комиссии в 1749 г. в Петербург прибыло осетинское посольство в составе двух алагирцев и одного куртатинского «старшины». Руководитель посольства – алагирский «старшина» Зураб Егорович Елиханов, по сведениям Пахомия, был воспитан при дворе грузинского царя. В Грузии же получил низшее духовное образование и член посольства Елисей Хетагуров (История, 1959. С. 130; Блиев, 1961. С. 43–44).

Члены Осетинской комиссии выполняли и другие политические поручения в пользу царизма. Они выполняли роль политических агентов России на Кавказе, добывали сведения о полезных ископаемых Осетии. Помимо выработки у осетинского народа российской ориентации, заслугой комиссии являлось распространение грузинской письменности среди осетин. Дело в том, что по политическим соображениям комиссия должна была иметь грузинские церковные книги и осуществлять свою деятельность на грузинском и осетинском языках. Комиссия считала, что для распространения христианства и создания для этого прочной основы следовало воспитывать местные духовные кадры. С этой целью члены комиссии брали к себе осетинских детей и

Осетинское посольство в Петербурге. Художник А.Джанаев

обучали их за свой счет. Например, руководитель комиссии Пахомий обучил грамоте двоих, а игумен Григол — троих осетинских детей. Одного из них даже посвятили в священники и направили в Осетию. Пахомий сообщал Синоду, что воспитанные им на грузинской письменности осетины «в крещение своего народа великое вспомоществование чинят» (Материалы, 1942, док. 4).

Более значительной была забота грузинских миссионеров в деле распространения образования среди осетинского населения. В 1751 г. архимандрит Пахомий поставил перед Синодом вопрос об открытии школы для осетин. Синод решил, что «сие дело зело нужно», но при этом посоветовал, чтобы воздержались до поры до времени, пока не изучат финансовую сторону содержания школы, место ее основания, состав учащихся и учителей, отношение осетин к добровольной отправке своих детей в школу (Материалы, 1933. С. 61, 64; Материалы, 1942. С. 31—32). В ответ на поручение Синода в 1753 г. Пахомий представил Синоду подробный проект открытия школы. Проектом предусматривалось открытие в Куртатинском ущелье школы для учащихся за счет казны. Учеба должна была осуществляться на грузинском языке (Материалы, 1933. С. 66). Обучение на грузинском языке было обусловлено не только политическими соображениями российского правительства, но и тем, что с 1746 г., по поручению того же Синода, члены комиссии приступили к переводу книг церковного характера с грузинского на осетинский язык на основе грузинского шрифта. Пахомий писал, что к этому времени (1753 г.) «некоторые уже стихи из божественных писаний нами на осетинский язык и переведены». Пахомий был убежден, что осетины добровольно отдадут своих детей на учебу.

Несмотря на попытки Пахомия, открытие школы в Куртатии не состоялось. Российское правительство колебалось, не спешило открывать школу и только в 1764 г. открыло школу в новооснованной крепости — Моздоке. Это была первая школа в истории осетинского народа, инициатива открытия которой исходила от грузинских духовных лиц. Российское правительство стремилось привлечь в школу представителей верхних социальных слоев осетин и таким образом подготовить в их лице преданных защитников и проводников своей политики. В 1766 г. комендант Кизляра, на которого официально возлагалось общее руководство всеми этими делами, докладывал центру, что в школу зачислены дети (4 человека) «старшин» Нара, Мамисона и Заха и приняты меры, чтобы «содержать их во всяком и лучшем довольствии, дабы тем возбудить и в простых желание на отдачу своих детей» (Материалы, 1942, док. 6). В 1767 г. в школе учился также сын дигорского «старшины» — Феофан Карабугаев. Среди учащихся упоминаются: Иван Елиханов (из Мамисона), Андрей Битаров (сын захского «старшины»), Харитон Хетагуров (из Нарского уезда), Петр Париев, Павел Давидов. В

ведомости, где эти лица упоминаются, подчеркивается то обстоятельство, что отцы этих учащихся получали ежегодное жалованье от царей Картли и Имеретии (Скитский, 1956. С. 172). Школа была закрытого пансионного типа. Учащиеся находились на иждивении казны. Дети «старшин» получали по 4 рубля в месяц, а дети «простых» людей — по 2 рубля.

Первым учителем школы был грузинский дьякон Романов (Романишвили) (Материалы, 1942. док. 15). Несмотря на то, что школа была единственной во всей Осетии и, можно сказать, на всем Северном Кавказе и была духовного характера с малочисленным контингентом учащихся, несовершенными методами обучения и тяжелыми бытовыми условиями, — она все же сыграла заметную роль в дальнейшем развитии осетинской культуры, в распространении письменности и знаний среди местного населения. Осетины, воспитанники этой школы, после окончания учебы в других училищах, в XIX в. сыграли прогрессивную роль в развитии культуры осетинского народа.

Выше уже было отмечено, что, кроме образовательно-миссионерской деятельности, одной из основных функций, возлагаемых на Осетинскую комиссию, все-таки была политическая задача. XVIII в. был периодом расширения российско-грузинских взаимоотношений. По расчетам российского правительства, данная комиссия должна была способствовать упрочению его влияния на Северном Кавказе. Политической стороной деятельности Осетинской комиссии не в меньшей степени интересовались и грузинские политические круги. Не исключено, что в разработке идеи создания Осетинской духовной комиссии определенное участие приняли члены свиты Вахтанга VI, не разорвавшие связей с родиной и следившие за развитием событий. Некоторые из них, патриотически настроенные, заботились о судьбе родины и с этой целью стремились способствовать расширению российско-грузинских взаимоотношений. Такие интересы в определенной степени способствовали выдвижению осетин на горизонте российско-грузинских отношений. Грузинские политические деятели, в свою очередь, приветствовали такой ход событий. Историк Папуна Орбелиани указывал на тот большой интерес, который проявили светские и духовные круги Картли-Кахетии к созданию духовной комиссии по распространению христианской религии в Осетии. По сведениям Папуны Орбелиани, один из членов Осетинской комиссии, приехав в Тифлис, явился к картлийскому царю Теймуразу. «Царь Теймураз, выслушав данное сведение о христианизации осетин, сильно обрадовался, а патриарх Антоний дополнительно усилил монаха, подбодрил его и отправил обратно на Кавказ» (Орбелиани, 1854. С. 386—387).

Прибытие в Грузию одного из членов Осетинской комиссии подтверждается и русскими документами. В 1747 г. по разрешению

Синода Пахомий отправил в Грузию монаха Ефрема Джандиери. Он прибыл с официальным поручением — увести с собой Партена, священника осетинского происхождения, хорошо владеющего грузинским письмом переписчика. Комиссию тогда обязали перевести грузинские богословские книги на осетинский язык и, по всей вероятности, Партена посчитали подходящим кандидатом для этой цели. Однако Партен, видимо, отказался, и миссия Ефрема не была исполнена. Зато католикос Антон обещал Пахомию и российскому правительству, что он окажет всяческую помощь Осетинской комиссии (Материалы, 1933. С. 56).

Таким образом, Осетинская комиссия, созданная по миссионерским и политическим соображениям, не была орудием только российского правительства. Она в то же время была политическим инструментом сближения Грузии с Россией. Более того, грузинские политики стремились, в обход интересов России, воспользоваться услугами этой комиссии для реализации чисто грузинских интересов. Имеются в виду возникшие разногласия среди членов Осетинской комиссии и причины их возникновения. В 1748 г. между руководителем комиссии Пахомием и рядовыми ее членами — Николозом и Кайхосро Махателашвили произошли разногласия. Последними была подана жалоба на Пахомия в Синод, где его обвиняли в ведении переговоров с имеретинским и картли-кахетинским царями об обращении осетин в их подданство. Для этой цели он якобы просил войска у царей этих стран (Материалы, 1942. С. 54, 60). Обвинения, предъявленные Пахомию, не подтвердились, но Синод выяснил, что он действительно вел такие переговоры с грузинскими царями. Синод запросил у коллегии Министерства иностранных дел — вреден ли для интересов России тот факт, что грузинские монахи осуществляют христианизацию осетин и в то же время советуют им обращаться в подданство другой страны (там же). Коллегия подтвердила вредность такого действия для интересов России и поставила вопрос об отзыве Пахомия. Конфликт закончился тем, что членов комиссии обязали повторно присягнуть России в преданности (Хантадзе, 1957 г., С. 406).

Имеется и другой пример использования Осетинской комиссии грузинскими политическими деятелями в своих интересах. В 1759 г. Пахомий был ограблен кабардинскими феодалами, и, кроме личных вещей, у него забрали и те деньги, которые были получены из Грузии для выкупа пленных. Сумма денег была довольно внушительной — «присланные к нему, архимандриту, от знатных из Грузии персон на выкуп пленных восемьсот червонцев взяли» (Материалы, 1933. С. 43). Пахомий пользовался большим доверием в Грузии и способствовал выкупу грузинских пленных на Северном Кавказе, оказывая и этим определенную услугу грузинам.

Активным членом Осетинской комиссии был архимандрит Гри-

гол Романишвили. В комиссии он работал с 1745 г. сначала в качестве дьякона, а затем игумена. После смерти Пахомия он в 1764 г. был назначен архимандритом. Комендант Кизляра Потапов 4 апреля 1766 г. сообщал Коллегии иностранных дел, что игумен Григол «там (в Осетии) в народе лучший кредит имеет, нежели бывший архимандрит. Без посредства толмачей с ними говорит, да и старшины тамошние все к нему усердные и во всяком послушании» (Красный архив, 1937. С. 185–196). Российское правительство воспользовалось деятельностью Григола для упрочения взаимоотношений с грузинскими царствами. Перед началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. его послали в Грузию со специальной миссией, чтобы выяснить вопрос участия грузинских царей в войне против турок. Григол примкнул к группе грузин, направлявшихся в Грузию из Кизляра. По прибытии в Грузию он явился к Ираклию II. Ираклий в сопровождении проводников отправил его к имеретинскому царю Соломону. «Как Ираклий, так и Соломон принимали архимандрита весьма ласково, и первый подарил ему сто рублей». Из Имеретии Григол отправился в Гурию, где 1 февраля 1768 г. его убили турецкие агенты, а сопровождавших его выкупил царь Соломон (Цагарели, 1891. С. 4–5).

Помимо Григола, и другие члены Осетинской комиссии выполняли различные политические задачи. В начале 1769 г. царь Соломон сообщал коменданту Кизляра, что Егор (Георгий), сын арестованного им рачинского эристава, сбежал в Кабарду и старается собрать там сторонников, просил, чтобы ему в этом помешали. Переводчик комиссии Пицхелаури, находившийся в Осетии, заявил, что Егор в сопровождении кабардинского князя Навруза Мисостова действительно искал сторонников и для этой цели прибыл в дигорское село Кубадтиево. В результате принятых мер они не смогли собрать сторонников и, как только узнали о пребывании Пицхелаури в Осетии, немедленно покинули те места (там же. С. 418–419).

Грузинские миссионеры помогли переводу российского экспедиционного корпуса под командованием Тотлебена в Грузию. В качестве проводников и переводчиков этот корпус сопровождали Иван Пицхелаури и Николоз. Они обеспечили взятие заложников у проживавших вдоль Дарьяльской дороги осетинских феодалов и принятие от них присяги о безопасности дороги (Материалы, 1933. С. 119, 329; Материалы, 1942. С. 91).

С 80-х годов XVIII в. о христианизации осетин и составлении осетинской азбуки большую заботу проявил Гайоз (грузин из села Магаро, впоследствии епископ Моздока). Он был доверенным лицом Ираклия II и Соломона II и с большим усердием выполнял их поручения в России. В 1792 г., в соответствии с российской официальной перепиской, «архимандрит Гайоз, управляющий политическими и духовными делами е.в. царя Карталинского Ираклия, упот-

ребленный при заключении с Грузией всемилостивейше изданного трактата и замеченный его светлостью (Потемкиным. — *Г.Т.*) полезным к устройству Осетинской духовной комиссии изъявляет откровенно царскую доверенность, каковую не укрывал от его светлости и от Имеретинского царя Соломона II. Известно было его светлости, что оный царь Имеретинский воспитан сим архимандритом» (Цагарели, 1902. С. 71—72).

Что было причиной такого большого доверия к Гайозу со стороны Ираклия II и Соломона II? Гайоз являлся воспитателем внука Ираклия II, впоследствии ставшего царем Имеретии, — Соломона II. Тот же Гайоз был ректором Телавской семинарии и поэтому в грузинских источниках известен и под именем Гайоз-ректор. Он принял участие в заключении российско-грузинского трактата в 1783 г. Потемкин счел полезным участие Гайоза в перестройке работы Осетинской комиссии и добился-таки его отзыва из Грузии. Ираклий II дал согласие на выезд за пределы Грузии такого общественного деятеля с тем расчетом, что тот своим пребыванием на Северном Кавказе и в России принесет больше пользы для Грузии. И, действительно, Гайоз преданно служил своей стране на чужбине.

Выше было отмечено, что перед Осетинской комиссией ставилась задача перевода книг духовного характера с грузинского на осетинский язык. В 1747—1753 гг. на основе грузинского церковного шрифта (хуцури) игуменом Григолом на осетинский язык были переведены некоторые грузинские духовные книги. Историк М. Джанашвили отмечал, что во времена царствования Ираклия II грузинским церковным шрифтом на осетинском языке были изданы духовные книги. Он утверждал, что собственными глазами видел такую книгу, напечатанную в 1753 г. (Джанашвили, 1897. С. 64).

Российское правительство до русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) предпочитало маскировать свое влияние на деятельность Осетинской комиссии. С 1771 г., в результате достигнутых успехов в войне с Турцией, Россия отказалась от подобной политики на Северном Кавказе и Осетинскую комиссию официально превратила в инструмент своей кавказской политики. В состав данной комиссии правительство включило русских духовных лиц и отдало распоряжение, чтобы впредь перевод и издание духовных книг на осетинском языке осуществлять на основе русской графики вместо грузинской. На основании этого нового указания перевод духовных книг с грузинского на осетинский язык на основе русской графики продолжал Моздокский епископ — вышеупомянутый Гайоз. Он вместе с Павлом Генцауровым (Кесаевым), осетинским священником, в 1785 г. на основе церковно-славянской азбуки составил осетинскую азбуку и перевел с грузинского на осетинский язык «Начальное учение человеком, хотящим учитися книг божественного писания».

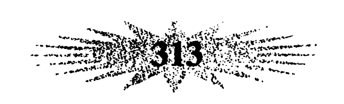
Эта книга в 1798 г. была напечатана в Московской синодальной типографии (Бигулаев, 1959. С. 20).

Несмотря на духовный характер этой книги, в истории культуры осетинского народа она имела большое значение. Известный осетинский публицист XIX в. Г. Цаголов справедливо назвал эту книгу «первенцем осетинской книжной литературы». Этим осуществилось заложение фундамента осетинской письменности на базе русской графики. В создавшихся исторических условиях, когда Россия твердой поступью продвигалась на Кавказ, создание осетинской письменности на базе русской графики приобретало политическое значение. Помимо прочего, в основе этого явления лежало и прогрессивное направление внешнеполитической ориентации осетинского народа, а в соответствующих кругах России данное явление считалось средством укрепления такой ориентации.

Осетинские историки положительно оценивают деятельность Гайоза-ректора на поприще осетинской культуры. «Говоря о значении этой первой печатной осетинской книги, — пишет профессор М. Тотоев, — следует также подчеркнуть известную положительную роль Гайоза («Токаова»), который, являясь для того времени человеком больших знаний, способствовал своей деятельностью появлению в Осетии письменности и элементов просвещения. Разумеется, вся его миссионерская деятельность, в том числе и просветительская, была подчинена захватнической политике царского правительства, но в этой деятельности проявляются и положительные черты. Он — создатель осетинского алфавита, правда, несовершенного и малонаучного, но запечатлевшего впервые осетинскую речь на страницах первой печатной книги, заложившего основу осетинской письменности» (История, 1959. С. 159—160).

Переход на русскую графику в осетинской письменности не означал полного вытеснения грузинской графики. Российское правительство до 30-х годов XIX в., несмотря на колонизаторскую политику, было вынуждено допускать существование осетинской азбуки на базе грузинской графики. И только в 1836 г. наблюдателю Владикавказского осетинского духовного училища Шио Двалишвили было отдано распоряжение о том, чтобы «обучение детей горцев грузинским буквам, как вовсе ненужное, совершенно отменить». После этого Шио Двалишвили, хороший знаток осетинского языка, продолжал перевод церковных книг на осетинский язык по азбуке, составленной академиком А. Шегреном в 1844 г. на основе русской графики.

Распространение христианства на Северном Кавказе, в том числе и в Осетии, продвигалось медленно. Тем не менее деятельность комиссии, с точки зрения развития культуры осетинского народа, представляла собой прогрессивное явление. Результатом такой дея-

тельности явились распространение письменности и школьного образования среди осетин, сближение с Россией и Грузией — со странами христианской культуры. Речь идет о деятельности комиссии в тот период, когда в ней принимали деятельное участие грузинские духовные лица. И несмотря на то, что эти последние находились на службе российского государства, они тем не менее не разрывали связей с Грузией и, по мере возможности, служили ей.

После краткого обзора некоторых моментов деятельности Осетинской комиссии не будет лишним показать и деятельность тех осетин, которые были воспитаны на грузинском языке и письменности и созидали на основе грузинской культуры. В XVIII в. был известен, например, некий Партен, бывший осетин («оскопили»), прекрасный знаток грузинской письменности и книжности. Его безуспешно хотела переманить Осетинская комиссия для перевода книг на осетинский язык. В рукописи Икортской церкви 1761 года Партен упоминается архимандритом этой церкви: «Боже, помилуй грешного архимандрита Икорти Партена, бывшего осетина (1761)» (Жордания, 1897. С. 25). Икорта находилась в гвердисдзирском владении Ксанского эриставства, где осетинское и грузинское население проживало смешанно и по политическим соображениям здешний архимандрит часто назначался из осетинских кругов.

Архимандрит Пахомий, как было отмечено выше, обучал грамоте нескольких осетинских детей. Один из них — Бахта из Куртата, в христианстве Баграт, настолько наловчился, что начал заниматься перепиской грузинских книг и даже занимался стихотворчеством. Переписанный им в 1760 г. словарь Сулхан-Саба Орбелиани имеет следующую приписку: «Первый переписчик этого словаря Гвривидзе, сын осетина Баграт, в бытность Бахта, умоляю горячо всевышнего: если обнаружите ошибку, не осуждайте меня, а если таковой не будет, то прошу помилования». На обратной странице той же приписки говорится: «Воспитал меня отец Пахум (Пахомий) с высшим духовным образованием. Осетины звали меня Бахта, а крестное имя дали — Баграт Базазашвили, Гвливидзе, родом из Куртатии. Познакомил с книгой и чтением и вместе с этим — писать научил меня» (Институт рукописей, ф. Н, № 8; ф. Н. № 1318; ф. Н. № 284).

Во второй половине XVIII в. жил священник-монах Гамалиели, осетин — архимандрит Икортской церкви. Иоане Батонишвили в своем сочинении «Калмасоба» отмечал про него следующее: «Гамалиели, в бытность свою осетин, является архимандритом, был воспитанником католикоса Антона, письмом и пением известный, архимандрит, монашеством хороший, прекрасный переписчик, переписавший множество священных и светских писем, почти до трехсот» (Калмасоба, 1948. С. 193).

В Институте рукописей Академии наук Грузии хранятся рукописные книги, переписанные Гамалиели: «Логика Баумейстера» (1778 г.),

«Карабадин» (1790 г.), рукописная книга, выполненная по заданию царевича Георгия, впоследствии ставшего царем Картли-Кахетии (Георгий XII) (Институт рукописей, Н, ф. 8, л. Н, № 1318, л. Н,№ 284). В Грузинском центральном историческом архиве хранятся копии документов, в которых речь идет о покупке поместий архимандритом Гамалиели у феодалов Павленишвили (1792 г.) и Амилахваров (1800 г.) (ГЦИА, ф.1450, п. 36, док. 1948, 163).

Гамалиели пользовался уважением Георгия XII, последнего царя Картли-Кахетии. 7 февраля 1800 г. царь Георгий писал своему сыну Иоане: «Предстоятель Икортского монастыря жалуется на соседей, которые отбирают церковные земли. Поди и разбирайся в споре. Туда же явится и следователь для обновления протоколов и царских писем. И ограждение разрушено. Отдай распоряжение, чтобы они позаботились и об здании государственных крестьян, ибо оно является их молельней. Гамалиела притеснили и он отказывается от служения. Замены его не будет, он нужный и очень старательный человек, постарайся успокоить его». Царевич Иоане выполнил поручение отца. «Преисполненный благодарности Гамалиели преподносил царю икону богородицы» (Иоселиани, 1936. С.166–167).

В конце XVIII в. грузинское образование получил осетин Георгий Джатишвили. После упразднения Имеретинского царства он последовал за царицей Анной в Петербург и там продолжал переписку грузинских книг. В Институте рукописей хранится переписанная им книга «Категории Аристотеля», в завершении которой он пишет: «Переписал книгу эту – «Категорию» и тем выполнил распоряжение ее величества имеретинской царицы Анны, в царском городе Петербурге, 5-го мая 1814 г., рукой осетина (бывшего осетина) Георгия Джатишвили» (Институт рукописей, ф.Н, № 2365). В Петербурге в те же времена им были переписаны и другие книги (там же, № 328). Надо полагать, что Георгий Джатишвили, находясь в Грузии, занимался подобной же деятельностью.

В позднейшей приписке одной из рукописных книг XVIII в., хранящейся в Институте рукописей, читаем: «Новокрещенный дьякон, бывший осетин, Ванишвили, сын Джвани» (там же, № 218). Он также являлся одним из переписчиков грузинских книг. Во второй половине XVIII в. известен Неофит, осетин по происхождению. По сведениям царевича Иоане, «этот Неофит, в бытность осетином, воспитался у архиепископа, после чего католиком Антонием был зачислен в монахи». Неофит был известен летописанием, чтением церковных писем, монашеством совершенным, был прекрасным переписчиком. «Он принял от католикоса Антония архимандритство, служит ему и живет у него неразлучно» (Калмасоба, 1948. С.194).

Упоминание царевичем Иоаном осетин Гамалиели и Неофита в рядах известных духовных деятелей конца XVIII и начала XIX вв. не является случайностью. Оба эти деятеля для своего времени получи-

Иоанн Ялгузидзе
Художник Г. Котаев

ли хорошее образование, после чего энергично работали на поприще грузинской культуры.

Среди осетинских деятелей культуры конца XVIII–начала XIX вв. наиболее видным представителем является Иоанн Ялгузидзе*.

Про Иоанна Ялгузидзе существует достаточная литература**. В соответствии с автобиографией, родился он в 1775 г. и происходил «из природных осетинских дворян» (ГЦИА, ф.1448, д.488, л.110–111). В настоящее время признано, что он родился в селе Залда (Южная Осетия) и принадлежал к фамилии Габараевых.

Малолетнего Иоанна из Осетии перевезли в Грузию и по приказу Ираклия II передали архимандриту монастыря Иоанна Крестителя для обучения чтению грузинских церковных книг. Здесь он изучил грузинскую грамоту. Отсюда, по распоряжению Ираклия, его сдали Иоанну Карумидзе – архиерею Гареджского монастыря для изучения словесности. Учеба Иоанна Ялгузидзе у Иоанна Карумидзе, замечательного знатока философии, продолжалась и тогда, когда его (Карумидзе) поставили во главе Цилканской епархии. Успехи в учебе молодого, способного осетина радовали Карумидзе, и он все больше времени уделял ему. Ялгузидзе учился у него грамматике, риторике, физике, категории, метафизике, литературе (Гугкаев, 1955. С. 282).

В докладе Иоанна Карумидзе от 1800 г. говорится: «Блаженной памяти царь Ираклий еще в бытность мою в монастыре пожаловал мне осетинского мальчика, лет 8-ми, повелел указом, чтобы я его обучил чтению, письму и всей учености, каковое повеление госуда-

---

* Вышеупомянутые осетинские деятели культуры работали на арене грузинской культуры, и поэтому их следует считать грузинскими деятелями культуры. Они не оставили почти никакого следа в историческом наследии осетинского народа. Иоанн Ялгузидзе (1775–1830 гг.) в этом отношении является исключением. Его творчество является хорошим примером для демонстрации культурных взаимоотношений грузинского и осетинского народов.– **Г.Т.**

Ахвледиани, 1926. С. 339–346; Ахвледиани, 1960. С. 80–90, 91–106; Ахвледиани, 1926. С. 90–99; 1928; Бигулаев, 1952. С. 25–29; Шанидзе, 1964. № 1. Наиболее полное исследование о Ялгузидзе написано Дз. Гугкаевым (Гугкаев, 1955).– **Г.Т.

ря моего и было мною исполнено; по посвящении меня во архиереи, тот юноша был пожалован мне же, и я определил его в местечко Душет, собрав под его ведение 30 душ детей местных прихожан для обучения их чтению и письму, так как я видел немалый недостаток в лицах, которые были бы способны быть священниками в горах Кавказских. Учитель содержится на мой счет, а ученики на счет своих домашних» (Акты, I. С. 533).

Заинтересованность Ираклия II заключалась в том, что воспитание Ялгузидзе осуществлялось на основе грузинской книжности, а подготовка Иоанном кадров, знающих грамоту, способствовала внедрению богослужебной деятельности в горах Кавказа. Проводимые мероприятия должны были выполнять задачу упрочения христианства в горских народах Кавказа, ибо христианство, по расчетам грузинских политических деятелей, считалось орудием распространения своего политического влияния среди этих народов. Они рассчитывали, что в этом деле добьются более внушительных успехов в том случае, если в решение этой задачи вовлекут представителей местного населения, приобщая их к грузинской культуре и направляя их деятельность в соответствии с политическими интересами Грузии. Задачей таких представителей осетинского народа являлось культурно-идеологическое сближение осетинского и грузинского народов, облегчение врастания осетин в грузинский государственный организм. На это указывает еще и то, что кроме Осетинской комиссии, миссионерская деятельность с целью христианизации осетин проводилась и самой Грузией. При этом такая работа осуществлялась Грузией не только в Южной Осетии, но и в Северной Осетии. По докладу Иоанна Цилкнели, «на втором году всемилостивый государь повелел мне отправиться к осетинам и пшавам для назидания их в христианской вере, причем было мне пожаловано и нужное пособие. В Гуде и Трусо также обратились многие» (Акты, I. С. 532).

Такая миссионерская деятельность Цилкнели не была исключением. Еще в 1750 г. Теймураз II и Ираклий II «окрестили осетин» (Орбелиани, 1854. С. 428). Ираклий II и его сыновья и в дальнейшем всегда стремились к христианизации осетин и поощряли такую деятельность, проявляя при этом и личную инициативу. В 1776 г., в специальном акте, выданном тагаурскому осетину Кундухашвили Тому, царевич Вахтанг подчеркивал его «дворянство», осетинское его происхождение, называл «крестником» Ираклия II. Сын этого Тома — Иоане являлся «крестником» царевича Вахтанга (ГЦИА, ф.1448, док. 43). В документах XVIII в. такие «оскопилеби» (бывшие осетины) часто упоминаются (там же, док. 1625, 4057). Это указывает на предпринимаемые Грузией энергичные попытки христианизации осетин.

К числу таких людей относился и Иоанн Ялгузидзе. После окончания учебы его представили Ираклию. Ираклий обещал ему по-

мочь, но после кончины Ираклия обещанная помощь не претворилась в жизнь. Иоанн Ялгузидзе еще во время учебы занимался перепиской грузинских книг. В 1794 г. он переписал «Категорию симецне» (там же, ф.1446, док. 205), а в 1796 г. — «Метафизику и логику». В 1797 г. переписал «Метафизику» Бауммейстера (Институт рукописей, ф.S, № 280). В творческой деятельности этого периода следует отметить и его работу учителем в Душети, где он обучил грузинской грамоте около 30 детей из среды местного населения.

После присоединения Грузии к России российская власть приступила к закреплению кавказских народов в своем подданстве. Иоанн Ялгузидзе, хороший знаток осетинского, русского и грузинского языков, сразу же включился в этот процесс, способствуя мирному вводу осетин в подданство России. В первые десятилетия XIX в. его пригласили воспитателем сына царевича Иоанна. В 1815 г. был назначен переводчиком вновь восстановленной Осетинской духовной комиссии. В 1821 г., за добросовестный труд и по представлению экзарха Феофилакта, он получил чин губернского секретаря (Гугкаев, 1955. С. 284). С 1820 г. в Тифлисской духовной семинарии обучал осетинских детей грузинскому и осетинскому языкам.

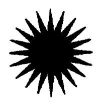
Иоанн Ялгузидзе провел большую работу по составлению осетинской азбуки. Он известен также как автор оригинальных художественных произведений (в том числе поэмы «Алгузиани»), выполненных на грузинском языке. Кроме того, он продолжал интенсивную работу по переписке грузинских рукописных книг, переводил духовные книги с грузинского на осетинский язык. Ввиду того, что творчество Иоанна Ялгузидзе в основном осуществлялось в первой четверти XIX в., мы здесь подробно не будем его освещать. Тем не менее следует подчеркнуть его большой вклад в дело приближения осетинского народа к грузинскому народу, к грузинской культуре. Его азбукой, оригинальными и переводными произведениями начинается действительная история осетинской письменности.

Результатом культурных взаимоотношений грузинского и осетинского народов следует считать и существование некоторых общих мотивов в фольклорном творчестве этих народов. В этом отношении заслуживают внимания широко распространенные у этих двух народов предания об Амиране, а также о Тариеле (явный показатель популярности среди осетин) поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и др. К сожалению, эти взаимосвязи все еще не обобщены до степени, которая давала бы возможность сделать окончательные выводы в этом отношении.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период культура осетинского народа развивалась в тесной связи с культурой грузинского народа, подвергалась ее животворному влиянию.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Грузино-осетинские взаимоотношения (1801–1921 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Дружба народов, входящих в состав Советского Союза, является незыблемой основой силы и мощи нашей страны. Дружба эта была рождена в результате свершения Великой Октябрьской социалистической революции, уничтожившей не только господство эксплуататорских классов, но и господство одних народов над другими, поставила в основу взаимоотношений народов свободу, равенство и взаимоуважение.

В системе взаимоотношений народов Советского Союза своеобразное место занимают взаимоотношения грузинского и осетинского народов. Такое своеобразие заключается не только и не столько в продолжительности этих взаимоотношений (более двух тысяч лет), но и в их тесной близости, в тесном переплетении жизненных интересов этих народов, в общности их исторических судеб. Основное же своеобразие этих отношений было обусловлено не только проживанием части осетинского населения на южных склонах Кавказа, но и совместным проживанием рядом или смешанно с грузинским населением в низменных районах Внутренней Картли. Что касается Северной Осетии, то она непосредственно соседствовала с Грузией, была связана с ней целой системой перевальных дорог и находилась в тесных экономических и культурных взаимоотношениях.

В последнее время история взаимоотношений грузинского и осетинского народов стала предметом специального изучения. Этому вопросу были посвящены и изданы труды: «Из истории грузино-осетинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в.)». Сталинир, 1958; «Грузино-осетинские взаимоотношения (XV–XVIII вв.)». Тбилиси, 1969. Предлагаемый труд является их продолжением и охватывает период взаимоотношений грузинского и осетинского народов, начиная с присоединения Грузии к России (с 1801 г.) и до ее советизации (до 1921 г.).

Труд основывается на достаточно обширной источниковедческой базе (архивные материалы, литературные источники, материа-

лы периодической прессы). В результате критического анализа этих материалов и с учетом существующей литературы становится возможным создание более или менее полной картины взаимоотношений грузинского и осетинского народов в рассматриваемый исторический период.

Мы далеки от мысли, что книга лишена недостатков, ибо многие факты взаимоотношений грузинского и осетинского народов впервые становятся предметом изучения. К этому следует добавить скудость материалов, а иногда и их однобокость. Любые замечания и пожелания, высказанные с целью помочь в более объективном освещении поставленных в работе положений, будут восприняты автором с благодарностью.

ГЛАВА I

Грузино-осетинские взаимоотношения в дореформенный период XIX века

§ 1. Совместные грузино-осетинские выступления против самодержавия и помещиков

Присоединение Картли-Кахетинского царства к России (1801 г.) имело огромное значение в определении исторических судеб не только грузинского народа, но и народов всего Кавказа, в том числе и осетин. Этим фактом Россия прочно обосновалась на Кавказе и постепенно превратила его в свою провинцию. Южная Осетия в качестве территориальной единицы в составе Картли вместе с ней стала частью России. С этого времени и Северная Осетия реально вошла в состав России.

В Восточной Грузии, в частности в Южной Осетии, установилось русское правление. Во главе всех учреждений были поставлены русские чиновники (преимущественно из военных кругов). Местные условия, традиции и каноны игнорировались. С самого начала русская администрация взяла курс на политику русификации края. Грубость, произвол, взяточничество российских чиновников были доведены до такой степени, что вызывали возмущение и недовольство у всех слоев населения.

Русское правление пагубно отразилось на положении горцев. Население Арагвского и Ксанского ущелий во времена существования грузинской государственности, так или иначе, пользовалось определенными льготами, в частности платило налоги натурой. Новый режим, наоборот, требовал взимать налоги деньгами, которых у населения не было. Кроме того, их выводили на повинность на Военно-Грузинскую дорогу, заставляли прокладывать мосты, перевозить амуницию войск, давать продовольствие и фураж для русских войск.

Кроме крестьянства, русским правлением недовольно было и картли-кахетинское царское семейство. Оно развернуло активную деятельность для сплочения всех недовольных русским правлением, чтобы восстановить свое утраченное господство. Антирусская деятельность царского дома наиболее активной была среди осетин. Они старались направить антифеодальную борьбу осетин в русло собственных интересов.

Первая половина XIX в. в Южной Осетии характеризуется освободительной борьбой крестьян против крепостного права. Борьба осетинского народа тесно увязывалась с антикрепостной борьбой грузинского крестьянства. Находясь под одинаковым ярмом феодального и колониального гнета, они, часто с оружием в руках, плечом к плечу выступали против помещиков и царизма, как это было, например, в 1802, 1804, 1807, 1809, 1812 и др. годах (Ванеев, 1956. С.117).

После присоединения к России наиболее влиятельные помещики Южной Осетии – Мачабели и ксанские Эристави решили с помощью русской администрации укрепить свое господство над осетинами. Ксанские Эристави именно с помощью русских сумели вернуть отобранные у них Ираклием II владения. В ответ на это осетины усилили борьбу против своих помещиков.

К 1802 г. явно обозначились цели грузинских царевичей – Юлона, Фарнаваза и Левана – в отношении осетин. Генерал Лазарев об этом пишет так: «Подданные Грузии осетины, подстерекаемые царевичем Юлоном, обещавшим им помощь, превелико буйствуют и даже убили своего помещика Мачабели» (АКАК, I. С. 58).

В связи с этим в феврале 1802 г. в ущелья Малой Лиахвы и Паца вступила экспедиция подполковника Симоновича и привела осетин в покорность. Однако это не заставило царевичей отказаться от дальнейшей борьбы, и летом 1802 г. Юлон и Фарнаваз с имеретинским и лезгинским войсками двинулись для вступления в Картли и Южную Осетию. Однако русским командованием этот план был пресечен. Что касается царевича Левана, то он некоторое время скрывался в Осетии, преимущественно в Наре, и оттуда подстрекал осетин против русских (ГЦИА. Ф. 448, д. 9203).

Совместная борьба грузинских и осетинских горцев против царизма и его опоры – грузинских феодалов наиболее ярко проявилась в восстании горной Картли в 1804 г. В нем принимали участие мтиулы, мохевцы, хевсуры, пшавцы и осетины. Причины и ход восстания довольно подробно отражены в литературе, и поэтому на них не будем останавливаться. Отметим лишь участие в нем осетин. Еще до начала восстания мтиулов тагаурские осетины выступили против русских. Русские запретили им передвигаться по грузинской и кавказской линии. Кроме того, они запретили душетским и мухранским осетинам подвезти тагаурским осетинам продовольствие и товары (АКАК, II. С. 552–553).

Эти мероприятия вызвали злобу у тагаурских осетин, и они стали нападать на русские посты и отряды. Восставшие мтиулы, с целью перекрытия Дарьяльских ворот для русских, незамедлительно попробовали связаться с тагаурцами.

Среди тагаурских алдаров наиболее влиятельным был Ахмет Дударов, проживавший в селе Чми Терского ущелья и контролировав-

ший Дарьяльскую дорогу. Он был связан с ахалцихским пашой, имеретинским царем и царевичами-престолоискателями. С его помощью восставшие перекрыли Дарьяльскую дорогу, препятствуя передвижению русских войск (Макалатия, 1934. С. 54).

Восставшие мтиулы, в количестве до 1 000 человек, вступили в Коби. К ним присоединились 100 трусовских осетин. Они захватили кобский военный склад и забрали с собой продовольствие, железо и свинец (АКАК, II. С. 307–308). Тагаурцы блокировали ларский и другие военные посты.

Восставшие мтиульцы, мохевцы, хевсуры и трусовские осетины 13 июля 1804 г. вступили в Степанацминду и потребовали от майора Габриела Казбека передать в их распоряжение русских вместе с казной, а от него самого – возглавить восстание. Получив отказ, восставшие осадили казбекское укрепление. 26 июля к ним присоединился Ахмет Дударов с отрядом в 300 человек, состоявшим из осетин и кистинцев. Тагаурские осетины и мтиульцы под знаменем поклялись друг другу, что они до конца будут сопротивляться русским. 27 июля осажденные сдались (АКАК, II. С. 323; Макалатия, 1934. С. 56; Тогонидзе, 1951. С. 100–102).

Во время восстания 1804 г. наиболее продолжительной и мощной была операция, развернутая на горе Ломиса. Гора Ломиса имела стратегически важное расположение: через нее шли дороги и тропинки, соединяющие всю горную часть Ксано-Арагва и Картли. Ее возросшее значение обусловливалось еще и тем, что отсюда мтиульцы имели возможность соединяться с осетинами. Российская администрация придавала особое значение занятию Ломиси, чтобы избежать распространения восстания и на Ксани. По мнению Волконского, сохранение Ломиси представлялось «одним единственным препятствием на пути соединения мтиулов с осетинами и включения последних в восстание» (АКАК, II. С. 319).

В первых числах августа к восставшим присоединилось осетинское население Жамурской, Чуртской, Муджухской и некоторых других общин (там же. С. 326). 9 августа руководитель ломисской операции майор Мелла попал в окружение мтиулов, осетин и хевсуров. Он уничтожил свое имущество и ценой больших потерь рискнул выйти из окружения. Ломиси перешла в руки восставших.

К восставшим явился царевич Фарнаваз. Это придало им новую силу. 18 сентября 1804 г. Фарнаваз обратился к куртатинским осетинам (Северный Кавказ) с призывом. В своем призыве он просил их оказать помощь тагаурским осетинам и ни с одной стороны не пропускать русские войска. Взамен от своего имени и от имени персидского шаха обещал большие подаяния (Институт рукописей. Ф. Hd №6457).

Для восставших привлечение куртатинцев на свою сторону имело большое значение. Дело в том, что после перекрытия Дарьяльс-

кой дороги русские курьеры передвигались через Куртатию. Этой же дорогой с Северного Кавказа в Грузию перешел полк Рышкина, который был разбит осетинами между Джавой и Роком (Ванеев, 1956. С. 132; Батонишвили, 1941. С. 94).

Генерал Цицианов был вынужден снять осаду Еревана и направиться для подавления восстания. С севера восставших атаковал генерал Глазенап, он взял Ларс, Дарьял и добрался до Ананура.

Невзирая на то, что осетины Джавского ущелья выразили покорность правительству, Цицианов пошел на них войной, предал огню село Кроз, разрушил башни. Так же жестоко и безжалостно поступил он и в отношении других населенных пунктов, однако своей цели — возврата солдат полка Рышкина — так и не добился; осетины вернули ему лишь коней (Ванеев, 1956. С. 136). «Цицианов желал навредить осетинам и изгнать их. Осетины оказали мощное сопротивление. Испытав на себе стойкость осетин, Цицианов повернул назад и возвратился в Тифлис» (Батонишвили, 1941. С. 94–95).

Восстание в горной Картли потерпело поражение. Предводители восстания Леван Назгаидзе и деканоз Шио Бурдули, преследуемые российским правительством, долгое время скрывались у жамурских осетин. Русские предали огню жамурские деревни. Шио Бурдули перешел в Гуд (АКАК, II. С. 335).

Так выглядела схематично совместная борьба грузинских и осетинских горцев в восстании горной Картли против колониальной политики царизма и собственных помещиков. Несмотря на поражение, грузины-горцы и осетины не были сломлены и в дальнейшем еще неоднократно с оружием в руках выступали в защиту своих прав.

Грузино-осетинское совместное выступление имело место и в 1807 г. в ущелье Большой Лиахвы. В связи с эпидемией на дорогах устроили карантины, в результате чего прекратилось сообщение между горскими и низменными населенными пунктами, что повлекло за собой выступление грузинских и осетинских крестьян. Отряд майора Зайцова жестоко расправился с грузино-осетинским населением Кемерта (ГЦИА. Ф. 16, д.687, л. 27,36–37). Русскими властями в лице Гудовича было разрешено завезти соль и разнообразные ткани в близлежащие села, чтобы население грузино-осетинских сел Большой Лиахвы могло их приобрести.

В Ксанском и Лехурском ущельях в 1807 г. имело место совместное выступление грузинских и осетинских крестьян. Две сотни егерей майора Зайцова, с одной пушкой и двадцатью казаками, срочно отправили в Лехурское ущелье, в село Квемо Чала, чтобы не допустить объединения и совместного выступления восставших грузинских и осетинских крестьян Ксани с крестьянами Самтависа и Квемо Чала. С помощью местных помещиков Зайцову удалось успокоить крестьянство (ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 61-64, ч. 56, л. 45).

Военно-Осетинская дорога. Мамисонское ущелье:
сс. Тимцина, Уелта, Сатат. Фото XIX в.

22 декабря 1807 г. 500 осетин под предводительством управителя Бегиашвили атаковали эристава, проживавшего в Меджврисхеви, но атака, после трехчасового боя, была отбита правительственными войсками (там же. Ф. 55).

В 1810 г. в Осетии начались волнения, связанные с деятельностью сына Левана Юлона. Царевич Александр, в свою очередь, писал подстрекательские письма осетинам Джавского ущелья и призывал их совместно с осетинами других ущелий выступить за восстановление на троне семьи Багратионов и за это обещал подаяние.

По сведениям Баграта Батонишвили, «царевич Александр тоже направил Леона, сына своего брата, из Ахалциха в осетинское Самачабло, чтобы собрать осетин для борьбы против русских. Прибывшего Леона приютили осетины и собрались при нем» (Батонишвили, 1941. С. 106).

С двумя тысячами осетин Леван в конце июля 1810 г. в течение четырех дней атаковали Цхинвал, но не смогли овладеть им. В Осетию направили войска, которые двумя колоннами вторглись туда. Бунтовщики, среди которых были и многие грузины, потерпели поражение. С предводителями бунтовщиков правительство жестоко расправилось, а сам Леван был вынужден покинуть Осетию. По дороге в Ахалцих, в Боржомском ущелье его убили дагестанцы (лезгины).

Царевич Александр все равно не сдавался и продолжал борьбу с целью изгнания русских из Грузии и возвращения престола. В 1813 г.

он обратился с призывом к населению ущелий Большой Лиахвы, Чврива, Гера, Кударо, Тагаура, Арагва, Мтиулети, Трусо и других. Он убеждал их, что с большим войском собирается в поход против русских и просил, чтобы и они, в свою очередь, нападали на них. Взамен обещал много подаяний (ГЦИА. Ф. 1448, д. 9376 и др.). Его эмиссары — Горджаспи Наталишвили, Папо Абелишвили, Аветик Африамашвили ходили по горным районам и призывали народ к выступлениям под знаменем Александра (там же, ф, 1448, д. 9387).

Год 1813 для возвращения престола был выбран по тем соображениям, что с 1812 года в Кахетии происходило восстание, оно продолжалось и в Картли. Царевичи тут же сообразили, как воспользоваться ситуацией и направить ход событий в свою пользу. Для этой цели они искали дополнительные силы среди осетин и горцев. Известно, что из этой авантюры ничего не вышло. Примечательно, что восставшие кахетинцы, наоборот, за помощью обратились к осетинам (АКАК, V. С. 63).

Борьба грузинского и осетинского народов против крепостничества, а также их выступление против российского самодержавия, после присоединения к ней России, грузинские царевичи, теряла свое прогрессивное значение и принимало реакционный облик.

Осетинский народ не прекращал борьбу против феодалов и в дальнейшем несмотря на то, что ее жестоко подавляло российское самодержавие с помощью грузинских помещиков. В отличие от них, грузинское крестьянство с сочувствием относилось к борьбе осетин против крепостничества.

Борьба осетинского и грузинского крестьянства против крепостничества была частью той борьбы российского крестьянства, которая заставила царское правительство осуществить крестьянскую реформу.

В XIX в., помимо совместных выступлений грузинского и осетинского народов против самодержавия и помещиков, имела место и их совместная борьба против внешних врагов. В XIX в. России не раз пришлось ввязаться в войну с Ираном и Турцией. В Грузии к России последние видели опасность своему господству на Кавказе и для ликвидации этой опасности не жалели себя. Грузинский народ, как и другие народы Закавказья, в этой войне встал рядом с Россией. С этой войной грузины связывали надежды на освобождение своих исторических земель и отмщение своим давнишним врагам.

В 1826 г. была создана грузинская милиция. В ней принимали участие представители различных обществ Южной Осетии. Части милиции на различных участках фронта вместе с частями регулярной армии России успешно воевали против Ирана, а затем — Турции.

В грузинский пехотный отряд, созданный в 1831 г., в мирное время входили 30—40, а в военное время — 500—600 осетин. Отряд принимал участие во всех кавказских войнах и был награжден Ге-

оргиевским знаменем (ГЦИА. Ф. 1087, с. 797, л. 1; Цховребов, 1963. С. 29). Во время Крымской войны североосетинские и южноосетинские отряды защищали южные границы Грузии, участвовали в освобождении грузинских земель от турков. В 1853 г. на Нарском участке собрались 400 всадников-осетин. Они блестяще проявили себя в военных действиях при Ахалцихе, Чолоке (1854 г.), при осаде Карской крепости (1855 г.). Множество осетин вместе с грузинами принимали участие в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.) за освобождение южных рубежей Грузии (Цховребов, 1963. С. 30—33). Такая совместная борьба еще больше укрепляла традиционные дружественные отношения между грузинами и осетинами.

§ 2. Экономические взаимоотношения

С народами Северного Кавказа у Грузии всегда имелись тесные взаимоотношения. В сфере экономики эти взаимоотношения проявлялись в товарообменных процессах, которые, в зависимости от выгодности конкретно-исторических условий, носили ограниченный или расширенный характер.

В системе экономических взаимоотношений Грузии с народами Северного Кавказа наиболее яркими, систематическими и, можно сказать, тесными были грузино-осетинские экономические взаимоотношения. В значительной степени это было обусловлено географическим расположением этих народов.

Известно, что осетины в XIX в., как и прежде, занимали оба склона Центрального Кавказа. Северные осетины с востока на запад проживали в тагаурском, куртатинском, алагирском и дигорском обществах, которые, в свою очередь, представляли собой более или менее широкие ущелья и бассейны рек. Только в 30-е годы XIX в. северные осетины начали селиться на предгорных равнинах Северного Кавказа[17]. Значительная часть осетин проживала на южных склонах Кавказского хребта, в ущельях Большой и Малой Лиахвы, Меджуды, Лехуры, Ксани, Арагви, Джоджора, Проне, в Трусо, а также в Наро-Мамисонской котловине. Последняя, по административным соображениям, долгое время входила в состав Тифлисской губернии и, как раньше, ее экономические интересы были обращены на юг.

Все общества Северной Осетии, население Наро-Мамисона, высокогорные районы Южной Осетии были связаны с грузинской низменностью, с ее торгово-экономическими центрами целой системой дорог и тропинок.

Мы здесь не будем подробно останавливаться на тех перевальных дорогах, которые соединяют Северную Осетию с Южной Осетией и Грузией, а именно: Военно-Грузинская дорога, Военно-Осетинская дорога с ее двумя ответвлениями — через Мамисонский и

Рокский перевалы, а также Зекарская, Дзедоская, Бахфандагская, Сбийская перевальные дороги. Про них разговор шел в предыдущих книгах. На сей раз, чтобы иметь более подробное представление о той системе внутренних дорог и троп, которая соединяет горные районы Южной Осетии с различными районами Грузии (преимущественно с низменными), приведем некоторые маршруты (этими маршрутами могли пользоваться и северные осетины, которых с южными склонами Кавказа в основном связывали перевальные дороги).

Перевальная дорога через Рок идет из Ардонского ущелья, а из Рока дорога через гору Сба спускается в Трусо. Основная же дорога следует вдоль Большой Лиахвы и связывается с центром Картли.

Урстуалта (по-грузински – Магран-Двалети) с внешним миром соединяется следующим образом: Згубир–Едис–Ходз (или Галуата)–Кадласан–Фцагисар– Трусо–Военно-Грузинская дорога; Ерман–Ныллагхох–Гнух–Военно-Грузинская дорога; Едис–Рока–Заха–Кадласан–Трусо (Коби)–Военно-Грузинская дорога; Едис–Ерман–Келис тба (озеро Кел. – ***Ред.***)–Ксанское ущелье–Ломиси–Млета–Ахалгори; Едис– Бритата–Гудис–Цру–Куриати –Ванати.

Из Жамура дороги-тропинки переходили в Ерман (через озеро Кели), Гнух (через гору Бисуета), Чурта (через Суарихох), Млета (через гору Саумасиг). Из Цхрадзмиского ущелья дорога идет в Арахвет (Мтиулети) через горы Муджуха и Куркуто.

Из Уканаубани в Пасанаури и Нагвареви (Мтиулети) идет конная дорога. Из Ксанского ущелья в ущелье Лехура идут несколько дорог: из Гарубани в Цхилон-Картиси, из Бежантикау – в Монастери, из Ахалгори – в Гехав-Цири, из Канчавета – в Армаз.

Из Ксанского ущелья через ущелье Мосабруни дорога идет в Дзеглеви, Салбиери, Душети; из Икота – в Тонча (Душетский район).

Ацрисхеоба (в устье Малой Лиахвы) связывается с Ерманом через гору Гнух и Келис тба. Одно ответвление этой дороги разделяется у ущелья Бисуети и спускается в Жамур, а отсюда легко можно добраться до Ксанского и Арагвского ущелий, до Картли.

Из Нижнего Зонкара через Бендера и ущелье Коркота связываются, с одной стороны, с Ахалгори (Ленингори), с другой – с Бикаром и Меджврисхеви.

Из деревни Ацрисхеви направляются следующие маршруты: Ацрисхеви–Цриас хеви–Вилда–Исролис хеви–Ксани; Ацрисхеви–Цриас хеви–Вилда–Бикара–Меджврисхеви; Ацрисхеви–Бендери–Аркинарети–Громи–Меджврисхеви–Тирифона.

Есть и другие маршруты: село Ципори–Ципорис мта–Шамбиети–Хачираани–Техаани–Бисуети–Джамури–Млети; Гврис хеви–Гудиси, а дальше дорога идет по разным направлениям.

Кроме вышеотмеченных, существует множество других дорог и тропинок, которыми районы Южной Осетии связываются друг с

другом и с низменными районами Грузии. Граничащее с Западной Грузией осетинское население было связано с ней целой системой дорог-тропинок. Поэтому говорить об оторванности осетин от равнинных районов можно только относительно.

Местное население и поныне придает большое значение этим дорогам и тропам для экономических связей как друг с другом, так и особенно с низменными районами, ибо считает, что без таких связей невозможно проживание в горных условиях. Этими дорогами осуществлялись не только товарообменные операции, но и перегон скота на зимние пастбища, расположенные в низинах Картли (Квернаки или Надарбазеви, Агаян-Мухрани, Тирдзниси и др.).

Экономические взаимоотношения Южной Осетии с Грузией в первой половине XIX в. носили характер экономических связей горных и низменных районов в качестве составных частей одного экономического целого. Влияние этнического момента на эти отношения следует исключить. Характер и особенности экономических взаимоотношений Осетии, в том числе и Северной Осетии, с грузинской низменностью были обусловлены различиями в природно-климатических условиях, следовательно различными условиями хозяйствования и неизбежностью экономических связей между этими территориями.

Территория проживания осетин из-за гористости непригодна для развития сельского хозяйства, особенно земледелия. По этой причине собственного урожая горцам хронически не хватало, и поэтому они были зависимы от равнинных районов. Горы Осетии сравнительно лучше подходили для ведения животноводства. Однако нехватка пастбищ и лугов ограничивала возможности его широкого развития. Тем не менее оно давало возможность осуществлять эквивалентный обмен животноводческими продуктами с низменными районами Грузии.

Проживающим в таких хозяйственных условиях осетинам и другим горцам было жизненно необходимо наладить экономические связи с низменностью. О такой необходимости академик И. Джавахишвили говорил так: «Человеку низины нужны горы, а горцу — низина. Друг без друга они не могут существовать. Благодаря этим природным условиям срединная часть Грузии, ее низменность экономически теснейшим образом была связана с общинами северных и южных частей, и наоборот. Из-за географических условий все пути сообщения, в том числе торговые пути, из мест проживания горских общин направлялись к низменностям срединной части Грузии» (Джавахишвили, 1930. С. 317).

Прекрасной иллюстрацией к сказанному И. Джавахишвили являются те многочисленные дороги и тропы, которыми различные районы Осетии были связаны с Картли-Имеретинскими низменностями, о которых речь шла выше.

Красноречивым документальным подтверждением зависимости горцев от равнинных районов является жалоба гудамакарских горцев к Гудовичу в 1807 г. В этой жалобе, касаясь тех препятствий, которые были созданы в их отношениях с равнинными районами, они сетуют: «Чем жить, если ничего не разрешают завезти» (АКАК, 1869. С. 108).

Экономическая зависимость горцев, в первую очередь — осетин, от равнинных районов являлась основой их политической зависимости. Еще раньше Вахушти отмечал, что у осетин много чего нужного нет в достатке и поэтому они вынуждены завозить все из Картли, Рачи и Черкесии (Кабарды). «В том числе и поэтому они вынуждены держать себя и свой край смиренно преимущественно по причине нехватки средств существования» (Вахушти, 1941. С. 111).

В 1801 г. Картли-Кахетия присоединилась к России. Это событие оставило глубокий след на всех сторонах жизни осетин. Северная Осетия, начиная с 1774 г., вошла в тесные взаимоотношения с Россией и присоединилась к ней. Впрочем, процесс объединения не был оформлен сразу же и длился вплоть до 30-х годов XIX в. Южные осетины с 1801 г. вошли в состав Российской империи в качестве органичной части Картли-Кахетинского царства. И если в экономических отношениях южных осетин с Грузией существенных изменений не произошло, то экономические отношения северных осетин с грузинским народом претерпели значительные изменения. Дело в том, что северные осетины после присоединения к России активно селились на равнинах Северного Кавказа. Процесс еще более активизировался в 20—30-х годах. В результате зависимость осетин в области зерновых от низменности Грузии была заменена зависимостью от низменности Северного Кавказа. Существующие там русские крепости и укрепления, особенно Владикавказ, Моздок и др., превращаются в центры, где северные осетины удовлетворяли свои экономические потребности.

К 30-м годам XIX в. Владикавказ уже являлся значительным торговым центром, где реализовывались русские товары. По сведениям Н. Зубова, во владикавказских духанах были всякого рода нужные товары, в том числе и предметы роскоши. К 40-м годам горцы уже имели возможность покупать чай, сахар, предметы роскоши — женские украшения, красивые шкатулки и др. (История, 1959. С. 170).

Подобные же отношения у осетин устанавливались и с другими пунктами военной линии Северного Кавказа. Таким образом, основная часть северных осетин постепенно теряла необходимость связи с низменностью Картли, и их экономические интересы в основном были переориентированы в сторону Севера. Это вовсе не означало, что с Грузией северные осетины прекратили всякие экономические связи. Такие связи существовали, но они со временем принимали иной характер. Население горных районов Северной Осетии не пре-

кращало связей с рыночными центрами Картли и Рача-Имеретии, где они по-прежнему продавали или обменивали свою продукцию.

Зависимость осетин от низинных районов в части продуктов была так сильна, что российская власть в качестве эффективных экономических санкций с целью подавления сопротивления осетин часто обращалась к созданию искусственных условий, затрудняющих ввоз продовольствия осетинами из низменных районов. Чтобы не допустить участия тагаурских осетин в бунте царевича Вахтанга в 1802 г., генерал Тучков запрещает продавать им зерно (АКАК, I. С. 271).

В 1804 г. в ответ на участие тагаурских осетин в восстании картлийских горцев генерал П. Цицианов отдал распоряжение «запереть в Грузию тагаурцам дорогу, а моздокскому коменданту предписать, чтобы всех тагаурцев, кроме ларского, не пускать» (АКАК, II. С. 552).

В 1804 г. тот же Цицианов писал исполнительной власти о том, что он потребовал от майора Казбека, чтобы тот не пропускал тагаурских осетин в Грузию. Невзирая на этот запрет, мухранские и душетские осетины отправляются в Тагаурию и доставляют им нужные товары. Для большей эффективности мероприятий он требует, чтобы осетин не пропускали и в ту сторону (там же. С. 552–553).

Из этих фактов следует, что российское правительство прекрасно понимало необходимость и значение экономических связей горцев с низменными районами и всячески старалось использовать это обстоятельство для подчинения горцев центральной власти. В приказе от 26 октября 1804 г., обращенном к тагаурцам, Цицианов требовал от них спокойствия и покорности, взамен обещал им предоставление права брать пошлины за передвижение по Дарьяльской дороге, приравнивание в правах с российскими подданными, беспрепятственное приобретение в Моздоке и Тифлисе зерна и других нужных им товаров (там же. С. 555).

Подобные же условия ставил генерал Несветаев тагаурским старшинам 26 сентября 1804 г.: «Если не будете препятствовать передвижению русских по Дарьяльской дороге, то по-прежнему будете брать пошлину, а мы будем беспрепятственно пропускать вас в Моздок и Тифлис» (АКАК, III. С. 213).

Политика экономической блокады осетин с целью их покорения не была изобретением царизма. В отношении южных осетин к подобной политике до царизма прибегали грузинские феодалы – Мачабели, Эристави и др., с той лишь разницей, что царизм придал этой политике более завершенный характер, укрепив ее военной силой.

Примечательно, что политика экономической блокады часто оборачивалась против ее проводников. Дело в том, что если в отношении отдельных феодалов осетины прибегали к индивидуальному или коллективному террору, то в отношении царизма – к восстанию. Причиной волнений в Южной Осетии 1807–1808 гг. стал

запрет осетинам (частично и грузинским горцам), в связи с карантином, на контакты с картлийскими деревнями в низменных районах. Проведение этого мероприятия ухудшало и без того тяжелое продовольственное положение осетин, и восстание не заставило себя ждать.

Граф Гудович 2 апреля 1808 г. в своем распоряжении к Ахвердову писал, что «причиною их возмущения было то, что по случаю оказавшейся между осетинскими деревнями заразительной болезни было запрещено сим деревням всякое сообщение с Карталиниею, откуда они получали жизненные припасы и другие потребности. И поскольку заразительной болезни больше нет, то в дальнейшем не препятствуйте их передвижению, а в близлежащие деревни завозите соль, одежду и другие вещи, чтобы их покупали» (там же. С. 218).

До этого Гудович в своей прокламации к осетинам Арагвского, Джавского и Чвривского ущелий объявлял, что «позволю вам во всякое время ездить в Грузию для покупки соли и прочих потребностей, но только по билетам, для получения коих имеете явиться к ближайшему военному начальнику, которые и будет давать он до Гори, а оттуда, будет нужно кому далее проехать, получит уже от Горийского окружного начальника» (там же, с. 214).

Как видно, царская политика массовой блокады осетин часто приводила к противоположным результатам. В связи с этим, подобно старинным грамотам, дававшим отдельным осетинам право на свободу перемещения по Картли, было принято решение о выдаче билетов осетинам, считавшимся добросовестными, или таким осетинам, которые не выступали против помещиков и царизма.

В настоящей работе мы не ставим целью полное освещение экономической жизни осетинского народа и экономических результатов присоединения Грузии и Осетии к России. И то и другое мы рассматриваем в той мере, в какой эти факторы влияли на экономические взаимоотношения грузинского и осетинского народов.

Присоединение Грузии, а также Северного Кавказа к России не вызвало в жизни этих народов быстрых экономических изменений. В дореформенный период, наряду с мелкотоварным производством, продолжало господствовать натуральное хозяйство. Тем не менее, Грузия, и вообще Кавказ, включаются в процесс развития российского капитализма.

В первой трети XIX в. перед царизмом стояла значительная военно-политическая задача – закрепиться в Закавказье, отражать турецко-иранскую агрессию. Вопросы экономической политики – превращение Закавказья в рынок сбыта и источник сырья – в повестке дня пока не стояли. Экономическим вопросам тоже уделялось определенное внимание, но далеко не достаточное (Ванеев, 1956. С. 30).

Ликвидация экономической и политической обособленности фе-

одальных владений, искоренение внутренних войн, строительство путей сообщения (Дарьяльская дорога и др.), пароходство на Каспийском и Черном морях – все это способствовало развитию товарного производства и торговли.

Феодальная раздробленность, существование внутренних пошлин препятствовали развитию торговли. Они были отменены Н. Цициановым, но в 1807 г. вновь были восстановлены Гудовичем, что вызвало недовольство и жалобы тифлисских торговцев (там же. С. 30).

Некоторые представители российской власти старались улучшить экономическое положение Грузии. 19 февраля 1818 г. Ермолов писал министру внутренних дел о том, что местное население без определенной заботы со стороны правительства долгое время не сможет перейти из существующего политического и физического беспогодия в цветущее состояние (АКАК, т. VI. С. 256).

С целью развития страны правительством в 1822 г. было принято мероприятие по установлению льготных тарифов на 10 лет. Результатом стало наводнение рынка европейскими товарами. Однако такие мероприятия не имели успеха из-за неблагоприятного внутреннего режима.

В результате побед в турецко-иранских войнах царизм на Кавказе постепенно выдвигает на передний план экономические вопросы. Начали осуществляться соответствующие мероприятия по превращению Кавказа, через проведение политики протекционизма, в рынок сбыта и источник сырья для российской промышленности. Министр финансов Канкрин и верховный правитель Паскевич рассматривали Закавказье в качестве российской колонии (Ванеев, 1956. С. 31).

В Грузии в 40–50-х годах появляются ростки капиталистической промышленности, создаются новые фабрики и заводы. Определенные сдвиги происходят и в сельском хозяйстве, были попытки рационализации отдельных хозяйств. Сам Воронцов уделял большое внимание развитию сельского хозяйства.

Однако процессу экономического развития препятствовал феодализм, экономическая основа которого к этому времени оставалась неизменной. Верховный правитель Розен искал согласия с грузинским крестьянством, а Воронцов пустил на самотек защиту интересов крестьян (закон 28 августа 1845 г. освобождал помещиков от документального подтверждения своих прав на крепостных крестьян) (Абаев, 1955. С. 51).

Общая тенденция экономического развития Закавказья оказывала определенное влияние не только на Осетию вообще, но и на ее горные районы.

В рассматриваемый период за развитием торговых отношений с Россией и некоторыми другими странами последовал рост потребностей грузинского феодального класса и ужесточение феодальной эксплуатации крестьянства. Опираясь на штыки российского ца-

ризма, грузинские феодалы безжалостно грабили своих крепостных. Князья Мачабели и Эристави всячески старались распространить свое господство и на осетин, проживавших в дальних ущельях и стойко защищавших свою независимость и свободу. Об этом говорят те многочисленные выступления, которые имели место на протяжении всей первой половины XIX в.

В рассматриваемый период характерным явлением для сельского хозяйства Осетии, особенно в ее горных районах (подавляющая часть ее территории), было малоземелье. Гористые местности были непригодны для земледелия. Малые участки земли, которые создавались в жесткой борьбе с природой, даже на минимальном уровне не удовлетворяли потребности населения в зерне. Земля стоила чрезвычайно дорого. Площадь под лежащим быком стоила как сам бык, а участок земли «одного дня пахоты» — 108 коров (там же. С. 60).

В высокогорной зоне сеяли ячмень, а землю пахали сохой; в предгорьях землю пахали небольшим плугом, запряженным тремя парами волов; на равнинах же землю пахали большим плугом, так называемым грузинским плугом со впряженными в него 7—8 парами волов или буйволов. Пашня одного дня маленьким плугом и сохой равнялась 1/4 десятины, а большим плугом — 1/2 десятины (Ванеев, 1956. С. 60).

Мероприятия, проводимые царизмом по оживлению сельского хозяйства на Кавказе, заметного влияния на осетин не оказывали, ибо они оставались вне этих мероприятий. В Грузии были показательные хозяйства, были попытки отдельных землевладельцев улучшить хозяйства. В Осетии подобное не наблюдалось. Причиной этому, в первую очередь, были природно-географические условия (ограниченность земледельческой базы, неблагоприятные климатические условия, отдаленность от центра).

Хозяйство Осетии XIX в. оставалось натуральным. Это обусловливало и способствовало распространению кустарно-домашнего производства. Такое производство в основном удовлетворяло потребности населения на орудия труда, хозяйственный инвентарь, домашнюю посуду, одежду, обувь и др.

Из металла изготавливали: надочажные цепи, оружие, доспехи, рабочий инвентарь; из дерева: деревянные части плуга, молотильные доски, сани, ярма, вилы, грабли, домашнюю мебель и посуду и кубки, ложки, миски, корыта, болтушки, бочки, скамьи, столы, кресла, тахты и т.д.; из камня: жернова (ручные и обыкновенные), надгробные плиты и т.д..

Самым значительным и широко распространенным было производство шерсти. Из нее изготавливали шерстяные ткани, бурки, войлок, носки, башлыки, головные уборы, ковры. Из тонкорунной козьей шерсти — козьего пуха изготавливали высококачественные изделия — пледы, пуховые платки («тинтичи»), которые пользова-

лись большим спросом и стоили в 2—3 раза дороже по сравнению с аналогичными изделиями из овечьей шерсти. Было распространено и производство кожи и изделий из кожи.

Южные осетины, подобно другим горцам, были зависимы от низовых районов и в отношении зимних пастбищ. Они часто держали свой скот на зимних пастбищах Мухрани, Агаяна, в Горийском уезде (Квернакская гора). Полковник Ахвердов в 1808 г. предлагал графу Гудовичу в качестве наказания населения Ксанского ущелья, не подчинявшегося ни своим господам, ни национальной полиции, запретить им всякие связи с селами низменных районов, а скот, который они держали на пастбищах Мухрани и Горийского уезда, отобрать (АКАК, III. С. 218).

Южные осетины в течение длительного времени были связаны рыночными отношениями с внешним миром. Продукты своего производства, преимущественно животноводческие, они или прямо обменивали на хлеб, соль и другие товары в низменных селах Картли, или продавали на соответствующих рыночных местах, а потом покупали нужные им товары.

Российский чиновник Чиляев (Чилашвили) в 1827 г. писал, что мтиул-мохевцам и трусо-арагвским осетинам не хватает пропитания, и поэтому люди каждый год покупают хлеб в разных местах Грузии, во Владикавказе и Назрани (АКАК, VII. С. 349). Эти сведения подкрепляются записью графа Паскевича об осетинах в 1830 г., где отмечается, что они «хлебопашеством занимаются только для своего годового пропитания; но часто такового не достает до нового урожая, и потому покупают хлеб у живущих на равнине, оттуда же получают и соль» (ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 6238, л.4).

О перечне товаров, которые служили трусовским и арагвским осетинам в качестве эквивалента обмена с жителями плоскостных районов, дает представление сведение, сделанное в 1827 г. В нем говорится, что трусовские и арагвские осетины «занимаются овцеводством из шерсти делают довольно хорошие войлоки, башлыки, бурки и горское сукно, из молока сыр, а из шкур — шубы; выделывают кожи, ремни и проч. И продают оные по Военно-Грузинской дороге, в Душети и Тифлисе» (АКАК, VII. С. 349).

В описании, датируемом 1845 г., сказано, что осетины из шерсти готовят ткани. Шерсть, шерстяные ткани, одежда, сыр, топленое масло обмениваются в Картли на нужные им товары. Автор перечня товаров отмечает, что осетины ущелья Большой Лиахвы подвергаются грабежу по дороге в Картли со стороны князей Мачабели (ЦГИАЛ. Ф. 1268, оп. 1, 1845 г., д. 45, л. 136—139).

Полковник жандармерии Щербачев, после исследования горных ущелий Осетии, 16 июня 1850 г. писал шефу жандармерии Орлову, что «народ более добронравный и миролюбивый, ведя жизнь оседлую... скотоводчество значительное, славное овцеводство; вы-

делывают в большом количестве сыр, знаменитый за Кавказом» (Абаев, 1955. С. 73). Отсюда следует, что высококачественный сыр, изготавливаемый в горах Осетии, распространился за пределами Кавказа и пользовался хорошей репутацией.

Развитие и укрепление связей осетинского крестьянства с рынком обусловило рост значения денег для них, что хорошо видно из оценки крепостных или крестьянских податей в денежной форме. Сбор налогов деньгами для осетин был тяжелым испытанием. Известно, что одним из требований восставших в 1841 г. гурийских крестьян была отмена денежных платежей, принятых взамен натуральных в 1840 г. Осетины придерживались такого же мнения. Корнисские крестьяне жаловались Воронцову на то, что когда их заставляют платить налоги деньгами, то они оказываются в большой беде, ибо им приходится продавать даже последнюю черкеску (ЦГИА. Ф. 7, д. 124, л. 4; Ванеев, 1956. С. 48).

Укрепление связей осетин с рынком в 40-х гг. XIX в. подтверждает и Гакстгаузен, который, побывав в осетинских семьях, сообщает о вещах, увиденных им: постельные принадлежности, подушки, ковры, посуда из меди, чугуна, стекла, фарфора, купленные в Тифлисе (Гакстгаузен, 1857. С. 86–87).

Несмотря на отдаленность и бездорожье, осетины были прочно связаны с тифлисским рынком. Они везли товары арбами даже из дальних аулов. После их реализации приобретались товары, необходимые в быту. В 1849 г. житель села Гуфта Джавского района Ив.- Джиошвили жаловался наместнику царя Воронцову на то, что Давид и Реваз Мачабели отобрали у него и у его 19 друзей по одной арбе фруктов и разного провианта.

Помимо экономических связей с Тифлисом, осетины, естественно, в первую очередь торговали в Цхинвали и Ахалгори, Гори и Меджврисхеви, на рынках Хашури, Боржоми, Душети, Ананури, в рачинском торговом центре Они и в Сачхере, то есть в тех местах, к которым были географически близко расположены.

В Цхинвале и Ахалгори осетины покупали медную и чугунную посуду, ткани. Там же приобретались широко распространенные в Осетии медные котлы большой емкости для гонки араки и пива, а также для расчетов калыма и примирения кровников. Кроме того, в Цхинвале и Ахалгори покупали соль, зерно, керосин, мануфактуру, ткани, предметы домашнего обихода, железо-скобяные изделия. Взамен они продавали сыр, топленое масло, шерсть, кожу, скот, птицу, кустарные изделия (Абаев, 1955. С. 77–78). По расчетам Яновского, к 30-м гг. XIX в. продажа крестьянской продукции в Цхинвале достигала до 30 тыс. рублей серебром (Обозрение, 1836; Абаев, 1955. С. 86).

В Осетии большим спросом пользовались железо и свинец. Потребности в железе они удовлетворяли из имеретинского села Цеди-

си, где соответствующее горное производство существовало с давних пор. Из местных руд выплавляли железо, свинец и серебро. По данным 1826 г., осетины за одну «гиранку» свинца давали 20 копеек серебром (АКАК, VI. С. 186–187). А на свинец, в связи с постоянными восстаниями в рассматриваемый период, всегда была большая потребность.

Широко были вовлечены осетины в торговлю на рынках Сачхере и Они. Еще в 70-е гг. XVIII в. Гюльденштедт писал об участии осетин в периодически устраиваемых ярмарках на рынках Они и Хони. 21 февраля 1837 года барон Розен писал Блудову, что «в Сачхере и Они бывает главный торг Рачинского округа, куда съезжаются осетины и лечхумские мингрельцы, а в последнее время и самые дальние горские осетины» (АКАК, VIII. С. 183; Ванеев, 1956. С. 46).

На этих ярмарках участвовали не только южные осетины, но и представители Дигории, которые были заинтересованы в торговле с Рачой. В 1831 г. Симонович пишет Григолу Зурабовичу Церетели: «В ответ на письмо вашего сиятельства сообщаю, чтобы и впредь как дигорцев, которые дали клятву верности царю перед вами, так их соседей и жителей Басиана, не питающих злых намерений против российского правления, пропускать беспрепятственно. И, как об этом уже писал, когда они пригоняют табуны лошадей, то в крепости Чидроти брать с них пошлину в пользу государства» (Институт рукописей. Ф. Sd, № 1672). Это письмо Симоновича дает ясное представление о стремлении дигорцев и басианцев к торговле с Рачой. Кроме того, становится понятным, что и табуны лошадей являлись предметом купли-продажи, за что и платили пошлину в пользу государства.

Развитию торговли Осетии с торгово-экономическими центрами препятствовало то обстоятельство, что в первой половине XIX в. в Южной Осетии часто вспыхивали крестьянские восстания, что вызывало ответные жестокие репрессии со стороны властей. Кроме того, князья Мачабели и Эристави мешали их связям с низменными районами Грузии, грабили и арестовывали их на дорогах. К подобным же мерам обращалась и власть. С целью покорения осетин правительство, в качестве мощного рычага, часто пользовалось запретом экономических связей осетин с низменными районами Грузии. Такая ситуация вынуждала осетин искать выход из создавшегося положения. В частности, организовывали торговые пункты во внутренних районах, куда периодически собирались из Осетии и торговых центров Грузии. Таким торговым пунктом стало с. Ванели, расположенное на среднем течении Большой Лиахвы, в Джавском районе. Здесь торгово-обменные операции происходили в определенное время года. Эти операции для населения имели такое большое значение, что в дни ярмарок обычай жестко запрещал кро-

вомщение, и кровники смело встречались друг с другом (Абаев, 1955. С. 84). Значение Ванели как торгового центра не ослабло даже к концу XIX в., и жители отдаленных осетинских сел по-прежнему покупали там нужные товары, избавляя себя от необходимости дальних походов.

Такие тесные экономические взаимоотношения с низменными районами Грузии были, с одной стороны, необходимыми, но, с другой стороны, они не меняли тяжелых условий жизни. Выход горцы искали в переселении в равнинные районы Картли, в Триалети, Кахети; поселялись они и в городах, но в рассматриваемый период относительно в меньшем количестве.

Осетины старались приобретать участки путем покупки земель у их собственников, устраивались «хизанами» или селились на государственных землях. Это относится не только к южным осетинам. В переселении в Грузию по-прежнему, как это было еще в XVIII в., были заитересованы и тагаурские осетины. Это хорошо видно из письма генерала Гудовича к Литвинову от 3 апреля 1807 г.: «Вследствие рапорта в пр. за № 1150, относительно поселения тагаурских старшин с подвластными им осетинцами в Дагомском ущелье, предлагаю отправить их вместе с дагомскими старшинами в означенное ущелье для осмотра земли, просимой ими, где они должны по избрании оной положить между собою правила в рассуждении жизни их, поливу пашен и прочих выгод, до земледелия и общественного спокойствия относящихся» (АКАК, III. С. 214).

Заселение триалетских осетин отмечается с 40—50-х гг. XIX в. По сведениям Г. Чочишвили, к 80-м гг. их количество достигло 200 дворов, переселенных, по его мнению, из Рока. Описывая территорию их проживания, он отмечает, что она является лесистой, «пахотной земли не хватает, и рубкой леса частично восполняют такую нехватку; частые грады уничтожают посевы, и это вызывает у них разочарованье в земледелии. Помимо этого, и скотоводство развито слабо, в результате чего они живут очень бедно» («Дроеба», 1884, № 63).

Чтобы как-то облегчить свое материальное положение, осетины часто отправлялись на сезонные работы в села Картли, особенно во время жатвы. Отправка на заработки в город — сравнительно более позднее явление. Получаемые деньгами или натурой средства более или менее улучшали их материальное положение.

Помимо тех многочисленных политических или социальных препятствий, которые существовали на путях торговых и экономических взаимоотношений между осетинами и грузинами, появилось новое препятствие, заключающееся в том, что российская власть заставляла осетин платить пошлины, которые раньше не существовали. Это ухудшало и без того тяжелое экономическое положение осетин. В этой связи ахалгорцами в адрес Ермолова была направлена жалоба, где говорилось, что «с тех пор, как грузинскими царями

была установлена пошлина, ни с нас, ни с ксанских, ни с арагвских крестьян до сих пор не брали пошлину ни на свои вещи, ни на вещи, ввозимые из-за границы. Сегодня с нас, с бедных горцев, которые и так бедствуют, берут пошлины. Просим оказать содействие, чтобы освободили нас от такой тяжести» (Институт рукописей. Ф. Hd № 10832).

Развитие капитализма в России оказывало большое влияние на развитие хозяйств Грузии и Закавказья и через них, определенным образом, влияло и на Осетию. Тем не менее хозяйство осетин, несмотря на то, что к концу рассматриваемого периода отдельные элементы товарно-денежных отношений прижились в нем, по-прежнему оставалось натуральным.

§ 3. Культурные взаимоотношения

Осетинский народ на протяжении всей своей истории находился в тесных культурных взаимоотношениях с соседним братским грузинским народом. Грузинская культура в течение веков оказывала благотворное влияние на горские народы Кавказа, в частности на осетинский народ. Такое влияние выражалось в распространении грузинского языка и письменности, христианской религии среди горцев, чему способствовала схожесть быта и обычаев этих народов.

В распространении христианской религии в Осетии, в работе духовной комиссии Осетии XVIII в. особенно большую роль сыграли духовные круги Грузии. Распространение христианства (несмотря на характерную для всех религий реакционность) среди горцев Кавказа имело положительное значение в том отношении, что оно способствовало распространению письменности и, в определенной степени, начал церковного зодчества. Терминология, связанная с христианской религией, широко распространилась среди горцев, особенно среди осетин (Миллер, 1887. С. 14; Абаев, 1949. С. 87; Тогошвили, 1958).

Влияние грузинской культуры и языка на осетин отражалось в проникновении грузинской лексики, слов негрузинского происхождения в лексику осетинского языка. В подтверждение этого положения известными учеными, выдающимися исследователями осетинского языка проф. В. Абаевым и акад. Г. Ахвледиани выявлены многочисленные факты (Абаев, 1949. С. 86—87 и сл.; Ахвледиани, 1960. С. 142—143). Этими же исследователями подтверждены многочисленные примеры влияния осетинского языка на грузинский язык.

Помимо лексического взаимопроникновения и взаимовлияния, весьма значительна близость фонетического и грамматического строя грузинского и осетинского языков. Фонетическая близость, общность грамматических форм и семантики большого количества фразеологизмов этих языков настолько характерны и ощутимы, что

акад. Г. Ахвледиани приходит к следующему заключению: «Сложность осетино-грузинских языковых связей заключается именно в том, что мы здесь имеем продолжительное обоюдное влияние, выходящее за пределы обычного влияния». По его мнению, взаимоотношения этих языков можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием (Ахвледиани, 1960. С. 170).

Постоянные контакты осетин с грузинами (усилившиеся после присоединения Грузии к России), частые передвижения и пребывание осетин среди грузин в различных районах Грузии по политическим и экономическим соображениям способствовали широкому распространению грузинского языка среди осетин. Разумеется, осетины, проживающие в соседстве с грузинами, и особенно те, которые жили смешанно с грузинами (а таких сел в Южной Осетии в XIX в. было большое количество), хорошо владели грузинским языком, ибо им приходилось каждодневно и постоянно общаться с грузинами. Среди населения отдаленных горных районов Южной Осетии знание грузинского языка было распространено слабее. Исключение составляли те лица, которым приходилось общаться с грузинским населением в низменных районах в процессе взаимных контактов при удовлетворении своих экономических потребностей.

Что касается Северной Осетии, то там знание грузинского языка было распространено еще слабее. Тем не менее и здесь в достаточном количестве были знатоки грузинского языка, притом не только разговорной речи, но и письменности. Это объясняется тем, что верхние социальные слои тагаурских, алагирских, куртатинских или дигорских осетин находились в регулярных взаимоотношениях с отдельными, преимущественно с сопредельными, районами Грузии.

Большую роль в распространении грузинского языка и письменности сыграла Осетинская духовная комиссия (работала в 1745—1792 гг. в Осетии и среди других народов Северного Кавказа). Состав комиссии долгое время был грузинским, и грузинские миссионеры обучали осетинских детей грузинской и осетинской грамоте. В результате с самого начала XIX в. в Северной Осетии встречались отдельные представители, которые владели грузинским языком и которые в отдельных случаях, начиная с 80-х годов XVIII в., в отношениях с Россией и другой деловой переписке пользовались грузинской письменностью. Воспитанные миссионерами ученики в ряде местностей работали священниками и дьяконами.

В начале XIX в. в Южной Осетии уже встречаются отдельные личности, которые еще в конце XVIII в. получили образование в Грузии, занимались перепиской книг и становились деятелями грузинской культуры. Одним из таких являлся так называемый «оста мкопели» (бывший осетин) Георгий Джаттишвили. Он после упразднения Имеретинского царства сопроводил царицу Анну в Петер-

бург, где продолжал заниматься перепиской книг. В Институте рукописей хранится переписанная им категория завещания Аристотеля, где он пишет: «Книга эта – категория была переписана оста мкопели Джаттишвили по велению Ее Высочества имеретинской царицы Анны в престольном городе Санкт-Петербург 5 мая 1814 г.» (Институт рукописей. Ф. Н № 2365). Им же в Петербурге переписаны и другие книги (там же, ф. А № 328).

В конце XVIII в. «бывший осетин» Неофит получил грузинское воспитание и образование. Неофит был известен «летописанием, чтением церковных писем, знатным писателем и монашеством известный. Он получил от католикоса Антонио II архимандритство и после этого служит и живет при нем неразлучно» (Батонишвили, 1948. С. 194).

Упомянутый Иоаном Батонишвили Неофит был хорошо образованным для своего времени человеком. Он развернул энергичную деятельность на поприще грузинской культуры так же, как и до него Партен и Гамалиил.

Для показа грузино-осетинских культурных связей большое значение имеет деятельность Иоанна Ялгузидзе. Он был одним из наиболее замечательных деятелей осетинской культуры первой половины XIX в., оставившим глубокий след в культурном продвижении осетин, олицетворявшим культурные взаимоотношения грузинского и осетинского народов.

Об Иоанне Ялгузидзе существует большая литература (Ахвледиани, 1960. С. 80–90, 91–106; Ахвледиани, 1928, № 2; Бигулаев, 1925. С. 25–29; Шанидзе, 1964, № 1; Саришвили, 1965. С. 19–21; Гугкаев, 1955 и др.).

Согласно его автобиографии, Иоанн Ялгузидзе родился в селе Залда (Южная Осетия) в 1775 г. и принадлежал к роду Габараевых. По велению царя Ираклия II грузинской грамоте он учился у архимандрита монастыря Иоанна Крестителя. Затем, опять по распоряжению Ираклия, его определяют к Иоанну Карумидзе, настоятелю монастыря Давида Гареджа, для изучения словесности. Здесь Ялгузидзе изучает грамматику, риторику, физику, категорию, метафизику, литературу (Гугкаев, 1955. С. 282).

Еще в раннем возрасте Ялгузидзе начал переписывать грузинские рукописные книги. В 1794 г. он переписал «Категорию познания» (ГЦИА. Ф. 1446 № 205), в 1796 г. – «Метафизику и логику» (Институт рукописей. Ф. S № 280), в 1797 г. – «Физику Баумейстера» (там же, ф. Q № 97). Перепиской грузинских рукописных книг он занимался и в последующем, при исполнении служебных обязанностей.

В 1807 г. он переписал «Ситквис кона» («Словарь») выдающегося грузинского лексикографа Сулхана-Саба Орбелиани. В конце рукописной книги читаем: «Иоанном Ялгузидзе переписка этой книги, представляющей собой словарь, закончена 7 апреля 1807 г.»

(там же. Ф. H № 202, л. 196). На другой странице читаем, что «с тех пор, как познакомился с этим словарем, подробнее и лучше которого нет в Грузии, начал переписывать его с большим удовольствием и прилежанием. Читатель, прошу за скромный труд вспомнить меня с любовью и молитвой, а за возможные погрешности так же с любовью простить» (там же. Ф.Н, № 202, л. 198).

Приведенная приписка говорит о том, что Ялгузидзе добросовестно относился к своей деятельности и был очень требовательным к себе при переписке книг. Таким же скромным и ответственным Ялгузидзе оставался и тогда, когда был уже зрелым и опытным деятелем. В заключении философского сборника, переписанного в 1827 г. (в него вошли «Еквста дгесатвис» («Шестидневник») Василия Кападукиела, «Дабадебисатвис кациса» («К рождению человека») Григория Носела и его же «Пасухи еквста дгесатвис» («Ответ шестидневнику»), он обращается к своим добрым и отзывчивым читателям с тем, чтобы в случае обнаружения неточностей и недостатков они обиду не держали на него, а с любовью вспоминали его для дальнейшей работы (Институт рукописей. Ф.Н, № 204, л. 127).

Кроме упомянутых книг Ялгузидзе переписал: «Историю Баграта Батонишвили» – в 1814 г. (там же. № 1130), «Сибрдзне Сицруиса» Сулхана-Саба Орбелиани – в 1815 г. (там же. Ф. S, № 2522). Несколько раз (в 1823, 1824, 1828 гг.) «Сарке Ткмулта» Теймураза II (там же. Ф. H, № 207, 2137 л. S № 5155), его же «Политический театр» – в 1828, 1829 гг. (там же. Ф. S., № 365 л. Q,№ 274). По сведениям Г. Ахвледиани, Ялгузидзе переписал также: «Разрушение Троады», «Дарвишиани», «Мириани» («Фидиуаг», 1928, № 2. С. 97). Переписанный рукой Ялгузидзе «Витязь в тигровой шкуре» хранится среди грузинских рукописей Парижской национальной библиотеки (Гугкаев, 1955. С. 245).

Разумеется, перечень книг, переписанных Ялгузидзе, не является полным. Но из приведенного перечня видно, что он являлся прекрасным переписчиком и выполнял заказы. Отсюда следует, что в свое время Иван Ялгузидзе в области грузинской культуры занимался полезной творческой деятельностью.

Иоанн Ялгузидзе был воспитателем Григола, сына Иоанна Багратиони. В рукописном фолианте Григола было обнаружено два стихотворения И. Ялгузидзе, посвященных Кетеван, супруге Иоанна. Первое стихотворение состоит из пяти нерифмованных строф, каждая из которых состоит из пяти двенадцатислоговых строчек. Начальные буквы сверху вниз образуют фразу: «Посвящается невесте царя – Кетеван».

Второе является ямбическим стихотворением и посвящено Рождеству. Состоит из пяти двенадцатислоговых строчек и посвящено Кетеван, чей день рождения совпал с днем «рождения Христа» (Гугкаев, 1955. С. 247).

Из оригинальных поэтических произведений И. Ялгузидзе наиболее значительным является его поэма «Алгузиани», выполненная на грузинском языке и посвященная походам и деяниям легендарного осетинского царя — Алгуза.

Царством Алгуза, согласно автору, является весь Северный Кавказ. Представляя деятельность Алгуза в фантастических масштабах, идеализируя своего героя и вообще прошлое осетин, автор стремился к пробуждению патриотических чувств осетинского народа. Его герой — Алгуз — говорит:

«Коль спрашиваешь, отвечу — Я есть царь Амосарии,
Владетель земель огромных, отпрыск царя Давида,
Царь великий Алгузон, владыка Миланкарии,
Господин Великой Осетии, черкесов, чечнев, двора Нонов.»

(Джанашвили, 1897. С. 184).

Не будем заниматься пересказом содержания поэмы и ее разбором. На сей раз мы только ограничимся констатацией того факта, что осетин по национальности, но воспитанный на грузинском языке, на этом же языке создал поэтические произведения, в которых отразил осетинский характер, образы быта и обычаев осетинского народа. Поэма многократно была издана (Гамрекели, 1885).*

Особенно большое значение для развития осетинской культуры деятельность Ялгузидзе приобретает с того времени, когда он начал работать переводчиком в Осетинской духовной комиссии. Комиссия была восстановлена в 1815 г., и с тех пор он работал переводчиком при ней.

Свои обязанности он выполнял хорошо, за что по представлению экзарха Феофилакта получил чин губернского секретаря (3 сентября 1821 г.). В феврале 1820 г. Ялгузидзе был назначен в Тифлисскую духовную семинарию учителем осетинского и грузинского языков для тех учащихся, которых предполагали после окончания курса отправить в Осетию. В приказе правления семинарии в связи с этим назначением было отмечено, что «так как Иван Ялгузидзе основательно владеет родным и грузинским языками, то с принятием осетинских детей определить его учителем осетинского и грузинского языков» (Гугкаев, 1955. С. 284). Сам Ялгузидзе в своей автобиографии отмечает, что его определили учителем осетинского и грузинского языков и воспитателем осетинских детей (там же. С. 323).

---

* Поэму впервые издал Ник. Гамрекели в 1885 г.; в 1897 г. поэму с параллельным русским текстом издал М. Джанашвили в 22-м выпуске СМОМПК; в 1922 г. Гаппо Баев в Берлине на русском языке отдельной книгой издал «Алгузиани»; в 1945 г. Ханикаев перевел на осетинский язык отрывки из «Алгузиани», и с тех пор она входит в учебные программы осетинских школ и высших учебных заведений; в 1962 г. поэму полностью перевел на осетинский язык и издал отдельной книгой в Цхинвале поэт Г. Бестаути. — Г.Т.

Работая в семинарии, Ялгузидзе, по всей вероятности, пришел к выводу о необходимости осетинской письменности. Поэтому он сразу же начал работать над созданием осетинской азбуки. Правда, в 1798 г. на базе русской церковной письменности Моздокским епископом Гайозом (бывшим ректором Телавской семинарии) с помощью осетинского священника Павла Генцаурова была издана осетинская азбука и первоначальная книга для чтения. Однако из-за несовершенства книга не была распространена.

Ялгузидзе мечтал о создании осетинского букваря и, как только возникли благоприятные условия, мечта была осуществлена. В мае 1820 г. Ялгузидзе докладывал экзарху Грузии, что давно хотел перевести для своих соотечественников учебные и духовные (церковные) книги, но некому было поддержать и подбодрить его, да и нужных средств не было. «По Вашему заданию, – продолжал Ялгузидзе, – перевел утреню и вечерню, краткий катехизис, христианское нравоучение, которые были напечатаны на грузинском языке, а также на осетинском языке на основе грузинской церковной азбуки. Потом, по вашему указанию, перевел божественную литургию».

В конце он сообщал экзарху, что составил осетинский букварь, который состоит из 37 знаков (литер). Из них 30 знаков – грузинские, пять – вновь созданы, а два – привнесены из русской азбуки. Ялгузидзе просил, чтобы напечатали эту азбуку, дабы осетинская молодежь имела возможность учиться на родном языке (История, 1960. С. 553).

Он составил два варианта осетинской азбуки. Один – на основе «хуцурской» письменности, другой – «мхедрульской». На основе первой были переведены церковные книги, а на основе второй – светские книги.

В отличие от букваря Гайоза в букваре Ялгузидзе не было ни диакритических знаков, ни составных букв. В нем все звуки были выражены одним знаком.

В 1821 году Ялгузидзе, на основе созданного им шрифта, издал осетинскую азбуку на хуцурской основе, целью которой являлось предоставление осетинской молодежи возможности обучаться грамоте на родном языке (Гугкаев,1955. С. 301–303). Это была единственная печатная учебная книга, широко распространенная в Осетии. На основе этой книги священники и церковнослужители обучали осетинских детей грамоте в первой половине XIX в. Есть сведения, что в 1826–1827 гг. в Бекмаре благочинный Афанасий Мачавариани, в Джаве – Церцвадзе (церковнослужитель), в Кешельте – дьякон Иосиф Ялгузидзе, священники Давид Окропиридзе (в Магран-Двалети), Захария Дзлиеришвили (в Джаве), Иоаким Кочерашвили (в Ванати) и др. обучали грамоте осетинских детей на осетинском языке на основе букваря Ялгузидзе (История Осетии, 1960. С. 556, 558, 559, 560, 578).

К обучению грамоте большой интерес проявляли и в обществах Северной Осетии. Из доклада деканоза Самарганова явствует, что под присмотром и руководством священников в приходах Унала и Даргавса детей обучали грамоте (там же. С. 557). Обучали учащихся и в Дигории, Джинате, Санибе и других местах (Гугкаев, 1955. С. 305).

И. Ялгузидзе оказывал большую помощь детям своих соотечественников в поступлении в учебные заведения. Помогал им в составлении заявлений в соответствующие инстанции, поддерживал в стремлении к получению образования. На основе заявлений, составленных от имени жителей Нара, Нузала, Залда, в Тифлисскую духовную семинарию были приняты сыновья Тага Губаева, Якоба Балаева, Чермена Аликова, Давида Ялгузидзе-Габарашвили. Многие семинаристы даже проживали у него (там же. С. 306). После окончания учебы их направляли в осетинские села священнослужителями.

Уже отмечалось, что Ялгузидзе перевел с грузинского на осетинский язык множество официальных документов (обращения, положения о судах и др.). Однако более значительными являются переводы книг духовного содержания. О переводе некоторых таких книг мы уже упоминали выше. Они были напечатаны в 1819, 1820, 1821 гг. В 1823 г. он закончил перевод Евангелия и попросил экзарха Иона, чтобы он помог ему проверить правильность перевода с привлечением осетин, хорошо знающих осетинский и грузинский языки. Экзарху понравилось такое предложение, и он обязал Шалву Эристави, чтобы тот пригласил двух хорошо знающих грузинский язык осетин-христиан и вместе с ними выслушать текст Евангелия (История, 1960. С. 574). Ш. Эристави вместе с Г. Бибиловым сопроводили Ялгузидзе к осетинам, проживавшим у истоков Малой Лиахвы. Там в селах Зонкари, Лековани, Ципори правильность перевода текста проверяли следующим образом: Г. Бибилов читал грузинский текст, сам Ялгузидзе – осетинский, а Шалва Эристави сопоставлял их с русским текстом Евангелия. После проверки перевод Евангелия экзархом был отправлен в Святейший синод. Там решили напечатать Евангелие в Москве тиражом в две тысячи экземпляров, но по каким-то причинам перевод не стали печатать.

Рукопись Евангелия хранится в библиотеке Института востоковедения союзной Академии Наук. Предисловие этого перевода говорит о большом патриотизме автора, о его бескорыстной преданности своему народу, непрестанной заботе в деле просвещения осетинского народа. В предисловии он писал, что ему было трудно наблюдать своих соотечественников бесписьменными среди других народов. «Этим высоким благом вы были обделены, и поэтому старался создать для вас книгу на осетинском языке. И вот создал такую книгу, которая по-грузински называется «Сахареба» («Евангелие»). Три года денно и нощно работал над этой книгой, и на это

шел для того, чтобы вы не остались бескнижными, бесписьменными. Отныне же прошу, чтобы вы и ваши дети в будущем все больше и больше просвещались умственно».

Переводы Ялгузидзе по всей Осетии – и в Северной, и в Южной – нашли широкое распространение.

Помимо всего прочего, Ялгузидзе большую роль сыграл в упрочении политической ориентации осетинского народа. По поручению военных и гражданских властей он часто выступал переводчиком между властью и осетинскими обществами, был во многих районах Южной Осетии с чрезвычайными поручениями, а также в Наре, Мамисоне, Закке, Зарамаге. Он переводил призывы российских властей, работал переводчиком и выполнял чрезвычайные задания. Чтобы иметь более полное представление о подобной деятельности Ялгузидзе, приведем некоторые сведения, где говорится именно об этом. 5 марта 1802 г. начальник действующего в Южной Осетии карательного отряда подполковник Симонович докладывал генералу Кнорингу, что дворянин Иоане Ялгузидзе, «будучи родом осетинец и кроткого нрава, посылаем был мною неоднократно с желаемым успехом, с увещаниями к неблагонамеренным, особливо же к мятежникам Кешельты, и переводил решения судов и присяги с грузинского на осетинский диалект, чего осетинцы перед сим не слыхали, почему может он и впредь быть употребляем при них в пользу службы Е. И. В.» (АКАК, I. С. 584).

По этому же факту Кноринг в докладе его превосходительству писал, что Ялгузидзе «переводил решения временных судов и присяги с грузинского на осетинский диалект, для чего заимствовал литеры грузинские, чего еще не бывало, поелику осетинцы знаков для изображения слов своего не имеют» (там же. С. 587). 19 мая 1802 г. Симонович в докладе к Кнорингу писал, что «дворянин Иоанн Ялгузидзе вместе со штабс-капитаном Осиповым были посланы к осетинам Большой Лиахвы и Пацы, а также в Нарский уезд (приход. – ***Ред.***) для приведения осетин к присяге. Из этих мест, а также из Заха-Зарамага получил письма, в которых население высказывает свою преданность к правительству» (там же. С. 587).

Коваленский 26 августа 1802 г. докладывал Кнорингу, что Ялгузидзе рассказал ему об убедительной просьбе нарских и захских осетин о том, чтобы к ним прислали моздокского священника для проповеди христианства, ибо тамошний священник и раньше работал среди них и снискал уважение народа. Коваленский, исходя из возможностей и авторитета Ялгузидзе, ставит вопрос: «Не благоугодно ли будет позволить при учреждении нового у сих народов правительства определить к ним в число судей сего дворянина, который по отличной его способности и быв сам из осетинцев с пользою мог бы быть употреблен и для содействия к обращению их в хрис-

тианство; но для одобрения его нужно положить ему какое-либо жалованье» (там же. С. 589).

Симонович в своем докладе к Лазаревичу от 2 августа 1802 г. подчеркивал, что если будет решено назначение русского офицера управляющим осетин, то таковым пригодится сотник Боков «и при нем вышеупомянутого дворянина Ялгузидзе, к которому народ тот вообще, по кроткому нраву и честности, а равно и по совершенному знанию их языка, имеет большую доверенность» (там же. С. 499).

Коваленский 8 августа 1803 г. сообщал Цицианову, что к нему пришли дворянин Ялгузидзе и Иосиф Калатозов, в сопровождении переводчика А. Мамиева и четырех осетин, для получения положительного решения вопроса про осетин. Из выписки канцелярии управляющего Грузией явствует, что осетины, обратившиеся по совету Ялгузидзе, были отправлены в свою страну, и по их просьбе управляющий «определил к ним для наблюдения порядка и в защиту их от обид и притеснений означенного Ялгузидзе, придав в помощь ему дворянина же Калатозова» (АКАК, II. С. 549—550). Там же отмечается, что Ялгузидзе был назначен судьей, но назначенное годовое жалованье в 250 рублей он еще не получил (там же. С. 550).

Таким образом, Ялгузидзе предстает перед нами самым значительным деятелем культуры Осетии в первой трети XIX в. Воспитанный на традициях грузинской культуры, он внес большой вклад в развитие осетинской письменности, создание печатной литературы, распространение грамотности и, тем самым, в увеличение числа грамотных среди осетин.

Ялгузидзе был настоящим воплощением культурных взаимоотношений между осетинским и грузинским народами, что подтверждается созданием оригинальных произведений на грузинском языке, переводами книг с грузинского на осетинский язык, его кропотливым трудом в качестве переписчика. Он теснейшим образом был связан с родным народом всей своей жизнью и творчеством, которые посвятил интересам образования осетинского народа. Этим и объясняется его большой авторитет в Осетии, который российская администрация успешно использовала для урегулирования взаимоотношений с осетинами. Он мужественно защищал свой народ от гнета со стороны помещиков и отдельных российских чиновников.

Созданный Ялгузидзе осетинский букварь, правда, окончательно не внедрился в жизнь Осетии, но это был результат царской колониальной политики, который никак не умаляет культурно-исторического значения творчества И. Ялгузидзе. Как бы ни сложилась судьба его осетинского букваря, но именно с его букваря, его оригинальных, да и переведенных, произведений начинается действительная история осетинской письменности.

Труды Ялгузидзе в последующем успешно были применены при составлении научной грамматики осетинского языка. Академик Шег-

рен высоко ценил Ялгузидзе. Он называл его «хорошим, знающим, умным осетином» (Шегрен, 1844. С. 17–27). Акад. Г. Ахвледиани писал, что тексты Ялгузидзе имеют большое значение для истории осетинского языка (Ахвледиани, 1960. С. 5.).

В 1815 г. была восстановлена Осетинская духовная комиссия. Главой комиссии был назначен архиепископ Доситеос Пицхелаури. На комиссию возложили все функции Осетинской духовной комиссии XVIII в. Увеличились штат и бюджет комиссии.

Доситеос с большой активностью принялся за дело. При нем крещенье приняли 12 507 человек. Этим он настроил против себя ксанских эриставов и светскую власть. Дело в том, что с целью облегчения христианизации осетин им обещали освобождение от помещиков и зачисление в ранг казенных крестьян (История Осетии, 1960. С. 10, 637). Такая идея пользовалась большой популярностью среди осетин.

Местные помещики и власть восстали против такой деятельности Доситеоса. Власть требовала, чтобы он не вмешивался в гражданские дела. Дело кончилось тем, что его освободили (от обязанностей), а комиссию подчинили экзарху Феофилакту.

Феофилакт для христианизации осетинских горцев прибегал к помощи деканозов – Николая Самарганова, Иосифа Елиозидзе, Петра Авалиани, Бесариона Илуридзе, Афанасия Мачавариани, Георгия Амиридзе, Закария Мамацева, Якоба Ломоури, Александра (Антона, впоследствии архимандрита пустыни Давида Гареджи), а также священников – Габриела Садзаглишвили и Якоба Замтараули (там же. С. 570–571). Их помощь в деле христианизации осетин отмечена соответствующими наградами. Содействие им со стороны светских лиц было возложено на грузинских князей, осетинских дворян и старшин. Грузинских князей награждали чинами и подарками, а осетинских дворян и старшин – золотыми и серебряными медалями (осетинские «старшины» и «дворяне» являются терминами официального учета) (там же. С. 571).

Наиболее положительным результатом деятельности Осетинской комиссии является то, что она способствовала широкому распространению грамоты через открытие приходских школ, которыми руководили наиболее образованные священники, дьяконы и церковнослужители.

Начиная с 20-х годов XIX в. в источниках часто встречаются сведения о том, что священники осетинских приходов обучали детей грамоте на осетинском, грузинском и, редко, русском языках, по внутренним правилам. Также есть сведения об обучении осетинской молодежи в Горийском и Тифлисском духовных училищах и семинариях, в других учебных заведениях (там же. С. 579–580).

К 1846 г. в Тифлисской духовной семинарии учились пять осетин. Правление семинарии обратилось к экзарху с просьбой выде-

лить средства для содержания этих учащихся, а именно — Бартломе Туганова, Георгия Кантемирова, Петра Джикашвили, Николая Кундухова и Василия Цораева. Этот последний к тому времени уже учился в Московской духовной академии, но ему руководство семинарии все равно возместило дорожные и экипировочные расходы (там же. С. 592). В 1848 г. в Тифлисской духовной семинарии вновь значатся пять учащихся осетин, двое из которых являются новенькими (там же. С. 595).

В 1847 г. канцелярия Осетинской комиссии передает в канцелярию экзарха справку об осетинских школах (духовно-приходских). Эти школы располагались при следующих церквах и приходах: 1) Ардонская церковь Святого Георгия — 23 ученика; 2) Коба-Каккадурский приход — 4 ученика; 3) Цинсоплисская церковь Св. Георгия — 6 учеников; 4) Нарская церковь Св. Георгия — 4 ученика; 5) Джавская церковь Богоматери — 12 учеников; 6) Хачираанткарская церковь Св.Георгия — 10 учеников (там же. С. 592—593).

К середине XIX в. в Осетии священниками, церковнослужителями, дьяконами назначались осетины, выпускники училищ и семинарий. Те, которые заканчивали Тифлисскую духовную семинарию, направлялись священниками в многолюдные приходы (там же. С. 599—600).

К этому времени в Горийском и Тбилисском духовных училищах контингент учащихся осетин вырос. В 1852 г. на первый курс были зачислены (наполовину за счет духовной комиссии) сыновья Беба Чараджон-Цахилидзе — Парсадан и Тома из села Маралета (там же. С. 602). С подобной же просьбой обратился к экзарху Габриел Шавлохов из Згубира, чтобы его сыновей, Григола и Николая, приняли в Тифлисское духовное училище. При этом отмечалось, что грузинской и русской грамоте они научились в Роке (там же. С. 611).

В 50-х и в начале 60-х годов в Осетии, помимо непосредственной духовной деятельности, осетинских детей обучали грамоте на грузинском, русском и осетинском языках следующие представители Грузии: Якоб Картвелишвили, Захария Гвимрадзе, Габичвадзе, Дмитрий Наскидашвили, Андрия Апциаури, Иона Мревлов (Мревлишвили), Лашаури, Григол Церетели, Давид Бочоров, Канделаки (там же. С. 597, 603, 610, 622, 624).

В Джаве в 60-х годах учительствовал В. Цабадзе. Когда был поставлен вопрос о его снятии и передаче дела обучения детей вновь священству, джавские осетины возбудили жалобу и потребовали, чтобы его оставили учителем, так как передача дела обучения детей в руки священства бесполезна (там же. С. 621).

В 50-х годах в разных местах Осетии учительствовал и обучал детей грузинской грамоте казенный крестьянин Тома Чочишвили. В школе Ортева, открытой в 1859 г., он обучал 20 учащихся (там же. С. 601, 615, 617).

Однако несмотря на то, что осетины проявляли большой интерес к образованию, состав учащихся в осетинских школах было немногочисленным. Это объясняется целым рядом обстоятельств, о которых 12 ноября 1864 г. коллежский асессор, известный грузинский историк и общественный деятель Д. Бакрадзе писал в своих замечаниях. Характеризуя школы Южной Осетии, он отмечал, что Южная Осетия делится на два благочинства: Джавское и Ортевское. В Джавском благочинстве числилось 77 учащихся (84 вместе с покинувшими школу), в Ортевском — 30 (44 вместе с покинувшими школу). В приходах количество сел колебалось от 5 до 17, которые от центра прихода были удалены на расстояние 2—25 верст. Учащиеся не могли посещать школу из-за отдаленности, и поэтому основной контингент набирался из тех сел, в которых была школа. Школы находились в неудобных местах, в неподходящих помещениях, без всякого инвентаря. С наступлением сезонных работ родители уводили своих детей из школы. Бакрадзе критиковал методы обучения, основывавшиеся преимущественно на механическом и устном запоминании молитв; не обращалось внимание на умственное развитие детей; учителя-священники были неподготовлены и непригодны для целей обучения детей. Наиболее надежным и знающим он считал благочинного Джавы — Канчуева, священников сел Мсхлеби (Магалдадзе), Рока (Касрадзе), Бекмара (Мачавариани), Едис (Елиава). Им подчеркивались тяжелые условия жизни в Осетии, где родителям было очень трудно содержать детей (там же. С. 630—633). В другой работе он ставил вопрос о трудовом воспитании детей в осетинских школах. Для этого, считал он, каждая школа должна иметь огород для обучения детей овощеводству. Бакрадзе отобрал пять учеников для поступления в Тифлисское духовное училище (там же. С. 634—635).

Большой вклад в дело развития образования осетинского народа принадлежит надзирателю Владикавказского осетинского духовного училища, прекрасному знатоку грузинского, русского и осетинского языков Шио Давиташвили. Он со дня основания данного училища в 1836 г., когда в нем изначально из 34 учащихся 33 были осетины, преподавал осетинский язык. Нами было отмечено, что осетинская письменность с 20-х гг. XIX в. создавалась на основе грузинской графики. Поэтому и в самих церковно-приходских школах вместе с осетинским изучался и грузинский язык. В соответствии с национальной политикой Шио Давиташвили, надзирателю Владикавказского духовного училища, в 1836 г. было дано распоряжение: «Обучение детей горцев грузинским буквам, как вовсе ненужное, совершенно отменить». Он, как хорошо знающий осетинский язык, получил задание, чтобы при повторном переводе осетинских учебников применялась осетинская азбука, составленная Шегреном на основе русской графики (История, 1959. С. 177—

Даниел Чонкадзе

178). Действительно, Давиташвили перевел множество духовных книг и учебников на осетинский язык. В 40—50-х гг. XIX в. он вел благотворную просветительско-педагогическую работу на Северном Кавказе (Саришвили, 1965. С. 21).

Шио Давиташвили, хорошо владеющий осетинским языком, вместе с бывшим инспектором Владикавказского духовного училища Мчедловым, ставшим в последующем надзирателем училища, и офицером Петром Жускаевым оказали большую помощь Шегрену в составлении сперва осетинской грамматики, а потом осетинского букваря (там же. С. 179).

Выпускники Владикавказского духовного училища направлялись в другие города для продолжения учебы. В 1848 г. инспектор училища, священник Колиев, первым (в 1845 г.) окончивший Тифлисскую духовную семинарию, представил начальнику Владикавказского военного округа список из семи учащихся для их отправки в высшее духовное училище. Из них одного, Жускаева, отправили в Тифлисскую духовную семинарию. После окончания они возвратились на родину и работали частично в духовных ведомствах, частично в духовных училищах.

В первой половине XIX в. культурное влияние Грузии на Осетию по-прежнему оставалось высоким. Не случайно, что осетины, получившие образование в Тифлисе, сыграли большую роль в развитии культуры своего народа. Например, деятельность священника Алексея Колиева (1823—1866 гг.) в Осетии в 50—60-х годах была исключительно важной. После окончания Тифлисской духовной семинарии (первым среди других) он был назначен инспектором Владикавказского духовного училища и учителем четвертого класса, а в последующем стал надзирателем этого училища. Колиев первым заложил основу женского образования в Осетии (там же. С. 182). В 1862 г. в основанной им женской частной школе учились 20 девочек, а в 1863 г. — уже 23. На базе этой школы в 1865 г. образовалось женское двухклассное училище с пансионом (там же. С. 123). Помимо этого, Колиев занимался переводом на осетинский язык книг духовного содержания.

Коста Хетагуров высоко ценил культурно-просветительскую деятельность А. Колиева. Он его называл самым блистательным представителем осетинской интеллигенции «первого призыва». Его школой (женской, по выражению Коста) было воспитано много прекрасных тружениц — матерей и народных учительниц.

Примечательна деятельность и Василия Цораева (1827—1884 гг.). Он окончил Тифлисскую духовную семинарию и поступил в Московскую духовную академию. После ее окончания он учительствовал во Владикавказском духовном училище, потом в Тифлисской духовной семинарии. В конце 50-х и начале 60-х гг. Цораев перевел на осетинский язык книги духовного содержания. Его главной заслугой является то, что вместе с Даниелом Чонкадзе он записал образцы народного творчества, которые впоследствии, в 1868 г., были опубликованы в Петербурге Шифнером под заглавием: «Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым».

Нельзя не отметить деятельность Даниела Чонкадзе, известного грузинского писателя XIX в., на поприще осетинской культуры. Семья Чонкадзе переселилась в Северную Осетию, где Даниел в совершенстве изучил осетинский язык. Окончив в 1851 г. курс Тифлисской духовной семинарии, он начал работать учителем осетинского языка в Ставропольской семинарии. В 1855 г. вернулся в Тифлис, где в духовной семинарии преподавал осетинский язык. Помимо этого, он занимался переводами, перевел несколько религиозных книг с грузинского на осетинский язык.

По заданию императорской Академии наук Чонкадзе приступил к сбору материалов для создания русско-осетинского словаря, закончить который он не успел. Ему же принадлежит большая заслуга в сборе образцов осетинской устной народной словесности. Собранные им вместе с Цораевым материалы, как мы уже отметили, были изданы Шифнером в Петербурге в 1868 г.

В 1860 г. архимандрит Иосиф писал командующему войсками левого крыла Кавказа, что им на основе грамматики Шегрена составлен осетинский букварь и что среди осетин есть «довольно хорошо образованные личности, владеющие осетинским и русским языками, и посему могут помочь соотечественникам в деле национального образования. К ним относятся священники Колиев и Сухиев, дьякон Аладжиков, учителя Жускаев, Караев, Кантемиров, секретарь грузино-имеретинской синодальной конторы Мчедлов (Мчедлишвили), учитель Тифлисской духовной семинарии Чонкадзе и др. Из них некоторые и в настоящее время занимаются переводом церковных книг на осетинский язык» (История, 1960. С. 617—618).

Вышеизложенное дает нам полное основание и право заключить, что в первой половине XIX в. грузинская культура и письменность вновь оказывают благотворное влияние на развитие осетинской культуры и письменности. В грузинских культурных центрах получали образование, воспитывались и закалялись кадры осетинской интеллигенции, которые фактически заложили фундамент осетинской книжной культуры, осетинской литературы и общественного сознания.

ГЛАВА II

Грузино-осетинские взаимоотношения в пореформенный период XIX века (1864–1900 гг.)

§ 1. Экономические взаимоотношения

Вторая половина XIX в. – период после крестьянской реформы, с точки зрения экономических взаимоотношений грузинского и осетинского народов, заслуживает многостороннего и особого внимания. Это был период развития капиталистических отношений в Грузии, в которые была вовлечена и Южная Осетия, чья экономическая жизнь теснейшим образом была переплетена с экономической жизнью грузинского народа. В пореформенный период экономически развивается и Северная Осетия, но она попадает под преимущественное экономическое влияние российских торгово-промышленных центров Северного Кавказа. Разумеется, экономические отношения Северной Осетии продолжались и с Грузией, с ее различными районами. Кроме того, в пореформенный период широкое расселение осетин на территории Грузии (особенно в ее восточной части) превратило их экономическую жизнь в составную органическую часть экономики Грузии.

Население горных районов Южной Осетии через соответствующие дороги-тропинки, идущие вдоль ущелий рек, связывались с селами и торгово-промышленными пунктами, расположенными на Картлийской низменности и в Имеретии. Таким же образом все общины Северной Осетии, включая население Наро-Мамисонского бассейна, через целые системы перевальных дорог связывались с равнинной Грузией, с ее торгово-экономическими центрами.

В рассматриваемый период экономические отношения южных осетин с грузинским народом носят, как и прежде, характер взаимоотношений составных частей одного экономического целого. Для населения горных районов Южной Осетии такого рода взаимоотношения представляют собой типичную картину экономических связей низинных районов с горными районами. Такого же характера были эти отношения и для горных районов Северной Осетии. Правда, переселение северных осетин на равнины Северного Кавказа, возникновение там торгово-промышленных центров повлекло за собой ослабление, но не прекращение экономических связей с Грузией. Общества горных районов Северной Осетии через перевальные до-

роги и впредь продолжали поддерживать экономические взаимоотношения с Картли и Имеретией.

Интенсивный и оживленный характер экономических связей осетин с грузинами был обусловлен различными природно-климатическими и хозяйственными условиями. Перед осетинами-горцами постоянно стояла проблема нехватки зерна. Собственного зерна из-за неблагоприятных климатических условий им хватало максимум на шесть месяцев. Для остального времени года нужное количество зерна они получали из равнинных районов Картли путем обмена или покупки. По словам пожилых людей села Згубир, расположенного в ущелье верхнего течения Большой Лиахвы, нехватку зерна они восполняли закупкой его в Цхинвале, Ванати, в селах Картли.

В селе Едис (высокогорная зона Южной Осетии, у истоков реки Большая Лиахва), во время экспедиционной поездки в 1966 г., пожилые жители рассказывали, что среднему труженику при хорошей урожайности в лучшем случае урожая хватало до Пасхи. А так как там часто случается град, то им приходилось доставлять зерно с Северного Кавказа и равнинных районов Картли. Бедняки, которые в горах всегда составляли большинство населения, еще в большей степени были зависимы от равнинных районов. Для доставки зерна, и вообще для осуществления экономических взаимоотношений, основным средством транспорта для жителей горных районов Южной Осетии являлась лошадь.

Население Южной Осетии в равнинных районах Грузии приобретало всякого рода нужные ему товары — ткани фабричного производства, соль, посуду и пр. Тифлис, невзирая на его отдаленность и плохие дороги, во второй половине XIX в. играл большую роль в торговых отношениях с осетинами. Из разных районов Южной Осетии в Тифлис арбами привозили фрукты и другие продукты сельского хозяйства. На вырученные деньги они там приобретали нужные товары и везли обратно домой. Кроме того, в Тифлисе, являвшемся экономическим центром Закавказья, концентрировались все торгово-сбыточные операции, масштабы которых все больше расширялись.

Развитие капитализма в пореформенный период не повлекло за собой создания какой-либо промышленности, за исключением производства по переработке леса, которое с конца XIX в. постепенно набирало силу. В Южной Осетии довольно прочно обосновался торговый капитал, который ставил своей целью не закупку кустарных изделий, а приобретение продовольствия и сырья для российской промышленности и рынка (Абаев, 1959. С. 11).

Однако для южных осетин Цхинвал и Ахалгори по-прежнему оставались основными торговыми центрами, где осуществлялась основная часть их торгово-обменных операций. Пореформенная грузинская и русская пресса и публицистика подчеркивали значение этих центров в оживленных торговых и обменных процессах с гор-

скими народами, в том числе с осетинами. При этом везде подчеркивалась жестокая эксплуатация как местного, так и прибывшего для торговли населения со стороны купцов и ростовщиков, обосновавшихся в этих центрах.

Доктор Пфаф, путешествуя по Южной Осетии и отдельным районам Северного Кавказа в 1871 г., писал про Цхинвал, что он является значительным торговым центром, где в основном орудует армянское и еврейское население. Они покупают у жителей Лиахвского ущелья товары с целью их дальнейшей продажи (Пфаф, 1872. С. 151).

Осетины в Цхинвал, Ахалгори и другие рыночные места пригоняли скот – быков, коров, коз, овец, свиней; привозили шерсть, сыр, топленое масло, шерстяные ткани и др. Переработка молока в Осетии, так же как и в других местах, во второй половине XIX в. приняла характер кустарного производства. Осетинский сыр, наряду с тушинским, имеретинским и мегрельским (сулугуни) сырами, пользовался большой популярностью во всем Закавказье, был хорошо известен и за его пределами. Разумеется, сыр при такой популярности выполнял особую роль в торгово-экономических отношениях грузинского и осетинского народов (Гугушвили, 1962, С. 427).

Основным средством существования населения горных районов Южной Осетии было скотоводство (преимущественно овцеводство). Зимой овец перегоняли на равнинные зимние пастбища Мухран-Агаяна или Квернака. Для этого они нанимали (арендовали) пастбища у собственников этих мест. Перегон овец на кизлярские зимние пастбища начинался сравнительно поздно, однако такое занятие не всем было под силу. Шерсть и другие продукты скотоводства они реализовывали в Цхинвале и Ахалгори. Основную же массу шерсти они перерабатывали на местах в готовую продукцию, производя при этом шерстяные ткани, бурки, башлыки, валяные изделия, швейную одежду (черкески), и в таком виде продавали. Среди осетин было очень распространено производство шерстяных тканей. Из тонкой козьей шерсти (козьего пуха) готовили пуховые изделия, тонкие шерстяные ткани, а из овечьей шерсти – грубые шерстяные ткани (Кустарная промышленность на Кавказе, 1902; Гугушвили, 1962. С. 360; Ванеев, 1956. С. 42; Абаев, 1955. С. 54–55).

В отчете Горийского уезда за 1887 г. отмечается, что ткачество очень распространено среди осетин. Ткани тонкорунные (пуховые) и грубошерстные ткали на деревянных ткацких станках, изготовляемых местными мастерами. Ткани с этих станков ни в чем не уступали фабричным. Они продавались по таким ценам: аршин пуховых тканей – 2–4 рубля, аршин шерстяных тканей – 1–2 рубля. Их реализовывали в уезде, а также в Гори, Тифлисе, Кутаиси и во Владикавказе. Установить общий доход от этой отрасли кустарной промышленности невозможно по той причине, что ею занималась почти половина населения и при этом производство носило нерав-

номерный характер из-за неравномерного распределения сырья (ГЦИА. Ф. 414, д. 36, л. 5; Ванеев,1956. С. 341).

В Цхинвале и Ахалгори осетины приобретали широко распространенные среди местного населения медные и чугунные котлы и посуду. Медные котлы были необходимы для гонки араки и пива, поэтому обладание ими было делом чести каждой семьи. Здесь же покупали мануфактуру, соль, керосин, железоскобяные изделия, предметы домашнего обихода и вино.

Много материалов об экономическом значении Цхинвала и Ахалгори для осетин и населения сопредельных народов содержится в периодической печати. Газета «Тифлисский листок» в № 137 от 11 мая 1900 г. отмечала, что благодаря своему удобному расположению Цхинвал выступает в качестве своеобразного посредника в торговле между горной Осетией, с одной стороны, и Гори — Тбилиси — с другой. В неделю 3 раза здесь проводились большие торги, а в мае месяце организовывали ярмарку, «на которую осетины пригоняли табуны лошадей». Хорошие дороги способствовали бы увеличению торговли и расцвету богатства Джавского ущелья. В той же газете, в № 257 от 3 ноября 1901 г., речь идет о большом экономическом значении Цхинвала. Отмечается, что каждый год в Цхинвале реализуется шесть тысяч пудов осетинского сыра, 10 тысяч пудов шерсти, 100 тысяч пудов фруктов. При хороших дорогах эти данные были бы более внушительными.

В Ахалгори проходили торги населения Ксанского и Лехурского ущелий. Здешние купцы за гроши покупали непосредственно у крестьян десятками тысяч пудов овечью шерсть, сыр и продавали не только в Тифлисе, но и за границей. Здесь же сыр и топленое масло непосредственно обменивали на соль, при этом бессовестно обманывая горцев.

В экономических связях осетин с Картли большую роль играли так называемые ярмарки, связанные с религиозными праздниками. Одной из них была большая ярмарка, посвященная празднику «Геристаоба», проводимая в конце августа в селе Арбо. Газета «Тифлисский листок» в 1900 г. писала в связи с этим праздником, что здесь, в Арбо, собираются из всех сел Горийского уезда, а также купцы из Тифлиса и всех уездных городов Тифлисской губернии. Сюда привозили пшеницу, сыр, топленое масло, осетинские кустарные изделия — деревянные скамьи, стулья, шкафы; пригоняли крупный рогатый скот, лошадей. Соль непосредственно обменивали на сыр и топленое масло. Купцы безжалостно обманывали осетин, спускавшихся с гор для продажи своей продукции только 1—2 раза в течение года («Тифлисский листок», 1900, № 207; Ванеев. Там же. С. 347).

Та же газета в связи с праздником в 1901 г. писала, что осетины пригоняют лошадей, скот, привозят продукты животноводства, шерсть и шерстяные изделия и обменивают на медные котлы, пшеницу, кукурузу, соль и ситцевые ткани (там же, 1901, № 243).

Помимо Цхинвала и Ахалгори в торгово-обменных процессах с осетинами большое значение имели ярмарки, проводимые в Гори, Хашури, Боржоми, Душети, Ананури, Меджврисхеви, Они и Сачхере.

На ярмарках Западной Грузии были широко представлены осетинские шерстяные ткани. По данным конца XIX в., осетины и рачинцы завозили с Северного Кавказа шерстяные ткани, известные как *онские* шерстяные ткани. Такое наименование они получили от названия Они. В действительности же эти ткани не имели никакого отношения ни к Они, ни к Раче. Их производили за перевалом в Балкарии, Карачае, Дигории, осетинских селах. Рачинцы, преимущественно жители Они, завозили их и продавали. Эти ткани были лучшими среди других, находящихся в обращении в Кутаисской губернии. Мегрельские шерстяные ткани только из-за дешевизны могли конкурировать с ними. Кусок онской шерстяной ткани (28 «цкрта») стоил 12—15 рублей, а мегрельской — 5—7 рублей. «Осетинская шерстяная ткань отличалась большой прочностью и износостойкостью. Особой популярностью пользовалась «Дигорули», которая по качеству ничуть не уступала знаменитой «лезгинке» (Ломинадзе, 1897. С. 207—208).

Шерстяными тканями торговали и на сельской ярмарке Старого Сенаки. Некий Мквидри (псевдоним) в журнале «Квали» («След») следующим образом описывает эту ярмарку: «Целую неделю здесь идет ярмарка. Каких только национальностей не встретишь здесь — абхазов, лезгин, осетин и представителей многих других народов Море народу перемешиваются друг с другом. Невозможно представить, как зверски и несправедливо обращаются приезжие сюда торговать евреи и армяне к здешним сельчанам. Они выхватывали из рук ткань (здесь преимущественно торгуют шерстяными тканями) у продавца, взамен стоимости ткани в 8 рублей ему всучивали 3—4 рубля, и если продавец возьмет деньги — хорошо, а если нет, то еще лучше для купца» («Квали», 1899, № 14. С. 222; Гугушвили, 1962. С. 361—362).

Таким образом, в торговлю с Западной Грузией активно была включена и Северная Осетия. С давних пор в производстве железа и обеспечении им населения близлежащих районов большую роль играло рачинское село Цедиси. Дигорцы, басиянцы, кабардинцы завозили сюда черкески, бурки, шерсть, пригоняли скот. Взамен вывозили изделия из железа — плужники, тяпки, топоры и др., а также кенаф, шелк и т.п. Железо вывозили и в необработанном виде.

В Осетии, как и у народов Закавказья, а также у горских народов Кавказа, кустарное производство, основанное на переработке различных металлов, достигло достаточно высокого развития не только в искусстве обработки изделий, но и в его распространении (Гугушвили. Там же. С. 409).

По экономическим соображениям население горских районов Грузии — мохевцы, мтиульцы, рачинцы и сваны — было в тесной

связи с населением Северного Кавказа. Сваны производили продукцию для обмена и летом возили на себе в Терскую и Кубанскую области водку, сушеные фрукты, молотую грушу, мед и другие продукты, корзины местного переплетного ремесла и обменивали их на шерсть, валяные изделия, шерстяные ткани и др. Из шерсти женщины изготавливали прекрасные ткани, фуражки, вязали носки и др.; мужчины шили для себя черкески, халаты, брюки.

Во взаимоотношениях осетинского и грузинского народов в пореформенный период обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 90-е годы грузинскими горцами (и не только горцами) участился вывоз кукурузы и других зерновых культур с Северного Кавказа, преимущественно из Осетии. Данное явление объясняется тем, что расселение северных осетин на равнинах Северного Кавказа и их включение в капиталистические производственные отношения повлекло за собой развитие зернового хозяйства.

Об этом красноречиво говорит экономическое положение Владикавказского округа в 80—90-е годы. В 1886—1890 гг. население округа в год производило более двух миллионов пудов зерна (Максимов, 1892. С. 21—22, 48). В 90-е годы, в результате развития товарно-торговых отношений, в Северной Осетии зерновое производство получило еще большее развитие. Увеличились посевные площади кукурузы, картофеля, пшеницы и ячменя. Особенно увеличились посевы кукурузы. В 1890 г. они составляли 30 % от всех посевных площадей, а в 1900 г. — уже 64 %. Северная Осетия с 1897 по 1901 гг. каждый год вывозила два миллиона пудов кукурузы (Гальцев, 1966. С. 106). Таким образом, в 90-е годы из Северной Осетии кукуруза в больших количествах поступала в Рачу и другие районы западной Грузии, в Хеви и Мтиулетию.

Наблюдатель-путешественник того времени пишет, что «живя в Уцере (рачинское село), постоянно видишь перед собою целую вереницу осетинских повозок, везущих с Северного Кавказа кукурузу для местных жителей. Надо заметить, что последние два года (1894—1895 гг.) был в Раче неурожай, это-то и вызвало подвоз кукурузы с Северного Кавказа за высокую цену, по рублю за пуд, и это в то время, когда на станциях Абаша, Ново-Сенаки, Поти и др. местная кукуруза несравненно более высокого достоинства, чем осетинская, продавалась по 50 коп. за пуд» (Ломинадзе, 1897. С. 207).

Сведения, представленные Ш. Ломинадзе, редакцией книги принято считать правильными. Однако заметим, что, согласно другим источникам, ввозимая с Северного Кавказа кукуруза была высокого качества и продавалась по 60 коп. за пуд.

Горцы, связанные с Военно-Грузинской дорогой, продовольствие приобретали преимущественно на Северном Кавказе — на равнинах Осетии и Ингушетии. 80-летний Гено Татоевич Дзебисов из села Чигоиана рассказывал нам (1966 г.) о том, как жители

жамурских сел (верховья реки Ксани) привозили продовольствие с равнин Северного Кавказа. Они спускались в село Млети, расположенное на Военно-Грузинской дороге, там у мтиульцев нанимали конные повозки и этими повозками перевозили кукурузу в Млети. Отсюда в зимние месяцы возили на спинах, ибо зимой по тропинкам из Млети уже невозможно было передвигаться на лошадях.

Такая же практика была принята и при перевозке зерна с Картлийской равнины в горы Осетии. Горцы-осетины хранили зерно, приобретенное в равнинных районах Картли, у проживавших в предгорных районах осетин, а иногда и у знакомых грузин. Затем, по мере надобности, перевозили на лошадях. Часто так же поступали и с вином. Все это способствовало сближению осетин с жителями низменных районов Картли и одновременно усиливало экономическую зависимость от них.

К 90-м годам XIX в. количество городского населения в Закавказье заметно возросло. В связи с этим, а также с тем, что возросли посевные площади под технические культуры, в Закавказье резко увеличилась потребность в зерне. Увеличился импорт пшеницы с Северного Кавказа. В 1891 г. было завезено 785,7 тысячи пудов зерна, а в 1893 г. — уже 3 904,6 тысячи пудов. В следующие годы привоз зерна колебался и к 1900 г. составил 2 592 тысячи пудов (Гугушвили, 1954. С. 156).

Вышеприведенные данные отражают то количество импортируемого зерна, которое завозилось железнодорожным транспортом. Через Военно-Грузинскую дорогу, частично и через Военно-Осетинскую дорогу, гужевым транспортом поступало огромное количество зерновых не только в Хеви, Мтиулетию и Рачу, но и в Тифлис.

Основным потребителем зернового хлеба, завозимого с Северного Кавказа, был Тифлис. При этом если из завозимого железнодорожным транспортом зерна только часть приходилась на долю Северной Осетии, то зерно, завозимое через Военно-Грузинскую дорогу, количество которого к началу XX в. достигло 1,4 млн пудов, полностью было из Северной Осетии и Ингушетии.

В пореформенный период в экономических отношениях осетин с грузинами значительное место занимает лесоторговля и торговля деревянной посудой. Вырубленный в ущельях Большой Лиахвы лес сплавляли до села Хвце. Здесь бревна по десять штук счаливали в плоты и сплавляли до Гори. Отсюда бревна, счаленные в плоты по двадцать штук, сплавляли до Тбилиси, где в основном и продавался лес. Лес продавался, разумеется, и в Цхинвале, и в Гори. На плотах перевозили и другие грузы.

В Джавском ущелье, в Згубире и других местах, богатых лесом, осетины готовили деревянные орудия труда — арбы, сани, ярма, молотильные доски, грабли, лопаты, вилы и др., а также домашнюю посуду и мебель — кубки, ложки, миски, корыта, болтушки,

бочки, стулья, скамьи, кушетки и др. В равнинных районах на эти изделия был большой спрос, и поэтому осетины часто привозили их и обменивали на зерно. Згубирцы через трусовскую дорогу возили в большом количестве деревянную посуду в Хеви. Посуду обменивали на шерсть в Трусо, Хеви и горных местах, а в Ванати и равнинных селах – на ячмень и другие зерновые.

Обработка дерева занимала второе место после обработки шерсти. Деревянный инвентарь во второй половине XIX в. принимает товарный характер (Кулов, 1966. С. 307). В целом ряде осетинских сел он превращается в значительный объект кустарной промышленности. Об этом говорится в отчете начальника Горийского уезда от 1887 г., где речь идет о переработке леса населением горной части Южной Осетии и о сбыте продукции кустарного производства преимущественно путем обмена на хлеб в Гори и селах Горийского уезда (ГЦИА. Ф. 414,д. 36,л. 6; Ванеев, 1956. С. 341).

В системе грузино-осетинских экономических взаимоотношений значительное место занимает работа по найму, или хождение по найму. До проведения железных дорог, связавших Россию с Закавказьем, Военно-Грузинская дорога являлась основной магистралью, соединявшей Закавказье с Россией. Российские товары в Тифлисе и других городах Закавказья шли по этой дороге. Перевозка грузов от Владикавказа до Тбилиси осуществлялась четырехколесными молоканскими повозками и осетинскими арбами. Значение этой дороги не уменьшилось и после появления железнодорожного транспорта.

Грузы из Владикавказа до Тифлиса и обратно осетины перевозили сначала на арбах с деревянной осью, а потом на арбах с железной осью. Перевозка грузов осуществлялась посредством найма. Этим путем осетины добывали определенные денежные средства и таким образом еще больше включались в систему товарно-денежных отношений. По словам В. Абаева, для молодых осетин считалось большим достижением отправиться по найму в «Большой город» («Стыр калак» – так называли осетины Тифлис) на арбе с железной осью (Абаев, 1959. С. 9).

Для перевозки зерна осетины, преимущественно жители Ксанского ущелья, часто нанимали транспорт у жителей Млети и других мтиульцев. К отправке по найму в различные районы Грузии обращались и осетины Горийского уезда. 26 мая 1864 г. житель села Ортеу Малхаз Чочишвили дал книгу обещания Александру Тарханову, что он перевезет (неясно откуда и куда, но из последующих аналогичных документов следует, что из Орпири в Ахалцих) государственный провиант два раза: первый раз тремя арбами, а другой раз – двумя арбами (перевозка одного пуда стоила 24 коп.). В счет найма он вместе со своими партнерами получил девять червонцев серебром. В книге обещания было предусмотрено, что за дополнительный груз они получат и стоимость его перевозки (Институт рукописей. Ф. Hd, № 655).

Такую же книгу обещания о перевозке продовольствия из Орпири в Ахалцих 2 июня 1864 г. дали Ал. Тарханову жители села Доглаури Горийского уезда Андрей и Иосиф Чочишвили. Они обязались перевозить продовольствие 16 арбами, перевозка одного пуда стоила 20 коп. На каждую арбу они авансом получили по 15 рублей, а окончательный расчет должен был состояться после перевозки грузов. В книге обещаний отмечается, что к нанимателям присоединился и Раджаба Джиошвили с одной арбой (там же. Ф. Hd, № 5551).

Средства, добытые таким путем, являлись хорошим подспорьем для осетинских тружеников, ибо они испытывали острую нехватку земель для ведения сельского хозяйства и, следовательно, средств существования. Эти же обстоятельства усиливали экономические связи осетин с различными районами Грузии.

Острое безземелье заставляло осетинское крестьянство подаваться на сезонные работы в равнинные районы Картли и Северного Кавказа. С. Мачабели при описании быта казенных горских осетин особо останавливается на положении тех, которые подаются на заработки. По его мнению, уход на заработки является одним из главных источников благосостояния крестьян. В горных селах уборка урожая начинается позже, поэтому осетины идут на уборку урожая в различные районы Закавказья. Жители сел Дзомаг, Згубир, Кимас, Сба, Сазалет, Чврив и Средний Ерман летом уходят в Терскую область, а жители остальных сел – в Горийский, Душетский и Тифлисский уезды. Зимой жители вышеперечисленных семи сел, а также население сел Белоти, Гер и Кларса уходят работать на Военно-Грузинскую дорогу, где рабочий, проживавший за свой счет, в месяц получает 15 рублей, а за казенный счет – 10 рублей. Они здесь остаются в течение шести месяцев и работают на очистке дороги. Жители других осетинских сел зимой направляются в Тифлисский и Душетский уезды, где в садах работают поденно. Многие молодые осетины поступают на службу в земскую охрану. И осетинские женщины временно покидают родной очаг и отправляются в различные города Закавказья, где их нанимают в качестве нянек или служанок. Можно смело утверждать, что в городе Тифлисе 3/5 нянек составляют осетинские женщины (Мачабели, 1887. С. 237–238).

В селах Картли в сезон жатвы была большая потребность в рабочей силе. В это время косцы осетины начинали трогаться в путь и расходились по селам Картли (у них самих сезон жатвы начинался более поздно, при этом из-за малоземелья не требовал много времени). Они работали поденно, за 50–60 копеек, или сдельно.

Кроме сезонных работ, осетины уходили в Тифлис и другие промышленные центры Закавказья, где в результате развития капитализма была большая потребность в рабочей силе. Часть из них устраивалась стражниками (охранниками) и на другие подобные места, становясь, таким образом, по своему положению защитника-

ми царизма. Большинство же устраивалось на заводах и фабриках, на железной дороге, пополняя ряды пролетариата Закавказья. Часто они перевозили и свои семьи, связывая свою дальнейшую судьбу и жизнь с новыми общественными условиями.

Попав в водоворот городской жизни и испытав на собственной шкуре «прелести» капитализма, они включались в революционную борьбу пролетариата против царизма и капиталистов, распространяли революционное сознание среди своих земляков (прочные патриархальные традиции вынуждали осетин, перебравшихся на постоянные места жительства и работы, сохранять тесные связи со своими соплеменниками и общинами).

К концу XIX в. в Южной Осетии, в частности среди осетин Ксанского ущелья, широко распространилась практика ухода женщин на заработки. Здоровые, молодые матери отправлялись в Тифлис и там нанимались нянями и служанками в состоятельные семьи, чтобы таким образом заработать гроши и облегчить, хоть немного, тяжелые условия жизни в горах. Это новое явление трудно прививалось к патриархальным традициям осетин, для которых уход женщин на заработки был чужд, но реальные потребности жизни иногда оказывались сильнее, чем патриархальные традиции.

Отходничество осетин в Грузию способствовало их сближению с грузинским народом. Осетины ближе знакомились с хозяйственной деятельностью грузин, изучали их язык и пр. Деньги, добытые таким путем, с одной стороны, являлись подспорьем в хозяйстве осетинского крестьянина, а с другой – обусловливали распад крестьянства и натурального хозяйства, патриархального быта.

Следует отметить, что не только население горных районов (часто и предгорной полосы) Южной Осетии отправлялось на сельскохозяйственные работы в равнинные районы Картли, но и грузинские горцы не так редко обращались к такой практике, подаваясь на заработки в Северную Осетию и вообще на Северный Кавказ. К подобной практике в основном прибегали сваны и рачинцы, проживающие в высокогорных районах, со скудными средствами существования. В 1895 г. в Сванетию совершил путешествие инспектор народных школ Н. Дмитриев. Описывая свои впечатления, он отмечает, что «ввиду скудости природы, не дающей сванам полного обеспечения, они принуждены уходить на сторону для заработков, причем нанимаются для полевых работ и, главным образом, для земляных. На заработки идут в Рачу, Осетию, на Северный Кавказ (косьба и пастуший промысел) и в Мингрелию (косьба, уход за кукурузой). Никаких других промыслов и ремесел сваны не знают» (Дмитриев, 1894. С. 182). Основными торговыми путями он считает перевальные тропинки – Тиберская в Осетию, а Латфарская – в ущелье Цхенисцкали (там же. С. 185).

Уход сванов на заработки в равнинные районы не является но-

вым явлением. К такой практике они прибегали на всем протяжении средневековья, но в условиях феодального партикуляризма и внутренних войн они сталкивались с большими трудностями. Тогда Осетия не являлась таким краем, где сваны могли бы приложить свои руки. Они могли лишь пересекать территорию осетин, когда направлялись в Кахетию или Картли.

Хождение рачинцев на заработки было обусловлено теми же экономическими мотивами, что и у всех горцев. Однако владение различными ремеслами давало рачинцам возможность проявить себя в качестве квалифицированных работников (каменщиков, столяров и др.) и применить свой труд на более льготных условиях не только на Северном Кавказе, но и в других местах. Теми же экономическими условиями и мотивами было обусловлено переселение рачинцев на низменности Северного Кавказа. Все это, вместе взятое, способствовало последующему экономическому и культурному сближению грузинского и осетинского народов.

Движение населения — явление экономического характера. В грузино-осетинских взаимоотношениях в пореформенный период появляются новые моменты. Одним из таких моментов является массовый исход населения из высокогорных (и не только из высокогорных) районов и их переселение во внутренние районы Картли. К концу XIX в. осетины дошли и до кахетинских районов и там основывали ряд осетинских сел. Движение осетин с горного Кавказа в сторону равнин Картли удостоверяется на всем протяжении грузинской истории позднефеодального периода. Такое движение было обусловлено особенностями ведения хозяйства в горных условиях. Профессор Г. Читая отмечал, что «само собой процесс движения населения из гор в сторону предгорий и равнин является примечательным явлением, ибо это явление связано с особенностями хозяйствования в условиях альпийского ландшафта. Такая особенность в условиях примитивного, неинтенсивного ведения хозяйства создает стабильное количество населения, избыток которого вынужден переселиться с гор. Известно, что продукция сельского хозяйства в горах ограничена настолько, что плотность населения этой полосы во всем мире очень низкая По этой причине, как только население горной полосы достигало своего предела, — лишнее количество населения вынуждено было переселиться, в первую очередь, в предгорья, где, отчасти именно поэтому, плотность населения достигала высокого уровня. Замечено, что в мире наибольшей плотности сельское население достигает в предгорных полосах» (Читая, 1939. С. 284).

Процесс движения осетинского населения из горной полосы в сторону равнин, обусловленный природно-климатическими условиями, в пореформенный период усиливался в связи с ростом его (населения) обезземеливания. Горский осетинский крестьянин подвергался жестокой феодальной эксплуатации, произволу и насилию

со стороны кулаков и ростовщиков, царских чиновников. Все это, вместе с естественным ростом населения, заставляло их искать выход из создавшегося тяжелого экономического положения. И они находили выход в переселении в низменные районы. Однако переселение не могло избавить население ни от феодальной эксплуатации, ни от закабаления со стороны кулачества и ростовщиков-капиталистов, ни от произвола царских чиновников, но тем не менее улучшало их экономическое положение. В дореформенный период переселение преимущественно осуществлялось в предгорную полосу, а иногда достигало отдаленных районов Картли (Боржомский район и др.). Такое переселение носило характер постепенного выдвижения вперед и иногда проходило ряд промежуточных ступеней. Примером такого постепенного выдвижения служит сегодняшнее село Тогоиани Каспского района. К середине XIX в. основное население этого села переселилось из верховий Ксанского ущелья в верхнюю часть Лехурского ущелья, в местечко Цир. Оттуда в начале XX в. они переселились на свою нынешнюю территорию проживания.

О причинах переселения осетин губернатор Тифлиса в справке, предоставленной в связи с жалобой осетин, писал: «Осетины имеют большой избыток рабочих сил, прокормить которых на месте нет возможности из-за отсутствия каких-либо местных промыслов и заработков, это обстоятельство в связи с недостатком пастбищ, удобных для скотоводства, составляющего главное занятие осетин, вынуждает население искать новых более привольных мест» (ГЦИА. Ф. 12, д. 179, л. 1–3; Догузов, 1960. С. 62).

Массовое переселение осетин в картлийские районы наблюдалось с 60-х гг. XIX в. Грузинская периодическая печать отмечала, что вот уже восемь-девять лет, как имеретинцы и осетины переходят во Внутреннюю Картли для поселения. В качестве места для будущих сел предпочитают старые селища, где есть вода; пользуются остатками разрушенных домов и хозяйственных построек, рубят лес в случае надобности в пахотной земле. Таким образом были заселены села Келет, Хавлет, Окросопели, все ущелье Дзоврети и другие места. Если бы хозяева наших земель были расчетливыми людьми, они бы помогали переселенцам, и тогда их пустеющие земли обзавелись бы людьми («Дроеба», 1870, № 24; «Сахалхо газети», 1870, № 11).

Пресса призывала помещиков, ради обустройства своих же земель, оказать помощь переселенцам в обустройстве их быта на новом месте. Однако помещики ни к каким призывам и советам не прислушивались, напротив, старались подвергать переселенцев максимальной эксплуатации. В 1865 г. крестьяне села Ипнара жаловались на Г. Эристави, на земли которого они семь лет тому назад переселились из села Инаури, где их поля были уничтожены градом и лавинами. На новом месте они вырубили лес, обзавелись пахотными землями и построили дома. Когда князь обложил их непо-

мерными оброками, они не стали платить. Тогда владелец с помощью казаков выселил 70 дворов, земли присвоил, а строения разрушил. Крестьяне были вынуждены переселиться в Шираки, на земли И. Орбелиани (Догузов, 1960. С. 35).

О масштабах переселения крестьян Южной Осетии в пореформенный период говорят следующие факты. Полностью переселились жители села Кобиа Ортевского сельского общества и села Елбачита Джавского ущелья. Из 583 платежных дворов Белотского общества переселились 206 дворов, из 906 дворов Ортевского общества – 483, из 732 дворов Рока – 392, из 1178 дворов Джавского общества – 451, из 398 дворов Кемулта – 194. Переселенцы в основном селились на Хидиставском, Боржомском и Сурамском участках Горийского уезда на землях частных владельцев и подвергались эксплуатации со стороны помещиков и царских чиновников (там же. С. 47–48).

Из приведенных данных видно, что число переселенцев достигало половины всего населения. К концу XIX в. количество переселенцев еще больше возросло, и в целом ряде обществ оно составляло 2/3 всего населения. К этому времени в Рокском, Джавском, Кемултском, Корнисском, Цунарском, Белотском и Ортевском обществах задолженность в виде недоимок составляла 50 тысяч рублей. Это объяснялось тем, что 2/3 этих обществ были переселены в села Згудерского общества и Хидиставский полицейский участок. Они на местах приписки по своему усмотрению не платили налогов. В Роке из 137 дворов, внесенных в налоговые списки, в 1898 г. осталось только 38 дворов, остальные 99 дворов к этому времени уже проживали в различных местах Тифлисской губернии (ГЦИА. Ф. 12, д. 1026,л. 3–8; Догузов. Там же. С. 64–65). Такое же положение сложилось и в Дзомагском, Джавском, Кемултском, Белотском и других обществах. В 1895 г. в жалобе крестьян девяти сел Едисского общества отмечалось, что из дворов, внесенных в камеральную опись 1873 г., 67 дворов переселились, но помещики заставляют оставшиеся дворы платить и за них (уехавших). Также в 1900 г. оставшихся в Зальда 42 двора царские чиновники заставляли платить и за те 105 дворов, которые оттуда давно переселились (там же. С. 49).

К началу 70-х гг. XIX в. компактное население осетин появилось в Мдзовретском ущелье (правое побережье Куры, нынешний Карельский район). 18 июля 1873 г. младший помощник начальника Горийского уезда писал начальнику уезда о просьбе осетин, заселившихся в Мдзовретское ущелье, о том, чтобы им назначили попа (священника). «В настоящее время они проживают в селах: Мдзоврети, Ортубани, Елбакианткари, Гвердзинети, Кодмани, Батети, Мухлети, Келети, Суканаантубани, Надираанткари. Они до сих пор не прописаны ни к одному приходу и их просьбу надо выполнять» (ГЦГА. Ф. 48, оп. 1,д. 1512, л. 2).

Приведенные факты свидетельствуют об интенсивном характере переселения осетин в равнинные районы. Этот процесс распространился и в Ксанском и Арагвском ущельях. Процесс переселения из этих ущелий особенно чувствительным стал с конца 70-х годов. Газета «Дроеба» в одном из своих номеров за 1882 г. писала, что «вот уже три-четыре года, как из сел Ксанского ущелья участилось переселение населения. Прежде тоже уходил народ из Ксанского, Арагвского и Гудамакарского ущелий, но редко, и те направлялись в сторону Манглиси или Верхней Картли и там селились. В последние три года участилось переселение из Ксани Из Карчохского, Цхрадзмисского и Жамурского ущелий переселились до 100 дворов. Из Арахвет — 8 дворов, Гвидака — 7 дворов, из Надибаана — 2 двора, из Корисского и Гезевретского обществ — 60 дворов, по 30 дворов из каждого. Число переселенцев колеблется от двух до трех дворов из каждого десятого двора. Это довольно чувствительный процент. Переселенцы из Ксанского и Арагвского ущелий селятся и в сторону Владикавказа» («Дроеба», № 237).

На исходе XIX в. осетины начали селиться и в Кахетии. Котэ Алазниспирели в 1904 г. в своей статье «Осетины в Кахетии» писал, что «восемь лет тому назад осетины в количестве 8 дворов из-за нехватки земель переселились из Горийского уезда. В последующем число переселенцев постепенно увеличивалось, и в настоящее время в селе Хоршатиа их количество достигло 50 дворов; они также проживают на землях Абашидзе, под названием «Арешат». В Ареше проживают всего 20 дворов. Они переселились в 1903 г. Кроме этих мест, осетины проживают и в других местах — в 5—6 верстах ниже Ареша и Хоршатиа. Всего насчитывается 400 дворов. Кажется, что осетины постепенно прибавятся и заполнят все кахетинские леса» («Иверия», 1904, № 22).

Котэ Алазниспирели приводит разговор с осетинским крестьянином. Из этого разговора становится ясно, что осетины-переселенцы землю брали у помещика в аренду. Каждый двор хоршатианцев платил князю Джорджадзе за аренду по 25 рублей. Каждому двору отмеривали по 10 десятин пахотной земли, а пользование лесом было свободным. В случае продажи леса они должны были платить определенную сумму помещику.

Аренда хоршатианцам была определена сроком на 26 лет. Собеседник-осетин беспокоился о том, что из-за такого вида и срока аренды они себя не считают постоянными жителями этих мест и поэтому не стараются обустроить свой быт на прочной основе. «Так как наше будущее не определено, то и наша жизнь, наш быт — временный и не для потомков. Поэтому нашу жизнь нельзя называть жизнью, наш дом — домом, хлев — хлевом. Хотим иметь и можем построить добротный дом, хорошо обустроиться, но зная, что здесь у нас нет будущего, живем вот в таких хибарах». К мо-

менту составления указанной статьи прошло уже 8 лет, но осетины не имели гарантии, что в оставшиеся 18 лет помещик продлит им аренду. Осетины пробовали купить у Джорджадзе арендованные земли, но он отказал им в продаже не то что арендованных земель, но даже приусадебных участков. Автор статьи заключает, что арендная плата в 25 рублей в год — большая сумма для плательщика, а для помещика — большая выгода; отсюда и причина отказа.

Осетины же, проживавшие на землях Абашидзе и выше Верхней Ходашни, выкупили земли у помещиков, хорошо обустроили свой быт и обосновались постоянное проживание. Со своей стороны, хоршатианские осетины решили, что в случае отказа со стороны Джорджадзе в закупке занимаемых ими земель они обратятся к губернатору с просьбой, чтобы он им разрешил заселиться на государственные земли сел Пашиани и Турис Цихе Телавского уезда. В Турис Цихе проживали 700 дворов армян, а нынче там осталось лишь 7 дворов. Котэ Алазниспирели сочувствует осетинам и замечает: «Если губернатор не разрешит осетинам, проживающим в Хоршатиани и Ареши, заселиться в Турис Цихе, то они окажутся в безвыходном положении и после окончания арендного срока будут вынуждены либо искать другие места, либо остаться в таком же положении».

Таким образом, рост численности осетинского населения в пореформенный период XIX в., ужесточение их эксплуатации вызывали, с одной стороны, рост безземелья, а с другой — создавали тяжелые экономические условия для осетинского народа, особенно горцев-осетин. Выход из этих тяжелых условий они искали в переселении в Картли и Кахетию. Там они селились на помещичьих землях и платили аренду. Владельцы земель пользовались бедственным положением осетин и все время прибавляли арендную плату.

Попытки осетинского крестьянства переселиться на свободные государственные земли заканчивались безрезультатно из-за препятствий, создаваемых царскими чиновниками. Жители 36 дворов сел Кешелт, Тонтобет, Гверцев, Хвце, Мсхлеби и Двани добивались разрешения заселиться на государственные земли, находящиеся в Кахетии, в окрестностях села Ареши. Они обратились к крестьянам села Ахалсопели Телавского уезда, чтобы они приняли их в свое общество (село Ареши находилось недалеко). Несмотря на их согласие, царские чиновники им ответили отказом. Такие же отказы получали и крестьяне других обществ. В результате они были вынуждены отказаться или остаться в кабале у помещиков. Зато царское правительство вместо расселения местных народов на свободных землях заселяло их крестьянами из разных губерний России (Догузов, 1960. С. 54—55).

Заселение осетин в районы Картли и Кахетии еще больше усиливало экономические связи с грузинским народом, превращая их.

в составную часть единого экономического организма. Осетины перенимали высокую хозяйственную культуру грузинского народа, их навыки интенсивного ведения хозяйства и сами становились хорошими земледельцами, садоводами, виноградарями. Те осетины, которые проживали в грузинских селах, постепенно смешались с грузинским народом и ассимилировались, а те, которые заселялись компактно отдельными селами, сохранив свой язык и обычаи, все равно подвергались большому влиянию грузинских языка и обычаев. И это естественно. С самого начала своего возникновения эти осетинские поселения находились в тесных связях с грузинским населением, были соучастниками в горести и радости.

В пореформенный период XIX в., если осетинское население горных районов селилось в низменных районах Картли и Кахетии (с 80-х гг. XIX в. имеет место их переселение в сторону Владикавказа — на Северный Кавказ, но оно не получило массового характера), то грузинское население горных районов Грузии селилось на Северном Кавказе — на территории Северной Осетии, где также происходило сближение этих двух народов. Переселение происходило в основном из Рачинского уезда и Хеви, частично из Ксанского и Арагвского ущелий.

Пресса того времени содержит сведения о причинах и времени этих переселений. Газета «Шрома» в номере от 15 сентября 1882 г. писала, что в Раче в этом году была сильная засуха и почти никто не смог собрать урожай, которого хватило бы на пропитание даже на два месяца. Она предсказывала наступление большого голода весной, поэтому население отправляется через Кавказский хребет в сторону Владикавказа для покупки пшеницы и кукурузы, которые, из-за бездорожья с большими трудностями и мучениями перевозят на лошадях через Мамисонский перевал. Если, например, 4 пуда хлеба покупают за один рубль, то его перевозка им обходится в два рубля («Шрома», 1882, № 3).

Такие условия жизни вынуждали рачинцев переселяться на Северный Кавказ. 28 января 1883 г. газета «Дроеба» перепечатала письмо из газеты «Терек», написанное неким «Алагирцем». В нем отмечается, что «из-за неурожайности в Рачинском уезде почти каждый год, — зимой часто встречаются тамошние жители в Северной Осетии, Кабарде, Балкарии, где за мизерную плату выполняют различные работы. Такие путешествия, кажется, им тоже надоели и вот с прошлого года начали переселяться и обосновываться на постоянной основе в селе Алагир, где за очень дорого покупают места для строения и проживания. Всего в настоящее время в Алагир переселилось 70 дворов имеретинцев (рачинцев) и, кроме них, 50 семей останутся здесь только до лета, но и они хотят приобрести места и остаться там. К сожалению, алагирцы не могут их зачислить членами своего общества. Дело в том, что само это общество страдает

малоземельем и в случае принятия переселенцев в своем обществе им тоже приходится отдавать свои земли. Если местное правительство обратит внимание на положение нуждающихся имеретинцев, то можно им помочь. В распоряжении казенного завода находятся 1200 десятин, которые заводу вовсе не нужны. Решение вопроса, связанного с этой землей, будет большой помощью не только для этого общества, но и для имеретинцев, которые впоследствии могут присоединиться к нему» («Дроеба», 1883, № 19).

Газета «Терек» благожелательно и с чувством понимания отнеслась к вопросу переселения рачинцев в Алагир и предложила конкретные мероприятия по удовлетворению их потребности в земле и улучшению их бедственного положения. Это было чувство доброй воли осетинского народа, проявленное по отношению к переселенцам, с которыми с давних пор имелись тесные экономические связи посредством Военно-Осетинской дороги.

В письме «О переселении народа», напечатанном в газете «Дроеба» 30 января, рассматривается сообщение о переселении рачинцев в осетинское село Алагир. В письме положительно оценивается проникнутое гостеприимством рвение газеты «Терек», но решительно говорится против переселения грузин на Северный Кавказ и вообще за пределы Грузии. Этим переселением они отрываются от духовной жизни своих соплеменников, обессиливаются и перерождаются. В подтверждение этого приводится пример судьбы грузин, переселившихся в конце XVIII—начале XIX вв. в Кизляр и Моздок и потерявших не только язык, но и внешность.

В письме проводится мысль о том, что грузинская земля очень обширна, в ней много пустующих мест, и поэтому грузинский народ не нуждается в переселении и, тем самым, притеснении других народов. Грузинам сама природа определила границу — Кавказский хребет — и переселение за него смерти подобно для грузин. Это будет большим грехом перед обоими народами, — для тех, от кого они уходят, и для тех, к кому они приходят («Дроеба», 1883, № 21).

Однако этот благородный порыв газеты не имел реального основания в жизни. Причиной тому была колонизаторская политика царизма, осуществлявшего переселение колонистов из центральных губерний в Грузию и Закавказье в то время, когда само грузинское крестьянство, особенно горцы, переживали острую нехватку земель, а переселению их на свободные казенные земли всячески препятствовали.

В результате грузинские горцы селились на Северном Кавказе. В корреспонденции, напечатанной в газете «Дроеба», Габриел Бедошвили отмечал, что «в настоящее время в таком же положении оказались жители Хеви, в каком находятся рачинцы. По средним расчетам, только этой осенью больше ста дворов переселились во Владикавказский уезд. Переселились, но из одной беды попали в

другую. До зимы переселенцы не успели построить дома на арендованных землях, в результате чего семьям пришлось жить в хлевах для скота, вымирая от холода. Тем не менее весной ни один из дворов обратно не вернется в родной край».

В том же письме отмечается причина переселения мохевцев. По сведениям автора, причиной стал голод. В течение последних пяти лет мохевцам не удавалось собрать минимального урожая, и если такое положение продлится еще пару лет, то больше половины мохевцев переселится во Владикавказский уезд. И это несмотря на то, что мохевцам трудно расстаться с родиной, но навалившиеся невзгоды оказались сильнее традиций — они покидали могилы своих предков и проклинали свою судьбу. К этим бедам добавилось увеличение государственного налога. Если до сих пор каждый двор платил по 20—30 копеек, то теперь заставляют платить по 3 рубля 90 копеек. «Какой из этих бед сопротивляться мохевцу? Голоду, холоду (бездровью), работе по повинности холодной зимой на Военно-Грузинской дороге, перевозке зимой и летом арбами военных грузов?» (Там же, № 28).

В Государственном архиве Северо-Осетинской АССР хранится список переселенных в Алагир рачинцев. Список составлен в 1886 г. и содержит опись членов 147 семей. Они были переселены из сел: Шкмери, Лачта, Урави, Шеубани и др. это были фамилии: Лобжанидзе, Чиквиладзе, Схиртладзе, Майсурадзе, Метревели, Гогричиани, Омиадзе, Сабанадзе, Чаладзе, Бурдиладзе, Султанишвили, Рехвиашвили, Гагнидзе, Чихрадзе, Арчвадзе, Гобеджишвили, Гавашели, Гугешашвили, Хидашели, Кебадзе, Кереселидзе, Алавидзе, Гамкрелидзе, Табуцадзе, Джапаридзе, Нeпоридзе, Иашвили и др. (ЦГА СО АССР. Ф. 11, оп. 52, ед. хр. 237, л. 1—5).

Переселенцы покупали земельные участки, в основном же арендовали землю у осетинских помещиков или у русских землевладельцев. У осетинских помещиков Тугановых было много арендаторов из этих рачинских крестьян. Биограф известного осетинского художника Махарбека Туганова, характеризуя Сафара — отца художника, приводит рассказ осетинского крестьянина Губа Тедеева: имеретинские арендаторы Тугановых развели огонь на Силтануксском поле, и пожар, возникший из-за невнимательного обращения с огнем, уничтожил 30 десятин хлебного поля Сафара. Арендаторы схватились за голову и через посланников умоляли Сафара, чтобы он на них не подал жалобу, а взамен обязались заплатить столько, сколько он потребует. Сафар ответил, что он не намерен пользоваться несчастьем, постигшим его и его арендаторов. «Ничего не требую, но будьте впредь внимательными» (Хаким, 1962. С. 14). Из этого сведения следует, что основной формой пользования землей переселенцами-грузинами была аренда.

Какими бы ни были причины переселения мохевцев и других

горцев во Владикавказский уезд, оно, как и переселение рачинцев в Алагир, и вообще в Северную Осетию, имело большое значение в деле сближения грузин и осетин. Для владикавказских грузин Обществом по распространению грамотности среди грузин была открыта школа, которая вела культурно-просветительскую работу среди тамошних грузин. В последующем такая же школа была открыта и в Алагире. Культурно-просветительская работа, проводимая в этих школах, имела свои положительные результаты и для осетинского населения, передовые представители которого были в тесных связях с грузинскими деятелями, принимали активное участие в проводимых ими мероприятиях.

Таким образом, расселение осетин в равнинных районах Грузии, равно как и грузинских горцев (рачинцев, мохевцев, мтиульцев) на Северном Кавказе, было обусловлено экономическими мотивами и факторами. Оно сыграло определенную роль в углублении экономических и культурных взаимоотношений грузинского и осетинского народов.

§ 2. Культурные взаимоотношения

В результате установления мирной жизни после присоединения Грузии к России усилились контакты между осетинским и грузинским народами. В первой половине XIX в. постоянные выступления крестьян Южной Осетии против феодальной эксплуатации и бюрократического аппарата царизма мешали этим контактам, но, несмотря на это, они все равно достигли значительного развития. В пореформенный период связи между двумя народами еще больше расширились и укрепились. Частое передвижение осетин по различным районам Грузии с торгово-обменной и другими целями способствовало широкому распространению грузинского языка среди осетин. Живущее сопредельно с грузинскими селами осетинское население владело грузинской разговорной речью. Грузинским языком владела также активная часть мужского населения далеких горных сел, которой приходилось отправляться на рынки или сезонные работы в различные районы Грузии. В пореформенный период XIX в. осетины широко расселяются в районах Картли-Кахетии непосредственно среди грузинского населения и поэтому быстро осваивают не только грузинский язык, но и высокую хозяйственную культуру и обычаи. Знакомство с хозяйственной культурой улучшило экономическое благосостояние осетин, проживавших среди грузинского народа.

В Северной Осетии знание грузинского языка из-за создавшихся там условий (утверждение царизма и проведение политики русификации в системе образования) было менее распространенным. Несмотря на это, пореформенная североосетинская интеллигенция

была хорошо знакома с грузинской культурой и высоко ценила ее, старалась, подобно передовым грузинским общественным деятелям, помочь культурному продвижению своего народа.

Уже в первой половине XIX в. столица Грузии Тифлис превратилась в культурно-экономический центр всего Кавказа. Многие осетины получали образование в Тифлисском духовном училище или семинарии, в последующем они в Осетии развернули активную деятельность на культурном поприще.

В 60—70-х годах XIX в. в Южной Осетии на педагогической арене, в приходских школах Общества по восстановлению христианства, трудилось много грузинских священнослужителей, как, например, Канделаки, Канчуев, Касрадзе, Инаев, Пепелов, Попхадзе, Натиев, Мачавариани, Татиев.

Учащиеся приходских школ с хорошей успеваемостью зачислялись в Тифлисское духовное училище. В 1866 г. за счет Общества по восстановлению христианства в училище были зачислены Александр Кокошвили и Николоз Габарашвили (История, 1961. С. 598). С 70-х гг. XIX в. отдельных осетин зачисляли в Тифлисскую школу военных фельдшеров. В 1872 г. в эту школу были зачислены ученики Рокской школы Иван Джикаев и Соломон Козонов (там же. С. 608).

Многие представители Южной Осетии в 60—70-х гг. учились в горийских и тифлисских духовных училищах и семинариях. В отчете 1880 г. Общества по восстановлению христианства на Кавказе содержатся данные о школах Южной Осетии. Из выпускников Джавской школы в нем упоминаются выпускник семинарии и определившийся в священники Джиоев, семинаристы Санакоев и Тедеев, ученик Горийского духовного училища Хахутов, военный фельдшер Гаглоев, учащийся фельдшерской школы Цховребов, ученик Душетского ремесленного училища Иван Санакоев (старался перейти в учительскую семинарию), А. Давидов — учащийся Тифлисского духовного училища, Шамбашвили — учащийся Горийской учительской семинарии и др. (там же. С. 625).

К концу 80-х годов уже и осетинские женщины встречаются среди выпускниц Тифлисского епархиального женского училища. Одна из них, Анна Кокоева, в 1889 г. была определена учительницей экзархом Грузии (ГЦИА. Ф. 141, д. 918, л. 3; История, 1961. С. 656). Выпускница этого же училища Санакоева в начале 90-х годов работала учительницей в Кошкском приходе (Институт рукописи. Ф. 141,д. 766, л. 31; История, 1961. С. 667).

В Южной Осетии в 80—90-х годах многие выпускники грузинских училищ занимались педагогической деятельностью. Среди них: священник Зураб Джиоев — выпускник Тифлисской двухгодичной семинарии; Габриел Атаев (из Дигоры) — с четвертого курса Тифлисской духовной семинарии; Александр Бегизов — выпускник Горийского городского училища; Александр Кокоев — выпускник Тиф-

лисской духовной семинарии, священник, учитель закона божьего (там же. С. 664–665).

В те же годы в церковно-приходских школах Южной Осетии педагогической деятельностью занимались многие представители грузинской интеллигенции, выпускники Тифлисского, Горийского и Кутаисского духовных училищ, как, например, Григол Касрадзе, Исидор Квижинадзе, Герасим Имнаишвили, Табунидзе, Садзагелова – учительница Кошкской женской школы и другие. Миссионер-инспектор школ Общества по восстановлению христианства Маминаишвили добился открытия школы в селе Чвриви (там же. С. 691–692).

В 1886 г. в Ванатской школе, где учителем закона божьего работал благочинный Плиев, учились 26 грузинских и 18 осетинских детей. Учителем работал Мцхветадзе. Супруга священника Плиева собрала 16 грузинских девочек и обучала их рукоделию. Инспектор общественных школ обратился с просьбой к супруге священника, чтобы она обучала и осетинских девочек рукоделию, пригодному в семье для шитья белья, платьев, обуви и пр. (там же. С. 648).

Известный грузинский ученый и общественный деятель Д. Бакрадзе, работавший в 60-х годах XIX в. на должности инспектора общественных школ и по служебным обязанностям неоднократно посещавший Южную Осетию, довольно точно отражал общее состояние тамошних приходских школ. Он указывает на те причины, которые заставляют крестьян Южной Осетии отрывать своих сыновей от школы; испытывая материальные трудности, они вынуждены обращаться к помощи своих чад. Характеризуя работу учителей тамошних школ, он положительно оценивает деятельность учителя Бекмарской школы – Натишвили, учителя Ортевской школы – Чочишвили и священника Ортевского прихода – Канделаки. Чочишвили утром обходит село и приводит детей в школу. При этом он на свой счет содержит бедных, а Канделаки в помощь нуждающимся ученикам передал 80 пудов пшеницы (там же. С. 599–600).

Учитель Бекмарской школы И. Татишвили в 1873 г. разработал четырехгодичную учебную программу для сельских школ Осетии. Целью изучения предметов он считал гармоничное развитие духовных и физических способностей детей. Достичь этой цели можно было, по его мнению, изучением закона божьего, русского языка, арифметики, черчения, письма, пения, гимнастики, огородничества, ремесленничества (в частности, столярного дела) (там же. С. 609–614).

В Тифлисских училищах воспитывалось много молодежи и из Северной Осетии. Выпускники духовного училища, духовной семинарии и учительской семинарии имени Александра в последующем вели активную деятельность на своей родине на духовном и педагогическом поприще. В конце 60-х годов в Северной Осетии самыми известными учителями были выпускники Тифлисской учительской

семинарии им. Александра – Николоз Хетагов, Иорам Хурумов, Борис Туаев, Николоз Доев, Давид Кулаев, Дмитрий Кокоев, Закро Кубалов, Николоз Дауров, Борис Хетагуров, Давид Дзугаев, Георгий Саламов, Иорам Хетагуров и др. (Тотоев, 1957. С. 118).

Время учебы в Тбилиси для этих осетин не могло пройти бесследно, ибо 60-е годы характеризуются подъемом национально-освободительного движения в Грузии. К этому времени относится выход на арену революционной деятельности так называемых «тергдалеульцев», и маловероятно, чтобы осетинская молодежь в Тифлисе не подверглась влиянию их идей, стремлений к культурному развитию своего народа.

Многие осетины, получившие образование в Тифлисе, в последующем развернули активную деятельность по широкому распространению школьного образования в Осетии, приобщению своего народа к культуре. В 1865 г. Тифлисскую духовную семинарию окончил Борис Петрович Гатиев (1841–1879 гг.) из с. Ход Алагирского ущелья. В 1870 г. он окончил Казанскую духовную академию и вернулся в Тифлис. Не устроившись на службу, он вернулся во Владикавказ и там занимался научной деятельностью, писал этнографические очерки (там же. С. 84).

Учитель Асламурза Кайтмазов (1866–1925 гг.) из с. Верхний Зарамаг, обладая передовым демократическим мировоззрением, после окончания Горийской учительской семинарии учительствовал в Осетии, Кабарде, а в последние годы – в Закавказье. Степан Мамитов из Зарамага (1848–1918 гг.) в 1866 г. окончил Тифлисскую духовную семинарию и был назначен учителем Кутаисской духовной семинарии, а затем работал в Осетии.

В 1864 г. Алексей Георгиевич Гатуев (1840–1909 гг.) из с. Салугардан окончил курс Тифлисской духовной семинарии со свидетельством первой степени. После учебы он работал учителем в Осетии. Ему принадлежит историко-этнографический очерк «Христианство в Осетии». Очерк был напечатан в газете «Терские ведомости» в 1889–1890 гг., а в 1901 г. вышел отдельной книгой (там же. С. 339, 341, 354–355). Тифлисскую учительскую семинарию окончил и известный осетинский педагог Харитон Уруймагов.

В значительной степени с Тифлисом связаны учеба и дальнейшая деятельность известного осетинского мыслителя и общественного деятеля Афанасия Гассиева. Он родился в 1844 г. во Владикавказе, там же окончил духовное училище и поступил в Ставропольскую духовную семинарию. Оттуда Гассиев перевелся в Тифлисскую духовную семинарию, где он проучился еще год. В 1871 г. он окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата-магистранта и был направлен в Тифлис в распоряжение Общества по восстановлению христианства. Здесь одно время он редактировал церковные книги и был внештатным педагогом в первой женс-

кой гимназии. Преподавал педагогику, физику, математику (там же. С. 59–62).

С 1872 г. А. Гассиева определили сроком на 4 года надзирателем Моздокской духовной семинарии, но из-за разногласий с духовенством ему пришлось вернуться в Закавказье, где он продолжал работать на различных должностях. В 1904 г. он оставил службу и возвратился в Осетию, где занялся публицистической деятельностью.

В период пребывания в Тифлисе А. Гассиев разоблачал колониальную политику царизма в вопросах образования грузинского и других народов Кавказа. Он писал, что в пределах Тифлисской губернии для местного населения нет даже половины тех воспитательных средств и возможностей, которые имеются в распоряжении уездов, общин и сел во внутренней России. А. Гассиев считал, что в Тифлисской губернии ограничения в сфере образования чувствуются более остро, так как «наплыв, влечение учащихся в губернский город (Тифлис) гораздо больше, чем в России» («Тифлисский вестник», 1877, № 238; Саришвили, 1965. С. 41).

А. Гассиев был преданным защитником интересов грузинского народа в области народного образования. Он переживал из-за тех трудностей, которые были созданы царской Россией в деле культурного развития грузинского народа, и своей деятельностью старался создать условия их преодоления.

К концу XIX в. в тифлисских училищах (всех типов) число учащихся осетин выросло. Это обстоятельство способствовало укреплению связей учащейся осетинской молодежи с передовой грузинской общественностью.

В Северной Осетии во второй половине XIX в. проживало много грузин, переселившихся из районов Рачи, а также обосновавшихся во Владикавказе или других местах по служебной необходимости. Многие из них выполняли миссионерскую деятельность по линии Комиссии по восстановлению православного христианства, другие учительствовали в местных школах или в грузинской школе, открытой во Владикавказе, а некоторые работали в государственных учреждениях. Все они своей деятельностью способствовали развитию образования осетин, укреплению их культурных связей с грузинским народом.

Из грузинских общественных деятелей, работавших во Владикавказе во второй половине XIX в., наиболее примечательным был Михаил Заалович Кипиани (1833–1891). С 1871 г. он с семьей проживал во Владикавказе, был другом Коста Хетагурова, имел близкие связи с передовой осетинской интеллигенцией, входил в состав Владикавказского кружка, членами которого были: А. Ардасенов, Х. Тускаев, И. Шанаев, Дж. Шанаев, П. Годжиев, Е. Газданов, А. Айдаров, Д. Сохиев, Дз. Голиев, Н. Кананов, Н. Казбек, Г. Атабегов, братья П. и С. Поповы (армяне), Б. Кизер и др. (М. Тотоев, 1957. С. 21).

Кружок, как видно, по своему составу был интернациональным. В организации кружка активное участие принимала О. Кананова (Палицина), начавшая революционную деятельность в России в начале 70-х годов. Кружок предпринял конкретные шаги на пути создания библиотеки во Владикавказе, целью которой являлось распространение литературы и революционных идей. Участниками кружка была предпринята попытка создания тайной типографии (там же. С. 22).

Кружок по своему характеру принадлежал к народническому движению. Михаил Кипиани являлся одним из выдающихся представителей грузинских народников. С ним был в тесной связи Алихан Ардасенов. Его арестовали в 1876 г. по обвинению в создании тайного общества во Владикавказе и сослали в Сибирь. В материалах ареста отмечается, что с целью осуществления революционной деятельности он брал деньги у таких выдающихся членов кружка, какими были Михаил Кипиани и Егнате Иоселиани (там же. С. 25).

О тесных связях А. Ардасенова с грузинской революционной общественностью говорит тот факт, что в 70-х годах, во время восстания в Сванетии, он был готов отправиться туда и принять участие в нем. То, что такое его намерение соответствует действительности, следует из того, что его в последующем арестовывают по обвинению в ведении революционной пропаганды в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Правда, данное обвинение было снято с него в 1878 г. из-за якобы ведения революционной пропаганды в Московской и Вологодской губерниях, но сам факт тесной связи А. Ардасенова с грузинскими революционерами остается действительностью. После возвращения из Сибири в 1885 г. А. Ардасенов начинает службу в Тифлисе в управлении государственного имущества и земледелия. Здесь он работал до 1916 года (там же. С. 26). Его очерк «Сванетия и Лечхуми» был напечатан в газете «Новое обозрение» (1890 г.). В 1896 г. А. Ардасенов издал в Тифлисе книгу «Переходное состояние горцев Северного Кавказа». Инициалы В.Н.Л., указанные вместо авторства, являются его псевдонимом и означают «Вера», «Надежда», «Любовь».

М. Кипиани и в дальнейшем поддерживал тесные связи с осетинским народом, с его передовой интеллигенцией. С 1883 г. Общество по распространению образования и технического знания среди горцев Терской области возглавляет почетный член общества М. Кипиани. Общество оказывало большую помощь осетинам и другим горцам Терской области в деле развертывания сети начальных народных школ, организации образования на родном языке, создания общежитий для учащихся осетин, содержания стипендиатов за счет общества, выпуска азбучных книг на родном языке (в 1890 г. была выпущена «Осетинская азбука» Алмахсита Канукова) и вообще в деле распространения образования в среде местного населения (Саришвили, 1965. С. 24–25).

М. Кипиани скончался в начале марта 1891 г. Осетинский народ искренне переживал его уход из жизни. Его друг К. Хетагуров посвятил Кипиани стихотворение, где отмечается его великая заслуга перед осетинским народом, и выразил глубокую скорбь осетинского народа по поводу его кончины. Газета «Иверия» в № 53 (10 марта) 1891 г. в корреспонденции, посвященной кончине М. Кипиани, писала по поводу стихов К. Хетагурова: «После скорбной речи он с большим чувством прочитал одно стихотворение на осетинском языке, а второе стихотворение — на русском. Краткое содержание осетинского стихотворения было таково:. Среди нас нет ни одного недовольного тобою. Имя твое будет жить в веках. Сама жизнь твоя была вековой. Только ты смог и принес в жертву ради нации собственное благополучие. С отрочества до старости нес тяжкий груз боли народа. Держал в руках зажженный факел и освещал нам темную дорогу. Где надо было — боролся, но чаще был добрым пастырем бедных. Чем же нам оплатить твою доброту?.. Несчастливы мы. Стократ несчастлив тот, кто оплакивает твой уход здесь» (там же. С. 37). По сведению газеты, присутствующие осетины, даже самые мужественные, не могли сдержать слезы.

Осетинский народ устами Коста Хетагурова и других своих передовых представителей дал высокую оценку деятельности М. Кипиани, неутомимого борца за просвещение и культурное развитие осетин, заступника забитого и бесправного горского народа, его «заступника», «сочувствующего» и «искреннего друга». Его забота об осетинах достойна того, чтобы его имя передавалось из поколения в поколение с чувством благодарности.

В Северной Осетии на поприще образования работали многие духовные и светские представители грузинского народа, внесшие весомый вклад в дело образования осетинского народа. В грузинской периодической печати в 80—90-х гг. XIX в. систематически печатались корреспонденции из Осетии за подписью «Грузин среди осетин» (псевдоним), автором которых являлся Н. Бакурадзе, работавший священником в Северной Осетии. Его корреспонденции касались повседневных событий, происходивших в Осетии, и давали возможность грузинской читающей общественности быть в курсе этих событий. На страницах журнала «Мцкемси» он много писал о религиозных верованиях осетин.

Такого же характера была деятельность Георгия Садзаглишвили, сотрудничавшего в 80-х годах в журнале «Мцкемси» под псевдонимом «Лиахвели Георгий». Он писал о состоянии христианской религии, о необходимости исполнения молитв на осетинском языке, о развалинах церквей, разоблачал вредные привычки и обычаи осетинского народа и приветствовал их отмену и ослабление. Он записал и опубликовал некоторые осетинские легенды.

Г. Садзаглишвили был высокого мнения об осетинской азбуке,

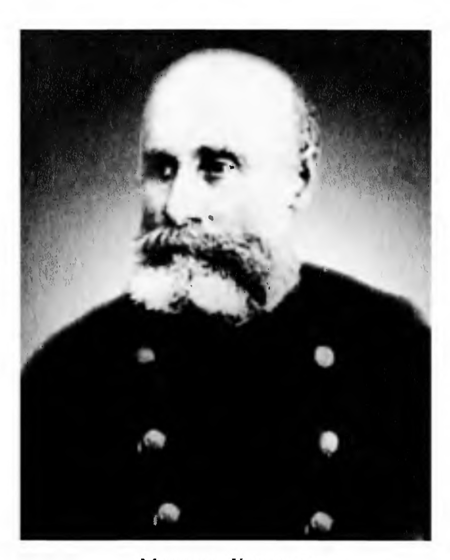
составленной И. Ялгузидзе на основе грузинского шрифта. Азбуку, составленную А. Шегреном на основе русского шрифта, он считал непригодной для осетинского языка, так как, по его мнению, она препятствует развитию грамотности в Осетии. В этом отношении, считал он, предпочтительна грузинская графика («Мцкемси», 1884, № 11; 1885, № 2).

Алихан Ардасенов

В 1894—1900 гг. известный грузинский педагог, инспектор Тифлисской дворянской школы Алексий Бесарионович Чичинадзе (1851—1917 гг.) был переведен инспектором народных школ Терской области. Он внес большой вклад в организацию изучения русского языка на основе родного языка в школах для нерусских. Исходя из его выводов и заключений было принято решение основать изучение русского языка в Терской области на базе родного языка. Такое решение имело определенное значение для дальнейшего успеха народных школ Осетии (Саришвили, 1965. С. 28—29).

Грузинские духовные лица продолжали активную деятельность в Осетии и во второй половине XIX в., в основном на арене духовного образования по линии Общества по восстановлению православного христианства на Кавказе. Епископ Имеретинский, миссионер Общества и инспектор школ Леонид в 80-е гг. занимался активной деятельностью по расширению сети миссионерских школ в Осетии и поддержанию тяги осетин к образованию. Путешествуя по Осетии, он в своих проповедях говорил о большом значении образования, и это не прошло бесследно. Корреспондент газеты «Иверия» писал, что «пятнадцать лет назад в Северной Осетии насчитывалось всего лишь 10—15 школ, да и те были построены на средства Общества по восстановлению христианства на Кавказе. Тогдашние осетины своих детей отпускали в школу неохотно. Но северные осетины скоро осознали необходимость учебы, особенно после того, как инспектором северных осетин был назначен уважаемый епископ Имеретинский Леонид. На сельских сходках, он в своих проповедях говорил жителям о большом значении образования... Такие советы не прошли даром. Сегодня детей в школах принимают голосованием, и во всех приходах Северной Осетии существуют школы» («Иверия», 1901, № 61; Саришвили, 1965. С. 26—27).

Михаил Кипиани

В последние годы XIX в. заведующим Владикавказского женского приютского училища был деканоз Мамацев. Это училище тоже принадлежало Обществу по восстановлению христианства и сыграло большую роль в деле образования осетинских женщин. Учителем географии Владикавказской женской гимназии с 1880 года, в течение 20 лет, работала выпускница той же гимназии Александра Николаевна Чхеидзе. Она была награждена золотой и серебряной медалями (ЦГА СО АССР. Ф. 127, оп. 1, ед. хр. 1544, л. 1–23).

В 1888 году во Владикавказе Обществом по распространению грамоты среди местных грузин была открыта грузинская школа. В 1892 г. старшим преподавателем этой школы был приглашен и в течение 14 лет работал известный грузинский педагог и общественный деятель Луарсаб Герасимович Боцвадзе (1865–1919 гг.). К этому времени в школе числилось 48 учеников, однако школьного здания пока не было. Л. Боцвадзе поставил перед собой цель – пробудить во владикавказских грузинах национальное самосознание, любовь к родному языку. Он за короткое время познакомился со всеми грузинами, проживающими там, и в результате число учащихся увеличилось. По инициативе Л. Боцвадзе на одном из холмов Владикавказа было построено красивое здание школы. В школе, кроме классов для занятий, были помещения для кройки и шитья для женщин, где занимались не только девушки, но и женщины среднего возраста.

Школа имела большой зал для театральных представлений. В нем часто проводились литературные вечера, на которых читали произведения грузинских писателей, исполняли грузинские песни, показывали представления, читали лекции про деятелей грузинской культуры. Одним словом, школа стала образцовой, ей давали высокую оценку Я. Гогебашвили и И. Чавчавадзе (Чкуасели, 1966. С. 10–13; Саришвили, 1965. С. 135–145).

Владикавказская грузинская школа сыграла большую роль в деле воспитания и образования тамошних грузин на национальной почве. Не менее важное значение она имела в сфере углубления культурных связей осетин и грузин, пропаганды грузинской культуры среди осетин.

Учителем владикавказской гимназии Г. Кахидзе перед правительством был поставлен вопрос об открытии в Алагире грузинской школы для грузинских крестьян (из Рачинского уезда), проживавших там с 1880 г. в количестве 114 семей. Школа была открыта в 1897 г. Заведующим назначили русского священника Андреевского, не владевшего грузинским языком. Он считался одновременно и учителем закона божьего, но этот предмет преподавал другой учитель, знаток грузинского языка. В этой школе в разное время работали педагогами П. Ломтатидзе, Е. Сирбиладзе, Г. Размадзе, Гудушаури, Микиашвили (Саришвили, 1965. С.145).

Грузинские школы в Осетии являлись теми центрами грузинской культуры, влияние которых распространялось и на осетин. Грузинские деятели народного образования в Северной Осетии не забывали и про осетин. При рассмотрении отчета Владикавказской грузинской школы за 1895–1896 гг. на собрании учителей прочитали письмо Квижинадзе и Чанишвили из с. Балта, в котором они сообщали, что молодой сельский учитель Николоз Парешишвили набрал почти до 40 детей – грузин и осетин и учит их грузино-русской грамоте. Они просили помощи для детей Балты, которые хотят учиться, но не имеют возможности. Письмо вызвало сочувствие – по списку собрали 50 рублей, а несколько молодых людей обещали купить для них учебные пособия («Квали», 1896, № 11; Саришвили. Там же. С. 48–49).

Деятели грузинской культуры, как видно из вышесказанного, не забывали об обучении и воспитании осетинской молодежи. Грузинская периодическая печать систематически публиковала сведения о состоянии школ в Осетии, об их неустроенности, критиковала антинародную политику чиновников правительства в вопросах образования осетин. Грузинская пресса указывала, что только через образование можно вывести осетинский народ на путь культурного развития, и, со своей стороны, старалась привить народу стремление к учебе.

Журнал «Квали» отмечал, что 18 августа 1895 г. общественность праздновала открытие хозяйственного отделения при Цхинвальском нормальном училище. На этом празднике «по-братски проводили время осетины, грузины, армяне, евреи. Все они были объединены одним общественным делом, и этим общественным делом было образование – успехи нормальной школы и хозяйственного отделения» («Квали», 1895, № 38).

Известный грузинский педагог, писатель и общественный деятель второй половины XIX в. Я. Гогебашвили (1840–1912) проявлял большой интерес к учебе и образованию осетинского народа. В своих очерках и письмах он неоднократно касался вопросов обучения и воспитания в осетинских школах на рациональных педагогических принципах. Основным условием успешной работы народных школ он считал учебу на родном языке.

Якоб Гогебашвили

Выступая против русификаторской политики дирекции народных школ Кавказа, предусматривавшей изучение одного незнакомого языка посредством другого незнакомого языка, Я. Гогебашвили называл такую политику антипедагогическим явлением. Он указывал, что такая политика преследует определенную политическую цель: «Если абхазский язык непригоден в качестве орудия начального обучения, тогда и осетинский язык непригоден. А если оба эти языка будут изгнаны из народных школ, то по какому праву можно сохранить в школьной учебе язык других горцев и даже негорцев?» (Гогебашвили, 1952. С. 157).

Я. Гогебашвили хорошо понимал, что отрицание родного языка в качестве основы начального образования имеет целью перерождение местных языков, что и вытекает из русификаторской политики царизма. Поэтому он требовал, чтобы « в осетинских школах имелись свои подготовленные кадры, осетинские учителя, в грузинских школах – грузины, в армянских – армяне и т.д.» (там же, т. II. С. 66). Он считал, что каждый народный учитель должен знать язык того народа, чьих детей и обучает.

Я. Гогебашвили легко распознал истинную цель проводимого царскими чиновниками мероприятия – присоединение к Сухумской епархии части Черноморской области, а к Владикавказской епархии – Терской области. Значит, целью являлось обрусение абхазов и осетин (там же, т. II. С. 174).

Будучи принципиальным противником создания стандартных учебников для национальных меньшинств Кавказа, он считал, что «каждое крупное кавказское племя, исходя из его особенностей, должно иметь свой отдельный учебник по русскому языку» (там же, т. III. С. 420). Основой таких учебников должна стать наглядная и устная учеба с помощью и систематическим применением родного языка (там же. С. 418). Эти разумные мысли Я. Гогебашвили полностью отражали интересы обучения и образования осетинского народа.

Яркий представитель грузинской культуры второй половины

XIX в., знаковая фигура национально-освободительного движения И. Чавчавадзе отважно боролся против колониальной политики царизма. Он не ограничивался только интересами Грузии и боролся за свободу всех народов Кавказа. Единство народов Кавказа он считал основным условием разрыва удушающих их цепей и обретения свободы. Эту идею он проводит в своей поэме «Ачрдили» («Призрак») (Чавчавадзе, 1960. С. 49). В ней поэт мечтает о том времени, когда племена гордого Кавказа одними мыслями и думами будут возвышены, когда прекрасные и пламенные лучи свободы расплавят заржавелые цепи. Тогда и страна вновь возвысится над руинами своего славного прошлого.

Илья Чавчавадзе

И. Чавчавадзе требовал истинного равноправия между народами, уважения национальных особенностей каждого народа и на этой основе установления дружественных отношений между ними. Он писал, что «собственное благополучие зависит от благополучия наших соседей, на несчастье соседа наше счастье не может основываться, строиться» («Иверия», 1886, 16 окт.). Что касается уважения национальных особенностей того или другого народа, то по этому поводу он высказал следующую мысль: «Каждая нация имеет свое собственное лицо, собственный зов сердца, свои желания, свои душевные стремления, свои достоинства. Поругание этих чувств — такое невежество, которое неприемлемо и непростительно для просвещенного человека» (Чавчавадзе, 1952. С. 419).

И. Чавчавадзе на протяжении всей своей жизни преданно нес в себе основанное на уважении соседних народов чувство корректного отношения, целью которого являлось установление тесных взаимоотношений между кавказскими народами. Его примеру последовали его сторонники и единомышленники А. Церетели, Я. Гогебашвили и многие другие.

Коста Хетагуров, великий поэт, мыслитель и общественный деятель осетинского народа, высоко ценил и относился с великим уважением к грузинскому народу, отдавал должное деятельности его творческой интеллигенции. Подобно грузинским шестидесятникам, он занимался активной деятельностью с целью культурного

Коста Хетагуров

и экономического развития своего народа, безжалостно разоблачал колониальную политику царизма на Кавказе и ее отрицательные последствия для развития местных народов.

Коста Хетагуров был в тесных связях с владикавказской грузинской колонией, дружил с предводителями этой колонии (Михаилом Кипиани, Луарсабом Боцвадзе). Коста бывал и в Тифлисе, где встречался с представителями передовой грузинской интеллигенции. В частности, он приехал в Тифлис в 1899 году в связи с вопросом его выселения царской администрацией с Северного Кавказа. В Тифлисе он посетил Соломона Гедеванишвили, у которого обычно собирались грузинские общественные деятели. Супруге Соломона Коста посвятил стихотворение (записал в ее альбом) (Гозалишвили, 1960. С. 75).

Нами уже были отмечены факты дружбы Коста с Михаилом Кипиани. Но интерес Коста к грузинскому народу не ограничивался его знакомством и дружбой с отдельными грузинскими общественными деятелями. В своем творчестве поэт отражал историческое прошлое двух народов, их совместную борьбу против внешних врагов. Это подтверждается его незаконченной поэмой «Хетаг». В поэме Хетаг – народный герой и предводитель войск осетинских. К нему в Осетию прибыл посланный царем Вахтангом князь Дадиани и передал письмо Вахтанга с просьбой об оказании помощи в борьбе против иранских завоевателей.

Хетаг и весь осетинский народ отозвались на просьбу Вахтанга. Они были готовы оказать помощь грузинскому народу в борьбе за свободу и независимость. Наблюдая и слушая такую готовность, Дадиани заявляет, что он хорошо знает осетинский язык, так как в Имеретии живут осетины и даже имеют с ним родственные отношения.

Писательскую и общественную деятельность Коста хорошо знали грузинские общественные деятели того времени. Выходу в свет первого сборника Коста «Ирон фандыр» («Осетинская лира») известный грузинский ученый Ал. Хаханашвили посвятил специальный очерк «Движение в Осетии к образованию». Он писал, что «жизнь человечества питается и направляется одной высшей целью – лю-

бовью и добродетельностью между людьми. Тот, кто эту святую истину осознал, для того благополучие соседа и собрата — счастье, а его невзгоды и страдания — беда. У наших соседних народов, у осетин, с которыми Грузия прожила многие века, наблюдается одно приятное движение, которое и для нас является примечательным событием: речь идет о стремлении осетин к образованию».

Ал. Хаханашвили отметил, что на 200 тысяч жителей Осетии приходится 30 сельских школ, но, несмотря на это, до последнего времени образование не получило широкого распространения из-за отсутствия книг для чтения на осетинском языке и ведения обучения на непонятном русском языке. Он считал, что успех в этом деле достигается обучением на родном языке, что «нужно создание письменности на родном языке. В настоящее время основой осетинской письменности является азбука, составленная академиком Шегреном. В 1898 г. вышла первая осетинская книга для чтения, и в настоящее время помимо духовных книг издаются и светские книги». Ал. Хаханашвили имел в виду изданные Гаппо Баевым в 1897 г. «Афхардты Хасана» Ал. Кубалова, а в 1899 г. — «Ирон фандыр» Коста Хетагурова.

В газетном очерке Ал. Хаханашвили касается вопросов строения и стихосложения «Ирон фандыр»-а, приводит заглавия стихов сборника. Он сообщает своим читателям, что Коста Хетагуров намеревается перевести на осетинский язык поэму «Алгузиани», в которой сохранена история осетин. Очерк заканчивается словами: «Пожелаем же осетинам успеха на этом честном пути и помечтаем вместе с ними о расцвете их писательской деятельности» («Иверия», 1899, № 136).

Уважение Коста к грузинскому народу, к его передовым представителям подтверждается и его откликом на болезнь А. Казбеги, помещенным в газете «Северный Кавказ» от 3 мая 1899 г. Он просил редактора газеты напечатать его справку о том, что деятели культуры Кавказа неоднократно были поставлены в известность о тяжелом состоянии грузинского писателя Александра Казбеги, что он лежит в больнице в общей палате с другими больными, без нормального питания, чая и даже сигарет, и, возможно, что и оттуда, из-за неуплаты больничных расходов на лечение, его тоже выбросят как ненужную вещь.

Коста с возмущением отмечал: «Разве тот человек, чьи произведения с удовольствием читаются народом, в доме родителей которого многие препроводили время, заслуживает того, чтобы он, облаченный в лохмотья, бродил по улицам и умирал под забором?» («Северный Кавказ», 1893, 3 мая; Гозалишвили, 1960; Саришвили, 1965. С. 36—37).

Известный грузинский писатель и общественный деятель Иосиф Имедишвили, который лично был знаком с К. Хетагуровым, передает рассказ Ягора Гудушаури о том, что «Коста часто посещал А. Казбе-

ги, останавливался у него на несколько дней, они читали, разговаривали и время проводили в спорах» (Гозалишвили, 1960. С. 61).

Большая любовь и уважение Коста к грузинскому народу подтверждается еще и тем, что он создал живописный холст с изображением просветительницы грузин святой Нины, не пожалев при этом красок для отображения ее красоты. Картина была выставлена во Владикавказе в 1887 г. Отзыв о ней напечатала газета «Иверия» (1887, 16 декабря, № 264).

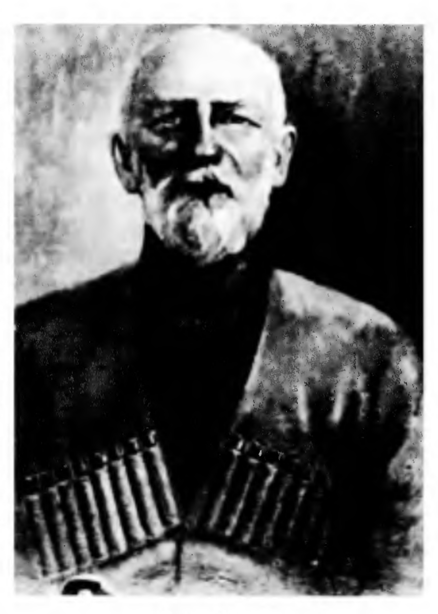
Л. Боцвадзе в некрологе, помещенном в газете «Терские ведомости» в связи с кончиной Коста Хетагурова, дал глубокую оценку его общественной деятельности. Он писал, что «замолк навеки апостол правды, любви, дружбы и свободы. С небосклона дорогого Кавказа оторвалась одна ярко светящаяся звезда, проливающая свои светозарные лучи всем хижинам родного края». Л. Боцвадзе отмечал те тяжелые обстоятельства и условия, в которых приходилось работать и творить К. Хетагурову, ту титаническую борьбу, которую он вел против бюрократического аппарата царизма для внедрения в жизнь передовых идеалов, улучшения условий жизни своего народа, его культурного развития и продвижения. Кончина Коста, продолжает он, была большой утратой не только для Осетии, но и для всего Кавказа и даже для России. Его вклад и заслуги перед народом не были оценены должным образом при жизни поэта. Но те, кто в будущем познакомится с поэзией Коста, увидят и почувствуют его сердечную боль за народ, его борьбу за лучшее будущее, те еще больше оценят и полюбят его («Терские ведомости», 1906, № 81; Гозалишвили, 1960. С. 82; Цотниашвили, 1979, С. 133—134). Л. Боцвадзе предсказал бессмертие Коста, и это предсказание свершилось.

Л. Боцвадзе считал, что такие люди как Коста Хетагуров, не часто рождаются. Они готовы жертвовать жизнью ради интересов своего народа, его лучшего будущего. Коста призывал свой народ к солидарности с другими народами Кавказа, был пламенным борцом за продвижение Кавказа по пути прогресса и цивилизации.

В 80-х гг. XIX в. в грузинской периодической печати развернулась публицистическая деятельность Г. Чочишвили. Он публиковался в грузинских журнал-газетах под псевдонимом «Лиахвели», был сыном Тома Чочиева, одного из первых просветителей Южной Осетии. Окончил Тифлисскую духовную семинарию с первым разрядом и начал работать учителем в Джавском районе; владел в совершенстве грузинским и русским языками. На грузинском языке он писал письма и очерки по вопросам истории, экономики, этнографии, фольклора южных осетин и публиковал их в основном на страницах газеты «Дроеба», а также в журнале «Мцкемси» и др. Он критиковал негативные явления в жизни осетинского народа, разоблачал тех, которые безжалостно эксплуатировали крестьян.

На основе грузинской грамоты вырос любимый писатель-са-

моучка осетинского народа Сека Гадиев. Он родился примерно в 1856 г. в ауле Нижний Ганис Гудского ущелья (у Военно-Грузинской дороги) в семье бедного горца осетина. Нелегкая жизнь была у него в молодости. Он работал на каменистых отцовских земельных лоскутках, на Военно-Грузинской дороге, пастухом по найму. Только случайность дала ему возможность изучить грамоту. Грузинский священник, знакомый отца Сека, выучил его, и уже в возрасте 18 лет он свободно владел грузинским языком, писал и читал на нем.

Сека Гадиев

Знание языка, знакомство с церковной и светской литературой на грузинском языке дали ему возможность познакомиться с классической грузинской литературой, с произведениями Н. Бараташвили, В. Пшавела, И. Чавчавадзе, Ак. Церетели, Ал. Казбеги. В 1873 г. его, как знатока грузинского языка, назначили дьяконом Гудской церкви (Джусойты, 1958. С. 5–6).

Сека Гадиев в своих художественных произведениях отражает безрадостную жизнь бедных горских осетин под гнетом крепостничества и пережитков патриархальных обычаев. Герои его повестей действуют в Осетии, Хеви, в других местах Грузии, вступают в определенные взаимоотношения, как с представителями господствующих кругов, так и с тружениками грузинского народа.

На основе сюжетов «Картлис цховреба» Сека Гадиевым были написаны легенды, рассказы о царице Тамаре и Давиде-Сослане, Ос-Богатаре (там же. С. 124–125). В его повестях много рассказывается об угнетении горцев ксанскими и арагвскими эриставами, об их попытках стравливания между собой осетин и мохевцев, чтобы легче было держать их под игом своего господства. В произведении «Арагвский эристави Нугзар» гудские осетины судят Нугзара и в качестве серьезного обвинения ему предъявляют следующее: «Господин эристав, зачем принуждал нас и наших соседей мохевцев, чтобы мы друг друга уничтожали, какое они преступление совершили перед тобой? Зачем подталкивал нас к злодеянию? Зачем лишил нас свободы?».

Литературным предшественником Сека Гадиева исследователь его творчества Нафи Джусойты считает Ал. Казбеги. Сека хорошо

знал творчество Казбеги. Общие моменты их творчества исследователь объясняет, в первую очередь, тем, что оба они описывали жизнь тех горцев, которые не признали феодальную зависимость, и оба отображали их общественную жизнь, обычаи, характер. Кроме того, оба эти писателя родились и воспитывались в соседних общинах: мохевцы, мтиульцы, гудцы и трусовцы издавна являются и близкими соседями. Поэтому в их творчестве отражается психический склад и общественные противоречия грузинского и осетинского населения, живущего в этих обществах (там же. С. 171).

В архиве Сека Гадиева в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте хранится до 100 страниц текста на грузинском языке. В большинстве грузинских текстов даются правила лечения различных заболеваний, толкование снов, заговоры. Среди этих текстов на грузинском языке есть стихотворение «Булбули» («Соловей»). Это стихотворение еще раз подтверждает хорошее знание Сека грузинского языка грузинской и поэзии, ее влияние на него.

Стихотворение с начала до конца пропитано любовью к свободе. Оно символически отражает рабское положение горских народов под гнетом царской колониальной политики:

Клетка для меня подобна гробу,
Пусть и наряжена золототканно,
Хоть и кормят рисом вдоволь,
Но схвачен я и заточен.
Поймали, свободу отняли...
В клетку меня посадили.
Лучше бы стократ умереть,
Чем кару такую терпеть.

(«Фидиуаг», 1965, № 9).

Эти строки в определенном смысле перекликаются со строфой Н. Бараташвили из поэмы «Беди Картлиса» (Судьба Картли).

Излишни ласки нежному соловью,
Коль в клетку он заточен.
Так и слава ни к чему человеку,
Коль он не совсем свободен.

В творчестве некоторых грузинских писателей и поэтов определенным образом находит свое отражение осетинская тема. Например, Гр. Орбелиани в своем стихотворении «Садгегрдзело» («Тост») характеризует осетин как воинственный народ, боровшийся под знаменем царицы Тамары плечом к плечу с грузинами. Он и художественным словом подтверждает место и значение осетинского народа в системе феодальной монархии Грузии:

«Под знаменем Тамары воинство собралось в Дидубе...
Осетин быстр, как лань, мтиули — крепости подобен».

Родоначальник грузинской драматургии Георгий Эристави (1813—1864) в начале своей литературной деятельности пробовал себя и в поэзии. Одним из первых его произведений является поэма «Осетинская повесть или Заре и Канимати». Поэма была написана до 1832 г. и впервые опубликована в 1832 г. в «Литературной части» «Тифлисских ведомостей» (номера 2, 3, 4), но не была напечатана до конца. Полностью поэма была опубликована в 1853 г. в четвертом номере журнала «Цискари» («Заря») под названием «Заре и Канимати». Поэма посвящается судьбоносной эпохе грузинской истории, в частности событиям кахетинского восстания в 1659 г. Событиям этого восстания посвящены поэмы «Бахтриони» Важа Пшавела, «Баши-Ачуки» Ак. Церетели и др. В поэме Г. Эристави грузины и осетины вместе, единой силой, выступают против внешних завоевателей. Действия в поэме разворачиваются следующим образом: старый осетин рассказывает о событиях минувших времен в Грузии — о кахетинском восстании. В то время правителем Картли был Роин — брат деда рассказчика. Царь посылает в Персию брата Роина, то есть деда рассказчика, и еще одного персонажа из фамилии Цараевых (Цариати). Посланцы не оправдали надежд — они сбежали по дороге, за что Роин, правитель Картли, казнил обоих собственноручно (Цотниашвили. Там же. С. 79—82).

Грузинский писатель и общественный деятель Антон Пурцеладзе (1839—1913) в своем творчестве и публицистике отражал некоторые моменты исторических отношений грузинского и осетинского народов, их общую судьбу и совместную борьбу как против внешних врагов, так и против жестокой феодальной эксплуатации.

В исторической поэме «Марабда» Антона Пурцеладзе описывается героическая борьба грузинского народа против персидских завоевателей и оказание осетинами братской помощи грузинам. Такая братская помощь, отмечает автор, носила систематический характер и имела большое значение и в прошлом.

Выступление и участие осетинского воинства в кровавой битве Марабды он описывает в превосходной степени, отмечая, что у грузин и осетин одна земля, одна страна, где они веками жили и росли вместе по-братски, присягнули друг другу в вечном братстве; у них общие и враги, и приятели. С давних пор осетины приучены воевать вместе с грузинами против общего врага, защищать свою общую родину (Пурцеладзе, 1942. С. 12, 13, 14).

Антон Пурцеладзе был непримиримым борцом против крепостного права. В своей повести «Марта», специально посвященной разоблачению жестокостей крепостного права, он обнажает те нечеловеческие условия, в которые были загнаны помещиками грузинские и осетинские крестьяне, и выражает свои симпатии их борьбе в защиту своих человеческих прав.

Главной героиней повести является осетинская девушка Марта.

Она была сиротой, и князь Илико обменял ее на гончую собаку ростовщика Хечо. В повести писатель представляет ее трудолюбивой и благородной девушкой. Она «была непрестанно занята делами», «своим веселием и физической красотой снискала любовь окружающих. Нельзя было услышать из ее уст непристойные слова, никто не смог бы вспомнить обиды от нее». Она полюбила подобного себе честного грузина — крестьянина Сосе, но помещик Ростом Табладзе преградил им путь к счастью и превратил жизнь влюбленных в ад. Так же поступал он и с другими крепостными. И тогда они решили обратиться к крайнему средству — убить помещика.

Крепостным заговорщикам активно помогала Марта. Она не только сочувствовала заговорщикам, но и являлась центральной фигурой среди них, подбадривала крестьян, которым трудно было решиться пролить кровь. Она говорила, что после такого позора жизнь для нее потеряла смысл и поэтому надо воздать губителю должное. Однако Марте не чужда жалость даже к такому извергу: «Боже! Боже! Почему ты довел нас до этого? Чего им стоило — поступи хоть немножко по-христиански, и тогда бы и они сами избавились от проклятия, и других бы избавили от греха», —мерается она.

Повесть А. Пурцеладзе «Марта» стоит в одном ряду с произведениями, «Сурамис цихе» («Сурамская крепость») Д. Чонкадзе, «Како качаги» («Абрек Како»), «Кациа-адамиани?» («Человек ли он?») И. Чавчавадзе и др.

Писательница Анастасия Эристав-Хоштария активно сотрудничала в грузинской прессе второй половины XIX в. Она систематически публиковала в газете «Иверия» корреспонденции о жизни населения Ксанского ущелья. В 1885 г. она перевела с русского осетинскую легенду «Бесо» и напечатала в «Нобати» («Нобати», 1885, № 3—5). Ей же принадлежит публикация осетинской легенды «Ешмакис Самаре» («Чертова могила») в «Иверии» («Иверия», 1894, № 39).

Большая заслуга в деле развития и укрепления добрососедских культурных взаимоотношений между грузинским и осетинским народами принадлежит Николаю Георгиевичу Берзенову, родившемуся в 1831 г. в селе Ардон Северной Осетии в семье грузинского священника. Отец его работал в Осетии в Обществе по восстановлению христианства, он строил церкви. Н. Берзенов сперва заканчивает Владикавказскую духовную семинарию, а потом и Тифлисскую духовную семинарию.

Работа в Осетии, глубокое знание жизни осетинского народа (обычаев, быта, устной словесности), особенно Алагирского и Дигорского ущелий, определили большой интерес Н. Берзенова к этнографии осетинского народа. Он посвятил этнографии Осетии много трудов, печатавшихся в газетах «Закавказский вестник» и «Кавказ» (Бакрадзе, 1874; Магометов, 1958). Часть его трудов была напечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» и в журнале «Русское слово».

Издание первых его работ по осетинской этнографии началось в 1850 г. в газете «Кавказ». В 1850–1853 гг. здесь были: «Новый год у осетин Владикавказского округа»; «Осетинский обряд сидения мертвецов»; «Очерки Осетии. Хетаджи-кох, Уацилла», «Цоппай»; «Из записок об Осетии» (господство обычаев, кровная месть, примирение кровников, семья и семейный быт, гостеприимство, земледелие, начало весенних и летних работ и связанные с ними обычаи); «Очерки Осетии. Чиндзахсав. Сой-Сой»; «Очерки Осетии. Дигория» (касается всех сторон их жизни); «Из воспоминаний об Осетии» – отдельные этнографические замечания; «Из записок об Осетии» – о положении осетинской женщины и др.

В 1855 г. в альманахе «Зурна» был напечатан очерк Н. Берзенова «Осетинская Сафо (Картины и нравы из моих воспоминаний)». В этой работе дается богатый материал по вопросам этнографии осетинского народа. Она охватывает множество проблем и широко освещает их. Это был период, когда в Осетии уже начали появляться образованные люди, которые проявляли большой интерес к истории и культуре осетинского народа, и среди них одним из первых был Н. Берзенов. То, что писал он на русском языке, способствовало распространению его трудов и знакомству с ними широкой общественности.

Н. Берзенов особо подчеркивал богатство музыкально-песенного репертуара осетинского народа. В песнях, посвященных религиозным празднествам, он видел отражение быта и психологии осетинского народа. По справедливому замечанию А. Магометова, этнографические труды Берзенова об осетинах интересны не только с этнографической, но и с литературной точек зрения, ибо они носят характер художественного повествования (Магометов, 1958. С. 12).

Для исследователей истории и этнографии Осетии середины и второй половины XIX в. Н. Бердзенов как хороший знаток Осетии был большим авторитетом. Его работами пользовались такие известные исследователи, как, например, М. Ковалевский, Вс. Миллер, В. Пфаф, Н. Дубровин и др. Высокую оценку давал его трудам и академик М. Броссе.

Н. Берзенов находился в дружественных отношениях с В. Цораевым и Д. Чонкадзе. Не случайно, что Чонкадзе оставил по завещанию свои незаконченные этнографические записки (Записки о куртатинцах), фольклорные и лексикологические материалы Н. Берзенову. Тот в свою очередь передал эти материалы в Российскую Императорскую Академию наук, по заданию которой Д. Чонкадзе работал над составлением русско-осетинского словаря. Часть этих материалов была опубликована акад. Шифнером в книге «Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым». Эти тексты в последующем были изданы на французском и немецком языках.

Н. Берзенов способствовал заинтересованности осетинской на-

циональной интеллигенции в вопросах родной этнографии. Будучи редактором периодического издания «Закавказский вестник», он начал печатать (1855 г.) этнографические письма осетина Соломона Жускаева, который в то время был еще учащимся Тифлисской духовной семинарии.

Помимо вышеизложенного, Н. Берзенов был великолепным исследователем грузинской этнографии. Вопросам этнографии и истории Грузии он посвятил множество трудов. Его работа «Тифлис в этнографическом отношении» и сегодня пользуется интересом исследователей. Кроме того, он вел активную критико-публицистическую деятельность.

В своей научной и литературной деятельности Н. Берзенов был олицетворением дружбы грузинского и осетинского народов. Его труды об осетинах свидетельствуют не только о прекрасном знании жизни, психологии и языка этого народа, но и о доброжелательном отношении их автора к осетинам. В свою очередь осетины относились к нему с большой любовью и уважением. Его имя и сегодня дорого для осетин, примером этого является и названный труд А. Магометова, посвященный Н. Берзенову.

Нельзя не упомянуть и о том, что грузинские историки второй половины XIX в. проявляли большой интерес к вопросам древнейшей истории осетинского народа, выявляли о них сведения, хранящиеся в исторических источниках. В этом отношении примечательна деятельность М. Джанашвили. Ему принадлежит очерк «Из осетинской истории», в котором поставлен ряд вопросов истории осетинского народа. Но особого внимания заслуживает та его деятельность, которую он проводил по выявлению в грузинских исторических источниках материалов о народах Северного Кавказа, в том числе и об осетинах. Эти материалы он напечатал под заглавием: «Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России» (Джанашвили, 1897). Этот труд в течение долгого времени, и даже сегодня, остается чуть ли не единственным доступным источником на русском языке для лиц, интересующихся историей народов Кавказа.

Ему же принадлежит перевод поэмы И. Ялгузидзе «Алгузиани» на русский язык и параллельное ее печатание на грузинском и русском языках.

Так выглядит общая картина культурных взаимоотношений между грузинскими и осетинскими народами во второй половине XIX в. Из привлеченных материалов видно, что эти взаимоотношения были очень интенсивными и благотворными, с разнообразными формами проявления, способствовали улучшению грамотности и образования осетинского народа, дальнейшему развитию осетинской культуры. Личные отношения грузинских и осетинских деятелей культуры всегда носили общественный характер и служили стимулами дальнейшего сближения этих двух соседних братских народов.

ГЛАВА III

Взаимоотношения грузинского и осетинского народов в 1901–1921 гг.

§1. Революционное содружество грузинского и осетинского народов

Начало XX в. в Российской империи отмечалось новым подъемом революционного движения рабочего класса и крестьянства. Особенно организованный характер это движение приняло после того, как его возглавила социал-демократическая партия во главе с В.И. Лениным.

Классовая борьба особенно остро развернулась в Грузии. Южные осетины по причине целого ряда особых условий (тяжелое экономическое положение из-за малоземелья, жестокая эксплуатация со стороны помещиков и царских чиновников, политическое бесправие и национально-колониальное угнетение) принимали активное участие в первой буржуазно-демократической революции России.

Революционное движение южных осетин было тесно переплетено с революционным движением грузинского народа. К этому времени осетины уже числились в рядах рабочих Тифлиса и других промышленных центров и активно принимали участие в их классовой борьбе против самодержавия. Однако совместная революционная борьба грузинского и осетинского народов особенно ярко проявилась в крестьянских выступлениях, которые имели особую остроту в Горийском и Душетском уездах, где вместе с грузинами проживало большое количество осетинского населения. Среди них активную революционную работу проводили уполномоченные Горийской уездной партийной организации РСДРП. Представители этой организации (Г. Елисабедашвили, Алимбарашвили и др.) часто отправлялись в села Южной Осетии и там сплачивали крестьянство для борьбы против самодержавия и помещиков.

В 1904 г. образовался Цхинвальский комитет РСДРП, который действовал под непосредственным руководством Горийского комитета. В его состав вместе с грузинами входили и осетины. Осенью того же года в Ванати образовалась социал-демократическая группа. Такие же партийные группы образовались в Джаве и Кемерта. В

Джавскую партийную группу входили Павле Кумаритов, Ника и Пида Миндиашвили. Вокруг этих групп собирались передовые крестьяне и сельская интеллигенция. Они выполняли большую роль в деле организации и сплочения трудящегося населения Южной Осетии для революционных выступлений. Результатом такой работы явилось то, что грузинское и осетинское крестьянство выступило солидарно с лозунгами: «Да здравствуют свобода и единство!», «Долой Николая!».

Уже к февралю 1905 г. крестьянские волнения охватили Тифлисскую и Кутаисскую губернии. Отчаянное революционное выступление гурийского крестьянства нашло широкий отклик в различных уголках Грузии, особенно в Горийском уезде, где тоже начались волнения. Жители грузино-осетинских сел на митингах объявляли бойкот царской власти. В середине февраля в Цхинвале собралось крестьянство восьми сел. На митинге звучали призывы к революционной борьбе против царизма и помещиков.

Наиболее представительным был митинг, состоявшийся в селе Корнис, на котором собралось до пяти тысяч жителей грузинских и осетинских сел. Митинг постановил: объявить всем учреждениям царской власти бойкот, не признавать дворянство и духовенство, отказаться от уплаты налогов в пользу помещиков и казны. Собравшиеся клялись в верности друг другу (Догузов, 1960. С. 205—206).

Крестьяне уничтожали усадьбы помещиков, хозяйственные постройки, самовольно рубили лес, предъявляли политические требования. Начальник Горийского уезда сообщал губернатору, что в канцеляриях сел Горийского уезда полностью отсутствует делопроизводство, так как в некоторых обществах крестьяне под угрозой заставили писарей и стражников покинуть свои рабочие места и должности («Цнобис пурцели», 1905, 14, 17 марта).

Начальник Горийского уезда в своем докладе от 15 марта 1905 г. управляющему гражданских дел на Кавказе встревоженно сообщал, что крестьянское движение приняло опасный характер и что осетины из западной и срединной части уезда — с гор спускаются, бродят толпами в помещичьих усадьбах и вместе с местным населением усиливают беспорядки. Местная власть парализована, представителей власти силой выгоняют. Эти толпы грузинских и осетинских крестьян разоряют поместья, прогоняют слуг, в результате чего помещичьи усадьбы и их многочисленный скот остаются без присмотра. Многие покидают свои усадьбы. Бунтовщики предъявляют политические требования. Начальник уезда просит направить в Горийский уезд значительные силы военных для подавления и искоренения революционного движения крестьянства (Цховребов, 1958. С. 17—18).

Такие же выступления крестьян имели место в Шорапанском уезде. Здесь грузинские и осетинские крестьяне предавали огню

сельские канцелярии, вынуждали местную администрацию покинуть службу (Догузов, 1960. С. 208). Широкие выступления крестьян происходили и в Ксанском ущелье. До восьми тысяч крестьян-осетин переходили из одного села в другое и прогоняли слуг помещиков. Только в одном Ахалгори мобилизовали до полутора тысяч крестьян под лозунгами «Свобода и единство» («Новое обозрение», 1905, № 61).

О совместных выступлениях грузин, осетин и других национальностей, проживающих в Цхинвале (армяне, евреи), говорит состоявшийся 9 марта 1905 г. митинг, на котором присутствовали до 1500 человек. На этом митинге были избраны 16 депутатов, по четыре депутата от осетин, грузин, армян и евреев. Они должны были разработать требования трудящихся масс для предъявления государственной комиссии, которую ждали («Могзаури», 1905, № 11).

Еще более грандиозным был митинг, состоявшийся в селе Дгврриси 13 марта. На этом митинге крестьяне выступали на грузинском и осетинском языках. Они объявили, что не нуждаются в старостах, писарях, акцизных чиновниках и стражниках, ибо они довели их до нищенства. «У нас самих семьи вымирают от голода и холода, а они последний кусок отнимают. До сих пор терпели, были глухими, немыми и беззащитными. Сейчас очнулись и требуем всего того, чего добиваются забитые, как мы, народы». Этот митинг в тот же день продолжился в Цхинвале и закончился демонстрацией. В нем участвовали более восьми тысяч человек. С лозунгами они прошествовали по улицам Цхинвала (там же).

Везде в селах крестьянство нападало на органы местной власти и разоряло их. В этом деле грузинские и осетинские крестьяне выступали единодушно. В Белот-Меретских обществах руководителями крестьянских выступлений были Васо Дудаев из с. Дменис, Эстате Арчвадзе из Хашури и Мате Валиев из Зонкара. В селах, входящих в общества Окона, Атоца и Брета, закрытием сельских канцелярий, изгнанием сельских старост и осуществлением других мероприятий руководили избранные крестьянами представители — Г. Абаев, Минадзе и Квеладзе (Догузов, 1960. С. 216—217).

Крестьянство разоряло усадьбы помещиков, вынуждало их под угрозой смерти покинуть свои поместья и убраться оттуда. Карательным экспедициям правительства они везде оказывали вооруженное сопротивление. Активная работа большевиков среди крестьян придавала их борьбе организованный, политический характер. 20 марта в селе Меджврисхеви собралось до четырех тысяч грузинских и осетинских крестьян из близлежащих сел. На митинге было решено предъявить помещикам следующие требования: освободить временнообязанных крестьян от уплаты налогов, а земли передать в их собственность; право пользования лесом передать лицам, избранным народом (там же. С. 221).

В условиях подъема революционного движения, по призыву большевиков всюду, в том числе и в селах Южной Осетии, создаются революционные комитеты – органы местного самоуправления, выполняющие большую роль в сплочении революционных сил в селе. Такие комитеты в Южной Осетии были созданы в сс. Цунар, Корнис, Тамарашени, Авневи, Окона, Ахалгори и др. В них совместно и активно сотрудничали представители осетинского и грузинского крестьянства. Они выполняли не только функции местного управления, но и судебные функции.

Дворянство, с целью защиты своих поместий от восставших крестьян и приведения их в покорность, создало «черный отряд», состоящий из 400 хорошо вооруженных человек. В Горийском уезде инициатором создания «черного отряда» дворян был крупный помещик Георгий Амилахвари. Руководителями отряда были дворяне З. Абдушелишвили и Абель Калатозишвили, князья Гиго и Аполлон Мачабели. Их активно поддерживали помещик из Тирдзниса Сулханишвили и мировой судья Сардион Амираджиби.

В связи с созданием черносотеннных отрядов дворянства Дмитрий Панджарашвили, активный участник революционного движения 1905–1907 гг. в Горийском уезде, в своих воспоминаниях пишет, что Г. Амилахвари, З. Абдушелишвили и А. Калатозишвили выпросили у правительства оружие для создания «черного отряда» и начали проводить соответствующую пропаганду среди крестьян. В Квемо Авчале, на одной из встреч с представителями крестьянства, они предложили им дать клятву перед Богородицей, что они не изменят родине и будут воевать против представителей чужеродных наций, проживающих в Грузии, особенно против осетин, которых они называли своими историческими врагами. Когда до слуха народа, собравшегося неподалеку от деревни, дошло это известие, они, особенно осетины, обеспокоились. Взволнованному и обеспокоенному народу Д. Панджарашвили предложил в ответ дворянству создать красные отряды, избрать нескольких опытных крестьян, послать их в Осетию и Мтиулетию, призвать к единению и совместным действиям, не подчиняться властям и не платить налоги. Выслушав эти слова, присутствующие осетины ответили, что все они готовы воевать вместе с грузинами, а не против грузин. Были избраны шесть человек: Ной Габашвили, Нико Болоташвили, Тедо Габарашвили, Малхаз Габарашвили, Захария Надирадзе, которые с соответствующим заданием на лошадях отправились в горы Лехури и Ксани (ГЦИА. Ф. 2417, д. 307, л. 14–15).

«Черным отрядам» дворянства энергично противостояли красные сотни, созданные революционным крестьянством. Были созданы отряды Цхинвал-Корнис, Ксанского ущелья и отдельно Джавского ущелья, каждый в количестве по 150–250 человек. Вооружа-

лись в основном оружием, отобранным у дворянства, стражников и у других должностных лиц.

К лету 1905 г. масштабы революционного движения крестьян еще больше расширились. Грузинские и осетинские крестьяне дружески, плечом к плечу выступали против помещиков и царских чиновников. Газета «Тифлисский листок» отмечала, что в Картли движение крестьян усиливается. В сельских обществах все дела управляются сотниками и десятниками вместе с избранными обществами лицами. Всякие отношения населения Внутренней Картли с правительственными учреждениями прекращены. В Цхинвальском ущелье между местными жителями, независимо от их национальности, установилось тесное единство («Тифлисский листок», 1905, № 146).

Обеспокоенный нарастающим революционным выступлением крестьянства, Воронцов-Дашков посылает в Горийский и Душетский уезды генерал-адъютанта Амилахвари с чрезвычайными полномочиями. Он создал комиссию для установления вреда, причиненного помещикам крестьянами, и постарался добиться выполнения возложенной на него миссии — искоренение выступлений крестьян посредством жестоких мер.

Однако выступления крестьян не прекращались. В Мчадиджвари на митинге осетинских и грузинских крестьян у начальника уезда потребовали возвращения продуктов, отобранных у них казаками. Они отказывались платить налоги. По приказу начальника уезда по собравшимся на митинге открыли огонь, в результате чего были убиты и ранены 30 человек (Догузов, 1960. С. 236). Революционные выступления крестьян в Горийском и Душетском уездах достигли такой ожесточенности, что наместник царя выделил их в отдельное губернаторство и передал под управление полковника Альфтану. Ему же дали чрезвычайные полномочия для борьбы с революцией.

Жестокие репрессии, экзекуции, аресты не достигали своих целей. Крестьянство продолжало ожесточенную борьбу. Красные сотни продолжали разоружение ненавистных помещиков, разорение и уничтожение их усадеб и поместий. В красных сотнях плечом к плечу боролись осетины и грузины (Цховребов, 1958. С. 90).

В условиях дальнейшего подъема революционного движения грузинскими большевиками была проведена большая работа в массах с целью объявления бойкота Государственной думе Булыгина, разоблачения фарисейского характера манифеста 17 октября и конституционных иллюзий меньшевиков. Эти последние выступали против вооруженного восстания, против лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, против перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вооруженное восстание в Москве 9 декабря нашло широкий отклик во всей империи. 10 декабря началось восстание и в Тифли-

се. Ночью 15 декабря в Южной Осетии красные отряды напали на посты полицейских в Цхинвальском районе. Вся власть в районе перешла в руки восставшего народа. Цхинвальский район вместе со всеми обществами горной Осетии превратился в один из мощных очагов революционного восстания. В районе были разогнаны все правительственные учреждения. Восставшие крестьяне посредством своих революционных комитетов стали хозяевами своей собственной судьбы (Бекоева, 1955. С. 325–326; Догузов, 1968. С. 281).

В вышеотмеченных событиях грузинское и осетинское население Горийского уезда было единодушным. Они боролись плечом к плечу против помещиков и царизма, изгоняли представителей администрации и помещиков и устанавливали революционные порядки.

Поражение декабрьского вооруженного восстания в Москве вызвало временное поражение революционного движения на периферии. Царизм воспользовался заключением мира с Японией, поддержкой международной реакции, слабостью связей между рабочими и крестьянами и перешел в контрнаступление. Горийский уезд превратился в арену бесчинств царизма. Части войск, «черные отряды» дворянства рыскали в этих местах, уничтожали дома революционных крестьян и рабочих, расстреливали на местах, выселяли в Сибирь, устраивали экзекуции. Отряд капитана Внуковского обошел весь Цхинвальский район и всюду оставил свой кровавый след.

Однако революционное крестьянство не собиралось так легко уступать свои позиции. Отступая с тяжелыми боями, оно продолжало преследовать и изгонять помещиков, бойкотировать администрацию, отказываться от уплаты налогов и повинностей, рубить помещичьи леса и др. Несмотря на такую активность, бои 1906–1907 гг. уже несли характер арьергардных боев (Бекоева, 1955. С. 328). В этой борьбе осетинские и грузинские крестьяне вновь выступали вместе. Например, в ночь с 7 на 8 июня 1906 г. в селе Ергнети в разорении усадьбы Ивана Мачабели вместе действовали Б. Газзаев, В. Зубашвили, Касрадзе, Г. Гогашвили.

О масштабах совместных выступлений осетинских и грузинских крестьян дает представление рапорт от 1 декабря 1906 года начальника Горийского уезда к тифлисскому губернатору. В нем сообщалось, что в Горийском уезде беспорядки, то есть революционные выступления крестьян, приняли такой размах, что установилась полная анархия. Этот уезд не только в Закавказье, но и во всей России всех опередил как по количеству выступлений, так и по их остроте (Догузов, 1960. С. 319).

Содружество осетинского и грузинского народов в революционном движении 1905–1907 гг. ошеломило власть. Она принимала соответствующие меры по недопущению впредь их совместных революционных выступлений, противопоставляла их друг другу и та-

ким образом старалась отстранить от общей борьбы против самодержавия. Для этой цели царские чиновники и полиция в селах Картли старостами и стражниками назначали осетин, произвол со стороны которых должен был посеять вражду против всего осетинского народа со стороны грузин. Передовые представители осетинского и грузинского народов хорошо сознавали такую опасность, разоблачали провокационные действия царских агентов и призывали народ к бдительности. Вышедшая 23 июля 1906 г. во Владикавказе газета «Ирон газет» («Осетинская газета») призывала осетин к дружбе с соседними народами, объясняла, что взаимное натравливание народов – метод царской политики, целью которой является отстранение недовольных от борьбы против самодержавия.

В Тифлисе с 8 марта 1907 г. выходила осетинская газета «Ног цард». Она последовательно проводила пропаганду дальнейшего укрепления дружбы между осетинским и грузинским народами. Передовая статья третьего номера этой газеты посвящалась отношениям этих народов. Газета писала, что у грузин и осетин и враги, и друзья всегда были одни, что трудовой народ Грузии никогда не был благодарен своим господам, но с осетинами, как с братьями, всегда жили в согласии. Газета хорошо понимала, что дружбе осетинского и грузинского народов угрожает серьезная опасность из-за политики стравливания со стороны государственных чиновников: «Кудесники стремятся погасить и разорить очаг бедных людей, но этого не должно случиться Мы и впредь должны жить вместе и поэтому не следует слушать наших неприятелей и, на радость врагам, не причинять друг другу сердечную боль»

Когда весной 1907 г. в Горийском уезде царские чиновники устроили провокации с целью стравливания грузин и осетин, грузинский революционер и поэт Ир. Евдошвили выступил с «Предупредительным письмом», в котором писал: «В Горийском уезде ожидается столкновение между осетинами и грузинами. Причиной этому является в том числе и то, что в селах Картли старостами были назначены осетины. Притесненные старостами грузины свою неприязнь переносят на осетинский народ. Таким образом, местной полицией для провокации – стравливания одной нации с другой – создана прекрасная почва, и если думающая, умная часть этих народов не остановит эти две хитро стравливаемые нации, то, возможно, мы станем свидетелями страшного и позорного зрелища» («Дроеба», 1907, № 9).

Прогрессивные представители осетинского и грузинского народов разоблачали провокационные действия царского правительства и не давали ему возможности пользоваться взаимным кровопролитием соседних народов. Несмотря на поражение революции 1905–1907 гг., грузинское и осетинское крестьянство получили прекрасную школу совместной борьбы за свои классовые интересы.

Революционное содружество братских народов проявилось и в североосетинской действительности. Созданный в 1903 г. в Закавказье комитет РСДРП сыграл большую роль в деле распространения марксистских идей и развертывания революционной работы на Тереке. По заданию Кавказского и Бакинского комитетов РСДРП И.Г. Филатов переехал в Грозный, где он руководил грозненской организацией РСДРП. При его непосредственной помощи в 1904 г. во Владикавказе оформилась группа РСДРП, которая объединяла группы русских, осетин, грузин, армян и других национальностей. Владикавказская группа выпускала и распространяла прокламации на русском, осетинском и грузинском языках, осуществляла революционную работу среди рабочих.

К концу 1904 г. во Владикавказе был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, который должен был руководить революционным движением на Северном Кавказе. Поражение царизма в русско-японской войне вызвало оживление революционного движения на Северном Кавказе. Кровавая трагедия девятого января переполнила чашу терпения народа.

В Северной Осетии к этому времени широкое распространение получили революционные выступления. В этих выступлениях принимали участие русские, осетины, грузины и представители других народов, живущих здесь. Волнения охватили и грузин, живущих в Алагире и считавшихся временнопроживающими. Из протокола начальника третьего участка Владикавказской области от 21 апреля 1905 г. видно, что житель Алагира Закария Кинчадзе ночью сломал висячий замок карцера и сбежал. Когда местная власть пришла арестовать его, защитниками выступили Сико и Ягор Гамкрелидзе. При дальнейшем обострении ситуации алагирские грузины в количестве 50 человек пришли в канцелярию. И когда начальник участка постарался вызвать казаков, грузины не дали ему такой возможности и разошлись с угрозами: «У нас своя сотня казаков, не боимся мы ваших казаков» (Северная, 1955. С. 33–34). Про эти события начальник Владикавказской области сообщил начальнику Терской области и предложил арестовать алагирских грузин – Василия Султанишвили, Сико, Виктора и Ягора Гамкрелидзе по обвинению в оказании сопротивления властям.

Грузинское население Алагира и в дальнейшем активно участвовало в революционном движении. Они включились в широко развернувшееся по всей империи, в частности в Осетии, крестьянское движение за овладение казенными землями. Староста алагирской общины Потемкин 12 мая 1905 г. сообщал своим начальникам, что здешние грузины начали самовольный захват земель горнопромышленного общества «Алагир». Эти земли были арендованы обществом у казны, а грузины начали их межевать и делить между собой на приусадебные участки (там же. С. 37). Тот же Потемкин

13 мая сообщал начальнику Владикавказской области, что алагирские грузины, которые самовольно захватили земли общества «Алагир», собираются 15 мая устроить такой «бунт», какой в настоящее время имеет место в Закавказье, и поэтому он не может в таких условиях выполнять свои обязанности безопасно (там же. С. 38).

Весной 1905 г. широко развернулись революционные выступления рабочих. 5 мая во Владикавказе началась первомайская забастовка. На следующий день – 6 мая организаторами забастовки была подготовлена грандиозная пятитысячная демонстрация. Демонстранты ходили по городу с красными знаменами, пели революционные песни; ораторы призывали к свержению самодержавия. 7 мая в городском парке состоялась демонстрация, в которой приняли участие до 500 человек. Из рапорта полицмейстера Владикавказа, полковника Котляревского, начальнику Терской области и атаману Терского казачьего войска видно, что когда казаки пробовали разогнать демонстрантов, некоторые грузины начали кидать в них камни (там же. С. 41).

Влияние большевистской партии на Северный Кавказ, в частности на Осетию, осуществлялось из Закавказья посредством Кавказского краевого комитета. Поэтому события, происходившие в Грузии, оказывали большое влияние на революционное движение трудящихся Владикавказской области. Расстрел митинга рабочих в Тифлисе 29 августа в доме городского самоуправления вызвал возмущение трудящихся Владикавказа. 4 сентября здесь, в районе завода Сараджева, состоялся митинг. В соответствующих прокламациях были освещены тифлисские события, и поэтому власть считала это делом рук Тифлисского комитета. Активное участие в митинге приняли студенты, а также русские, армянские и грузинские ремесленники. В связи с отмеченными событиями полицмейстер Владикавказа в своем докладе начальнику полиции Кавказа так характеризовал силы, участвующие в революционном движении во Владикавказе. В городе самой оппозиционно настроенной является интеллигенция. Среди них есть евреи и армяне, которые не довольствуются только словами и речами, а объединяются в кружки, устанавливают связи с оппозиционными центрами. По активности за ними следуют осетины, интеллигенция которых неспокойна, всем недовольна, подбивает население к беспорядкам, разлагает их. При этом агитаторами выступают студенты и сельские учителя. Грузинская интеллигенция упреков не заслуживает, однако студенчество не унимается. Простой грузинский народ – рабочие и ремесленники – неспокойны, среди них много вредных (революционных) элементов. Под влиянием событий, происходящих в Закавказье, они, люди безудержного характера, считай, уже являются подготовленными революционерами-анархистами.

В заключении своего доклада он писал, что был арестован некий грузин Рамишвили, бунтовщик, возмущавший рабочих, в ре-

зультате чего воцарилось спокойствие на улице Краснoряда. По его же требованию из города был выгнан студент Мосулишвили (там же. С. 101–102).

Революционная борьба рабочего класса и крестьянства в Закавказье находила широкий отклик в Северной Осетии. В Алагире осетинами и временнопроживающими грузинами были заняты пастбища, принадлежащие богатым коренным русским, огородили, посадили деревья и поставили сено. В своей жалобе хозяева пастбищ отмечали, что они понесли убытки в размере пяти копеек за каждую сажень земли (там же. С. 104–105).

Алагирские грузины начали самовольно вспахивать землю, принадлежащую обществу «Алагир». Две десятины вспахал Константин Гугушвили, две десятины – Соломон Схиртладзе, одну десятину – Гр. Валадзе; а также Лобжанидзе и другие. Они заявляли, что хозяевам заплатят арендную плату, но без пахотной земли они не могут остаться, иначе им конец (там же. С. 162–165).

В декабре произошли выступления в Осетинском дивизионе, в других войсковых частях. Ночью, 18 декабря, ждали митинга всего гарнизона. 500 гражданских лиц с красными флагами и с пением «Марсельезы» направились в сторону казарм Апшеронского полка. Командиром полка вместе с другими офицерами были арестованы агитаторы шествия – Попов, Томашевский, Гудушаури (житель Казбеги). Их в сопровождении двух сотен солдат отправили в полицию, но опасная ситуация, созданная демонстрантами, заставила власти освободить их (там же). Еще раньше, 28 октября 1905 г., в Апшеронском полку произошли беспорядки. Причиной волнений солдат стали недоброкачественные продукты питания. Вместе с солдатами выступили и офицеры низшего звена. Выступление было подавлено, а его организаторов осудили. Первым среди обвиняемых упоминается унтер-офицер Иван Носидзе (вместе с шестью другими унтер-офицерами) и рядовой Обечкрашвили вместе с двенадцатью другими рядовыми солдатами (там же. С. 254–260).

В декабре на Владикавказской железной дороге состоялась большая забастовка, которая длилась с 8 по 26 декабря. 7 декабря для руководства забастовкой был избран забастовочный комитет в количестве 30 человек. В его состав входил Константин Соломонович Цагарели из Кутаиси, техник-практикант десятой дистанции, часто выступавший на митингах (там же. С. 193–202).

После поражения декабрьского восстания правительство повсеместно перешло в наступление. В январе 1906 г. в Северной Осетии начала действовать карательная экспедиция полковника Ляхова. Он обрушивал артиллерийский огонь на села и требовал выдачи революционеров; были задействованы военно-полевые суды. Несмотря на это, революционное движение не прекращалось. В начале января 1906 г. во Владикавказ приехали известные революционеры Ной

Буачидзе и Н. Кикнадзе («Степко»), которые до этого работали в Кутаисской губернии, в Хорагаули. Они были вынуждены уехать из Западной Грузии после того, как туда вступила карательная экспедиция Алиханова-Аварского. Через Рача-Мамисонскую дорогу они приехали во Владикавказ и сразу же включились в нелегальную работу. Работали в типографии Терско-Дагестанского комитета, а также в нелегальных кружках рабочих.

После прихода Н. Буачидзе работа большевистской фракции Владикавказа оживилась. 7 января 1906 г. состоялась забастовка рабочих пивных заводов Резакова и Тертерова, потом рабочих табачной фабрики Вахтангова. Они требовали увеличения зарплаты, восьмичасового рабочего дня; 10 июня забастовали рабочие трамвайного парка (ватманы и кондукторы). Под руководством Н. Буачидзе 24–25 июня, ночью, большевиками была захвачена типография либеральной газеты «Казбек» и с помощью ее рабочих были отпечатаны тысячи прокламаций, распространенных потом на всю Терскую область. Эти прокламации были направлены против роспуска Государственной думы. 26 июня состоялась политическая демонстрация, а потом тысячный митинг за городом.

Революционная деятельность Н. Буачидзе и Н. Кикнадзе во Владикавказе продлилась восемь месяцев. 28 августа 1906 г. состоялась однодневная забастовка владикавказских рабочих, приуроченная к годовщине расстрела тифлисских рабочих 29 августа 1905 г. Правительство усилило преследования, репрессии. В ноябре во Владикавказе провалилась работа нелегальной типографии, переданной в свое время бакинским комитетом. Буачидзе был вынужден покинуть город и уехать в Ростов, а оттуда – в Москву. Н. Кикнадзе отправился за границу (там же. С. 141–143; История, 1959. С. 283–284).

Во Владикавказе много грузинских учителей и молодежи вели активную революционную деятельность как в период ее подъема, так и ее отступления. Первого апреля во Владикавказе обнаружили нелегальную большевистскую типографию. В связи с этим арестовали учительницу грузинской школы Елену Казахашвили и 18-летнего наборщика типографии Иосифа Бабиладзе. Там же, в типографии, обнаружили две бомбы. С этой же типографией был связан и Илья Елиадзе. В этой типографии печатались в основном прокламации (История, 1959. С. 283–285).

В 1907–1910 гг. во всей Российской империи установился тяжелый период Столыпинской реакции. Тем не менее грузинское и осетинское крестьянство не прекращало борьбу. Они продолжали поджигать усадьбы помещиков, вспахивать их земли, не платить налоги. В столкновениях они беспощадно уничтожали отдельных представителей эксплуататорских классов.

В Грузии, в частности на территории Южной Осетии, в период нового революционного подъема усилились революционные выс-

тупления крестьян. В деле сплочения масс под руководством большевистской партии большую роль сыграли газета «Правда» и Пражская партийная конференция. В Горийском уезде в период нового революционного подъема большую революционную работу провел Елисабедашвили. С помощью горийских подпольщиков в Южную Осетию попадали большевистские прокламации и газеты. Работавшие в Тифлисе большевики-осетины проводили определенную работу в Южной Осетии через рабочих-лесосплавщиков.

В Тифлисе рабочие-осетины активно участвовали в большевистских организациях. В кузнечном цехе главной мастерской Тифлисской железной дороги работал Коста Джатиев. Он был членом первого райкома Тифлисской социал-демократической организации, работал в конфискованной в 1910 г. социал-демократической типографии, был близким другом известного революционера Миха Чодришвили. В организации его звали «Коста», «Коста-Оси» или «Осо». В Тифлисской социал-демократической организации работали также Давид Гаглоев, Илья Гассиев, Давид и Васил Санакоевы, Андрей Цховребов и многие другие (Цховребов, 1962. С. 187).

К 1912 г. вернулся из-за границы социал-демократ «Вано-Оси» и сразу же активно включился в революционную деятельность в Южной Осетии. По заданию Тифлисского комитета большевиков в 1913 г. в Южную Осетию вернулся активный участник событий 1905–1907 гг. Самсон Санакоев и развернул агитационную работу среди крестьян. Осенью того же года он перешел в Имеретию и там продолжал свое дело. За активную революционную деятельность он был убит выстрелом из укрытия агентом царской охранки князем Абашидзе. Санакоева перевезли из Сачхере в Осетию, где его похороны превратились в демонстрацию против царской власти (там же. С. 190).

Крестьянство отвечало террором на произвол помещиков. Сбежавший из ссылки Гарсо Козаев, участник революции 1905–1907 гг., по просьбе осетинских крестьян в 1909 г. убил помещика с. Плависмани Г. Эристави. В 1913 г. крестьяне села Гуфта убили своего помещика Мачабели, безжалостно грабившего их (там же. С. 190).

После начала империалистической войны классовая борьба приняла более ожесточенный характер. Осетинское и грузинское крестьянство продолжало борьбу против царской администрации и произвола помещиков.

С точки зрения взаимоотношений грузинского и осетинского народов особый интерес представляет период борьбы за установление советской власти. Такая борьба происходила по всей Российской империи, в том числе на Северном Кавказе и в Закавказье, в частности на территории современной Южной Осетии и в тех районах Грузии, где проживало грузино-осетинское население. Борьбой

за Советскую власть руководили большевики. В Грузии эту борьбу возглавлял Кавказский краевой комитет РКП(б).

В 1917 г. в Южной Осетии большевистской организации еще не было. Революционные идеи среди крестьян распространялись представителями местной передовой интеллигенции, демобилизованными солдатами, осетинскими рабочими из промышленных центров Кавказа и России. В соответствии с директивами большевистской партии, 23 августа 1917 г. в селе Ортеу образовался революционный Союз крестьян, который руководил борьбой до апреля 1918 г.

После февральской революции 1917 г. в Тифлисе 3 (18) марта был образован Закавказский чрезвычайный комитет Временного правительства, взявший в свои руки дело внутреннего правления краем. Комитет требовал от населения, чтобы оно по-прежнему несло и воинскую повинность, и платило налоги. Неприкосновенным оставалось помещичье землевладение, вызывавшее еще большее усиление аграрного движения крестьян и ускорившее свержение нежизнеспособного временного правительства.

С целью борьбы против Октябрьской революции 11 ноября 1917 г. в Тифлисе грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками и азербайджанскими мусаватистами был образован контрреволюционный Закавказский комиссариат, возглавляемый меньшевиком Евг. Гегечкори. 2 декабря 1917 г. под председательством Ноя Жордания был созван национальный съезд Грузии, на котором был избран буржуазно-помещичий Национальный Совет. Программа Совета предусматривала отделение Грузии от России. С целью юридического оформления отделения Закавказья от России 26 февраля 1918 г. в Тифлисе грузинскими меньшевиками был созван Закавказский сейм с участием членов бывшего Всероссийского учредительного собрания из Закавказья, представлявших партии эсеров, меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. 22 апреля сеймом было выпущено постановление об отделении Закавказья от Советской России и образовании «Закавказской демократической федеративной республики». 25 апреля сейм образовал буржуазно-помещичье правительство во главе с меньшевиком А. Чхенкели.

Новоиспеченная Закавказская буржуазная федеративная республика долго не просуществовала. 26 мая 1918 г. грузинским Национальным Советом было провозглашено образование независимой Грузинской республики. Отдельными республиками были объявлены Армения и Азербайджан.

Таким был политический фон, на котором происходила революционная борьба рабочего класса и крестьянства Грузии за установление советской власти.

Меньшевиками ничего не было сделано для улучшения или облегчения положения крестьянства. Земли помещиков оставались неприкосновенными. Крестьянство по-прежнему заставляли платить

налоги. Создавшееся положение все больше обостряло революционную борьбу крестьянства во всей Грузии.

На общем фоне революционного движения выделялась своей остротой борьба крестьян Горийского уезда. Особое место в этой борьбе занимала Южная Осетия, где осетинские и грузинские крестьяне выступали совместно. На митингах и собраниях, устроенных революционными союзами крестьян, они требовали конфискации помещичьих земель, изгнания помещиков, отзыва представителей правительства, открытия школ. Эти требования предъявлялись Закавказскому сейму специальной делегацией, но безрезультатно. Сейм их не принимал и не обращал на них никакого внимания. Наоборот, сейм решил разоружить крестьянство, что и обострило ситуацию, усилило крестьянские выступления (Цховребов, 1957. С. 4).

В средине февраля 1918 г. меньшевиками был организован митинг в селе Ередви, на котором выступили: назначенный меньшевиками комиссар Цхинвала К. Казишвили, меньшевик Дурглишвили и начальник меньшевистской гвардии в Цхинвале Сосико Повришвили. Дурглишвили выступил против большевиков, обвинял их в развале цветущей России. Повришвили старался перенести внимание на опасность, исходящую якобы от Турции. К. Казишвили набросился на осетин и на бывших фронтовиков. Он называл их «больными холерой большевизма», и предупреждал, что если «не будете разоружены, то развалите Грузию». На митинге, чтобы натравить друг на друга грузин и осетин, он не постеснялся и фальсификации истории, объявив, что Грузия 118 лет находилась под ярмом России по вине осетин. Они, то есть осетины, «и тогда, и сейчас помогали и помогают России в завоевании Кавказа. Пришлых осетин мы приютили на нашей земле, а они готовы вонзить нам нож в спину». Грузинскому крестьянству он прямо говорил, что «столько крови пролили для свободы, а вы вместе с осетинами стараетесь создать анархию». На это Ило Беруашвили ответил, что они действительно входят в состав Союза крестьян и имеют связи с осетинскими крестьянами-тружениками и будут вместе бороться за свои права.

Гвардия меньшевиков (по иронии судьбы ее называли Красной гвардией) 13 мая окружила село Ередви для разоружения населения. Оружие крестьяне припрятали в лесу, гвардейцы всполошили все село, разорили его, взяли заложников.

На заседании президиума Союза крестьян, состоявшегося 14 марта 1918 г. под председательством Гора Папуашвили, в связи с докладом Ило Беруашвили о вышеотмеченных событиях, было вынесено постановление о том, что оружие сдавать не будут, а в интересах осетинского и грузинского народов, сохранения добрососедских отношений между ними будет расстрелян каждый провокатор, который сеет недоверие и подстрекает грузин против осетин. На заседа-

нии президиума выступил председатель Союза крестьян Георгий Кулумбегов, заявивший, что «меньшевизм является более опасным врагом, чем был царизм. Меньшевики являются отпрысками эксплуататорских классов, и, чтобы сохранить свое положение, они стараются переключить внимание крестьян на другие вещи. Григол Вешапели трубит на всю Грузию и призывает к изгнанию осетин, дает соответствующие директивы национал-демократическим организациям. От таких ничем не отличаются меньшевики. В них от социализма ничего не осталось, они только стараются сохранить свое господствующее положение. Землю крестьянам, кроме большевиков, никто не даст» (там же. С. 19–23).

В селе Ванати 15 марта состоялся большой митинг представителей Цхинвальского района. Казишвили потребовал сдачи оружия. В ответ участники митинга предъявили контрпредложения, в которых отмечали, что больше не считают меньшевиков своими представителями, так как они начали сотрудничать с контрреволюционными партиями; не был решен вопрос о земле; крестьяне были глубоко возмущены законом Сейма от 7 марта 1918 г., согласно которому у помещиков оставалось по 50 десятин земли. При этом, благодаря фиктивному делению, земля полностью оставалась у помещиков. Кроме того, митингующие требовали изгнания помещиков из Горийского уезда и разделения их земель в пользу малоземельных крестьян; выдворения представителей меньшевистской власти из Цхинвальского района; было решено не платить податей, не сдавать оружие. Для выполнения перечисленных требований был установлен трехдневный срок, а в случае их невыполнения революционное крестьянство брало на себя осуществление этих требований (там же. С. 24–25).

Разумеется, что по своей социальной природе меньшевики не могли выполнить эти требования. Комиссар Цхинвала К. Казишвили объявил Цхинвальский район вне закона и с помощью гвардии приступил к разоружению населения. В ответ 18 марта осетинские и грузинские крестьяне пошли на штурм Цхинвала. В ожесточенной борьбе части меньшевистской гвардии потерпели поражение, а повстанцы заняли Цхинвал. Они удерживали город до 23 марта. В этой схватке были убиты пришедший на помощь из Гори губернский комиссар Г. Мачабели и диктатор Цхинвала К. Казишвили, были разоружены и взяты в плен 100 гвардейцев (там же. С. 28–29).

Меньшевистское правительство направило против восставших многочисленные войска с артиллерией, пулеметами и бронемашиной под командованием В. Джугели и полковника Кониашвили. Повстанцы были вынуждены отступить с боями назад. Гвардейцы вступали в пустые села, так как боеспособное население с оружием в руках покидало села и уходило в лес, чтобы продолжать вооруженную борьбу.

Цхинвальские события вызвали большой резонанс. Это было совместное выступление осетинского и грузинского крестьянства против ненавистного меньшевистского правительства («Борьба», 1918, № 36; «Эртоба», 1918, № 71). На страницах буржуазно-националистической печати началась методическая антиосетинская пропаганда. Восстание, возникшее на аграрной почве и в котором совместно выступили осетинские и грузинские крестьяне, окрестили национальным движением осетин, якобы направленным против грузинского населения. Распространяли явную клевету о том, что осетины намерены изгнать грузин и занять их земли. Среди грузинского населения контрреволюционные элементы вели провокационную пропаганду и натравливали грузин против осетин. Такая пропаганда частично достигла своей цели. Крестьяне отдаленных районов, не имеющие представления о действительной сути происходящих в Осетии событий, записывались в меньшевистскую гвардию и шли в поход на осетин.

Газеты «Сакартвело», «Чвени республика», «Возрождение» и др. соревновались между собой в клевете на осетин и распространении против них всяких провокационных и гнусных измышлений. Газеты меньшевиков «Эртоба», «Борьба» на первых порах старались быть сравнительно объективными в оценке событий в Цхинвале. Однако с нарастанием и ожесточением классовой борьбы в стране, усилением революционной борьбы осетин под руководством большевистской партии меньшевики все более и более переходили на враждебные позиции против осетин.

В конце мая и начале июня 1918 г. в Джаве состоялся съезд осетин. На нем присутствовали представители меньшевиков – Ис. Рамишвили, Чхеидзе, Сихарулидзе; большевиков представлял Ф. Махарадзе. Ход съезда направляли большевики. Они во главе с Ф. Махарадзе проводили большевистскую линию. Предметом рассмотрения съезда был текущий момент, вопросы независимости осетин, строительство перевальной железной дороги, выбор Национального Совета Осетии и др. (Цховребов, 1957. С. 39–42).

В селе Цунар 15–17 июня состоялся четвертый съезд представителей Южной Осетии. На нем присутствовал представитель социал-демократической (меньшевистской) фракции Национального собрания Грузии И. Церетели, о котором Н. Жордания на заседании Национального совета 17 июня 1918 г. сказал, что «наш товарищ И. Церетели поехал в Цхинвали, чтобы присоединить Осетию к Грузии» («Борьба», 1918, № 98). Но миссия И. Церетели – добиться признания осетинами меньшевистского правительства Грузии – провалилась: резолюция, предложенная И. Церетели, была отвергнута.

После этого враждебная кампания против осетин усилилась. Меньшевики сеяли национальную рознь между грузинами и осетинами. Еще более враждебной была позиция национал-демократов.

Они критиковали меньшевиков за недостаточную жесткость в подавлении революционных выступлений осетин. Газета «Сакартвело», принадлежавшая им, писала, что «для подавления отступнических настроений осетин нужна более внушительная сила. Поэтому было бы предпочтительнее, если бы социал-демократическая партия вместо речистого лидера через шесть недель послала в сторону Цхинвала В. Джугели, который, как известно, даже на съезды и заседания парламента ходит во всеоружии — с револьвером маузер и военным биноклем».

Газета в той же статье нападала на стремление осетин к самоопределению и отмечала, что «мы не знаем, где будет решаться осетинский вопрос — в парламенте или на поле брани Этот вопрос — внутреннее дело Грузии. Наш государственный суверенитет распространяется на всю территорию Грузии. У осетин Джавского ущелья есть свой язык, но они не имеют литературы и национальной культуры, поэтому исключается разговор о культурной или территориальной автономии. Тем более невозможно образование отдельного осетинского государства, которое, по планам джавских и цунарских фантазеров, должно присоединиться к Грузии федеративно. Достаточно грузинскому парламенту и правительству действительно «оставить открытым вопрос Южной Осетии», как тут же жители Джавского ущелья почувствуют все прелести беспризорно оставшейся первобытной общины. Не говоря об остальном, осетины просто вымрут от голода в случае прохождения таможенной границы у Цхинвала». По мнению газеты, джавские большевики и эсеры, сознательно или бессознательно, способствуют делу российского империализма. В конце статьи газета отмечала, что «эти элементы у нас выполняют роль разрушителя государства и поэтому должны быть строго наказаны, как величайшие государственные преступники» («Сакартвело», 1918, № 124).

В этих статьях отчетливо видно, как фальсифицируется борьба осетинского трудового народа за свое социальное освобождение, национальное самоопределение, утверждение советской власти. Их справедливая борьба под руководством большевиков, при поддержке грузинского трудового народа, объявлена изменой Грузии.

Клевета меньшевистской и других буржуазно-националистических партий о том, что движение осетин в Грузии носит враждебный характер по отношению к грузинам, была опровергнута Душетским и Сачхерским восстаниями. 17 июня 1918 г. в Душетском уезде началось выступление крестьян. Осетинское население уезда встало рядом с грузинским крестьянством 19 июня они взяли Душети, а 26 июня исполнительный комитет, избранный крестьянским съездом в Душети, объявил в уезде советскую власть. Войска меньшевистского правительства жестоко подавили восстание. Многие участники восстания перешли на Северный Кавказ.

В это же время началось восстание сачхерских крестьян. Поводом восстания стала попытка меньшевистской гвардии разоружить грузинское крестьянство. В восстании приняли активное участие крестьяне соседних осетинских сел. Сперва восстали крестьяне Аргвети, Чихи и Саване. 28 июня они взяли Сачхере и там создали военно-революционный комитет, который объявил советскую власть. Комитет принял постановление о незамедлительной передаче земли крестьянам. Для подавления восстания правительство направило части регулярных войск. 29 июня кавалерийскими войсками правительства при поддержке артиллерии Сачхере было взято. В телеграмме в адрес военного министра сообщалось, что определенная часть жителей не захотела разоружиться и «подалась в горы, чтобы присоединиться к осетинам и отрезать нам путь» (там же, № 132).

На Национальном собрании Грузии в споре, возникшем в связи с Сачхерским восстанием, Ив. Гомартели выступил против Вешапели и заявил, что после поражения крестьян Сачхере и близлежащих сел представители большевиков пришли в осетинские села и попросили у них помощи. Осетины ответили, что если эта просьба исходит от грузинского народа, тогда, мол, предъявите мандаты. Представители вернулись обратно, принесли мандаты и получили соответствующую помощь («Сакартвелос республика», 1918, № 31).

В помощь восставшим выступило осетинское население Кударо, Кемульта, Цона и других обществ. 8 июля 1918 г. в штабе, созданном в селе Даркаве, было принято решение повторного штурма Сачхере. На подступах к Сачхере развернулся ожесточенный бой между меньшевистской гвардией и повстанцами. В этом бою руководителем повстанцев был отважный осетин-большевик, пламенный революционер Исак Харебов. Он прибыл к восставшим с Оконским и Корнисским отрядами. 18 июля восставшие нанесли мощный удар меньшевистским войскам. В этом бою И. Харебов получил смертельное ранение (Никонов, 1956. С. 44). В Сачхерском восстании активное участие принимал студент Ал. Джатиев.

Активное участие осетин в Сачхерском восстании еще больше взбесило буржуазно-националистические партии Грузии, которые по-прежнему вели враждебную кампанию против осетин. В Национальном Совете Грузии национал-демократом Гр. Вешапели в связи с сачхерскими событиями был поставлен вопрос, вокруг которого развернулись острые споры, выявившие истинную природу каждой партии. Гр. Вешапели жестко выступил против революционных выступлений, окрестив их национальным восстанием осетин, борьбой осетин против Грузинской республики. Осетины внушили жителям Сачхере и окрестных сел, писал он, чтобы они выступали против грузинского правительства. Чтобы вызвать еще большую ненависть к осетинам, он говорил, что в Грузии осетины стремятся расширить свои земли путем захвата земель грузинских крестьян. «Если бы

грузины разгадали истинные намерения осетин, то они до единого человека выступили бы против осетин, чтобы в страшном бою вернуть в свое русло вышедших на широкую дорогу разбойников осетин». Гр. Вешапели приводил эти слова, напечатанные в газете социал-федералистов Грузии — «Сахалхо сакме» и получал безграничное удовольствие от такой позиции газеты, которая революционную борьбу осетин под руководством большевистской партии называла разбойничеством, грабежом, борьбой против грузинского народа («Сакартвелос республика», 1918, №№ 2, 4, 25).

Отвечая на вопрос Гр. Вешапели, министр внутренних дел, ярый меньшевик Н. Рамишвили был вынужден отметить цель заданного вопроса. Эта цель была направлена против некоторых национальностей. «Поверхностным наблюдением можно удостовериться, что это движение было не национальное, а социальное. Главными руководителями этого движения были большевики». Отвечая на вопрос Гр. Вешапели, который утверждал, что зачинщиками Сачхерского восстания были осетины, Н. Рамишвили заявлял, что с самого начала осетины в нем не участвовали, восстание начали грузинские крестьяне, следовательно, «это было движение местного крестьянства». Он же выявил истинную суть отношения оппозиционных партий к меньшевистскому правительству, когда заявил, что во многих уголках Грузии — в Рача-Лечхуми, Горийском уезде, Душети, Тианети — произошли такие же выступления, но про них никто ничего не говорит. В действительности же все они возникли на почве недовольства крестьян аграрным вопросом (там же).

Против Вешапели и его единомышленников выступил депутат Национального собрания Ал. Ломтатидзе (социал-демократ). Он упрекал Вешапели в том, что тот выступает против всей нации, хочет построить государство с 20 тысячами грузин. «Он касается только сачхерских и душетских событий и при этом ничего не говорит о кровопролитиях в Гори, Телави, Зугдиди, Сенаки. Цхинвальские события произошли еще раньше, но их не упоминает потому, что в них участвовали грузины Тквиави, Тирдзниси, Никози и окрестных деревень». Когда Ломтатидзе сказал, что «мы должны удовлетворить осетин так же, как и грузинское крестьянство», ему крикнули, что это будет уже осетинская республика (там же, № 28).

В грузинском Национальном собрании споры вокруг революционных выступлений осетин выявляют отношение грузинских буржуазно-националистических партий к осетинам. И если меньшевистская партия как правящая партия свою политику (политику подавления) в отношении борьбы осетинского народа за советскую власть, за самоопределение маскировала демагогическими лозунгами, то другие партии прямо подстрекали грузинский народ к тому, чтобы изгнанием осетин из Грузинской республики раз и навсегда избавиться от выступлений осетин за свою свободу.

В то время, как в Национальном собрании Грузии шла острая полемика по осетинским вопросам, а пресса буржуазно-националистических партий распространяла всякие сплетни о движении осетин за свою свободу, меньшевистское правительство не теряло времени даром и с помощью своих комиссаров и гвардейцев старалось привести осетин в покорность. Однако осетины-горцы не признавали своей зависимости от меньшевистского правительства и продолжали воевать против него. Горийский уездный комиссар Карцивадзе в ноябре 1918 г. докладывал министру внутренних дел, что в горной Осетии власть парализована, солдат не дают, налогов не платят, и это потому, что до сих пор не смогли их разоружить («Борьба», 1918, № 224).

В Южной Осетии революционная борьба трудового народа развивалась под руководством большевистской партии. 30 июля 1918 г. в Джаве было созвано собрание коммунистов Южной Осетии, на котором образовалось Юго-Осетинское организационное бюро РКП(б). Им была проделана большая работа по созданию на местах партийных организаций и комитетов для руководства революционной борьбой трудящихся. Венцом работы бюро стало образование в Джаве 12 июля 1919 г. Юго-Осетинского нелегального комитета РКП(б), который возглавил борьбу за советскую власть (Цховребов, 1957. С. 5).

На сентябрьском пленуме 1919 г. Кавказский краевой комитет РКП(б) принимает постановление об организации всеобщего восстания в Грузии ко 2-й годовщине Октябрьской революции. В процессе подготовки восстания меньшевистской и английской разведкой план был раскрыт, военно-революционный штаб был арестован. Восстание обезглавили; постановление о выступлении было отменено, но известие об этом не дошло вовремя до некоторых организаций, и в ряде мест началось восстание.

У истоков Большой Лиахвы, в Роке, 23 ноября 1919 г. началось восстание. После падения меньшевистской власти на месте восставшие двинулись в сторону Ванели и Джавы. В это время они получили весть о том, что восстание в Тифлисе перенесено, и вернулись назад.

Активное участие большевики Южной Осетии приняли в восстании Хашурского района 7—14 ноября 1919 г. Вопреки шовинистической пропаганде грузинские и осетинские трудящиеся здесь вновь выступили совместно против меньшевистской власти. Начальником отряда восставших был Тате Буцхрикидзе, начальником штаба — Знаур Айдаров. Восставшие заняли село Хциси, объявили советскую власть и избрали Совет крестьянских депутатов во главе со Знауром Айдаровым. Против его отряда меньшевики направили значительные военные силы — пехотный и конный отряды с артиллерией. Айдаров попал в плен и был казнен (Цховребов. Там же. С. 6).

Его арест и казнь в меньшевистской газете «Эртоба» были объявлены с большой помпой («Эртоба», 1919, № 282).

Меньшевистское правительство направило войска в Южную Осетию. Восставшие и актив парторганизаций Южной Осетии перешли на Северный Кавказ и там начали собирать силы. В Северной Осетии началось формирование партизанского отряда из тех лиц, которые отступили из Южной Осетии. 23 марта 1920 г. Кавказский краевой комитет РКП(б) вынес постановление о создании ревкома в Южной Осетии и приступил к подготовке восстания.

В апреле 1920 г. в Рокском ущелье начались выступления красных партизан. В начале мая в Року, в штаб восставших прибыли представители Кавказского краевого комитета РКП(б) – Г. Девдариани и Г. Моцонелидзе. Они вместе с ревкомом Южной Осетии решили провозгласить советскую власть.

Бригада Южной Осетии, созданная во Владикавказе, выступила на помощь восставшим. После поражения меньшевистских войск в Джавском районе вся Южная Осетия и Цхинвал были очищены от меньшевистских войск. 8 июня 1920 г. на состоявшемся в Цхинвале митинге провозгласили советскую власть (Никонов, 1956. С. 53).

В Южную Осетию направили конный полк, восемь батальонов меньшевистской гвардии, 2 горных батареи, самолеты. Подавление восстания было поручено палачу осетинского и грузинского народов, начальнику штаба меньшевистской гвардии В. Джугели. Меньшевистское правительство объявило восставшее осетинское крестьянство врагом грузинского народа и демократии, грабителями, дикарями и призвала свои войска искоренить Осетию якобы для благополучия грузинского народа.

Меньшевистская и оппозиционная буржуазно-демократическая пресса развернула неудержимую шовинистскую кампанию против осетин. Боровшуюся за свою свободу и национальное самоопределение Осетию они называли «Вандеей», а революционных осетин – толпой, целью которой является хищение добра грузинских граждан, присвоение земель грузинских крестьян. Глава правительства Н. Жордания объявил, что осетинское восстание не предъявило ни одного лозунга национального и социального характера, они борются ради чуждых и непонятных лозунгов, и поэтому грузинская демократия обязана подавить это движение оружием (Бахтадзе, 1968. С. 29–71). Данное заявление лидера меньшевиков является ложью, ибо революционная борьба южных осетин имела ярко выраженный национальный и социальный характер.

Большевики Грузии решительно осудили политику меньшевиков в отношении осетин. В газете «Коммунист» от 13 июня 1920 г. была напечатана передовая «Во всеуслышание», в которой анализировалось восстание в Осетии и отмечалось, что различные буржуазно-националистические партии не то что делом, но и словом против

самоопределения народов и они хотят подавить оружием восстание Южной Осетии. Коммунисты провозглашают право всех народов на национальное самоопределение вплоть до их отделения в отдельное государство, и нельзя отнять такое право и у Южной Осетии. Но, продолжает «Коммунист», есть еще третий взгляд на восстание Южной Осетии – отношение меньшевиков к нему. Эта партия словесно признает национальное самоопределение, а на деле – силой подавляет национальные выступления осетин. Такие свои действия они оправдывают различными аргументами, которые не выдерживают никакой критики.

Во имя солидарности братских народов газета «Коммунист» требовала, чтобы в отношении осетин не было применено насилие, не пролилась кровь грузинского и осетинского населения. Если существует право национального самоопределения, писала газета, если меньшевики не вычеркнули это право из своей программы, то у них нет оснований оправдывать свое насилие в отношении осетин. Этого требует не только принцип социализма, но и принцип простого демократизма. Интересы Грузии требуют, чтобы она была в дружеских отношениях с осетинами, а это возможно только тогда, если признать самоопределение осетин. Если такое не случится, если восстание Осетии подавят грубой силой, то ответственность за пролитую между братьями кровь полностью обрушится на меньшевистскую партию и больше ни на кого («Коммунист», 1920, № 10).

Меньшевики не только не вняли этим справедливым и разумным советам большевиков, но и жестко выступили против них. Газету обвинили в том, что она соизволила использовать «рыскающий в Осетии сброд» для свержения республики и потребовала «самоопределения банд Осетии». Влиятельные коммунисты требуют того же и для Аджарии и Абхазии. Осуществление их планов означает откол от Грузии ее окраин, а это уже роковая ошибка для республики. За такую позицию газету закрыли («Сакартвелос республика», 1920, № 132), а на восставших осетин натравили банды В. Джугели. которые огнем и мечом прошлись по всей Южной Осетии.

Меньшевики отрицали право нации на самоопределение для негрузин и явно стояли на шовинистических позициях притеснения национальных меньшинств. Меньшевик Чхенкели на партийном съезде говорил: «На нашей территории проживает много национальных меньшинств. Они на сегодняшний день являются политизированными организациями, их надо превратить в культурные организации» («Эртоба», 1920, 24 июня; Махарадзе, 1967. С. 305).

Меньшевистская пресса не скрывала, что она готова принести в жертву своим контрреволюционным интересам национальные меньшинства. Такое стремление она маскировала борьбой за интересы грузинского народа, того народа, который весь период господства меньшевистской партии боролся против нее. Меньшевистская газе-

та «Эртоба» беззастенчиво писала: «Грузинское государство должно быть устроено по желанию большинства, поэтому интересы негрузинских народов должны быть принесены в жертву самоопределению грузинского народа» («Эртоба», 1920, 30 июнь).

Контрреволюционная политика меньшевистского правительства в Южной Осетии была основательно разоблачена в меморандуме от 28 мая 1920 г., посланном трудящимися Южной Осетии в адрес Советской России, партийных, революционных и хозяйственных органов. В нем отмечалось, что со дня Октябрьской революции они подвергались натиску двух свирепых контрреволюционных сил: с севера — Деникина, а с юга — грузинских социал-предателей, находились в их блокаде и поэтому не могли донести до мирового сообщества те ужасы, которым они подвергались со стороны правительства Жордания и «демократов».

Южные осетины не признавали отделения от Советской России. Это вызвало жестокие репрессии со стороны меньшевистского правительства. В Южную Осетию они направили так называемую «народную гвардию», которая состояла из крупных и мелких эксплуататоров, духанщиков, уголовников, шулеров, гимназистов и других элементов под водительством князя Мачабели, грузинского Пуришкевича — Вешапели и архибандита Джугели. Появление этой банды везде означало грабеж и разбой, разрушение и смерть. Возмущению народа не было предела — восстали не только осетины, но и грузины Цхинвала, Душети, Сачхере.

Это было началом классовой, партийной борьбы, борьбы за установление советской власти в Закавказье и Южной Осетии. В этой борьбе меньшевики не стеснялись обмана, провокации, подкупа, клеветы. Посланник меньшевиков И. Церетели не добился примирения осетин с меньшевистским правительством. Не повлияли на настроения народных масс и решения «съезда», устроенного агентами меньшевистского правительства, по вопросу присоединения Южной Осетии к Грузии. Тогда грузинская националистическая пресса окрестила Цхинвальское, Душетское и Сачхерское восстания националистическими выступлениями осетин, покушением на независимость и свободу Грузии, добиваясь тем самым взаимной вражды грузинского и осетинского народов.

Меморандум разоблачает инсинуации меньшевистского правительства и буржуазно-националистических партий о том, что якобы это было выступление осетин против грузин. Во всех этих событиях не было ни «осетина», ни «грузина»: участниками были восставшие революционеры — большевики и предатели революции — меньшевики. В обоих лагерях были и грузины, и осетины. Это была классово-партийная борьба, которую «правительство Жордания хочет из революционного русла сбросить в национальное русло. Но тщетны его попытки. Они разбиваются о жесткое сопротивление

народных масс осетинского и грузинского народов. Никто не может привести хотя бы один факт грузино-осетинского национального столкновения, тогда как в соседней Терской области национальные стычки приняли характер эпидемии. Трудящиеся крестьяне и рабочие Осетии и Грузии, примерной дружбой и мирной жизнью которых можно гордиться, хорошо знают, кто является их общим врагом, и в скором времени с ним рассчитаются».

В меморандуме указывается та жестокость, к которой прибегали карательные экспедиции, многократно устроенные против осетин. Такая жестокость еще больше поднимала революционный дух масс. являлось упрочение революционной вдохновенности масс. Обескровленный меньшевиками трудовой народ Южной Осетии посредством своих представителей просил помощи у коммунистов России и Кавказа, Красной Армии для свержения меньшевистского правительства (Цховребов, 1957. С. 88–98).

Меньшевистское правительство решило раз и навсегда покончить с революционными выступлениями осетин. Под командованием В. Джугели меньшевистские войска демонстрировали неслыханную жестокость к осетинам. Они уничтожали и сжигали села и деревни, убивали и грабили. Дневник Джугели, который в конце 1920 г. вышел отдельной книгой, пропитан кровью и ненавистью. В нем он неприкрыто и с чувством глубокого удовлетворения описывает бесчинства «доблестных» грузинских меньшевистских вояк против безоружного мирного населения, безжалостное уничтожение всего края (Джугели, 1920. С. 220–240).

Гонимое репрессиями меньшевистского правительства осетинское население через перевалы Рок, Сба, Кутиха, Зекара бежало в Северную Осетию. Меньшевистские мародеры вступали в опустевшие села и без всякого сопротивления сжигали их дотла.

Неописуемы страдания, ущерб и разрушения, которые пережили и испытали осетины в результате той экспедиции. Погибло много людей, безвозвратно было потеряно нажитое состояние, средства существования, жилье, скот. Перебравшиеся в Северную Осетию более 20 тысяч осетин оказались в тяжелых условиях, распространилась эпидемия. Большую помощь беженцам оказывали большевики Северного Кавказа, Советская Россия (Цховребов,1957. С. 236–238, 170, 180; Никонов, 1956. С. 68–69).

Меньшевистское правительство не удовлетворилось уничтожением Южной Осетии. Оно решило вообще стереть с грузинской карты название «Осетия». Был разработан план, по которому оставшееся осетинское население должны были переселять в Борчало, Карая, а на их места заселять грузин (Никонов, 1956. С. 116–119, 140–142, 165).

Для выселения осетин из Южной Осетии была создана специальная комиссия во главе с представителем министерства земледе-

лия В. Рцхиладзе. В состав комиссии входили представители правительства – член учредительного собрания В. Жгенти, генерал Кониашвили, А. Хубутия, Окуашвили, Гогинашвили и другие. Официальный орган меньшевиков газета «Эртоба» отмечала, что Грузинская республика переселяет осетин туда, куда они стремились – «в социалистический рай».

Из Душетского уезда началось переселение мтиульцев, мохеве-гудамакарцев в Джаву и ее окрестности. Кроме них, там же селили рача-лечхумцев, имеретинцев, гурийцев, карталинцев. К началу 1921 г. у истоков р. Проне – в сс. Малда, Корнис, Цунар и Рустав – было заселено 200 дворов, а в Джавском ущелье – 104 двора («Сакартвело», 1920, № 109; 1921, №№ 5, 6, 25).

Грузинская националистическая пресса бессовестно рекламировала это страшное злодеяние и называла его восстановлением исторической справедливости, обоснованием в этих местах законных наследников и началом их новой истории (там же).

Грузинские большевики были возмущены человеконенавистнической политикой меньшевиков в отношении осетин. Ф. Махарадзе отмечал, что маленькая Осетия непосредственно столкнулась с великодержавными устремлениями меньшевиков. Когда меньшевики объявили Грузию независимым государством, осетины решили сохранить свою автономию, которой они фактически пользовались со дня революции. Осетины придерживались советской ориентации, поэтому меньшевики и слышать не хотели об автономии осетин. Они должны были войти в Грузинское государство, отказаться от применения своего языка в школьных делах и делопроизводстве. Когда методы убеждения осетин оказались безрезультатными, меньшевики начали безжалостную войну против них. Кровавое сведение счетов с осетинами как будто кончилось. Но не тут-то было. Они особо цинично воспользовались восстанием в Джавском ущелье в июне 1920 г. Озверевшие «народные гвардейцы» по директивам Н. Жордания и Н. Рамишвили творили такие ужасы, подобных которым история мало знает. Они расстреливали население без разбора, уничтожали и расхищали их состояние. Кто мог – бежал, остальных умерщвляли на месте или, в лучшем случае, выселяли из Южной Осетии. Такая суровая кара обрушилась не только на жителей Джавского ущелья, но и на все осетинское население Грузии. Вообще всех осетин объявили вне закона, врагами Грузии, оправдывая тем самым творимое против них насилие, вплоть до физического уничтожения и выселения из родных мест. История борьбы с осетинским народом является одной из позорнейших страниц в истории грузинского меньшевистского правительства. После всего этого неудивительно, что в лице осетинского народа, вне зависимости от пола и возраста, грузинская меньшевистская партия приобрела кровного врага (Махарадзе, 1921. С. 70).

Однако меньшевистское правительство было бессильно повернуть колесо истории в обратном направлении. В феврале 1921 г. трудящиеся Грузии свергли ненавистную для них меньшевистскую диктатуру и установили советскую власть. В этой борьбе осетины вновь стояли в первых рядах. В изгнании меньшевиков из Южной Осетии, Рача-Лечхуми и других мест и в установлении там советской власти активное участие приняли военный отряд, созданный в Северной Осетии (к этому времени там уже довольно давно существовала советская власть) на базе беженцев из Южной Осетии, а также Дигорский революционный отряд. Уже 5 марта 1921 г. Цхинвал был занят революционерами.

Трехлетняя борьба против меньшевиков закончилась победой трудящихся. Настал конец постоянному террору и насилию в отношении южных осетин. Отныне братские отношения между грузинским и осетинским трудовым народом уже не мог отравить националистический яд меньшевистской и других мелкобуржуазных партий. Беднота Южной Осетии 8 июня 1921 г., на годовщину восстания 8 июня 1920 г., в приветствии к ревкому Грузии заявила, что на развалинах своей измученной и сожженной родины они клянутся в союзе с грузинскими рабочими и крестьянами стоять на страже революции («Правда Грузии», 1921, № 84).

* * *

Революционное сотрудничество грузинского и осетинского народов проявлялось не только в Южной Осетии. Несмотря на то, что меньшевики и другие буржуазно-националистические партии всячески старались подстрекать грузинский народ против осетин, они своей цели добились лишь частично.

Грузинские большевики, прогрессивная общественность Грузии с сочувствием и пониманием относились к движению осетин за национальное самоопределение. Более того, грузинские большевики видели в осетинах боевую ударную силу против меньшевистского антинародного правительства и всячески старались придать этой борьбе организованный характер. Грузинские меньшевики жестоко преследовали грузинских большевиков, поэтому они были вынуждены перебраться на Северный Кавказ.

Многие грузинские большевики активно участвовали в революционном движении народов Северного Кавказа. С мая 1917 г. во Владикавказе активную деятельность проводили Мамия и Мариям Орахелашвили, Н. Буачидзе и др. Н. Буачидзе стал одним из руководителей терских большевиков. Он был докладчиком при обсуждении апрельских тезисов Ленина на объединенном комитете Владикавказа. В своем докладе он глубоко осветил перспективы развития революции (История, 1966. С. 15–16), внес большой вклад в дело сплочения масс вокруг большевистской партии.

В конце сентября 1917 г. на выборах, проведенных во Владикавказском совете, большевики добились большого влияния. В исполком Совета вошли С. Киров, М. Орахелашвили, Г. Цаголов, Н. Буачидзе и др. Председателем Владикавказского совета депутатов рабочих и крестьян был избран М. Орахелашвили.

В Тифлисе 2 октября 1917 г. состоялся съезд большевистских организаций Кавказа. Представителем Владикавказа на съезде был М. Орахелашвили. В своей речи он отмечал, что большевики проводят активную партийную работу среди осетин и имеют большое влияние (там же. С. 27—28).

Н. Буачидзе был инициатором и организатором созыва съезда Советов Терской области. Владикавказским советом 30 декабря 1917 г. было принято постановление о признании Владикавказского совета депутатов официальным органом советской власти и о его подчинении распоряжениям совнаркома РСФСР. По распоряжению «Терско-Дагестанского правительства» (образовалось 22 ноября 1917 г. во главе с князем Каплановым) в зал заседаний ворвался отряд вооруженных офицеров и арестовал членов президиума (Н. Буачидзе, М. Орахелашвили и др.). Им грозила смертельная опасность, но по призыву партийной организации города и Центрального Комитета партии «Кермен» они были освобождены отрядом керменистов при непосредственном участии видных революционеров Северной Осетии — Амурхана Калоева, Гино Баракова и Данела Тогоева (там же. С. 33—34).

Большевикам на Северном Кавказе приходилось работать в особо сложных условиях. Национальное и социальное многообразие давали широкие возможности для деятельности различным националистическим и контрреволюционным авантюристам.

Контрреволюцию на Северном Кавказе олицетворяли верхушечные слои привилегированного казачества, социальная верхушка местного населения, мелкая буржуазия, духовенство и муллы. В таких условиях первейшей задачей большевиков было недопущение перерастания межнациональных противоречий в открытое боестолкновение. Белоказачество настойчиво стремилось к уничтожению чеченцев и ингушей.

В Моздоке 25 января 1918 г. состоялся I съезд народов Терека. На этом съезде руководителями делегации Владикавказа были Н. - Буачидзе, С. Мамсуров, С. Такоев и А. Гостиев. Пятигорскую делегацию возглавлял С. Киров. Большевики, как писал об этом С. Орджоникидзе, под руководством С. Кирова и Н. Буачидзе смогли посредством гибкой тактики разрушить планы казаков и предотвратили войну с чеченцами и ингушами (Орджоникидзе, 1939. С. 56). На съезде был избран временный орган — Терский народный совет во главе с Н. Буачидзе.

16 февраля 1918 г. в Пятигорске состоялся II съезд народов

Терека, в работе которого активно участвовал Н. Буачидзе. Съезд большинством голосов принял постановление о признании власти совнаркома РСФСР и объявлении Терской области автономной областью РСФСР. Образовался Совнарком Терской народной республики во главе с Н. Буачидзе (История, 1966. С. 39).

Н. Буачидзе энергично боролся против контрреволюционеров, сплачивал массы вокруг большевиков. Несмотря на отчаянное сопротивление, Терский Совнарком издает декрет, подписанный Н. Буачидзе, по которому все казенные, церковные, министерские земли и земли частных собственников со всем хозяйством должны были перейти в распоряжение местных земельных советов, которым предписывалось разделение этих земель между трудящимися. Гражданская война и межнациональные распри помешали претворению в жизнь этого закона.

Под руководством Н. Буачидзе состоялась и партийная конференция РКП(б) Терской области, на которой он указывал на необходимость повышения роли большевистской организации во всех отраслях народного хозяйства. Сохранение мира между народами Терека он считал первейшей задачей каждого коммуниста; большое внимание он уделял вопросам укрепления Красной армии в интересах борьбы с контрреволюцией (там же. С. 47).

Н. Буачидзе глубоко верил в неизбежность победы социализма и этой вере отдавал всю свою энергию. В мае 1918 г. он писал, что наступила новая эра, и никакая сила не сможет изменить ее, никто не сможет помешать ей, ибо большевиков отличает глубокая вера в неизбежность новой эры («Народная власть», 1918, № 37).

В начале лета 1918 г. против молодого советского государства организованно выступили внутренняя и внешняя контрреволюция. Сформированная на Кубани так называемая Добровольческая армия под командованием Деникина заняла целый ряд узловых пунктов на Северном Кавказе. Она все более и более приближалась к Терской республике, что вызвало оживление внутренней контрреволюции.

В июне 1918 г. во Владикавказ вступили 200 казаков, проникли в казармы Апшеронского полка и стали агитировать красноармейцев присоединиться к ним для уничтожения ингушских сел. К месту событий прибыл председатель совнаркома Н. Буачидзе, который призвал прекратить митинг и мирно возвращаться на место дислокации. Однако он был смертельно ранен вероломным выстрелом и впоследствии скончался. Так закончилась жизнь пламенного грузинского революционера, принесенная в жертву счастью осетинского и других народов Терской области.

В связи с создавшимся тяжелым положением на Северном Кавказе по указанию В.И. Ленина туда был направлен Серго Орджоникидзе. Вместе с С. Кировым он возглавлял борьбу осетинских боль-

шевиков как против банд Деникина, так и его союзников — внутренней контрреволюции.

Большую помощь терским большевикам оказывали те члены Кавказского краевого комитета РКП(б), которые перешли из Грузии во Владикавказ из-за преследования меньшевистским правительством. Среди них были Ф. Махарадзе, А. Назаретян, С. Кавтарадзе, А. Гегечкори и др. Они сразу же включились в работу владикавказской партийной организации и руководили ответственными партийными и государственными учреждениями.

После Душетского восстания А. Гегечкори вместе со своим революционным отрядом перешел на Северный Кавказ и там принимал активное участие в разгроме контрреволюционных элементов. Одно время, в начале 1918 г., А. Гегечкори был и комендантом Владикавказа.

В первых числах августа 1918 г. во Владикавказ вторглись взбунтовавшиеся против советской власти казаки и отряды некоторых осетинских сел. К ним примкнули их сторонники внутри города. Первыми удар на себя приняли отряд осетинских керменистов во главе с К. Кесаевым, первый батальон Владикавказского полка и грузинский отряд А. Гегечкори. После продолжительных кровопролитных боев город был очищен он бунтовщиков. В героической защите Владикавказа участвовали многие грузины; некоторые из них пали в бою, среди них Н. Чхубиани, секретарь городского совета, активный партийный и советский деятель.

Активное участие в событиях, происходящих на Северном Кавказе, в частности в Осетии, принимали граждане Владикавказа и Алагира грузинской национальности. Не случайна вражда осетинских контрреволюционеров в отношении алагирских грузин, сочувствующих советской власти. Когда они оказались перед опасностью со стороны банд Угалука Цаликова, на помощь им из Владикавказа пришел отряд Красной армии, осетинские отряды Агниева и Рамонова, и, при поддержке алагирской и салугарданской бедноты, изгнали банду из Алагира. Как только указанные отряды были отозваны назад во Владикавказ, местное грузинское и русское население последовало за ними и обосновалось в Ардоне и Владикавказе. Для обустройства их в Ардоне правительство Терской республики направило туда своих представителей (История, 1966. С. 82—83).

В феврале 1919 г. деникинцы взяли Владикавказ. Красная армия отступила по Дарьяльской дороге в сторону Грузии. Руководящие партийные и хозяйственные работники тоже были вынуждены уйти подальше от врага. Некоторые из них (А. Ботоев, Т. Созаев) перешли в Грузию, а некоторые были убиты контрреволюционерами при попытке такого перехода.

В середине мая 1919 г. дигорские партизаны продолжали жестокие бои против деникинских банд. Перед превосходящими силами

противника они были вынуждены перейти в Грузию через Карау-гомский и Гебский переходы. Меньшевистское правительство разоружило их и, как интернированных, отправило в Кутаиси. Среди них были известные осетинские революционеры – Д. Тогоев, Дз. Такоев, Г. Арсагов и др. Они пробыли в Грузии до октября 1919 г. Затем, по предложению Кавказского краевого комитета РКП(б), они вернулись на Северный Кавказ и возглавили процесс подготовки восстания. Вся Северная Осетия напоминала военный лагерь. В результате блестящих побед Красной армии над войсками Деникина и самоотверженной борьбы революционных сил, 21 марта 1920 г. Владикавказ был освобожден. Советская власть была восстановлена.

Победа советской власти на Северном Кавказе имела большое значение для революционной борьбы трудящихся Грузии. Северный Кавказ превратился в мощную базу для революционных сил против меньшевистского правительства. Отряд, созданный в Северной Осетии беженцами из Южной Осетии, сыграл большую роль в установлении советской власти в Грузии. Дигорский революционный отряд численностью до 500 человек во главе с командиром С. Такоевым через Гебский перевал перешел в Рачу и принял активное участие в борьбе за установление советской власти в Западной Грузии. Действиям этого отряда, его революционной дисциплине давали высокую оценку местные ревкомы Рачи, Ткибули, Кутаиси, а также Рачинское уездное бюро партии. Они посылали пламенные приветствия в адрес дигорского революционного отряда; от имени Кутаисского ревкома с благодарностью к дигорскому отряду обратился член ревкома Грузии, чрезвычайный уполномоченный ревкома А. Гегечкори (15 апреля 1921 г.). В приветствии он писал, что дигорский народ послал в помощь грузинским трудящимся отряд, закаленный в боях.

В условиях зимы отряд преодолел покрытый снегом Кавказский хребет и принял героическое участие в освобождении грузинского крестьянства. От имени Кутаисского ревкома, всех трудящихся Западной Грузии Гегечкори благодарил дигорский народ за помощь и обещал, что он готов вместе с грузинским народом, если понадобится, оказать помощь и поддержку дигорцам. Ревком Грузии наградил дигорский отряд Красным Знаменем.

Советизацию Грузии с восторгом встретила Северная Осетия. В своем приветствии к ревкому Грузии участники III съезда Владикавказского (осетинского) округа писали: «Отныне Кавказ раз и навсегда свободен. Отныне Кавказ является полностью рабоче-крестьянским, социалистическим. Слава грузинским рабочим и крестьянам, вступившим в пролетарскую семью мира, чтобы быть хозяевами своей судьбы! Да здравствует Советская Грузия, да здравствует братская дружба рабочих и крестьян Кавказа и всего мира!» (ЦГА СО АССР. Ф. 39, д. 44, л. 1).

В те времена газета терских большевиков в передовой статье «Терек и Грузия» писала: «Красная Грузия и Красный Терек, посмотрите, как будто и горы улыбаются и расступились для встречи душевно родственных республик».

Советизация Грузии и Осетии стала явлением огромного значения не только в истории этих народов, но и в истории их взаимоотношений. 1921 год является гранью не только между старой и новой историей, но и между двумя эпохами взаимоотношений этих народов. Под знаменем советской власти Южная Осетия и Северная Осетия получили автономии, развились экономически и культурно, стали равноправными членами в братской семье народов Советского Союза. Их взаимоотношения с грузинским народом принимают новый характер. Включившись в хоровод созидательного труда, они рука об руку трудятся на благо нашей Великой Родины.

§ 2. Экономические взаимоотношения

Начало XX в. не вызвало к жизни существенных изменений в традиционных экономических отношениях грузинского и осетинского народов. И это несмотря на то, что экономические и обменные процессы расширялись и развивались. Цхинвал и Ахалгори попрежнему оставались основными торговыми пунктами, где осетины приобретали нужные им товары. Помимо этого, для осетин тифлисские и горийские рынки, а также сурамский, меджврисхевский, онский и другие рынки сохраняли прежнее свое значение.

С северными осетинами экономические отношения грузин в основном ограничивались отношениями с Владикавказом, в сторону которого были направлены основные экономические интересы населения Мтиулетии и Хеви.

В каких формах протекали процессы грузино-осетинских экономических связей с начала XX в. и до установления советской власти в Грузии?

Как было уже отмечено, они существенных изменений не претерпели. Горцы-осетины в вышеотмеченных торговых пунктах, как и прежде, в основном приобретали зерно, потребность в котором все еще оставалась большой из-за неурожаев и нехватки в горах пригодных для пахоты земель. Взамен они в больших количествах вывозили на продажу продукты животноводства, изделия кустарной промышленности, пригоняли скот и др.

О состоянии экономических взаимоотношений южных осетин с Картли говорится в корреспонденции З. Едила. Описывая ущелье Большой Лиахвы, он отмечает, что вместе с земледелием осетины Джавского ущелья занимаются скотоводством. «Они делают замечательный сыр, который на Тифлисском рынке известен под названием осетинского сыра и имеет высокое достоинство. Кроме того,

производят шерсть и шерстяные ткани, которые по качеству не уступают хонским шерстяным тканям. Основной же доходной отраслью в Осетии является заготовка леса. Вся Осетия покрыта прекрасным лесом, и вот из этого леса они готовят всяческие деревянные изделия, которые пользуются большим спросом в Верхней Картли. Готовят материалы для дверей и окон, половые доски, а также дранку, частоколы, деревянную мебель и посуду и многое другое. Кроме того, сплавляют плоты до Гори и продают бревна частично на месте, а частично отправляют в другие места для продажи. Осетины осенью и всю зиму готовят весь этот лесоматериал, а потом весной в половодье по рекам спускают в плотах в низменные районы Картли и там продают. Взамен покупают хлеб и увозят домой» («Сакартвело», 1918, № 203).

Осетинские товары широко были представлены на ярмарках, посвященных религиозным праздникам. На меджврисхевской ярмарке, которая обычно длилась в течение недели, осетины на продажу выносили сыр, топленое масло, кур, деревянную посуду и орудия труда (болтушки, вилы, грабли и др.). Они часто меняли сыр на соль – килограмм сыра меняли на 6–8 «гирванка» соли («Иверия», 1905, № 102; «Сахалхо газети», 1910, № 21).

Такие же ярмарки устраивались во время праздника Згудроба, близ Цхинвала. «Сюда съезжается много народу из различных уголков. Привозят деревянную посуду, арцисхевские ковчеги, скамьи, арбы, колеса, скот, шерсть, сыр, топленое масло, шкуры и кожи, лесоматериалы, сани, столбы, частокольные прутья, дранку, ксанскую глиняную посуду, имеретинские кувшины для вин, птицу, осетинские пироги. Оборот составляет около 10 тысяч червонцев» («Сахалхо газети», 1914, № 1190).

Отсюда видно, что осетины наравне с животноводческой продукцией торговали также деревянными посудой и орудиями труда, изготовленными в кустарных условиях. Торги происходили не только на ярмарочных пунктах Картли, но и в других нерыночных населенных пунктах (селах), где в основном происходил натуральный обмен на зерно. Центром изготовления деревянной посуды и орудий труда было в основном Джавское ущелье, особенно згубирская община, а также с. Аргцисхеви и окрестные села в ущелье Малой Лиахвы. В селе Сарабук, расположенном в 9–10 верстах от Цхинвала, малоземельном и неурожайном, занимались в основном обработкой дерева. Крестьяне из дерева изготавливали домашнюю посуду, ковчеги, подносы, молотильные доски и др. Кроме того, вязали метлы и продавали в Цхинвале или в деревнях меняли на зерно (там же, 1910, № 32).

В рассматриваемый период проживавшие на Военно-Грузинской дороге грузинские горцы все теснее связывались с владикавказским рынком. Эти связи с Северным Кавказом гудамакарцев,

жителей Хеви и Мтиулетии упрочились не только из-за интересов, связанных с овцеводством (кизлярские зимние пастбища), но и для получения зерна и других пищевых продуктов.

Некий Калмис Цвера (псевдоним) отмечал, что «горцы не могут существовать без низины так же, как жители низины без горцев». «Тушинцы, пшавцы, мохевцы, гудамакарцы и мтиульцы являются детьми малоземельной и бесплодной осетинской земли. Даже ячменя на трехмесячное пропитание ни у кого не урождается. Для коренных жителей основным видом занятий и средством существования является животноводство и доставка пропитания из равнинных районов». По его же сведениям, из-за нехватки земли из Хеви и Мтиулетии в недавнем прошлом до 300 дворов переселились в Ширак, а до 200 дворов – во Владикавказ. Часть из них обратилась к осетинам и кистинцам, чтобы они дали им возможность получения земель в своих селах даже ценой изменения веры (там же, № 4).

С начала XIX в., как известно, Закавказье, и в частности Грузия, все более и более становилось зависимым от северокавказского и российского хлеба. Грузия ежегодно нуждалась в 5 млн. пудов зерна. Основную массу зерна она закупала на Северном Кавказе. Северные осетины принимали активное участие в снабжении Грузии зерновыми. Правда, из тех 5 млн. пудов зерна, в которых нуждалась Грузия, основная часть поступала из Кубанского края; тем не менее Владикавказский округ, где в основном проживали осетины, стал одним из значительных пунктов снабжения Грузии зерновыми. В частности, количество зерновых до 1,5 млн. пудов, ввозимых ежегодно по Военно-Грузинской дороге гужевым транспортом, скапливалось во Владикавказе (Гугушвили. С.156).

Население Хеви и Мтиулетии не только покупало во Владикавказе нужные для себя зерно и другие товары, но и осуществляло перевозку грузов арбами между Владикавказом и Тифлисом и этим зарабатывало средства существования. Те же, кто владели ремеслом, отправлялись в Терскую область и там работали.

Первая мировая империалистическая война осложнила и затруднила условия жизни жителей Хеви и Мтиулетии. Молодежь, которая до этого работала по найму сначала на Военно-Грузинской дороге, затем в Терской области возила груз арбами, с началом войны была призвана в армию («Сакартвело», 1916, № 20).

Война ухудшила условия жизни не только горцев, но и всех народов Закавказья. В связи с войной государство установило твердые цены (тарифы) на зерно. Северокавказские крестьяне не стали продавать государству хлеб по установленным ценам и стали его припрятывать. По этой причине сократился ввоз хлеба в Закавказье, в результате чего сначала подскочили цены на хлеб, а потом хлеб и вовсе исчез с рынка. Некий А.Е., корреспондент газеты, ставит вопрос об отмене тарифов, тогда, по его мнению, хлеб посту-

пит, а иначе не то что войска и граждане, но и даже сами крестьяне останутся голодными. «В вопросе хлеба наше крестьянство понимает состояние граждан. Крестьянство Закавказья кормится хлебом Северного Кавказа» (там же, 1917, № 40).

В таких условиях неизбежным стало проведение чрезвычайных мероприятий для обеспечения населения Грузии продовольствием. Продовольственный комиссариат Тифлисской губернии откомандировал своего специального уполномоченного Г. Далакишвили на Северный Кавказ. Грузинская пресса следила за деятельностью этого представителя. Например, газета «Сакартвело» 17 мая 1917 г. сообщала, что Далакишвили в последнее время отправил с Северного Кавказа в Тифлис 100 вагонов муки, 40 вагонов пшеницы, 120 вагонов кукурузы (там же, № 104).

Таким образом, Г. Далакишвили смог поставить на прочную основу дело снабжения продовольствием Тифлисской губернии в результате отправки нескольких сотен вагонов с Северного Кавказа в Тифлис. В некрологе, посвященном его гибели на Северном Кавказе, отмечалось, что «на Северном Кавказе Гогла (Далакишвили) был в очень тесных связях с осетинами и ингушами. С ними Гогла общался не как представитель правительства, а как представитель голодающего грузинского народа. При общении с осетинами Гогла приводил много примеров того, как грузины оказывали помощь осетинам и призывал их к союзу и помощи Грузии» (там же, № 42).

В марте 1918 г. восемь вагонов пшеницы, отправленных из Владикавказа в Тифлис, находились в пути. Грузинская власть попросила у мохевцев помощи в перевозке продовольствия из Владикавказа в Тифлис через Военно-Грузинскую дорогу. Они обещали помощь и при этом попросили 10 рублей за перевозку одного пуда продовольствия. Заодно обещали такую организацию транспорта, которая позволяла бы каждый день перевозить по этой дороге 15 вагонов пшеницы, т.е. достаточное количество для того, чтобы избавить города Закавказья от голода (там же, 1918, № 45).

В связи с разгоревшейся гражданской войной на Северном Кавказе снабжение Грузии продовольствием стало весьма опасным. Оторванное от советской России Закавказье переживало большие продовольственные трудности.

Весной 1918 г. на конных арбах из Владикавказа поступило большое количество белой муки. Продовольственные комитеты не стали препятствовать свободной торговле, и на тифлисском рынке цена одного пуда муки снизилась со 100 рублей до 55 рублей. В связи с этим фактом корреспондент газеты высказывал предположение о том, что, возможно, северные аробщики и избавят нашу страну от голода. Не страшно, что они увезут с собой много денег, но это лучше, чем умереть без хлеба. Если бы такую же свободу

дали другим товарам, то весь товар, ограниченный в России тарифами, перекочевал бы сюда и подешевел бы (там же, № 64).

Однако гражданская война на Северном Кавказе все осложнила. В результате ухудшения взаимоотношений между осетинами, кистинцами и казаками снабжение самого владикавказского рынка, откуда горцы удовлетворяли свои потребности, затруднилось. В корреспонденции из Хеви высказывается тревога по этому поводу, так как Северный Кавказ почти половину Закавказья обеспечивает продовольствием. И если там не произойдет примирения трех народов, то земля останется невспаханной и незасеянной, а нас не обойдут стороной большая нужда и голод, так как своего урожая хватает только на 2–3 месяца. Остальное продовольствие – кукурузную муку, картофель, фасоль, капусту и разнообразные овощи горцы завозят из Владикавказа; там же пасется и их скот. Кроме того, арбы мтиульцев и мохевцев возят хлеб из Владикавказа в Тифлис, и в каких-то 12 дней каждый одноконный человек зарабатывает 600–700 рублей. Корреспондент призывает грузинскую общественность принять какие-либо меры для примирения этих трех наций. В противном случае ухудшатся условия жизни не только горцев, но и Тифлис почувствует то же самое (там же, № 65).

Горцы, проживающие в окрестностях Военно-Грузинской дороги, экономически были очень зависимы от Владикавказа. Поэтому любые осложнения в передвижении по этой дороге создавали им большие трудности. При возникновении спорных вопросов между мохевцами, осетинами (тагаурскими, трусовскими, кобскими и гудскими) и кистинцами они обращались к посредничеству третьей стороны. Например, в декабре 1917 г. кистинцы заняли Дарьяльскую крепость. Это вызвало возмущение мохевцев, и они отобрали у мтиульцев оружие, которое те везли на своих арбах из Тифлиса для кистинцев. Кистинцы остро переживали потерю оружия и в качестве посредников послали к мохевцам офицера Мирзабегова и двух осетин – Тембола Дударова и Кундухова. Они успешно завершили мирные переговоры с мохевцами, проходившие в Степанцминде (там же, № 5). В 1918 г. произошел спор между кобскими осетинами и кистинцами. Кистинцы перекрыли дорогу осетинам в сторону Владикавказа. Оказавшиеся в неудобном положении осетины обратились за посредничеством к мохевцам – А. Пицхелаури, О. Кобаидзе, Ал. Гудушаури и В. Топадзе. В Балте они встретились с кистинской делегацией и добились согласия свободного перемещения осетин-горцев по Военно-Грузинской дороге (там же, № 65).

Вывоз продовольствия из Владикавказа в Грузию становился все более трудным. Мохевским и другим грузинским аробщикам молокане Владикавказа не давали возможности вывоза муки, картофеля и прочих продуктов, предъявляя при этом свои контртребования, заключавшиеся в том, чтобы и Тифлис, в свою очередь,

разрешил им вывоз сахара, керосина, мануфактуры, воинского снаряжения (там же, № 109).

Вывоз продуктов с Северного Кавказа особенно осложнился после объявления меньшевистским правительством независимости Грузии (26 мая 1918 г.). Некий А.Е. в газете грузинских национал-демократов (буржуазно-националистическая партия) – «Сакартвело» требовал вмешательства в дела Северного Кавказа вплоть до взятия Владикавказа якобы ради интересов самих же жителей Терской области и обеспечения Грузии продовольствием. Такое мероприятие он считал необходимым, ибо Хеви и Мтиулетия полностью зависят от Владикавказа. Если большевики и впредь будут препятствовать свободному вывозу продовольствия, то мтиульцы будут вынуждены открывать им путь и, таким образом, иметь возможность получения хлеба (там же, № 112).

Вышеуказанное говорит о том, что грузинские буржуи-националисты серьезно опасались большевистского влияния с Северного Кавказа. Они не доверяли горцам, для которых разрушение привычных экономических связей с Северным Кавказом было невыносимо. Такое же положение складывалось и по всей Грузии. В результате войны и после войны, в условиях господства меньшевистского правительства, ситуация еще больше осложнилась, пришло в упадок сельское хозяйство, сократились посевные площади под зерновые, их урожайность, обострился продовольственный кризис. В конце июля 1918 г. газета «Сакартвело» писала, что, мол, если не завезем несколько млн. пудов пшеницы, то местный хлеб нас не спасет (там же, № 152).

В результате продовольственного кризиса в Грузии южные осетины повернулись в сторону Северного Кавказа и оттуда начали завозить продовольствие. В связи с этим З. Едила пишет, что вся дорога, что следует из Лиахвского ущелья в потустороннюю Осетию, запружена караванами груженных продовольствием лошадей, и таким перевозкам не видно конца. В основном перевозят белую муку хорошего качества, так называемую «крупчатку», кукурузу, ячмень. Мука даже в приграничном с. Закка продается за 70–90 рублей. Кроме того, в огромном количестве перевозят керосин, так как из Баку вовсе прекратили его поставку в Картли. В Цхинвале пуд керосина продается за 400–500 рублей, а в селах Картли «гирванка» (примерно 0,4 кг. – ***Ред.***) такого же керосина стоит 13–15 рублей. Дорога эта, бывшая когда-то узкой гористой тропинкой, нынче превратилась в большую торгово-караванную дорогу, через которую можно завозить любое продовольствие с Северного Кавказа. Если бы наше правительство, говорится в газете, в свое время проявило энергию и в этом направлении организовало перевозку продовольствия после закрытия Военно-Грузинской дороги, то положение в Тифлисе было бы гораздо лучше, чем сейчас. Впрочем,

осетины говорят, что продовольствие они закупают в казацких станицах и перевозят обманом как будто для своих же южных осетин, иначе вообще ничего не разрешают перевозить в Закавказье для грузин (там же, № 207).

Как видно, Военно-Осетинская дорога приобрела огромное значение в обеспечении продовольствием и другими предметами первой необходимости не только южных осетин, но и грузинского населения. Из-за развернувшейся ожесточенной гражданской войны меньшевистская Грузия потеряла возможность нормального и бесперебойного снабжения продовольствием, и грузинский народ оказался перед опасностью голода.

Осетины под предлогом, что это для своих же нужд, перевозили с Северного Кавказа больше продовольствия, чем они могли потребить, и эти излишки продавали в Цхинвале и селах Картли. Для укрепления связей со своими северными сородичами, в том числе и для облегчения условий перевозки продовольствия и других нужных товаров, а также учитывая то обстоятельство, что меньшевистское правительство Грузии стремилось всячески подавить движение южных осетин к самоопределению, они были вынуждены принять решение о строительстве дороги от Кехви до Алагира. Дорога через Рокский перевал спускалась в Закка и оттуда направлялась в Алагир. Несмотря на свою бедность, осетины собрали 1,5 млн. рублей и с большим энтузиазмом приступили к строительству дороги.

В этом деле, то есть в строительстве дороги, отмечает тот же автор, осетины проявили большую сообразительность. Эта дорога образует единую и неделимую Осетию, позволяя осетинам в жизненных неурядицах выступать единой и более мощной силой. В результате Осетия превратится в Кавказскую Швейцарию, а для нас, пишет З. Едила, эта дорога окажется роковой, ибо таким образом образуется второй Дарьял, который маленькая Осетия не сможет защитить, а мы станем открытыми к вторжению с севера (там же, № 203).

Следует отметить, что в буржуазно-националистических кругах Грузии строительство этой дороги вызвало большое возмущение. Ненависть к советской России и стремление перекрыть ей все дороги, идущие в Закавказье, способствовали разжиганию враждебной кампании против строительства дороги (там же, № 207). Они критиковали меньшевистское правительство за то, что оно дает возможность осетинам строить дорогу, распахивающую ворота всякому проходимцу для проникновения и разбоя в срединную Грузию (там же, № 109).

Несмотря на открытую вражду в отношении осетин со стороны меньшевистского правительства вкупе с буржуазно-националистическими партиями, грузинские и осетинские народы по-прежнему продолжали между собой торговлю и обменные процессы. В корреспонденции «Ущелье Большой Лиахвы» характеризуется положение к

началу 1919 г. Дороговизна увеличивается, «пришли купцы из города и жадно покупают осетинскую картошку — пуд за 40—50 рублей». Увеличились цены и на яйца, топленое масло, сыр (там же, № 45).

В одной корреспонденции говорится, что «горная Осетия сыграла большую роль в продовольственном обеспечении Цхинвала. Если в позапрошлом году продовольствие и другие товары в основном возили из Цхинвальского района в горную Осетию, то весь прошлый год осетины везли с севера в сторону юга — Цхинвала — в большом количестве белую муку, кукурузу, керосин со стороны Владикавказа, а сыр, шерсть, сено, картошку — со стороны горной части Осетии. В прошлом году осетины получили отменный урожай — больше, чем достаточно, особенно урожай картофеля. И в настоящее время на тифлисских рынках продается только осетинская картошка. В Цхинвале пуд картофеля стоит 50-60 рублей, в горах, на месте — 45—50 рублей» (там же, № 60). В той же корреспонденции говорится, что дороги плохие и поэтому перевозка продовольствия затруднена; ставится вопрос о том, чтобы осетинам дали семена картофеля получше, чем у них есть, и тогда Тифлис будет полностью обеспечен картофелем.

В 1920 г. осетины восстали против меньшевистского правительства и провозгласили советскую власть. Меньшевики зверски, в крови задушили восстание. Население массово спасалось бегством на Северный Кавказ. Их имущество и средства существования были расхищены и уничтожены меньшевистской гвардией и контрреволюционным сбродом. В газете «Сакартвело», которая оправдывала и провоцировала беспрецедентные репрессии против осетин, описывается положение, создавшееся после разгрома и разорения Осетии. Из Осетии угнали огромное количество скота, и цхинвальский рынок наполнился мясом, но скоро его не станет. «Скоро в Цхинвале ничего не будет: ни мяса, ни сыра, ни топленого масла, кур, яиц и др... Не поступит больше добротной цхинвальской картошки, которая в больших количествах поступала на тифлисский рынок, и Тифлис почти кормился осетинской картошкой. Многие посевы картофеля на склонах гор остались необработанными и попортились. А в этом году было так много засеяно картофеля, что можно было накормить весь Тифлис». В корреспонденции приводятся многочисленные душераздирающие случаи опустошения и разорения Южной Осетии меньшевистскими мародерами. «До этого осетины на рынках обменивали фрукты на хлеб, а теперь фрукты бесхозно сыплются на землю и загнивают» (там же, 1920, №108).

В корреспонденции А. Леванишвили дается описание разоренной Осетии и говорится о ее бывшем экономическом значении для Грузии. При этом автор призывает способствовать уже начавшемуся процессу заселения вместо осетин мтиульцев, мохевцев, гудамакарцев для восстановления рыночного значения Цхинвала.

Выше уже была отмечена продовольственная зависимость Хеви и Мтиулетии от Владикавказа. Гражданская война на Северном Кавказе, враждебное отношение меньшевистского правительства к советской власти создавали серьезные препятствия в продовольственном обеспечении не только для мохевцев и мтиульцев, но и для всей Грузии. Заработала костлявая рука голода. В этих тяжелых условиях особое значение приобретали хозяйственные связи с Россией. Органы власти советской России, сами оказавшиеся в тяжелых продовольственных условиях, не препятствовали вывозу хлеба для населения Грузии. «Рачинский уезд смог установить связь с большевистским Тереком, придав широкий характер продовольственным операциям. Через Душети получали продовольствие не только жители районов Душетского уезда, но и весь Тифлис» («Сахалхо сакме», 1919, № 582; Махарадзе, 1967. С. 181).

Вторжение контрреволюционных банд Деникина на Северный Кавказ еще больше осложнило перевозку продовольствия по Военно-Грузинской дороге. Несмотря на то, что между Деникиным и меньшевистской Грузией много чего было общего, родственного (ненависть к советской власти, классовая природа) и на этой основе они даже сотрудничали и действовали вместе, генерал, мечтавший о «единой и неделимой России», не разрешал ввоз продовольствия в Грузию.

После занятия Деникиным Северного Кавказа в Северной Осетии установилась контрреволюционная власть во главе с управляющим Осетией, при котором существовал совет. По специальным пропускам совета управляющего Осетией населению, проживавшему в селах Чми, Ларс и Балта, разрешалось для нужд своих семей перевозить зерно в определенных количествах. Такие пропуска на вывоз продуктов выдали, например, Дударовым, Гудушаури, Годердзишвили, Кирикашвили и другим (ЦГА СО АССР. Ф. Р-8, оп. 1, д. 5, л. 36, 40–44, 54–56). 17 сентября 1919 г. Г. Гудушаури разрешили перевезти в Ларс 12 мешков пшеничной муки и 13 мешков кукурузы; С. Алибегашвили – по 6 мешков пшеничной муки и кукурузы; Ал. Квириеву – 10 мешков пшеничной муки и 12 мешков кукурузы; Ан. Кирикашвили – по 6 мешков пшеничной муки и кукурузы; Ягору Гудушаури – 8 мешков пшеничной муки и 12 мешков кукурузы (там же. ФФ. 65–69).

Есть и другие документы, в которых говорится, что жители Ларса и Балты (населенные пункты по Военно-Грузинской дороге, близ грузинской границы) в большом количестве вывозили продовольствие. Например, в сентябре 1919 г. жителем Ларса Хатахцико Кундуховым получено разрешение на вывоз 400 пудов муки, 160 пудов картофеля и 50 пудов постного масла (там же. Ф. Р-8, оп. 1, д. 5, л. 90).

Разумеется, в Ларсе и Балте не было столько населения, сколько вывозилось продовольствия якобы для его обеспечения. Из этих

пограничных пунктов контрабандным путем продовольствие проникало не только в Хеви, но и в другие районы Грузии. Такое обстоятельство не осталось незамеченным для деникинского управления на Северном Кавказе. 2 октября 1919 г. они обратили внимание управляющего Осетией на то, что из Владикавказа в большом количестве вывозят муку в Ларс, население которого незначительно. Поэтому не исключено, что лишнюю муку они могут переправлять в Грузию, куда категорически запрещен вывоз всякой продукции и товаров. От управляющего требовали ограничения выдачи разрешений на вывоз продуктов в Ларс (там же. Ф. 115).

В июле 1919 года деникинским командованием на Северном Кавказе был разрешен вывоз в Грузию 100 тысяч пудов кукурузы для нужд Южной Осетии (там же. Ф. Р-8, оп. 1, д. 16, л. 2). По распоряжению генерала Эрдели 1 августа управляющему Осетией было поручено отпускать для нужд осетинского населения Коби и Трусо 10 тысяч пудов кукурузы маленькими партиями и под жестким контролем, чтобы кукуруза не попадала в Грузию. И действительно, разрешения на вывозимые партии кукурузы предъявлялись в штаб генерала Вадбольского, и, таким образом, это дело находилось под двойным контролем (там же. Оп. 3, 5, 7, 10, 16, 18). Выделенная кукуруза, под строгим учетом, перевозилась арбами в Коби и оттуда распределялась голодающему населению. 9 сентября 1919 г. заведующий отделом продовольствия при совете управляющего Осетией сообщал генералу Вадбольскому, командующему войсками южных районов Деникина, о том, что выделенные 10 тысяч пудов кукурузы для осетинских жителей в окрестностях Военно-Грузинской дороги вывезены и распределены по назначению (там же. Ф. Р-8, оп. 1,д. 16, л. 49–50).

5 октября 1919 г. председатель общего управления отдельными округами Северного Кавказа сообщал управляющему Осетией, что, невзирая на имеющееся разрешение о вывозе 100 тысяч пудов кукурузы для нужд Южной Осетии, командующим войсками Северного Кавказа запрещен вывоз всяких грузов в Грузию, поэтому прежние распоряжения отменяются (там же. Оп. 61).

Несмотря на запреты, в Грузию, так или иначе, поступало продовольствие. Осетины понимали необходимость обменных процессов с Грузией. В феврале 1920 г. управление Северной Осетией ставит в известность начальника Владикавказского отряда о том, что он дал Александру Хосроеву и Анкалу Агнаеву полномочия на перевозку в Грузию по Военно-Грузинской дороге шести тысяч пудов кукурузы, тысячи пудов пшеничной муки и 500 штук сырых шкур с целью обмена на различные товары. Поэтому этим уполномоченным лицам не следует создавать препятствия в вывозе товаров (там же. Оп. 121).

Осенью 1918 г. житель с. Магометановское (ныне Чикола) Се-

верной Осетии Дзамурза Цораев обменял в Кутаиси кукурузу на 70 тысяч штук папирос высшего качества, стоимостью 20 тысяч рублей. Эти папиросы он продавал в Нальчике. Большевики конфисковали его товар. Когда Нальчик заняли войска Деникина, он просил управляющего Осетией вернуть ему товар или его стоимость (там же. Ф. 1, д. 34, л. 1).

После разгрома банд Деникина на Северном Кавказе установилась советская власть. Из-за явного враждебного отношения меньшевистского правительства Грузии к советской власти, правительство Горской республики запретило вывоз продовольствия в Грузию. Несмотря на это, для голодающих грузин-горцев в определенных пределах разрешали вывозить продовольствие. Владикавказская заготовительная контора продовольственного комиссариата Горской республики в июне-октябре 1920 г. выдала множество пропусков для мохевцев и мтиульцев с целью вывоза зерна в Казбеги, Ареша, Гергети, Каноби, Млета, а также для осетин Коба, Ганиса, Баидара. Следовавшим в Тифлис четырехколесным и вьючным также разрешали вывозить в качестве фуража определенное количество кукурузы (там же. Ф. Р-147, оп. 1, д. 1, л. 1—117). Беженцам, передвигающимся по Военно-Грузинской дороге, тоже разрешали брать с собой месячный запас зерна.

Создавшимся в Грузии тяжелым продовольственным положением воспользовались чиновники меньшевистского правительства, офицерство и даже священники, занимавшиеся спекуляцией. Уполномоченный министром снабжения меньшевистского правительства Челидзе четырежды вывозил для нужд республики хлеб Северного Кавказа и каждый раз совершал большие злодеяния — по дороге продавал хлеб по спекулятивным ценам, а потом обманывал правительство, будто его ограбили в Ларсе («Сакартвело», 1920, № 160).

25 февраля 1921 г. над Тифлисом взвилось знамя советской власти. В результате произошли существенные изменения в экономических взаимоотношениях Грузии с Горской республикой, в состав которой до 1924 г. входила и Северная Осетия. Все препятствия политического характера были сняты. Северная Осетия, сама еще находившаяся в трудных продовольственных условиях, протянула руку помощи голодающему народу Грузии. Президиум Высшего совета народного хозяйства Грузии 1 апреля 1921 г. обязал Комитет государственного строительства срочно очистить дорогу между Тифлисом и Владикавказом для перевозки из Владикавказа 300 тысяч пудов кукурузы. Прекращение связей по Военно-Грузинской дороге было невыгодно (ГЦИА. Ф. 318,оп. 1, д. 27, л. 2—3). Срочно приступили к ремонтным работам на Военно-Грузинской дороге, чтобы перевозка продовольствия для Тифлиса и других районов Грузии была бесперебойной. 7 апреля 1921 г. председатель Комитета государственных строений Курдиани сообщал председате-

лю Верховного совета народного хозяйства, что дорога очищена и открывается автомобильное движение (там же. Ф. 318, л. 47; «Коммунист», 1921, 17 апреля). В Северной Осетии широко развернулась заготовка зерна для Грузии. Сохранилось распоряжение народного комиссара продовольствия Горской республики к комиссару продовольствия Дигории о срочной заготовке и передаче в распоряжение представителя уполномоченного Грузии 6 700 пудов кукурузы (ЦГА СО АССР. Ф.147, оп. 1, д. 2, л. 19).

Из Грузии в Северную Осетию перевозили изделия мануфактуры, сахар, сахарин, кожу и кожевенные изделия и др. Любые задержки на пути перевозки этих товаров вызывали рост цен на них на Владикавказском рынке (Партархив. Ф.1849, оп. 1,ед., хр. 46, л. 73; Ф.4, оп. 1, ед. хр. 8, л. 42).

С установлением советской власти в Грузии большое внимание было уделено и Военно-Осетинской дороге, которая и раньше играла огромную роль в обеспечении продовольствием Рача-Лечхуми и Западной Грузии. Второй веткой этой дороги, проходящей через Рокский перевал, зерно поступало в ущелье Большой Лиахвы, а оттуда дальше, вплоть до равнинных районов Картли.

Южные осетины, разоренные и изгнанные из родных мест меньшевистскими извергами, после установления советской власти в Грузии получили возможность возвратиться к очагам своих предков, восстановить их и вновь включиться в традиционные экономические взаимоотношения с грузинским народом, которые отныне получили новое содержание и возможность дальнейшего развития.

Победа советской власти на Северном Кавказе и в Грузии являлась политическим событием величайшего значения, оказавшим решающее влияние на исторические судьбы грузинского и осетинского народов. Отныне экономические взаимоотношения этих народов расширяются и углубляются, приобретают планомерный характер, для этих отношений становятся чуждыми какие-либо политические препоны, и их дальнейшее совершенствование становится зависимым только от хозяйственного развития этих народов.

§ 3. Культурные взаимоотношения

К концу XX в. осетинский народ в культурном отношении продвинулся вперед. Передовая часть осетинской интеллигенции неустанно заботилась о дальнейшем развитии культуры своего народа. Коста Хетагуровым был заложен прочный фундамент развития осетинской литературы, формирования литературного языка. Его воинствующая поэзия, проникновенная лирика, острая публицистика оказывали благотворное влияние на все последующие поколения деятелей осетинской культуры.

Революция 1905—1907 гг., а затем и последующие тревожные

события 1917—1921 гг. способствовали окончательному формированию в осетинской культуре двух направлений — демократического и реакционного. Демократическое направление служило интересам культуры, литературы, образования осетинского народа, выводя его на путь прогресса; реакционное же направление подразумевало движение назад, регресс. Первое направление связывало осетинский народ с передовыми представителями и кругами русского, грузинского и других соседних народов, с их освободительным движением. Оно по своей природе было интернациональным. Второе направление было связано с реакционными кругами, носило националистический характер, служило интересам господствующих классов — алдаро-баделятам (осетинские феодальные круги) и мелкобуржуазным слоям общества.

В рассматриваемый период еще больше оживились культурные связи между осетинским и грузинским народами. Они стали более глубокими и разносторонними. Под влиянием революции развилась осетинская литература. Помимо создания оригинальных произведений, переводилась литература и с других языков. С грузинского были переведены: рассказы А. Казбеги — «Нина», «Бердиа», пьеса — «Арсена»; Я. Гогебашвили — «Иавнанам ра кна» («Сила колыбельной»); А. Цагарели — «Ханума» и «Рац гинахавс, вегар нахав» («Прошлого не вернешь») (Ардасенов, 1957. С. 6).

Тифлис по-прежнему оставался культурным центром Кавказа. Здесь выросла целая плеяда деятелей осетинской культуры, которым принадлежит большая заслуга перед своим народом в области народного образования. К началу XX в. в Тифлисе уже проживало довольно большое количество осетинского населения, как из Южной, так и из Северной Осетии. Многие осетины работали в железнодорожных мастерских и паровозных депо, на трамваях, фабриках и заводах, кустарными ремесленниками. Здесь же были сосредоточены многие представители осетинской интеллигенции — учителя, врачи, чиновники разных рангов. Передовые представители этого населения при поддержке грузинских деятелей культуры стремились способствовать развитию осетинской культуры. Период революции 1905—1907 гг. был периодом пробуждения национального сознания всех народов, в том числе и осетинского.

Передовые представители осетинской интеллигенции сознавали огромное значение печатного слова в пробуждении национального самосознания народа, в продвижении его культуры вперед. С этой целью во Владикавказе в 1906 г. было создано издательское общество «Ир» («Осетия»). Задачей общества было издание произведений осетинских писателей и поэтов, создание периодической прессы на осетинском языке.

В мае 1906 г. в Тифлисе было создано «Осетинское издательское общество». В состав его правления входили педагоги Николай и

Христофор (Пора) Джиоевы, Бидзина Кочиев, Николай Томаев, частный предприниматель Сандро Курдатов, надзиратель школы Тедеев, агроном Максим (Тата) Рамонов и др. Первым председателем общества был Христофор Джиоев, которого сменил Инал Собиев (инженер) (Цабаев, 1961. С. 22).

По уставу общества источниками его доходов были членские взносы, пожертвования, средства, поступавшие от спектаклей и концертов. Для этой цели при обществе был организован драматический кружок, членами которого были учителя, учащиеся, рабочие и служащие. 24 мая 1906 г. в гостинице «Ветцел» (нынешний русский театр юного зрителя на проспекте Плеханова) осетинским драматическим кружком было устроено первое осетинское представление. Доход от этого представления решили передать нуждающейся осетинской молодежи, обучавшейся в Тифлисе. В начале спектакля выступил один из членов правления Осетинского издательского общества и сказал о воспитательном и общественном значении театра. Были показаны пьесы Е. Бритаева – «Лучше смерть, чем жить позорно» и «Побывавший в России». После этого были представлены живые сцены из жизни осетинского народа и исполнены осетинские народные песни. Вечер закончился чтением произведений Коста Хетагурова и осетинскими танцами. Спектакль вызвал большой интерес. Кроме осетин, на нем присутствовали представители и других национальностей («Тифлисский листок», 1906, № 1061; Цабаев, 1961. С. 22–23).

Осетинским драмкружком этот спектакль был поставлен в Цхинвале 18 июля 1906 г. Спектакль прошел с большим успехом, его с большим воодушевлением встретили представители грузинской и армянской общественности. Газета «Терек» отмечала, что сцену красиво оформили Н. Цинцадзе (Ия Екаладзе), З. Мачабели и Г. Ованов.

До начала спектакля было произнесено вступительное слово, в котором отмечалось большое воспитательное и консолидирующее народы значение театра. После вступительного слова Н. Цинцадзе преподнесла оратору адрес на грузинском языке. От имени грузинских литераторов она пожелала успехов осетинской литературе. Адрес прочитал и перевел на осетинский язык Еквтиме (Ефим) Гулиев. По просьбе собравшихся адрес прочел сам автор. В заключение спектакля были исполнены осетинские танцы («Терек», 1906, № 100; Цабаев, 1961. С. 26).

Драмкружок повторил свои спектакли в Джаве и Бритаткау и везде заслужил большое одобрение. Это было своеобразное начало закладывания фундамента осетинского театрального искусства, большой национальный праздник осетинского народа. В. Цабаев отмечал, что с первых спектаклей осетинского драмкружка выявились те характерные признаки, которые были присущи осетинскому театру на протяжении всего периода его существования и присутству-

ют поныне – это живая связь с жизнью народа, демократизм, неразрывная творческая связь с грузинским и русским театрами (Цабаев, 1961. С. 27).

Тифлисское «Осетинское издательское общество» решило выпускать газету на осетинском языке. Для сбора нужных средств была подготовлена новая осетинская постановка драмкружка, которая состоялась в Тифлисе в здании театра «Ренессанс». 28 февраля 1907 г. в грузинской газете «Исари» было напечатано соответствующее объявление. Все билеты были проданы заранее. Вечер прошел с большим успехом, хотя многие присутствующие даже не понимали осетинского языка. В своем первом номере осетинская газета «Ног цард», вышедшая 8 марта 1907 г. в Тифлисе, дала положительную оценку деятельности осетинского драмкружка («Ног цард», 1907, № 1).

В 1907 г. образовалось Тифлисское общество народных университетов. В этом обществе, наряду с секциями других национальностей, существовала и осетинская секция. Она основала осетинскую вечернюю школу для взрослых, проводила популярные лекции и беседы, создала свой драмкружок, который выступал в так называемой «Авчалинской народной аудитории». Его спектакли были предусмотрены для рабочих, и поэтому билеты были дешевыми. Здесь же проводил свою деятельность и грузинский драмкружок. Последний по мере возможности помогал осетинам, любителям театрального действа, иногда даже принимал участие в массовых сценах осетинских спектаклей. Там же зародилась дружба членов осетинского драмкружка с железнодорожными рабочими, с лучшим представителем грузинского драмкружка – Нико Гоциридзе, ставшим впоследствии народным артистом Грузинской ССР. Нико Гоциридзе в течение пятнадцати лет безвозмездно режиссировал осетинские спектакли, помогал в их техническом оформлении (Цабаев, 1961. С. 29).

Деятельность осетинских драмкружков в Тифлисе имела чрезвычайно большое значение для культурно-просветительной работы среди осетин. Кроме осетинских спектаклей, они ставили произведения русских и грузинских драматургов. В репертуар осетинского драмкружка 1909 г. была включена трехактная комедия А. Цагарели «Чкуиса мчирс» («Страдаю от ума»), переведенная с грузинского Николаем Атаевым (там же. С. 31).

В Тифлисе, кроме действующего «Осетинского издательского общества», в 1909 г. образовалось второе издательское общество – «Рухс» («Свет»). Его основателями были в основном выходцы из рабочих кругов, и, по сравнению с первым обществом, оно было более демократичным. К нему примкнула осетинская секция Общества народных университетов и ее драмкружок. Осетинские представления ставились в здании театра «Ренессанс», Народном доме имени Зубалашвили (театр им. Марджанишвили), Казенном театре (нынешний Театр оперы и балета).

15 марта 1910 г. драмкружком при обществе «Рухс» была поставлена комедия Р. Эристави «Джер даихоцнен, мере икорцинес» («После смерти свадьбу сыграли»), переведенная И. Томаевым (там же. С. 34). Осетинский драмкружок в 1911 г. готовил пьесу Т. Рамишвили – «Мезоблеби» («Соседи»), но из-за революционного содержания она была изъята цензурой из репертуара («Закавказская речь», 1911, № 240; Цабаев,1961. С. 35).

В связи с 5-летней годовщиной кончины Коста Хетагурова 19 марта 1911 года в Народном доме им. Зубалашвили была представлена пьеса Коста «Дуня». На представлении присутствовало много народу, в том числе грузины, русские, армяне. Перед собравшимися с докладом о жизни и творческой деятельности Коста выступил Ал. Тибилов. После представления читали стихи поэта, ставили «живые картины» по его произведениям («Тифлисский листок», 1911, № 100).

В репертуар осетинского драмкружка сезона 1911–1912 гг. вошел одноактный водевиль К. Кипиани «Квиристави дабрунда» («Начало недели возвратилось»). 31 марта 1912 г. в Народном доме осетинским драмкружком была представлена пьеса А. Цагарели «Рац гинехавс, вегар нахав» («Прошлого не вернешь») в переводе Петра Тедеева (постановка Н. Гоциридзе). Спектакль хорошо был принят общественностью. Рецензент газеты «Тифлисский листок» писал, что пьесу сыграли хорошо, колорит оригинала игрой осетинских артистов не нарушен. В этом большая заслуга Н. Гоциридзе («Тифлисский листок», 1912, 3 апреля; Цабаев, 1961. С. 37–38). В репертуар осетинского драмкружка в 1912 г. также вошла комедия А. Цагарели «Цимбирели» («Сибиряк»). Постановщиком этой комедии был тот же Н. Гоциридзе. Представление имело большой успех, общество устроило восторженную встречу постановщику («Тифлисский листок», 1912, № 117).

В 1914–1915 гг. осетинский драмкружок обогатил свой репертуар грузинскими драматическими произведениями: «Ори мшиери» («Двое голодных») Д. Ацкурели, «Адам и Ева» – одноактный водевиль Д. Месхи, «Арсена» – А. Казбеги. В репертуар 1917 г. включили произведение Еги Ниношвили «Кристине», инсценированное П. Иретели. Все названные грузинские драматические произведения регулярно ставились на всем протяжении существования осетинского драмкружка. Тифлисский осетинский драмкружок ставил представления и в тяжелые времена господства меньшевиков в Грузии, но очень ограниченно и с большими трудностями.

Работа осетинского драмкружка в Тифлисе имела чрезвычайно большое значение. Кружок не только отвечал национально-культурным требованиям осетинского народа, но и активно проводил популяризацию грузинской культуры среди осетин. Демократическая общественность Грузии подбадривала и способствовала культурно-просветительной работе осетин. В организации театральной работы осетинам безвозмездную помощь оказывал Н. Гоциридзе. Он

являлся постановщиком почти всех произведений, переведенных с грузинского языка. Грузинские газеты бесплатно печатали объявления о предстоящих спектаклях, публиковали рецензии, отчеты. Например, газета «Чвени азри» напечатала рецензию на пьесу Е. Бритаева «Две сестры». В ней говорилось о прекрасно исполненных ролях, о многочисленности зрителей; отмечалось, что, кроме осетин, на представлении присутствовали и зрители других национальностей («Чвени азри», 1909, № 12).

Вышеназванные общества не ограничивались только постановками. Они осуществляли и издательскую работу, издавали произведения осетинских писателей и поэтов, учебники для изучения осетинского языка. Большая их заслуга заключается в создании периодической печати на осетинском языке.

Первая осетинская газета «Ирон газет» вышла 23 июля 1906 г. во Владикавказе. Ее выход с воодушевлением встретила не только вся прогрессивная осетинская общественность, но и грузинская передовая общественность. В газете «Шрома» («Труд») некий Георгий писал, что «в последнее время в Северной Осетии ощутимо распространилось образование. Осетины, как один, с удивительным увлечением и упоением окунулись на современную культуру и цивилизацию В последнее время тамошние учителя и учащаяся молодежь с большим усердием приступили сперва к изданию книг, а теперь и газет. 23 июля вышла первая осетинская газета «Ирон газет», чья направленность, как видно из первых двух номеров, прогрессивная. В современном освободительном движении северные осетины принимают активное участие. В этом отношении они не уступают Грузии. Наоборот, в Северной Осетии такое движение принимает культурный характер. Нет сомнений, что первая осетинская газета много чего расскажет нам об осетинской жизни, познакомит нас с ней, поможет понять их душевные порывы и стремления, печаль и горе» («Шрома», 1906, № 160).

Тираж газеты сначала составлял 500 экземпляров, а потом постепенно увеличивался. Газета распространялась в Цхинвале, Тифлисе и Баку. Однако ей не дали долго просуществовать. Из-за публикации материалов революционно-демократической направленности и антиправительственного характера газету 20 августа 1906 г., после выхода 9-го номера, закрыли по распоряжению генерал-губернатора Терской области (Гугкаев, 1966. С. 9—12).

Газета отражала не только жизненные вопросы и проблемы осетинского народа, но и знакомила читателей с событиями, происходившими на Кавказе и в Осетии. Газета призывала читателей, трудовой народ Осетии к дружбе с соседними народами, объясняла, что политика натравливания народов друг на друга является политикой царизма, целью которого является отвлечение их от борьбы против самодержавия.

В последующем «Осетинское издательское общество» 8 марта 1907 г. выпустило первый номер газеты «Ног цард». Ее офици-

альным редактором был учитель Тифлисского ремесленного училища Петр Тедеев. В состав редколлегии входили Бидзина Кочиев, Никала Джиоев, Александр Тибилов. Наборщиками были Тадеоз Цховребов, Дмитрий Козаев и студент Вано Абаев; печаталась газета в типографии грузинского издательского товарищества (там же. С. 31–32).

Газета пользовалась большой популярностью по обе стороны Осетии. Редакция получала письма и кореспонденции даже из отдаленных аулов. Она получала материальную помощь в виде пожертвований от осетинских рабочих Тифлиса и Баку, населения осетинских сел. Газета «Ног цард» была общественно-политической, экономической и литературной газетой прогрессивно-демократического направления. Она энергично разоблачала антинародные действия царского правительства и его местного чиновничества, строго критиковала некоторые вредные пережитки прошлого, сохранившиеся в жизни осетинского народа (поминки, калым и пр.), подчеркивала огромное значение образования, пропагандировала мероприятия по улучшению хозяйства, призывала осетинский народ к дружбе с другими народами.

В передовой статье первого номера отмечалось, что «мы, осетины, связаны с другими народами прочными узами, живем их жизнью и умрем с их смертью. Для новой жизни мы не должны сидеть сложа руки, как гости. Наоборот, вместе с другими народами мы должны работать, не щадя себя, чтобы не уронить своей чести в глазах других народов».

Газета «Ног цард» щедро предоставляла свои страницы начинающим поэтам и писателям – Цомаку Гадиеву, Георгию Малиеву, Шамилю Абаеву, Рутену Гаглоеву, Давиду Короеву, Андрею Гулуеву, драматургу Елбиздико Бритаеву и др. На страницах газеты печатались стихи Коста Хетагурова, которые раньше запрещала цензура. Печаталась переводная литература. Из грузинской литературы в ней напечатали рассказ Ал. Казбеги «Нина».

Газета просуществовала до 31 декабря 1907 г. Всего вышло 70 номеров, но тем не менее она сыграла большую роль в развитии осетинской периодической печати, пробуждении осетинской общественности.

Грузинская общественность сразу же откликнулась на издание газеты и приветствовала ее. Известная грузинская публицистка, литератор и общественная деятельница Ия Екаладзе-Цинцадзе в газете «Исари» в связи с выходом третьего номера газеты «Ног цард» опубликовала примечательное письмо, в котором отмечала, что освободительное движение потрясло огромное Российское государство и что осетины тоже откликнулись на это движение. Она сожалела о том, что грузинское общество слабо прослеживает движение осетин, их стремления, идеалы. Этим взаимным невниманием пользу-

ется наш общий враг, утверждала она, и искусно сеет национальную неприязнь между нами. Она ознакомила читателей с событиями, связанными с выпуском газеты, отметив, что ее редактором является образованнный Петр Тедеев, а сотрудниками – осетины с высшим образованием и студенты. Она считала, что газета производит хорошее впечатление, несмотря на то, что напоминает первые неуверенные шаги младенца. Газета служит национальным интересам осетин, старается развить в Осетии самосознание, знакомит осетин с положением дел в стране и доводит до них силу и значение единства народов.

Передовая статья третьего номера газеты касается взаимоотношений грузин и осетин. В ней подчеркивается, что «после переселения с севера на юг и проживания рядом с грузинами у осетин поменялся характер, они переняли обычаи соседей – грузин. В Грузии осетины очень быстро огрузинились, но это не была воля ни осетин, ни грузин. Это результат воздействия новой страны. Жестоко ошибается тот, кто скажет осетину, что его хотят огрузинить. Насилие не способно ни на что, кроме разрушения» По нашему мнению, перевод высказывания газеты звучит немного иначе: «Среди грузин нет таких, которые старались бы силой огрузинить осетин, но если, быть может, до настоящего времени были таковые, то они отныне поймут свою ошибку и впредь постараются, чтобы осетины и грузины жили рядом друг с другом по-братски».

Ия Екаладзе-Цинцадзе приводит обширные выдержки из осетинской газеты с целью изложения своей точки зрения по вопросам грузино-осетинских взаимоотношений. После того, говорит она, как осетины и грузины, живущие в одной стране, вышли на историческую арену, они живут по-братски. «У них были общими и враги, и приятели. Не то что войны, даже внутреннего разногласия не случалось между ними. Грузины были старшими братьями, а осетины, как младшие братья, становились соучастниками как их счастья, так и бед и невзгод. Следствием разорения татарами Грузии, как правило, становились бесчинства и грабеж Осетии. Когда Грузия бывала сильным и свободным государством, тогда и Осетии жилось свободно и спокойно».

Тем не менее в газете отмечалось, что грузинский народ является неоднородным. По этому поводу автор статьи писал, что «когда мы говорим о грузинах, то подразумеваем грузинский трудовой народ, а не господ. Труженики Грузии в большей степени, чем осетины, подвергались эксплуатации со стороны своих господ. Поэтому они никогда не были довольными и благодарными своим господам, а вот с осетинами, как с братьями, жили в согласии».

Газета обращала внимание и на то обстоятельство, что идут большие и сложные общественные процессы, и поэтому грузино-осетинским взаимоотношениям предстоят серьезные испытания. В передовой статье № 3 газеты «Ног цард» И. Екаладзе писала: «Говорят, что наши старшие братья по-прежнему не милосердны к нам.

Мы слышим и видим, что их лазурное небо постепенно покрывается черными тучами. И туман, несущийся с севера, еще больше усиливает эту сумрачность. Видимо, кудеснику хочется, чтобы очаг бедных остыл. Но этого не должно случиться. Мы друг от друга никуда не денемся, мы и отныне должны жить вместе, поэтому не следует прислушиваться ко всему и друг другу, на радость врагам, не причинять сердечной боли. Мы – и осетины, и грузины – должны работать только ради добра и установления человеческой жизни». «Так говорит уважаемый редактор газеты, – отмечала Ия Екаладзе, – и мы тоже ничего другого не желаем, разве что того, чтобы ее желания исполнялись и чтобы путь Осетии, ее молодежи, вступившей на стезю просвещения, всегда озарял светоч братства, единства и справедливости» («Исари», 1907, № 61). Такое стремление выражала осетинская газета «Ног цард» в вопросах взаимоотношений осетинского и грузинского народов.

Эта мысль осетинской газеты перекликалась с точкой зрения грузинского прогрессивного общества в вопросах взаимоотношений соседних народов. В передовице газеты «Иверия» от 12 декабря 1903 г. (№ 265) разоблачаются те силы, которые стремились стравливать соседние народы. В этой связи отмечается, что «каждый сознательный человек, будь он осетином, грузином или лезгином, знает, что только мирное, хорошее соседство спасет нас и прибавит сил...»

Такой же точки зрения придерживался Ив. Карбелашвили, когда критиковал дворянство и таких публицистов, которые тяжелые аграрные условия грузинского крестьянства считали результатом заселения «хизанами» некоторых районов Картли. Он отмечал, что «осетины-«хизаны» находятся под нашим культурным и братским влиянием и противопоставление их с грузинскими крестьянами ни в коем случае недопустимо. Разжигание розни и вражды между грузинами и осетинами – непростительный грех. С осетинами у нас одно прошлое, и будущее тоже будет одним – братским и дружеским» («Сахалхо газети, 1914, № 1181).

В Тифлисе вышел второй осетинский журнал – «Афсир». Первый осетинский журнал «Зонд» был издан адвокатом Алмахситом Кануковым осенью 1907 г. во Владикавказе, но на свет вышли только два номера журнала. Журнал в Тифлисе издал писатель Арсен Коцоев в 1910 г. Вышло только четырнадцать номеров. В нем сотрудничали многие осетинские писатели и представители интеллигенции. Журнал распространялся не только во Владикавказе, Ардоне и Цхинвале, но и в Тифлисе – в магазине книг Хидашели, в Гори – в магазине книг Арчвадзе. Кроме того, он распространялся в Баку и Елизаветполе, где в значительном количестве работали осетинские рабочие (Гугкаев, 1966. С. 76).

Журнал «Афсир» был литературного и общественно-политического характера, стоял на либеральных позициях и своей основной

задачей считал культурно-просветительскую работу. Помимо оригинальных художественных произведений, журнал печатал и переводную литературу. На его страницах из грузинской литературы был напечатан «Бердия» Ал. Казбеги (перевод Ефима Гулиева).

Осетинская периодическая пресса, которая возникла непосредственно после революции 1905–1907 гг. и под ее влиянием, имела огромное значение для культурного развития осетинского общества, внесения в него революционно-демократических идей. Тифлис вновь подтвердил, что он является центром культурной жизни всего Кавказа, одним из главнейших очагов культурного продвижения осетинского народа. Основавшиеся здесь издательские общества, театральные труппы, газеты и журналы оставили глубокий след в сознании осетинского народа.

Осетинские издательские общества, образовавшиеся в Тифлисе, издавали на осетинском языке произведения осетинских писателей и поэтов, осетинские буквари и этим закладывали основу для организации обучения осетинских детей на родном языке. Осетинская интеллигенция, объединенная в этих обществах, проводила большую просветительскую работу среди тифлисских осетин. Для обучения их грамоте были основаны воскресная школа, осетинская секция народного университета. В этой последней осетинская молодежь делилась на две группы. В первой группе занятия проводились для неграмотных с 5 до 7 часов, а во второй группе – для грамотных. Их обучали арифметике, истории, географии, черчению и т.д. («Ног цард», 1907, № 10; Саришвили, там же. С. 45).

Представители осетинской интеллигенции часто устраивали для тифлисских осетин публичные лекции-доклады о значении образования, об актуальных вопросах осетинской и мировой истории. Среди активистов лекционной пропаганды выделялись Бидзина Кочиев, Николай Джиоев, Тата Рамонов и др.

Культурно-просветительская работа осетинской интеллигенции в Тифлисе привлекала внимание передовой грузинской общественности и пользовалась ее поддержкой. Грузинская периодическая пресса на своих страницах уделяла достаточное место для освещения деятельности осетинских обществ и, в свою очередь, подчеркивала необходимость искоренения некоторых вредных обычаев (калым и др.) и распространения образования среди осетин. Журнал «Квали», описывая отсталость ксанских осетин в сфере образования, господство старых вредных традиций, указывал, что «они по-прежнему идут по следам своих предков, не замечая, что времена изменились, и поэтому и самим надо меняться. Надо объяснить им необходимость получения образования и привить желание к учебе» («Квали», 1901, № 51).

Во Владикавказе в начале XX в., как и до этого, большую культурно-просветительскую работу осуществляла тамошняя грузинская

школа. Она по-прежнему оставалась мощным очагом пропаганды грузинской культуры на Северном Кавказе. Здесь проводились вечера грузинской культуры, концерты, встречи с видными грузинскими общественными деятелями, ставились грузинские представления. На этих мероприятиях в большом количестве присутствовало и негрузинское население — осетины, русские и др. На вечере, состоявшемся в пользу грузинской школы 26 декабря 1901 г. под руководством дирижера Кухианидзе, присутствовало огромное количество людей, как грузин, так и осетин, русских и др. В грузинском театре при школе выступали такие выдающиеся деятели грузинской культуры, как, например, В. Шаликашвили, И. Зардалишвили и многие другие.

Для проведения вечеров в грузинской школе из Тифлиса часто приглашали известных деятелей — композиторов, писателей, поэтов. 26 декабря 1913 г. для проведения традиционного вечера пригласили композитора Нико Сулханишвили. Он подготовил хор, который на вечере исполнил «Самшобло хевсуриса» («Родина хевсура»), произведения Д. Аракишвили «Шота Руставели», «Гутнури» («Плуговая»), «Маш гамарджвеба ткбило сицоцхле» («Да здравствуй, жизнь прекрасная»). Приглашенный на вечер поэт И. Гришашвили чтением своих стихов вызвал восторг и восхищение слушателей («Сахалхо газети, 1914, № 1083).

В театре грузинской школы осетинские любители сцены тоже ставили свои представления. Например, 15 февраля 1911 г. ими была поставлена осетинская пьеса, а затем состоялись осетинские песни и танцы (там же, 1911, № 263).

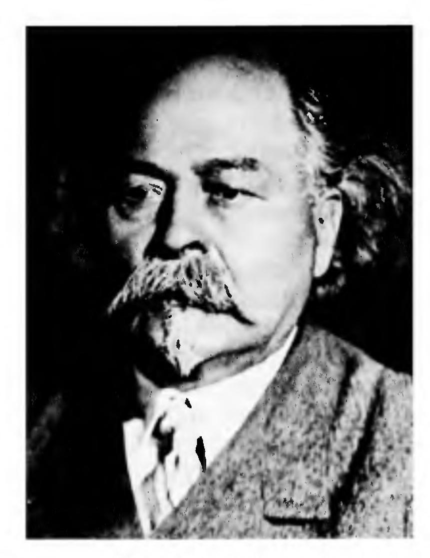
Владикавказская грузинская школа во время революции 1905 г. была настроена революционно, из-за чего ее даже закрыли на короткое время. В период реакции школа, несмотря на тяжелые условия, оставалась национально-культурным учреждением Грузии во Владикавказе.

При владикавказской грузинской школе существовала и воскресная школа. В 1911—1912 учебном году в воскресной школе числились 60 учащихся. При ней же существовала женская школа кройки и шитья для девочек. Кройке и шитью учащихся обучала Софико Голаевна Читадзе; в воскресной же школе учительствовали Ал. Сванидзе, В. Бурджанадзе, Н. Авалишвили, Зерекидзе (Саришвили, 1965. С. 143).

Школа имела хорошую библиотеку-читальню. Она получала как грузинские, так и русские журналы и газеты, печатавшиеся в Тифлисе. Грузинский драматический кружок при школе являлся активным популяризатором грузинской культуры среди населения Северного Кавказа. Учителя школы проводили лекции о творчестве грузинских писателей и поэтов. Такую же культурно-просветительскую деятельность осуществляла алагирская грузинская школа, основанная в 1897 г. Учитель школы Гр. Размадзе организовал хор грузинских певцов и начал ставить представления, на которых, кроме ала-

гирских грузин, присутствовали осетины и русские.

Грузинские учителя часто осуществляли педагогическую деятельность в осетинских селах как Южной, так и Северной Осетии. Например, по данным 1913 г., двухклассной школой с. Махческ Северной Осетии руководил Лаврентий Церетели, в Алагирской осетинской школе учительствовала Клавдия Майсурадзе, в Архонской сельской школе — Матрона Джапаридзе, в Мизурской школе — Филипп Унгиадзе, Ольгинской женской школе — Надя Гахокидзе («Чырыстон црд», 1913, № 2; Саришвили, 1965. С. 129). В самом Владикавказе в различных училищах довольно много было грузин — как среди учащихся, так и учителей. Например, в 1905—1920 гг. среди учащихся женской гимназии Владикавказа числилось несколько десятков грузинских девочек (ЦГА СО АССР. Ф. 128, оп. 1, д. 29; ф. 127,оп. 1). Перед директором этой гимназии родителями грузинских учащихся в 1917 г. было возбуждено ходатайство о том, чтобы для их детей в качестве обязательного предмета допустили грузинский язык. Попечительский совет отказал им в этой просьбе (там же). За многолетнюю работу (30 лет) учительница географии Владикавказской женской гимназии Александра Чхеидзе в 1908 г. была награждена золотой медалью (там же. Ф. 127, оп. 1,д. 1544,л. 1—23).

Дмитрий Аракишвили

Примечателен большой интерес некоторых грузинских общественных деятелей и деятелей искусства к различным областям жизни и культуры осетинского народа. Выдающийся грузинский композитор Д. Аракишвили внес большой вклад в изучение осетинского музыкального фольклора. Он лично познакомился с Коста Хетагуровым, когда в 1902 г. приехал во Владикавказ для записи осетинских народных песен. Об этом в его неопубликованной рукописи «Об осетинской народной музыке», хранящейся, по словам О. Далаберидзе, в личном архиве С. Асланишвили, отмечается: «Что касается осетинской вокальной музыки, с ней я имел дело в 1902 г., когда вернулся во Владикавказ после долгого путешествия по Грузии. Здесь, между прочим, я побывал у осетинского поэта Коста Хетагурова, к которому меня привел мой старый друг — владикавказский фотограф Алексей Джанаев. Коста пригласил нас в комнату и очень удивился, узнав о цели нашего путешествия. Он никак не ожидал,

что осетинская песня кого-нибудь когда-нибудь заинтересует. Но такая личность в моем лице существовала и даже присутствовала при нем. Коста, в свою очередь, обещал нам помощь («Коммунистури агзрдисатвис», 1956, № 4; Саришвили, 1965. С. 39–40).

Знакомство с творчеством К. Хетагурова еще больше усилило интерес Д. Аракишвили к осетинской музыке. На стихи Коста «На смерть горянки», «Песня пастуха» и «Догорела заря» из поэмы «Фатима» он создал замечательные романсы. «Песню пастуха» и «Догорела заря» впервые исполнил волшебник грузинской песни – Вано Сараджишвили.

4 января 1950 г. Д. Аракишвили принес в дар Северо-Осетинскому литературному музею им. К. Хетагурова свою фотографию с дарственной надписью: «Приношу в дар свою фотографию Северо-Осетинскому му́зею им. К. Хетагурова, с которым я лично был знаком и который мне оказал содействие в собирании осетинского музыкального фольклора в 1902 г. Также на стихи его мною в молодости были написаны три романса, в 1900–1901 гг.: «Догорела заря», «Песня пастуха» (из поэмы «Фатима») и «На смерть горянки».

Большой интерес к истории осетинского народа и его взаимоотношениям с грузинским народом проявил известный грузинский книжник и общественный деятель Захария Чичинадзе. В 1913 г. он издал книгу «История Осетии по грузинским историческим источникам (написана и издана З. Чичинадзе)». Повторно этот труд он издал в 1915 г.

В этой книге З. Чичинадзе подробно рассмотрел как сведения грузинских письменных источников об осетинах, так и памятники устной словесности, показав при этом тесные и взаимовыгодные связи между осетинским и грузинским народами, проявлявшиеся во всех сферах политической, экономической и культурной жизни.

Книга имеет много недостатков. О разных периодах истории Осетии автор приводит многочисленные сказочные материалы, а данные письменных источников истолковываются иногда наивно или ошибочно. Но безусловно одно – через всю книгу красной нитью проходит стремление выдвинуть на передний план дружеские отношения народов, показать непрерывность и прочность связей осетин с Грузией.

Осетинский народ восторженно встретил выход этой книги З. Чичинадзе. Осетинский журнал «Чырыстон цард» сообщал своим читателям, что грузинский писатель З. Чичинадзе, на основе старинных письменных источников, выпустил на грузинском языке историю Осетии, в которой показал жизнь и деятельность осетинских царей и их отношения с грузинами. Выход книги журнал считал фактом большого значения для осетин и высказал желание перевести ее на осетинский язык («Чырыстон цард», 1915, № 11).

Тот факт, что З. Чичинадзе в 1915 г. повторно выпустил «Историю Осетии», объясняется материальной помощью осетин. 23 сентября 1914 г. Георгий Тедеев пишет письмо из Тифлиса Василию

(Гаппо) Баеву – главе города Владикавказа – о том, что З. Чичинадзе желает повторного выпуска «Истории Осетии», но средств для этого нет. «Ты, как патриот, помести в газету призыв, собери средства на месте и перешли их в адрес З. Чичинадзе» (ЦГА СО АССР. Ф. 224, оп. д. 27, л. 6). Видно, что данная просьба не осталась безрезультатной, ибо книга беспрепятственно вышла повторно в 1915 г.

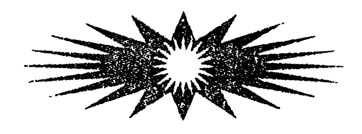
У З. Чичинадзе есть и другая работа, также посвященная осетинам, – брошюра под названием «Переселение осетин в Картли, вклад и забота грузин о них». На лицевой странице брошюры указан 1916 г., что, по-видимому, является ошибкой типографии. В действительности же брошюра напечатана в 1919 г., что подтверждается ее содержанием. В этой брошюре З. Чичинадзе рассматривает заселение осетин на территорию Грузии с точки зрения меньшевистского правительства и других буржуазно-националистических партий. Этот процесс он считает результатом милосердия грузинских царей и князей и взамен требует от осетин лояльности к грузинскому «республиканскому правительству», то есть прекращения борьбы против меньшевистского правительства, которое никак не допускало признания права осетин на самоопределение.

Появление данной брошюры З. Чичинадзе и тенденциозное освещение в ней процесса заселения осетин в Картли не являются неожиданными и не вызывают удивления. Антиосетинская пропаганда меньшевиков и других буржуазно-националистических партий оказала соответствующее влияние на определенную часть грузинской интеллигенции, в составе которой оказался и З. Чичинадзе. Что касается грузинских большевиков, то они до конца оставались на позициях поддержки справедливой революционной борьбы осетин.

В период господства меньшевиков в Грузии условия нормальных взаимоотношений между грузинами и осетинами больше не существовали. Меньшевистская и другие буржуазно-националистические партии настойчиво и усердно сеяли вражду и ненависть между грузинским и осетинским народами. Во всех невзгодах и бедах грузинского народа обвиняли осетин, и выход из этого видели в выселении южных осетин за пределы Грузии. В этом деле они даже преуспели – мечом и огнем почти полностью изгнали население Цхинвальского и Джавского районов из родных мест на Северный Кавказ, а остальных решили переселить в Карая.

Однако самоотверженная и решительная борьба осетинского и грузинского народов против меньшевистского правительства под руководством большевиков избавила южных осетин от истребления. Установление советской власти в Северной Осетии, а потом в Грузии и Южной Осетии, сняло всякие искусственные препятствия на пути развития культурных взаимоотношений между этими братскими народами. Отныне эти народы трудятся вместе, развивая национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примечания

[1] С. 19. Готовя книгу для русскоязычного читателя, переводчик старался стиль автора. Редакторы вмешивались в русский вариант книги лишь тогда, когда буквальный перевод с грузинского на русский не раскрывал смысл предложения, искажал его, делал непонятным. Мы воздержались также от подробных комментариев позиций автора, которых не разделяем. Оставляем их на суд читателя.

Ниже даны примечания и комментарии по узловым проблемным вопросам, по которым у редакторов принципиальные расхождения с позицией автора книги. Не остались без внимания и исторические неточности.

[2] С. 30. Автор прав, отмечая тождество этнических терминов «алан» и «осетин» в грузинской историографии; грузинское «овсы, осы (осетины)» соответствует «аланам» латинских, греческих, армянских, арабских источников. В этой связи в книгах Тогошвили (особенно в I-й)термины «аланы» и «осетины» нередко используются (встречаются) параллельно.

[3] С. 35. Мы не разделяем мнения Г.Д. Тогошвили, который, опираясь на грузинские источники, делает вывод о том, что с I по XIII вв. грузино-осетинская этническая граница проходила по Кавказскому хребту.

О пребывании алан-осетин на южном склоне Кавказа с давних времен писали такие известные ученые, как С.В. Кокиев, Б.В. Скитский, З.Н. Ванеев, В.А. Кузнецов, Ю.С. Гаглойти и др. Они связывали первое массовое переселение предков осетин в Закавказье с нашествием гуннов (IV в.), а В. Сен-Мартен относит переселение алан к 215 г. н. э.

Известно, что после разгрома гуннами часть алан была оттеснена в горы Центрального Кавказа, и маловероятно, чтобы никто из них не осел на южных склонах хребта. Древними авторами описаны походы алан в Закавказье (35 г., 72 г., 135 г. и др.), установление ими тесных военно-политических связей с Арменией, Грузией, что также свидетельствует об их активном присутствии в регионе.

После выхода книги Г.Д. Тогошвили прошло более полувека. За это время, в результате интенсивных археологических раскопок, географические рамки аланской культуры значительно расширились, охватив и северные районы современной Грузии. В частности, Настакисская археологическая экспедиция грузинских ученых выявила аланские катаком-

бы VI—VII вв. с искусственно деформированными черепами в могильнике Агайани (Мирианашвили Н.Г. Материальная культура Шида Картли. Тб., 1983). Аланские катакомбные могильники найдены грузинскими археологами и в Жинвали, что в ущелье р. Арагвы (Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А. и др. Археологические исследования в Арагвском ущелье // Полевые археологические исследования в 1977 году. Тб., 1980; Рамишвили Р.М. Археологические разыскания в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса в 1976—1979 гг. // Археологические исследования на новостройках Груз. ССР. Сборник трудов. Тб., 1982). В грунтовом погребении № 18 (II в. н.э) того же Жинвальского могильника была обнаружена надпись BAKOYRALANA, нанесенная на сердоликовую гемму, вставленную в железный перстень: древнейший образец письменности на аланском языке (Балахванцев А.С. Этнические памятники из Иберии (Восточная Грузия); adenla et corriginto// Международная научно-практическая конференция: Восток в эпоху древности: новые методы. Тб., 2007. С. 10). Наконец, предметы аланской культуры обнаружены археологами в верховьях р. Б. Лиахва (Дзаттиаты Р.Г. Раннесредневековый могильник в с. Едыс // Советская археология, 1986, № 2; его же: К проблеме алан в Закавказье // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ордж., 1986; его же: Царциатские памятники. Едисское городище и могильники. Вл., 2006. С. 50 и др.).

[4] С. 45. Автор путает хронологические рамки кобанской культуры. На стр. 44, 61 он датирует ее 1-м тыс. до н. э., а на стр. 60 — сер. 3-го тыс. до н. э. Более точные хронологические рамки кобанской культуры — рубеж 2—1-го — середина 1-го тыс. до н. э. (СИЭ. Т. 7. М., 1965. С. 447).

[5] С. 45. Несмотря на существование на Кавказе высокоразвитой бронзовой культуры, вряд ли можно согласиться с утверждением, будто пришедшие на Кавказ скифо-сарматы в культурном отношении стояли значительно ниже местных племен и что культура местных племен затмила культуру пришельцев. Подобные выводы характерны для советской исторической науки, обычно дававшей низкую оценку культурному развитию номадических обществ. Известно, что в период расцвета (V—IV вв. до н. э.) Скифия стояла на высоком уровне развития (наследственная царская власть, чеканка монеты и т. д.), а ее искусство звериного стиля признано одним из шедевров мирового изобразительного искусства. Сарматы также достигли немалых успехов в военно-политическом и культурном отношении.

[6] С. 46. Не соответствует истине утверждение, согласно которому скифы являлись исключительно кочевым народом. Скифия, согласно Геродоту и другим античным авторам, делилась на три части. Северо-западные районы страны, непосредственно соседствовавшие с европейским миром, занимали скифы-пахари, ведшие оседлый образ жизни. Излишки производившегося ими зерна даже экспортировались в Грецию.

[7] С. 54. Династические браки имели политическую подоплеку и заключались между относительно близкими по экономическому развитию и политическому весу монархиями. Алания в X—XI в. была влиятельным государством, входившим в число наиболее сильных стран мира, с которой считались Византия, Грузия и другие страны.

[8] С. 64. Неправильно указано время Великого переселения народов — III— IV вв. Оно началось в конце IV в. (375 г.) и закончилось в начале VII в.

[9] С. 92. В данном случае Г.Д. Тогошвили оказался в плену господствовавшей в то время теории археологов-кавказоведов Е.И. Крупнова («иранцы дали осетинам только язык») и В.А. Кузнецова («несмотря на иранскую природу их языка, осетины всегда были кавказскими по своему происхождению») (Крупнов Е.И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1959. С. 158; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1960. С.119).

Впоследствии, после выхода книги Г.Д. Тогошвили, эти взгляды были подвергнуты основательной критике В.И. Абаевым в докладе «Этногенез осетин по данным языка» на Всесоюзной сессии по этногенезу осетин (Происхождение осетинского народа. Ордж., 1967). В настоящее время подобные утверждения не разделяются большинством специалистов. Маловероятно, чтобы при смешении с аборигенами Центрального Кавказа аланы полностью сохранили свой язык, а материальную и духовную культуру целиком восприняли у местных кавказцев (Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Вл., 1992. С. 366—379). В наши дни в Западной Европе и США издаются монографические исследования, в которых достаточно полно сказано о значительном влиянии, которое оказали аланы, ушедшие в эпоху Великого переселения на запад, на западноевропейскую культуру, военное дело, традиции и фольклор (Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Пер. с итальянского. М., 1987; Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003; Рид Г. Артур — король драконов. Варварские корни величайшей легенды Британии. Вл., 2005; Литтлтон К. Скотт, Малкор Линда А. От Скифии до Камелота. Вл., 2007; и др.). В этих исследованиях неоднократно подчеркивается мысль о том, что «Под натиском народов, двигавшихся в западном направлении (сначала гуннов, потом монголов и других), аланы были постепенно оттеснены в горные районы Кавказа, где они под именем осетин проживают до сих пор по обе стороны центральной части Кавказского хребта» (Алемань, 2003, с.18).

[10] С.143. Самым большим заблуждением Г.Д. Тогошвили следует считать его взгляд на происхождение и историю двалов. Книга Георгия Давидовича содержит подробный историографический обзор существовавшей на тот момент литературы о двалах. При этом большинство ученых, в числе которых Паллас, Вахушти, Ю. Клапрот, В. Пфаф, В.Ф. Миллер, Л.М. Меликсет-Беков, Н.Я. Марр, З.Н. Ванеев, Б.В. Скитский, Г.А. Кокиев, К.С. Кекелидзе, Г.С. Ахвледиани и др., утверждали идентичность двалов и осетин.

Другая группа ученых (Д.В. Гвритишвили, В. Томашек, В.Н. Гамрекели) в своих специальных исследованиях по данному вопросу доказывала обратное — неосетинское происхождение двалов. При этом каждый из названных авторов предложил собственную теорию двальского этногенеза (по Д.В. Гвритишвили, двали — грузинские племена, по В.Н. Гамрекели — вайнахи, по В. Томашеку — «независимые племена» с собственным языком, растворившиеся среди осетин). Причиной противоречивых взглядов является заблуждение Вахушти, который, с одной стороны, считал двалов аланами, и в то же время утверждал, что они из иной этнической среды.

Г.Д. Тогошвили не высказывает собственного аргументированного мнения об этническом происхождении двалов, но считает более правильным мнение об их неосетинском происхождении. Недостаточная изученность вопроса к 50-м годам прошлого столетия, видимо, привела ученого именно к такому заключению. Между тем за полвека, прошедшие с того времени, по данному вопросу накопилась новая большая литература; научные споры об этногенезе двалов продолжаются. К числе тех, кто отрицает идентичность двалов и осетин, в 90-х годах прошлого столетия, в разгар грузино-осетинского вооруженного противостояния, прибавились политически ангажированные историки В. Итонишвили, Дж. Гвасалия, Д. Топчишвили и др. Однако в их доводах было больше политики и тенденциозности, нежели поисков исторической истины. Новые имена появились и в альтернативном лагере, у представителей которого в доводах и выводах больше научной аргументации и логики, больше последовательности и объективности. Сошлемся хотя бы на труды историка Ю.С. Гаглойти (Южная Осетия. Цх., 1993; Проблемы этнической истории южных осетин. Цх., 1996; Шида Картли, Двалетия и Южная Осетия // ИЮОНИИ, вып. XXXVII, 2005; Алано-Георгика. Вл., 2007 и др.). Отметим работы ученого-ираниста Т.Н. Пахалиной, которая считает термин **t/dwal** осетинским по происхождению (Скифо-осетинские этимологии // NARTAMONGÆ. Журнал алано-осетинских исследований, 2002, №1). Возможно, считает она, до прихода осетин здесь проживал какой-то другой народ индоевропейского происхождения, называвшийся **t/dwal**. Можно предположить, что они могли быть скифами, поскольку и В.И. Абаев видит в их имени название скифского племени (Абаев. ИЭСОЯ. Т. III. С. 4).

[11] С. 175. Автор неправ, утверждая, что было построено до десяти церквей. Всего было построено более двух десятков храмов, из которых до наших дней сохранились остатки около десяти (Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа // ИСОНИИ. Вып. X. Ордж., 1947).

[12] С. 176. Отождествление Сотирополя с современной Пицундой не соответствует действительности. Более прав П. Ингороква, по мнению которого Сотирополь локализуется между Трапезундом и Ризой. Это мнение было поддержано и археологом Ю.Н. Вороновым. Ссылаясь на сведения Константина Багрянородного, он помещает Сотирополь «не в секторе Сухуми–Пицунда, а в районе Трапезунда» (Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Вл., 1992; Воронов Ю.Н. К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1988).

[13] С. 207. Почему-то автор оставил без комментария беспочвенное утверждение грузинских послов, будто малочисленная нация осетин ранее находилась в рабстве у грузинских царей. Во-первых, осетины в начале XIX в. еще не были нацией. Во вторых, единичные случаи рабства, которые, возможно, имели место, не дают основания утверждать о рабском положении целого народа. До отмены крепостного права среди самых низших социальных слоев в Северной Осетии значатся «гурдзиаки» (грузины). Это не означает, что все грузины были крепостными у осетин, а свидетельствует лишь о том, что данная социальная категория пополнялась из числа пленных грузин.

[14] С. 214. Со ссылкой на Д.В. Гвритишвили автор описывает второстепенные перевальные дороги, существовавшие между двумя Осетиями. Однако это описание содержит неточности. Во-первых, между Джавой и Руком нет селения Хвела. Возможно, имеется в виду с. Хвце, куда ведет перевальная тропа из Чесельтского ущелья. Во-вторых, чтобы, спустившись с перевала Джедо, попасть в Они, необходимо следовать вниз по течению р. Джоджора, а не через бассейн р. Паца, которая уводит в другом направлении.

[15] С. 299. К сожалению, в книге много непонятных современному читателю топо- и гидронимов, извлеченных из древних документов и рукописей. Во многих случаях они переведены в искаженной форме, вплоть до неузнаваемости. Например: Гверцев – Хъорсеу; Гуда – Гуд или Куд (Хъуды ком); Жамури, Джамури – Дзимыр; Заха – Закка; Згель, Жгел – Згъил; Зекари – Зикара; Кимас – Чъимас; Кного – Гнух; Кошка – Кусчита; Крцхинвали – Цхинвал; Куртаули – Куртатинское ущелье; Роки – Рук; Чврива – Църу; Цолту – Цъола; Техаони – Техты кау и др.

[16] С.336. Хотя имеется ссылка на архивный источник, тем не менее наличие 200-тысячного осетинского населения вокруг г. Кизляра в 40-х годах XVIII в. никакими документальными данными не подтверждается.

[17] С.363. По имеющимся документам, переселение осетин-горцев на плоскость (Моздокскую равнину) началось в конце XVIII века.

Источники и литература

А

Абаев, 1955: Абаев В.Д. Экономическое развитие Южной Осетии в феодально-крепостническую эпоху // Известия ЮОНИИ. Вып. VII. Ст., 1955.

Абаев, 1959: Абаев В.Д. Тбилиси и Осетия. Тб., 1959.

Абаев, 1949: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

Абаев, 1955: Абаев В.И. Еще раз о запоздалых открытиях // ВЯ, 1955, № 5.

Абаев, 1958: Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. I. М.-Л., 1958.

Абаев, 1981: Абаев В.И. Миф и история в поэме Руставели «Вепхвисткаосани // Сборник, посвященный 95-летию со дня рождения Акакия Шанидзе. Тб., 1981.

Абаев, 1966: Абаев В.И. О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». К 800-летию со дня рождения великого поэта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXV. Вып. 4. М., 1966.

Абаев, 1982: Абаев В.И. Происхождение осетинских фамильных имен. Cærazontæ и Æhuzatæ // ЛО, 1982, № 69.

Абашидзе, 1969: Абашидзе В. Очерки из истории политических учений Грузии. Тб., 1969 (гр).

Абрамишвили, 1956: Абрамишвили А. Документы и маргиналии // Труды Цхинвальского пединститута. Вып. III. Ст., 1956.

Абуладзе, 1974: Абуладзе. К изучению хронологии истории Грузии XII–XIII вв. // Мацне (серия: история), 1974, № 2.

Акты – Акты Кавказской археографической комиссии. Под редакцией Берже. Т. I. Тифл., 1866; Т. II, Тифл., 1868; Т. III, Тифл., 1869; Т. IV, Тифл, 1970; Т. V, Тифл., 1872; Т. VI (ч. II), Тифл., 1875; Т. VII, Тифл,. 1878; Т. VIII, Тифл., 1881.

Алексеева, 1949: Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // УЗ. ЛГУ. Л., 1949.

Алексеева, 1957: Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957.

Алибегашвили, 1957: Алибегашвили Г. Четыре портрета Тамар. Тб., 1957.

Амиранашвили, 1963: Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1963.

Антология, 1958: Антология грузинской поэзии. М., 1958.

Антелава, 1980: Антелава И.Г. Вопросы социально-политической истории Грузии XI–XV вв. Тб., 1980.

Ардасенов, 1957: Ардасенов Х.Н. Очерки истории осетинской литературы. Ордж., 1957.

Ардасенов, 1957а: Ардасенов Х.Н. Революция 1905–1907 гг. и осетинская литература // Известия СОНИИ, т. XIX. Ордж., 1957.

Арциховский, 1955: Арциховский А.В. Основы археологии. Изд. 2-е. М., 1955.

Арчилиани, 1937: Арчилиани. Сочинения. Под ред. А. Барамидзе и Н. Бердзенишвили. Т.II. Тб., 1937.

Ахвледиани, 1925: Ахвледиани Г.С. К истории осетинского языка // Известия ТГУ. Вып. V. Тб., 1925.

Ахвледиани, 1926: Ахвледиани Г.С. К истории осетинского языка // Вестник ТГУ. Т. VI. Тб., 1926.

Ахвледиани, 1926а: Ахвледиани Г.С. Осетинская рукопись 1802 // Вестник ТГУ. Т.VII, Тб., 1926.

Ахвледиани, 1928: Ахвледиани Г.С. Вокруг Иоанна Ялгузидзе // Фидиуаг, 1928, № 2.

Ахвледиани, 1941: Ахвледиани Г.С. // Известия ТГУ. Вып. X. Тб., 1941.

Ахвледиани, 1960: Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. I. Тб,. 1960.

Ахвледиани, 1960а: Ахвледиани Г.С. Историческая справка о Двалети и двалах // (Сб. избр. труд.). Тб., 1960.

Additions, 1851: Additions a la historie de la Gorgie, 1851.

Б

Багрянородный, 1899: Сочинения Константина Багрянородного, «О фемах» и «О народах». Предисловие Г. Ласкина. М., 1899.

Бакрадзе, 1874: Бакрадзе Д. Николай Георгиевич Берзенов и его литературная деятельность. Тифл., 1874.

Баладзори, 1927: Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод с арабского проф. П.К. Жузе. Баку, 1927.

Барамидзе, 1945: Барамидзе А. Очерки. Тб., 1945 (гр.).

Барамидзе, 1945а: Барамидзе А. Вопросы Тамараниани // Очерки из истории грузинской литературы. Т. III. Тб., 1952.

Барамидзе, 1966: Барамидзе А.Г. Тамараниани // История грузинской литературы. II. Тб., 1966.

Барамидзе, 1975: Барамидзе А.Г. Шота Руставели. Тб., 1975.

Барамидзе, 1975а: Барамидзе А.Г. Витязь в тигровой шкуре. Тб., 1975.

Бараташвили, 1950: Жизнь И. Бараташвили. Тб., 1950. Изд. А. Иоселяни.

Баратов, 1965: Баратов. История Грузии. Тетрадь I. СПб., 1965.

Баратов, 1871: Баратов. История Грузии. Тетрадь II–III. СПб., 1871.

Баратов, 1871а: Баратов. История Грузии. Тетрадь IV–V. СПб., 1871.

Барбаро, 1836; Барбаро И. Путешествие в 1436 г. в Тану//Бибилиотека иностранных писателей России, т. I. СПб., 1836.

Басили, 1938: Басили – историк царицы Тамар // Памятники эпохи Руставели. Перевод и введение В.Д. Дондуа. Исследования и примечания М.М. Бердзенишвили. Л., 1938.

Басили, 1944: Езосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар. Изд. И. Джавахишвили. Тб., 1944 (гр.).

Батонишвили, 1941: Батонишвили Б. Новый рассказ. Тб., 1941.

Батонишвили, 1948: Батонишвили И. Калмасоба II. Тб., 1948.

Бахтадзе, 1968: Бахтадзе У. Создание и правовое положение Юго-Осетинской автономной области. Тб., 1968.

Бекоева, 1956: Бекоева С.Г. Южная Осетия в годы первой революции. Ст., 1956.

Белокуров, 1889: Белокуров С. Сношения России с Кавказом // Материалы... Вып. I. М., 1889.

Бердзенишвили, 1938: Бердзенишвили Н. Очерк истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XIV вв.). Тб., 1938 (гр).

Бердзенишвили, 1940: Бердзенишвили Н. Документы из социальной истории Грузии. I. Тб., 1940.

Бердзенишвили, 1945: Бердзенишвили Н. Документы из социальной истории Грузии. II. Тб., 1945.

Бердзенишвили, 1944: Бердзенишвили Н. Из истории русско-грузинских взаимоотношений // МИГК. Ч. I. Тб., 1944.

Бердзенишвили, 1944а: Бердзенишвили Н. Из истории Грузии XVIII в. // МИГК.1, Тб., 1944.

Бердзенишвили и др., 1946: Бердзенишвили Н.А., Джавахишвили И.А., Джанашиа С.Н. Под ред. С. Джанашиа. История Грузии с древнейших времен до конца XIX в. Тб., 1946 (гр.).

Бердзенишвили, 1955: Бердзенишвили Н. Классовая и внутриклассовая борьба. 1. Тб., 1955.

Бердзенишвили и др., 1958: Бердзенишвили Н., Месхи Ш.А., Ратиани и др. История Грузии (под ред. Н. Бердзенишвили). Тб., 1958.

Бердзенишвили, 1965: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. II. Тб., 1965 (гр.).

Бердзенишвили, 1967: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. III. Тб., 1967(гр).

Бердзенишвили, 1974: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. VII.Тб., 1974 (гр.).

Бигулаев, 1959: Бигулаев В. Краткая история осетинского письма. Дз., 1959.

Бирзе, 1937: Бирзе А.М. Попытка освоения природных богатств Осетии в XVIII в. // Красный архив, 34(83), 1937.

Блиев, 1961: Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге. 1749–1752 гг. Ордж., 1961.

Блиев, 1970: Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Ордж., 1970.

Богрянародный, 1934: Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91. М.-Л., 1934.

Борьба, 1918: Газета «Борьба», 1918, № 36, 98.

Борьба, 1957: Борьба трудящихся Юго-Осетии за советскую власть (1917–1921 гг.). Документы и материалы. Сост. И.Н. Цховребов. Ст. 1959.

Борцвадзе, 1974: Борцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тб., 1974 (гр.).

Броссе, 1861: Броссе М. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. СПб., 1861.

Броссе, 1895: Броссе М. История Грузии (перевод, комментарии и издание С. Гогоберидзе). Тифл., 1895.

Бутков, 1969: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869.

Brosset, 1849: Brosset M. Historie de la Gorgie, S.-Pb, 1849.

В

Ванеев, 1936: Ванеев З.Н. К вопросу о времени заселения Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып. III. Ст., 1936.

Ванеев, 1936а: Социально-экономическое положение крестьян Юго-Осетии накануне революции // Известия ЮОНИИ. Вып. III. Ст., 1936.

Ванеев, 1941: Ванеев З.Н. Исторические известия об аланах-осах // Материалы по древней и средневековой истории Осетии. Ст., 1941.

Ванеев, 1956: Ванеев З.Н. Народные предания о происхождении осетин. Ст., 1956.

Ванеев, 1956а: Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Ст., 1956.

Ванеев, 1959: Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Ст., 1959.

Вано, 1913: Вано (Темирканов). История Осетии. Вл., 1913 (ос.).

Вахушти, 1885: Вахушти Багратиони. История Грузии. Т. I. Под ред. Д. Бакрадзе. Тифл., 1885 (гр.).

Вахушти, 1904: Вахушти Багратиони. География Грузии (введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили) // ЗКОИРГО. XXIV. Вып.V. Тифл., 1904.

Вахушти, 1913: Вахушти Багратиони. История Грузии (Сахартвелос цховреба). Изд. Чичинадзе. Тб., 1913 (гр.).

Вахушти, 1940: Вахушти Багратиони. История Грузии. Под ред. М. Джанашвили. Тб., 1940.

Вахушти, 1941: Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского (География Грузии). Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тб,. 1941 (гр.).

Вертепов, Максимов, 1892: Вертепов Г., Максимов Е. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 2. Вл., 1892.

Владимиров, 1902: Владимиров И.А. Древнехристианский храм близ аула Сенты в Кубанской области// Известия Императорской археологической комиссии. Вып. IV. СПб., 1902.

Вопросы, 1975: Вопросы истории Грузии. Т.II. Тб., 1965 (гр.).

Г

Гаглоева, 1974: Гаглоева З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тб., 1974.

Гамбашидзе, 1976: Гамбашидзе Г.Г. Памятник грузинской культуры из Двалети // Сабчота Хеловнеба (Советское искусство), Тб., 1976.

Гаглойти, 1969: Гаглойти Ю.С. Средневековая летопись о Давиде-Сослане // ЛО, 1969, № 33.

Гагкстгаузен, 1857: Гагкстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни. Ч. II. СПб., 1857.

Гадиев, 1959: Гадиев С. Избранное (на осет. яз.). Ст., 1959.

Гальцев, 1954: Гальцев В.С. Социально-экономическое и культурное развитие Северного Кавказа // ВИ, № 10, 1954.

Гальцев, 1957: Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Ордж., 1957.

Гальцев, 1966: Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа // Известия СОНИИ, т. XXV. Ордж., 1966.

Гамезардашвили, 1965: Гамезардашвили Д. Очерки истории грузинского реализма. Тб., 1965.

Гамрекели, 1957: Гамрекели В.Н. О племени двалов // МЭГ. Тб, 1957.

Гамрекели, 1958: Гамрекели В.Н. К анализу топонимики Двалети. Труды института истории АН ГССР. Т. IV. Вып. 1. Тб., 1958.

Гамрекели, 1961: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия. Тб., 1961.

Гамрекели, 1968: Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. I. Тб., 1968.

Гамрекели, 1972: Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. докторской дисс. Тб., 1972.

Гамрекели, 1972а: Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва «лекианоба» в 18 в. // Мацне. Серия: история. № 1. Тб., 1972 (гр.).

Гамрекели, 1975: Гамрекели В.Н. Из истории Грузии рубежа XIII–XIV вв. // Мравалтави. Филолого-исторические разыскания. Т. V. Тб., 1975 (гр.).

Гамкрелидзе, Иванов, 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тб., 1984.

Гатуев, 1891: Гатуев А. Христианство в Осетии // Терские ведомости, 1891, № 19.

Гвасалия, 1972: Гвасалия Д.Г. Арагвские ворота (Дариалан) // Мацне, Серия: История, № 2. Тб., 1972.

Гвритишвили, 1949: Гвритишвили Д.К. К вопросу об этнической принадлежности двалов и переселении осетин // Мимомхилвели (Обозреватель). Ежегодник института истории им. И. Джавахишвили. I. Тб., 1949.

Гвритишвили, 1953: Гвритишвили Д.К. Из истории борьбы грузинского народа с турецкими и персидскими захватчиками в перв. пол. XVIII в. // Мимомхилвели. Т. III, Тб., 1953.

Гвритишвили, 1955: Гвритишвили Д.К. Из истории социальных отношений в феодальной Грузии. Тб., 1955 (гр.).

Гедеванишвили, 1915: Гедеванишвили И. Военное искусство в Грузии. Тифл., 1915.

Георгика, 1934: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Перевод, редакция и комментарии С. Каучишвили. Т. II. Тб., 1934.

Георгика, 1936: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. III. Тб., 1936.

Георгика, 1941: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV, ч. 1. Тб., 1941.

Георгика, 1952: Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV, ч. 2. Тб., 1952.

Гильдендорф, 1982: Гильдендорф И. Фреска открывает тайну. Тб., 1982.

Гильдендорф, 1983: Гильдендорф И. Комплексное исследование фрескового портрета царицы Тамар // Сабчота Хеловнеба, 1983, № 10.

Глонти, 1955: Глонти А. Очерки. Тб., 1955 (гр.).

Гогебашвили, 1912: Гогебашвили Я. Врата природы. Тифл., 1912 (гр.).

Гогебашвили, 1952: Гогебашвили Я. Собрание сочинений. Т. I. Тб., 1952.

Гозалишвили,1940: Гозалишвили Ш.Г. Каспские ворота // ВИЯИМК. Вып. V–VI. Тб., 1940.

Гозалишвили, 1960: Гозалишвили Ш.Г. Коста Хетагуров. Ст., 1960.

Грузинские старины, 1920: Грузинские старины. Тб., 1920.

Грузия, 1976: Грузия во вт. пол. XX в. // Детская энциклопедия. Т. 8. Тб., 1979 (гр.).

Гугкаев, 1955: Гугкаев Дз. А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе // Известия ЮОНИИ. Вып. VII. Ст., 1955.

Гугкаев, 1965: Гугкаев Дз.А. Об осетинской газете «Ног цард», 1907 // Известия ЮОНИИ. Вып. XIV. Ст., 1965.

Гугкаев, 1966: Гугкаев Дз.А. Дореволюционные осетинские периодические издания. Цх., 1966 (на осет. яз.).

Гугкаев, 1969: Гугкаев Дз.А. Тифлисское Осетинское издательское общество. 1906–1909. // Известия ЮОНИИ. Вып. XVI. Тб., 1969.

Гугуа, Месхиа, 1982: Гугуа В., Месхиа Ш. История Грузии (для 7–10-х классов). Тб., 1982 (гр.).

Гугушвили, 1938: Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Грузии. Тб., 1938 (гр.).

Гугушвили, 1954: Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т. I. Тб., 1954 (гр.).

Гугушвили, 1954а: Гугушвили П.В. Зерновое хозяйство в Грузии и Закавказье. Тб., 1954.

Гугушвили, 1955: Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Тб., 1955 (гр.).

Гугушвили, 1956: Гугушвили П.В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т.11. Тб., 1956 (гр.).

Гугушвили, 1962: Гугушвили П. В. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Т.V. Тб., 1962 (гр.).

Гугушвили, 1967: Гугушвили П.В. Народное хозяйство Грузинской ССР 1921–1967. Тб., 1967 (гр.).

Гуриев, 1981: Гуриев Т.А. Антропонимия осетинского нартского общества. Ордж., 1981.

Гучуа, 1955: Гучуа В.Г. Хизанство и хизанский вопрос в Грузии. Автореф. канд. диссерт. Тб., 1955.

Гюльденштедт, 1809: Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

Гюльденштедт, 1809а: Гюльденштедт И.А. Путешествие Гюльденштедта в Грузию. Перевод и редакция Г. Гелашвили. Тб., 1962 (гр.).

Д

Джавахадзе, 1971: Джавахадзе Н.В. Термины родства у горских ингушей // КЭС. II. Тб., 1971.

Джавахишвили, 1914: Джавахишвили И.А. История Грузии. Кн. II. Тифл., 1914.

Джавахишвили, 1919: Джавахишвили И.А. Границы Грузии с исторической и современной точек зрения. Тб., 1919 (гр.).

Джавахишвили, 1930: Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Т. I. Тб., 1930.

Джавахишвили, 1935: Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Т. II. Тб., 1935.

Джавахишвили, 1941: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. Тб., 1941 (гр).

Джавахишвили, 1948: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. II. Тб., 1948 (гр).

Джавахишвили, 1949: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. III. Тб., 1949 (гр.).

Джавахишвили, 1951: Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Кн. I. Изд. 4, Тб., 1951 (гр.).

Джавахишвили, 1958: Джавахишвили И.А. История Грузии. Тб., 1958.

Джанашвили, 1895: Джанашвили М. Об осетинской истории // Новое обозрение, 1895. № 4076.

Джанашвили, 1897: Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифл., 1897.

Джанашвили, 1904: Джанашвили М. Царица Тамар и ее историк // Моамбе, 1904. № 2, февраль.

Джанашвили, 1905: Джанашвили М. Картлис цховреба // СМОМПК. Вып. XXXV. Тифл., 1905.

Джанашвили, 1906.: Джанашвили М. История Грузии. Тб., 1906.

Джанашвили, 1917: Джанашвили М. Царица Тамар. Тифл., 1917 (гр.).

Джанашиа, 1937: Джанашиа С.Н. Общественные науки современной Грузии. К 20-летию Великой Октябрьской революции // Моамбе. I. Тб., 1937 (гр.).

Джанашиа, 1949: Джанашиа С.Н. Труды. Т. I. Тб., 1949 (гр.).

Джанашиа, 1952: Джанашиа. С.Н. Труды. Т.II. Тб., 1952 (гр.).

Джанашиа, 1959: Джанашиа. С.Н. Труды. Т.III. Тб., 1959 (гр.).

Джанашиа, 1965: Джанашиа. С.Н. Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитическом обиходе Грузии // Вопросы истории Грузии. Тб., 1965 (гр.).

Джанашиа, 1966: Джанашиа С.Н. Раскопки в Северной Осетии // Вечерний Тбилиси, 1966, 21 июня.

Джапаридзе, 1953: Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА, выпуск 18. М., 1953.

Джаро-Белокани, 1972: Джаро-Белокани. Тб., 1972.

Джуаншер, 1955: Джуаншер. Жизнь Вахтанга Горгасала. Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. Тб., 1955.

Джугели, 1920: Джугели В. Тяжелый крест. Тб., 1920.

Джусойты, 1958: Джусойты Н.Г. Коста Хетагуров. Очерк творчества. Ст., 1958.

Джусойты, 1958а: Джусойты Н.Г. Сека Гадиев. Ст., 1958.

Джусойты, 1980: Джусойты Н.Г. История осетинской литературы. Тб.,1980.

Дзасохов, 1967: Дзасохов Н.Г. Поэт из Куртатии // Литературная Грузия, № 8, 1967.

Дзидзигури, 1954: Дзидзигури Ш. Разыскания по грузинской диалектологии. Тб., 1954.

Дидебулидзе, 1973: Дидебулидзе З.Ш. Из истории культурных взаимоотношений Грузии и центрального Предкавказья в X–XII вв. // Мацне. Серия: история, № 1. Тб., 1973.

Диониджио, 1951: Диониджио К. Описание Тбилиси. Перевод и редакция Б. Гиоргадзе // МИГК. Вып. 29. Тб., 1951.

Дмитриев, 1897: Дмитриев Н. Из быта и нравов жителей вольной Сванетии // СМОМПК. Вып. XXII. Тифл., 1897.

Догузов, 1960: Догузов П.В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX —начале XX вв. Ст., 1950.

Долидзе, 1954: Долидзе И., Хозиты Майрам. Памятник грузино-северокавказского единства // Вестник АН ГССР. Т. XV. № 2, 1954 .

Долидзе, Шмерлинг, 1956: Долидзе В., Шмерлинг Р. Военно-Грузинская дорога. Тб., 1956.

Долидзе, 1959: Долидзе В.И. Осетинская народная музыка // Известия СОНИИ. Т. XXII. Вып. 2. Ордж., 1959.

Дондуа, 1937: Дондуа К. Чудовищная неграмотность // Известия, 1937, 23 декабря.

Д·Оссон, 1937: Д·Оссон. История монголов. Т. I. Иркутск, 1937.

Древности Грузии, 1909: Древности Грузии. I—II. Тифл., 1909.

Древности Грузии, 1910: Древности Грузии. III. Тифл., 1910.

Древности Грузии, 1920: Древности Грузии. Тифл., 1920.

Дро, 1907: Дро. Газета на грузинском языке, 1907.

Дроеба: Дроеба. Газета на грузинском языке: 1870, 1882, 1883, 1907.

Дубинский-Мухадзе, 1965: Дубинский-Мухадзе И. Товарищ Ной. Тб., 1965.

Дубровин, 1871: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I, Тифл., 1871.

Дубровин, 1878: Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе // РВ. № 3, 11 и 12, 1878.

Думбадзе, 1966: Думбадзе М. Еще раз о Давиде-Сослане // Вечерний Тбилиси, 1966, 29 декабря.

Дьячков-Тарасов, 1930: Дьячков-Тарасов А.Н. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. Кн. 29. М., 1930.

Е

Егнатешвили, 1940: Егнатешвили Б. Жизнь новой Картли. Под ред. И. Джавахишвили. Тб., 1940.

Егнатешвили, 1959: Егнатешвили Б. Житие Картли. Т. II. Тб., 1959.

Епископ Феодор, 1898: Епископа Феодора «аланское послание» // ЗООИД, Т. XXI. Одесса, 1898.

Еремян, 1948: Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Научные труды Ереванского государственного университета. Т. XXIII. Ереван, 1946.

Ж

Житие Картли, 1949: Житие Картли. Издание З. Чичинадзе. Тб., 1949.

Житие новой Картли, 1940: Ахали Картлис цховреба (Жизнь новой Картли). Под ред. И. Джавахишвили. Тб., 1940.

Жизнь царицы, 1985: Жизнь царицы цариц Тамар. Перевод и введение В. Дондуа. Исследование и примечания М. Бердзенишвили. Тб., 1985.

Жордания, 1892: Жордания Т. Хроники и другие материалы истории и словесности Грузии. Т. I. Тифл., 1892.

Жордания, 1897: Жордания Т. Хроники. Т. II. Тифл., 1897.
Жордания, 1967: Жордания Т. Хроники. Т. III. Тб., 1967.

З

Закавказская речь, 1911: Закавказская речь. Газ. на русском языке. Тб., 1911.

Закарая, 1978: Закарая П. Грузинская центрально-купольная архитектура XI–XVIII вв. Тб., 1978.

Записки, 1898: ЗООИД. Т. XXI. Одесса, 1898.

И

Иберо-кавказское, 1979: Иберо-кавказское языкознание. Вып. 18. Тб., 1979 (гр.).

Ибн-Русте, 1903: Ибн-Русте. Книга драгоценных камней. Перевод П.А. Караулова // СМОМПК. Вып. 32. Тифлис, 1903.

Иванов, 1914: Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об ассах-аланах // Христианский восток. Т. II. Вып. 3. СПб., 1914.

Иващенко, 1941: Иващенко М.М. Материалы к изучению культуры колхов // МИГК. Вып. II. Тб., 1941.

Иверия: Иверия. Газ. на груз. яз. 1884–1908.

Иессен, 1941: Иессен А.А. Отчет об археологических работах в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936. С. 42. Кн. 2. М., Л., 1941.

Илуридзе, 1888: Илуридзе М. Исторический очерк деятельности православного миссионерства на Кавказе в XVIII и XIX вв. Причины его успехов и неудач // Пастырь. Газ. 1888.

Инадзе, 1953: Инадзе Д.П. К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан его сведения о Грузии). Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1953.

Ингороква, 1941: Ингороква П. Исторические памятники Сванетии. Ч. I–II, Тб., 1941.

Ингороква, 1954: Ингороква П. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века // Очерки по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. Тб., 1954 (гр.).

Институт рукописей: Институт рукописей АН ГССР им. К. Кекелидзе.

Иоселиани, 1936: Иоселиани П. Жизнь Георгия XIII. Под редакцией Гацерелиа. Тб., 1936.

Исари, 1907: Исари. Газ. 1907.

Историани, 1941: Историани и азмани шараван дедтани. Изд. К. Кекелидзе. Тб., 1951.

Историко-этнологические, 1950: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1950.

Исторические записки, 1948: Исторические записки, № 25, 1948.

Исторические хроники, 1980: Исторические хроники Грузии. Тб., 1980.

История, 1925: История Парсадана Горгиджанидзе. Изд. С. Какабадзе // Исторический вестник II. Тб., 1925.

История, 1945: История грузинского народа. Т. II. Тб., 1945 (гр.).

История, 1954: История и восхождение венценосцев. Пер. К.С. Кекелидзе. Тб., 1954.

История, 1954: История Осетии. Макет. Дз., 1954.

История, 1958: История грузинской литературы. Т. II. Тб., 1958.

История, 1959: История Северо-Осетинской АССР. Под ред. С.К. Бушуева. М., 1959.

История, 1960: История Южной Осетии в документах и материалах. Т. II. Ст., 1960.

История, 1960: История Осетии в документах и материалах. Т. II. Ст., 1960.

История, 1961: История Осетии в документах и материалах. Т. III. Ст., 1961.

История, 1961: История Южной Осетии в документах и материалах. Т. III. Ст., 1961.

История, 1962: История Осетии в документах и материалах. Т. I. Цхинвал, 1962.

История, 1966: История грузинской литературы. Т. II. Тб,. 1966.

История, 1966: История Северо-Осетинской АССР. Ордж., 1966.

История, 1987: История Северо-Осетинской АССР. Ордж., 1987.

История Грузии, 1865–1871: История Грузии. Тетради I–V.

История Грузии, 1946: История Грузии. Под ред. Джанашиа. Тб., 1946.

История Грузии, 1956: История Грузии. I. Тб., 1956.

История Грузии, 1958: История Грузии. I. Под редакцией Н. Бердзенишвили. Тб., 1958.

История Грузии, 1979: История Грузии (словарь). Сост. Метревели Р.В. Тб,. 1979.

История, 1983: История грузинского народа. Сочинение в XII томах. Т. II. Тб., 1983.

История христианства, 1869: История христианства России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1869.

История царства, 1976: История царства Грузии. Перевод, примечания и комментарии Н.Т. Накашидзе. Тб., 1976.

К

Кабардино-русские, 1957: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. М., 1957.

Какабадзе, 1966: Какабадзе К.С. Руставели и его «Вепхвисткаосани». Тб., 1966 (гр).

Калоев, 1967: Калоев Б.А. Осетины. М., 1967.

Калмасоба, 1948: Калмасоба. Т. II. Тб., 1948.

Капанадзе, 1949: Капанадзе Д. О медной монете с именами Георгия и Тамары // КСИИМК. Вып. XXIV. М., 1949.

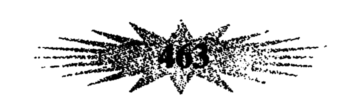
Карамзин, 1892: Карамзин Н.М. История государства Российского. III. СПб., 1892.

Караулов, 1908: Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып 38. Тифл., 1908.

Карпини, 1911: Карпини Плано. История монголов. Пер. А.И. Малейна. СПб., 1901.

Картлис цховреба, 1849: Картлис цховреба. Изд. Броссе. СПб., 1849 (гр.).
Картлис цховреба, 1906: Картлис цховреба. Изд. И. Такайшвили. Тб., 1906 (гр.).
Картлис цховреба, 1954: Картлис цховреба. Изд. Чубинашвили, СПб. 1954.
Картлис цховреба, 1955: Картлис цховреба. Под ред. Каучишвили. Т. I. Тб., 1955 (гр.).
Картлис цховреба, 1959: Картлис цховреба. Т. II. Под ред. С. Каучишвили. Тб., 1959 (гр.).
Картлис цховреба, 1973: Картлис цховреба. Т. IV. Тб., 1973 (гр).
Каучишвили, 1951: Каучишвили Т.С. Греческие надписи в Грузии. Тб., 1951(гр.).
Каучишвили, 1936—1952: Каучишвили Т.С. Сведения византийских писателей о Грузии. Тб., 1936—1952.
Квали, 1898: Квали (Борозда). Грузинский журнал, 1896, 1898, 1899.
Кекелидзе, 1947: Кекелидзе К.К. Сахалхо ганатлеба (Народное образование). Газ. 1947.
Кекелидзе, 1935: Кекелидзе К.К. Ранняя феодальная грузинская литература. Тб., 1935.
Кекелидзе 1936: Кекелидзе К.К. Руставелологические штудии. Тб., 1936 (гр.).
Кекелидзе, 1941: Кекелидзе К.К. История грузинской литературы. Тб., 1941(гр.).
Кекелидзе, 1956: Кекелидзе К.К. Один момент из политического мышления в литературе классической эпохи // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 1. Тб., 1956 (гр.).
Кетелаури, 1981: Кетелаури С. В плену ложных обвинений // Мнатноба, 1981, № 8 (гр.).
Кикнадзе, 1980: Кикнадзе Р. Очерки по источниковедению истории Грузии. Пареджан Горгиджанидзе и «Картлис цховреба». Тб., 1980.
Кикодзе, 1943: Кикодзе Г. Материалы для истории Грузии и Кавказа. Вып. V. Тб., 1943.
Кипшидзе, 1914: Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка, Тифл. 1914.
Клапрот, 1967: Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 // ОГРИП. Ордж., 1967.
Кодзаев, 1903: Кодзаев А.Н. Древние осетины и Осетия. Влад-з, 1903.
Кокиев, 1926: Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. I. Влад-з, 1926.
Кокиев, 1933: Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии. Ордж., 1933.
Кокиев, 1934: Кокиев Г.А. Материалы по истории Осетии XVIII в. // Известия СОНИИ. Вып. VI. Ордж., 1934.
Коковцев, 1913: Коковцев П.К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. СПб., 1913.
Коммунист, 1920: Коммунист. Журн., 1920. № 10.
Коммунисти, 1920: Коммунисти. Газ. на гр. яз., 1920.
Коммунунистури, 1956: Коммунунистури агзрисатвис (За коммунистическое воспитание). Журн. на гр. яз., 1956.
Красный архив, 1937: Красный архив, 1937.

Крупнов, 1946: Крупнов Е.И. К вопросу о хронологии кобанской культуры // УЗ КБНИИ, Т I. Нальчик, 1946.

Крупнов, 1946а: Крупнов Е.И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946.

Крупнов, 1947: Крупнов Е.И. К вопросу о культурных связях // УЗ КБНИИ. Вып. 2. Нальчик, 1947.

Крупнов, 1951: Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА СССР. № 23. М., 1951.

Крупнов, 1951а: Крупнов Е.И. Предисловие // МИА № 23. М., 1951.

Крупнов, 1952: Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды // Вестник КБНИИ.Т.VII. Нальчик, 1952.

Крупнов, 1952а: Крупнов Е.И. О происхождении осетинского народа и его культуры по археологическим материалам // Социалистическая Осетия. Газ., 1952, № 37.

Крупнов, 1957: Крупнов Е.И. О происхождении и датировке кобанской культуры // СА, 1957, № 1. М., 1957.

Крупнов, 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кузнецов, 1974: Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974.

Кузнецов, 1977: Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Ордж., 1977.

Кулаковский, 1897: Кулаковский Ю. Где был построен императором Юстинианом храм для Авазгов? // Археологические известия и заметки. 1897.№ 2.

Кулаковский, 1898: Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник, V. СПб., 1898.

Кулов, 1966: Кулов Б.С. Основное занятие населения Северной Осетии в XIX – начале XX вв. // Известия СОНИИ. Т. XXV. Ордж., 1966.

Куссаева, 1953: Куссаева С.С. Археологические материалы Восточной Осетии в VI–IX вв. (Чми, Балта, как исторический источник по древней Алании). Канд. диссерт., Госэрмитаж. Л., 1953.

Кустарная, 1902: Кустарная промышленность. I–II. Тифл., 1902.

Klaproth, 1814: Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach georgien. B. II. berlin, 1814.

Л

Лавров, 1956: Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956, № 1.

Лавров, 1883: Лавров Л.И. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. Тифл., 1883.

Латышев, 1890: Латышев В.С. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890.

Латышев, 1947: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1–4.

Латышев, 1948: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1–4.

Латышев, 1949: Латышев В.С. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, № 2.

Левченко, 1940: Левченко М.В. История Византии. Краткий очерк. М., 1940.

Лежава, 1971: Лежава А.П. Из истории революционного содружества народов Грузии и Северного Кавказа (1900—1917). Тб., 1971 (гр.).

Леонидзе, 1960: Леонидзе. Намцреви // Мнатноби, 1960, № 9.

Леонтович, 1883: Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Одесса, 1883.

Литературные разыскания, 1987: Литературные разыскания II (XVIII). Тб., 1987.

Лолашвили, 1971: Лолашвили И. Тайна склепа Давида-Сослана. Тб., 1971.

Ломинадзе, 1897: Ломинадзе Ш. По Рионскому ущелью // СМОМПК. Вып. XXII. Отд. II. Тб., 1897.

Ломашвили, 1975: Ломашвили Дж. Письма. Тб., 1975.

Лордкипанидзе, 1954: Лордкипанидзе М.Д. Из истории политического развития феодальной Грузии // Вестник МИГК. Вып. XXXI, Тб., 1954 (гр.).

Лордкипанидзе, 1977: Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI—нач. XIII вв. Тб., 1977 (гр.).

М

Магометов, 1958: Магометов А.Х. Николай Берзенов — этнограф-литератор // Известия СОНИИ. Т. XXI. Ордж., 1958.

Магометов, 1958а: Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Ордж., 1958.

Маевский, 1896: Маевский В.Т. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тифл., 1896.

Макалатия, 1929: Макалатия С. Горная Рача. Тб., 1929.

Макалатия, 1930: Макалатия С. Мтиулети. Тб., 1930 (гр.).

Макалатия, 1934: Макалатия С. Горная Рача. Тб., 1934(гр.).

Макалатия,1934а: Макалатия С. Пшави. Тб., 1934 (гр.).

Макалатия, 1942: Макалатия С. Хеви. Тб., 1942 (гр.).

Макалатия, 1942а: Макалатия С. Царица Тамар. Тб., 1942.

Макалатия, 1961: Макалатия С. Дзамское ущелье. Тб., 1961 (гр.).

Макарий, 1863: Макарий архиепископ. История христианства в России. Изд. 2-е. СПб., 1863.

Максимов, 1892: Максимов Е. Осетины // Терский сборник. Вып. II. Вл., 1892.

Максимов, Вертепов, 1892: Максимов Евг., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Вл., 1892.

Мамукаев, 1969: Мамукаев Т.Б. Тайна Нузальской часовни. Ордж., 1969.

Мамулов, 1925: Мамулов П.Б. Осетинская народная музыка // Известия ЮОНИИК. Вып. I. Ст., 1925.

Манандян, 1948: Манандян И. О местонахождении Caspiavia и Caspiae Portae // Исторические записки, 1948, № 25.

Маркс, Энгельс, 1933: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IX. М., 1933.
Маркс, Энгельс, 1959: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. М., 1959.
Марр, 1926: Марр Н.Я. К определению племенного происхождения Георгия, сына Тамары // Известия АН СССР, 1926, № 6.
Марр, 1935: Марр Н.Я. Древнегрузинские одонописцы. Певец Тамар // Избранные работы. Т. IV. Л., 1935.
Марцеллин, 1949: Марцеллин Аммиан. История // ВДИ, 1949, № 3.
Материалы, 1933: Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. Ордж., 1933.
Материалы, 1942: Материалы по истории осетинского народа. Т.V.Ордж., 1942.
Материалы, 1943: Материалы по истории осетинского народа, Т.V. Ордж., 1943.
Матианэ, 1955: Матианэ Картлисай (Летопись Картли) // Картлис цховреба, I. Тб., 1955.
Матианэ, 1976: Матианэ Картлисай. Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1971 (гр.).
Махарадзе, 1921: Махарадзе Ф.И. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921.
Махарадзе, 1928: Махарадзе Ф.И. Советы в борьбе за советскую власть в Грузии 1917—1921 гг. Тб., 1928.
Махарадзе, 1967: Махарадзе Н.Б. Победа Великого Октября в Грузии. Тб., 1967.
Махарадзе, 1968: Махарадзе Н.Б. Первая русская газета на Кавказе. Рукопись кандидатской диссертации. Тб., 1968.
Мацне — Вестник Отделения общественных наук АН ГССР.
Мачабели, 1887: Мачабели С.В. Экономический быт крестьян Горийского уезда // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. VI. Тифл., 1887.
Мачарадзе, 1966: Мачарадзе В.Г. Из истории русско-осетинских взаимоотношений в 80—90-е гг. // Сообщения АН ГССР. Вып. XLV, № 2. Тб., 1966.
Мгвинели, 1912: Мгвинели Шио. Три документа. Изд. С. Какабадзе. Тб., 1912.
Мегрелидзе, 1966: Мегрелидзе И.В. Новые данные о Давиде-Сослане // Вечерний Тбилиси. 1966, 29 сентября.
Мегрелидзе, 1967: Мегрелидзе И.В. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений // Мацне (Вестник). 1967, № 6 (гр.).
Меликишвили, 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
Меликишвили, 1965: Меликишвили Г.А. К вопросу древнего населения Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1965, (гр.).
Меликишвили, 1973: Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений. Тб., 1973 (гр.).
Меликишвили, 1971: Меликишвили Г.А. Очерки истории Грузии. Тб., 1971.
Меликишвили, 1975: Меликишвили Г.А. К вопросу о характере закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР, 1975, № 6.

Меликсет-Бек, 1925: Меликсет-Бек Л. К археологии и этнологии Туальской Оссии // Труды ЗНА. Тб., 1925.

Месхиа, 1939: Месхиа Ш.А. Жизнь и деятельность Теймураза Багратиони // Вестник МИГК. Тб., 1939.

Месхиа, 1954: Месхиа Ш.А. Памятники эриставов // Вестник МИГК. Вып. 30. Тб., 1954, (гр.).

Месхиа, 1959: Месхиа Ш.А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тб., 1959,(гр.).

Месхиа, Лордкипанидзе, 1969: Месхиа Ш., Лордкипанидзе М. В кривом зеркале. По поводу извращения прошлого в одном историческом романе // Коммунисти, 1969, 18 января (гр.).

Месхиа, 1970: Месхиа Ш.А. Заметки по истории древней Руси и Грузии // Мнатноби, 1970, № 1, (гр.).

Мецонски, 1937: Мецонски Фома. История Ланг-Тимура // МИА. Вып. XXIII (археология, керамика). Тб., 1937.

Миллер, 1881: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1881.

Миллер, 1886: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. М., 1886 .

Миллер, 1886а: Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. СПб., 1886.

Миллер, 1887: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887.

Миллер, 1889: Миллер В.Ф. Археологические экскурсии // МАК. Т. I. М., 1889.

Миллер, 1893: Миллер В.Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. III, 1893.

Минаева, 1956: Минаева Т.М. Могильники Байтал-чапкан в Черкесии // СА. Т. XXVI, 1956.

Могзаури, 1905: Могзаури (Путешественник). Газ. на гр. яз.

Мровели, 1955: Мровели Леонтий. Жизнь грузинских царей // Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. Т. I, Тб., 1955.

Муравьев, 1848: Муравьев А. Грузия и Армения. Ч. I. СПб., 1848.

Мцкемси, 1884: Мцкемси (Пастух). Журн. 1884, № 11, (гр.).

Н

Нобати, 1885: Нобати. Журн. 1885, (гр.).

Нагоев, 1974: Нагоев А.Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. Нальчик, 1974.

Народная власть, 1918: Народная власть. Газ.

Научные труды, 1946: Научные труды Ереванского государственного университета. Т. XXIII. Ереван, 1946.

Никонов, 1956: Никонов И.Д. Крестьянское движение в Юго-Осетии в 1917—1920 гг. Ст., 1956.

Новое обозрение, 1905: Новое обозрение. Газ., 1895, 1905.

Ног цард, 1907: Ног цард (Новая жизнь). Газ на ос. яз., 1907.

Нуцубидзе, 1958: Нуцубидзе Ш. Творчество Руставели. Тб., 1958.

О

Обозрение, 1836: Обозрение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836.

Одишели, 1976: Одишели Дж. Один вопрос грузинской исторической хронологии (рубеж XII–XIII вв.) // Цискари. Газ. на груз. яз., 1976, 17 марта.

Описание Тбилиси, 1951: Описание Тбилиси. Перевод Б. Барамидзе / / Вестник МИГК. Вып. XXIX, Тб., 1951.

Орбели, 1938: Орбели И. Бронзовая курильница XII в. в виде барса // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

Орбелиани, 1854: Орбелиани П. Амбавни Картлиса (История Картли) // Картлис цховреба. II. Изд. Д.Чубинашвили. СПб., 1854.

Орджоникидзе, 1939: Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. М., 1939.

Очерки, 1970: Очерки истории Грузии. Т. I. Тб., 1970 (гр.).

Очерки, 1979: Очерки истории Грузии Т. III. Тб., 1979 (гр.).

Очерки, 1985: Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Тб., 1985.

Осетинское, 1960: Осетинское народное творчество. Т. I. Ордж., 1960.

Осетинские, 1962: Осетинские народные сказки. Сост. А. Бязров. Т. III. Цх., 1962.

Отхмезури, 1981: Отхмезури Г.К. Грузинские лапидарные надписи рубежа XII–XIII в. как исторический источник. Тб., 1981 (гр.).

П

Памятники, 1925: Памятники народного творчества осетин. Издание ОСНИИ. Вып. I. Вл., 1925.

Памятники, 1927: Памятники народного творчества осетин. Вып. II. Вл., 1927.

Памятники, 1928: Памятники народого творчества осетин. Вып. III. Вл., 1928.

Памятники эриставов, 1954: Памятники эриставов. Тексты. Изд. Месхиа // Вестник МИГК. Ч. 30. Тб., 1954.

Памятники эриставов, 1979: Памятники эриставов (Перевод, исследование и примечания С. Какабадзе). Тб., 1979.

Папаскири, 1977: Папаскири З.В. Эпизод из истории русско-грузинских взаимоотношений // История СССР, 1977. № 1.

Папаскири, 1982: Папаскири З.В. У истоков русско-грузинских политических взаимоотношений. Тб., 1982.

Партархив: Партархив Северо-Осетинского обкома КПСС.

Пахомов, 1938: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II. Баку, 1938 .

Пахомов, 1940: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. III. Баку, 1940.

Пахомов, 1949: Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. V. Баку, 1949.

Пигулевская, 1951: Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951.

Полиевктов, 1932: Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифл., 1932.

Полиевктов, 1937: Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615–1640). Тб., 1937.

Полное собрание, 1927: Полное собрание русских летописей. Т. I. Вып. 2. Л. 1927.

Правда Грузии, 1921: Правда Грузии. Газ.

Путешествие, 1836: Путешествие в Тану // Библиотека иностранных писателей в России. СПб., 1836. Т. I. Отд.1.

Пфаф, 1870: Пфаф В.Б. Материалы для древней истории осетин // ССКГ. Вып. IV. Тифл., 1870.

Пфаф, 1871: Пфаф В.Б. Материалы для древней истории Осетии (прод.) // ССКГ. Вып. V. Тифл., 1871.

Пфаф, 1871а: Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Т. I. Тифл., 1871.

Пфаф, 1871б: Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Т. I. Тифл., 1871.

Пфаф, 1872 : Пфаф В.Б. Народное право осетин (прод.) // ССК. Т. II. Тифл., 1872.

Пфаф, 1872а: Пфаф В.Б. Этнологическое исследование об осетинах / / ССК. Т. II. Тифл., 1872.

Пфаф, 1872б: Пфаф В.Б. Описание путешествия в Южную Осетию, Рачу, Б. Кабарду // ССК. Т. II. Тифл., 1872.

Пчелина, 1925: Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хуссар (Юго-Осетии) // Труды ЗНА. Тифл., 1925.

Пчелина, 1947: Пчелина Е.Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. Т. IV, 1947.

Р

Рассказ, 1863: Рассказ доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев // Записки. T.V. 1863.

Ратиани, 1975: Ратиани П. Витязь в тигровой шкуре и его автор. Т. I. Тб., 1975.

Рейнегс, 1787: Рейнегс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. II. СПб., 1787.

Революционное, 1958: Революционное движение в Юго-Осетии (1905–1907 гг.). Документы и материалы. Сост. И.Н. Цховребов. Ст.,1958.

Рехвиашвили, 1953: Рехвиашвили Н. Кузнечное дело в Рача. Тб., 1953 (гр.).

Робакидзе, 1951: Робакидзе А.И. Пчеловодство в Гурии // МЭГ. Вып. V. Тб., 1951 (гр.).

Робакидзе, 1960: Робакидзе А.И. Формы поселений в Балкарии // МЭГ. Вып. X1. Тб., 1960.

Робакидзе, 1960а: Робакидзе А.И. К истории пчеловодства в Грузии. Тб,. 1960 (гр.).

Робакидзе, 1972: Робакидзе А.И. Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии // КЭС. Вып. IV. Тб., 1972.

Робакидзе, Гегечкори, 1975: Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г. Формы жилища и структура поселений горной Осетии // КЭС. Вып V (I). Тб., 1975.

Рубруквис, 1943: Рубруквис В. Путешествие в восточные страны // Вестник МИГК. Ч.V. Тб., 1943, (гр.).

Рубрук, 1957: Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

Руставели, 1966: Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Под редакцией П. Ингороква. С монографией о Ш. Руставели и текстологическим исследованием поэмы в двух томах. Т. I. Тб., 1966 (гр).

Руставели, 1977: Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского Н. Заболоцкого. М., 1977.

С

Сабчота хеловнеба, 1983, 1987: Сабчота хеловнеба (Советское искусство). Журнал на гр. яз.

Сакартвело, 1916–1921:Сакартвело (Грузия). Газ. на груз. яз.

Сакартвелос республика: Сакартвелос республика. Газ на груз. яз., 1914.

Сакартвелос цховреба: Сакартвелос цховреба (Жизнь Грузии). Газ. на груз. яз.

Сакартвелос сидзвелени: Сакартвелос сидзвелени (Древности Грузии), I. Тб., 1920.

Салагаева, 1984: Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Ордж., 1984.

Самсонидзе, 1972: Самсонидзе М. Из истории внешней торговли Грузии в конце XVIII–нач. XIX вв. // Мацне (серия:история), 1972, № 1.

Саникидзе,1976: Саникидзе Л. Сабли без ножен (эпическая история Грузии). Тб,. 1976 (гр.).

Саришвили, 1956: Саришвили Т. Школа и народное образование в дореволюционной Осетии. Тб., Ст., 1956 (гр.).

Саришвили, 1965: Саришвили Т. Грузино-осетинские культурно-педагогические взаимоотношения. Тб., 1965 (гр.).

Сахалхо газети, 1870, 1910, 1914: Сахалхо газети (Народная газета). Газ. на гр. яз.

Сахалхо сакме, 1919: Сахалхо сакме (Народное дело). Газ. на гр. яз.

Северная, 1955: Северная Осетия в революции 1905–1907 гг. Документы и материалы. Подг. к печати А.К. Джанаев, А.А. Тедтоев. Ордж., 1955.

Северный Кавказ, 1893: Северный Кавказ. Газ.

Сведения, 1903: Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Перевод Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXII. Тифл., 1903.

Семенов, 1948: Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XII, 1948.

Семенов,1951: Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА. Вып. 23. М., 1951.

Силагадзе, 1966: Силагадзе В. Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели // Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966 (гр.).

Силагадзе, 1988: Силагадзе В.Г. Из хронологии истории Грузии начала XIII в. // Мацне (серия : история), 1988, № 2 (гр.).

Сисоев, 1898: Сисоев В. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Вып. VII. 1898.

Сихарулидзе, 1943: Сихарулидзе К. Царица Тамар в народном творчестве. Тб., 1943 (гр.).

Скитский, 1947: Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1967 // Известия СОНИИ. Т. X. Ордж., 1947.

Скитский, 1949: Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дз., 1949.

Скитский, 1956: Скитский Б.В.. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дз., 1956.

Собинин, 1882: Собинин С.К. Грузинский рай. СПб., 1882.

Социально-экономические, 1965: Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тб., 1965.

Степнадзе, 1973: Степнадзе Дж. Политические взаимоотношения Грузии с народами Кавказа в XII в. Тб., 1973 (гр.).

Степнадзе, 1985: Степнадзе Дж. Грузия в XII – перв. четверти XIII вв. Тб., 1985 (гр.).

Степнадзе, 1987: Тетка Тамар Русудан // Мнатноби, 1987, № 7.

Страбон, 1957: Страбон. География. Перевод Т. Каучишвили. Тб., 1957 (гр.).

Сумбат, 1955: Сумбат Давидович. Жизнь и деяния Багратионов. Картлис цховреба. Под ред. С. Каучишвили. I. Тб., 1955.

Т

Такайшвили, 1904: Такайшвили Е. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлисская губерния. Борчалинский уезд. Триалетское приставство. Тифл., 1904.

Такайшвили, 1906: Такайшвили Е. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения» // СМОМПК. Вып. XXXVI. Отд. I. Тифл., 1906.

Тацит, 1887: Сочинения Корнелия Тацита. Т. II. Перевод В.И. Модестова. СПб., 1887.

Тбилели, 1939: Тбилели Дидмоуравиани (Великий моурави). Тб., 1939 (гр.).

Тезисы, 1957: К 40-летию ВОСР. Тезисы. М., 1957.

Терек, 1906: Терек. Газ.

Терские Ведомости, 1906: Терские Ведомости. Газ.

Тизенгаузен, 1884: Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. М., 1884.

Тизенгаузен, 1941: Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М., 1941.

Тифлисский листок, 1877, 1900, 1901, 1905, 1906, 1911, 1912: Тифлисский листок. Газ.

Тогонидзе, 1951: Тогонидзе В. Восстание в горной Грузии (1804). Тб.,1951 (гр.).

Тогошвили, 1958: Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-осетинских взаимоотношений. С древнейших времен по XIV в. Цх., 1958 (гр).

Тогошвили, Цховребов, 1962: История Осетии в документах и материалах.Составители Тогошвили Г.Д, Цховребов И.Н. Т. I. Цх., 1962.

Тогошвили, 1969: Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения в XV–XVIII вв. Тб., 1969 (гр).

Тогошвили, 1969: Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские взаимоотношения с 1801 по 1921 гг. Тб., 1969 (гр.).

Тогошвили, 1977: Тогошвили Г.Д. Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тб., 1977 (гр.).

Тогошвили, 1961: Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-осетинских экономических взаимоотношений в XVIII в. // Сообщения АН ГССР. Т. XXVI. № 1, 1961.

Тогошвили, 1971: Тогошвили М.Г. Экономические и культурные связи Груз. ССР с народами Северного Кавказа. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1971.

Толстой, 1854: Толстой В.С. Тагаурцы // Вестник ИРГО. СПб, 1854.

Тотоев, 1957: Тотоев М.С. Очерки истории и культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Ордж., 1957.

Труды, 1956: Труды Института истории им. И. Джавахишвили АН ГССР. Т.II. Тб., 1956.

Tomakchek, 1903: Tomakchek // Real Enzyklopadie der Classischen Altertumsvissenschaft. Studgart, 1903.

У

Уварова, 1879: Уварова П. Кавказ. Путевые заметки. СПб., 1879.

Урбнели, 1889: Урбнели (Хизанишвили). Георгий Блистательный. Царь Грузии. Тифл., 1889.

Ф

Фадеев, 1958: Фадеев А.В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев в XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // ВИ, № 5, 1958.

Фарфоровский, 1917: Фарфоровский С. Народное образование у осетин // ЖМНП, январь, 1917.

Фидиуаг, 1965: Фидиуаг (Глашатай). Журн. на осет. яз.

Х

Хаким, 1950: Хаким Мусса. Образ Коста в творчестве Махарбека Туганова // Мах дуг. № 3, 1950.

Хаким, 1962: Хаким Мусса. Махарбек Туганов. Ордж., 1962.

Хантадзе, 1957: Хантадзе Ш. Грузинские деятели на Северном Кавказе в XVIII в. // ВГМГ. XIX-A и XX-B. Тб., 1957 (гр.).

Харадзе, 1960: Харадзе Р.Л. Сельская община в Балкарии // МЭГ. Вып. XI. Тб., 1960 (гр.).

Харадзе, Робакидзе, 1968: Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Имеретии // КЭС. Т.II. Тб., 1968.

Херхеулидзе, 1854: Херхеулидзе О. Царствование Ираклия II // Картлис цховреба. Т. II. Изд. Чубинишвили. СПб., 1854.

Хизанишвили, 1889: Хизанишвили (Урбнели). Георгий Блистательный царь Грузии. Тифл., 1889.

Хоренаци, 1984: Хоренаци Мовсес. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступление и примечания А. Абуладзе. Тб., 1984 (гр.).

Хоренский, 1893: Хоренский М. История Армении. Новый перевод Н.О. Эммина. М., 1893.

Хроника, 1892: Хроника и другие материалы по истории Грузии. Собр. Т. Жордания. Т. I. Тифл., 1892 (гр.).

Хроника, 1897: Хроника и другие материалы по истории Грузии. Собр. Т. Жордания. Т. II. Тифл., 1897 (гр.).

Хроника, 1941: Хроника Ксанских эриставов. Перевод М. Джанашвили // Известия ЮОНИИ. Вып. IV. Ст., 1941.

Хуцишвили, 1954: Хуцишвили Я. Вооруженное восстание в Грузии в 1905 г. // Исторические записки. Т. 49. М., 1954.

Ц

Цабаев, 1961: Цабаев В.Г. Юго-Осетинский театр. Цх., 1961.

Цагарели, 1877: Цагарели А.А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 г. // ЖМНП, 1877, ноябрь.

Цагарели, 1891: Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии (с 1768 по 1774). Т. I. СПб., 1891.

Цагарели, 1898: Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии (с 1768 по 1774 гг.). Т. II. Ч. I. В.I, СПб., 1898.

Цагарели, 1902: Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII в., относящиеся к Грузии (с 1768 по 1774 гг.). Т. II. Ч. II. СПб., 1902.

Царевич Баграт, 1941: Царевич Баграт. Новая история. Тб., 1941 (гр.).

Царица Тамар, 1917: Царица Тамар. Тифл., 1917 (гр.).

Цинцадзе, 1946: Цинцадзе Л. Донесения капитана Отара Туманова из Грузии // Труды ТГУ. Т. XXXVII. Тб., 1946.

Цинцадзе, 1956: Цинцадзе Я.З. Разыскания по истории русско-грузинских отношений (X–XVI вв.). Тб., 1956 (гр.).

Цинцадзе, 1967: Цинцадзе М.В. Из истории грузино-адыгских экономических и культурных взаимоотношений // Сообщения АН ГССР. Вып. XLV, № 2,. Тб., 1967.

Цинцадзе, 1971: Цинцадзе Я.З. Басианская битва, Тб., 1971 (гр.).

Цнобис пурцели, 1905: Цнобис пурцели (Страница знания). Газ. на гр. яз.

Цотниашвили, 1968: Цотниашвили А. Из историии грузино-осетинских литературных связей. Цх., 1968.

Цотниашвили, 1979: Цотниашвили А. Коста Хетагуров и грузинское общество. Цх., 1979.

Цховребов, 1983: Цховребов В.Д. Владимир Санакоев. Цх., 1983.

Цховребов, Плиев, 1957: Цховребов И.Н., Плиев Б.З. Борьба трудящихся Южной Осетии за советскую власть 1917–1921 гг. // Известия ЮОНИИ. Вып. VIII. Ст., 1957.

Цховребов, 1958: Цховребов И.Н. Борьба трудящихся Южной Осетии за выполнение планов 4-й пятилетки в области промышленности // Известия ЮОНИИ. Вып. IX. Сталинир, 1958.

Цховребов, 1962: Цховребов И.Н. Революционное движение в Юго-Осетии в 1910–1914 гг. // Известия ЮОНИИ. Вып. XI, 1962.

Цховребов, 1963: Цховребов И.Н. Осетины на военной службе в русской армии в XVIII–XIX вв. // Известия ЮОНИИ. Вып. XII. 1963.

Цховребов, Санакоев, 1981: Цховребов И.Н., Санакоев М.П. Южная Осетия в период трех революций. Тб., 1981.

Ч

Чавчавадзе, 1987: Чавчавадзе И. Соч. T.IV. Тб., 1987.

Чавчавадзе, 1952: Чавчавадзе И. Соч. T.II. Тб., 1952 (гр.).

Чахрухадзе, 1937: Чахрухадзе. Тамариани. Издание С. Какабадзе. Тб,.1937.

Чахрухадзе, 1942: Чахрухадзе. Тамариани. Пер. с груз. Ш. Нуцубидзе. Тб., 1942.

Чахрухадзе, 1958: Чахрухадзе Д. Тамариани. Фрагмент в переводе С. Линкина // Антология грузинской поэзии. М., 1958.

Чвени азри, 1909: Чвени азри (Наше мнение). Газ. на груз. яз.

Челидзе, .1980: Челидзе В.В. Исторические хроники Грузии. Тб., 1980 (гр.).

Чикобава, 1940: Чикобава А. Грузино-Хунзайская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщения АН ГССР. Т. I, № 4, Тб., 1940.

Чиковани, 1973: Чиковани Г. Из общественного быта осетин. Ныхас. Автореферат кандидатской диссертации. Тб., 1973.

Читая, 1939: Читая Г.С. Краткий отчет об этнографической экспедиции в Ксанское ущелье // ВИЯИМК. Т. IV. Тб., 1939.

Чичинадзе, 1913: Чичинадзе З. История Осетии. Тб., 1913 (гр.).

Чичинадзе, 1915: Чичинадзе З. Осетия по грузинским источникам (книгам). Тифл., 1915 (гр.).

Чичинадзе, 1919: Чичинадзе З. Переселение осетин в Картли и роль грузин в этом процессе. Тб., 1919 (гр).

Чкония, 1947: Чкония Т. Древности, найденные в Горьковской области // Литературные разыскания. IV. Тб., 1947.

Чкуасели, 1966: Чкуасели И. Воспитатель и труженик. Тб., 1966, (гр.).

Чхеидзе, 1854: Чхеидзе. Жизнь царей // Картлис цховреба. Изд. Чубинашвили. СПб., 1854.

Чырыстон цард: Чырыстон цард (Христианская жизнь). Журн. (осет).

Ш

Шавтели, 1942: Шавтели И. Абдул-Мессия. Перевод с грузинского Ш. Нуцубидзе. Тб., 1942.

Шавтели, 1964: Шавтели И. Абдулмессиани. Восхваление царицы Тамар и Давида-Сослана. Подготовка к изданию, комментарии и словарь И.А. Лолашвили. Тб., 1964 (гр.).

Шавхелишвили, 1963: Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений грузинского и чечено-ингушского народов (с древнейших времен до IV в). Грозный, 1963.

Шавхелишвили, 1980: Шавхелишвили А.И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией (XVI–XVIII вв.). Тб., 1980 (гр.).

Шаишмелашвили, 1981: Шаишмелашвили И.Д. Шамхори. Басиани. Тб., 1981 (гр.).

Шаишмелашвили, 1986: Шаишмелашвили Т. Образ Тамар в церкви Вознесения // Ахалгазрда Коммунисти. Газ. на гр. яз. 1986, 9 января.

Шанидзе, 1964: Шанидзе А. Страница о грузино-осетинских культурных взаимоотношениях // Мацне, 1964, № 6.
Шаншиашвили, 1977: Шаншиашвили С. Чтобы помнили и вы, молодые. Тб., 1977 (гр.).
Шегрен, 1844: Шегрен А.М. Осетинская грамматика. СПб., 1844.
Шмерлинг и др., 1960: Шмерлинг Р., Долидзе Р., Барамидзе Т. Окрестности Тбилиси. Тб., 1960.
Шошиашвили, 1975: Шошиашвили Н. Датировка копии списка царицы Анны «Жития Грузии» // Мравалтави (историко-филологические разыскания). V. Тб., 1975 (гр.).
Шрома, 1882, 1906: Шрома (Труд). Газ. на гр. яз.

Э

Энгельс, 1953: Энгельс. Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953.
Эртоба, 1918–1920: Эртоба (Единство). Газ. на гр. яз.

Ю

Юлиан, 1898: Юлиан. Рассказ Римско-католического миссионера, доминиканца Юлиана о путешествии в странах приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1898.

Я

Яновский, 1836: Яновский А.Г. Осетины // Обзор российских владений за Кавказом. СПб., 1836.

Список сокращений

АВПР – Архив внешней политики России
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ – Вестник древней истории
Влад-з – Владикавказ
ВИ – Вопросы истории (журнал)
ВИЯИМК – Вестник Института языка, истории и материальной культуры
ВОСР – Великая Октябрьская социалистическая революция
ВЯ – Вопросы языкознания
ГЦГА – Грузинский центральный государственный архив
ГЦИА – Грузинский центральный исторический архив
Дз. – Дзауджикау
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗКОИРГО – Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества
ЗНА – Закавказская научная ассоциация
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК – Известия Государственной академии института материальной культуры
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИЭСОЯ – Историко-этимологический словарь осетинского языка
ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КЭС – Кавказский этнографический сборник (Тб.)
Л. – Ленинград
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛО – Литературная Осетия (альманах)
М.-Л. – Москва-Ленинград
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МГУ – Московский государственный университет им. Ломоносова
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГК – Материалы по истории Грузии и Кавказа
М. – Москва.
МЭГ – Материалы по этнографии Грузии
ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников
Ордж. – Орджоникидзе
ОСНИИ – Осетинский научно-исследовательский институт
ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Составитель проф. Л.А. Чибиров. Кн.1, Цх,.1981; кн. 2, Цх., 1982, кн. 3, Цх., 1987.
РВ – Русский вестник
СА – Советская археология
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
СО АССР – Северо-Осетинская автономная советская социалистическая республика
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
СКК – Сборник сведений о Кавказе
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах
СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СПб. – Санкт-Петербург
Ст. – Сталинир
СЭ – Советская этнография
Тб. – Тбилиси
ТГУ – Тбилисский госуниверситет
УЗ – Ученые записки
ЦГА СОАССР – Центральный государственный архив СОАССР

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив (СССР)

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив ГССР

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив Ленинграда

ЦИАГ – Центральный государственный архив Грузии

ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

ЮОНИИК – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Составители:
ЦУЦИЕВ АСЛАН АРКАДЬЕВИЧ
ЧИБИРОВ АЛЕКСЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

ГЕОРГИЙ ДАВИДОВИЧ ТОГОШВИЛИ

Избранные труды по кавказоведению
Том 1

Ответственный редактор *Л.А. Чибиров*
Редактор *С.Г. Датриева*
Художник *Н.Ф. Василенко*
Технический редактор *А.В. Ядыкина*
Корректор *Г.Б. Карданова*
Компьютерная верстка *Д.О. Амбаловой*

Сдано в набор 12.06.12. Подписано к печати 07.11.12. Формат бумаги 60x90 1/16. Бум. офс. № 1. Гарн. шрифта «Times». Печать офсетная. Усл.-п.л. 30. Учетно-изд. л. 31,77. Тираж 500 экз. Заказ №1990. С 38.

Министерство культуры и массовых коммуникаций РСО–Алания.
ГУП «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.

Отпечатано: ИП Лавор И.Н., (типография «Лаки Пак»).
344013, г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112,
тел. (863) 256-77-40, 256-77-90.

ИР
Владикавказ
2012